А.П. ПЕТРОВ

РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ
СБОРНИК

МОСКВА

2025

УДК 101.8
ББК 87.21
П30

Петров А.П.
П30 Работы разных лет. Сборник / А.П. Петров.
— М.: Электронное издание — 561 с.

Книга представляет собой сборник статей, написанных для конференций и семинаров, направленных в редакции журналов, а также имеющих самостоятельное значение. Статьи сгруппированы по четырём разделам в соответствии, в основном, со своей тематикой и затрагиваемыми проблемами.

© Петров А.П., 2025

1. Проблемы диалектики

К вопросу о сущности ленинского определения материи

Почти общепризнано, что Ленин определяет материю через опосредствование её иным материи – сознанием. Такая трактовка, как представляется, связана с тем исторически сформировавшимся восприятием, которое детерминировано постоянно воспроизводимым в философии противопоставлением материи и сознания, духа и одновременно связыванием их в нерасторжимое единство. Причём упомянутая связанность материи и сознания до сих пор является результатом эмпирического наблюдения, а не гносеологического рассмотрения. В таком эмпирическом представлении невозможно определить сущность ни того, ни другого, можно только указать на их нераздельность и взаимосвязь, т.е. фиксировать данность, но не объяснить её. Этот устойчивый стереотип и довлеет над пониманием ленинского определения материи.

Но ведь ленинское определение материи совершенно не даёт повода к отмеченному выше пониманию. Всмотримся внимательнее в ленинское определение.

«Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них».[1]

Здесь нет определения одного через другое, вся фраза – это последовательное движение от одного объекта, процесса, к другому. И только завершённое движение мысли, замыкаясь в круг, даёт полное представление о предмете рассмотрения. Попробуем проследить этапы этого движения.

1. «Материя есть философская категория…» - речь пока идёт не о материи как таковой, а о представлении её в мышлении в одной из его форм – в категориальной форме. Т.о. косвенно сказано, что материя дана в рассмотрении её формы – материи, осознающей самое себя.
2. «…для обозначения объективной реальности…» - т.е. кроме сознания и вне его существует нечто, называемое материей, которое вполне адекватно представляется в сознании, «видится» им. Это нечто, материя, объективно – определяется только самой собой и реально – существует, наличествует. Такая материя дана сама по себе и не нуждается в определении посредством чего бы то ни было, и менее всего одной из своих форм. Этот вывод подтверждается другим ленинским высказыванием: «Ибо *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью,* существовать вне нашего сознания».[2] Будучи таковой, объективной и реальной, материя самотождественна и самодостаточна, а значит в своём существовании, наличествовании не

[1] В.И. Ленин, ПСС, изд. 5, Т. 18, С. 131.
[2] Там же, С. 275.

нуждается ни в чём ином.

3. «…которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» – прямое указание на существование *формы* материи, – человека, – способной к осознанию самой себя. Понятие материи, раскрытие которого начато с неявного присутствия её высшей, самоосознающей, формы пришло к явному указанию на наличие такой формы. Круг замкнулся (если верить Гегелю такое замкнутое в себе понятие обладает качеством бесконечности).
4. Ленинское определение материи, прямо раскрывая её сущность – объективность (самотождественность, самодостаточность) и реальность (существование, наличествование) - как всеобщее и наиболее абстрактное определение, одновременно вводит и ту форму материи, особенное, наличие которой и вызывает столько толков.[1] В ленинском определении связаны воедино два определения – определение не зависящей ни от чего материи как всеобщего и определение её формы, способной к самоосознанию, как особенного. Но если первое дано как непосредственное, то второе всецело определяется этим первым. Т.о. не материя определяется посредством сознания, а напротив, особенность сознания находит оправдание во всеобщности материи, налицо их тождественность, понимаемая как нераздельность.

Итак, из ленинского определения материи следует несколько выводов.

Материя *объективна* (самотождественна, самодостаточна), *реальна* (существует, наличествует), *непосредственна* (дана только себе и не различает себя, не отчуждает себя от себя). Как таковая материя естьствует[2] (наличествует, существует), но не бытийствует (не движется, не развивается).

Но в материи, как она определена выше, не раскрыта способность, причина, в соответствии с которой из всеобщности материи возникает её особенность и, далее, единичность. Всеобщность материи и особенность её форм не соединены, не опосредствованы переходом одного в другое (говоря языком Гегеля отсутствует *становление*), поскольку нет даже указания на механизм такого перехода. Они просто поставлены рядом как результат эмпирического наблюдения, но оно должно быть объяснено гносеологически. Материя, рассматриваемая сама по себе, статична, она не обладает внутренним источником самодвижения (а внешних быть не может – ведь материя самодостаточна), она не различает сама себя и потому всеобща, поскольку иного нет. Такая материя ещё в-себе, она не отчуждает себя от себя, не саморазличает своего иного и потому не имеет интенции к движению. Строго говоря, материя сама по себе вообще не имеет бытия, ибо статичное существование, просто наличествование ещё не есть бытие, представляющее собой движение, жизнь.

Форм материи не только пока нет, но и не может быть, поскольку нет

---

[1] Т.о. материя рассматривается и в онтологическом («объективная реальность»), и в гносеологическом («философская категория») представлении.

[2] Да простится мне ненормативная лексика.

причины её движения – внутреннего противоречия – и, следовательно, самого движения как появления и развития форм. Материя как некая объективная реальность дана только себе, она непосредственна, т.к. пока нет отрицания, саморазличения. Материя – это предельная абстракция существования как такового, существования нечто, ещё совершенно не определённого, не поставленного в отрицание чему-то иному.

Возможно, поэтому Ленин уточняет: «С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции».[1]

В ленинском представлении субстанция не равнозначна материи, хотя вне и без материи субстанции быть не может. Если следовать формулировке Ленина, то в самом общем абстрактом виде *субстанция есть материя плюс некая причина её движения*. Движение, осуществляемое таким образом, т.е. за счёт внутренней причины, есть не что иное, как *само*движение, *само*развитие.

Диалектика рассматривает в качестве причины движения внутреннее противоречие, каковым (без Гегеля снова не обойтись) может быть только саморазличение как отчуждение себя от себя, как выявление себя и своего иного. Т.е. в материи предполагается имплицитное существование качества, которое делает материю потенциально способной к саморазличению и т.о. к самодвижению.

Не исключено, что подобными соображениями и вызвана весьма загадочная ремарка Ленина, что «...ощущение признается одним из свойств движущейся материи».[2]

И ещё, «…ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением».[3]

Но что такое ощущение, как оно определено выше, в самой общей абстрактной форме, как не некое различение прежде единого на ощущающее и ощущаемое, т.е. возникновение взаимосвязанных противоположностей и дальнейшее их взаимодействие в форме противоречия. Если ощущающее, как это можно предположить, есть материя, ибо ничего другого в наличии пока нет, то что же такое ощущаемое? Материя, данная самой себе непосредственно, ощущаемым быть не может, поскольку в этом случае нет своего иного, но только своё. Так что же будет ощущаемым?

Но это иное не может быть чем-то посторонним материи и совершенно независимым от неё. Материя и её *иное* с самого начала не могут не быть тождественными, т.е. нераздельными. Как таковые они есть противоположности, представляющие стороны, моменты противоречия, являющегося интенцией движения.

Вопрос движения есть вопрос поиска причины движения, понимаемый

1 В.И. Ленин, ПСС, изд. 5, Т. 18, С. 142-143.

2 Там же, С. 41.

3 Там же, С, 39-40.

диалектически – как вопрос о движущем внутреннем противоречии. Такое противоречие может быть следствием только саморазличения материи, её самоотчуждения, самоотрицания и возникновения т.о. противоположности материи – её иного, являющегося моментом материи, её иной стороной. Материя, отрицающая саму себя и становящаяся т.о. внутренне противоречивой, превращается в субстанцию – саморазвивающуюся сущность.

До выяснения вопроса о причинах превращения материи в саморазвивающуюся субстанцию (или, другими словами, до выяснения механизма самоотрицания, самоотчуждения материи и появления т.о. внутреннего противоречия) объяснение феномена самоосознания материи только признанием такового реальностью есть не более чем эмпирическое наблюдение, не подтверждённое логическим анализом.

На этом в отношении материи остановимся, поскольку вопрос о том, как отмеченная выше имплицитность, предполагающая наличие ощущения, становится действительностью и т.о. происходит образование (становление – помним Гегеля) *субстанции* как саморазвивающейся сущности, является совершенно другим вопросом.[1]

04.2017

К проблеме идеального

(Статья написана для XVIII Ильенковских чтений, проводившихся 28-29.04.2016 в г. Белгороде).

Проблема идеального в марксисткой среде является тем камнем, о который сломан не один философский зуб, к сожалению, безрезультатно. Э.В. Ильенков едва ли не единственный философ, которому удалось решить, в основном, эту проблему именно с материалистических позиций. «В основном», поскольку определённая недоговорённость в его позиции всё же имеется, что и пытался объяснить в посмертном диалоге с ним М.А. Лифшиц. Попробуем завершить фразу, начатую Ильенковым.

Согласно Э.В. Ильенкову «под “идеальностью” или “идеальным” материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее – всеобщей природы этого

1 Возможно, ключ к ответу следует искать в мысли Ленина, что «противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: …исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»? Там же, С. 151. Совершенно очевидно, что недостаточно всуе мимоходом поминать «относительность противоположения», как это происходит по сию пору, давно пора пресловутую относительность сделать предметом диалектического анализа.

объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта…»[1].

Но что значит «выступать в роли представителя другого объекта» (тем более «всеобщей природы» его)? Очевидно, это не что иное, как то, что в одном материальном объекте идеально *снят* другой материальный объект, т.е. *представлена* сущность, природа, закон существования этого другого объекта. Особо отметим, что Э.В. Ильенков ограничивает сферу действительности идеального тем, что оно может быть представлением *одного* материального объекта в *другом*, но не может быть представлением для материального объекта *своего* идеального *в себе* – а ведь любой материальный объект есть результат неких *материальных* процессов его *собственного возникновения и развития*, которые запечатлены, закреплены (представлены, сняты) *в самом объекте* – в его сущности, качестве, форме.

Этим условием (представление одного – в другом) Ильенков ограничивает идеальное процессами *внешнего взаимодействия разных объектов* и исключается наличие идеального в процессах *саморазвития* объектов реальности, тем самым идеальное как феномен из сферы всеобщего (всё материальное обладает идеальным) низводится в сферу особенного и единичного (только один из взаимодействующих объектов обладает идеальным – причём идеальным иного, а не своим собственным), что негативным образом скажется на выводах Э.В. Ильенкова.

На первый взгляд идеальное (по Ильенкову) как феномен *объективного* взаимодействия между разными материальными объектами должно быть столь же *объективным*, как и сами материальные объекты. Но условие, что один объект может быть представлен *только* в другом (а себя в себе представлять не может), содержит потенциальную возможность, которая может воспрепятствовать утвердиться фундаментальному принципу объективности и всеобщности, поскольку даёт возможность предполагать наличие опосредствующего соотношения, некоего третьего объекта между представляемым и представляющим – ведь должен же быть механизм формирования представления и, следовательно, субъект этого действия. И здесь Э.В. Ильенков резко сужает статус идеального, вводя в качестве опосредствующего фактора человеческую деятельность.[2] Т.о. идеальное из сферы потенциальной объективности и всеобщности низводится в сферу особенности, субъективности, зависимости от деятельности человека.[3]

---

[1] Ильенков Э.В. Проблема идеального // «Вопросы философии», 1979, № 6, с. 131.

[2] «Идеальность есть характеристика вещей, но не их естественно-природной определённости, а той определённости, которой они обязаны труду, преобразующе-формообразующей деятельности общественного человека, его целесообразной чувственно-предметной активности» (Там же, № 7, с. 157).

[3] Нельзя исключить предположения, что данный вывод, редуцирующий всеобщее к особенному и, тем самым, критически сужающий гносеологические потенции понятия идеального, сделан под давлением идеологической конъюнктуры того времени с сугубо прагматической целью избежать обструкции «коллег» и позитивистски мысливших руководителей от философии - уж слишком резок контраст между всеобщностью и особенностью двух определений. Тем более, что даже такой паллиатив вызвал резкую критику.

И потому утверждение Э.В. Ильенкова, что «…”идеальное”, понимаемое как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных, эмпирически чувственно данных человеку явлений…»[1], т.е., другими словами, что идеальное всеобще и объективно, повисает в воздухе. Этот вывод подтверждается последующим заявлением, что «…сфера явлений, коллективно созидаемый людьми мир духовной культуры, внутри себя организованный и расчленённый мир исторически складывающихся и социально зафиксированных (“узаконенных”) всеобщих представлений людей о “реальном” мире, и противостоит индивидуальной психике как некоторый очень особый и своеобразный мир, как “идеальный мир вообще”, как “идеализированный мир”»[2]. Т.е. идеальное есть результат деятельности людей и представляет собой «мир духовной культуры», что, несомненно, верно, но этим ограниченным определением Ильенков исключает деятельность природы, внешней людям и не зависящей от них и, соответственно, «соотношение между материальными объектами» на взаимодействующие материальные объекты природы не распространяется, а ведь они также есть *результат вполне материальных процессов*. На каком же основании материальная деятельность природы должна исключаться, а материальная деятельность людей (между прочим, созданий природы) гипостазироваться? В результате *всеобщность* идеального растворяется в *особенности* человеческой деятельности.

Налицо два несовместимых утверждения: первое – идеальное это «всеобщая форма и закон существования», т.е. категория объективная и всеобщая; второе – это «коллективно созидаемый людьми мир духовной культуры», который «противостоит индивидуальной психике как некоторый очень особый и своеобразный мир, как “идеальный мир вообще”, как “идеализированный мир”» – т.е. идеальное создано и ограничено миром людей, обществом, и, следовательно, категория особенная, субъективная (поскольку является результатом субъективной деятельности человека).

Эти противоположные утверждения фактически отождествляются, – всеобщее (природное, объективное) формально ставится в соответствие особенному (человеческому, субъективному), – но, поскольку они не имеют *внутреннего* единства, отождествление носит чисто формальный характер. Субъективный мир людей не может быть тождествен миру в целом как равноправная категория. Это тождественность правомерна только в одном особенном отношении – при соотнесении с объективным внешним миром субъективного мира людей как более или менее адекватного *отражения* первого, но это уже иная проблема – проблема истинности. В качестве объективного субъективный мир людей может выступать только по отношению к индивиду, а это значит, что идеальное (в трактовке Ильенкова), созданное человеком, *не имеет значения объективности и всеобщности, но только особенности и субъективности*. Такое идеальное объективно только по отношению к индивиду, но уже по отношению ко всему обществу (т.е. к самому себе) оно субъективно и, тем самым, в себе

[1] Там же, № 6, с.131.
[2] Там же, № 6, с.131.

ограничено собой же, не имеет значения всеобщности и объективности.

Декларативное, не подтверждённое логическим анализом, заявление о том, что идеальное может быть представлением одной вещи в другой вещи, опосредствованным *только* человеческой деятельностью, оказалось логическим тупиком, выйти из которого возможно только отвергнув данное утверждение и предположив, что идеальное всё-таки объективно и всеобще, т.е. актуально во всём сущем.

Идеальное Э.В. Ильенкова двойственно и, тем самым, как всё дуалистичное, внутренне противоречиво, но это противоречие не диалектическое (не тождество отрицательностей), а формальное (противоречие разных сущностей). С одной стороны идеальное есть следствие материального процесса и в этом качестве вполне объективно (как бы ни представлял это сам Э.В. Ильенков). Но, с другой стороны, эта объективность есть объективность не всеобщего, а особенного – человеческой деятельности. Это идеальное только ограниченно объективно – в пределах человеческого общества и объективно только по отношению к индивиду. В итоге получается, что нет общества – нет и идеального.

По поводу такого сугубо субъективного идеального возникают вопросы, на которые у Э.В. Ильенкова ответов не найти. Присутствует ли идеальное в продуктах труда человека при отсутствии самого человека? Например, в космическом аппарате, летящем сейчас за пределами Солнечной системы. Можно, конечно, сказать, что пока человек живёт и помнит об этих механизмах они находятся, так сказать, в пределах общества и потому их идеальное актуально.[1] Проведём мысленный эксперимент – человечество исчезло (к сожалению, вполне вероятный исход). Так что же, также исчезнет идеальное содержание всего материального наследия человечества, и, следовательно, его вещественная форма, которая «выросла» из идеального как формы «активной жизнедеятельности человека»? Мистика… Значит идеальное как застывшая (представленная, снятая) в вещи «жизнедеятельность человека» сохранится?

К тому же сам Э.В. Ильенков говорит, что «деятельность человека представлена в форме вещей». Но человеческая деятельность, представленная в форме вещи, останется в вещи и без человека.[2] Деятельность, создавшая

[1] Критики могут даже сослаться на Маркса - «железная дорога, по которой не ездят — это не железная дорога». Но этот довод не способен изменить *сущности* железной дороги (её предназначения), которая (сущность) остаётся даже в том случае, когда дорогой не пользуются. Идеальное железной дороги, «вложенное» человеком (т.е. процесс создания дороги, результатом которого стала её вполне конкретная материальная форма), не исчезает бесследно, даже если человек не пользуется ею. Замечание же Маркса имеет вполне определённое смысловое наполнение – продукты труда, не используемые человеком, выбывают из общественной практики и т.о. «исчезают» из поля зрения человека, но их идеальное содержание от этого не исчезает. Именно этот контекст и имеется ввиду Марксом.

[2] Следует особо отметить один момент, касающийся «формы деятельности человека», которую вводит Ильенков в качестве важной категории, объясняющей сущность идеального. По Ильенкову идеальное «это форма вещи, но существующая вне этой вещи и именно в деятельности человека как форма этой

конечную вещь, тем самым уже закреплена в вещи, она теперь *имманентна* вещи, она её необходимый *атрибут* и как таковая присутствует уже независимо от человека. Получается, что Э.В. Ильенков противоречит сам себе, говоря, что вне человека (вернее, вне деятельности человека) идеального не существует. Но человек способен увидеть идеальное, заложенное в вещь другим человеком, только потому, что это *идеальное принадлежит уже самой вещи* и более не нуждается в присутствии человека.

Но в таком случае идеальное не является исключительной принадлежностью человека, а есть категория более высокого порядка, нежели особенного и субъективного.

Есть вопрос и более общего характера. Чем материальная деятельность человека отличается от материальной деятельности природы? Тем, что она есть следствие мышления? Телеологичностью? И только? Почему эти сугубо субъективные факторы должны служить препятствием к признанию идеальности объективной и всеобщей действительностью всей природы? Ведь человек тоже продукт деятельности природы и этот продукт обладает свойствами идеального, несёт в себе идеальное и даже активно создаёт его. Значит, деятельность природы также имеет следствием возникновение идеального, в данном случае человека с его осознаваемой им самим деятельностью и это неоспоримый факт, подлежащий объяснению. Так почему этот вывод нельзя распространить на *все* материальные процессы и, соответственно, на всё материальное?

Мы натолкнулись на логическое противоречие фундаментального характера – если не признать за природой (объективной реальностью) возможности существования идеального как «своего иного» материального, столь же *объективного* и *всеобщего*, то невозможно объяснить появление идеального в человеке и, следовательно, самого человека как активного актора идеального.[1]

Из этого противоречия следует производное от него – если человеческая деятельность как объективный материальный процесс в состоянии произвести материальное, обладающее качествами объективности, то почему следует отказать ей в возможности создать *тождественное* этому материальному иное, не-материальное – *идеальное*, понимаемое как сущность, как

деятельности. Или, наоборот, это форма деятельности человека, но вне этого человека, как форма вещи» (Ильенков Э.В. Проблема идеального // «Вопросы философии», № 7, с. 148).

Но деятельность человека не есть нечто, возникающее спонтанно, само по себе. Поскольку деятельность осуществляется всё-таки во вполне определённой «форме», то она тем самым *оформляется*, *становится* (вспомним гегелевское становление) и, следовательно, имеет некое *основание*. И таким основанием может быть только то, что непосредственно предшествует деятельности человека и детерминирует её, а именно – мышление и его результат, знание, представляющие формы идеального.

[1] Это противоречие тогда же было отмечено М.А. Лифшицем – «…идеальное есть во всем, оно есть и в материальном бытии и в сознании, оно есть и в обществе и в природе, или же его нет нигде» (Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003, с. 74).

законы природы, представленные (снятые) в продуктах труда (т.е. как представление «всеобщей природы…, всеобщей формы и закономерности»), т.е. тоже *объективное* и *всеобщее*, но только его частное подобие, субъективное идеальное, которое «выявляется и фиксируется только в исторически сложившихся формах духовной культуры» – а это есть особенное и единичное.

Невозможно, говоря о сущности идеального, обойти вниманием философа, чей авторитет среди исследователей, причисляющих себя к диалектикам, более чем высок. Возьмём же, согласно совету М.А. Лифшица, у него урок.

«Снятие (Aufheben) и снятое (идеальное – ideelle) – одно из важнейших понятий философии, одно из главных определений, которое встречается решительно всюду и смысл которого следует точно понять и в особенности отличать от ничто. – Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто. …Снятое … есть нечто опосредствованное: оно не-сущее, но как результат, имевший своим исходным пунктом некоторое бытие, поэтому оно еще имеет в себе определенность, от которой оно происходит.

Aufheben имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, удержать и в то же время прекратить, положить конец.

…Таким образом, снятое есть в то же время и сохранённое, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено.

…Нечто снято лишь постольку, поскольку оно вступило в единство со своей противоположностью; для него, взятого в этом более точном определении как нечто рефлектированное, подходит название момента»[1].

Попробуем прочитать эти гегелевские положения материалистически.

Материальные процессы, т.е. процессы, протекающие с участием материальных объектов, имеют итогом новое состояние объекта, т.е. не только изменённую материальную форму, но и то, что стоит, так сказать, за «спиной» полученного результата – это история самого процесса, который детерминирует свойства, качества изменённого материального объекта и который (процесс) уже тем самым косвенно представлен в объекте через его качественные определения, хотя и не идентичен им.

Эта история есть не что иное, как *материальный процесс изменения материального же объекта*, детерминирующий его количественно-качественные определения (свойства, сущность, закон возникновения и развития) и *снятый* в наличном состоянии этого объекта. Материальный процесс, *снятый* (представленный) в своём конечном результате и определяющий свойства материального объекта, и есть идеальное как *иная сторона материального*, его противоположность – но «*своя*» противоположность.

Так понимаемое *идеальное есть материальный процесс движения (изменения, развития) материального объекта, снятый (представленный) в полученном результате, т.е. в материальном же объекте, в наличном,*

[1] Гегель недвусмысленно разделяет идеальное как совершенное («Ideale имеет более определённое значение (прекрасного и того, что к нему относится), чем Ideelle…» и идеальное как снятое, сохранённое и представленное в иной, новой форме (Гегель Г. Наука логики. М.: «Мысль», т. 1, с. 168).

актуальном материальном.

Идеальное диалектически двойственно. Оно есть момент, сторона конкретного материального процесса, снимаемая в наличном результате и как таковое оно особенное и конечное (ограниченное в форме конкретного материального). И оно же есть сущность, принцип, понятие этого процесса и в таком качестве всеобщее и бесконечное. Такое идеальное столь же объективно и всеобще, как и материальное, и неотделимо от него, как, впрочем, и материальное от идеального.

Поскольку *идеальное* есть *снятие процесса движения*, то *в основании* (источнике) идеального находятся *не вещи, предметы, а процессы, действие*. *Основание идеального – это материальное*, но не как фиксированная, застывшая вещь, предмет, а *как движение, процесс*.

Вещь же содержит в себе идеальное исключительно потому, что она является итогом, результатом какого-либо материального процесса. Вещь (предмет, объект) в данном случае можно назвать основанием (или материальным основанием), в котором представлено её собственное идеальное.

Поскольку каждая вещь есть результат исключительно её собственного процесса возникновения, то идеальное каждой единичной вещи уникально, даже если множество подобных вещей возникли как результаты идентичных процессов. Как таковое идеальное единичной вещи представляет в наличном вещественном, материальном, только её собственное вещественное «прошлое» и потому особенно и единично.

Но как феномен реальности, свойственный *всем* вещам реальности, идеальное всеобще.

Такое идеальное выступает не только как представление одним материальным объектом другого материального объекта, не только как результат человеческой деятельности, т.е. не только как особенное и единичное, но и как представление (снятие) в вещи процесса её *собственного* становления, как *всеобщий природный феномен*[1], проявляющийся, в том числе, и в деятельности человека.

В главном Э.В. Ильенков прав – «"идеальное", понимаемое как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных, эмпирически чувственно данных человеку явлений», есть *представление* материального в материальном, *снятие* материального *процесса* в материальной *вещи*. При этом *снимаемое и снимающее составляют тождество*[2]*, единство при сохранении отличия*, поэтому следует говорить не о

[1] Ещё раз вспомним М.А. Лифшица: «идеальное есть во всем, …или же его нет нигде».

[2] Пора пояснить, что тождество в диалектике понимается в следующей трактовке: «…тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое "одно и то же". Это всегда тождество различного, тождество противоположностей» (*Ильенков Э.В.* Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964. С. 22). «Понятие тождества — простая соотносящаяся с собой отрицательность…» (*Гегель Г.* Наука логики. С. 33). «Так как все есть другое другого, как *своего* другого, то в этом заключается как раз их *тождество*» (Там же. С. 251). Вряд ли можно аргументированно оспорить этих авторов.

материальных, а о материально-идеальных объектах. Этот феномен актуален для всей реальности, всех её процессов и объектов.

Резюмируя всё, что было сказано об идеальном, можно сделать следующие выводы.

Материальное определённое абстрактно только как объективное и реальное и в таком виде данное только через самое себя, непосредственно, ещё не имеет качественности как соотнесённости с иным. Таким иным материальности может быть только отрицательность материальности – нематериальность, идеальность. Снятие этих сторон, моментов (материальности и идеальности) в их единстве имеет результатом новое состояние реальности, в которой представлены уже и материальное и его иное, идеальное, но уже как *тождественные*, определяемые посредством друг друга и, т.о., придающие новой реальности *качественную* определённость, в которой материальное получает полноту выражения через идеальное – через свои свойства, качества, являющиеся результатом процесса возникновения новой реальности.

Эта новая реальность в себе уже полностью определена как *диалектическое противоречие*, как единство тождественных противоположностей (сторон, моментов) – материального и идеального – и, следовательно, несёт в себе потенцию развития, вернее, саморазвития.

Но такая реальность есть не что иное как спинозовская *субстанция*, *монистичная* в целом, но *диалектически*[1] противоречиво соединяющая в себе свои атрибуты – материальное (у Спинозы протяжённость) и идеальное (у Спинозы мышление).

Именно отмеченная *внутренняя* противоречивость является источником и механизмом субстанционального *само*движения, подробно исследованного Гегелем. В этой монистичной внутренне противоречивой субстанции, являющейся *субъектом* собственного самодвижения, Спиноза и Гегель пожимают друг другу руки.

Т.о. логический анализ сущности идеального совершенно закономерно подвёл к пониманию *субстанции как объективной реальности* (т.е. понимаемой *материалистически*, на чём категорически настаивал Э.В. Ильенков), саморазвивающейся в соответствии с *внутренним* противоречием своих сторон (материального и идеального), каждая из которых является «своим иным» другой. Но это другая тема, здесь остановимся…

Литература:

1. Гегель Г. Наука логики. М.: «Мысль», 1970.
2. Ильенков Э.В. Проблема идеального // «Вопросы философии», 1979, № 6, 7.
3. Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, в 50 томах, изд. 2-е. М., 1958.

[1] Диалектически – поскольку каждая сторона субстанции взаимно рефлексивна другой и потому имманентна ей и, следовательно, является «своим иным» другой и без неё невозможна, не существует.

10.04.2016

О диалектичности и субстанциональности

(Статья опубликована на сайте движения «Альтернативы»).

Несмотря на то, что данная проблема постоянно возникает в разных формах во всевозможных сообществах интернета (и не только), она по-прежнему чрезвычайно актуальна, т.к. решение до сих пор не найдено. Очевидно и по той причине, что чётко не определён предмет диалектики, а без этого разве можно вести разговор о содержании?

Даже из приведенного краткого обзора истории диалектики можно сделать вывод о неоднозначности её содержания (и, следовательно, её предмета), которое рассматривалось в разные времена то как искусство выведения понятий посредством сталкивания их противоположных сторон, то как способ рассуждения, то более глубоко - как форма мышления. Присутствует даже весьма важная ремарка, что «*Диалектика мышления субъекта неотделима от диалектики объекта его спора-поиска. Более того, субъективная диалектика – это всего лишь закономерный момент, часть беспредельной, неисчерпаемой Объективной Диалектики…*». Но, к глубокому сожалению, нет даже намёка на то, что же такое объект спора-поиска. Сразу вспоминается – «без объекта нет субъекта». Поэтому все рассуждения о содержании диалектики, в т.ч. и обоснованная критика Гегеля, в итоге не находят своей опоры, повисают в воздухе.

Казалось, можно было бы на основании принципа материалистического монизма в качестве такового объекта рассматривать материю, но монистичность такого подхода иллюзорная по той понятной причине, что не удаётся втиснуть идеальное в материальное, а их раздельное рассмотрение уже вовсе не монизм, мы возвращаемся как минимум к Декарту со всеми вытекающими из этого обстоятельства печальными последствиями.

И здесь без Спинозы и его субстанции как единства материального и идеального никак не обойтись. Как нельзя к месту прозвучит и упрёк Гегеля Спинозе в том, что его субстанция «мертва», не обладает самодвижением, которое Спинозой только декларируется, но не выводится из самой субстанции. Именно принцип диалектичности в его гегелевском истолковании и есть тот животворящий дух, который оживляет субстанцию Спинозы, делает её самодостаточной и тождественной себе.

Рассматривая субстанцию как субъект (в гегелевском понимании) мы необходимо приходим к выводу, что принцип монизма соответствует не примату материального либо идеального, а признанию их нераздельного единства в субстанции, способа её развития, диалектичности, как монистического, всецело определяющего развитие как субстанции в целом, так и моментов субстанции – материального и идеального (в т.ч. мышления). Во избежание кривотолков следует сказать, что субстанция здесь не нечто третье по отношению к материальному и идеальному, а они сами в единстве, нераздельности, тождестве как моменты общего.

Сделаем вывод - диалектичность:

- в широком смысле – способ движения субстанции общий (тождественный) её материальному и идеальному моментам (отождествляющий материальный и идеальный моменты).

- в узком смысле (как отражение движения субстанции в мышлении) – способ мышления, тождественный сути бытия.

Предмет диалектики – субстанция и способ её развития. А для субстанции в форме человека – в т.ч. (а может быть и прежде всего) мышление.

Отсюда и выводить содержание диалектики. У меня есть достаточные основания полагать, что вышеизложенное понимание субстанциональности и диалектичности можно (и нужно) не декларировать (постулировать), а вывести строго диалектическим методом, подобно тому, как Гегель сделал это по отношению к идеальному.

Принцип монизма vs «Основного закона философии»

(Статья написана для семинара, посвящённого памяти Л.К. Науменко, проводившегося 22.10.2023).

Принцип монизма – есть ли другая философская тема, так решительно начатая Парменидом[1], страшно сказать, две с половиной тысячи лет назад, но до сих пор вызывающая множество споров и столкновения мнений и являющаяся демаркационной линией, напрочь разделившей философские направления?

То, что эта проблема далеко не проста и однозначна видно уже из критического анализа трактовки этого понятия знаменитой «Философской Энциклопедией»: «Применительно к основному вопросу философии М(онизм). означает требование его строго однозначного решения, предполагающего признание примата либо материи над духом, либо духа над материей, с последующим выведением одного из этих начал из другого, рассматриваемого в качестве субстанционального. Это требование решительно исключает все и всякие проявления дуализма…»[2]. Удивительно, что бросающаяся в глаза глубокая внутренняя противоречивость данной формулировки не вызвала в своё время вопросов. Ведь сама семантика её – «либо-либо» – есть самое недвусмысленное проведение дуализма и полное пренебрежение как монизмом, так и диалектикой. И – верх алогичности – одну из сторон воздвигаемого дуалистического соотношения предлагается повысить до уровня субстанциональности, т.е. до того, что должно тождественно *объединять* в себе все свои определения. Как будто не было Спинозы и его великой мысли о субстанции, тождественно снимающей в себе все свои атрибуты (из которых, правда, Спиноза смог назвать только

[1] «П(арменид). дает одну из первых формулировок идеи тождества бытия и мышления: "одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется"». (*Лосев А.Ф.* Парменид // Философская Энциклопедия. В 5 т. – М.: Изд-во БСЭ, 1960-1970. Т. 4. С. 215).

[2] Философская Энциклопедия. Т. 3. С. 489).

два – протяжённость и мышление) и Гегеля, объяснившего суть соотношения атрибутов как *диалектическую* их связь., т.е. *неразрывную* связь как утверждения, так и его отрицания.

Поскольку принцип монизма в цитируемом источнике рассматривается применительно к т.н. основному вопросу философии (ОВФ), то есть смысл более подробно ознакомиться с этим вопросом.

Проблема, известная под именем «Основного вопроса философии», есть проблема не академическая, а представляющая самый что ни на есть жизненный, сущностный, находящийся в самом фундаменте мировоззрения вопрос, в котором сливаются философские направления, условно называемые гносеологическим и онтологическим.

Так сложилось, что в философии марксистского направления принятая в нём трактовка ОВФ никогда не подвергалась не только критике, хотя бы в самой невинной форме, например анализу его возможной противоречивости, но даже малейшему сомнению. Но так ли бесспорна эта трактовка, высказанная только в форме гипотезы, предположения и не получившая фундаментального логического обоснования? Пусть же девиз Маркса послужит нам напутствием и поддержкой.

В качестве отправного пункта сошлёмся на авторитет классика, формулировка которого практически дословно воспроизводится как ОВФ: «Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе… Вопрос об отношении мышления к бытию, о том, что является первичным: дух или природа…

Но вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности? На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия».[1]

Из данного определения следует, что ОВФ имеет, как минимум, три составляющих: 1. о соотношении бытия (природы) и мышления (духа), 2. о первичности одного из этих атрибутов, и 3. о познаваемости мира. Очевидно, что ответ на первую часть ОВФ будет входить составной частью в ответ на третью часть вопроса.

Прежде всего следует заметить, что вопрос о первичности бытия или мышления никак логически не следует из вопроса об их соотношении, по крайней мере из сути его. Соотношение, взаимосвязь можно трактовать поразному, что имплицитно и присутствует в формулировках Энгельса как амбивалентная формулировка ОВФ, представленная в форме «вопроса о тождестве мышления и бытия» – она несколько отличается от формулировки о первичности и в этом её скрытая каверзность. Впрочем, об этом позже.

Также отметим, что используемые термины – бытие, дух, мышление – не вполне корректно, с точки зрения современных представлений об объективной реальности, выражают содержание стоящих за ними феноменов.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. С. 283.

Во-первых, бытие слишком широкое понятие, которое можно трактовать как существование вообще, а в таком случае в него естественным образом органично входит и мышление – оно же существует. Во-вторых, мышление (не говоря о духе), напротив, понятие слишком узкое – оно характерно только для определённых форм бытия и потому как таковое не имеет статуса *всеобщности*, в отличие от бытия, но только *особенности*.[1] Сопоставление же в одном отношении разноуровневых категорий как минимум некорректно. Поэтому в дальнейшем, дабы не было разночтений и разномыслия, будем говорить о рассматриваемых феноменах как о материальном и идеальном (мышление же есть одна их форм его).

Как только ставится вопрос о *соотношении, взаимосвязи* материального и идеального (бытия и мышления в формулировке ОВФ) тотчас же возникает необходимость *понятийного* определения этих атрибутов, в противном случае вопрос повисает в воздухе как не имеющий конкретных предикатов, но только их номинальное терминологическое обозначение. Действительно, как можно говорить о первичности (либо вторичности) одного из представленных атрибутов, не имея понятия о их сути.

Казалось бы, можно согласиться с тем, что материальная сторона представлена самым общим понятием – «объективная реальность». Однако, такая трактовка сразу же влечёт вопросы.

Во-первых. С *объективной* реальностью (ОР), т.е. *наличным*, *актуальным*, может соотноситься (взаимодействовать) только *объективная* же реальность, т.е. также нечто *наличное*, *актуальное*, посюстороннее, а не некая *трансцендентная* сущность: *объективное* (наличное, актуальное) не может соотноситься с *необъективным* (не-наличным, не-актуальным), а *реальное* – с *трансцендентным* – в этом случае ни о каком соотношении (взаимодействии) на может быть и речи, поскольку между ними нет ни общей границы, ни посредствующего элемента. Но это не может быть и *та же самая* ОР – иначе получится тавтология, отсутствие отличия и, разумеется, соотношения, но только простое повторение. Следовательно, то, что соотносится с наличной ОР, также должно быть *наличной объективной реальностью*, но ОР *особого* рода – одновременно и *отличной* от данной ОР, и как-то с ней *соотносящейся*.

Во-вторых. Поскольку стороны, о которых идёт речь, есть *различные*, т.е. *не совпадающие* стороны, то ясно, что это различие должно быть не формальным, а *сущностным*. Но одновременно условие *обязательности, императивности соотношения* ставит противоположное, казалось бы, условие – необходимость их *взаимосвязи*, взаимной *имманентности* – т.е. одновременно стороны должны находиться в некоем *отношении особого рода*, связывающем их *неразрывно*, рефлексировать друг друга. По указанным причинам отношение, о котором идёт речь, может быть только сугубо

[1] Вряд ли в этом отношении следует слепо следовать Спинозе, который полагал мышление атрибутом всеобщего, поскольку по умолчанию относил его к богу-природе, т.е. к всеобщему. До тех пор, пока известна только одна форма реальности, обладающая мышлением в форме самосознания – человек – мышление не может претендовать на статус всеобщности.

диалектическим[1] отношением.

Логика анализа показывает, что на обе стороны, о которых трактует ОВФ – материальное и идеальное – накладываются *императивные* условия: 1. они должны быть *реальны* и *объективны* и, 2. необходимость их взаимосвязи детерминирует условие равнозначности – если материальное *всеобще*, то и идеальное также *всеобще*, иначе ни о каком отношении между ними, а, следовательно, и о возможности постановки ОВФ не может быть и речи.

Первый общий вывод таков: ОВФ в предлагаемой формулировке о первичности внутренне противоречив, мировоззренчески некорректен и априорного однозначного решения не имеет.

Второй вывод можно сделать исходя из иной формы ОВФ, как она дана Энгельсом: «На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия».

С учётом последней формулировки можно утверждать, что Энгельс, по сути, сформулировал два *взаимоисключающих* вопроса: 1. вопрос о первичности материального либо идеального и 2. вопрос об их тождественности (выше мы говорили о каверзности формулировки о тождественности). Между этими вопросами наличествует *мировоззренческое*, принципиальное, сущностное различие – возможно только *одно* положительное решение, но никак не оба одновременно.

Тождество в диалектике понимается в следующей трактовке: «…тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое “одно и то же”. Это всегда тождество различного, тождество противоположностей».[2] «Понятие тождества — простая соотносящаяся с собой отрицательность…».[3] «Так как все есть другое другого, как *своего* другого, то в этом заключается как раз их *тождество*».[4] Вряд ли можно аргументированно оспорить этих авторов.

Т.о. *диалектической тождественности одновременно имманентно различие* и, как следствие, отрицательность, внутренняя противоречивость. Диалектическая тождественность есть *единство различённых* сторон, понимаемое как их *неразрывность* – одно без другого невозможно – и, следовательно, в этом смысле *равнозначность*.

Из этого следует, что возможна либо т.н. *первичность (*и, соответственно, вторичность*)* – а это точка зрения *дуализма* (но в этом случае о

---

[1] Диалектичность состоит «в постижении противоположностей в их единстве» (*Гегель Г.* Наука логики. В 3 т. - М.: Мысль, 1970. С. 110). «Диалектическое высказывание – два положения должны быть безусловно соединены, получится соединение…» (Там же. С. 150). «Диалектикой же мы называем высшее разумное движение, в котором такие кажущиеся безусловно раздельными [моменты] переходят друг в друга благодаря самим себе, благодаря тому, что они суть, и предположение [об их раздельности] снимается» (Там же. С. 166).

[2] *Ильенков Э.В.* Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964. С. 22.

[3] *Гегель Г.* Наука логики. С. 33.

[4] Там же. С. 251.

диалектичности не может быть и речи, поскольку связь распадается), либо *тождественность* и равноправность, равнозначность – и это есть точка зрения *монизма*, стоящего на *диалектических* позициях.

Но проблема либо *дуализма* – несовпадения бытия и мышления (воспользуемся здесь этими терминами), либо *монизма* – их тождества, единства, – была разрешена за две сотни лет до постановки ОВФ. Ещё Спиноза заложил основу объяснения реального мира как мира *монистичного*, в котором материальное и идеальное (в трактовке Спинозы – протяжённость и мышление) являются *тождественными* сторонами (атрибутами) одной (единой) субстанции. В этой картине мира *невозможен* вопрос о первичности или вторичности какого-либо его атрибута как противоречащий *принципу монистичности*.

Постановка же вопроса о первичности одного из рассматриваемых атрибутов имплицитно утверждает правоту декартовского *дуализма* против спинозовского *субстанционального монизма*, т.к. тем самым разрушает связь между атрибутами, которые в спинозовской концепции представляют *равнозначные стороны одного и того же*.

Следует сказать совершенно недвусмысленно, что возможен либо спинозизм – монизм, – либо дуализм всех мастей, как материалистический, так и идеалистический, провозглашающий приоритет одной из сторон реальности и вырождающийся, в конце концов, в первом случае, в слепое преклонение перед «необоримыми» законами, либо, во втором случае, в пренебрежение какими-либо объективными законами и преклонение перед субъективностью, неважно, человека или некоего трансцендентного абсолюта.

Поскольку марксизм принял спинозовскую концепцию монистичности мира, то, казалось бы, вопрос о первичности одного из атрибутов не может быть поставлен по принципиальным соображениям – иначе монистичная картина мира тут же разрушается. Уже одного этого соображения достаточно, чтобы вопрос о т.н. первичности был отвергнут. Подобная сдача своих позиций дуализму не проходит бесследно ни для утверждаемой картины мира, ни для методологии анализа, ни для его практических выводов – достаточно указать на зачастую слишком упрощённо понимаемую проблему взаимоотношения бытия и сознания, где жёсткая детерминация сознания материальным базисом не оставляет сознанию самостоятельности в действиях, и, как следствие, становится невозможным объяснить причину изменения этого самого базиса, разве что трансцендентным образом (а ведь Маркс не случайно упоминал в связке пчелу и архитектора).

Монистичная картина мира элиминирует вопрос о первичности любого из атрибутов, как не имеющий принципиального мировоззренческого основания, но не сам основной вопрос философии, меняется только его содержание. Ядром ОВФ в парадигме спинозовского субстанционального монизма становится проблема *сути* наличной реальности, понимаемой в широком смысле как диалектического тождества материального (бытия – в трактовке прежнего ОВФ, протяжённости – в трактовке Спинозы) и идеального (мышления – в обеих трактовках), т.е. *сущности субстанции*, сторонами (моментами) которой являются материальное и идеальное, и

способ (механизм) *её самодвижения*, подробно исследованный Гегелем в «Науке логики».

Строго говоря, возможен только монизм в духе Спинозы, поскольку любая дуалистическая позиция, утверждающая примат, неважно, материального или идеального, разводит их на несовместные полюсы и, как следствие, становится невозможным объяснить возникновение *мыслящего материального тела*, представляющего собой *единство* противоположного. Дуализм *по своей сути* невозможен в мире, в котором действует 1. принцип *всеобщей связи* – он противопоказан этому принципу, поскольку отрицает *взаимо*-связь атрибутов, а также 2. диалектический принцип *внутренней противоречивости* – в этом случае о противоречии как одновременном взаимодействии сторон не может идти речи, поскольку стороны (атрибуты) не могут вступить ни в какое соотношение – и, как следствие, невозможно саморазвитие, субъектность субстанции.

Такая постановка основного вопроса философии центром исследования делает не надуманный приоритет *одного из* атрибутов реальности, а реальность как *целое*, как *всеобщность*, самодостаточную в-себе (как *диалектически* объединяющую свои атрибуты) и для-себя (как имманентно способную к *самодвижению*). И здесь познание как движение вперёд возможно только при возвращении назад – к *субстанциональному монизму* Спинозы, гегелевской *субъектности субстанции* (*само*-движению посредством внутренних противоречий) и *материалистическому пониманию идеального* в духе Э.В. Ильенкова – такова диалектика реальности.

Как следует из анализа, *принцип субстанционального монизма* по самой своей сути *имманентно диалектичен*, и, следовательно, диалектической объективной реальности *необходимо* должно соответствовать *диалектическое* мышление (диалектическая методология), соединяющее (рассматривающее) в *одном* отношении *разные*, диалектически тождественные, стороны – материальное (бытие) и идеальное (мышление).

Литература.

1. Гегель Г. Наука логики. В 3 т. - М.: Мысль, 1970.
2. Ильенков Э.В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964.
3. Лосев А.Ф. Парменид // Философская Энциклопедия. В 5 т. – М.: Изд-во БСЭ, 1960-1970.
4. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955.

01.08.2023

Спиноза, Гегель, Ильенков – развитие идеи монизма.

(Статья написана для XXII Ильенковских чтений, проводившихся 11-12.04.2020).

«Спинозизм от Гегеля до Ильенкова» - какая на редкость точная и краткая формулировка одной из фундаментальных проблем философии, по поводу которой копья ломаются по сей день – проблемы монистического объяснения мира, но не просто монистического мира, основанного на самом себе, что с достаточной ясностью и уверенностью было показано ещё Спинозой, а мира, *само*-развивающегося исходя из внутренних потенций, и это уже было заслугой Гегеля, с сугубой логической скрупулёзностью исследовавшего феномен *саморазвития* как такового, фактически в чистом виде.

Что же ещё можно было добавить к этой картине, рисующей, казалось бы, завершённый мир, мир, не нуждающийся ни в чём ином, кроме самого себя? Недоставало одного небольшого, но весьма существенного мазка, который спинозовски-гегелевский идеалистический мир превращал в мир реальный, в котором материальное и идеальное связывались незримой, но прочной нитью в единство как нерасторжимую тождественность различённого. И удалось это сделать Э.В. Ильенкову, обратившемуся, как ни парадоксально, к идеальному. Но не к идеальному, вульгаризированному до индивидуализированной субъективности (т.е. единичному, даже не особенному), а к идеальному, понятому и поднятому им до объективности, почти до всеобщности. Попробуем, хотя бы конспективно, пояснить сказанное.

Б. Спиноза.

Спиноза первым из мыслителей решился соединить, казалось бы, несовместное: протяжённость и мышление едины, тождественны[1], *две стороны (атрибуты) одной сути – субстанции.*

«3. Под *субстанцией* я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться.

4. Под *атрибутом* я разумею то, что ум представляет в субстанции как составляющее её сущность.

5. Под *модусом* я разумею состояние субстанции, иными словами, то, что существует в другом и представляется через это другое.

6. Под *богом* я разумею существо абсолютно бесконечное, т.е. субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый

---

[1] Тождество здесь и далее понимается в следующей трактовке: «…тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое “одно и то же”. Это всегда тождество различного, тождество противоположностей» (*Ильенков Э.В.* Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964. С. 22).

У Гегеля: «Понятие тождества — простая соотносящаяся с собой отрицательность…» (*Гегель Г.* Наука логики. В 3 т. Т. 2. - М.: Мысль, 1970. С. 33); «Так как все есть другое другого, как *своего* другого, то в этом заключается как раз их *тождество*» (*Гегель Г.* Соч. В 14 т. Т. 9. – М.: Партиздат, 1932. С. 251).

Т.о. диалектической тождественности одновременно имманентно различие и, как следствие, отрицательность, внутренняя противоречивость. Диалектическая тождественность есть *единство различённых* сторон, понимаемое как их неразрывность – одно без другого невозможно.

выражает вечную и бесконечную сущность»[1].

Отметим, к слову, противоречие в определениях Спинозы: субстанцией является бог (см. п. 6) и субстанциями же являются его бесконечные атрибуты («Что касается атрибутов, из которых состоит бог, то они суть не что иное, как бесконечные субстанции»). Однако, в соответствии с п. 3 этого быть не может. Но это не упрёк Спинозе, а констатация факта – внутренне глубоко противоречив сам материал исследования, что внешне проявляется в форме логических противоречий.

При внешней логичности и последовательности постулаты Спинозы, тем не менее, глубоко внутренне противоречивы, что и стало причиной ограниченности выводов, так и не раскрывших полностью сущность субстанции.

Субстанция Спинозы «представляется… через себя» и «не нуждается в представлении другой вещи». Условие «не через другое» может означать только то, что субстанция не ограничена, т.е. не определена. Но в таком случае она должны определять себя посредством себя же, а это возможно только если субстанция разделяется внутри себя, устанавливает т.о. внутреннюю границу и определяется через своё иное (здесь мы следуем Гегелю). Но субстанция у Спинозы одновременно и неделима – налицо логическое противоречие, что одновременно предстаёт как постановка вопроса, который у Спинозы ответа не имеет, что и отмечал Гегель.[2]

Обращаясь к принципу всеобщей связи вещей (что признавал и Спиноза), следует согласиться с тем, что это необходимо означает, что каждая вещь, обладая самоопределением, одновременно опосредствуется другими вещами, связана с ними (соответственно и наши понятия о вещах также не могут быть изолированными, «чистыми» понятиями, но только связанными множеством опосредствований между собой). А это означает, что самоизолированной спинозовской субстанции не может быть вообще, что субстанция может существовать только как нечто, содержащее в себе бесчисленное множество других форм. Последнее Спинозой определяется как Природа в целом. Но тогда лишены смысла рассуждения о субстанциональности как о самоизолированности, это совершенно ненужное дополнение к принципу самоопределения, саморазвития. Определение Природы как единственной действительности, как саморазвивающейся субстанции («через самое себя») не нуждается в необходимости её отрицательного соотнесения с чем-то другим – «не через другое». Природа как *саморазвивающаяся* субстанция вполне самодостаточна.

Субстанция Спинозы не только едина, но и единственна в боге. Из этого следует, что всё сущее может образоваться из субстанции только путём редуцирования простого из более сложного.

---

[1] *Спиноза Б.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. - М., 1957. С. 361.

[2] «…У Спинозы субстанция и ее абсолютное единство имеют форму неподвижного единства, т. е. не опосредствующего себя с самим собой, — форму какой-то оцепенелости, в которой ещё не находится понятие отрицательного единства самости, субъективность» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 332). «…Субстанция определяется не как различающее само себя, не как субъект» (Там же. С. 480).

Но Спиноза допускает также обратное – возникновение сложного из более простого, однако применительно к его принципу «не через другое» это допущение есть не более чем формальность. Т.о. развитие, понимаемое как движение от простого к сложному, невозможно, по крайней мере, необъяснимо. Этим допущением Спиноза только слепо следует эмпирии – ведь надо как-то объяснить неопровержимый эмпирический факт возникновения сложного из простого.

Чтобы обойти противоречие, вызванное признанием единственности субстанции, что не даёт объяснения многообразию действительности, Спиноза вводит понятие модуса – эту искусственную добавку, призванную объяснить бесконечное многообразие реальности. Эту же цель преследует и декларирование бесчисленного множества атрибутов, хотя сам Спиноза в состоянии назвать только существование[1], протяжённость и мышление (хотя, строго говоря, уже, собственно, в актуальности протяжённости и (или) мышления имманентно предполагается существование).

И, главное, несмотря на провозглашение монистичности субстанции, – *единства* в ней протяжённости и мышления, – субстанция Спинозы, тем не менее, сугубо дуалистична (вернее, множественна): атрибуты не могут непосредственно взаимодействовать между собой, т.е. субстанция представляет собой смесь независимых компонентов, существующих раздельно, и атрибуты соотносятся только через бога.[2] Формально декларированное единство субстанции тут же разрушено утверждением независимости атрибутов. А это уже шаг назад, к Декарту.

Поскольку протяжённость и мышление (материальное и идеальное) у Спинозы отождествляются через бога (даже если этот бог есть природа в целом, а не некий персонализированный демиург), постольку отождествление материального и идеального осуществляется *внешним* к ним способом – *через иное* (бога, природу). Но это означает, что проблема истинной тождественности как *одновременно* и раздельности, и неразрывности (различения и связи) – т.е. тождественности, определяемой *внутренними* факторами соотносящихся сторон - не решена, а отодвинута в сторону. Материальное и идеальное, опосредствованные богом-природой, по-прежнему дуалистичны – декларация их тождественности есть сугубо формальное утверждение, не подтверждаемое *сущностью* их взаимодействия. Потому и гипотеза Спинозы, что причина субстанции находится в ней самой, утверждением «через бога-природу», выносится вовне – т.е. *самодвижения* субстанции нет, а есть внешняя сила, направляющая движение. Налицо глубоко лежащий неявный объективный идеализм Спинозы.

Однако, нельзя не отметить того факта, что своей глубокой идеей единства протяжённости и мышления в одной субстанции Спиноза пытается

---

[1] «Субстанциальность заключает в себе необходимо существование» (*Спиноза Б.* Избранные произведения. Т. 1. С. 410). Объявляя существование *необходимым* Спиноза, тем самым, пусть и не прямо, а косвенно, причисляет его к атрибутам.

[2] Это отмечал ещё Гегель: «Атрибуты не находятся ни в какой *дальнейшей определенной связи*… с субстанцией и друг с другом, помимо той, что они выражают субстанцию всю целиком...» (*Гегель Г.* Наука логики. – Т. 1. С. 480).

уйти от дуализма материального и идеального, неустранимого как в рамках вульгарного материализма (по крайней мере материализма, не объясняющего исчерпывающе сущности идеального), так и идеализма, и утвердить идею *субстанционального монизма*.

Г.В.Ф. Гегель.

Фундаментальную идею *диалектичности как саморазвития* объективно существующей реальности наиболее последовательно и полно развил Гегель, взявший за основу развития идеальное основание.

В отличие от Спинозы, не указавшего источника и механизма саморазвития субстанции (кроме мало что объясняющей ссылки на т.н. причину)[1], что и дало повод Гегелю упрекнуть Спинозу в том, что его субстанция не обладает самодвижением и, по сути, мертва, сам Гегель источник движения – противоречие – утвердил основой развития и одним из краеугольных камней диалектики.

Принцип отрицательности, рефлексии, возведённый Гегелем в абсолют (и это можно утверждать вполне уверенно), стал тем золотым ключиком, который открыл тайну движения реальности. Но это не абстрактная отрицательность, применяемая к чему угодно, а рефлексия субъекта развития в себя (само-отрицание), соотнесение отрицаемого с отрицанием, становление противоречия, взаимодействие сторон противоречия вплоть до его разрешения – снятия противоположностей в новом качестве (отрицание отрицания). А это уже положительный момент – снятие противоречия и сохранение результата движения в новой, более полной форме.[2] Движение осуществляется как *диалектическое* движение.

В самом общем смысле *диалектичность* можно определить как *неразрывное единство взаимно-обусловленного разделённого* или, конкретнее, как тождество *различения* (отрицания) и *объединения* (снятия отрицания,

[1] Справедливости ради следует сказать, что идея противоречия всё же прозвучала у Спинозы, к сожалению мельком, по́ходя, не получив должного, соответствующего её значению, развития: «Если в одном и том же субъекте возбуждаются два противоположных действия, то или в обоих из них, или только в одном необходимо должно происходить изменение до тех пор, пока они не перестанут быть противоположными» (Там же. С. 591). Противоречие у Спинозы, как видим, не источник движения, а, скорее, помеха ему.

[2] «…Познание логического положения о том, что отрицательное равным образом и положительно или, иначе говоря, противоречащее себе не переходит в нуль, в абстрактное ничто, а по существу лишь в отрицание своего особенного содержания, или, другими словами, такое отрицание есть не отрицание всего, а отрицание определённой вещи, которая разрешает самое себя, стало быть, такое отрицание есть определённое отрицание и, следовательно, результат содержит по существу то, из чего он вытекает; это есть, собственно говоря, тавтология, ибо в противном случае он был бы чем-то непосредственным, а не результатом. Так как то, что получается в качестве результата, отрицание, есть определённое отрицание, то оно имеет некоторое содержание. Оно новое понятие, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, чем только его, и есть единство его и его противоположности» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 107-108).

отрицания отрицания), что с формальной стороны предстаёт как тождество – с одной стороны, дифференцированного (единичного и особенного) и, с другой стороны – целого (общего, всеобщего).

Принцип саморазвития, основанного на самоотрицании (на саморазличении), развитии и разрешении возникшего противоречия превращает развивающуюся реальность (у Гегеля идею) в *субъект* собственного движения, что дало Марксу повод для утверждения, что «деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно»[1].

Гегель в стремлении вывести всё сущее из одного начала совершенно верно выразил *дух, суть* идеи Спинозы о *монистичности* субъекта, находящегося в основании самодвижения. Но, возвеличив идею как высшую истину и исток сущего, он логически необходимо низвёл материю до дополнения к идее, до её вторичного проявления в вещественности, тем самым сведя все формы взаимодействия материального и идеального как источника всего богатства мира к формальному следствию из идеи. Найдя источник самодвижения объективной реальности, рассматриваемой им как идея, и подробно описав механизм его действия, Гегель в конце своего исследования остановился перед проблемой перехода (взаимодействия) идеального в материальное, только кратко заметив, что «сосредоточивая себя в непосредственность *бытия,* идея как *целокупность* в этой форме есть *природа*»[2], и оставив открытой проблему этого перехода, т.е. *взаимодействия* идеального и материального.

Глубокая гегелевская идея саморазвития как самоопределения субъекта развития через саморазличение (отрицание) и дальнейшее движение полученного противоречия и его разрешение (снятие сторон в новом качестве) повисла в воздухе, поскольку, признавая право субъектности только за идеальным и отказывая в этом материальному, Гегель тем самым разводил их на противоположные несовместимые полюсы. Дуализм снова встал непреодолимым препятствием на пути познания реальности как *единой* саморазвивающейся сущности.

Тем не менее, принцип *саморазвития посредством внутреннего противоречия*, логически безупречно исследованный Гегелем, оказался тем эликсиром, который оживил субстанцию Спинозы. Спинозовская субстанция, в которой материальное и идеальное предстают как стороны *внутреннего диалектического противоречия*, глубоко исследованного Гегелем, и тем самым отождествляются *действительно,* а не формально, способна к *саморазвитию* и потому является *субъектом* собственного движения – в этой субстанции Спиноза и Гегель пожимают друг другу руки.

Э.В. Ильенков.

На наш взгляд, проблему идеального, именно как *гносеологическую диалектическую* проблему, из всех исследователей новейшего времени наиболее глубоко видел именно Э.В. Ильенков и достиг в её исследовании значительных результатов.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. В 50 т. Т. 3. – М., 1955. С. 1.

[2] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 3. С. 310.

Согласно Э.В. Ильенкову «…под “идеальностью” или “идеальным” материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта…».[1]

Однако, отметим, что Э.В. Ильенков ограничивает сферу действительности идеального тем, что оно может быть представлением *одного* материального объекта *в другом*, но не может быть представлением для материального объекта *своего* идеального *в себе* (а ведь любой материальный объект есть результат неких *материальных* процессов, которые запечатлены, закреплены в самом объекте – в его сущности, качестве, форме). Этим условием идеальное ограничивается процессами *взаимодействия разных объектов* и исключается наличие идеального в процессах *саморазвития* объектов реальности, тем самым идеальность как феномен из сферы всеобщего (*всё* материальное обладает идеальным) низводится в сферу особенного и единичного (только взаимодействующие объекты обладают идеальным), что негативным образом скажется на итоговых выводах Э.В. Ильенкова.

На первый взгляд идеальное как результат отношения между разными материальными объектами должно быть столь же объективным, как и сами материальные объекты. Но условие, что один объект может быть представлен только в другом (а себя в себе представлять не может), содержит потенциальную возможность, которая может воспрепятствовать утвердиться фундаментальному принципу объективности и всеобщности, поскольку даёт возможность предполагать наличие опосредствующего соотношения, некоего третьего объекта между представляемым и представляющим – ведь должен же быть механизм формирования представления и, следовательно, субъект этого действия. И здесь Э.В. Ильенков сужает статус идеального, вводя в качестве опосредствующего фактора человеческую деятельность.[2] Т.о. идеальное из сферы потенциальной объективности и всеобщности низводится в сферу особенности, субъективности, зависимости от деятельности человека.[3]

Однако, сам же Э.В. Ильенков говорит, что «…деятельность человека

---

1. [1] *Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Логос, № 1. – М., 2009. С. 13.

[2] «Идеальность есть характеристика вещей, но не их естественно-природной определённости, а той определённости, которой они обязаны труду, преобразующе-формообразующей деятельности общественного человека, его целесообразной чувственно-предметной активности» (Там же. С. 59).

[3] Нельзя исключить предположения, что данный вывод, редуцирующий всеобщее к особенному и, тем самым, критически сужающий гносеологические потенции понятия идеального, сделан под давлением идеологической конъюнктуры того времени с сугубо прагматической целью избежать обструкции «коллег» и позитивистски мысливших руководителей от философии - уж слишком резок контраст между всеобщностью и особенностью двух определений. Тем более, что даже такой паллиатив вызвал резкую критику.

представлена в форме вещей…». Но человеческая деятельность, представленная в форме вещи, останется в вещи и без человека.[1] Деятельность, создавшая конечную вещь, тем самым уже *закреплена* в вещи, она теперь *имманентна* вещи, она её *необходимый* атрибут и как таковая присутствует уже *независимо* от человека.

Но в таком случае идеальное не является исключительной принадлежностью человека, а есть категория более высокого порядка, нежели особенного и субъективного.

Есть вопрос и более общего характера. Чем материальная деятельность человека отличается от материальной деятельности природы? Тем, что она есть следствие мышления? Телеологичностью? И только? Почему эти сугубо субъективные факторы должны служить препятствием к признанию идеальности объективной и всеобщей действительностью всей природы? Ведь человек тоже продукт деятельности природы и этот продукт обладает свойствами идеального, несёт в себе идеальное и даже активно создаёт его. Значит, деятельность природы также имеет следствием возникновение идеального, в данном случае человека с его осознаваемой им самим деятельностью и идеальностью, и это неоспоримый факт, подлежащий объяснению. Так почему этот вывод нельзя распространить на *все* материальные процессы и, соответственно, на *всё* материальное? В противном случае придётся признать, что возникновение идеального в самом человеке произошло безо всяких на то оснований, внезапно – но материалистов не может удовлетворить это чисто креационистское обоснование.

Мы натолкнулись на логическое противоречие фундаментального характера – если не признать за природой возможности существования идеального как «своего иного» материального, столь же объективного и всеобщего, то невозможно объяснить появление идеального в человеке и, следовательно, самого человека как активного актора идеального.[2]

Из этого противоречия следует производное от него – если человеческая

---

[1] Следует особо отметить один момент, касающийся «формы деятельности человека», которую вводит Ильенков в качестве важной категории, объясняющей сущность идеального. По Ильенкову идеальное «…это форма вещи, но существующая вне этой вещи и именно в деятельности человека как форма этой деятельности. Или, наоборот, это форма деятельности человека, но вне этого человека, как форма вещи». (*Ильенков Э.В*. Проблема идеального. - № 7. С. 148). С. 41.

Но деятельность человека не есть нечто, возникающее спонтанно, само по себе. Поскольку деятельность осуществляется всё-таки во вполне определённой «форме», то она тем самым *оформляется*, *становится* (вспомним гегелевское становление) и, следовательно, имеет некое *основание*. И таким основанием может быть только то, что непосредственно предшествует деятельности человека и детерминирует её, а именно – мышление и его результат, знание. Но ни мышление, ни знание никак нельзя отнести к материальному, а потому следует признать, что это также формы идеального.

2 Это противоречие тогда же было отмечено М.А. Лифшицем – «…идеальное есть во всем, оно есть и в материальном бытии и в сознании, оно есть и в обществе и в природе, или же его нет нигде» (*Лифшиц М.А*. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 74).

деятельность как объективный материальный процесс в состоянии произвести материальное, обладающее качествами объективности и всеобщности, понимаемых как сущность, как законы природы, представленные (снятые) в продуктах труда (т.е. как представление «всеобщей природы, всеобщей формы и закономерности»), то почему следует отказать ей в возможности создать тождественное этому материальному иное – объективное и всеобщее идеальное, – но только его частное подобие, субъективное идеальное, которое «выявляется и фиксируется только в исторически сложившихся формах духовной культуры» (а это есть особенное и единичное).

Тем не менее, несмотря на отмеченную противоречивость и неполноту концепции идеального, выдвинутой Э.В. Ильенковым, следует отметить главное – его научную смелость в постановке и решении проблемы, а также глубину выдвинутых принципиальных положений (хотя и не выдержанных им последовательно):

- *идеальное есть сопутствующая, неотделимая сторона вполне материальных процессов* и представляет собой их иную, не-материальную, сторону и потому:

- идеальное так же *объективно*, как и материальное;

- идеальное столь же *всеобще*, как и материальное;

- как таковое оно *тождественно* материальному, т.е. материальное и идеальное едины, неотделимы друг от друга и одновременно отличны.

Обобщая глубокую и плодотворную идею Э.В. Ильенкова на *все* материальные процессы, т.е. процессы, протекающие с участием материальных объектов (в т.ч. и без участия человека), можно утверждать, что эти процессы имеют итогом новое состояние объекта, т.е. не только изменённую материальную форму, но и то, что стоит, так сказать, за «спиной» полученного результата – это история самого процесса, который детерминирует свойства, качества изменённого материального объекта и уже тем самым косвенно представлен в нём через его качественные определения, хотя и не идентичен им.

Эта история есть не что иное, как *материальный* процесс изменения материального же объекта, детерминирующий его количественно-качественные определения (свойства, сущность, закон возникновения и развития) и *снятый* в наличном состоянии этого объекта. Материальный процесс, снятый (представленный) в своём конечном результате и определяющий свойства материального объекта, и есть *идеальное как иная сторона материального*, его противоположность.

Т.о. *идеальное есть материальный процесс движения (изменения, развития) материального объекта, снятый (представленный) в полученном результате, т.е. в материальном же объекте (в наличном, актуальном материальном), в его форме, качествах, свойствах. Идеальное есть сущность материального.*

В главном Э.В. Ильенков прав – «”идеальное”, понимаемое как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных, эмпирически чувственно данных человеку явлений», есть *представление* материального в материальном, *снятие* материального *процесса* в материальном

объекте.[1] При этом снимаемое и снимающее составляют тождество, единство при сохранении отличия, поэтому следует говорить не о материальных, а о материально-идеальных объектах. Этот феномен актуален для всей реальности, всех её процессов и объектов.

Выделяя и обобщая всё ценное, что было сказано Э.В. Ильенковым об идеальном и идеальности, можно сделать следующие выводы.

Снятие обеих сторон, моментов – материальности и идеальности – в их единстве[2] имеет результатом новое состояние реальности, в которой представлены уже и материальное и его иное, но уже как тождественные, определяемые посредством друг друга и, т.о., придающие новой реальности *качественную* определённость, в которой материальное получает полноту выражения через свои свойства, являющиеся результатом процесса возникновения новой реальности.

Эта новая реальность в себе уже полностью определена как *единство, тождество противоположностей* и, следовательно, несёт в себе потенциал развития.[3] Эта реальность и есть *субстанция как субъект собственного саморазвития*, а подобный взгляд на субстанцию можно назвать *субстанциональным монизмом*.

Тождество материального и идеального при их одновременном различии есть сущность принципа субстанционального монизма, что в действительности проявляется как существование саморазвивающихся сущностей, субстанций, включая как природу в целом, так и все её бесчисленные формы.

Список литературы.

1. Гегель Г. Наука логики. В 3 т. - М.: Мысль, 1970.
2. Гегель Г. Соч. В 14 т. – М.: Партиздат, 1932.
3. Ильенков Э.В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964.
4. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Логос, № 1. – М., 2009.
5. Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
6. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955.
7. Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. - М., 1957.

05.04.2020

[1] Идея Э.В. Ильенкова.
[2] Идея Спинозы.
[3] Идея Гегеля.

Диалектичность как имманентность принципа монизма

(Статья написана для семинара, посвящённого памяти Л.К. Науменко, проводившегося 22.10.2023).

«В *любом* предложении можно (и должно), как в „ячейке" („клеточке"), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика».[1]

Этот обнадёживающий и одновременно напутствующий вывод Ленина и послужит руководством к дальнейшему анализу, основанием, «клеточкой» которого станет *принцип монизма*, если более конкретно, то *принцип субстанционального монизма*, сформулированный Спинозой, который первым из мыслителей решился соединить, казалось бы, несовместное: *протяжённость* и *мышление* едины, тождественны[2], *две стороны* (атрибуты) *одной сущности – субстанции.*

Такая постановка вопроса влечёт необходимость выявления сути той связи, которая *удерживает в единстве сущностно различные* атрибуты, один из которых – протяжённость – представляет собой нечто наличное, оформленное, т.е. представленное *явно*, а другой – мышление – также наличен, но не имеет *собственной* формы, *неявен*, однако *неразрывно* связан с протяжённостью. В дальнейшем анализе вместо терминов «протяжённость» и «мышление» будем пользоваться ныне принятыми категориями – материальное и идеальное соответственно.

Сам Спиноза, выдвинувший гениальную гипотезу субстанционального монизма, никак не объясняет сути взаимосвязи атрибутов субстанции, ограничившись констатацией факта и предоставив решать эту проблему богу-природе. Глубоко диалектическая идея Спинозы: *тождественность* атрибутов в *монистичной* субстанции, *внутренняя причинность* её изменения и, как следствие, *способность к самодвижению*, т.е. *субъектность* субстанции – осталась декларацией без логического обоснования её *внутренней диалектичности*.

Спинозовская субстанция, не имея гносеологического, логического обоснования своих диалектических потенций, но только эмпиристское их

---

[1] *Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967. Т. 29. С. 321.

[2] «Тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое “одно и то же”. Это всегда тождество различного, тождество противоположностей» (*Ильенков Э.В.* Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964. С. 22).

У Гегеля: «Понятие тождества — простая соотносящаяся с собой отрицательность…» (*Гегель Г.* Наука логики. В 3 т. Т. 2. - М.: Мысль, 1970. С. 33); «Так как все есть другое другого, как *своего* другого, то в этом заключается как раз их *тождество*» (*Гегель Г.* Соч. В 14 т. Т. 9. – М.: Партиздат, 1932. С. 251).

Т.о. диалектической тождественности одновременно имманентно различие и, как следствие, отрицательность, внутренняя противоречивость. Диалектическая тождественность есть *единство различённых* сторон, понимаемое как их *неразрывность* – одно без другого невозможно.

истолкование, фактически остаётся субстанцией в-себе, движимой непознанными силами, в конечном итоге богом-природой. Её внутренняя субъектность только формально заявляется, но фактически остаётся непонятой и непонятной, что и дало Гегелю основание к выводу, что «…у Спинозы субстанция и ее абсолютное единство имеют форму неподвижного единства, т. е. не опосредствующего себя с самим собой, — форму какой-то оцепенелости, в которой ещё не находится понятие отрицательного единства самости, субъективность».[1] «…Субстанция определяется не как различающее само себя, не как субъект».[2]

Можно отметить ещё один момент, несмотря на провозглашение *монистичности* субстанции, – *единства* в ней протяжённости и мышления, – субстанция Спинозы, тем не менее, внутренне сугубо *дуалистична* (вернее, множественна): атрибуты не могут *непосредственно* взаимодействовать между собой, т.е. субстанция представляет собой смесь независимых атрибутов, существующих раздельно, и эти атрибуты соотносятся только через внешнее им – через бога-природу.[3] Формально декларированное единство субстанции тут же разрушено утверждением независимости атрибутов. А это уже шаг назад, к Декарту.

Фундаментальную идею *саморазвития как внутренней диалектичности монистичной субстанции* наиболее последовательно и полно развил Гегель, взявший за основу развития идеальное основание.

В отличие от Спинозы, не указавшего источника и механизма саморазвития субстанции (кроме мало что объясняющей ссылки на т.н. причину)[4], что и дало повод Гегелю упрекнуть Спинозу в том, что его субстанция не обладает самодвижением[5] и, по сути, мертва, сам Гегель источник движения – противоречие (вернее, *диалектическое* противоречие) – утвердил основой развития и одним из краеугольных камней диалектики.

Принцип отрицательности, рефлексии, возведённый Гегелем в абсолют (это можно утверждать вполне уверенно), стал тем золотым ключиком, который открыл тайну *самодвижения* как имманентного

---

[1] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 332.

[2] Там же. С. 480.

[3] Это отмечал ещё Гегель: «Атрибуты не находятся ни в какой *дальнейшей определенной связи*… с субстанцией и друг с другом, помимо той, что они выражают субстанцию всю целиком...» (*Гегель Г.* Наука логики. – Т. 1. С. 480).

[4] Справедливости ради следует сказать, что идея противоречия всё же прозвучала у Спинозы, к сожалению мельком, по́ходя, не получив должного, соответствующего её значению, развития: «Если в одном и том же субъекте возбуждаются два противоположных действия, то или в обоих из них, или только в одном необходимо должно происходить изменение до тех пор, пока они не перестанут быть противоположными» (Там же. С. 591). Противоречие у Спинозы, как видим, не источник движения, а, скорее, помеха ему. Правда, при более пристальном взгляде можно увидеть, что и здесь есть потенциал движения – «должно происходить изменение до тех пор, пока они не перестанут быть противоположными» – но, к сожалению, эта тема не получила у Спинозы развития.

[5] Выше мы уже отмечали это.

субстанционального процесса.[1] Но это не абстрактная отрицательность, применяемая к чему угодно, а рефлексия субъекта развития в себя (самоотрицание), соотнесение отрицаемого с отрицанием, становление противоречия, взаимодействие сторон противоречия вплоть до его разрешения – снятия противоположностей в новом качестве (отрицание отрицания). А это уже положительный момент – *снятие* противоречия и сохранение результата движения в новой, более полной форме.[2]

В самом общем смысле *диалектичность* можно определить как *неразрывное единство взаимно-обусловленного разделённого* или, конкретнее, как тождество *различения* (отрицания) и *объединения* (снятия отрицания, отрицания отрицания), что с формальной стороны предстаёт как тождество – с одной стороны, дифференцированного (единичного и особенного) и, с другой стороны – целого (общего, всеобщего).[3]

Принцип саморазвития, основанного на самоотрицании (на саморазличении), развитии и разрешении возникшего противоречия превращает развивающуюся реальность (у Гегеля идею) в *субъект* собственного движения, что дало Марксу повод для утверждения, что «деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно»[4].

Принцип *саморазвития внутренне диалектичной монистичной субстанции посредством внутреннего противоречия*, логически безупречно исследованный Гегелем, оказался тем эликсиром, который оживил субстанцию Спинозы. Спинозовская субстанция, в которой материальное и идеальное предстают как стороны *внутреннего диалектического*

---

[1] «Величие гегелевской *«Феноменологии»* и ее конечного результата — диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа — заключается… в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс…» (*Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. В 50 т. Т. 42. – М., 1955. С. 158).

[2] «Познание логического положения о том, что отрицательное равным образом и положительно или, иначе говоря, противоречащее себе не переходит в нуль, в абстрактное ничто, а по существу лишь в отрицание своего особенного содержания, или, другими словами, такое отрицание есть не отрицание всего, а отрицание определённой вещи, которая разрешает самое себя, стало быть, такое отрицание есть определённое отрицание и, следовательно, результат содержит по существу то, из чего он вытекает; это есть, собственно говоря, тавтология, ибо в противном случае он был бы чем-то непосредственным, а не результатом. Так как то, что получается в качестве результата, отрицание, есть определённое отрицание, то оно имеет некоторое содержание. Оно новое понятие, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, чем только его, и есть единство его и его противоположности» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 107-108).

[3] «В этом диалектическом, как мы его берем здесь, и, следовательно, в постижении противоположностей в их единстве, или, иначе говоря, в постижении положительного в отрицательном, состоит *спекулятивное.* Это важнейшая, но для еще неискушенной, несвободной способности мышления труднейшая сторона» (Там же. С. 110).

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* - Т. 3. С. 1.

противоречия, глубоко исследованного Гегелем, и тем самым отождествляются *действительно,* а не формально, способна к *само*-развитию и потому является *субъектом* собственного движения – в этой субстанции Спиноза и Гегель встречаются в рукопожатии.

Если мы говорим о диалектике, то суть дела состоит не в том, чтобы делать акцент только на отрицании (например, противопоставлении материального и идеального), а в том, что *каждое отрицание также, в свою очередь, отрицается*, т.е. стороны противоречия *снимаются*, порождая *новое качественное состояние*, представляющее собой уже положительное. Такое положительное как результат снятия содержит в себе стороны исходного противоречия, но уже не как явность, а как имплицитность. Т.е. имплицитность, сохраняющую стороны исходного противоречия, но уже в другой форме.[1]

Такая диалектика предстаёт уже в качестве не просто *статического* отрицательного соотнесения противоположностей (причём, подчеркнём, противоположностей *взаимо*обусловленных), а в качестве *движения* (точнее, *само*движения), опосредствуемого отрицанием. Движения, идущего через отрицание к положительному, также в-себе внутренне противоречивому.

Диалектика как логика[2] *объективного мира* (логика материального) – это *действительное движение*, саморазвитие его посредством постоянного возникновения, развития и разрешения *внутренних* противоречий, что было отмечено ещё древними греками и нашло логическое объяснение в диалектической логике Гегеля.

Диалектика как логика *мышления* (логика идеального) – это *отражение* в мышлении диалектической логики мира (и, соответственно, его *само*движения). Причём отражение, понимаемое не как пассивная рефлексия, а как *активная деятельность с предметами мышления* и последующим *воплощением результатов мышления в практике*, в деятельности человека. Только такая диалектичность мышления человека соответствует диалектически саморазвивающемуся объективному миру – движению может соответствовать только движение.

Эти логики материального (онтология) и идеального (гносеология) *неразрывны* в своей *раздельности* и как таковые они *тождественны* и тем самым составляют *единую* логику действительности. Это *две* стороны (момента) *единой* диалектики саморазвития, соответствующие *двум* сторонам *единой* действительности – материальному и идеальному. И это также

[1] Вспомним Гегеля: снятие «имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец*» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 168).

[2] Логика понимается как движение предмета (материального предмета *объективной реальности* либо идеального предмета *мышления*) во вполне определённой (а значит закономерной, т.е. логичной) последовательности, в котором (движении) каждое актуальное состояние предмета имеет основание (причину) в своём *собственном* предыдущем состоянии. При этом причина имеет своим источником *внутреннюю противоречивость* предмета и есть естественное следствие последней.

диалектический момент.[1] Материальное и идеальное есть стороны *одной*, внутренне противоречивой реальности, понимаемой как субстанция и являющейся *субъектом* собственного *само*развития. Только таким путём может быть преодолён дуализм материального и идеального и обретено понимание диалектики как *всеобщей* логики развития, вернее, *само*развития субстанционального, единого материально-идеального мира.

Поскольку обе стороны монистичной объективной реальности (материальное и идеальное) развиваются по одним и тем же диалектическим законам, то логично признать, что существует *общее – диалектичность как принцип саморазвития*, которому подвластны и онтологические, и мыслительные объекты и процессы, и *особенное* – способ (метод) действия с мыслительными объектами (предметами мышления). Общее получает логическое развитие в особенном и переход общего в особенное и обратно (познание и практика) есть двунаправленный процесс их согласования, взаимодействия, отождествления.

Подводя итог можно сказать, что *диалектичность (диалектика)* есть:

- *в широком смысле (как всеобщее) – способ саморазвития действительности, рассматриваемой в единстве (тождестве) её материальной и идеальной сторон.* При этом саморазвитие осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения *внутренних* противоречий объективной реальности, понимаемой как *монистичная субстанция*, в единстве её материальной и идеальной сторон;

- *в узком смысле (как частное и особенное) – способ (метод) постижения и изменения действительности человеком, тождественный её диалектической сути*, что осуществляется посредством рефлексии (отражения) реальности в мышлении и действий мышления *со своими* предметами, а также последующей реализацией результатов мышления в практике. Т.о. *самодвижение мышления неразрывно связано с самодвижением реальности*.

***

Так понимаемая диалектичность (диалектика) предстаёт не только как имманентность принципа монизма, но и как необходимость, причём необходимость императивная, т.е обладающая статусом всеобщности. Как следствие, принцип субстанционального монизма имманентно содержит в-себе все принципы диалектики и позволяет сформулировать их в явном виде.

1. *Принцип субстанционального монизма*, заключающийся в

[1] «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его… есть *суть* (одна из „сущностей", одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики… На эту сторону диалектики обычно… обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берётся как сумма *примеров*… а не как *закон познания (и* закон объективного мира)» (*Ленин В.И.* ПСС. - Т. 29. С. 316). В ленинской трактовке диалектики ясно видно понимание её сути («раздвоение единого и познание противоречивых частей его») как *всеобщего* принципа развития – и как диалектики *мышления* («закон познания»), и как диалектики развития *объективного мира* («закон объективного мира»).

субстанциональном тождестве материального и идеального. Субстанция представляет тождество своих материальной и идеальной сторон (моментов). Объективная реальность развивается посредством бесчисленных субстанциональных форм, одновременно как целое также являясь субстанцией.

2. *Принцип субъектности субстанции*. Субстанция является *субъектом* собственного развития и *саморазвивается* за счёт *внутренних* факторов (причин). Самодвижение субстанции имманентно ей и императивно.

3. *Принцип внутренней противоречивости субстанции*. Источником (причиной, механизмом) саморазвития субстанции являются *внутренние* противоречия между её тождественными сторонами – каждая из них является «своим иным» другой. Стороны (моменты) субстанции *неразрывны в своём различии* – они невозможны одна без другой. Движение субстанции осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения (снятия) внутренних противоречий – происходит последовательное снятие наличного внутренне противоречивого состояния (качества) в новом, также внутренне противоречивом, состоянии (качестве). Внешние воздействия (*внешние* противоречия) оказывают на внутренние противоречия деформирующее влияние, но главным фактором, определяющим развитие субстанции, являются внутренние противоречия.

4. Из принципов субъектности и внутренней противоречивости следует *принцип единства (тождества, внутренней связи) отрицающего и отрицаемого*, отрицательного и положительного (т.е. отрицания и отрицания отрицания), что означает их неразрывность и *императивность* перехода от отрицания к отрицанию отрицания.

5. Последнее – переход от отрицания к отрицанию отрицания – проявляется как *принцип снятия* (прекращения, окончания, исчезания с одновременным сохранением, удержанием, наследованием, преемственностью), а именно – как сохранение в новом качественном состоянии субстанции предыдущих сторон внутреннего противоречия (качеств, признаков) но в другой, неявной, скрытой форме (в-себе). Снятие отрицания посредством отрицания отрицания в новом положительном (утвердительном) качестве и есть суть движения.[1] Принцип снятия имеет результатом своего действия

[1] Следует отметить, что в существующей литературе многие авторы, говоря о диалектическом отрицании, очень часто упускают из виду необходимость последовательного отрицания и этого, первого, отрицания, ограничиваются им, не доводя т.о. движение противоречия до его завершения, снятия – т.е. утверждения отрицательности в новой, *положительной* форме.

Сошлёмся на А.Ф. Лосева, глубоко понимавшего диалектичность как реальности, так и мышления о ней: «Утверждение так же динамично, как и отрицание. Но если динамику утверждения невозможно отрицать, то динамику отрицания не все видят. Подлинная же научная диалектика не знает ни только утверждения, ни только отрицания. Если говорить здесь о «только», то не существует ни утверждения, ни отрицания, а только действительность. Утверждение же и отрицание являются лишь специфическими типами отражения действительности. Надо уметь найти их место и квалифицировать их в связи с их отражательной функцией» (*Лосев А.Ф.* Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. М.: Политиздат,

постоянное усложнение субстанции, «вбирающей» в себя предыдущее движение и состояние.

6. *Принцип тотального единства (целостности)*: связи общего-особенного, особенного-единичного, а, следовательно, в конечном итоге, посредством особенного – и общего-единичного. Из чего следуют: 1. принцип определения (детерминирования) общим частного, 2. принцип формирования частным общего, но с учётом приоритета общего. Т.о. первый принцип императивен, второй принцип дополнителен и реализуется при определённых конкретных условиях.

7. *Принцип имманентной телеологичности*. Этот принцип следует из принципов внутренней противоречивости и тотального единства. Самодвижение субстанции детерминируется *внутренним* противоречием (т.е. наличным конкретным состоянием и взаимодействием его сторон), на которое оказывают деформирующее влияние *внешние* противоречия и, следовательно, содержит тенденцию к некоему, определяемому указанными условиями, результату – т.е. это самодвижение интенционально. *Телеологичность* не связана с некой внешней, чем-то заданной целью, а *есть следование внутренней логике* развития субстанции с учётом деформирующего влияния внешних субстанции условий.

8. И как итог, вытекающий из всего сказанного выше, – *принцип тотальной диалектичности* (т.е. непрерывного движения, *само*развития посредством становления, развития и разрешения внутренних противоречий) всего сущего, всей объективной реальности – и бытия, и мышления о нём. Последнее означает, что *все сформулированные принципы диалектики распространяются и на бытие, и на мышление и, следовательно, обладают как онтологическим, так и гносеологическим статусом*.

Литература

Гегель Г. Наука логики. В 3 т. Т. 2. - М.: Мысль, 1970.

Гегель Г. Соч. В 14 т. Т. 9. – М.: Партиздат, 1932.

Ильенков Э.В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964.

Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967.

Лосев А.Ф. Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. М.: Политиздат, 1983.

Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М., 1955.

05.08.2023

1983. С. 170).

Субстанциональный монизм и принципы диалектики

(Статья подготовлена для XXVI Ильенковских чтений, состоявшихся 22-23 марта 2025 года).

Данная формулировка темы XXVI Ильенковских чтений имплицитно предполагает, что суть самого понятия «диалектика», объемлющего и определяющего всю сферу своего применения, общепринята и общеизвестна. Но так ли это? Возможно, стоит взглянуть на это феномены с не со стороны устоявшегося понимания, а с точки зрения их фундаментального основания и всеобщности. Всеобщности, определяющей и движение бытия, и мышления о нём.

По нашему мнению, о диалектике можно и нужно говорить, в первую очередь, не как о некоем *методе*, т.е. *особенном*, а, прежде всего и главным образом, о *мировоззрении* как *всеобщем*, вполне конкретным и однозначным образом фундирующем мир. Только таким образом – *изначально усматривая диалектичность в самом основании бытия* можно, раскрывая последовательно его, бытия, логику, выявить и понять сущность и принципы диалектики и определить методологию её применения. Только так можно уйти от общих выражений и не просто эксплицировать, а *логически конкретизировать* все основные положения диалектики.

Очевидно, есть смысл обратиться к самым фундаментальным вопросам философии, а именно – к установлению исходного пункта, основываясь на котором и следует раскрыть и понять диалектику сущего. По сравнению с титанами прошлого мы находимся в весьма привилегированном положении – они оставили нам неоценимое наследие, которым которое в значительной мере определяет дальнейший путь и тем самым облегчает нашу задачу.

Здесь речь идёт не о том, чтобы определиться с направлением движения – идеалистическое, материалистическое, религиозное, агностическое и т.п., – имя, которое носят чтения, однозначно говорит об уже выбранном направлении, – а чтобы постараться с иного ракурса взглянуть на исходную мировоззренческую позицию.

Мы утверждаем, что до сих пор эта позиция – материализм – имеет несколько одностороннее и, следовательно, абстрактное понимание и трактование. В данном случае имеется ввиду т.н. «основной закон философии», ставящий материальное онтологически первичным и объективным началом, а феномен идеального вторичным и, как минимум, не-объективным.

Пресловутый «основной вопрос философии» был поднят Энгельсом, Марксом же так резко вопрос никогда не ставился, да и Ленин, казалось бы, истовый материалист, совершенно недвусмысленно заявлял: «Противопоставление не должно быть «чрезмерным», преувеличенным, метафизическим… Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы

громадной ошибкой… Мысль о превращении идеального в реальное *глубока:* очень важна для истории»[1].

Очевидно, так рассуждал и Ильенков, предлагая свою концепцию идеального как феномена, *неразрывно* связанного с материальным и уже тем самым *реального* и *объективного*. Вплоть до Ильенкова (впрочем, в значительной мере и по сию пору) идеальное трактовалось сугубо субъективистски – исключительно как феномен психики. Но даже ильенковская идея, выведшая идеальное из сферы *субъективного* в пространство *объективного* и тем самым поставившая во взаимное соответствие и нерасторжимую *диалектическую*[2] связь *материальное и идеальное*, не заставила обратить внимание на казус «основного закона».

Совершенно не случайно Ильенков с огромным научным уважением относился к наследию Спинозы, к его идее *тождества* в *монистичной* субстанции *материального* (у Спинозы протяжённости) и *идеального* (соответственно, мышления) атрибутов (сторон, моментов – Гегель). Именно идеальное в трактовке Ильенкова, неразрывно связанное с материальным и потому *тождественное* ему, не просто непосредственно актуализирует идею *субстанционального монизма* Спинозы, но ставит её на единственно возможное место как главного мировоззренческого принципа, из которого последовательно выводятся все гносеологические категории и понятия мышления.

Трудно объяснить, почему не просто отдавая дань уважения Спинозе и его идее *субстанционального монизма*, а привлекая эту идею в качестве весомого довода в борьбе против идеализма, приверженцы материалистической позиции необъяснимым образом уклонялись от интерпретации краеугольного камня и *сущности* его *монистической идеи* – единства, *тождества* в монистичной субстанции её атрибутов – *материального* и *идеального* – догматически самоотверженно защищая «основной закон» даже вопреки реальности, в которой передовая мысль (в философии, политэкономии, социологии… и, тем более, технике) опережала действительность, буквально заставляя эмпирию догонять себя.

В монистическом постулате Спинозы в скрытом виде, в-себе, содержится вся диалектика, впоследствии развёрнутая Гегелем – диалектика *самодвижения* бытия (подчеркнём – *монистичного* бытия), основанного *на самом себе*, движущей силой которого является *внутреннее* противоречие.

В работах Гегеля, квинтэссенция которых сконцентрирована в «Науке логики», именно эти принципы проступают наиболее явно и ярко. В «Науке логики» в чистом, логически выверенном виде исследовано собственно *саморазвитие (самодвижение) как таковое* – от полного отсутствия какого-либо признака бытия, от «ничто», и до его *само*-развития и разворачивания в полноту мира.

Гегеля часто попрекают его идеализмом, дескать, у него развивается только идея, мысль и она не имеет никакой связи с материальной

[1] *Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967.– Т. 18. С. 259.

[2] Понятие *диалектического* ещё не раскрыто, но мы, как предупреждали, априори пользуемся наследием великих и их выводами.

реальностью. Вот «материалисты» и пытаются ставить его с головы на ноги[1] способом, нашедшим отражение в т.н. «основном вопросе философии», совершенно не принимая того факта, что «абсолютная идея», становящаяся (имеется ввиду гегелевское становление) как итог процесса саморазвития, выражает собой высший момент саморазвития духа как обретение им *самосознания*. Но это же характеризует и реального, *действительного* человека – *его самосознание* есть результат фило- и социогенеза (также процессов *саморазвития*), протекающих в *материальном* мире. Как видим, *в итоговом результате сходятся* идеалистическая (гносеологическая) и материалистическая (онтологическая) линии – есть над чем задуматься. И представить только, у Гегеля саморазвитие – от ничто и до самосознания –осуществляется *исключительно за счёт внутренней потенции*, без трансцендентных сил и упования на чью-то волю. Да ведь это атеизм в чистом незамутнённом виде, как бы не представлял себе это сам Гегель. А это как «перевернуть»?

Подчеркнём ещё раз – Гегель *логически* выводит не саморазвитие *чего-то*, некой *вещи*, хотя бы и бытия в целом, а *саморазвитие как таковое*, как *идею*, как *внутренний принцип* всей реальности, как *процесс*, причём процесс в *чистом* виде, не отягощённый ничем привходящим. Да ведь поиному *саморазвитие как таковое, как процесс* и невозможно исследовать, как только взяв за исходный отправной пункт полное отсутствие чего-либо, «ничто», которое только за счёт *внутренней* потенции проходит весь путь своего развития вплоть до разворачивания (самоотчуждения абсолютной идеи) в реальный мир. Любое материальное, неважно что, природа в целом либо какая-то её часть, взятое в качестве начального объекта, потребует своего обоснования, а, следовательно, придётся обосновывать и все реальные бесчисленные связи этого объекта. Надо ли говорить о невозможности такого обоснования и, значит, пути исследования. Если же попытаться абстрагироваться от всех связей материального объекта исследования, то в конечном итоге мы придём к совершенно пустому месту, т.е. аналогу гегелевского «ничто».

Но главная причина в том, что в этом случае неприменима никакая методология исследования. Исходя из признания единственной причиной саморазвития внутренней потенции объекта, надо конкретно определить и механизм саморазвития, посредством которого эта потенция реализуется. У Гегеля такой движущей силой является внутреннее противоречие. Но соглашаясь с таким методологическим подходом, как определить, что такое внутреннее противоречие в материальном объекте с его множественными качествами и бесчисленными связями в мире, каковы стороны противоречия и как они взаимодействуют, почему именно так, а не иначе, каким образом разрешается противоречие и почему и т.д. – ведь эту проблему следует решать с точки зрения *всеобщего*, а не особенного и, тем более, единичного, в сферу которых и входят *конечные*, *ограниченные* материальные

[1] Не исключено, что как Маркс отрёкся от «марксистов» определённого толка, также он поступил бы и по отношению к «марксистам», догматизировавшим до извращения тему «переворачивания».

объекты, которые уже своей ограниченностью *самоотрицают* претензии на всеобщность. Вряд ли такая задача в сфере материального разрешима. Идеализм её решил, отказавшись от эмпиризма в пользу чистого спекулятивного мышления и получил весьма впечатляющий результат в виде *диалектического метода*, очень хорошо вписавшегося в материалистическую проблематику – сошлись, отождествились атрибуты (стороны) спинозовской материально-идеальной субстанции. В этой тождественности *раздельных, но неразрывных* атрибутов присутствует одновременно их внутренняя *противоречивость*, которая как их взаимоотрицающий момент представляет интенцию и потенцию самодвижения *монистичной* субстанции.

Очевидно, что основополагающие принципы самодвижения реальности должны иметь статус *всеобщего* и потому выводить их следует из всеобщих же оснований. Такими основаниями и являются спинозовская идея *субстанционального монизма* и гегелевская идея *саморазвития* (самодвижения), причиной и механизмом которого является *внутреннее противоречие*.

Поскольку речь идёт о *диалектичности* саморазвития реальности, то и следует, прежде всего, определить сущность этого феномена. Гегелевская диалектичность предстаёт как весьма сложный *процесс*, слагающийся из соотношения и совместного движения *категорий мышления*, каждая из которых занимает своё точно определённое конкретное место в их взаимодействии и взаимоопределении, и пренебрежение хотя бы одной из них, тем более элиминирование, разрушает всю сложную ткань диалектического (именно *диалектического*) процесса.

А потому обратимся к Гегелю: «Единственное, что *нужно для научного прогресса*…, — это познание логического положения о том, что отрицательное равным образом и положительно или, иначе говоря, противоречащее себе не переходит в нуль, в абстрактное ничто, а по существу лишь в отрицание своего *особенного* содержания, или, другими словами, такое отрицание есть не отрицание всего, а *отрицание определенной вещи,* которая разрешает самое себя, стало быть, такое отрицание есть определенное отрицание и, следовательно, результат содержит по существу то, из чего он вытекает... Так как то, что получается в качестве результата, отрицание, есть *определенное отрицание,* то оно имеет некоторое *содержание.* Оно новое *понятие,* но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, чем только его, и есть единство его и его противоположности. — Таким путем должна вообще образоваться система понятий…».[1] «То, с помощью чего понятие ведет само себя дальше, это — …*отрицательное,* которое оно имеет в самом себе; это составляет подлинно диалектическое».[2] «В этом диалектическом, как мы его берем здесь, и, следовательно, в постижении противоположностей в их единстве, или, иначе говоря, в постижении положительного в

[1] *Гегель Г.* Наука логики. В 3 т. - М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 107-108.
[2] Там же. С. 109.

отрицательном, состоит *спекулятивное*. Это важнейшая, …труднейшая сторона».[1]

В цитированном обобщающем определении Гегель недвусмысленно помещает в основание *диалектичности как процесса* в качестве его исходного пункта и одновременно начала движения 1. *отношение отрицания* – именно отношение, т.е. *динамическую связь* внутри процесса, и именно отрицание, причём *конкретное* отрицание («определённое отрицание»), 2. осуществляющееся *внутри* вещи (и потому это самоотрицание) и тем самым 3. придающее ей определённое содержание, наполненность, что 4. изменяет предмет процесса, «обогащая» его собственной противоположностью, что, в свою очередь, 5. завершается становлением *внутреннего* противоречия.

В гегелевском изложении *диалектичность* представлена, *как процесс*, как движение, начинающееся с *внутренней* рефлексии, само-отрицания, что приводит к становлению *внутреннего противоречия*. Гегель подчёркивает особую важность следующего положения – стороны противоречия (противоположности) находятся *в единстве*, т.е. представляют *в своей раздельности одно*, целое, в котором стороны противоречия *отождествляются*[2] и состоят в нерасторжимой, *неразрывной* связи. Но движение не останавливается.

Мы опустим этап рассуждений, где Гегель подробно анализирует этот момент «становления» нового состояния, его одновременного «возникновения и прехождения», описывая внутренние перипетии процесса, и обратимся к весьма важной категории, завершающей (даже венчающей) предыдущее движение. Рассматриваемый внутренне противоречивый процесс не может застыть в неопределённом состоянии – внутренняя отрицательность побуждает его к движению и завершению в новой форме, «обогащённой отрицанием», и с новым содержанием. Прежнее, «обеспокоенное» внутренней отрицательностью состояние, переходит в форму («ведёт само себя дальше»), в которой прежде взаимоотрицающие стороны предстают в единстве, но не в формальном единстве как рядоположеные, а в *единстве внутри новой формы*. В этой форме стороны прежнего противоречия из *явной* формы переходят в *неявную*, имплицитную и предстают уже как *видимость*, как *содержание* новой формы, в-себе. Этот процесс перехода, завершения противоречия, его разрешения в своей конечной фазе представляет категория *снятия*, сущность которой заключается одновременно и в *прекращении процесса*, и в *сохранении его результата* в новой форме.

---

[1] Там же. С. 110.

[2] «Тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое “одно и то же”. Это всегда тождество различного, тождество противоположностей» (Ильенков Э.В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964. С. 22).

У Гегеля: «Понятие тождества – простая соотносящаяся с собой отрицательность…» (*Гегель Г.* Наука логики. В 3 т. Т. 2. - М.: Мысль, 1970. С. 33); «Так как все есть другое другого, как *своего* другого, то в этом заключается как раз их *тождество*» (*Гегель Г.* Соч. В 14 т. Т. 9. – М.: Партиздат, 1932. С. 251).

«*Снятие…* и *снятое…* — одно из важнейших понятий философии, одно из главных определений, которое… имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец.* …Таким образом, снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено».[1] Противоречие разрешилось, но *движение не останавливается*, воспроизводя процесс на новом уровне.

Подведём итог. В гегелевском понимании и изложении *диалектичность* предстаёт в следующем виде.

Это, во-первых, процесс внутреннего отрицания, *внутренняя рефлексия мышления, отрицание как определение* («отрицательное, которое оно имеет в самом себе; это составляет подлинно диалектическое»), переходящая в становление *внутреннего противоречия*.[2] Далее, диалектичность предполагает постижение сторон противоречия в единстве – *как целое, тождественное, неразрывное*[3] *в их различии*.

Но признанием единства противоположностей диалектический процесс не заканчивается. Завершающей стадией его является *развитие и разрешение противоречия, его снятие в новом качестве* («Диалектикой же мы называем высшее разумное движение, в котором такие кажущиеся безусловно раздельными [моменты] переходят друг в друга благодаря самим себе, благодаря тому, что они суть, и предположение [об их раздельности] снимается. Диалектическая, имманентная природа самого бытия и ничто в том и состоит, что они своё единство — становление — обнаруживают как свою истину»[4]). Далее – новый цикл.

С точки зрения внутренних определений и отношений *диалектичность* можно определить, во-первых, как *процесс*, в основании которого находится *неразрывное единство взаимно-обусловленного (взаиморефлексированного) разделённого* или, конкретнее, тождество *различения* (отрицания) и *объединения* (снятия отрицания, отрицания отрицания), что с формальной стороны предстаёт как тождество – с одной стороны, дифференцированного (единичного и особенного) и, с другой стороны – целого (общего, всеобщего), но это не неизменное единство-тождество, а есть одновременно и процесс *становления* противоречия и его *разрешения* (снятия) в новой форме, также внутренне противоречивой.

Но всё описанное есть не что иное, как *процесс саморазвития* (у Гегеля – саморазвития понятия, идеи), исследованный в *чистом* виде безо всяких привходящих, и тем самым затемняющих суть дела, обстоятельств.

Второй, не менее (если не более) важный момент, неразрывно

---

[1] *Гегель Г.* Наука логики. Т. 1. С. 168.

[2] Этот первый признак *диалектичности* – внутреннее отрицание, самоотрицание – указывает на то, что, обнаруживая в реальности взаимоотрицающие стороны, не способные к самостоятельному существованию, можно с большой долей достоверности предположить наличие диалектического противоречия.

[3] Отношение неразрывности предполагает, что стороны противоречия не имеют *самостоятельного*, отдельного друг от друга существования.

[4] *Гегель Г.* Наука логики. Т. 1. С. 166.

связанный с первым: весьма существенным (пожалуй, даже ключевым) положением гегелевской диалектики является признание Гегелем факта *тождественности предмета, внешнего мышлению, и самого диалектического мышления о предмете*: «метод которому я следовал в этой системе логики или, вернее, которому следовала в самой себе эта система… не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо именно содержание внутри себя, *диалектика, которую он имеет в самом себе,* движет вперёд это содержание».[1] Тем самым Гегель утверждает *соответствие (тождественность) диалектически действующего мышления (субъективного) диалектически саморазвивающейся реальности (объективному)* – а иначе и невозможно истинное познание реальности.

Основываясь на гегелевском анализе, можно определить *диалектичность* следующим образом:

- *в широком смысле, как всеобщее – это процесс саморазвития реальности в форме как бытия, так и мышления, рассматриваемой в единстве (тождественности) её противоречивых сторон.* При этом саморазвитие осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения *внутренних* противоречий;

Из гегелевского же утверждения о тождественности предмета, внешнего мышлению и самого мышления следует, что

- *диалектичность в узком смысле, как единичное и особенное – это способ (метод) постижения действительности мышлением,* что осуществляется посредством рефлексии реальности в мышлении и действий мышления *со своими* предметами. Т.о. *диалектическое самодвижение мышления неразрывно связано с диалектическим самодвижением реальности*.

Именно так понимаемая *диалектичность* как способ существования и движения как бытия, так и мышления является тем объединяющим*, отождествляющим началом*, которое позволяет мышлению выражать и постигать в своих понятиях истину бытия.

Принцип диалектического *саморазвития*, основанного на *внутреннем* противоречии, развитии и разрешении возникшего противоречия знаменует превращение внутренне противоречивого предмета (у Гегеля понятия, идеи) в *субъекта собственного движения*, что дало Марксу повод для утверждения, что «деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»[2].

Но гегелевская идея как предмет и результат мышления должна иметь основание в бытии, реальности – ведь идея «не есть нечто отличное от своего предмета». Тем более, что идея, согласно Гегелю же, не может быть, как, кстати, и всё остальное, неопределённой, не соотносящейся с «иным», со своим отрицанием, иначе это будет не имеющее границы нечто неоформленное, замкнутое в-себе (кантовская вещь-в-себе?).

Попробуем, не ставя Гегеля в неудобное положение, не переворачивая

[1] Там же. С. 108.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 1

его с головы на ноги, тем не менее перейти от гегелевского идеализма к наличному реализму но не от его понятия-идеи, не от самодвижущего себя мышления, а найти возможное средостение между идеальным и материальным в таком их отношении, в котором они, будучи сущностно разными, тем не менее находятся в неразрывной связи.

И здесь на авансцену выходит концепция спинозовской субстанциональности, идею которой как единство, тождество взамоисключающих, но неразрывно связанных атрибутов, Гегель, несмотря на пространную и глубокую критику, оценивал весьма высоко.

Основной порок субстанции Спинозы, как отмечает Гегель, заключается в её инертности, неспособности к самодвижению: «У Спинозы субстанция и ее абсолютное единство имеют форму неподвижного единства, т. е. не опосредствующего себя с самим собой, — форму какой-то оцепенелости, в которой ещё не находится понятие отрицательного единства самости, субъективность».[1] «Субстанция определяется не как различающее само себя, не как субъект».[2] Но гегелевская идея саморазвития посредством внутреннего противоречия позволяет *положить* (Гегель) это противоречие *внутри* субстанции – как противоречие между её противоположными сторонами – протяжением (материальным) и мышлением (идеальным), которые своим взаимоотрицанием «различают» друг друга и тем самым вступают во взаимодействие. В результате противоречие актуализируется, предстаёт уже в форме собственного наличного бытия, «оживает» и начинает движение к своему разрешению, *снятию* в новом качественном состоянии.

Благодаря гегелевской диалектичности как процесса саморазвития спинозовская субстанция, в которой протяжённость и мышление, являясь сторонами *внутреннего диалектического противоречия* тем самым отождествляются *действительно,* а не формально, способна к *само*-развитию и потому *становится* (Гегель) *субъектом собственного движения*. Принцип *саморазвития посредством внутреннего противоречия*, логически последовательно исследованный Гегелем, оказался тем эликсиром, который оживил субстанцию Спинозы – в этой одухотворённой внутренним противоречием субстанции Спиноза и Гегель пожимают друг другу руки.

В своём саморазвитии эта внутренне противоречивая сущность предстаёт одновременно не только как *субъект*, но и как *объект* саморазвития, т.е. как *субстанция*, активная деятельность которой направлена *на самое себя*, на осуществление *самодвижения*. В такой диалектичной субстанции субъект-объектные отношения предстают не как внешние друг другу, а определяются *внутренней связью*, тождественностью сторон субстанции. Субъект-объектная субстанция замкнута внутри себя и потому самодостаточна и не нуждается во внешнем воздействии. Она полностью причина себя.

Отмеченная субъект-объектная рефлексия как фундаментальное отношение в самом основании реальности, – в человеке проявляется уже в

[1] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 332.
[2] Там же. С. 480.

форме его *самосознания* как отождествления в мышлении рефлексии себя (Я, субъекта) и рефлексии внешнего мира (не-Я, объекта), результатом чего является одновременное видение себя-в-мире и мира-в-себе, что, в конечном итоге, завершается созданием мира-для-себя, его преобразованием. Эта субъект-объектная рефлексия и является *фундаментальным основанием* становящегося *внутренне диалектичного самосознания* человека. *Сущность самосознания – это его диалектичность*, *тождественная диалектичности внешнего мира*, – только по этой причине возможно логическое выведение понятий, соответствующих сути процессов и вещей реальности, т.е. познание мира.

***

Осуществлённый анализ позволяет совершенно недвусмысленно указать на *сущность внутреннего противоречия спинозовской монистичной субстанции* – его сторонами являются атрибуты субстанции – протяжение и мышление (т.е. материальное и идеальное), неразрывные в своей взаимоотрицательности и потому состоящие в *диалектическом* взаимодействии, представляющем их *взаимную* рефлексию. Такая трактовка содержательной стороны внутреннего движущего противоречия субстанции, возможно, вызовет неприятие. Но все потенциальные возражения о невозможности существования такого противоречия снимаются субстанционалистской концепцией *идеального* Э.В. Ильенкова.

«Под “идеальностью” или “идеальным,” – пишет Ильенков, – материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а еще точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта, остающейся инвариантной во всех его изменениях, во всех его эмпирически очевидных вариациях».[1]

Выразим ильенковскую идею в самом общем, абстрактном виде – *идеальное есть представление материальным материального*. Представление *чего*? Ильенков отвечает – представление *отношения* – т.е. взаимодействия, процесса, движения. Но что представляет собой *сущность* этого представления? Очевидно, что она определяется характером отношения и в самом общем виде выражает «всеобщую природу, всеобщую форму и закономерности другого объекта». В *идеальном как представлении* собственно *материальный* процесс взаимодействия завершается, *исчезает*, но *сохраняется* как *видимость* этого процесса, проявляющаяся в форме, качествах, свойствах уже изменённого объекта (повторим за Ильенковым – вещи, процесса, события, состояния). Выше мы уже говорили об этом феномене – это не что иное как гегелевское «снятие», *прекращение* одного процесса (материального процесса взаимодействия) и одновременно *сохранение* его в другой форме – в *идеальной* форме как имманентности, видимости, «проступающей» сквозь материальную форму как содержание и

[1] Вопросы философии. 1979, №6. С. 131.

сущность.

Резюмируем – *идеальное есть представление, снятие материального процесса движения (изменения, развития) материального объекта в нём же (в наличном, актуальном материальном), в его форме, качествах, свойствах. Идеальное есть сущность материального.*

Идеальное диалектически двойственно. Оно есть момент, сторона конкретного материального процесса, снимаемая в наличном результате и как таковое оно особенное и конечное (ограниченное в форме конкретного материального). И оно же есть сущность, принцип, понятие этого процесса и в таком качестве всеобщее и бесконечное. Такое идеальное столь же объективно и всеобще, как и материальное, и неотделимо от него, как, впрочем, и материальное от идеального. Каждое из них есть «своё иное» другого.

В своём обоюдном взаимоотрицании и, тем самым, раздельности, материальное и идеальное неразрывны, определяют, рефлексируют друг друга («своё иное») и потому не имеют самостоятельного существования, совместно представляя стороны противоречия – внутреннего движущего диалектического противоречия монистичной субстанции.

Поскольку идеальное есть *снятие процесса движения и взаимодействия*, то в основании (источнике) идеального находятся не вещи, предметы, а процессы, действие. Основание идеального – это материальное, но не как фиксированная, застывшая вещь, предмет, а как движение, процесс. Вещь же содержит в себе идеальное исключительно потому, что она является итогом, результатом какого-либо материального процесса. Вещь (предмет, объект) в данном случае можно назвать основой (или материальной основой), в которой представлено её собственное идеальное – снятый процесс движения.

Из вышеизложенного логично следует вывод общего характера – в *основании каждого* диалектического внутреннего противоречия в качестве его противоположных сторон (моментов) в своём субстанциональном тождестве предстают материальное и идеальное. Именно они своим взаимоотрицанием создают побудительный импульс самодвижения субстанции, а их тождественность необходимо ведёт движение противоречия к своему разрешению – снятию в новой форме.

Но противоположность материального и идеального как сторон противоречия – это высшая абстракция, понятие противоречия, его принцип, всеобщее – и было бы большой ошибкой искать в *конкретных* ограниченных формах реальности (т.е. в особенном и единичном) материальное и идеальное в чистом виде. В конкретных формах действительности стороны противоречия, «пропитанные» материалом реальных вещей и отношений, что чрезвычайно осложняет задачу их экспликации, предстают также в своих конкретных, особенных и единичных *материально-идеальных формах* и задачей анализа является конкретизация этих сторон как отношений реальности, их форм, содержания, сущности. (Например, если взять основное движущее внутреннее противоречие любого социума, то его *материальную* сторону представляют *возможности* в форме наличных *материальных ресурсов*, а *идеальную – потребности* как идеальное выражение

необходимого. Не напоминает ли это противоречие между производительными силами и производственными отношениями?).

***

Логически эксплицированное понятие диалектичности и понятий, неразрывно связанных с этим феноменом, позволяют, обращаясь к их сущности, вывести основные принципы *диалектичности* как процесса, фундирующего реальность, и *диалектики* как метода её постижения.

Совершенно ясно, что в основание следует поместить фундаментальные положения, детерминирующие саморазвитие реальности со стороны всеобщности, аподиктичности и необходимости.

Логика анализа позволяет выделить два основоположения из которых можно вывести все остальные принципы диалектичности.

Это, во-первых, – *спинозовский принцип субстанционального монизма*, заключающийся в субстанциональном тождестве материального и идеального – субстанция представляет *неразрывное единство* своих *взаимоотрицающих* материальной и идеальной сторон. Объективная реальность развивается посредством бесчисленных субстанциональных форм, одновременно как целое также являясь субстанцией. При этом идеальное – это именно идеальное Ильенкова как представление материальным материального же. Принцип субстанционального монизма позволяет решительно избавиться от всех дуалистических заблуждений – как идеалистических, так и прямолинейно-материалистических – я имею ввиду пресловутую первичность бытия перед мышлением.

И второй принцип – *гегелевский принцип субъект-объектности субстанции*. Субстанция, являясь *субъектом* собственного движения, направлена *на саму себя как объект* и *саморазвивается* за счёт *внутренних* факторов. Самодвижение субстанции имманентно ей и императивно.

Из этих фундаментальных принципов логически естественным образом следуют дополняющие принципы, воспроизводящие общую картину.

Из принципа субъект-объектности следует *принцип внутренней противоречивости субстанции*. Источником (причиной, механизмом) саморазвития субстанции является *внутреннее* противоречие между её тождественными сторонами, каждая из них является «своим иным» другой. Стороны (моменты) субстанции *неразрывны в своём различии* – они невозможны одна без другой. Движение субстанции осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения (снятия) внутренних противоречий – происходит последовательное снятие наличного внутренне противоречивого состояния (качества) в новом, также внутренне противоречивом, состоянии (качестве).[1]

[1] Что касается принципа, известного как «закон перехода количественных изменений в качественные», то он является *внутренней* характеристикой принципа противоречивости и выражает деятельное соотношение материальной и идеальной сторон субстанции и их взаимное соответствие, меру. Подробный анализ качественно-количественного отношения приведен в книге В.А. Босенко (*Босенко В.А.* Всеобщая теория развития. – Киев, 2001. С. 101-182): «Есть не переходы количества в качество и, отдельно, качества в количество, а один переход, который есть

Принципы субъект-объектности и внутренней противоречивости предполагают *принцип единства (тождества, внутренней связи) отрицаемого и отрицающего*, отрицательного и положительного (т.е. отрицания и отрицания отрицания), что означает их неразрывность и *императивность* перехода от отрицания к отрицанию отрицания.

Последнее – переход от отрицания к отрицанию отрицания – проявляется как *принцип снятия* (прекращения, окончания, исчезания с одновременным сохранением, удержанием, наследованием, преемственностью), а именно – как сохранение в новом качественном состоянии субстанции предыдущих сторон внутреннего противоречия (качеств, признаков) но в другой, неявной, скрытой форме (в-себе). Снятие отрицания посредством отрицания отрицания в новом положительном (утвердительном) качестве и есть суть движения. Принцип снятия имеет результатом своего действия постоянное усложнение субстанции, «вбирающей» в себя предыдущее движение и состояние.

Из принципа внутренней противоречивости следует *принцип имманентной телеологичности*. Это объясняется тем, что стороны внутреннего противоречия своей конкретностью полагают вполне конкретное же его разрешение, т.е. тем самым некоторым образом предопределяют направление разрешения противоречия и, следовательно, *тенденцию* к некоему, определяемому характером внутреннего противоречия, результату – т.е. это самодвижение *интенционально*. Телеологичность не связана с некой внешней, чем-то заданной целью, а есть следование *внутренней логике* субстанционального развития.[1]

переход количества в качество и обратно. Т.е. это одновременно обоюдосторонний переход. ...Сам момент перехода есть разрушение одного единства количества и качества и созидание, формирование нового единства количества и качества на новом основании» (Там же. С. 179). Впрочем, ничто не мешает количественно-качественные переходы можно выделить в отдельный принцип, дополнительный к принципу противоречивости.

[1] Телеологичность конкретна, как соотносящаяся с конкретными же внутренними субстанциональными противоречиями и как таковая особенна и единична, но в самом общем виде она означает движение к усложнению субстанции, снятию предыдущих качеств в новом, более сложном состоянии.

Здесь совершенно естественным образом возникает реминисценция с предположением М.А. Лифшица, что ««природа расположена к известным предельным формам» (*Лифшиц М.А.* Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). – М.: «Прогресс-Традиция», 2003. С. 223), «природа “расположена” к более совершенному» (Там же С. 291), в котором совершенно отчётливо проступает аллюзия на телеологичность, от чего сам Лифшиц косвенно открещивался, говоря об Ильенкове, что «он боялся возрождения телеологии, старой религиозной идеи о том, что природа стремится к поставленной этому миру свыше цели» (Там же. С. 219).

Сам Лифшиц объяснял феномен «расположенности» тем, что в природе существуют некие «предельные формы» как «нормы или образцы, достигнуть которых можно только через бесконечное приближение» (Там же. С. 204), но не раскрыл ни сути «предельных форм», ни механизма их достижения, ограничившись констатацией наличия «расположенности». Внутренняя же противоречивость субъекта саморазвития самим своим наличием актуализирует телеологичность как

Как итог, вытекающий из всего сказанного выше, – *принцип тотальной диалектичности* (т.е. непрерывного движения, *само*развития посредством становления, развития и разрешения *внутренних противоречий*) всего сущего, всей объективной реальности – и бытия, и мышления о нём. Последнее означает, что *все сформулированные принципы диалектики распространяются и на бытие, и на мышление и, следовательно, обладают как онтологическим, так и гносеологическим статусом*.

И последнее – из принципа тотальной диалектичности естественным образом следует *принцип тотального единства (целостности), всеобщей связи*: связи общего-особенного, особенного-единичного, а, следовательно, в конечном итоге, посредством особенного – и общего-единичного.

Список литературы.

1. Босенко В.А. Всеобщая теория развития. – Киев, 2001.
2. Вопросы философии. – М.: «Наука», 1979, № 6.
3. Гегель Г. Наука логики. В 3 т. - М.: Мысль, 1970.
4. Гегель Г. Соч. В 14 т. – М.: Партиздат, 1932.
5. Ильенков Э.В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии//Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964.
6. Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967.
7. Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). – М.: «Прогресс-Традиция», 2003
8. Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1988.
9. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955.

24.03.2025

О субстанции

(Данная статья представляет собой текст, написанный в период осмысления основных проблемных положений диалектического саморазвития реальности и основные выводы её использованы при написании книги «Субстанциональный монизм как диалектика материального и идеального и основополагающий принцип саморазвития реальности»).

1.

Материя, формы движения материи, субстанция – авторы текстов на философские темы зачастую столь небрежно обращаются с этими категориями, что создаётся впечатление их если не аутентичности, то достаточно близкой идентичности, что, совершенно ясно, не соответствует истине. И этот метафизический подход всё ещё имеет место, несмотря на то, что в

имманентность ею же детерминируемую и объясняет и суть, и механизм такой расположенности-телеологичности.

материалистической диалектике достаточно подробно освещён вопрос соотношения упомянутых категориальных форм.

Установить различие (и тождество) понятий материи, форм движения материи и субстанции возможно только через рассмотрение их отношения друг к другу, взаимосвязи, а не на пути отвлечённых рассуждений об их сущности безотносительно к формам проявления.

Не будем забираться вглубь истории вопроса. Отправным пунктом возьмём известную формулировку Ленина – «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»[1], которая не раз становилась предметом обсуждения по причине определения материи через её противопоставление сознанию, через отражение в другом, а не самостоятельно, самодостаточно.

В рассуждениях о сущности материи часто совершенно забывается один из основных принципов диалектики – о всеобщей связи вещей. Говорить о материи можно только постоянно имея ввиду эту всеобщую связь. Как только делается акцент на каком-то из признаков материи либо их метафизическом противопоставлении (например, существования и мышления), тотчас материя съёживается до одной из своих конкретных форм или проявлений. Предложение определить материю независимо от сознания совершенно не принимает в расчёт того бесспорного факта, что вопрос о сущности материи задаёт себе сама материя, существующая в мыслящей форме, а не нечто от неё отличное. Уже самый факт возникновения вопроса доказывает невозможность рассмотрения материи и мышления как взаимно независимых феноменов. Сознание, мышление есть форма проявления самой материи, а потому предложения определить материю вне связи с мышлением есть не что иное, как попытка лишить материю одного из своих атрибутов, само наличие которого является причиной возникновения вопроса о сущности материи.

Дело не в том, чтобы материю определить вне противоположности к мышлению, это ненужная частность, а в том, что в понятие материи необходимо должны войти как признание её объективной реальности, так и все её проявления, атрибуты (в т.ч. и мышление). Казалось бы, что при соблюдении такого условия определить материю принципиально невозможно. За одним исключением – определяющим признаком материи считать её существование[2], но не в абстрактной, а во всеобще-конкретной форме.

---

[1] Ленин В.И. ПСС, изд. 5, т. 18, с. 131.

[2] «Единство мира состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен существовать, прежде чем он может быть единым. … Действительное единство мира состоит в его материальности…». Маркс К., Энгельс Ф. ПСС, 2 изд., т. 20, с. 43.

«…единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания». Ленин В.И. ПСС, изд. 5, т. 18, с. 275.

«…природа бесконечна, но она бесконечно существует, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание ее существования

Прежде всего, всё сущее *есть*, *наличествует*, т.е. оно объективно, и уже потом устанавливает свои различения. Но собственно существование как таковое ещё не объясняет всего многообразия материи. Если данный атрибут понимать всеобще-абстрактно, как факт только существования самого по себе, вне связи с формами проявления материи, то сущность материи в данном понимании полностью выхолащивается, материя лишается главного, субстанциональности[1], т.е. внутреннего потенциала развития, не говоря об утрате всех других атрибутов. Если самого факта существования, материальности мира ещё достаточно для установления его единства, то явно недостаточно для объяснения движения материи, её развития. Это тонко подмечено Энгельсом у Гегеля, различавшим существование как просто наличие и бытие как развитие, движение[2]. Материя едина в существовании и различается в бытии через формы движения.

Материя тождественна своим формам движения единством существования и одновременно противоположна им как своим различениям, реализующим развитие и тем самым представляющим собой нечто отличное от неё. Материя (всеобще-абстрактная категория) проявляется и реализуется в формах движения (категориях особенного).

Т.о. если существование материи понимать всеобще-конкретно[3], как существование в бытии, как совокупность и взаимосвязь бесконечного многообразия её форм движения (в том числе и обладающих мышлением), то такое понимание материи необходимо содержит в себе и примат материальности, и многообразие форм, и атрибутивность материи.

В мышлении материя представлена двояко. Во-первых, как восприятие объективного существования её форм – онтологическое представление материи, во-вторых, как их отражение в сознании в форме категорий –

вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм…». Там же, с. 278.

[1] Субстанциональности в спинозовском понимании – «…то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться». Спиноза Б., Избранные произведения, т. 1, М., 1957, с.361.

[2] Уже упомянутая идея о *существовании*, материальности как единстве мира («Единство мира состоит не в его бытии… и т.д.») дополняется идеей *бытия* как развития материи: «По Гегелю, бытие в себе содержит первоначальное тождество неразвитых противоположностей, скрытых в какой-либо вещи, в каком-либо процессе, в каком-либо понятии; в бытии для себя выступает различение и разъединение этих скрытых элементов и начинается их взаимная борьба». Маркс К., Энгельс Ф. ПСС 2 изд. Т. 20, с. 58.

[3] Конкретное понимается в смысле, который вложен в это понятие Ильенковым «…конкретное в словаре Маркса (в словаре диалектической логики вообще) и определяется как «единство во многообразии». Здесь конкретное не означает чувственно воспринимаемую вещь, наглядно представляемое событие, зрительный образ и т.д. и т.п. Конкретное означает здесь вообще «сращенное» – в согласии с этимологией этого латинского слова – и потому может употребляться в качестве определения и отдельной вещи, и целой системы вещей, равно как в качестве определения и понятия (истины и пр.), и системы понятий». Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М. Политиздат, 1984.

гносеологическое представление материи.

Эта двойственность восприятия материи и отражена в ленинском определении материи – «материя есть *философская категория* (гносеологический аспект) для обозначения *объективной реальности* (онтологический аспект)». Но почему-то этой двойственности старательно не замечают критики Ленина, назойливо выделяя, в зависимости от своих предпочтений, то одну, то другую сторону его определения материи, пытаясь ленинскую диалектику низвести к догматической схоластике. Что касается заключительной части ленинской формулировки (о данности материи в ощущениях), вызвавшей столько разногласий, то следует учитывать исторический момент её появления – данное определение возникло в споре с представителями идеалистического лагеря в вопросе о первичности бытия или мышления и недвусмысленно подчёркивает примат материального перед идеальным. Именно здесь смысловой центр тяжести, обусловленный конкретными историческими обстоятельствами. Для Ленина главным было не участие в схоластических рассуждениях о сущности материи как таковой, а стремление определить место мышления в общем порядке вещей, с тем, чтобы, сняв с мышления покров его идеалистического фетишизирования, открыть простор для активной деятельности сознания, т.е. человека, в целях его освобождения от любых зависимостей, природных либо общественных. Кажущееся антиномичное противостояние бытия и мышления уже не является здесь неким внешним признаком, требующим оправдания, но становится внутренним противоречием, движущим началом.

Признание объективности материи и множественности форм её движения, тем не менее, оставляет открытым вопрос о причине и механизме развития материи. Этот пробел восполняется признанием за материей способности к самодвижению, саморазвитию, что находит выражение в категории субстанции.

Главным качеством субстанции в канонических определениях, данных Декартом[1] и, почти идентичном, Спинозой[2], является имманентная способность быть причиной самой себя, то, что в Гегелевской логике именуется субъектностью. Субстанция внутренне противоречива и развивается через разрешение своих противоречий. «Ближайшим образом субстанция … раскрывается как «причинное отношение», притом как «имманентная причинность», т.е. в конце концов как противоречие»[3].

(Примечательно, что одинаковое понимание сущности субстанции Декартом и Спинозой позволяет, тем не менее, выстаивать совершенно

[1] «Разумея субстанцию, мы можем разуметь лишь вещь, которая существует так, что не нуждается для своего существования ни в чем, кроме самой себя». Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950, с. 448.

[2] «Под субстанцией я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться». Спиноза Б. Избранные произведения, М., 1957, с. 361.

[3] Ильенков Э.В. Субстанция.//Философская Энциклопедия: в 5-х т. - М.: Издательство "Большая Советская Энциклопедия", 1960-1970, т. 5, с.151-154.

разные картины мира – дуалистическую у первого и монистическую у второго. Это объяснимо – трактовать субстанцию, т.е. *целое*, *всеобщее*, можно либо как надмирного бога, и тогда материальное и идеальное, бытие и мышление вполне могут жить раздельно и объединяться через бога, либо как объективную единую природу, и тогда бытие и мышление необходимо являются атрибутами *одной* субстанции).

Однако, известное определение субстанции Э.В. Ильенковым в «Философской Энциклопедии»: «(лат. substantia – сущность; то, что лежит в основе), – объективная реальность, рассматриваемая со стороны ее внутреннего единства, безотносительно ко всем тем бесконечно многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует; материя в аспекте единства всех форм ее движения, всех возникающих и исчезающих в этом движении различий и противоположностей»[1], поразительным, на первый взгляд, образом обходит вопрос о субъектности субстанции, её противоречивости и потенциале саморазвития, т.е. главное в сущности субстанции.

И только последующее упоминание, как бы мельком, что «…субстанция, с одной стороны, понимается как материя, а с другой стороны, эта материя трактуется одновременно как субъект всех своих изменений как «субстанция-субъект», т.е. активная причина всех своих формообразований, не нуждающаяся поэтому в формировании извне, вне ее и независимо от нее существующим деятельным субъектом, как бы тот ни назывался или интерпретировался, – как бог, как «Я», как идея или самосознание, как душа или экзистенция», - наводит на мысль, что такое построение статьи о субстанции явно вынужденное. Очевидно, здесь сказалось давление со стороны составителей энциклопедии, озабоченных борьбой с пресловутым «гегельянством». Это предположение подтверждается тем, как Ильенков трактует субстанцию в статье «К докладу о Спинозе».

В ней Ильенков не только убедительно говорит о субстанции как о причине самой себя, но идёт гораздо дальше этого, ставшего уже тривиальным, утверждения: «Категория же эта в действительности является фундаментальным основанием диалектики как логики и теории познания. Она резюмирует в себе, в частности, требование прежде всего выяснить то ЦЕЛОЕ, внутри которого ты проводишь все дальнейшие аналитические расчленения, чтобы не связывать потом в составе теоретических суждений совершенно разнородные элементы… В этом плане СУБСТАНЦИЯ и выступает как первая и важнейшая категория Логики, и именно Логики научно-теоретического анализа. Если вы ее не принимаете, то ни о какой Логике с большой буквы говорить уже не приходится».[2]

Ильенков буквально несколькими мощными мазками в концентрированном виде изложил фундаментальную мысль Спинозы о значимости *всеобщего, целого* в развитии субстанции. Более того, об императивности целого в отношении частей: «логика мышления Спинозы вообще — это

[1] Там же.

2 Ильенков Э.В. К докладу о Спинозе//Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга - диалог). - М., 1997, с. 176.

Логика детерминации (определения) ЧАСТЕЙ СО СТОРОНЫ ЦЕЛОГО.

Целое предполагается ДАННЫМ, а все исследование ведется как АНАЛИЗ, — то есть как процедура выявления тех "частей", которые производит на свет именно данное целое, чтобы обеспечить свое самосохранение и самовоспроизведение.

Именно идея такого анализа, — исходящего из ясного представления о ЦЕЛОМ, и идущего последовательно по цепочке причинности, которая и воспроизводит это целое уже как результат АНАЛИЗА, — и заключена в логически-концентрированном виде в категории СУБСТАНЦИИ, как "causa sui", — как причины самой себя…

Иными словами, именно Спиноза раскрыл тайну ЦЕЛЕ-СООБРАЗНОСТИ как простой факт ЦЕЛО-СООБРАЗНОСТИ, — как факт обусловленности частей со стороны ЦЕЛОГО (а не "цели" в ее спиритуалистически-идеалистическом толковании).

Иными словами, — всякий акт анализа, — то есть прослеживания отдельных цепочек причинно-следственных зависимостей, — должен исходить из предельно ясного и четкого представления о том ЦЕЛОМ, которое мы хотим в итоге дискурсивно-аналитического исследования получить».[1]

Ильенков не первый, кто снова обратил внимание на императивность принципа детерминации частей целым. Идею о решающей роли целого применительно к общественным процессам высказывал также Г. Лукач.[2]

Будет ошибкой, основываясь на недосказанности темы Ильенковым, ограничивать действие принципа детерминации исключительно сферой логики. Мало кто из философов-диалектиков так ярко и убедительно отстаивал идею тождественности бытия и познания как отражения законов природы в категориях мышления. Принцип детерминированности частей целым распространяется не только на сферу логики, научного исследования, он имеет всеобщий характер и простирает свою власть на всё бытие, что подтверждается данными естественных наук.

Академик Н.Н. Моисеев, видный исследователь в области системологии, на основании анализа эмпирических фактов утверждает, - «…система обладает особыми системными свойствами... Некоторые системы как бы определяют свойства своих элементов, элиминируют, исключают некоторые из них, если эти элементы оказываются неспособными выполнять некоторые функции, необходимые для существования (наверное, точнее — стабильности) системы. Порой мне представляется, что многие системы

[1] Ильенков Э.В. К докладу о Спинозе//Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга - диалог). - М., 1997, с. 174-175.

[2] «Не господство экономических мотивов в объяснении истории решающим образом отличает марксизм от буржуазной науки, а точка зрения тотальности. Категория тотальности, всестороннее, определяющее господство целого над частями есть сущность того метода, который воспринял Маркс от Гегеля и который он оригинально преобразовал, положив в основу совершенно новой науки. … Господство категории тотальности есть носитель революционного принципа в науке. Диалектический метод у Маркса исходит из познания общества как тотальности». Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М., 2003, с. 128-129.

напоминают инженера, управляющего сложной машиной. Если какая-либо деталь не удовлетворяет его требованиям, он не исправляет ее, а просто выбрасывает и подбирает новую, лучше соответствующую требованиям к системе. Это обстоятельство особенно хорошо просматривается на уровне систем общественной природы.

Другими словами, взаимосвязь свойств системы и ее элементов гораздо более глубокая, чем это принято думать: не только свойства системы зависят от свойств элементов, но и обратно — свойства элементов, составляющих систему, могут зависеть от свойств системы. И по мере восхождения по ступеням сложности эта взаимозависимость проявляется все более и более отчетливо. Особенно тогда, когда речь заходит об изучении систем общественной природы… Можно говорить о «целях» системы, какой бы природы она ни была. В неживых системах это стабильность и развитие, то есть непрерывное усложнение организационной структуры и многообразия элементов. В системах, принадлежащих миру живого, цель элемента — стабильность, которую принято называть гомеостазом. В системах общественной природы возникает целый спектр целей».[1]

Но системы не просто управляют поведением своих частей, они обладают качеством *саморазвития*, - «Условимся называть самоорганизацией системы такой процесс изменения ее состояния (или характеристик), который происходит без целенаправленного (может, лучше — целенаправляемого) начала, каковы бы ни были источники целеполагания. Можно говорить и о стихии самоорганизации — здесь мы ошибки не сделаем. Причины, побуждающие процесс самоорганизации, могут быть как внешними, так и внутренними. Если же речь идет об Универсуме как единой системе, то процесс ее изменения идет только за счет внутренних взаимодействий, то есть за счет факторов, принадлежащих Универсуму».[2]

И это не спекулятивные рассуждения – это выводы, сделанные на основании эмпирических исследований, которые диалектически мыслящий человек не может игнорировать.

Сказано почти дословно по Ильенкову (и Спинозе). Самое примечательное, что пишет это не приверженец методологии материалистической диалектики, а учёный, стоящий на сугубо позитивистских позициях. Научная принципиальность и честность всё-таки стихийно на стороне диалектики, что подтверждается всей историей науки (не видна ли здесь рука необходимости?).

Странно, но принцип детерминации частей целым далеко стороной обходят современные учёные диалектического направления, совершенно не упоминая о нём в своих работах, хотя для диалектического понимания *развития* он не менее важен, чем принцип борьбы противоположностей, до сих пор считавшийся краеугольным камнем диалектики. Более того, они взаимодополняют друг друга, подобно тому, как из разных деталей

[1] Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М., Устойчивый мир, 2001.

[2] Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М., Устойчивый мир, 2001.

создаётся цельный работоспособный механизм. Противоречие (отрицание), детерминация его развития целым, разрешение противоречия (синтез, отрицание отрицания), – на наших глазах эта цепочка категорий всеобщего воплощается как в особенном в известной триаде, – изменчивость, приспособление, наследственность.

Принцип детерминации частей целым предполагает, что материя, понимаемая как субстанция, т.е. саморазвивающееся целое, всеобщее, в каждое мгновение актуально содержит в себе все свои различения, проявляющиеся как формы движения, процессы, предметы и т.п., и не только различает, но и определяет форму их развития. Именно принцип детерминации частей целым находит своё выражение в известном тезисе о всеобщей связи вещей, в этом принципе механизм такой связи просматривается совершенно отчётливо.[1] Более того, принцип детерминации *всеобщее* развитие замыкает в круг – наличное целое детерминирует развитие частного, частное необходимо приходит к целому.

Детерминистский подход к понятию субстанции существенно повышает аналитические возможности данной категории уже хотя бы тем, что, подобно бритве Оккама, позволяет отсечь версии развития частного, противоречащие траектории развития целого. Но не только, применение принципа детерминации позволяет выявить аналитическим путём наиболее «жизнеспособные» варианты развития частей целого.

Но для этого необходимо не ограничиваться применением категории субстанции к природе в целом, а распространить её действие на все процессы природы, протекающие как саморазвивающиеся процессы. Допустимо ли это?

Как известно, Ленин, поставив вопрос о необходимости «углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции»,[2] здесь же, по сути, указал и направление, в котором следует искать ответ - «найти причины явлений…», «действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции».

Ленинская трактовка вопроса о субстанции позволяет сделать следующие выводы: во-первых, материя и субстанция не аналоги, между ними существует принципиальное, хотя и относительное, гносеологическое различие; во-вторых, постановка вопроса указывает не только на объект, на то, что лежит в *основе* явлений, но и на границы его существования, которые вовне очерчены границами *явления;* в-третьих, понятие субстанции есть развитие понятия материи вглубь, её конкретизация.

По сути ленинской мысли субстанция есть то, что содержит в себе

---

[1] «Кроме того всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом единства мира, природы, движения, материи etc.». Ленин В.И. ПСС 5 изд., т. 29, с. 229.

2 Там же, с. 142.

причину возникновения (развертывания) явлений (вещей, процессов), которыми субстанция внешне представлена, т.е., другими словами, субстанция столь же множественна, текуча, изменчива, как и явления, ею вызываемые. Субстанции имманентна причина становления сущего, т.е. субстанция понимается как субъект развития, движения, а значит она полна живых противоречий и разворачивает себя через их разрешение.

Эта же мысль звучит и у Ильенкова: «категория субстанции в обобщенно-логической форме отражает… имманентные различия внутри одного и того же, четко определенного предмета, т.е. различия внутри некоторого тождества», «субстанция, с одной стороны, понимается как материя, а с другой стороны, эта материя трактуется одновременно как субъект всех своих изменений как «субстанция-субъект», т.е. активная причина всех своих формообразований»[1].

Совершенно отчётливо просматривается идея, что каждой форме движения материи (явлении, процесса, вещи) сопоставлена адекватная ей субстанция. Субстанция – форма существования (модус) материи во всех видах её проявления, т.е. материя в её конкретности. Материя движется от общего через особенное к отдельному через изменение своих субстанциональных форм (субстанций), вплоть до мыслящей субстанции, посредством которой материя познаёт себя. Субстанциональная материи подобна ветвящемуся дереву, каждая ветвь которого и вырастает из общего основания, и относительно самостоятельна. Вплоть до формы, обладающей мышлением и ставящей вопрос о себе самой, о соотношении бытия и мышления, материального и идеального.

Живая реальность настоятельно требует именно такой трактовки понятия субстанции. Может быть буквально это и не по-спинозовски[2], но, преступая через букву, догматический момент, мы сохраняем истинно диалектический спинозовский дух – дух всепроникающего непрерывного развития.

В этом же смысле, по сути, высказывается и Ильенков, говоря о формальном мышлении, что оно «не желает впускать в логику идею *развития*, органически – и по существу, и по происхождению – связанную с понятием *субстанции*, т.е. принцип *генетической общности* явлений, представляющихся на первый взгляд совершенно разнородными (поскольку абстрактно-общих признаков между ними обнаружить не удается)»[3].

В субстанции материя становится тождественной себе как источник и результат саморазвития. Движение материи, возникновение новых форм, наполнение их (и, следовательно, материи) новыми атрибутами происходит через смену субстанциональных форм, которые, в свою очередь,

---

1 Ильенков Э.В. Субстанция.//Философская Энциклопедия: в 5-х т. - М.: Издательство "Большая Советская Энциклопедия", 1960-1970, т. 5, с.151-154.

[2] «Одна субстанция не может производиться другой субстанцией». Спиноза Б. Избранные произведения, М., 1957, с. 364.

[3] Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М. Политиздат, 1984.

развиваются через разрешение своих внутренних противоречий.[1] Каждая последующая субстанция являет собой новое качество в движении материи и содержит в снятом виде предыдущие формы движения. Можно сказать, что каждой форме движения материи соответствует «своя» субстанция.

Из этого следует совершенно естественный вывод: *субстанция – это материя, различающая себя в конкретности от себя во всеобщности* («различие внутри некоторого тождества») или, что то же самое, материя – это субстанция «рассматриваемая со стороны её внутреннего единства». *Материя субстанциональна и как целое (всеобщее), и в своих формах движения, проявления (особенное, отдельное); субстанция материальна в своей основе.*

Категория субстанции и объемлет материю в целом как объективную реальность, и пронизывает все формы её проявления, движения, все её различения. Уникальность категории субстанции в том, что в ней отождествляются и одновременно различаются всеобщее, особенное и отдельное. Именно эта её особенность дала возможность Марксу применить её к труду как субстанции стоимости при анализе последней.

Может возникнуть вопрос – что же детерминирует части, если ещё не возникло целое? Именно таким путём развивается общество. Сначала возникают единичные проявления чего-то нового (отвлечёмся от его сущности и генезиса), затем вокруг этого нового группируются его приверженцы, эти тенденции усиливаются и, наконец, новое из частного становится целым, доминирующим фактором. И только с этого момента возникшая доминанта, качественно новое целое, определяет развитие своих частей.

Да, части нового возникают и развиваются в рамках прежнего целого и детерминируются им, а в случае несоответствия и подавляются. Но если потенциал противоречия между частями возникающего нового и прежним целым достаточно высок, то противоречие разрешается возникновением нового целого, которое становится детерминирующим фактором. Если же старое целое имеет достаточно сил для подавления (детерминации) нового, возникающего в старом в качестве его противоречащей стороны, то противоречие стагнирует, впрочем, до поры до времени. Это типично диалектический путь развития.

Возникающие части нового обладают определёнными, отнюдь не универсальными, качествами и уже в силу их наличия развитие противоречия ограничено в своих потенциях. Т.е. возникающее новое целое также некоторым образом детерминируется частями, его составляющими, причём в довольно узком коридоре возможностей. Становящееся целое представляет собой новое качество, отличное от суммы качеств составляющих его частей, и в которое части (стороны противоречия) переходят не непосредственно, а в снятом виде. Ко всему прочему и атрибуты прежней и новой субстанций, поскольку последние качественно различны, не совпадают. Т.о. целое (новая субстанция), хотя и «вышла» из предыдущей, но уже свободна от её влияния, несмотря на то, что несёт в себе её «родимые» пятна.

[1] Отсюда следует частный вывод – субстанция *всегда* содержит в себе внутреннее противоречие, являющееся источником её самодвижения.

Всё это позволяет говорить об относительной независимости субстанций и в спинозовском смысле.

Может ли субстанция спонтанно вернуться в предыдущее состояние? Главным сдерживающим фактором такого регресса является принцип детерминации, который препятствует протеканию процессов, ведущих к деградации субстанции. Если же, в силу каких-то внутренних (а, возможно, и внешних) причин субстанция деградирует к состоянию, подобному предыдущему, то это всё равно будет другое состояние, совершенно не идентичное тому, из которого субстанция «вышла». Характер движения субстанции изменится и будет определяться текущим субстанциональным состоянием, а не предыдущим. Нельзя войти в одну реку дважды…

(Можно предположить, что принцип детерминации достигает своей высшей силы, абсолюта применительно к общественным процессам. Более того, реальность демонстрирует примеры того, как в общественных процессах даже ещё не возникшее, но уже просматривающееся целое, оказывает детерминирующее влияние на части, вызывающие его к жизни. Проблема детерминации своих частей как «старым» целым, внутри которого возникает противоречие, так и, на определённом этапе, «новым», нарождающимся целым, которое в ходе разрешения противоречия начинает просвечивать сквозь ткань бытия, весьма интересна, перспективна, сложна и требует дополнительных исследований.)

Принцип детерминации частей целым диалектически противоречив, – с одной стороны он выполняет «охранительные», стабилизирующие функции, ставя барьер на пути изменений субстанции, выходящих за определённые границы; с другой стороны, этот барьер является неким порогом, преодоление которого знаменует то, что в диалектике называется скачком, переходом на качественно новый уровень и что обязательно происходит, если потенциал внутреннего противоречия достаточно высок.

Субстанция, как и материя, представлена двояко. Во-первых, в бытии как «объективная реальность», и, во-вторых, в мышлении как отражение реальности, в идеальной форме. В свою очередь, в мышлении субстанция также представлена двойственно – в форме чувственного восприятия реальности (онтологический аспект) и в форме научного познания (гносеологический аспект).

Поэтому, говоря о субстанции, следует постоянно иметь ввиду её двойственность, на что мало обращают внимания, понимая под субстанцией, преимущественно, её материальное бытие (и чувственное восприятие) и забывая о существовании гносеологического аспекта (т.е. идеального представления в категориальной форме).

Сущностью субстанции в гносеологическом аспекте является понятие субстанции. Но понятие, трактуемое не как перечень определений или описание бытия субстанции, а как закон её существования и развития, учитывающий субъектность субстанции, т.е. её необходимую противоречивость[1], выявление этого закона будет одновременно установлением её

[1] Двойственный характер субстанции совершенно отчётливо прослеживается в определении Марксом субстанции стоимости как воплощённого труда. Труд здесь

понятийного содержания, тенденции развития. Реализация субстанционального закона с необходимостью ведёт к становлению новой формы «объективной реальности», новой субстанции. По отношению к материи как субстанции её субстанциональные различения следует рассматривать в категориях особенного и отдельного, относя материю к категории всеобщего.

Способ познания материи-субстанции, это диалектический «метод развития понятий – от абстрактного к конкретному, т.е. от понимания субстанции к пониманию форм ее проявления (саморазличения)», что даёт «конкретное понимание субстанции, обязывающее в каждом особом случае обнаружить и зафиксировать в понятиях ту конкретно-всеобщую «материю», внутри которой мышление затем устанавливает все свои дальнейшие различения»[1]. Из ильенковской мысли следует вывод, что «понимание субстанции» есть не что иное, как фиксирование «в понятиях» конкретного бытия материи, т.е. установление закономерности, необходимости её проявления в действительности, выявление закона существования и развития субстанции.

Идея субстанциональности есть убедительное оправдание того фактического состояния, в котором взаимно пребывают бытие и мышление – посредством проникновения в сущность субстанции мышление устанавливает истинность своих представлений.

«Субстанция …оказывается абсолютно необходимым условием, без допущения которого принципиально невозможно понять способ взаимодействия между мыслящим телом и тем миром, внутри которого оно действует в качестве мыслящего тела. Это глубоко диалектический момент. Только отправляясь от идеи субстанции, мыслящее тело может понять и самое себя, и ту действительность, внутри которой и с которой оно действует, о которой оно мыслит»[2].

Сконцентрируем рассуждения о субстанции в нескольких выводах, которые можно применить к анализу конкретных субстанциональных форм и формированию понятий о них, а, в итоге, и о материи (и духе) в целом.

Главное качество субстанции – её способность к самодвижению, саморазвитию. Субстанция – это *саморазвивающаяся* материя, различающая себя в особенности и отдельности от себя во всеобщности и особенности. Материя – это субстанция «рассматриваемая со стороны ее внутреннего единства». Материя субстанциональна и как целое (всеобщее), и в своих

берётся и в онтологическом, как материальная человеческая деятельность, и в гносеологическом, как «...простой сгусток лишенного различий человеческого труда», аспектах, и анализируется его содержание в логических категориях, т.е. изнутри, с точки зрения законов его существования. Маркс исследует субстанцию не только как проявление некой материальной основы, а, прежде всего, через проникновение в сущность её, раскрытие закона существования и развития субстанции.

[1] Ильенков Э.В. Субстанция.//Философская Энциклопедия: в 5-х т. - М.: Издательство "Большая Советская Энциклопедия", 1960-1970, т. 5, с.151-154.

[2] Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М. Политиздат, 1984.

формах движения, проявления (особенное, отдельное); субстанция материальна в своей основе.

Всеобщность материи конкретизируется в особенности и отдельности субстанциональных форм. Субстанциональность есть необходимое условие развития как материи в целом, так и всех её форм проявления, процессов, вещей.

Субстанция субъектна[1] – она развивается посредством становления своих внутренних противоречий, разрешение которых ведёт к появлению нового качества и, следовательно, новой субстанции. Вовне субъектность субстанции, её саморазвитие, проявляется в виде движения, развития, процессов, явлений, наблюдаемых в бытии, которые в своём основании необходимо имеют материальную основу, подлежащую исследованию (другими словами, – если наблюдается движение (в диалектическом смысле), то должна быть и его основа, - субстанция).

Принцип противоречивости, являющийся механизмом саморазвития субстанции, дополняется принципом детерминированности частей целым, выполняющим функцию всеобщей связи, и который, с одной стороны, ограничивает набор возможностей развития условием соответствия частей целому и выполняет роль механизма отбора (приспособления) и, с другой стороны, определяет порог, преодоление которого знаменует диалектический скачок (отрицание отрицания) и переход в новое качественное состояние.

Онтологичность и гносеологичность субстанции столь же неразрывно связаны в действительности, как бытие и мышление. В мышлении субстанция представлена как в онтологическом аспекте - как отражение объективной реальности, так и в гносеологическом – как понятие о ней, закон её развития. Анализ субстанции призван выявить её внутренние противоречия и механизм их разрешения в соответствии с принципом детерминированности (закон существования субстанции).

2.

Насколько предложенное понимание субстанции соответствует действительности можно выяснить, только практически применив его к анализу «объективной реальности». Нижеследующие рассуждения представляют собой только методологическую иллюстрацию (даже, скорее, схему) применения предложенного понимания категории субстанции, не претендуя на какие-либо обобщения.

Воспользуемся принятой классификацией форм движения материи - механическая, физическая, химическая, органическая, социальная. Вопреки формуле, согласно которой ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека, начнём анализ с низшей формы движения – механической.

Поневоле придётся воспользоваться априорным методом[2]. Несмотря на

[1] И субъективна, т.е. идеально представлена в другой «вещи». Но об этом речь пойдёт при рассмотрении идеального.

[2] Энгельс определил априорный метод как такой, «согласно которому свойства какого-либо предмета познаются не путем обнаружения их в самом предмете, а путем логического выведения их из понятия предмета». ПСС 2 изд. т. 20, с. 97.

всю условность и уязвимость данного метода при отсутствии фактических данных о предмете рассмотрения иной порядок, – от изучения самого предмета к формированию понятию о нём, – пока не применим. Схоластично? Да, если применять к умозрительному предмету эклектичный метод. Но проблематично (в смысле постановки вопроса), если использовать диалектический метод, правильное применение которого либо покажет ошибочность рассуждений, либо приведёт к положительному результату.

Литература бедна исследованиями темы механического движения как такового. Один из немногих авторов, который в своих работах анализирует данную проблему, В.А. Босенко, пишет о механическом движении: «Оно - движение количественное по своей природе и самодвижением не обладает, не имеет своей внутренней противоречивости и, таким образом, само по себе является бесплодным (односторонним, абстрактным). Но собственно механического, чистого механического движения в природе не существует. … Известно, что самого по себе перемещения в природе нет. Механическое движение как перемещение всегда должно быть перемещением чего-то, какого-то тела, вещи с ее качественностью, телесностью, структурой, которые сами, в свою очередь, всегда есть какое-то более сложное, чем механическое, движение (физическое, химическое и т. п.)… Существуй эта, количественная в своей сущности, форма движения одна, она никогда не могла бы из себя породить имеющегося вокруг нас многообразия качественных форм движения. Тот факт, что такое многообразие все-таки есть, свидетельствует также о том, что существование собственно механического движения в чистом виде невозможно»[1].

Сделаем некоторые выводы. Итак, во-первых, – чистое механическое движение внутренней противоречивостью не обладает и потому бесплодно и в чистом виде в природе не существует; во-вторых, – если бы оно существовало, то это было бы перемещением чего-то телесного, качественного, структурного (сложного); в-третьих, – механическое движение, даже существуй оно в чистом виде, не может породить из себя другие формы движения.

Однако, далее Босенко пишет: «*В необходимом же взаимодействии механическое движение превращается в другие формы движения* (выделено мной), включается в более сложные формы и снимается в них….», «…механическое движение занимает *необходимое* место в системе самодвижения необходимости и потому является неотъемлемой частью движения вообще. Пребывание материи в движении вообще, реализуясь через конкретные формы движения, осуществляет себя и через механическую форму движения как *одну из форм всеобщего движения* (выделено мной)… Больше того, все остальные формы так или иначе пребывают в простейшей, механической форме движения. Ни одна более сложная форма движения не обходится без сохранения при себе, без включения в себя механической формы движения. …Таким образом, *во всеобщих совокупных связях механическая форма движения из развития не исключается. В ней также реализуются все законы диалектики* (выделено мной). Последние не

[1] Босенко В.А. Всеобщая теория развития. Киев, 2001, с. 74.

обходят ее, поскольку она не абсолютное только механическое движение, но и движение вообще, а вернее, лишь отдельная форма бытия (существования) движения вообще».

Как видим, налицо антиномичные противоречия в высказываниях, цитированных в двух вышеприведенных абзацах. Но противоречия эти, представляется, возникли не вследствие отражения противоречивости предмета, а как результат неверного понимания сущности предмета. Попробуем дать ответ на поставленный вопрос, применив к предмету анализа категорию субстанции в предложенном понимании.

Признавая существование в основании каждой формы движения материи определённой субстанции мы не можем априори отказать в наличии таковой и форме чистого механического движения, не отказывая себе в праве называться диалектиками.

Рассмотрим внимательно негативные постулаты Босенко в отношении чистого механического движения (это именно постулаты, поскольку данные утверждения не выведены, а всего лишь высказаны).

Первое утверждение, гласящее, что механическое движение внутренней противоречивостью не обладает и потому бесплодно, сделано, как представляется, несколько поспешно. О сложности, внутренней противоречивости механического движения, перемещения и, следовательно, о небесплодности его, писали многие авторы – от Зенона до Энгельса[1], поэтому развивать эту тему вряд ли нужно, желающие могут обратиться к первоисточникам. Отметим это диалектическое содержание категории механического движения, дающее надежду на перспективу дальнейшего развития в другие формы движения.

Второй негативный постулат предполагает невозможность существования в природе неделимого объекта, единственно который и может обладать атрибутом чистого механического движения. Но так ли это? Диалектический материализм свою диалектичность черпает не из мышления, а из бытия и явления природы отражает в категориях диалектики. Другими словами, если есть предел сложности материи, то диалектическое мышление обязано признать и предел её простоты[2]. Иначе в бесконечно

[1] «Если уже простое механическое перемещение содержит в себе противоречие, то тем более содержат его высшие формы движения материи». Маркс К., Энгельс Ф. ПСС 2 изд. т. 20, с. 124.

[2] «Признав – как теоретически необходимое положение – невозможность более высокой, чем мышление, чем мыслящий мозг, формы, мы неизбежно должны, вынуждены принять и «нижний» предел – предел, ниже которого оказывается невозможным существование материи. …

Допустив, что материальной организации, более высокой и сложной, чем мыслящий мозг, быть не может по самой природе вещей, мы тем самым признали и противоположный предел – предел простоты организации материи, предельно простую форму движения, относительное «начало» круговорота…

Частица, в которой реально (а не только в абстракции) осуществлена чистая форма механического движения, – частица, которая лишена каких бы то ни было свойств, кроме чисто механических – «механических», разумеется, не в смысле ньютоновской физики, а в смысле теории относительности в ее рациональном, в

дискретизирующейся материи не найдётся места основанию, из которого вырастает всё сущее, а вся живая душа диалектики сгинет в бездонности пресловутой «дурной» бесконечности. Именно диалектический метод необходимо требует предположить наличие в природе неделимого объекта, обладающего двумя атрибутами – существованием и движением, проявляющимися в бытии протяжённостью и перемещением (механическим движением). О массе применительно к рассматриваемому объекту (условно назовём его «нечто») говорить преждевременно. Предположительно можно сделать отрицательное заключение, а именно об отсутствии у гипотетического «нечто» массы покоя[1].

Третий постулат, о невозможности возникновения из механического движения новых форм движения, оспоривает не только «спекулятивная» (т.е. априорная) диалектика, но и естествознание.

К сожалению, в материалистической диалектике практически не введены в оборот работы физика Пригожина И.Р., в которых содержится богатейший материал, убедительно подтверждающий с естественнонаучных позиций диалектику развития. Более того, ряд идей этого нетривиально мыслящего учёного могут стать (но пока не стали) исходным пунктом гносеологических исследований в данном направлении. Данный частный пример только ярче выделяет ту мысль, что предание забвению неоднократных напоминаний Маркса, Энгельса и Ленина о необходимости постоянно обращаться к изучению новейших достижений естествознания и их критическому осмыслению самым пагубным образом сказалось на состоянии диалектики как науки о познании.

В кратком изложении выводы из работ Пригожина[2] можно сформулировать следующим образом:

- равновесные состояния термодинамических систем временны,

диалектико-материалистическом виде.

Такую частицу, по-видимому, приходится допустить, – частицу, которая лишена химических, электрических и тому подобных свойств. С философско-теоретической точки зрения в этом нет ничего «механистического», но это вывод, который автоматически получается из признания абсолютно высшей ступени организации материи. Признать абсолютно высшую форму невозможно, не приняв ее противоположность, абсолютно низшую, абсолютно простейшую форму материи и ее движения.

Вместе с атомом исчезают химические свойства, вместе с электроном – электрические свойства материи, и где-то, очевидно, имеется предел, который нельзя перейти, не разрушив механические свойства (т.е. связь простого перемещения с пространственными и временными характеристиками объективной реальности)».

Ильенков Э.В. «Космология духа». Рукопись (http://caute.2084.ru/ilyenkov/texts/phc/cosmologia.html#t4)

[1] «...дискретные части различных ступеней (атомы эфира, химические атомы, массы, небесные тела) являются различными узловыми точками, которые обусловливают различные качественные формы существования всеобщей материи вплоть до такой формы, где отсутствует тяжесть и где имеется только отталкивание». Маркс К., Энгельс Ф. ПСС 2 изд. Т. 20, с.609.

[2] Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М. «Прогресс», 1986.

преходящи;

- в результате флуктуаций равновесное состояние системы постоянно нарушается и возникают неравновесные состояния, в которых могут начаться процессы *самоорганизации*;

- открытость системы (наличие термодинамического обмена с окружающей средой) является необходимым условием возникновения процессов *самоорганизации* системы;

- при наличии интенсивного термодинамического обмена с окружающей средой создаются условия для возникновения процессов *самоорганизации,* которые приводят к возникновению нового *качественного* состояния системы (практически возникает другая система).

Все перечисленные условия наличествуют в нашей гипотетической субстанции. Система является термодинамической – изолированные объекты «нечто» свободно перемещаются (термодинамическое состояние такой среды определяется подвижностью её частиц). Система является открытой, поскольку она безгранична в пространстве. В такой системе по причине спонтанного перемещения объектов «нечто» обязательно возникают, вследствие флуктуаций, области неравновесного состояния, интенсивно обменивающиеся этим «нечто» с окружающей средой. Как следствие, начинаются процессы самоорганизации, приводящие к возникновению нового состояния системы, т.е. новой субстанции.

В категориях диалектики этот процесс есть не что иное, как возникновение «другого своего», антитезиса (области неравновесного состояния), становление противоречия, его развитие (нарастание термодинамического обмена) и разрешение (новое качественное состояние) в тождестве (возникновение новых объектов).

Разумеется, что нельзя представлять рассматриваемую субстанцию в виде взвеси «нечто», кишащих в бесконечном пространстве. Сущность данной субстанции, как гносеологической категории, представляет собой закон существования этого «нечто», а именно: «нечто», во-первых, существует, во-вторых, движется (перемещается) и, в-третьих, это спонтанное движение способно к *самоорганизации*, т.е. порождению (через взаимодействие «нечто») нового, качественно отличного от чистого механического движения состояния, т.е. новой субстанции.

Субстанции чистого механического движения не может быть сопоставлен ни один, сколь-нибудь длительно существующий, материально представленный объект или структура. Сугубо умозрительно такие объекты можно представить в виде изолированных «нечто», свободных от взаимодействия, т.е. находящихся в движении от одного взаимодействия к другому. Но отсутствие взаимодействия можно рассматривать как фактическое несуществование «нечто», т.к. в этот момент они ничем не проявляют себя. Т.о. в бытии чистое механическое движение проявляется как собственное отсутствие или, другими словами, бытие чистого механического движения тождественно его небытию (бытие «для себя» есть небытие «для других»). Отсюда и возникает иллюзорное представление о его несуществовании как субстанции, что и дало повод Босенко сделать вывод, будто «собственно механического, чистого механического движения в природе

не существует». Но отсутствие реально наблюдаемого в бытии, «осязаемого» чистого механического движения ещё не повод, чтобы на этом основании отказать ему в праве на самостоятельное существование как субстанции. И диалектика оправдывает это существование. Уже сам факт того, что «механическое движение превращается в другие формы движения» подтверждает необходимость учёта в гносеологическом рассмотрении действительности субстанции чистого механического движения.[1]

Диалектические противоречия в субстанции чистого механического движения абсолютно обнажены, переходы мгновенны, опосредствования отсутствуют. В субстанции чистого механического движения реализуется диалектический процесс одновременного существования и несуществования «нечто», его перехода в «ничто» и обратно. В процессе взаимодействия «нечто» между собой субстанция чистого механического движения приобретает новые качества и закономерно переходит в новую субстанцию[2].

В главном Босенко прав – в форме механического движения «также реализуются все законы диалектики».

Применение диалектического метода доказывает, что чистое механическое движение является не мнимой величиной, напротив, субстанция даже этой, предельно абстрактной формы движения, наполнена смыслом и имеет потенциал необходимого развития. Признавая реальность данной субстанции мы выходим из того нелепого положения, в котором пребывали, одновременно и учитывая наличие чистого механического движения и отказывая ему в праве на самостоятельное существование.

Субстанция чистого механического движения, реализовав закон собственного существования и развития, необходимо переходит в новую субстанцию, развитие которой осуществляется в соответствии с имманентными уже ей законами[3]. Чистое механическое движение в последовательно сменяющихся субстанциях присутствует в снятом виде и потому, говоря о «механическом» движении в этих субстанциях, следует постоянно иметь ввиду, что это есть уже не собственно чистое механическое движение, а сложные виды взаимодействия[4].

---

[1] Отсюда можно сделать частный вывод – за пределами субстанции чистого механического движения *любая* форма движения, взаимодействия *обязательно* проявляется вовне. Скрытых форм движения (субстанций) не существует.

[2] Если данный взгляд на природу чистого механического движения верен, то следует признать, что в «чистом» виде существует только одна вещь – «нечто», а все остальные т.н. «вещи» есть не что иное, как объекты, возникающие из взаимодействующих «нечто».

[3] Можно высказать предположение: не исключено, что т.н. «масса» материальных объектов определяется не чем иным, как взаимодействием объектов, формируемых «нечто», с окружающей средой (также состоящей из «нечто»), с одной стороны, и друг с другом, с другой стороны, но также посредством среды. Возможно, именно этим двойственным характером взаимодействия объясняется тот факт, что в физике под массой понимают два полярных свойства материальных объектов – инертную массу и гравитационную массу.

[4] «Взаимодействие — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом …». К. Маркс, Ф. Энгельс. ПСС 2 изд. Т.

***

Предложенное понимание сущности субстанции заставляет несколько по иному расставить акценты в соотношении форм движения материи.

В основе движения материи лежит взаимодействие, модусы которого реализуются в конкретных формах движения материи.

Рассматривая субстанцию как гносеологическую категорию, мы не можем не отметить, что законы её развития для неживой, косной природы и для живой природы кардинально различны. Если для косной природы модусы взаимодействия представляют собой реализацию принципа комбинации и рекомбинации материальных объектов в новые, более сложные структуры, то в живой природе этот принцип действует не прямо, а в снятом виде, на первый же план выступают совершенно иные принципы и законы развития.

Всеобще-абстрактный характер принципа комбинации является тем объединяющим признаком, который позволяет свести в одну общую группу не только физическую и химическую формы движения, но и те формы движения, которые возникают в результате развития субстанции чистого механического движения и предшествуют физической форме движения. Сущностью этих форм движения является взаимодействие на основе принципа комбинации, которое в своих конкретных проявлениях ведёт к возникновению качественно различных форм движения материи. Тождественность всех этих форм проявляется в общности принципа комбинации. Но несомненно и их качественное различие, определяемое принципиально различной модальностью взаимодействия внутри каждой из форм.

Как известно, химическая форма движения представлена процессами комбинации сложных объектов, молекул, из менее сложных объектов, атомов. В свою очередь, физическая форма движения проявляется в комбинации сложных объектов, атомов, из менее сложных объектов, элементарных частиц. Но уже между формами движения, представленными элементарными частицами и «нечто» существует разрыв, современным естествознанием никак не объясняемый. Очевидно, что неделимые «нечто» не могут непосредственно образовать такую очень сложную структуру как элементарная частица. Между ними должна существовать как минимум одна

20, с.546.

«Взаимодействие - всеобщая форма связи тел или явлений, осуществляющаяся в их взаимном изменении. …Взаимодействие - это способ движения такой системы, внутри которой причина выступает в конце концов как следствие существования ее же самой. Такой системой взаимодействия является бесконечная во времени и пространстве Вселенная.…Механическая форма взаимодействия представляет собой не всеобщий, а лишь частный случай универсальной формы взаимодействия как бесконечной цепи причинно-следственных отношений. …Взаимодействие есть процесс, внутреннее единство которого осуществляется в непрерывном изменении его элементов, сторон. Воспроизведение явления на основе взаимодействия его собственных элементов и выступает как его развитие (саморазвитие)». Ильенков Э.В. Взаимодействие.//Философская Энциклопедия: в 5-х т. - М.: Издательство "Большая Советская Энциклопедия", 1960-1970, т. 1, с. 250.

переходная субстанция[1].

В биологической форме движения процессы, основанные на принципе комбинации, сменяются гораздо более сложными процессами, законы протекания которых определяются принципиально иными зависимостями. Здесь субстанциональным законом развития становится самостоятельное, относительно независимое существование биологических объектов, их самовоспроизводство и приспособление к окружающей среде. Действие закона реализуется не столько под влиянием случайности, от которой в значительной степени зависят комбинационные сочетания, сколько определяется необходимостью - биологические объекты создаются по довольно жёсткой конкретной программе, записанной в генетическом коде, спонтанные же случайные комбинации создают возможности приспособления к изменившимся условиям. Можно даже говорить о появлении некоторой телеологичности, которая существует пока ещё в неявном, скрытом виде.

В бытии закон реализуется материальными объектами, известными как генетические структуры – геномы. Биологическая субстанция принципиально отличается от предшествующих, в которых механическое движение хотя и снято, но действие его просматривается весьма прозрачно. Здесь и механическое движение, и все виды взаимодействия скрыты очень глубоко и главную роль играют чрезвычайно сложные зависимости, детерминируемые принципиально новыми материальными объектами – генетическими структурами, определяющими процессы самовоспроизводства и приспособления.

Социальная форма движения имеет в своей основе уже совершенно иной принцип развития, – пассивное развитие, характерное для биологической формы движения и проявляющееся как приспособление к естественной среде обитания, сменяется переходом к активной деятельности, - созданию искусственной среды. В процессе активного создания человеком искусственной природы возникает сфера идеального, которая, по мере своего развития, из следствия становится причиной, и уже развитие искусственной среды обитания, в свою очередь, становится её следствием, процесс циклически повторяется, всё более расширяя сферы материального и идеального. Рискну высказать предположение, пока ничем его не

[1] Точный ответ о природе объектов этой субстанции могут дать только естественные науки, но, основываясь на предложенном понимании субстанции, можно предположить, что ближайшая к субстанции элементарных частиц представляет собой то, что принято называть эфиром, о физическом существовании которого говорят всё чаще. Практика науки свидетельствует, что объекты, участвующие во всякого рода взаимодействиях, как правило, весьма стабильны и устойчивы, а это позволяет предположить что недостающая субстанция (или субстанции) должна быть представлена также стабильными долгоживущими объектами. В свете сказанного усилия физиков, направленные на изучение короткоживущих и, тем более, виртуальных частиц, сомнительны. Нельзя исключить, что недолговечные частицы представляют собой либо «отходы производства», т.е. недостроенные стабильные элементарные частицы, либо «строительный мусор», т.е. обломки, образовавшиеся в результате их разрушения. Изучение и того, и другого в этом случае окажется если не бесплодным, то, скорее всего, бесперспективным.

обосновывая, что субстанциональным законом социальной формы движения является создание и развитие сферы идеального (хотелось бы сказать, – в Ильенковском понимании, – но после замечаний М.А.Лифшица в «Диалоге с Эвальдом Ильенковым» столь однозначно говорить преждевременно, необходимы дополнительные исследования), а его реализация в бытии осуществляется через жизнедеятельность (материальную и идеальную) общественного человека[1]. В социальной форме движения телеологичность субстанции просматривается уже совершенно явственно и, как предсказывают классики, достигнет своего абсолюта по завершении «предыстории».

В заключение выскажем ещё одно предположение, основанное на предложенном понимании субстанциональности. Представляется, что гомологический ряд – механическая, физическая и химическая формы движения – неполон и может быть продолжен. Ведь именно принцип комбинации лежит в основе взаимодействия при образовании вещества, планет, звёзд, планетных систем, галактик и скоплений галактик. Не исключено существование и более масштабных образований на основе этого принципа.

В свете сказанного, происходящее на уровне химической формы движения возникновение биологической формы движения, а в дальнейшем и социальной, является не линейным продолжением движения как такового, а бифуркацией движения на принципиально иных основаниях.

Из этого предположения можно сделать вывод: взаимодействия, основанные на принципе комбинации, распространяются на всё пространство существования материи, тогда как законы биологической и социальной форм движения действуют в ограниченных областях при возникновении адекватных условий.[2] Или, другими словами, в любой части Вселенной при появлении этих условий необходимо возникают жизнь и мышление.

Говоря о субстанциональности применительно к миру материального, нельзя не поставить тот же вопрос и в отношении мира идеального. Отказывать идеальному в субстанциональности – значит полностью сойти с позиций материализма и диалектики. Но это другая тема.

02.2011 г.

---

[1] Из этого следует частный вывод - если человек перестанет понимать объективные законы бытия (или будет понимать их неверно) и действовать в соответствии с ними, т.е. развивать сферу идеального (разумеется, на основе материального развития), то его ждёт незавидная участь.

[2] В соответствии с принципом детерминации частей целым неживая природа предопределена (разумеется, в определённом коридоре возможностей) в каждой точке Вселенной, тогда как для живой природы детерминантой является только её постоянно развивающееся в границах биосферы планеты целое (т.е. она сама в высшей форме развития), неживая же природа является для неё не детерминирующим внутреннее развитие, а внешним фактором.

Некоторые вопросы по поводу лекции А.В. Бузгалина[1]

(Статья опубликована на сайте движения «Альтернативы»).

Не так давно профессор А.В. Бузгалин в приватном варианте прочёл лекцию на канале Ютуб по фундаментальной теме «Диалектика материального и идеального» (https://www.youtube.com/watch?v=bMLFcr7LKRI, 11.03.2022). Важность темы не вызывает сомнений, поскольку с сущностью идеального и, тем более, соотношением, взаимодействием материального и идеального современные марксисты до сих пор определиться не могут, что весьма удивительно – ведь не имея ясности в «основном вопросе философии» как можно надеяться на постижение истины во всех производных проблемах?

Далее я буду цитировать А.В. Бузгалина в той последовательности, как это излагалось в лекции, и комментировать в меру своего понимания, возможно и не столь глубокого, как того требует сложность и значимость вопроса, но тем не менее полагаю, что любая заинтересованная критика помогает прояснить неясные вопросы.

Итак, в начале лекции А.В. Бузгалин утверждает, что «проблема материального и идеального возникает только в связи с деятельным общественным человеком и поэтому абстрагироваться от деятельности и абстрагироваться от общественных отношений… нельзя» (5.40 – здесь и далее в скобках указывается примерное время лекции).

Категоричность этой фразы сразу же вызывает несколько вопросов.

Во-первых, неужели проблема материального, упомянутая первой, другими словами, существование объективной действительности, также связана только с человеком, т.е. только с его деятельностью и представлениями, что она субъективна – а это уже на грани солипсизма. Я понимаю, о материальном здесь сказано только для связки с идеальным и объективность материального сомнению не подвергается, но всё же в вопросах такого уровня желательно быть более корректным.

Во-вторых, как можно, не определившись прежде с сущность идеального, априори зачислять его по субъективному ведомству. Не сомневаюсь, что А.В. Бузгалину известна фраза М.А. Лифшица, философская эрудиция и научная строгость которого вряд ли подлежат сомнению: «идеальное есть во всем, оно есть и в материальном бытии и в сознании, оно есть и в обществе и в природе, или же его нет нигде». Другое дело, что трактовка идеального М.А. Лифшицем может быть оспорена, не принята, но в любом случае, прежде чем бездоказательно сводить статус идеального к субъективности, его позицию прежде следует доказательно опровергнуть, либо, как минимум, упомянуть – ведь от решения вопроса о субъективности, либо объективности идеального зависит решение основного

[1] Александр Владимирович Бузгалин (19.07.1954-18.10.2023) — советский и российский экономист, теоретик и публицист «левого» фланга общественной мысли. Доктор экономических наук, профессор, директор Института социоэкономики Московского финансово-юридического университета.

философского вопроса. (К слову, этот вопрос решается не на уровне его волевого восприятия – «так, а не иначе» – как это происходит до сих пор, а исключительно в рамках его диалектического рассмотрения, т.е. определения сущности идеального и на этом основании установления его соотнесённости с материальным в их *диалектической* (об этом скажу особо) взаимосвязи).

Продолжим цитирование: «контекст вопроса материального и идеального… стоит не в проблеме даже соотношения материи и духа… а в проблеме общественных деяний общественного человека» (6.00). Здесь уже явная редукция от всеобщего (материи и духа, сиречь материального и идеального) к особенному и даже частному (взаимодействию людей, т.е. конечных вещей, хотя бы и обладающих самосознанием), редукция от атрибутов к модусам. (А ведь «анатомия человека ключ к анатомии обезьяны», а не наоборот).

Далее, «развитие марксистами проблемы возникновения человека… показало, что материалистическая линия оказывается обоснованной – возникновение человека, генезис в процессе общественной деятельности, становления, во-первых деятельности, во-вторых, деятельности как общественной – это дает тайну рождения человека и тайну рождения духа, тайну рождения идеального, поскольку вне этого проблемы идеального, идеального нет» (7.00).

Здесь и материальное, и идеальное рассматриваются в весьма узком ракурсе – в рамках антропогенеза, т.е. в отношении частного процесса, а не Природы как саморазвивающегося целого. Ничего удивительного, что при таком подходе идеальное предстаёт как частное же, как принадлежащее только человеку, как исключительно субъективное.

Потому и совершенно естественно, казалось бы, звучит завершающий аккорд – «есть материальный мир, который становится первичным» (7.19). Но как тогда быть с «генезисом человека в процессе общественной деятельности» - ведь эта деятельность, взятая как целое, а не в качестве её конкретных проявлений как особенное и единичное, в значительной мере детерминируется идеальным, сознанием и его продуктами – идеями, материальное же только ставит этой деятельности определённые рамки, условия, ограничения. Что в таком соотношении первично, а что вторично?

Не следует ли, говоря о проблеме материального и идеального, взять «широкое растворение циркуля абстракции», как говорил М.А. Лифшиц? Я имею ввиду постановку вопроса и ответ на него Спинозы – рассматривать проблему материального и идеального не как частную проблему антропогенеза, а как проблему всеобщего, как проблему *диалектическую*, т.е. как их *неразрывное единство в различии*, как проблему *монистичности субстанции*. Впрочем, я забежал вперёд…

Вернёмся к лекции. «По преимуществу, - говорит А.В. Бузгалин, - я буду предлагать вам ильенковскую версию марксистского материализма» (8.06).

По поводу «ильенковской версии марксистского материализма» - это, очевидно, оговорка, поскольку несколько общих положений марксистского материализма, изложенных далее лектором, не являются сугубо

ильенковской версией. Как становится ясно позднее, речь пойдёт об ильенковской версии *идеального*. Кратко изложив суть марксистского понимания материального в его ленинской версии А.В. Бузгалин далее переходит к изложению ильенковского представления идеального. (Небольшая ремарка. В этом фрагменте лекции А.В. Бузгалин дважды оговорился, приписав фразу «материальное это идеальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (следовало – «идеальное это материальное…») Ленину, а не Марксу. Я делаю это уточнение для неофитов).

Итак, изложение лектором ильенковского понимания идеального: «Что же такое идеальное? Идеальное это представление материального процесса при помощи общественной практики в другом материальном процессе, в другом материальном феномене (11.50). …(Идеальное это) отражение представления материального процесса, осуществляемого посредством общественной деятельности, общественной практики в другом материальном предмете – это то, как определяет идеальное Ильенков» (12.02).

Другими словами, идеальное, так трактуемое лектором, это представление (отражение) одного материального (процесса, вещи) в другом материальном (процессе, вещи), опосредуемое человеческой деятельностью. Но деятельность, представляемая таким внешним к её предмету образом, выступает неким абсолютом, независимым фактором, этаким демиургом, не имеющим *собственного обоснования* и ничем не связанного с процессом (вещью), на который направлена деятельность. И ещё, из подобного представления идеального невозможно вывести такую его форму как содержание мышления.

Придётся обратиться непосредственно к Ильенкову.

Вообще-то, Ильенков определяет идеальное несколько иначе, а именно: «Идеальная форма – это форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной жизнедеятельности... Или наоборот, это форма активной жизнедеятельности человека, но вне человека, а именно в виде формы созданной им вещи. «Идеальность»… существует только через непрекращающийся процесс превращения формы деятельности в форму вещи и обратно – формы вещи в форму деятельности».

Такое идеальное *принципиально* отлично от представленной А.В. Бузгалиным и имеет *две стороны* (момента).

Во-первых, «это форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной жизнедеятельности» - т.е. это *содержание мышления* и одновременно детерминируемая им *форма практической деятельности*, соответствующей содержанию мышления (вот и идеальное обоснование материальной практики).

Во-вторых, «это форма активной жизнедеятельности человека, но вне человека, а именно в виде формы созданной им вещи» - т.е. деятельность преобразуется в вещь, это представленный, *воплощённый в вещи* труд человека. (Вам ничего не приходит на память? Например: «труд, овеществленный в товарной стоимости», «величина стоимости… определяется лишь количеством труда», «в стоимость не входит ни одного атома вещества природы», «стоимость какого-либо товара измеряется содержащимся в нем общественно необходимым трудом», «стоимость есть не что иное,

как выражение овеществленного в каком-либо предмете… человеческого труда». Да-да, вы не ошиблись, Маркс собственной персоной. Труд это и есть «форма активной жизнедеятельности человека»).

И коль скоро я упомянул Маркса, то вспомним ещё одно весьма глубокое и перспективное понятие марксовой философии – превращённые формы. Да ведь именно этим языком говорит Ильенков: «Идеальность»… существует только через непрекращающийся процесс превращения формы деятельности в форму вещи и обратно – формы вещи в форму деятельности»

В целом *проблема взаимодействия материального и идеального решается Ильенковым как движение их превращённых форм посредством человеческой практики* – 1. идеальное представление материального в мышлении и, 2. тут же другая сторона – воплощение этого идеального содержания мышления в практике, в создании вещи, в которой идеальное представлено уже как «видимость» деятельности по созданию этой вещи. Далее цикл воспроизводится.

Впрочем, о такой форме идеального как содержание мышления А.В. Бузгалин тоже упомянул, правда обиняком, вскользь: «идеальное в голове человека может уничтожить только другое идеальное», не выводя этот феномен из ильенковского понятия идеального, а только декларируя его внешним образом.

Изложив *своё* представление якобы ильенковского понимания идеального А.В. Бузгалин далее б*о*льшую часть лекции посвятил рассмотрению процессов опредмечивания и распредмечивания, феноменам культуры, общественного сознания и религии – я не буду излагать его тезисы, хотя всё это весьма интересные предметы, поскольку суть темы лекции уже рассмотрена.

В заключение остановлюсь на трёх вопросах, имеющих непосредственное отношение к теме.

1. Э.В. Ильенков в представленных цитатах, и вслед за ним А.В. Бузгалин проблему идеального и его взаимодействия с материальным трактуют как частную проблему, как проблему *одного из* модусов Природы – как исключительный феномен общественного человека. Но в таком представлении идеального оно не имеет статуса всеобщности и понятие материального как объективной реальности, как всеобщего, остаётся изолированным, замкнутым в самом себе, инертным, не имеющим взаимодействия с идеальным. Из такого материального (в-себе) совершенно невозможно вывести феномен идеального. Каким образом и, главное, почему некая вещь (да-да, я о человеке, ведь мы на позициях философии, а не естественных наук) приобретает способность формировать идеальное как *явно представленный* феномен реальности? Ведь если идеальное не обладает статусом всеобщности наравне с материальным, то в сугубо материальном мире *не может* возникнуть не-материальное, для этого нет *основания* - Ex nihilo nihil fit. Вот поэтому придётся согласиться с М.А. Лифшицем - «идеальное есть во всем, …или же его нет нигде». Здесь же уместно упомянуть и загадочные ремарки, обронённые Лениным – «ощущение признается одним из свойств движущейся материи» и «“в фундаменте самого здания

материи" можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением». Но ощущение при всём желании никак невозможно отнести к материальному. А ведь оно не только «одно из свойств», но ещё и «в фундаменте».

Вопрос поставлен и на него надо давать ответ.

2. Удивительно, но почтительно склоняя головы перед Спинозой и его великой идеей о субстанциональном тождестве протяжённости и мышления (т.е. материального и идеального), об их *обоюдной всеобщности*, философы марксистского направления далее выражения внешнего пиетета Спинозе и его гениальной догадке не идут. А ведь этот ключ к проблеме идеального у них в руках уже сто сорок лет (если со дня смерти Маркса и почти четыреста пятьдесят после Спинозы). Именно этот ключ открывает тайну идеального в человеке, а не идеальное человека открывает тайну идеального Природы как целого. Всеобщее детерминирует особенное и единичное, а не наоборот. М.А. Лифшиц едва ли не единственный марксист, кто сделал недвусмысленное заявление о статусе идеального как всеобщего. Впрочем, и во взглядах Э.В. Ильенкова на понятие субстанции можно усмотреть определённое движение к такому признанию.

Это явствует из его трактовки субстанции:

«В категории субстанции само мышление (сознание) представляется как один из ее атрибутов, генетически связанный со всеми другими атрибутами и их предполагающий.

…Субстанция, с одной стороны, понимается как материя, а с другой стороны, эта материя трактуется одновременно как субъект всех своих изменений как «субстанция-субъект», т.е. активная причина всех своих формообразований.

…Понимание материи как субстанции как раз и связано с требованием понять («вывести») сознание во всех его формах из движения материи, сознанием не обладающей, – понять противоположность материи и сознания (мышления) как лишь относительную противоположность, а не как абсолютную и исходную».

Здесь нет ещё признания материального и идеального как равнозначных атрибутов в их субстанциональном единстве. Но живая мысль Ильенкова совершенно ясно видит необходимость сведения их в диалектическом тождестве, в монистичной субстанции. Нет сомнения, что в конце концов он согласился бы, что «идеальное есть во всём», тем более имея старшего друга в лице Лифшица.

Т.о. ответ следует искать на пути признания субстанциональности реальности, а не её исключительной материальности, на пути *тождественности* в субстанции её материального и идеального атрибутов – этот принцип имеет статус *всеобщности*.

3. Говоря о проблеме материального и идеального невозможно обойти молчанием и метод анализа этой проблемы – диалектику, диалектичность. В работах авторов марксистского направления эти термины встречаются столь часто, что успевают набить оскомину буквально через несколько страниц чтения, но понять суть диалектики из их работ невозможно, остаётся только сожалеть, что Маркс так и не успел написать обещанные

полтора листа о диалектическом методе. Тем не менее Г.В.Ф. Гегель, Б. Спиноза, А.Ф. Лосев, Э.В. Ильенков, М.А. Лифшиц, В.А. Босенко, можно назвать ещё несколько имён, оставили нам весьма неплохое наследие по этому вопросу, суть которого можно выразить в следующем виде. Диалектичность (диалектика) понимается: 1. в широком смысле (как всеобщее) – это способ *саморазвития* действительности посредством внутренних противоречий, рассматриваемой в единстве (тождестве) её взаимопротиворечивых сторон; 2. в узком смысле (как особенное) – это способ (метод) *постижения* (и изменения) действительности человеком, тождественный её диалектической сути.

Спиноза дал решение проблемы в самом общем виде – объективная реальность есть саморазвивающаяся субстанция, атрибутами (необходимое, существенное, неотъемлемое свойство) которой являются протяжённость и мышление, в нашем случае – материальное и идеальное. Гегель решил проблему её самодвижения: источник, механизм самодвижения – это *внутренняя* противоречивость субстанции. При этом стороны (моменты) противоречия состоят в особого рода отношении – в тождестве, которое понимается в формулировке Ильенкова: «тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое “одно и то же”. Это всегда тождество различного, тождество противоположностей». Другими словами, *тождество – это неразрывное единство различённого*. Если теперь расширить ильенковское понятие идеального от его *особенности* как феномена человеческой деятельности до статуса *всеобщности* как деятельности Природы, то налицо всё необходимое для решения не только проблемы материального и идеального, но и основного вопроса философии, из которого элиминируется дуалистичность материального и идеального и становится (в гегелевском смысле) монистичность субстанции, обладающей двумя атрибутами – материальным и идеальным.

14.03.2022

На статью М.Б.

В конце 2016 года на сайте spinoza.in была опубликована статья молодого философа М.Б. «Почему и как диалектика?». Поскольку данный сайт не сообщает контактных данных, а авторы, публикующиеся на нём и на сайте журнала «Пропаганда», представляют, судя по всему, один круг, то я и обращаюсь к редакции сайта журнала «Пропаганда» (www.propaganda-journal.net) с некоторыми замечаниями по названной статье (в приложении).

На тему диалектики написано столько и, притом, зачастую, такого, что к каждой новой публикации относишься двояко – и с настороженностью, и с надеждой. Причём надежда присутствует всякий раз, когда пишут молодые, только вступающие в философию авторы. Тем более, когда пишут духовные наследники (как они сами говорят) Босенко В.А. и Злотиной М.Л. Ведь взгляды и идеи этих оригинально мыслящих людей настолько отличались от доминировавшей официальной трактовки диалектики с её

железобетонными пресловутыми тремя законами, что можно, пожалуй, говорить о появлении киевской школы (или, как минимум, ветви) советской диалектики, настоящей диалектики.

Однако в данном случае молодость, к сожалению, более следует советскому догматическому официозу, нежели своим незаслуженно незнаменитым предшественникам.

Начав с совершенно верного замечания, что формальное применение тех самых законов не является признаком диалектического метода, автор затем повторяет набившую оскомину дежурную формулу, что любое явление следует изучать в развитии и через противоречивость, «поскольку через противоречивость, посредством единства (тождества) противоположностей в их борьбе и осуществляется развитие». Я называю такое определение диалектического метода «набившим оскомину», потому что далее этой общей фразы дело никогда не идёт и остаётся неясным, что же, собственно развивается, почему это развивающееся нечто противоречиво и почему всё это называется диалектическим методом (это, увы, характерно и для рассматриваемого случая). Причём не просто диалектическим, а «живым, универсальным и единственно верным». Логика подменяется уже ставшей привычной догматикой. Бесплодность такого подхода доказывается тем, что в качестве противоречий подобная «диалектика» вот уже полторы сотни лет ничего не может предложить кроме того, что сделано Марксом – противоречие стоимости и знаменитое противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Негусто для такого срока и «единственно верного»…

Поэтому, когда автор следом заявляет, что надо «снова поднять вопрос о диалектическом принципе развития и о понятии практики» и о том, «что такое развитие вообще, движение вообще», то ожидаешь, что коль скоро речь зашла о диалектике как *принципе* и о *движении* как таковом, то уж без обращения к Гегелю, на языке которого только и можно говорить в сфере диалектики, никак не обойтись. Ведь его «Наука логики» и есть *исследование развития как принципа*, развития в чистом виде, развития как такового – а вовсе не формулирование неких формальных правил и пресловутых законов, как многие полагают. Не уяснив этой глубинной сути «Науки логики» ничего не понять не только в логических построениях Гегеля, но не понять и самой *диалектики движения*, развития. Только стоя на плечах Гегеля можно заглянуть за горизонт, который он нам очертил. Засветилась надежда, что автору удалось бросить взор далее известной границы.

Увы, после обнадёживающей декларации речь пошла о вопросах не принципиальных, а частных, к тому же весьма спорно толкуемых. Впрочем, именно *диалектическое* объяснение даже частных вопросов, тем более таких как «практика» и «деятельность», о которых решила поведать автор, представляет бесспорный интерес. Но, к сожалению, диалектичности-то и не оказалось, не выдавать же за таковую частое употребление термина «противоречивость».

Впрочем, обратимся к авторским сентенциям.

По автору «наиболее всеобщее определение практики общественного человека» есть «целенаправленное преобразование одного предмета в

другой», более того – «всего во всё». Но если практика это только преобразование одного предмета в другой, пусть и целенаправленное, то как быть с преобразованием в ходе исторического развития и самого человека и в форме индивидуума, и в форме общества? Самого человека предметом уж никак нельзя назвать, а ведь именно изменение (преобразование) человека и есть главный результат движения, развития человека, его деятельности, его практики. Целью практики человека является сам человек, преобразование человеком самого себя – вот более общее определение деятельности человека, чем данное автором. Преобразование же предметов есть *опосредствующее* действие *внутри* его деятельности, понимаемой как *само*развитие. В отношении собственно человека целенаправленное преобразование предметов есть всего лишь действие, *создающее условия* для преобразования самого человек. Это особенное по отношению к общему – изменению самого человека – в этом диалектичность деятельности человека.

Далее, что означает преобразование «всего во всё»? Если речь идёт только о деятельности человека, то в её сферу входит весьма ограниченный перечень предметов по сравнению с бесконечностью природы. Если же имеется ввиду деятельность природы в целом, то это должно оговариваться особо – деятельность природы всеобща, деятельность человека как части природы особенна и единична. И в этом пункте следует обратиться к исследованию деятельности вообще, т.е. движению как таковому, т.е. вернуться к начальному вопросу.

Но продолжим. Автор полагает, что деятельность это только «процесс преобразования, изменения предмета». Предмет же противоречив, дескать, потому, что он является «тем, что он есть, и тем, что он не есть» - т.е. прежде он был одним, а после изменения стал другим и потому ему «присущи взаимоисключающие определения».

Прежде разберёмся с последним утверждением. Взаимоисключающие определения характеризуют взаимоисключающие предметы, т.е. никак *не связанные* между собой. Но движение, развитие предмета есть изменение *одного и того же* предмета (мы говорим только о предметах) и, тем самым, наследование им *прежних* признаков, но в новой форме. В диалектике это выступает в виде *снятия*, т.е. одновременно как и исчезание, и сохранение (вспомним Гегеля) *в новой форме прежних определений*. В новой форме прежние определения сохраняются «в-себе», а потому имеет место *внутреннее противоречие сущности*, а не внешнее противоречие изменённых форм – т.е. противоречие внутри *одного* предмета. Но это уж никак не «взаимоисключение» определений. Диалектика, продемонстрированная здесь автором – это внешняя «диалектика», от которой предостерегали и Ильенков, и Босенко.

Что касается деятельности только как «процесса преобразования, изменения предмета», то это весьма упрощённое, абстрактное (сиречь одностороннее, неполное) толкование практики человека. Здесь элиминирован чрезвычайно важный опосредствующий сугубо *человеческий* процесс – действие самосознания, мышление. Без этого опосредствующего действия никакое *целенаправленное* (т.е. осознанное) изменение предмета

невозможно (здесь уместно вспомнить про архитектора и пчелу). Без опосредствующего участия идеальных процессов (мышления) никакие материальные процессы (практика) в человеческой деятельности невозможны, в ней материальное и идеальное тождественны в гегелевском и ильенковском понимании – неразрывны в разделённости, одно без другого не существует – в этом состоит *диалектичность* жизнедеятельности человека. И эта диалектичность материального и идеального определяет (обосновывает, т.е. является основанием) возможность рассмотренной выше опосредствующей практической деятельности как преобразования предметов.

А потому можно уверенно утверждать, что в своей сущности деятельность человека это не преобразование предметов, хотя бы и целенаправленное, а постоянный процесс преобразования материального в идеальное и обратно – идеального в материальное (внешнего материального – в мышление, и мышления – в практику, новое внешнее материальное). Вот *диалектическое всеобщее в целостной деятельности* человека, а не толкуемое эмпиристски-позитивистски «преобразование предметов». Особенное же – это две стороны всеобщего: мышление – идеализация материального, познание; и собственно деятельность в узком смысле – материализация идеального, практика. Здесь и *внутренняя* противоречивость – каждая из сторон противоречия есть «своё иное» другой стороны; и пресловутое «перетекание» сторон противоречия друг друга.

А потому *главное противоречие* в деятельности человека это не противоречивость предмета его деятельности (хотя противоречивость предмета также имеет место, но причина этого вовсе не та, о которой сказала автор, не внешняя противоречивость разных форм – до изменения и после оного), а *внутренняя противоречивость деятельности* самого человека (и как индивидуума, и как общества), внешне проявляющаяся в тождественной материально-идеальной форме.

Из этого следует, что человек действует *не по форме* («конфигурации и положению» - Ильенков) предмета, в этом с Ильенковым нельзя согласиться, а по *сущности* предмета, постигаемой им в форме идеального содержания материального – знания. Действия по форме (контуру) – это внешнее, видимость. Содержание же действий соответствует сущности вещей. Таков диалектический парадокс диалектической реальности – внешнее есть выражение, представление внутреннего. А потому в своей деятельности человек имеет дело с противоречием не «как минимум», по утверждению автора, а постоянно, в *каждом* своём действии.

Говоря далее об изменении автор пишет, что «изменение имеет определённую логику». Это совершенно верный постулат (постулат – поскольку это эмпирическое наблюдение невозможно вывести исключительно логическим путём). Автор продолжает, что только сообразуясь с этой логикой «наши действия будут адекватными по отношению к предмету». Трижды верно. Из этих утверждений самым непосредственным образом следуют выводы, сделанные выше – логика предметов (идеальное предметов, их сущность), постигнутая в форме знания (знания их сущности), опосредствует действия человека и потому человек действует не по форме предметов, а по их логике, т.е. сущности (если точнее, то форма предметов

частично определяет форму действий, содержание же их определяется сущностью предметов. Последнее – главное условие *сознательных* действий).

И потому совершенно естественным образом, и здесь автор также права, «эта логика в дальнейшем становлении познания схватывается в виде законов и категорий диалектики», «логика развития схватывается в виде законов и категорий диалектики как всеобщих форм и законов человеческой деятельности». Другими словами, логика внешнего мира рефлексируется, отражается (а не «схватывается» - это недиалектическое определение) в логике познания человека (знании) и его деятельности и, как следствие, диалектичность форм познания есть отражение внутренней диалектичности природы в целом. Т.о. всеобщее – диалектичность мира, детерминирует особенное – диалектичность познания, мышления, а также диалектичность практики (деятельность человека, выступающая как общее по отношению к нему самому, в отношении природы есть особенное). Однако весьма смелое утверждение автора, что только «отдельные положения диалектики нуждаются в дальнейшей разработке» звучит чрезмерно оптимистично – что, диалектический метод как целое уже настолько разработан, что остались непрояснёнными только отдельные положения? Разве есть уже диалектический инструментарий, который можно в готовом виде использовать в исследовании общественных проблем?

Полагаю, автор согласится, что дела обстоят не столь уж радужно. А потому утверждение, что «дальнейшее развитие понимания развития уже лежит не в области “чистой” философии» находится в вопиющем противоречии даже не столько с рассуждениями самого автора, так и не сказавшей нам, что же такое движение, развитие, сколько с реальным положением дел. Развитие, движение как таковое, как принцип, как сущностная характеристика реальности ещё далеко не понято, Гегель сделал только первый шаг. И осуществить это может только философия, если точнее – диалектическая философия. И без ясного понимания того, *что* именно движется, развивается, вряд ли можно понять *как* это нечто развивается. Если же нынешняя «диалектика ничего не говорит о специфике каждой отдельной формы движения», то это лишний раз подтверждает факт неразвитости диалектики (диалектического метода) в целом и от этого просто так отмахнуться не удастся. Так что совершенно необходимо взять урок, как советует М.А. Лифшиц, у Спинозы и Гегеля. И не один…

Вернёмся к рассуждениям автора – «если бы миру не свойственно было изменение (он был бы не противоречив)». Как раз наоборот, если бы мир не был *внутренне* противоречив, то он не изменялся бы (вернее, изменялся бы хаотично, случайно, без закономерностей, этот мир невозможно было бы понять) – вот позиция диалектика. Следующее утверждение – «только изменчивость мира только и делает возможной практику, как процесс сознательного преобразования мира». Снова нет, изменчивость есть *следствие* внутренней противоречивости мира и потому *только понимание* этой противоречивости, т.е. *сущности* вещей, и делает возможной именно *человеческую* практику.

Цитированные выше сомнительные утверждения автора тем более

непонятны, что абзацем ниже следует совершенно верное твёрдое уверение – «противоречивость — это внутренний источник развития». Посчитаем сказанное автором ранее ошибкой изложения, а не убеждения.

Сформулированный автором в заключение принцип развития, – «всё в мире изменяется, ничего нет вечного, вечно — только изменение», – это не принцип развития, понимаемого *диалектически*, т.е. как движения, являющегося следствием *внутренней противоречивости* субъекта движения (субъекта - поскольку реальность *само*развивается), а всего лишь благая декларация, в которой отсутствует внутренняя логика. Это, в лучшем случае – позитивистский вывод, эмпирическое наблюдение, но не следствие логически исследованного движения как возникновения, развития и разрешения *внутренних* противоречий.

Моя критические замечания направлены не против молодого автора лично, искренне пытающейся самостоятельно разобраться в сложнейших вопросах, и это замечательно, а против того догматически-некритического подхода, при котором за отправную точку исследования берётся понимание диалектики и диалектичности, заимствуемое из почившей в бозе советской официозной диалектики (мир её праху и лучше его не тревожить), краеугольным камнем которой были пресловутые три закона, дальше схоластического применения которых она не продвинулась, и употребление всуе, к месту, а более не к месту, термина «противоречивость», превратившегося, в конце концов, в некий жупел. Самое действенное лекарство в лечении проявлений догматизма – лекарство критики, может и горькое, но необходимое. Будем надеяться, что под заботливой опекой старших товарищей молодёжь оперится, встанет на крыло и обретёт собственный голос. Пожелаем ей верного и уверенного полёта…

20.12.2016

Отчуждение – диалектический взгляд

(Статья написана для XIX Ильенковских чтений, состоявшихся 20-21.04.2017).

Исторически так сложилось, что категория отчуждения рассматривается исключительно с негативной стороны, чем демонстрируется совершенно недиалектическое её толкование. Такой односторонний подход, предельно абстрагирующий понятие отчуждения, исключает возможность увидеть в отчуждении также и положительный потенциал, более того, созидающее начало. Отчуждение, рассмотренное только с негативной стороны, мешает увидеть положительную сторону, утверждающую человека. Но объективность предполагает всестороннее исследование предмета. Именно с позиции диалектичности действительности будем вести дальнейший анализ.

Вспомним мысль Маркса, высказанную им достаточно отчётливо, чтобы увидеть в ней зерно истины.

«Человек обособляется как индивид лишь в результате исторического

процесса… Сам обмен является одним из главных средств этого обособления индивидов. Он делает стадное существование ненужным и разлагает его. …Человек как обособленный индивид предоставлен только самому себе, средства же для утверждения его как обособленного индивида состоят, однако, в том, что он себя делает всеобщим и коллективным существом. В этом коллективе предполагается объективное существование отдельного человека как собственника… и притом при определённых условиях, которые приковывают его к этому коллективу или, лучше сказать, образуют звено в этой цепи» [Маркс 1974, т. 46-1, с. 486].

Маркс описывает процесс разложения человеческого *стада* и возникновения *общества*. Как видим, во-первых, общество может возникнуть только из индивидов, т.е. людей отделяющих себя от всех других, от массы. И хотя Маркс этого не указывает, но, во-первых, без возникновения самосознания, т.е. способности к самоопределению, отделения личности от массы произойти не может, самосознание является основанием индивидуализации (обособления, отчуждения) индивида от сообщества себе подобных. Это форма внутреннего обособления, поскольку оно есть обособление индивидуального идеального как отрицание внешнего ему и т.о. *отчуждение* его и от него, но одновременно это есть и *присвоение* как присвоение *своего* идеального, присвоение *самосознания*. В диалектическом тождестве присвоения и отчуждения происходит становление самосознания и, как следствие, отделение индивида от массы и это уже внешнее отчуждение как следствие отчуждения внутреннего (появления самосознания).

Во-вторых, форма отчуждения, – индивидуализация идеального, – в материальной деятельности индивида внешне проявляется и в другой (превращённой), вещной форме – человек распространяет индивидуализацию и на продукты собственной деятельности, он становится обладателем продуктов собственной деятельности, т.е. *присваивает* их.

Однако, вслед за присвоением необходимо следует совместное использование продуктов труда, а исторически позже возникает обмен продуктами труда – то и другое есть не что иное, как *отчуждение* продуктов индивидуального труда в пользу других индивидов. Эта форма отчуждения создаёт новые отношения, связи между индивидами и этим самым человек «себя делает всеобщим и коллективным существом» («…Человек действительно извлекает из себя все свои родовые силы… и относится к ним как к предметам, а это опять-таки возможно сперва только в форме отчуждения» [Маркс 1974, т. 42, с. 159]). Когда все члены сообщества становятся всеобщими и коллективными, т.е. взаимосвязанными уже новыми отношениями, отражёнными, рефлексированными в сознании, то это и есть не что иное, как возникновение общества. Прежняя масса однотипных особей, бывшая стадом, превращается в сообщество индивидов, связанных новыми отношениями присвоения и отчуждения, материально-идеальными в своей основе. Становление индивида и становление общества идут рука об руку, это взаимозависимые неотделимые друг от друга, т.е. диалектически тождественные процессы.

Следует особо отметить, что присваивание продуктов собственной деятельности проходит смену определённых *общественных* форм. Вначале

возникает отношение *принадлежности* продукта труда тому (тем), кто его создал. В основании отношения принадлежности находится феномен идеального – именно *идеальное как снятие (представление) деятельности* человека в продукте его труда (вспомним Э.В. Ильенкова и его работу «Диалектика идеального» [Ильенков 1991, с. 256, 258]) позволяет «видеть» другим членам первобытного общества, что продукт есть *следствие деятельности* вполне конкретного члена (членов) общества (это «видение» есть следствие наличия самосознания). Но это ещё не отношение собственности, не полное присвоение продукта труда. Продукты труда поступают пока в общее пользование и только появление некоторого избытка продуктов труда даёт возможность сначала вполне отчётливо выявить и зафиксировать отношение *принадлежности,* а затем и трансформировать его в другое общественное отношение – отношение *собственности*. Теперь уже продукт труда *полностью* принадлежит его производителю и последний может распорядиться им по своему усмотрению.

Тем самым создаётся основание для возникновения совершенно нового *общественного* феномена – возможности обмена продуктами труда их собственниками, причём идеальная сторона продуктов труда даёт возможность «видеть» в них *количество* и *сложность* затраченного труда по их изготовлению, а это уже есть основа для появления *эквивалентного обмена*. Разделение труда, возникающее исторически, создаёт условия осуществления эквивалентного обмена.

Т.о. сущность процесса становления человеческого общества заключается во взаимодействии и взаимопроникновении внутренне диалектических процессов: идеального – возникновения самосознания (и как следствие полного сознания) и т.о. *отчуждения* части от целого, индивида от массы, но это одновременно и *присвоение* как присвоение индивидами своего идеального; и материального – изготовления и присвоения индивидами продуктов собственной деятельности и последующего обмена ими, что, с другой стороны, является уже *отчуждением* и *присвоением* этих продуктов.

Феномен *отчуждения*, как видим, проявляется в *двух формах*: в *идеальной* как отчуждение индивида от массы (индивидуализация массы, но одновременно это и возникновение потенции объединения на новом основании); в *материальной* как отчуждение индивидами продуктов собственной деятельности в пользу других индивидов (и тем самым возникновение новых связей между ними). Первый процесс (идеальный) знаменует становление личности, второй процесс (материальный) есть процесс связывания сознающих себя (т.е. идеально разобщённых, отчуждённых) индивидов в общество посредством возникновения *сущностно* новых связей между индивидами (это уже сугубо *человеческие, социальные* связи).

Феномену *отчуждения* диалектически тождествен феномен *присвоения* и также в двух формах: в идеальной как возникновение самосознания (присвоение своего идеального, индивидуализация); в материальной как присвоение индивидами продуктов собственной деятельности, что имманентно содержит возможность последующего обмена ими и возникновения новых связей между индивидами.

На основании сказанного можно указать на негативный (отрицающий) и позитивный (объединяющий) моменты.

Негативный момент олицетворяет атомизацию массы и появление индивидов, обладающих самосознанием. Позитивный момент отражает возникновение сущностно новых связей между индивидами – именно *общественных*, *осознанных* связей. Происходит качественный скачок в развитии человека – возникает не только новая форма сообщества как союза обособленных, осознающих себя индивидов, но и новая форма идеального – то, что позже назовут объективным или общественным сознанием. Возникшее общество, создавая продукты труда, тем самым создаёт новый, искусственный материальный мир, наполненный новым идеальным содержанием, *человеческим* идеальным как знанием.

Но вернёмся к феномену отчуждения. Поскольку отчуждение есть феномен, присущий только *деятельному* человеку, то отчуждению могут подлежать только условия его деятельности: как предметы и продукты труда (как материальные, так и идеальные), так и собственно деятельность, труд. Последнее есть отчуждение сущностных сил человека и, значит, самого человека от него самого.

Сама возможность отчуждения имманентно присутствует уже непосредственно в том, что отчуждению могут подвергаться как вещественные факторы (продукты труда), так и деятельностные факторы (собственно деятельность как процесс). Следовательно, феномен отчуждения в основе своей совершенно объективен. Но актуализируется эта потенция только при наличии определённых общественных отношений – таких отношений, которые предполагают разделение людей по их месту в производстве своей жизнедеятельности и, соответственно, по участию в процессах производства, распределения и потребления.

Без *первой формы отчуждения*, – отчуждения *продукта* труда, – невозможно общество, люди должны обмениваться продуктами своего труда. Процесс отчуждения продукта своего труда есть одновременно основание диалектического процесса рождения индивида и общества – именно возникновение индивидов (дифференциация) делает возможным возникновение общества (интеграцию) на основе появившейся общественной связи – отчуждения-обмена продуктами труда. Эта форма отчуждения создаёт и скрепляет общество, отчуждение продукта труда одной стороной предстаёт как наличие обособленных индивидов или групп индивидов (единичное и особенное), но другой стороной предстаёт как возникновение связи между индивидами и, т.о., их объединение в общество (целое, общее). Здесь отчуждение есть форма соединения частей в целое. Отчуждение особенного и единичного, – продукта, предмета, – есть форма создания общего – сообщества. В таком качестве отчуждение имеет *всеобщий* характер.

Но одновременно общество содержит и момент собственной (внутренней) отрицательности как наличие отчуждённых от него (т.е. вполне самостоятельных) индивидов. Эта отрицательность есть интенция общества к изменению, движению посредством объединения отчуждённых, и тем самым относительно свободных, индивидов во всё новые и новые группы, противостоящие обществу (целому), что, при определённых

обстоятельствах, имеет следствием изменение всего общества.

(Особо следует отметить, что отчуждение как обмен индивидуальными продуктами имеет ещё одну сторону – потенцию разделения общества на новой основе – на основании возникновения частной собственности на продукты, а позже и на деятельность людей, на их труд).

Вторая форма отчуждения, – отчуждение *деятельности*, – возникает исторически позже как результат развития и усложнения первобытного общества и проявляется в двух формах: по отношению к обществу как возникновение разделения труда, по отношению к индивиду – как отчуждение его способности к труду (в крайней форме – как полное отчуждение личности, рабство, крепостничество). В этой форме отчуждение имеет характер *особенного*.

Разделение труда есть форма разделения целого на части – из общего, совместной трудовой деятельности, выделяются, отчуждаются особенные её формы, которые становятся прерогативой части общества, групп людей, занимающихся однотипной деятельностью. Но обмен результатами деятельности вызывает к жизни другую сторону отчуждения – кооперацию, объединение групп людей в целое как единый хозяйственный организм. Этот диалектический процесс лежит в основании жизнедеятельности человеческих сообществ. Развитие процесса разделения труда, его дальнейшее углубление неизбежным следствием имеет одностороннее развитие человеческих способностей. Человек становится, по выражению Маркса, абстрактным, неполным человеком. Это его плата за развитие производительных сил и рост материальных возможностей, а также, добавим, за существование человеческих сообществ, вне и без которых человек существовать не может. Выход из этого процесса только в том, чтобы развив до высочайшей степени разделение труда и его производительность, *вывести человека из процесса производства*, по крайней мере как объект производства, как придаток к машине, как часть технологического процесса. Только став *вне и над* производством человек получит возможность полноценного развития (следовательно, полная автоматизация – безальтернативный путь развития производительных сил).

Отчуждение способности человека к труду представляет собой отчуждение деятельности человека от него самого в пользу другого человека и тем самым низведение его самого до вещи, ценной только тем, что она может что-то делать. Отчуждение деятельности человека от него самого является основанием феноменов (отношений) овещнения и эксплуатации. Сама личность человека при этом является ничтожной, не представляющей интереса для поработителя, эксплуататора. Только эта форма отчуждения является всецело негативной формой, полностью противоречащей сущности человека как универсального существа.

Как видим, *отчуждение* в диалектическом единстве с *присвоением* представляет собой диалектический процесс постоянного разделения целого на части и объединения частей в целое. Форма отчуждения в соотношении с присвоением определяет форму общества, но и общество, изменяясь, влияет на форму отчуждения и, в свою очередь, определяет его.

Присвоение и отчуждение могут взаимодействовать друг с другом как

непосредственно, без промежуточных звеньев (отношений), так и *опосредствованно*.

В последнем случае присвоение и отчуждение опосредствованы отношениями собственности. Здесь собственник средств производства в значительной (даже решающей) мере определяет характер протекания процессов присвоения и отчуждения, извлекая свою выгоду. Именно наличие отношений собственности на средства производства делает невозможным полное присвоение своей деятельности человеком, отделённым от собственности, а отчуждение её результатов имеет принудительный по отношению к нему характер.

В случае *непосредственного* взаимодействия присвоения и отчуждения этот процесс не искажается чуждыми сущности человека отношениями собственности и осуществляется свободно свободными же людьми как естественная циклическая непрерывная деятельность. Это и есть «царство свободы».

Соответственно возможности отчуждения, как *продуктов* труда человека, так и его *деятельности,* феномен *овещнения* также имеет две стороны.

Поскольку люди обмениваются *продуктами* своего труда, то они вступают в отношения, опосредствованные вещами. Эти отношения опосредствования неизбежно становятся определяющим фактором человеческих, в сущности, отношений. Человеческие отношения начинают рассматриваться через призму вещей, их опосредствующих. Соответственно, люди видят свои человеческие, общественные отношения как отношения вещей. Это *овещнение отношений* и оно вполне объяснимо. Человек воспринимает внешний ему мир, в т.ч. и других людей, только посредством материальных контактов. Даже идеальное других людей он способен воспринять только тогда, когда оно материализовано во вполне вещных носителях – звуках, знаках, предметах. Роль опосредствующего звена как материального носителя идеальных человеческих отношений весьма велика (более того, единственно возможна) и потому, как следствие, отношения людей внешне *объективно* вещны, овещнены.

Есть и другая сторона овещнения. Поскольку при отчуждении *деятельности* человека в пользу другого человека он рассматривается только как носитель этой деятельности, а не личность как таковая, то в свете таких отношений человек и видится как вещь, он предстаёт как овещнённый человек. Соответственно этому представлению к нему и относятся как к вещи, предмету, в котором от человека осталась только его способность быть *деятельной вещью*. Это *овещнение человека*.

В итоге овещнение предстаёт во всей своей красе – как отношение к вещи как к личности и к личности как вещи.

И отчуждение, и овещнение – сугубо общественные феномены, вне общества они невозможны, более того, как мы видели, отчуждение продукта труда лежит в основании процесса объединения людей в коллектив, общество.

Но если отчуждение *продукта* деятельности человека должно достичь своей абсолютной формы (полное свободное отчуждение,

*само*отчуждение, *всех* продуктов, и материальных и, тем более, идеальных в общую пользу. Человек всего себя отдаёт обществу и, соответственно, с абсолютной свободой пользуется результатами труда других людей, всего общества – для того, чтобы всё присвоить, надо всё отдать. Здесь отчуждение и присвоение достигают полного тождества, противоположности перетекают друг в друга), то отчуждение собственно *деятельности* должно быть упразднено, уничтожено, начало чему (но только начало!) полагается ликвидацией частной собственности. *Свободное и полное самоотчуждение результатов труда может быть следствием только полного присвоения своей деятельности, т.е. самого себя.* Тем самым уничтожается та сторона феномена овещнения, которая превращает человека в вещь, уничтожает его как свободную личность.

В коммунистическом обществе обмен результатами деятельности это уже не эквивалентный обмен по стоимости, а обмен, принимающий совершенно *новую общественную форму* – полное добровольное *самоотчуждение* результатов своего труда и столь же полное *присвоение* результата труда других людей и всё это в условиях полного *присвоения* своей деятельности, осуществляющейся в интересах *всего общества* и потому фактически *самоотчуждаемой* в пользу общества (полностью *присвоенная* человеком собственная деятельность в условиях *свободного* общества («царства свободы») одновременно другой своей стороной предстаёт как полностью *самоотчуждённая* в форме её результата в пользу всего общества). Здесь ни одного момента этого диалектического соотношения нельзя элиминировать.

Список литературы:
Ильенков Э.В., Философия и культура, М.: Политиздат, 1991.
Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч., изд. 2-е, М.: Политиздат, 1974.

04.2017

Отчуждение, овещнение, собственность

(Статья написана для журнала «Свободная мысль»).

Уважаемый Главный редактор!

Возглавляемый Вами журнал «Свободная мысль» своим происхождением обязан изданиям, материалистическая позиция которых оказывает определённое влияние и на современный облик журнала. К сожалению, в отношении предшественников нельзя утверждать, что материализм, ими декларируемый, был глубоко осмыслен диалектически, современное им дежурное «диаматовское» прочтение не могло не довлеть над публикуемыми материалами.

Новое время совершенно необходимо ставит нас перед обязанностью дать ответ на те же фундаментальные вопросы, которые стояли и полтора века назад, но с позиций диалектики, понимаемой не как одиозные пресловутые три закона, а выводимой из диалектики Гегеля, не столько

«перевёрнутой с головы на ноги», – Гегель в собственно диалектике и так столь прочно стоит на ногах, что вряд ли кому по силам сдвинуть его с этой позиции, – сколько прочтённой с позиции материалистического её осмысления.

Именно в этом ключе и проанализированы далее некоторые феномены, играющие весьма важную роль в становлении человеческого общества.

Феномены отчуждения, присвоения и овещнения

Феномены отчуждения и овещнения, столь явственно проявляющиеся в человеческом обществе, оказывают огромное влияние на отношения между людьми и, как следствие, на общественные формы и вряд ли можно глубоко понять процессы, протекающие в обществе, не поняв сущности отмеченных явлений.

Исторически так сложилось в философии, что категория отчуждения рассматривается исключительно с негативной стороны, чем демонстрируется совершенно недиалектическое её толкование. Такой односторонний подход, абстрагирующий понятие отчуждения, исключает возможность увидеть в отчуждении также и положительный потенциал, более того, созидающее начало.

«ОТЧУЖДЕНИЕ — филос.-социологич. категория, выражающая объективное превращение деятельности человека и ее результатов в самостоят. силу, господствующую над ним самим и враждебную ему, и связанное с этим превращение человека из активного субъекта в объект обществ. процесса. О. характеризует как исторически определ. характер деятельности человека, отношение его к продуктам деятельности и к обществу, так и разрушающее влияние социальной жизни антагонистич. формаций на личность человека. О. является исторически преходящей формой опредмечивания человеком своих деятельных способностей в классово-антагонистич. обществе».[1]

Положительным здесь является признание объективности феномена отчуждения, естественности, эволюционности его происхождения. Но объективность предполагает всестороннее исследование предмета, здесь же отчуждение рассмотрено только с негативной стороны, отрицающей индивидуальность, субъектность человека, тогда как в отчуждении есть и положительная сторона, утверждающая человека.

От внимания философов ускользнула мысль Маркса, правда высказанная им не явно, но достаточно отчётливо, чтобы увидеть в ней зерно истины.

«Человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса. Первоначально он выступает как родовое существо, племенное существо, стадное животное — хотя отнюдь не как zoon politicon (политическое животное) в политическом смысле. Сам обмен является одним из главных средств этого обособления индивидов. Он делает стадное

[1] Философская Энциклопедия: в 5-х т. М., Изд-во "БСЭ", 1960-1970, Т. 4, С. 189. Близкое по сути определение даёт и «Новая философская энциклопедия» (Т. 4, С. 181).

существование ненужным и разлагает его. Дело оборачивается таким образом, что человек как обособленный индивид предоставлен только самому себе, средства же для утверждения его как обособленного индивида состоят, однако, в том, что он себя делает всеобщим и коллективным существом. В этом коллективе предполагается объективное существование отдельного человека как собственника, к примеру скажем, земельного собственника, и притом при определённых условиях, которые приковывают его к этому коллективу или, лучше сказать, образуют звено в этой цепи».[1]

Маркс описывает процесс разложения человеческого стада и возникновения общества. Как видим, во-первых, общество может возникнуть только из индивидов, т.е. людей отделяющих себя от всех других, от массы. И хотя Маркс этого не указывает, но, во-первых, без возникновения самосознания, т.е. способности к самоопределению, отделения личности от массы произойти не может, самосознание является основанием индивидуализации, обособления индивида от сообщества себе подобных. Это форма внутреннего обособления, поскольку оно есть обособление индивидуального идеального как отрицание внешнего ему и т.о. *отчуждение* его и от него, но одновременно это есть и *присвоение* как присвоение своего идеального, присвоение самосознания.[2] В диалектическом тождестве присвоения и отчуждения происходит становление самосознания и, как следствие, отделение индивида от массы и это уже внешнее отчуждение как результат отчуждения внутреннего (появления самосознания).

Во-вторых, форма отчуждения, – индивидуализация идеального, – в материальной деятельности индивида внешне проявляется и в другой (превращённой), вещной форме – человек распространяет индивидуализацию и на продукты собственной деятельности, он становится обладателем продуктов собственной деятельности, т.е. *присваивает* их.[3]

Однако, вслед за присвоением необходимо следует сначала совместное использование продуктов труда, а исторически позже возникает обмен продуктами труда – то и другое есть не что иное, как *отчуждение* продуктов индивидуального труда в пользу других индивидов. Эта форма отчуждения создаёт новые отношения, связи между индивидами и этим самым человек «себя делает всеобщим и коллективным существом». Когда все члены сообщества становятся всеобщими и коллективными, т.е. взаимосвязанными уже новыми отношениями, отражёнными, рефлексированными в сознании, то это и есть не что иное, как возникновение общества. Прежняя масса однотипных особей превращается в сообщество индивидов, связанных новыми отношениями присвоения и отчуждения,

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 46-1, С. 486.

[2] О понятиях идеального, самосознания и, шире, субстанциональности развития см. здесь: http://upstream.moy.su/load/analitika/kniga_dialektika_nekotorye_voprosy_teorii_i_praktiki/2-1-0-3.

[3] Хотя логически процессы отчуждения идеального и присвоения материального предстают последовательно, но в исторической реальности они переплетены, взаимосвязаны и неотделимы друг от друга.

материально-идеальными в своей основе. Становление индивида и становление общества идут рука об руку, это взаимозависимые неотделимые друг от друга, т.е. диалектически тождественные процессы.

Т.о. сущность процесса становления человеческого общества заключается во взаимодействии и взаимопроникновении внутренне диалектических процессов: идеального — возникновения самосознания (и как следствие полного сознания) и т.о. отчуждения части от целого, индивида от массы, но это одновременно и присвоение как присвоение индивидами своего идеального; и материального – присвоения индивидами продуктов собственной деятельности и последующего обмена ими, что, в свою очередь является уже отчуждением этих продуктов.

Феномен *отчуждения*, как видим, проявляется в двух формах: в идеальной как отчуждение индивида от массы (индивидуализация массы, но одновременно это и возникновение потенции объединения на новом основании); в материальной как отчуждение индивидами продуктов собственной деятельности в пользу других индивидов. Первый процесс (идеальный) знаменует становление личности, второй процесс (материальный) есть процесс связывания сознающих себя (т.е. идеально разобщённых, отчуждённых) индивидов в общество посредством возникновения *сущностно* новых связей между индивидами (это уже сугубо *человеческие, социальные* связи).

Феномену отчуждения диалектически тождествен феномен *присвоения* и также в двух формах: в идеальной как возникновение самосознания (присвоение своего идеального, индивидуализация); в материальной как присвоение индивидами продуктов собственной деятельности, что имманентно содержит возможность последующего обмена ими и возникновения новых связей между индивидами.

На основании сказанного можно указать на негативный (отрицающий) и позитивный моменты.

Негативный момент олицетворяет атомизацию массы и появление индивидов, обладающих самосознанием. Позитивный момент отражает возникновение сущностно новых связей между индивидами – именно *общественных*, *осознанных* связей. Происходит качественный скачок в развитии человека – возникает не только новая форма сообщества как союза обособленных, осознающих себя индивидов, но и новая форма идеального – то, что позже назовут объективным или общественным сознанием. Здесь субстанциональность как единство и взаимозависимость материального и идеального проявляется во всей своей полноте и силе. Возникшее общество, создавая продукты труда, тем самым создаёт новый, искусственный материальный мир, наполненный новым идеальным содержанием, *человеческим* идеальным как знанием. Появляется новая форма субстанционального движения – искусственная природа.

Но вернёмся к феномену отчуждения. Поскольку отчуждение есть феномен, присущий только деятельному человеку, то отчуждению могут подлежать только условия его деятельности: как предметы и продукты труда (как материальные, так и идеальные), так и собственно деятельность, труд. Последнее есть отчуждение сущностных сил человека и, значит, самого

человека.

Нетрудно увидеть, что отчуждение и продукта труда, и самого труда, деятельности, существует в разных формах, а именно: как добровольное отчуждение; как принудительное отчуждение (другим человеком, государством); как необходимое (императивное) отчуждение, т.е. отчуждение, вызванное непреодолимыми жизненными обстоятельствами (таковым, например, является «добровольная» продажа человеком своей рабочей силы). Очевидно, что самоотчуждением может быть только первая форма отчуждения, добровольное отчуждение, императивное же отчуждение можно рассматривать как скрытую (превращённую) форму принудительного отчуждения, которая существует в обществе, где человек ещё не полностью свободен как личность.

Сама возможность отчуждения имманентно присутствует уже непосредственно в принципе субстанциональности, в его двойственности – в материальности, вещественности субстанции с одной стороны, и в наличии всевозможных меж- и внутрисубстанциональных процессов движения, взаимодействия с другой стороны — т.е. отчуждению могут подвергаться как вещественные факторы (продукты труда), так и деятельностные факторы (собственно деятельность как процесс). Следовательно, феномен отчуждения в основе своей совершенно объективен. Но актуализируется эта потенция только при наличии определённых общественных отношений – таких отношений, которые предполагают разделение людей по их месту в производстве своей жизнедеятельности и, соответственно, по участию в процессах производства, распределения и потребления.

Без первой формы, — отчуждения *продукта* труда, — невозможно общество, люди должны обмениваться продуктами своего труда. Процесс отчуждения продукта своего труда есть одновременно основа диалектического процесса рождения индивида и общества – именно возникновение индивидов (дифференциация) делает возможным возникновение общества (интеграцию) на основе появившейся общественной связи – отчуждения-обмена продуктами труда. Эта форма отчуждения создаёт и скрепляет общество, отчуждение продукта труда одной стороной имеет наличие обособленных индивидов (единичность), но другой стороной имеет возникновение связи между индивидами и, т.о., их объединение в общество (целое). Здесь отчуждение есть форма соединения частей в целое. Отчуждение особенного и единичного, — продукта, предмета, — есть форма создания общего – сообщества. В таком качестве отчуждение имеет *всеобщий* характер. В результате возникновения феномена отчуждения и его диалектического снятия возникают новые, уже общественные феномены – особь человеческого стада превращается в индивида, а само человеческое стадо превращается в первобытное общество.

Но одновременно общество содержит и момент собственной отрицательности как наличие отчуждённых от него индивидов. Эта отрицательность есть интенция общества к изменению, движению посредством объединения отчуждённых, и тем самым относительно свободных, индивидов во всё новые и новые группы, противостоящие обществу, что, при определённых обстоятельствах, имеет следствием изменение всего общества.

Отчуждение как обмен индивидуальными продуктами имеет ещё одну сторону — потенцию разделения общества на новой основе – на основании возникновения частной собственности на продукты, а позже и на деятельность людей, на их труд.

Вторая форма отчуждения, — отчуждение *деятельности*, — возникает исторически позже как результат развития и усложнения первобытного общества и проявляется в двух формах: по отношению к обществу как возникновение разделения труда, по отношению к индивиду – как отчуждение его способности к труду (в крайней форме – как полное отчуждение личности, рабство, крепостничество). В этой форме отчуждение имеет характер *особенного*.

Разделение труда есть форма разделения целого на части – из общего, совместной трудовой деятельности, выделяются, отчуждаются особенные её формы, которые становятся прерогативой части общества, групп людей, занимающихся однотипной деятельностью. Но обмен результатами деятельности вызывает к жизни другую сторону отчуждения – кооперацию, объединение групп людей в целое как единый хозяйственный организм. Этот диалектический процесс лежит в основании жизнедеятельности человеческих сообществ. Развитие процесса разделения труда, его дальнейшее углубление неизбежным следствием имеет одностороннее развитие человеческих способностей. Человек становится, по выражению Маркса, абстрактным, неполным человеком. Это его плата за развитие производительных сил и рост материальных возможностей, а также, добавим, за существование человеческих сообществ, вне и без которых человек существовать не может. Выход из этого процесса только в том, чтобы развив до высочайшей степени разделение труда и его производительность, *вывести человека из процесса производства*, по крайней мере как объект производства, как придаток к машине, как часть технологического процесса. Только став *вне и над* производством человек получит возможность полноценного развития.

Отчуждение способности человека к труду представляет собой отчуждение деятельности (процесса труда) человека от него самого в пользу другого человека и тем самым низведение его самого до вещи, ценной только тем, что она может что-то делать. Отчуждение собственно деятельности есть отчуждение сущности человека от него самого и потому как *само*отчуждение может проявляться только в особенной и единичной, уникальной, извращённой форме. Отчуждение деятельности человека от него самого является основанием феноменов (отношений) овещнения[1] и

[1] В литературе встречаются две формы, выражающие феномен, о котором идёт речь – овещнение и овеществление. Термин «овещнение» прямо указывает на то, что нечто (в данном случае человек) представляется вещью, чем-то пассивным, игрушкой чуждых ему сил, хотя по своей сути и не является таковым. В данном случае овещнение означает перенесение определений вещи на человека – здесь человек *представляется* вещью только в силу внешних для него условий, но *не является* ею *по своей сути*.

Термин же «овеществление» содержит прозрачную аллюзию на процесс, в

эксплуатации. Сама личность человека при этом является ничтожной, не представляющей интереса для поработителя, эксплуататора. Эта форма отчуждения представлена несколькими видами – прямое принуждение (рабство), принуждение посредством социальных институтов (сословная, крепостная зависимость), принуждение посредством экономических отношений (капитализм, первая фаза коммунизма). Только эта форма отчуждения является всецело негативной формой, полностью противоречащей сущности человека как универсального существа.

Как видим, отчуждение в диалектическом единстве с присвоением представляет собой диалектический же процесс постоянного разделения целого на части и объединения частей в целое, форма отчуждения (в соотношении с присвоением) определяет форму общества, но и общество, изменяясь, влияет на форму отчуждения и, в свою очередь, определяет его.

Соответственно возможности отчуждения, как *продуктов* труда человека, так и его *деятельности,* феномен *овещнения* также имеет две стороны.

Поскольку люди обмениваются *продуктами* своего труда, то они вступают в отношения, опосредствованные вещами. Эти отношения опосредствования неизбежно становятся определяющим фактором человеческих, в сущности, отношений. Человеческие отношения начинают рассматриваться через призму вещей, их опосредствующих. Соответственно, люди видят свои человеческие, общественные отношения как отношения вещей. Это *овещнение отношений* и оно вполне объяснимо. Человек воспринимает внешний ему мир, в т.ч. и других людей, только посредством материальных контактов. Даже идеальное других людей он способен воспринять только тогда, когда оно материализовано во вполне вещных носителях – звуках, знаках, предметах. Роль опосредствующего звена как материального носителя идеальных человеческих отношений весьма велика (более того, единственно возможна) и потому, как следствие, отношения людей внешне *объективно* вещны, овещнены.

Есть и другая сторона овещнения. Поскольку при отчуждении *деятельности* человека в пользу другого человека он рассматривается только как носитель этой деятельности, а не личность как таковая, то в свете таких отношений человек и видится как вещь, он предстаёт как овещнённый человек. Соответственно этому представлению к нему и относятся как к вещи, предмету, в котором от человека осталась только его способность быть *деятельной вещью*. Это *овещнение человека*.

В итоге овещнение предстаёт во всей своей красе – как отношение к вещи как к личности и к личности как вещи.

Первое отношение имеет объективным имманентным источником то идеальное в продуктах труда, которое вложено туда человеком (вспомним

котором происходит воплощение некоего замысла в веществе природы, это активное направляемое действие, результатом которого также может быть вещь, но вещь утилитарная, сущность которой и определяется процессом овеществления – здесь вещь *по сути является* вещью. По указанной причине к рассматриваемому феномену далее применяется термин «овещнение».

— идеальное это процесс движения (возникновения, изменения) вещи, представленный в форме вещи). Т.е. предметы, созданные человеком, объективно содержат идеальное, вложенное в них человеком, и потому могут восприниматься как нечто очеловеченное, что и происходит при определённых общественных отношениях.

Второе отношение имеет место, когда человек включён в общую деятельность не как личность, а как обладатель некоторых факторов производства жизни, как индивид, способный трудиться, создавать продукты труда. Здесь имманентным источником овещнения является способность к деятельности, принадлежащая человеку, но используемая другим человеком, который видит первого только как носителя деятельности, как вещь, обладающую определёнными свойствами. Именно эти частные качества и подлежит использованию, но не сам человек как универсальная личность.

Овещнение (и человеческих отношений, и самого человека) есть результат разделения труда и последующего возникновения обмена и общественных отношений собственности. Последние накладывают на феномен овещнения свою особенную печать, придавая этому общему феномену свои специфические формы в каждой форме общества. Но только сам труд, являющийся основанием возникновения отношений собственности, и разделение его на виды деятельности, необходимо имеющее следствием возникновение отношений обмена, находятся в основе овещнения и человека, и отношений между людьми, в результате чего люди и их отношения предстают посредством вещей и как вещи.

Значит ли это, что овещнение будет существовать, пока существует разделение труда и, соответственно, обмен продуктами труда? Да, пока существует частная собственность, закрепляющая этот общественный феномен, и представляющая человека и человеческие отношения через призму обмена вещей как товаров, т.е. исключительно в форме, где сущностью отношений является не собственно человеческая деятельность, а товар, представляющий интерес только как вещь, в которой воплощена прибавочная стоимость.[1]

Но при упразднении частной собственности объектом обмена будут уже продукты труда не как товары, вещи, в которых главное – их прибавочная стоимость, а продукты труда как вещи, в которых главное – их потребительные качества, т.е. собственно труд, овеществлённый в своём результате. Здесь сам труд, воплощённый в продукте труда, представляет интерес своей натуральной формой, а не возможность обменять его на другой труд

[1] «Общественный характер деятельности, как и общественная форма продукта, как и участие индивида в производстве, выступает здесь как нечто чуждое индивидам, как нечто вещное; не как отношение индивидов друг к другу, а как их подчинение отношениям, существующим независимо от них и возникающим из столкновения безразличных индивидов друг с другом. Всеобщий обмен деятельностями и продуктами, ставший жизненным условием для каждого отдельного индивида, их взаимная связь представляются им самим как нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь. В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное отношение вещей, личная мощь – в некую вещную мощь». (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 46-1, С. 100).

с целью получения прибавочной стоимости.

Но полностью избавиться от феномена овещнения возможно только при ликвидации отношений обмена, т.е. в обществе, в котором продукты производятся по потребности общества и поступают в распоряжение людей непосредственно, а не через обмен деятельностью и продуктами её труда.

Наиболее ярко, грубо и пошло феномен овещнения проявляется по отношению к людям творческого труда и результатам их деятельности. Эти результаты в виде научных открытий и художественных произведений принадлежат целиком к сфере идеального и как таковые являются достоянием всех людей. Но мир частной собственности опутывает паутиной овещнения и самих творческих людей, и продукты их деятельности. Беззастенчивой эксплуатации подвергается уже сама сущность человека, его родовые (по Марксу) качества. Человек, вплотную подошедший к возможности осуществления своей универсальности, удерживается капиталом в предчеловеческом состоянии. Выставляя на продажу то, что должно принадлежать всем, — идеальное в форме знания и нравственных императивов (а художественные произведения есть их своеобразное концентрированное выражение), — капитал самым наглым образом демонстрирует свою античеловечность, попирает принципы справедливости и добра, присваивает общее, ему не принадлежащее, тем самым резко сужая в своих интересах круг людей, которым доступны высшие гуманистические достижения человечества. Капитал, не допуская массы людей к высшим духовным ценностям, действует как самый отъявленный преступник и уже поэтому капиталистическое общественное отношение должно быть преодолено.

И отчуждение, и овещнение – сугубо общественные феномены, вне общества они невозможны, более того, как мы видели, отчуждение продукта труда лежит в основании процесса объединения людей в коллектив, общество.

Но если отчуждение *продукта* деятельности человека должно достичь своей абсолютной формы (полное свободное отчуждение, *само*отчуждение, *всех* продуктов, и материальных и, тем более, идеальных в общую пользу. Человек всего себя отдаёт обществу и, соответственно, с абсолютной свободой пользуется результатами труда других людей, всего общества — для того, чтобы всё присвоить, надо всё отдать. Здесь отчуждение и присвоение достигают полного тождества, противоположности перетекают друг в друга), то отчуждение собственно *деятельности* должно быть упразднено, уничтожено, начало чему полагается ликвидацией частной собственности. *Свободное и полное отчуждение результатов труда может быть следствием только полного присвоения своей деятельности, т.е. самого себя.* Тем самым уничтожается та сторона феномена овещнения, которая превращает человека в вещь, уничтожает его как свободную личность.

Авторы «Новой философской энциклопедии» по-иному видят феномен отчуждения: «В философии категория «отчуждение» выражает такую объективацию качеств, результатов деятельности и отношений человека, которая противостоит ему как превосходящая сила и превращает его из субъекта в объект ее воздействия.

…В социальной философии и в социологии отчуждение — это общественное отношение, социокультурная связь между субъектами, которая вышла из-под их контроля и стала самостоятельной, господствующей над ними силой. Это инобытие свободы, ее противоположность. Человек стремится преодолеть существующие формы своего отчуждения и достичь более высокого уровня свободы. При этом он нередко порождает новые формы отчуждения и попадает под их влияние».[1]

Здесь отчуждение предстаёт только как негативный результат отношений между людьми, более того – как противостоящая сила, которую невозможно контролировать. Причём попытки преодоления отчуждения ведут к появлению его новых форм. Т.о. отчуждение, являясь порождением субъективности (отношений людей) по непонятной причине превращается во вполне объективное явление. Поскольку не рассмотрен генезис отчуждения, то оно представлено только феноменологически, а не сущностно. Поэтому и обратный процесс – снятие отчуждения – в итоге видится авторам такой трактовки весьма проблематичным, если вообще возможным.

Наше понимание феномена отчуждения несколько расходится и с мнением «Философской Энциклопедии», которая считает отчуждение «исторически преходящей формой опредмечивания человеком своих деятельных способностей в классово-антагонистическом обществе». Как мы убедились, предметная форма отчуждения как отчуждение *результатов* труда есть феномен *общий* всем типам обществ, а не только классово-антагонистическим, и эта форма отчуждения должна достичь своей полноты и завершённости, что возможно только с полным освобождением человека. Исторически преходящим же, *особенным*, является отчуждение собственно *деятельности* человека, которое неизбежно становится отчуждением самого человека и должно быть преодолено исторически. С развитием предметного отчуждения до своей высшей формы, полного добровольного самоотчуждения, и одновременно постепенной ликвидацией отчуждения деятельности станет возможным их диалектическое снятие и достижение возможности «свободного развития каждого» и «свободного развития всех».

Отношения собственности как диалектика присвоения и отчуждения

Логически отчуждению продукта труда предшествует присвоение – прежде, чем продукт может быть отчуждён, он должен быть в наличии, т.е. произведён, и как таковой *фактически* принадлежит непосредственному производителю, присвоен им. Теперь присвоенный продукт предстаёт как собственность, а отношение, связывающее собственника и продукт, есть отношение собственности.

Только теперь продукт может быть отчуждён, стать объектом обмена и вступить в общественные отношения обмена – очевидно именно так обстояло дело и исторически, с самых первых моментов появления отношений обмена.

Рассмотрим процесс возникновения собственности абстрактно, без

[1] Новая философская энциклопедия, в 4 т., М., Мысль, 2010, С. 181.

учёта искажающих его обстоятельств.

В основании феномена собственности, как видим, находится личный, индивидуальный труд. Но чтобы результатами этого труда можно было обменяться необходимо выполнение и второго условия – индивиды должны производить *разные* продукты, а это уже есть возникновение нового общественного феномена – разделения труда.

Т.о. отношения собственности возникают как диалектическое тождество (единство в различии) разнородных, по существу процессов:

- собственно производительная деятельность как производство продуктов труда;

- эта деятельность осуществляется обособленными производителями как следствие обособленности (единичности и конечности) предметов и продуктов труда. Т.о. происходит дифференциация производителей по видам деятельности – возникает феномен разделения труда. Естественным результатом такой обособленной деятельности являются фактические отношения владения производителями произведенным продуктом – продукт становится собственностью. Но это ещё одностороннее отношение собственности, оно не дополнено своим отрицанием и, тем более, снятием в новом качестве. Владельцу продукта, собственнику ещё не противостоит другой продукт и другой владелец и т.о. отношения собственности не завершены, не полны, они не могут реализоваться как завершённое *общественное* отношение – это пока *личное* отношение собственности. Здесь же следует сказать, что дифференциации по видам деятельности сопутствует противоположный процесс – объединение, интеграция индивидов, но уже внутри однотипной деятельности. Следствием подобной интеграции является возникновение групп индивидов, участвующих в одном виде деятельности. Продукт, произведенный такой группой индивидов по своей сути является их совместной собственностью и принадлежит им на равных правах. Т.о. интеграция внутри разделения труда создаёт группы производителей, объединённые внутри, но разобщённые между собой. Общество как единое целое ещё не возникает;

- произведенные продукты подлежат обмену (это необходимое условие удовлетворения потребностей индивидов и их групп, владеющих *разными* продуктами труда). Возникают новые отношения – отношения обмена. Теперь одностороннее отношение собственности (собственника и его продукта) дополнено своим отрицанием – другим таким же односторонним отношением собственности. Снятие противоречивого взаимодействия этих односторонних отношений в состоявшемся обмене предстаёт уже завершённым отношением собственности, в котором стороны обмена *совершили полный цикл присвоения и отчуждения продукта труда*. Результатом снятия является владение продуктом труда, но уже произведенным другим индивидом (группой индивидов) – отношения собственности т.о. воспроизводят себя снова и снова и, как следствие, объединяют индивидов и группы индивидов в целостное сообщество, которое своими внутренними отношениями полностью обеспечивает свою жизнедеятельность.

Сообщество в целом, полностью (или почти полностью) обеспечивающее себя за счёт внутренней производительной деятельности, предстаёт

как субстанция – саморазвивающаяся сущность.

Диалектическое снятие в новом качестве описанных процессов знаменует собой возникновение нового природного феномена – становление человеческого сообщества, в котором неразрывно переплетены отношения дифференциации-интеграции и присвоения-отчуждения – одно не существует без другого.

Т.о. в отношениях собственности, возникающих естественным путём в ходе становления человеческого общества, в снятом виде представлены процессы 1. производительной деятельности человека, 2. разделённой по видам деятельности, 3. последующем обмене продуктами труда, 4. что вместе ведёт к возникновению целостного сообщества, 5. обладающего качеством субстанциональности – саморазвития посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий.

Совершенно ясно, что отношения собственности есть сугубо *внешнее* выражение всего комплекса отмеченных процессов и, следовательно, *сущность* отношений собственности состоит в сущности этих *процессов* и не может рассматриваться отдельно от них. А это значит, что по мере развития общества отношения собственности необходимо будут изменять своё сущностное наполнение в зависимости от производительных (производственных) отношений, как генетически определяющих отношения собственности. Этот вывод можно сформулировать и по-иному: *выход человека из собственно производительного процесса как его части элиминирует всякое основание для возникновения отношений владения продуктом труда и, соответственно, возникновения последующих отношений собственности*.

Но вернёмся к рассмотрению отношений собственности. Маркс, утверждая, что человек, «отчуждая от себя свою собственную деятельность, … позволяет другому человеку присваивать деятельность, ему не присущую», на этом основании делает вывод — «частная собственность есть продукт, результат, необходимое следствие отчуждённого труда, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе».[1]

Но, как мы убедились, логическое рассмотрение вопроса выявляет обратное – именно индивидуальная (групповая) производительная деятельность имеет естественным результатом присвоение продукта труда его производителями, что создаёт тем самым *фактическое* отношение собственности, которое, в свою очередь, даёт возможность дальнейшего отчуждения продукта труда в интересах обмена (это признаёт и Маркс – «отчуждая … собственную деятельность»). Вначале частная собственность ещё равнозначна индивидуальной, личной и имеет основанием *собственный труд* (это положение относится и к группам индивидов, занятых совместной деятельностью). И только теперь появляется возможность отчуждения продукта *чужого труда* другими индивидами (группами индивидов) и возникновения частной собственности на совершенно ином основании – на чужом труде.[2] Но для этого необходимы и другие, более сложные

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 42, С. 97.

[2] Здесь имеется ввиду не владение продуктом чужого труда в результате

общественные отношения, нежели отношения только производства и обмена.

Т.о. частная собственность, имея общим основанием труд человека, может выступать в двух формах – естественно возникающая частная (личная) собственность, основанная на собственном труде и частная собственность, основанная на труде других людей, возникающая как принудительное (а иного быть не может) отчуждение продукта, а затем и собственно труда человека, его деятельности, что, в сущности, есть не что иное как отчуждение человека от него самого. Именно вторая форма собственности – собственность на чужой труд и его результат – и есть «следствие отчуждённого труда».

Отношения собственности самого производителя (производителей) к продуктам своего труда можно назвать *естественными*, поскольку здесь отношение собственности является естественным следствием производительной деятельности, в основании которой находится личный труд. Эта форма собственности внутренне не противоречива, поскольку владение (отношения собственности) является следствием собственного труда.

Форма собственности, в которой собственник владеет результатом чужого труда вследствие его изъятия, отчуждения (неважно, насильственного или «добровольного»), является внутренне *антагонистической* формой, поскольку в ней изначально заложено противоречие между естественным отношением собственности самого производителя к результату своего труда и между отчуждением этого отношения другим лицом, не имеющим естественно возникших оснований для владения продуктом труда.

В антагонистической форме собственности уже самим принципом её появления, принудительным отчуждением, заложено внутреннее противоречие между источником её возникновения (труд одних) и фактическим отношением собственности (собственность других). Это изначально заложенное антагонистическое отношение является имманентным противоречием, сопровождающим эту форму собственности в течение всей его жизни, и которое, в конце концов, должно придти к своему разрешению, как и всякое диалектическое противоречие.

Т.о. «частная собственность есть продукт, результат, необходимое следствие отчуждённого труда» только в отношении антагонистической формы собственности, но не собственности вообще.

Далее, Маркс отмечает — «труд, субъективная сущность частной собственности, как нечто исключающее собственность, и капитал, объективированный труд, как нечто исключающее труд, — такова *частная собственность* как развитая до степени противоречия форма указанной противоположности, а потому как энергичная, побуждающая к разрешению этого противоречия».[1]

Эта фраза свидетельствует, что молодой Маркс (написано в 1844 году)

произошедшего обмена, а собственность, основанная на *принудительном* изъятии продукта труда у его производителя. От форм принуждения мы здесь абстрагируемся.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 42, С. 113.

находился ещё всецело под очарованием диалектики Гегеля, в которой его, возможно, привлекала умозрительная сторона и недооценивалась практическая – именно об этом говорит игра с понятиями противоположности и противоречия и их энергичности. Следствием такого умозрительного подхода и стало возможным утверждение, что труд, являясь субъективной сущностью частной собственности, тем не менее, исключает собственность – ведь этого требует гегелевская трактовка противоположности как рефлексии в себя отрицания.

Но наш анализ показывает иное. Труд, результатом которого является продукт, становящийся собственностью производителя, как вполне субъективная деятельность составляет сущность этой собственности, тем самым он *предполагает* частную собственность пока в форме *естественной* собственности. Здесь Маркс прав в следующем — собственность, рассматриваемая со стороны *результата* труда, со стороны её *возникновения*, субъективна. Но одновременно эта собственность выступает как *основание* обмена, как нечто, что уже дано до самого факта обмена, как просто наличествующее. И с этой стороны, со стороны обмена, со стороны актуальности, собственность уже вполне *объективна,* как предстающая в объективированной форме продукта. Как видим, труд как субъективная деятельность, предполагает, говоря языком Гегеля, посредством своего результата собственность, которая в отношениях обмена предстаёт с двух сторон – как субъективная со стороны труда (процесса труда), и как объективная со стороны вещественности (результата труда), представленности в отношениях обмена в материальной форме. Труд не исключает, а предполагает собственность, но собственность как результат *своего* труда, *собственного* труда. Это естественное следствие естественного процесса жизнедеятельности человека.

Но эта же самая жизнедеятельность создаёт такие *формы взаимоотношений между людьми*, в которых становится возможным присвоение собственности, созданной чужим трудом (от условий возникновения такой возможности мы абстрагируемся). Не только форма, но и сущность отношений собственности трансформируется – теперь собственностью является результат *чужого* труда. Естественность возникновения собственности и её основания нарушена и в этом пункте *возникает противоречие внутри отношений собственности* – противоречие между трудом, производящим продукт, и между собственником, отчуждающим и присваивающим этот продукт *не на естественном производительном основании, а на основании отношений, устанавливаемых иными общественными процессами*. Только теперь возникает, начинает развиваться и двигаться к своему разрешению противоречие между трудом и собственностью – между трудом одних и собственностью на это труд и его результат других.

В этом противоречивом отношении между трудом и собственностью, собственность исключает (отрицает) не труд как таковой (без труда вообще невозможно появление собственности и как отношения, и как его объекта), а только его право (вернее, право труженика) на владение своим продуктом. Противоречие между общим трудом и частным присвоением по мере развития общественных производительных сил (в т.ч. и разделения труда)

наращивает свой потенциал и, в конце концов, либо разрешится обобществлением производительных сил в форме всеобщей собственности и, т.о., возникнет новое противоречие уже внутри нового производственного отношения, либо, в случае недостаточной активности со стороны труда (вернее, тружеников), стагнирует и начнёт деградировать, что будет иметь следствием и деградацию всего процесса развития субстанции человек. Ведь в этом случае определяющий развитие субстанции процесс её жизнедеятельности как процесс отражения будет осуществляться не в интересах субстанции в целом, а исключительно в интересах незначительной её части.[1]

Собственность, рассматриваемая со своей субъективной стороны, со стороны труда, производителя, содержит имманентную потенцию к её возникновению. Та же собственность, рассматриваемая со своей объективной стороны, со стороны обмена, содержит необходимое условие её актуализации, одействительствования, конституирования. Будучи актуализированной, в конкретных общественных отношениях она предстаёт в разных формах — как индивидуальная частная собственность (результат собственного труда, естественная собственность) и как результат отчуждения и последующего присвоения чужого труда и чужой собственности (антагонистическая собственность).

Мы выявили два условия, лежащие в основании отношений собственности, без ликвидации которых невозможно уничтожение отношений собственности. Выполнение первого условия обеспечивается выведением человека из процесса производства как его *непосредственного* участника, как дополнения технологических процессов, как «частичного человека». Тем самым объективно ликвидируются всякие основания для возникновения и существования отношений собственности.

Для выполнения второго условия, ликвидации отношений обмена, необходимо развитие производительных сил выше определённого уровня, что непосредственно связано с первым условием, и соответствующее этому развитию коренное изменение всех общественных отношений, неразрывно связанное с развитием самого человека.

Отношения присвоения-отчуждения связывают людей между собой определённым способом и, т.о., именно эти отношения определяют собой форму связи между людьми и их сообществами и, как следствие, форму сообществ и их внешнее оформление в соответствующих общественных институтах, а также отражение в общественном сознании в форме мировоззрения, идеологии. Речь идёт, разумеется, об отношениях, складывающихся, прежде всего, в материальной сфере, находящейся в основании жизнедеятельности людей. Но принципы возникновения и развития общественных отношений, основанных на рассматриваемых феноменах,

[1] Противоречие между общим трудом и частным присвоением в форме его деградации может разрешиться только как вытеснение труда (и, соответственно, рабочего) из процесса производства и этот процесс уже интенсивно идёт (имеется ввиду автоматизация производства). Вряд ли надо говорить какие последствия это будет иметь для рабочих.

распространяются и на сферу идеального, продукты которой в своей особой форме также вступают в отношения отчуждения, обмена и присвоения.

Эти отношения (и их отражение в общественном сознании) по мере развития проходят ряд стадий, развиваются и изменяются соответственно развитию характера производства, производительных сил. Развитие последних необходимо влечёт за собой изменение отношений присвоения-отчуждения, отношений собственности (ведь всякое изменение материального имеет необходимым следствием изменение идеального). Однако, прямого соответствия между отношениями собственности и уровнем развития производительных сил нет, поскольку, с одной стороны, общественные отношения достаточно инертны и могут отставать от развития производительных сил, а, с другой стороны, относительная самостоятельность сферы идеального несёт в себе потенциальную возможность возникновения опережающего развития общественных отношений.

Ранее мы определили две формы отчуждения, одна из которых проявляется как всеобщее и действительна для всех общественных форм — отчуждение продукта; вторая проявляется как особенное, имеет преходящий характер и свойственна обществам, распространяющим частную собственность и на труд человека — отчуждение деятельности.

Соответственно формам отчуждения развиваются и формы собственности, определяющие общественные отношения и влияющие на форму общества. На этом основании можно кратко классифицировать исторически развившиеся сообщества.

1. *Добровольное отчуждение, самоотчуждение*. Очевидно, исторически первая форма отчуждения, возникшая в первобытном человеческом обществе. Однако, это ещё не сознательное отчуждение, а вызванное необходимостью выживания и всецело находившееся под давлением внешних обстоятельств. По этой причине самоотчуждением может быть названо условно, но, тем не менее, это всё же самоотчуждение, поскольку оно возникло изнутри возникающего человеческого сообщества и направлено на поддержание жизнедеятельности всех его членов. Форма сообщества здесь – солидарное первобытное общество, в котором возникшие отношения присвоения и отчуждения начинают, с одной стороны, дифференцировать общество и, с другой стороны, консолидировать его, отделяя тем самым от других подобных сообществ и выделяя в саморазвивающуюся общность. Одновременно возникший феномен отчуждения несёт в себе потенцию возникновения новой формы отчуждения, при которой продукт труда одних людей присваивается другими людьми – возникает возможность отчуждения деятельности.

В силу того, что отношения собственности только возникают и совершенно не развиты, возможны все её формы от индивидуальной до коллективной.

2. *Принудительное отчуждение* продукта труда и деятельности производителей в пользу других лиц, которые выступают как в форме индивидуумов, так и в форме групп индивидуумов и даже общества в целом, чьи функции присвоены государством в лице правителей. Увеличение прибавочного продукта, полученное таким образом, позволяет часть его

использовать в интересах дальнейшего увеличения количества отчуждённых производителей, как следствие сообщества увеличиваются численно и территориально, появляются уже не родственные, племенные объединения, а территориальные образования, впоследствии – государства.

Здесь деятельность и её продукт отчуждаются вместе с носителем деятельности, они рассматриваются как одно целое. Это следствие неразвитости производительных сил и разделения труда. Отчуждение в таких обществах выступает в двух формах:

- принуждение в форме непосредственного отчуждения (рабство);
- принуждение посредством социальных институтов (сословная, крепостная зависимость).

Отчуждение не только продукта труда, но и деятельности вместе с её носителем даёт возможность применять труд централизованно и в больших масштабах, сосредоточивая его на крупных проектах. Наиболее эффективно с точки зрения практических результатов это применено в т.н. азиатском способе производства, при котором собственником (в той или иной форме) масс людей выступало государство, а не отдельные индивидуумы, либо их группы. С одной стороны были достигнуты небывалые до того экономические и технические успехи, но, с другой стороны, личная незаинтересованность работников поставила предел развитию производительных сил, что было усугублено невозможностью дальнейшего разделения труда в силу закрепощения работников. Становится необходимым личное освобождение производителя и принуждение его к труду иными методами, которые при лично свободном работнике позволяли бы отчуждать и продукт труда, и его деятельность, поскольку результаты свободной деятельности лично свободного работника будут присвоены им самим.

Отношения собственности при этих формах отчуждения выступают в форме частной собственности (государственная форма собственности является особенной формой частной собственности), которая распространяется не только на продукт труда работника, но и на его деятельность и его самого.

3. Формой отчуждения, позволяющей преодолеть возникшую границу развития производительных сил, становится *необходимое, императивное отчуждение* – принуждение посредством экономических отношений, при которых лично свободный работник не может вести свободной деятельности, не обладая средствами производства. По это причине он вынужден вполне «свободно» и «добровольно» продавать свою рабочую силу собственникам средств производства. Общественные отношения принимают форму капиталистических отношений, при которых собственники средств производства в силу отношений собственности получают продукт, производимый работниками, а также могут распоряжаться их производительной деятельностью, поскольку она непосредственно осуществляется как дополнение к средствам производства. Работники же поставлены в такое положение экономической необходимостью, поскольку они не могут получить средства обеспечения жизнедеятельности иным путём, кроме продажи своей способности трудиться. Отношения собственности реализуются в форме частной собственности (к особенным формам которой относятся

групповая, коллективная и государственная собственность) при формально свободном работнике

Подобные отношения отчуждения характерны и для первой фазы коммунизма (социализма) с тем сущностным отличием, которое позволяет выделить эту общественную форму во вполне самостоятельную и отличную от капиталистической, что средства производства принадлежит всему обществу и, соответственно, продукт труда и сама деятельность работников принадлежат всему обществу. Но это означает, что и распоряжаться общим продуктом и собственной деятельностью должны *все* работники – т.е. не только иметь право, но и *фактически* осуществлять его. В противном случае неизбежна профанация отношений *общей* собственности и их узурпация слоем управляющих, бюрократией, что несёт в себе имманентную возможность перераспределения собственности в пользу бюрократии. Отношения собственности при социализме существуют в форме общей собственности всех работников на общий продукт и на свою деятельность. Однако неразвитость форм участия работников в управлении общей собственностью, продуктом и деятельностью, их отчуждение от функций управления, имеет следствием *фактическое* осуществление этих функций государством в лице правящего слоя. Это противоречие может разрешиться в пользу любой из сторон в зависимости от конкретных условий общественного развития.

Капиталистическая форма общественных отношений, кроме прочих противоречий, несёт в себе также свой собственный предел как незаинтересованность работников в развитии общественных производительных сил, в этом проявляется их личная отчуждённость от общества.

Социалистические отношения собственности неизбежно приводят к тому же результату в случае безраздельной власти бюрократии и отстранения работников от *действительного и всестороннего участия в управлении общей собственностью, распределении продукта труда и в управлении собственной деятельностью*. Наступает момент, когда дальнейшее движение должно пойти по одному из путей – либо возврат к частным отношениям собственности, либо отстранение бюрократии от управления собственностью, продуктом труда и деятельностью трудящихся и становление новых форм участия в этом процессе трудящихся. В случае всё более полного участия работников в управлении производством и распределением общество будет развиваться в направлении становления коммунистических общественных отношений, в случае же перманентного возрастания роли и силы бюрократии практически неизбежен возврат к капиталистической форме собственности со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями.[1]

---

[1] Выскажу собственное мнение, что собственность *всегда* частная, т.е. *чья-то*, это её *родовой* признак, иначе это не-собственность. В этой сущности только формы разные – индивидуальная, частная, групповая (коллективная), общая (общенародная), государственная (ведомственная). Соответственно форме собственности происходит распределение (и потребление) продукта.

Но здесь я, собственно, только повторяю Маркса - непосредственное отрицание

***

Общественные отношения собственности, пройдя в своём историческом развитии смену рядя форм, имеют тенденцию своего снятия как тенденцию полного освобождения человека от отчуждения от продуктов своего труда и, главное, от своей деятельности.

В итоге – только исчезание всех форм отношений собственности. Маркс заметил, что – «снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение»[1]. Если имеется ввиду путь движения от антагонистической формы собственности к естественной, но уже на новом уровне – как общей собственности, то с этим следует согласиться. Но полное снятие самоотчуждения как вынужденного самоотчуждения деятельности возможно только на пути ликвидации всяких отношений собственности. (Мы помним, что самоотчуждение продуктов труда, напротив, должно достичь своей полноты).

В этом пункте развитие общественных отношений должно идти не вспять («тот же путь»), а совершить движение вперёд, к полному отказу от всех форм отношений собственности. Но на прежнем основании — на последовательном отрицании и снятии форм собственности от неразвитой естественной к антагонистической, и от развитой антагонистической к развитой общественной – это невозможно. На собственном основании общественная собственность снята быть не может, поскольку снятие означает одновременно и сохранение её в новой форме, но высшая форма естественной собственности, как полной собственности на свой труд и его продукт, уже достигнута при социализме. Следовательно, собственность должна быть не просто снята, а ликвидирована на ином основании.

И это основание не может быть иным, чем таким развитием производительных сил, которое позволит вывести человека из процесса производства как его непосредственного участника, как части технологического процесса, что приведёт к полной ликвидации самой возможности возникновения отношений собственности, поскольку будет отсутствовать основание для возникновения отношений собственности как следствия участия человека в производстве. Отношения собственности и собственность как таковую возможно ликвидировать (по Марксу – упразднить), устранив человека из производства как его непосредственного участника в виде исполнителя, но не снять (т.е. сохранить в новой форме), как утверждают иные «марксисты».

Сейчас уже видны практически осуществимые пути такой возможности – речь идёт об автоматизации производства. С полным выходом человека из процесса производства как его объекта исчезает сущностная основа возникновения отношений собственности – нет производителя, нет субъекта собственности.

частной собственности, т. е. «грубый» или «казарменный» коммунизм «есть только форма проявления гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве положительной общности» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 42, С. 116).

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 42, С. 113.

Второе условие – упразднение отношений обмена – может быть достигнуто только с таким развитием производительных сил, которые позволят изменить общественные отношения таким образом, что потребности людей будут удовлетворяться в полной мере, но формирование этой меры потребует, в свою очередь, невероятного развития культурной сферы и всех форм общения людей, т.е. сферы идеального.

Разумеется, что выполнение двух названных условий не может быть последовательным – только единый процесс развития производительных сил и соответствующего изменения общественных отношений может (и должен) привести к полной ликвидации отношений собственности. Но без *целенаправленной активности* субъекта этих отношений, человека, такой результат вряд ли достижим.

12.04.2017

О красоте

Ниже изложены некоторые положения о возможности представления красоты как диалектического, объективно-субъективного феномена, высказанные на онлайн-семинаре «Красота как объективная категория человеческой субъективности», состоявшегося 26.11.2023 г.

***

Красота объективна или субъективна? Может ли она пониматься как объективность, существующая вне человека, вне его субъективности – в природе, или как то, что формируется только человеческой субъективностью. Другими словами, красота *объективна* как феномен природы, который человек способен в своей субъективности понять и усвоить, или она *субъективна*, т.е. вне человека красоты нет и только человек из безразличной природы выбирает близкое ему и складывает свою мозаику, называя её красотой?

А потому правомерен вопрос: красота объективна *абсолютно* – как природный феномен, или она объективна *относительно* – внутри субъективности человека, т.е. как некий общественный критерий, формируемый коллективно и исторически и потому объективный только в отношении индивидов, как некая норма, своеобразный идеал, существующий в общественном сознании?

В первом случае понятие красоты должно выводиться исходя из *внутренних* потенций самого предмета, природы, т.е. диалектически.

Во втором случае – красота будет определяться как набор неких общепринятых критериев, т.е. формально, номиналистически, субъективно.

Но в любом случае без *понятия* предмета говорить о нём не имеет смысла.

Я думаю, что в этом вопросе, как, впрочем, и в любых иных, следует быть диалектичным – *красота и объективна, и субъективна. Объективна природно и субъективна в рефлексии человека.* Но и в человеке есть основание для объективности.

Для объяснения феномена красоты как объективного сошлюсь на

доводы М.А. Лифшица, который, рассуждая в «Диалоге с Эвальдом Ильенковым» об идеальном, трактовал идеальное как некое совершенство, как достижение полноты развития, как, цитирую: «предельные формы, меру, естественный предел, расположение к положительному, бесконечное приближение к пределу».

Согласно Лифшицу идеальность как совершенство, что с полным правом может трактоваться и как красота, состоит в саморазвитии в соответствии с внутренними потенциями (можно сказать внутренними противоречиями) – и в итоге в достижении полноты развития в названных «предельных формах, мере, бесконечном приближении к пределу» – т.е. в *завершённости* движения форм реальности, в достижении таких её модусов, которые в своей завершённости стремятся к совершенству, *что и предстаёт как идеальное, как красота*. Т.е. в реальности существуют формы, близкие к своему пределу развития и потому «совершенные», т.е. красивые

Но предел, о котором идёт речь, вернее, объект к нему стремящийся, не может быть безразличным к своему окружению. Предел реализуется в определённых, конкретных условиях развития объекта, который должен приспосабливаться к ним. Следовательно, та *мера*, о которой говорит Лифшиц, представляет собой соответствие, согласование внутренних потенций (внутренних противоречий) и внешних условий (внешних противоречий), что в результате предстаёт как *взаимное соответствие содержания и формы объекта*, что и предстаёт как красота.

Другими словами, *красота* – это достижение предела развития вещи, предполагаемого *внутренними* потенциями в соответствии с *внешними* условиями и формирование *меры* соответствия *содержания и формы*. Такая красота совершенно *объективна*.

(Небольшая ремарка. Но предел – это не только завершённость формы, но зачастую означает и конец пути, гибель, смерть. Получается, что то, что определяется как красота, часто уже близко к завершению пути, к гибели. Не потому ли у натур чувствительных, эмоциональных, тонко чувствующих красоту так часто возникают размышления о смерти, они идентифицируют красоту со смертью – это характерно и для людей искусства, и для философов).

Но если красота объективна, то возникает вопрос как и почему *субъективный* человек способен понимать *объективную* красоту? Красоту форм, достигших своего полного развития, меры, определённого совершенства?

Взяв за основание «совершенное» Лифшица можно сказать, что человек в своём развитии также способен достичь определённой полноты развития, некоего уровня на котором появляется, говоря словами Лифшица, «расположение к положительному» как способность к восприятию совершенства природных форм. Очевидно, ответ таков – к восприятию, к пониманию красоты способен только человек, достигший определённого уровня личностного развития и, во-первых, в *чувственном* отношении, т.е. в *способности к восприятию* форм и пропорций предметов, ритмики речи и музыки, и т.п., и, во-вторых, в *интеллектуальном* развитии, в *способности оценить*, т.е. *понять* эту красоту, а для этого необходимы уже определённые этические, эстетические, моральные и психологические основания и критерии.

Т.о. *субъективное человека* должно соответствовать *объективному природы*, быть способным воспринять и понять его, – и в этом также наличествует элемент объективности, – а именно, достижение самим человеком определённого совершенства, меры, расположения к положительному, как это называет Лифшиц, и тем самым способности видения, понимания красоты.

В этом пункте и следует искать средостение красоты объективной, природной и красоты субъективной, воспринимаемой и понимаемой человеком.

Очевидно, понимание красоты как диалектического феномена, как одновременно и объективной и субъективной будет выражать её в конкретном виде в отличие от односторонних, неважно, субъективных либо объективных, абстракций.

20.11.2023

Сознание и идеальное как предмет диалога М.А. Лифшица и Э.В. Ильенкова – согласие и расхождение

(Статья опубликована в журнале «Вопросы философии», 2024, № 3, С. 41-51).

В статье предпринята попытка сравнения позиции двух неординарно мыслящих философов, связанных узами дружбы и общим подходом в решении главных вопросов понимания и объяснения бытия, хотя и не всегда согласных друг с другом. За основу анализа взят «Диалог с Эвальдом Ильенковым», в котором М.А. Лифшиц ведёт с Э.В. Ильенковым полемику, главной темой которой стало сознание и неразрывно связанное с ним понятие идеального. Сам феномен сознания М.А. Лифшиц полагает данностью и потому его интересует не вопрос исторического генезиса сознания, а способность сознания не ограничиваться ближайшей непосредственностью, не замыкаться в кругу «малого бытия», но возвышаться над конечностью момента и выходить за его границу к пониманию всеобщего, к «большому бытию» и его бесконечности. Лифшиц отвечает на этот вопрос положительно, объясняя такую способность сознания его «ответственностью» перед «внешней инстанцией», перед миром-природой, не объясняя механизма преодоления разницы между малым и большим бытием – но здесь звучит идеалистическая нота (некая ответственность). Ильенков же в этом вопросе твёрдо придерживается монистического принципа Спинозы – человек представляет диалектическое тождество материального (своего тела) и идеального (сознания).

Ключевые слова: мышление, сознание, идеальное, субстанциональный монизм.

DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-?-???-???

Цитирование: *Петров А.П.* Сознание и идеальное как предмет диалога М.А. Лифшица и Э.В. Ильенкова – согласие и расхождение // Вопросы философии. 2024. № 3. С. 41-51.

Consciousness and the Ideality as the Subject of a Dialogue between M.A. Lifshits and E.V. Ilyenkov – Agreement and Divergence

© 2024 Alexander P. Petrov
Independent Researcher, Moscow, Russian Federation.
E-mail: pochta-123@mail.ru
Received 01.09.2023

The article attempts to compare the positions of two extraordinary thinking philosophers, bound by friendship and a common approach to solving the main issues of understanding and explaining being, although they do not always agree with each other. The analysis is based on the book in which M.A. Lifshits leads with E.V. Ilyenkov dialogue, the main theme of which was consciousness and the concept of the ideality, which is inextricably linked with it. The phenomenon of consciousness M.A. Lifshits considers it to be a given and therefore is interested in the question of the historical genesis of consciousness, but the ability of consciousness not to be limited to the nearest immediacy, not to become closed in the circle of "small being", but to rise above the limb of the moment and go beyond its border to understand the universal, to the "great being" and its infinity. Lifshits answers this question positively, explaining this ability of consciousness to his "responsibility" to "external instance", before the world nature, without explaining the mechanism for overcoming the difference between small and great life - but here the idealistic note (a certain responsibility) sounds. Ilyenkov firmly adheres to the monistic principle of Spinoza in this matter - a person represents the dialectical identity of the material (his body) and ideality (consciousness).

Keywords: thinking, consciousness, ideality, substantial monism.
DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-?-???-???
Citation: Petrov, Alexander P. (2024) "Consciousness and the Ideality as the Subject of a Dialogue between M.A. Lifshits and E.V. Ilyenkov – Agreement and Divergence", *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2024), pp. 41-51.

Очевидно, не случайно в своей работе «Диалог с Эвальдом Ильенковым» [Лифшиц 2003] М.А. Лифшиц избрал главной темой дискуссии (именно дискуссии, откровенного обмена мнениями двух неравнодушных единомышленников) человеческое сознание: «Если говорить прямо, то главным пунктом его философских исследований был вопрос, как возможна сознательность сознания?» [Лифшиц 2003, 33], «Ильенков… борется за возвращение человеческому сознанию его подлинной сознательной, природы» [Лифшиц 2003, 34]. Сознание, – вот тот философский контрапункт, который стал центром диалога, – и потому совершенно естественно в ходе его возникла тема идеального. Вряд ли этот диалог состоялся, если бы мнения философов совпадали, в этом случае уместен был бы монолог, но именно различие позиций и интересно своим познавательным потенциалом. Попробуем же посредством взгляда М.А. Лифшица разобраться в этой проблеме.

Лифшиц пишет: «…ясно, почему нашего философа так привлекала тема

идеального. Ибо только наличие этого измерения в мире, присутствие объективной нормы в любой науке… является основой для ориентации сознания на истины разума, добра и красоты, общественной справедливости и даже серьезной, не чисто внешней классификации» [Лифшиц 2003, 34]. То, что сразу появляется тема идеального не удивляет, говоря о сознании этого избежать невозможно. Однако, вызывает некоторое сомнение трактовка идеального, предложенная Лифшицем. Идеальное по Лифшицу есть, во-первых, некая «норма», то есть нечто, одинаково присущее всем процессам реальности (ведь это идеальное – «в мире») и определяющее их со стороны соответствия какому-то уровню развития – норме, во-вторых, это идеальное «объективно», т.е. присуще реальности как результат исторического развития, как её (реальности) атрибут, и, в-третьих, как следствие, это идеальное являет собой основание истины, то есть, по Гегелю, соответствие своему понятию. Коль скоро мы вспомнили Гегеля, то наиболее близко подобное идеальное трактуется им как ideale, как прекрасное, совершенное («Ideale имеет… значение (прекрасного и того, что к нему относится» [Гегель 1970, 168]), в нём ясно просвечивает та самая «норма», знаменующая формирование чего-то завершённого, окончательного и потому по-своему «прекрасного». Но мы несколько поспешили, об идеальном у Лифшица подробная речь впереди, вернёмся к вопросу о сознании.

Ключевая проблема сознания, как она видится Лифшицу, представляет собой дилемму – «является ли наше сознание только переживанием определенной ситуации человеческого мозга и материальных общественных условий, в которых он функционирует, замкнуто ли оно своей стихийно сложившейся объективной нишей, или вменяемо и ответственно перед внешней инстанцией, более широкой, чем… привязанность к определенным условиям места и времени? Вот суть вопроса» [Лифшиц 2003, 39].

То есть способно ли сознание к пониманию сущности мира и постижению истины (по сути речь идёт о бесконечности сознания как его выхода в бесконечный мир, обращения к бесконечности), или оно замкнуто в ареале конечных процессов и вещей непосредственного окружения человека. Здесь появляется уже другая настораживающая нота – о некой *ответственности* сознания перед «внешней инстанцией» – очевидно, перед миром-природой. Здесь ещё не ясно, идёт ли речь о способности сознания самостоятельно постигать в своих выводах истину процессов реальности (ответствовать реальности), и тем самым о его относительной *свободе* в своих действиях, или, напротив, о *детерминации* сознания «внешней инстанцией», навязывающей сознанию свою волю. Сам термин «ответственность» имманентно подразумевает определённую зависимость сознания от внешнего объекта, на который оно направлено, а это значит, что сознание не вполне свободно в своих действиях и ограничено внешним окружением, непонятно, правда, каким образом.

Сам Лифшиц полагает, что «если такая инстанция существует и наше сознание причастно к ней, то ему присущи не только слепота,… но и сознательность в собственном смысле слова, образующая его внутреннюю норму. В этом последнем случае можно сказать, что сознание при всей своей зависимости от «экзистенциального фона», то есть условий его

существования в мире, все же до некоторой степени свободно от всяких границ, кроме исторических, что оно имеет своим содержанием истину, способно нести на себе отпечаток идеальной стороны бытия, если она существует, и является голосом всеобщности окружающего материального мира. Здесь также сознание зависит от бытия, но по-другому» [Лифшиц 2003, 39]. Казалось бы, вопрос решается однозначно – сознание относительно свободно в своих действиях и способно к выводам, проникающим в сущность явлений, имеющим статус всеобщности. Но это всё ещё декларация, фиксация эмпирии без раскрытия механизма такой свободы, определяемого *сущностью* сознания, его *внутренней* структурой.

Как же решатся вопрос о сознательности сознания Ильенковым? «Для него, – пишет Лифшиц, – важно было установить общественную детерминацию сознания вместо естественной, природной, физиологической. Однако по существу, он имел в виду другое, а именно исторически обусловленную свободу сознания от всякой тесной детерминации его как природной, так и общественной. Возможна ли такая форма подчинения духа необходимому ходу вещей, которая одновременно была бы и относительной свободой его, относительной, но не иллюзорной, не только кажущейся, – вот вопрос, от решения которого зависит ценность современного материализма» [Лифшиц 2003, 40].

Постановка вопроса о «форме подчинения духа бытию» несколько странна. Ведь эмпирия буквально кричит историческими примерами – весь путь человека от добывания огня трением до понимания диалектики собственного развития есть преодоление малого бытия и постоянный выход за его границы, к всеобщему. Главный вопрос – не *возможно ли это*, на что *практика* уже ответила положительно, а *каким образом* возможно? И почему надо изначально ставить вопрос о *подчинении* духа (сознания) бытию, а не о *взаимодействии* с ним, равноправии – ведь есть ещё практика, где одно неотделимо от другого, где они свободно перетекают друг в друга. Даже если практика в начале пути духа-сознания почти полностью зависит от подчинённости его бытию, то в своём развитии сознание *необходимо* приобретает свободу действий, расширяя и совершенствуя практику как относительную независимость от пресловутой «внешней инстанции». Значит сознание имманентно, по своей сути, способно свободно действовать со своими предметами мышления, развивая и совершенствуя эту свободу в ходе исторического развития, познавая «внешнюю инстанцию» и, в конечном итоге, посредством практики преобразуя её. И это надлежит объяснить, и объяснить без привлечения некой «ответственности» сознания перед некой «инстанцией», материалистически, а не эпифеноменально.

Однако, Михаил Александрович упорно утверждает, что «в сознании людей, согласно его понятию, присутствует по крайней мере искра ответственности перед бытием всего объективного мира… Сознанию принадлежит не только… то, что кажется нам достоверным вследствие неизбежной обусловленности субъекта, но и… истина, в которой кажущееся содержание становится безусловным, отражающим абсолютно сущее» [Лифшиц 2003, 40]. Вывод более идеалистический, нежели материалистический, снова то же упование на «ответственность» сознания и априорную его

беременность истиной.

Каково же понятие сознания в трактовке Лифшица? Это «свойство сознания – его способность возвышаться над собственной ограниченностью, выходить из навязанного ему обстоятельствами замкнутого круга. Мы предполагаем, что этот выход возможен… Каким же образом возможен этот «трансцензус»? Сознание может поставить себя вне бытия, только опираясь на само бытие, в его большом, а не в малом и фрагментарном значении. Это посредствующее звено (по природе своей бесконечное) дает человеческому сознанию возможность, в меру исторического развития, подняться над конечными условиями, определяющими его возможности на старте» [Лифшиц 2003, 96].

Итак, сознание может обретать свободу действий (выходить из «замкнутого круга собственной ограниченности», ставить себя «вне бытия», трансцендировать) опираясь на большое бытие как на посредствующее звено. Очевидно, то, что Лифшиц называет способностью «поставить себя вне бытия», есть относительная свобода сознания как сферы идеального от материального (бытия) и его возможность свободно обращаться со своими идеальными предметами. Но эту способность следует не декларировать, а вывести, исходя из сути сознания, чего нет. И почему «большое бытие» может принимать на себя роль посредника? Между чем, между сознанием и «малым бытием»? Но в случае, когда «большое бытие» вступает в свои права, «малое бытие» просто отходит в сторону, элиминируется и никакого посредничества не существует. И вообще, сознанию не надо специально ставить себя вне бытия – оно *всегда одновременно и вне бытия* (материального)*, в-себе* как сугубо идеальном процессе (*обоснованное*), *и в бытии*, как материальном процессе, являющемся *основанием* идеального процесса и, как итог, как *снимающее* оба процесса, оно становится *для-себя* – видящим *себя в бытии* – и это есть следствие диалектичности реальности монистично соединяющей в себе (отождествляющей) свои атрибуты (стороны, моменты), материальное и идеальное.

Лифшиц полагает, что «разница между сознанием как продуктом причинно-следственной обусловленности «материальных механизмов»… и сознанием как зеркалом всей объективной реальности, принадлежит самой природе дела. Это цена, уплаченная за то, что мы обладаем сознательностью вообще… Наша задача состоит в том, чтобы объяснить, каким образом оно способно… стать вровень с объективным миром… как другой атрибут материальной субстанции» [Лифшиц 2003, 127]. Но «природа дела» в том и состоит, что другой стороной «*разницы*», причём *взаимосвязанной* стороной, выступает *единство* как следствие монистичности реальности, отождествляющей в себе свои материальный и идеальный атрибуты, сводящей их в *диалектическом* взаимодействии. В данном случае это можно утверждать вполне уверенно – ведь Лифшиц никогда не высказывал сомнений по поводу спинозовского монизма и гегелевского понимания диалектичности. Так что сознательностью мы обладаем исключительно по этой причине, и это не цена, а, скорее, дар, благодаря которому сознание изначально, по своей субстанциональной сути, стоит вровень с объективным, материальным миром. Остаётся только выявить сущность идеального,

одновременно и отличного от материального, и нераздельно связанного с ним.

Но что же Ильенков, каков его взгляд на природу сознания? «Попытка Э. Ильенкова, – говорит Лифшиц, – объяснить логическую и вообще «интеллигибельную» природу сознания тем, что оно представляет собой способ действия тела, отличающегося своей универсальностью и способного следовать за объективной формой другого тела,… оставляет нас в полной неясности. Если это материальное действие, подобное движению руки, оно принадлежит физическому миру, если же слова «универсальное действие» есть просто метафорическое выражение для характеристики способности сознания быть отражением бесконечного мира, то вывод решает вопрос не более, чем шишковидная железа Декарта, в которой должна была произойти встреча материальной и духовной субстанции» [Лифшиц 2003, 127]. Судя по этой фразе, Ильенков пытался объяснить сознание некой универсальностью тела, способного, непонятно по какой причине, придавать сознанию способность отражения мира.

Однако, дадим слово самому Ильенкову. «Есть не два разных и изначально противоположных предмета исследования – тело и мышление, – а всего-навсего *один-единственный* предмет – *мыслящее тело* живого, реального человека, лишь рассматриваемое под двумя разными и даже противоположными аспектами или углами зрения» [Ильенков 1984, 28]. «Мыслит не особая душа, вселяемая богом в человеческое тело как во временное жилище… а самое *тело человека. Мышление* – такое же свойство, такой же способ существования тела, как и его протяженность, то есть как его пространственная конфигурация и положение среди других тел» [Ильенков 1984, 29]. «Мышление и тело вовсе не две разные, порознь существующие и потому могущие взаимодействовать вещи, а *одна и та же вещь,* только выраженная двумя разными способами или рассматриваемая в двух разных аспектах. Между телом и мышлением существует не отношение причины – следствия, а отношение органа… Мышление как пространственно выраженное действие поэтому-то и не может отделяться от осуществляющего его тела в качестве особой отличной от него – «субстанции»… Мышление *не продукт* действия, а *самое действие*, рассматриваемое в момент его совершения» [Ильенков 1984, 31].

Как видим, никакой неясности нет и в помине. Ильенков совершенно недвусмысленно, более того, акцентированно подчёркивает свою позицию как безусловного сторонника Спинозы в его монистичном объяснении мира, в котором материальное и идеальное представляют нераздельные, но различные стороны единой субстанции. Какой бы то ни было дуализм совершенно чужд Ильенкову. Мышление как материальное действие (физиологический акт) и мышление как сознание (идеальное) – это единое действие субстанционального человека. Именно этой методологической установкой и объясняется его толкование идеального.

Как представляется, Лифшиц довольно своеобразно объясняет позицию Ильенкова в этом вопросе. Он начинает с заявления, что нельзя не согласиться с Ильенковым «в его понимании «идеального» как объективного отношения, принадлежащего самому миру вокруг, вне нас. «Под

«идеальностью» или «идеальным», – пишет Ильенков, – материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное – и строго фиксируемое – соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли *представителя другого объекта,* а еще точнее – *всеобщей природы этого другого объекта,* всеобщей формы и закономерностей этого другого объекта, остающейся инвариантной во всех его изменениях, во всех его эмпирически-очевидных вариациях» [Лифшиц 2003, 193].

Здесь изложена самая общая, абстрактная позиция Ильенкова как *принцип* возникновения идеального, как его суть – представление одним материальным объектом другого материального объекта. Именно *представление* – как сообщение, рассказ, знак, символ, сигнал, явление, воплощение в какой-то иной форме и т.п. Такое идеальное, имея основанием материальное, тем не менее *сущностно отлично* от него и одновременно *неразрывно* с ним связано. Другими словами – каждому материальному соответствует своё идеальное, и наоборот. В этом материально-идеальном отношении актуализируется спинозовский субстанциональный монизм – материальное и идеальное предстают как неразрывно связанные стороны единого целого. Следует добавить, хотя Ильенков в этом определении и не говорит об этом, что необходимо должна существовать *третья* вещь, *для которой* осуществляется представление – этого требуют и логика определения, и суть дела – представление должно быть воспринято.

Не вызывает возражений и мнение Лифшица, что «для более полного определения идеального этого недостаточно, но трижды важен первый шаг… мысль о принадлежности идеального миру объективных вещей и отношений, а не к… явлениям сознания» [Лифшиц 2003, 193]. Однако, далее, после рассуждений о товарном фетишизме, навязывающем «определённые формы сознания», Лифшиц делает вывод «об идеях-силах,… имеющих общественное содержание, которое воплощается в грубые формы телесного мира. Это воплощение всеобщего в особенном, начиная с человеческого труда и кончая созданиями культуры, и есть, по мнению Ильенкова, суть «идеального». В этом пункте наши пути расходятся» [Лифшиц 2003, 199].

Не вполне понятна связь между предваряющим пассажем о товарном фетишизме, действительно навязывающем ложные формы сознания, «имеющих общественное содержание», и неожиданным переходом к теме идеального у Ильенкова. Останавливаться на этом пункте не стоило, если бы не фраза о расхождении путей. Что имеется в виду? Что фетишизированное сознание, воплощаясь в результатах труда, тем самым представляет в продуктах труда их ложное идеальное? Или дело в том, что человеческий труд (деятельность) вообще «не уполномочен» создавать идеальное содержание своих продуктов, в том числе и в культуре, в статусе всеобщего?

Лифшиц поясняет: «В объяснении понятия идеального у Ильенкова я вижу две разные мысли, которые плохо вяжутся друг с другом. …Одна мысль состоит в том, что идеальное не принадлежит только человеческой голове, но имеет объективное существование, так же как объективно существует его более широкая основа – всеобщее. Другая мысль состоит в том,

что идеальное существует не как сознание отдельного человека, а как сознание общественное, коллективное и притом воплощенное в предметах труда и культуры. Можно с полным убеждением сказать, что эти мысли не совпадают и даже прямо противоречат друг другу» [Лифшиц 2003, 199]. «…Основная мысль Эвальда Ильенкова состоит именно в объективности логических категорий в широком смысле слова, то есть всех категорий всеобщего, принадлежащих самой материи. Другая мысль, которая не представляется мне столь убедительной, состоит в том, что идеальное есть синоним общественного, или даже просто общественное сознание, и в этом смысле противостоит и сознанию индивидуальному, и материальной природе» [Лифшиц 2003, 216].

Очевидно, имеется ввиду, что идеальное, декларируемое как всеобщее, объективное, принадлежащее материальному миру как целому, противоречит идеальному, понимаемому исключительно как продукт человеческой деятельности, то есть особенному и частному. В этом пункте Лифшиц тонко обозначил грань между монизмом, соединяющим в единстве материальное и идеальное, и возможной уступкой дуализму, не признающему их единства. Обращаясь к идеальному у Ильенкова, Лифшиц пишет: «Наиболее часто встречающееся у Эвальда Ильенкова определение идеального гласит, что это «форма деятельности общественного человека». Деятельность эта состоит в том, что природная форма тел снимается трудовой деятельностью человека, и только в этом движении существует идеальное, идеальный образ вещи» [Лифшиц 2003, 200].

Не вполне так. Лифшиц не только недоговаривает фразу Ильенкова, но и несколько вольно истолковывает суть именно *ильенковского* понимания идеального. Ильенков, начав анализ идеального с самого общего, ещё абстрактного определения идеального как представления *одним* материальным объектом *другого* материального объекта, в ходе исследования конкретизирует понятие идеального как сложного материально-идеального процесса, в котором происходит перетекание материального в идеальное и наоборот, их диалектическое взаимодействие. В ходе этого процесса человек «извлекает» из объектов (повторим за Ильенковым – вещей, процессов, событий, состояний) их общее – сущностное содержание и делает его предметом своей деятельности в форме знания, воплощая сущность природы в сущность продуктов труда, как материального, так и духовного.

Как итог: «Идеальная форма – это форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной жизнедеятельности, в виде цели и потребности. Или наоборот, это форма активной жизнедеятельности человека, но вне человека, а именно в виде формы созданной им вещи. «Идеальность» сама по себе только и существует в постоянной смене этих двух форм своего *«внешнего воплощения»*, не совпадая ни с одной их них, взятой порознь. Она существует только через непрекращающийся процесс превращения формы деятельности в форму вещи и обратно – формы вещи – в форму деятельности (общественного человека, разумеется)» [Ильенков 1991, 269].

Здесь Ильенковым представлены две формы идеального. Первое идеальное – «форма вещи… вне вещи,… в человеке» – но это не что иное как

идеальные предметы мышления, знание как формы мышления, понятия и т.п. Обладая диалектическим мышлением, способным расчленять свои предметы на «своё» и «своё иное», взаимно рефлексировать стороны и снимать их в новом единстве, человек способен проникать в сущность вещей (процессов и т.д.) и таким образом постигать истину. Но процесс деятельности как целого этим не завершается – деятельность мышления переходит в деятельность практики. Идеальное мышления овеществляется в материале природы и тем самым на сцену выходит вторая форма идеального – «форма… жизнедеятельности… вне человека,… в виде формы… вещи» как *представление* в форме вещи (добавим, и её свойствах) процесса её создания, в котором (представлении) имманентно, в снятом виде, в-себе присутствует не только практическая, материальная деятельность, но и идеальная деятельность мышления.

Следует особо акцентировать весьма важную мысль Ильенкова, что «”идеальность”… только и существует в постоянной смене этих двух форм своего *«внешнего воплощения»*,… Она существует только через непрекращающийся процесс превращения формы деятельности в форму вещи и обратно – формы вещи – в форму деятельности». Идеальное возникает *только как результат* материально-идеального *процесса*, непрестанного перетекания материального в идеальное и наоборот. Говоря языком Гегеля, процесс – основание, идеальное – обоснованное. Естественным следствием такого положения будет вывод, что в отношении отдельно взятой вещи изменение её идеального возможно только вследствие изменения материальной формы. В политэкономическом приложении это означает, что изменение *стоимости* (идеального) возможно только посредством изменения *формы* предмета труда – не изменяется форма, не изменяется стоимость.

Казалось бы, идеальное Ильенкова самым убедительным образом утверждает спинозовский субстанциональный монизм как тождество материальной и идеальной сторон реальности, если бы не одно «но». «”Идеальность”, – говорит Ильенков, – это своеобразная печать, наложенная на вещество природы общественно-человеческой жизнедеятельностью… Поэтому ни о какой «идеальности» не приходится говорить там, где нет общественно-производящих и воспроизводящих свою материальную жизнь людей... Идеальность тем самым имеет чисто социальную природу и происхождение» [Ильенков 1991, 256].

В утверждениях Ильенкова налицо два несовместимых утверждения: во-первых, идеальное это «всеобщая форма и закон существования», т.е. категория объективная и всеобщая; во-вторых, «идеальность имеет чисто социальную природу и происхождение», и тем самым не имеет характера всеобщности, но только особенности, как ограниченная только человеческой деятельностью. Разумеется, всеобщее реализуется посредством особенного и частного, но в данном случае идеальное определяется как существующее *исключительно* в двух последних формах («имеет чисто социальную природу и происхождение»), как не имеющее выхода к всеобщему. Собственно, мы повторяем другими словами то самое несогласие Лифшица с Ильенковым, которое и знаменовало расхождение путей. Зафиксируем эту разницу подходов: Ильенков ограничивает идеальное сугубо

человеческой деятельностью, Лифшиц полагает, что идеальное принадлежит природе в целом и человек только «открывает» его своей деятельностью, но не создаёт.

Идеальное Ильенкова, с одной стороны, есть следствие материального процесса и в этом качестве вполне объективно. Но, с другой стороны, эта объективность есть объективность не всеобщего, а особенного – человеческой деятельности. Это идеальное только ограниченно объективно – в пределах человеческого общества и объективно только по отношению к индивиду. В итоге получается, что нет общества – нет и идеального. Однако, сам Э.В. Ильенков говорит, что «…деятельность человека представлена в форме вещей…». Но человеческая деятельность, представленная в вещи, останется в ней и без человека. Деятельность, создавшая конечную вещь, тем самым уже «закреплена» в вещи, она теперь имманентна вещи, её необходимый атрибут и как таковая присутствует уже независимо от человека. Получается, что Э.В. Ильенков противоречит сам себе, говоря, что вне человека (вернее, вне деятельности человека) идеального не существует. Однако, человек способен увидеть идеальное, заложенное в вещь другим человеком, только потому, что это идеальное принадлежит уже самой вещи и более не нуждается в присутствии человека. Но в таком случае идеальное не является исключительной принадлежностью человека, а есть категория более высокого порядка, нежели особенного и субъективного.

Есть вопрос и более общего характера. Чем материальная деятельность природы отличается от материальной деятельности человека? Ведь человек тоже продукт деятельности природы и этот продукт обладает свойствами идеального, несёт в себе идеальное и даже активно создаёт его. Значит, деятельность природы также имеет следствием возникновение идеального, в данном случае человека с его осознаваемой им самим деятельностью, и это неоспоримый факт, подлежащий объяснению. Так почему этот вывод нельзя распространить на все материальные процессы и, соответственно, на всё материальное? В противном случае придётся признать, что возникновение идеального в самом человеке произошло внезапно, не имея природного *основания* – но материалистов не может удовлетворить это чисто креационистское объяснение.

Такая позиция согласуется с выводами Лифшица: «Если идеальное есть форма человеческой деятельности, то она существует также в природе, а не вне природы. И откуда бы человеческий труд мог извлечь нечто идеальное, если бы он не был полезной общественному человеку стилизацией процессов природы?» [Лифшиц 2003, 204]. «…Идеальное есть во всем, оно есть и в материальном бытии и в сознании, оно есть и в обществе и в природе, или же его нет нигде» [Лифшиц 2003, 205]. Но как же сам Лифшиц объясняет наличие всеобщего объективного природного идеального?

Красной нитью через все рассуждения Лифшица об идеальном проходит мысль, что «природа расположена к известным предельным формам» [Лифшиц 2003, 223], «сказать, что в природе есть идеальное в виде «естественных пределов», или сказать, что в ней каждая вещь имеет свою собственную «форму и меру», по-моему, одно и то же» [Лифшиц 2003, 223], «нельзя не согласиться с ними (Платоном, Аристотелем, Гегелем) в том,

что в мире, отражением которого является наша мысль, есть некое «расположение» к положительному» [Лифшиц 2003, 228], «природа “расположена” к более совершенному» [Лифшиц 2003, 291].

В этих «предельных формах» и «естественных пределах» явно проглядывает стремление видеть в них определённую завершённость движения форм реальности, возможно, даже склонность к совершенству как следствие некоего «расположения к положительному», детерминирующему объективную норму, меру всему существующему, что подтверждается обращением к авторитету классиков. Однако, тем самым утверждается наличие в материальном мире не-материального начала («расположенности»), направляющего движение материального к априорным «формам и мерам». Но что такое пресловутая «расположенность» и почему она направлена именно так, «к положительному»? В этой «расположенности» просматривается определённая реминисценция с телеологичностью, против которой был настроен и сам Лифшиц: «…ясно видно, чего опасался Ильенков, говоря о недопустимости распространять категорию идеального на природу. Он боялся возрождения телеологии, старой религиозной идеи о том, что природа стремится к поставленной этому миру свыше цели» [Лифшиц 2003, 219].

Суть этой «расположенности» проясняется в полемике с Ильенковым: «”В природе самой по себе, в том числе природе человека, как биологического существа, идеального нет”, – пишет Ильенков. Но так ли это? Формы и отношения материальных вещей, которые человек берет за основу своей трудовой деятельности, сами по себе не вещество, а некоторые пределы того, что дают нам наши чувственные восприятия в опыте. Но эти пределы реальны, принадлежат объективной реальности… Такими пределами являются идеальный газ, идеальный кристалл – реальные абстракции, к которым можно приближаться… Вся структура Вселенной… опирается на нормы или образцы, достигнуть которых можно только через бесконечное приближение» [Лифшиц 2003, 204]. Это можно трактовать так, что упомянутые выше «предельные формы» природы есть модусы объективной реальности, в своей завершенности стремящиеся к совершенству что и предстаёт как идеальное, как «реальная абстракция», которую «человек берет за основу своей трудовой деятельности», – а потому «идеальное есть во всём».

Такая трактовка подтверждается самим Лифшицем: «Что такое идеал? Действительное в его высшей истине, отвечает Гегель. Или действительность, соответствующая своему понятию. …Таким образом, идеальное становится условием истинного, одним из полюсов истины…» [Лифшиц 2003, 207]. Здесь идеальное есть совершенство, тождество с самим собой, истина как итог развития и достижения своего понятия. Гегель здесь, безусловно, присутствует, но совершенно нет Ильенкова. Однако и идеализм Гегеля вовсе не так прост, как его часто представляют. Гегель недвусмысленно разделяет идеальное как *совершенное* (Ideale) и идеальное как *снятое* (Ideelle): «Ideale имеет более определённое значение (прекрасного и того, что к нему относится), чем Ideelle…» [Гегель 1970, 168].

Но прежде, чем перейти к гегелевскому Ideelle, посмотрим на

толкование Гегеля Лифшицем: «Под Ideelle Гегель имеет в виду то, что существует, так сказать, в плане развития, но еще не определилось, не является самобытием, но существует для ума. …Здесь речь идет о предвосхищении будущего развития определенной реальности. Это предвосхищение, по идее, уже налицо, но реально не существует» [Лифшиц 2003, 233]. По Лифшицу гегелевское Ideelle предстаёт как предвидение будущего, как то, чего *ещё нет*, но, тем не менее, по какой-то неведомой причине уже *существует* «в плане развития» – эта априорная имманентность как некая потенция и есть идеальное. Но что это как не отвергаемая самим Лифшицем телеологичность?

Однако, обратимся к самому Гегелю: «*Снятие* (Aufheben) и *снятое* (*идеальное* – ideelle) – одно из важнейших понятий философии, одно из главных определений, которое встречается решительно всюду и смысл которого следует точно понять и в особенности отличать от ничто. – Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто. …Снятое… есть нечто *опосредствованное:* оно не-сущее, но как *результат,* имевший своим исходным пунктом некоторое бытие, поэтому оно *еще* имеет *в себе определенность, от которой оно происходит.*

Aufheben имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец.*

…Таким образом, снятое есть в то же время и сохранённое, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено.

…Нечто снято лишь постольку, поскольку оно вступило в единство со своей противоположностью; для него, взятого в этом более точном определении как нечто рефлектированное, подходит название *момента»* [Гегель 1970, 168].

Из определения Гегеля следует, что идеальное как Ideelle есть «одно из важнейших понятий» его диалектики – это то самое *снятое*, которое представляет *результат* разрешения диалектического противоречия и содержит стороны этого противоречия (моменты), но *в-себе*, уже как имманентность, неявность, «видимость», если угодно, как «мыслимость». Такая «снятость» как *представление* в полученном результате и исходного состояния, и процесса его перехода в «снятость» и есть *идеальное*.

Гегелевское идеальное-Ideelle содержит в-себе *весь процесс движения* диалектического противоречия: – исходное состояние («имеет исходным пунктом некоторое бытие», «имеет в себе определенность»), – развитие противоречия, его движение (к результату, снятию, «опосредствованию»), – итог движения, снятие («результат», в котором исходное противоречие и «сохранено», и «прекращено»). Именно здесь и следует искать истоки ильенковского понятия идеального.

Резюмируем. Идеальное, каким оно видится Лифшицу, присуще всей реальности, имеет статус всеобщности, но в своеобразной форме – не как нечто наличное, являющее себя («реально не существует»), а в виде потенции, как то, что ещё должно актуализироваться, проявить себя. Это идеальное только *предполагается* и представляет собой некое «предвосхищение», «расположенность» к ещё несуществующим «предельным формам». Подобное идеальное (соответствующее, якобы, гегелевскому Ideelle) и

детерминирует движение к таким «формам и мерам», которые в своей завершённости предстают как истина, адекватность своему понятию. Вот эти абстракты истины человек и способен извлечь из природы как интеллигибельные конструкты и использовать в практике.

Именно из такого понимания идеального следует вывод Лифшица, что «истина как плод сознания, примкнувшего к бытию... была бы невозможна, если бы сама объективная действительность не шла ей навстречу, требуя сознательного выражения и практического действия» [Лифшиц 2003, 154]. Такая трактовка идеального накладывает как минимум два ограничения на способность познания: 1. возможно познание только «предельных форм», достигших уровня истинности, и, 2. действительность должна «сама стремиться к мысли». Но много ли в природе таких предельных форм и что, если коварная действительность упорствует в попытках её познания? Урок Платона и Аристотеля усвоен хорошо, но Гегель (как показано выше) и, тем более, Спиноза, вряд ли согласятся с таким выводом.

Спиноза упомянут не случайно. Его монистичная субстанция, отождествляющая в себе материальное (протяжённость) и идеальное (мышление), изначально предполагает их равнозначность как всеобщность и равноправность как одновременную наличность [Спиноза 1957, 361]. Гегель также добавляет свою лепту – каждому моменту реального соответствует его идеальное («своё иное») – их взаимосвязь и детерминирует совместное, а точнее единое, движение. И хотя Лифшиц неоднократно замечает, что в его позиции нет идеализма, но зададимся вопросом – так ли это? Во-первых, идеальное в его представлении не связано с материальным *внутренним*, *сущностным* отношением, оно как бы «над» ним, как предвидение конечной цели в виде «предельных форм». Во-вторых, как следствие, такое идеальное детерминирует, пусть и неявно, материальное как некий указующий перст к «расположенности» материального к этим «предельным формам». Но что это как это не основательный шаг к дуализму в его идеалистической трактовке?

Следует вспомнить и упрёк Ильенкову: «Они (Ильенков и его сторонники) придумали понятие «деятельности», которая играет у них такую же роль, как шишковидная железа у Декарта, то есть нечто среднее между духом и материей. Но такого нет». Ответ даёт сам Ильенков (повторим цитированное ранее): «Мышление и тело вовсе не две разные, …а *одна и та же вещь,* только выраженная двумя разными способами или рассматриваемая в двух разных аспектах. Между телом и мышлением существует не отношение причины – следствия, а отношение органа… Мышление *не продукт* действия, а *самое действие*, рассматриваемое в момент его совершения».

Тем с бóльшим основанием это можно сказать и о материальном действии. Деятельность (и шире – движение) в ильенковской философии не посредствующий элемент, а суть бытия, его причина и результат. Иначе сторонник Спинозы и Гегеля не мог думать, для него деятельность всегда и материальна, и идеальна одновременно – то есть она *субстанциональна*. Идеальное Ильенкова не нечто трансцендентное («расположенное») и априорное (как предвидение «предельных форм»), но полностью реальное и объективное, как реально и объективно движение сущего. Такое

идеальное всегда в мире, налично, актуально и неотделимо от материального. Более того, в своём диалектическом единстве материальное и идеальное взаимно определяют друг друга – «…это форма вещи, но вне этой вещи,… в человеке, в виде формы его… жизнедеятельности... Или наоборот, это форма… жизнедеятельности человека, но вне человека, а именно в виде формы созданной им вещи» – перетекая из одной формы в другую (у Маркса такая метаморфоза предстаёт в виде превращённых форм). Ильенковская тождественность материального и идеального полностью соответствует монистичной субстанции Спинозы, но дополненной внутренней противоречивостью, движением (Гегель). И хотя сам Ильенков не счёл возможным явно распространить статус идеального как всеобщего на всю объективную реальность, но только на сферу человеческой деятельности, но кто знает, судя по логике его рассуждений он шёл к этому, а возможно для себя и принял такое решение, ведь не случайны же его слова об идеальном, понимаемом «как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных, эмпирически-чувственно данных человеку явлений» [Ильенков 1991, 235] – то есть как о *всеобщем*, присущем *всем* процессам реальности.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Гегель 1970 – *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. В 3 тт. Т 1. М.: Мысль, 1970 (Hegel, Georg W.F. *Wissenschaft der Logik. Bd. I.,* Russian Translation).

Ильенков 1984 – *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984 (Ilyenkov, Evald, *Dialectical Logic: Essays on History and Theory*, in Russian).

Ильенков 1991 – *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991 (Ilyenkov, Evald, *Dialectics of the Ideality, in* Russian).

Спиноза 1957 – *Спиноза Б.* Этика (пер. с лат. Н.А. Иванцова) // Спиноза Б. Избранные произведения в двух томах / Соколов В.В. (общ. ред. и вступ. ст.). Т. I. М.: Госполитиздат, 1957 (Spinoza, Benedict, *Ethica*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Лифшиц 2003 – *Лифшиц М.А.* Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003.

References

Lifshits, Michael A. (2003) *Dialogue with Evald Ilyenkov. (The Problem of the Ideality)*, Progress-Traditsiya, Moscow (in Russian).

01.09.2023

Ответ белорусскому философу П.И.Е.

Уважаемый И.Е.![1]

Уже при чтении анонса Вашей работы у меня возникло сомнение в целесообразности и плодотворности столь экзотической операции, как «контекстуализирование диалектического материализма и комбинирование его с терапевтическим методом Витгенштейна», которое в процессе чтения только усиливалось.

Хотя в моей электронной библиотеке имеются работы Витгенштейна, но поскольку у меня с ними, мягко говоря, «шапочное» знакомство, то для получения более подробного мнения о его методе я воспользовался теми Вашими текстами, которые имеются в интернете. Возможно, я не вполне корректно понял некоторые моменты, но, надеюсь, в целом позиция мне понятна.

Вначале я изложу своё понимание Вашей концепции. Поскольку ключевое понятие, применяемое в работе, это «контекстуальный реализм», то именно на него я и обратил, прежде всего, внимание. Далее я основываюсь на Ваших представлениях. Для удобства изложения цитаты имеют обобщённый, сводный характер, т.е. могут быть составленными из разных работ.

О реальности:

«Реальность – это просто то, что есть. Не имеет смысла говорить о смысле или содержании реальности, поскольку смысл и содержание, с одной стороны, и реальность, с другой стороны, относятся к разным категориям. Для нас термин «реальность» обозначает категорию. Она не объект, не может быть определена. Не имеет смысла говорить о её существовании или несуществовании. Это определение категориальное. Оно устанавливает логический статус понятия реальности, а не определяет её свойства. Можно, однако, содержательно изучать те или иные виды или области реальности».

Т.е. «реальность» – это «то, что есть». Но *есть* (наличествует, есть-ствует) и 1. внешний мир, мир материальный, объективный, объектный и 2. мир, т.с., внутренний, человеческий, субъектный и субъективный, мысленный как выражение внешнего мира (к слову, и внутреннего) в своих мысленных формах («смысл, содержание» и т.п.).

Первую реальность Вы отвергаете как недостойную внимания и изучения («не имеет смысла говорить о её существовании или несуществовании, не объект, не может быть определена»). Однако, тем не менее, в то же время объекты, вещи внешней реальности «реальны в одном и том же

[1] Данная работа представляет собой ответ на обращение ко мне белорусского философа П.И.Е.: «Я прочитал Вашу статью о диалоге между Лифшицем и Ильенковым (Вопросы философии, 2024, номер 3). Я до недавнего времени был не знаком с работами этих философов. В начале года я написал статью, в которой рассматриваю понятие идеального Ильенкова и сравниваю его позицию с "контекстуальным реализмом". Я бы хотел знать Ваше мнение».

смысле, определяемом концептом реальности». А потому реальность (следовательно, и оба мира) может быть (и должна) определена категориально, логически и именно категориальные определения (в рассматриваемой методологии – концепты) дают возможность представления и изучения реальности в её конкретике.

О контекстуальности.

Но поскольку внешний мир «не может быть определён» (кантовская «вещь сама по себе»?), то на его долю достаётся предельно абстрактная, пустая, ничем не наполненная категория, – просто реальность, – а весь потенциал категориального (концептуального) аппарата должен быть применён к той (второй) реальности, которая представляет собой субъектное и субъективное описание, представление, снимок внешнего мира (объективности), и здесь возникает категория *контекстуальности* – не только соответствия описания (*концепта*[1]) описываемому, но и связи с ним, релевантности. Концепт и реальность, которую он описывает (определяет), должны находиться во взаимном соответствии: «Подлинный концепт реальности должен быть *укоренён* в самой реальности, а не введён теоретически. Концепт реальности не может измениться».

Последнее условие об укоренённости может быть понято двояко.

В литературе встречается определение укоренённости в том смысле, что концепт формируется в *своей* реальности эволюционным путём, т.е. в процессе движения реальности и потому связан с ней и полностью детерминируется ею. Концепт, сформированный таким образом, не может быть навязан извне и должен быть эксплицирован каким-то образом из реальности (напомню, по условию неопределимой). Возникает вопрос – если реальность «не может быть определена и не имеет смысла», о каком концепте и его укоренении (и, тем более, экспликации) может идти речь?

Вы даёте иное определение укоренённости: «Укоренённость норм в реальности мы будем понимать в смысле удовлетворения следующим двум условиям: *подходящести и адекватности*. *Подходящесть* нормы означает, что у неё есть область своей применимости, которой она соответствует. Условие *адекватности* означает корректность применения нормы/правила в конкретных условиях (контексте) в рамках области своей применимости, “формы жизни”». Эти условия не накладывают никаких ограничений на создание концептов (норм, правил), но подобные концепты создаются внешним по отношению к реальности способом и если и соответствуют реальности (релевантны), то совершенно случайным образом. Если же речь идёт всё-таки о концептах, которые не могут быть «введены теоретически», то мы возвращаемся к первому случаю и первому вопросу.

Есть и дополнительный вопрос – если реальность изменчива (а она именно такова), то как интерпретировать условие, что «концепт реальности не может измениться»? Как связать это с требованием об укоренённости концепта в реальности? Это условие догматизирует реальность, она

[1] Полагаю, что понятие *концепта* лучше всего выражает следующее простое определение: содержание понятия, выраженное совокупностью его существенных и отличительных признаков.

превращается в ту самую метафизическую неподвижную реальность, с представлением о которой боролась диалектика (в т.ч. материалистическая).

О контекстуальной реальности.

Возможно, ответ и выход в том, как Вы интерпретируете понятие контекстуальности и в другом смысле: следует «говорить о реальности контекста, или о контексте как самой реальности» – эта своеобразная онтологизация контекста превращает его самого в реальность (как принято сейчас говорить – в виртуальную реальность). «В рамках контекстуального реализма все реальные объекты укоренены в контексте-реальности. Благодаря этому, в зависимости от контекста, они могут варьировать свою идентичность».

Такая позиция переворачивает ситуацию в свою противоположность – теперь контекст (виртуальная реальность) предстаёт как действительная реальность (у Вас как контекстуальная реальность), т.е. та реальность, которая в своих категориях-концептах представляет весь мыслимый мир (в т.ч. и внешний), а объективная реальность (внешний мир) так и остаётся в статусе некой безгласной основы – просто абстракция, пустая категория, наполнение которой определяется контекстом. Теперь уже реальные объекты должны быть укоренены в контексте-реальности («реальные объекты укоренены в контексте-реальности») и определяться ими и тем самым становится объяснимым движение (изменение) этих реальностей – изменение контекста изменяет идентичность его основания (реальности как объекта). Изменение же контекста есть прерогатива субъекта. Последнее подтверждается Вашей формулой: «чтобы оказаться в контакте с тем или иным определённым фрагментом реальности, необходимо его предварительно минимальным образом концептуально очертить» – что возможно только с позиции свободно действующего субъекта, не ограниченного эти самым «фрагментом реальности».

Но всё-таки остаётся неразрешённой проблема соотнесения, взаимодействия этих реальностей. Вы решаете её посредством обращения к *перцепции* – «понимание перцепции играет фундаментальную роль для понимания концепта реальности».

У Вас перцепция как *непосредственное* восприятие обозначается как «Ощущаемое», и эта *непосредственность* Ощущаемого позволяет его интерпретировать как реальное: «Ощущаемое как сама реальность относится к категории реального. Ощущаемое есть точка соприкосновения внешнего мира («ощущаемого» в смысле того, что ощущается, - объекта) и мира внутреннего («ощущаемого» в смысле субъективного ощущения). Это исходная точка разделения реальности на внешний мир и мир внутренний».

Возможно, Вы с этим не согласитесь, но с точки зрения *диалектики* Ощущаемое представляет собой *диалектическую категорию*, объединяющую (отождествляющую) две непосредственно несовместимые стороны – реальность внешнего (объективного и объектного мира) и реальность внутреннего (содержания сознания). И это точка не «разделения реальности на внешний мир и мир внутренний», а, напротив, их взаимодействия, соединения, потенциальной возможности преодоления «эпистемического

разрыва». Именно эта позиция содержит потенциал объяснения связи отмеченных реальностей и их перехода друг в друга.

Однако, мне не вполне понятна мысль, что «контекст есть там, где фрагмент реальности, реальный объект может менять свою идентичность, превращаться в другой реальный объект. Контекст есть там, где есть укоренённость в реальности, интимная связь с ней. Он есть там, где смысл, нормы (правила), концепты питаются самой реальностью, которая играет роль почвы для них. Поэтому можно также сказать, что контекст есть сама реальность».

Насколько можно понять из предыдущего изложения, именно контекст определяет идентичность внешней реальности – одна и та же реальность может иметь несколько идентичностей как определяемая разными контекстами[1], но при этом реальность не способна спонтанно изменить собственную идентичность.[2] Конечно, реальность (в примере – «земля») может менять свою идентичность, но исключительно под влиянием контекста (я пытаюсь оставаться в рамках Вашей концепции), поэтому не правильнее было бы сказать, что «фрагмент реальности, реальный объект может менять свою идентичность, превращаться в другой реальный объект там, где изменяется сам контекст». Укоренённость же в реальности теперь предстаёт как возможность взаимного соответствия *разных* контекстов *разным* идентичностям (и наоборот), чем и обеспечивается актуальная релевантность контекста и реальности. Из такого представления естественно вытекает, что «концепты питаются самой реальностью, которая играет роль почвы для них. Поэтому можно также сказать, что контекст есть сама реальность». Именно такая трактовка открывает возможность проведения «языковых игр», в которых именно концепты являются ведущей стороной, а реальность, на фоне которой ведутся игры, выполняет роль второго плана, как бы подсвечивающего (и тем самым оправдывающего, подтверждающего) главную сцену. Отсюда, собственно, и проистекают «формы жизни», представляющие собой, образно говоря, спектакль на фоне реальности, сценарий (сюжет) которых представляют языковые игры, что подтверждается Вашим определением: «к «формам жизни» относятся лишь «социальные» в широком смысле (то есть языковые и, в частности, когнитивные) формы жизни, включающие в себя действия, достижения, употребление языка, концептов. Говоря по-другому, формы жизни суть «практики», а не

[1] Например, реальность «земля» может пониматься по-разному в зависимости от смысла контекста: пахать землю (грунт), купить землю (участок), родная земля (родной край, Родина), Земля (планета).

[2] Я также сошлюсь на Вашу фразу – «В рамках контекстуального реализма отвергаются как редукционизм, согласно которому вещи вообще лишены социального измерения, так и метафизический социальный реализм, согласно которому вещи имеют внутренне присущее им социальное измерение, которое не зависит от контекста».

Здесь к социальному вполне правомерно, в соответствии с Вашей концепцией, можно добавить и природное и т.о., в конечном итоге, «внутреннее измерение» реальности полностью детерминируется контекстом и, соответственно, концептами.

природная или социальная реальность как таковая (или часть ее). Нечто может существовать, быть данным лишь в рамках языковой игры и, следовательно, лишь в рамках некоторой формы жизни, которые суть концептуализированные реальности и, следовательно, не автономны. Реальность как таковая как бы играет роль фона для них».

Впрочем, возможно, я не вполне верно понимаю Вашу мысль. Но продолжу…

Об идеальном.

Категория (концепт) идеального казалась внешне самой простой (после, разумеется, концепта внешней реальности как совершенно бессодержательного) категорией среди рассмотренных, но, как выяснилось, по сути это далеко не так.

«К идеальному отнесём концепты, правила, нормы, точки зрения, теории, установки, смысл, содержание». Т.е. всё то, что формулируется субъектом. Подчеркну, именно *формулируется*, т.е. описывается внешним к внешней же реальности образом, а не извлекается из реальности как её сущностное определение – и это есть следствие изначальной установки на пустоту внешней реальности. А потому – «идеальные «объекты» не (реальные) объекты, а (идеальные) нормы. Идеальное, в частности теория, – это «движение» в реальности». Здесь не вполне понятно, о движении в *какой* реальности идёт речь. Очевидно, это не может быть объектная (внешняя) реальность, ведь, как утверждалось ранее, «не имеет смысла говорить о смысле или содержании реальности», т.е. о каком-либо теоретическом определении её. Следовательно, остаётся реальность, которая определена как контекстуальная. В этом случае противоречия не возникает – теоретические конструкции как нечто виртуальное вполне свободно и правомерно размещаются (и движутся) в этом виртуальном пространстве.

Правда, некоторое недоумение вызывает утверждение, что «концепты… сами по себе не являются какой-то особой реальностью (идеальной реальностью)». Но если они относятся к идеальному и действуют (движутся в форме теорий) в некой реальности, которая не может быть иной реальностью кроме как концептуальной, то уж, наверное, концепты (нормы, правила, теории) также должны быть в этой концептуальной реальности *особенными реальностями*, которые обладают даже определённой, скажу так, силой, которая функционирует как сила, идентифицирующая объективную реальность, т.е. как-то связанная с ней.

Об этой связи следует сказать особо – ведь должны же быть как-то связаны та реальность, которая *рассматривается* как объект, и реальность, которая *рассматривает* этот объект, ведёт «языковые игры» и тем самым создаёт «формы жизни».

И здесь вновь появляется категория «укоренённости»: «проблема соответствия между идеальным и реальным (очевидно, объектным реальным – прим. моё) не возникает, так как первое изначально «укоренено» во втором, вырабатывается из него».

Очевидно, что т.н. изначальная укоренённость не может быть ничем иным, как указанием на то, что внешняя, *объектная* реальность обладает (имманентно содержит в себе) некой потенцией (интенцией), которая

каким-то особенным образом «извлекается» («вырабатывается», эксплицируется) из неё *субъектной* реальностью (точнее, мыслящим субъектом) и предстаёт как правило, концепт, норма, установка, смысл, содержание, теория. Но такая установка противоречит фундаментальному условию – «не имеет смысла говорить о смысле или содержании реальности», – что может трактоваться только в том смысле, что реальность не содержит (не укореняет) в себе абсолютно ничего и т.о. никакое правило и т.д. не может быть «выработано» из этой реальности, а только применено к ней внешним образом и потому соответствовать реальности только случайно.

Другими словами, связь идеального (норм, правил…) и реального только декларируется, но фактически (имманентно, сущностно) не имеет места и идеальное навязывается реальному внешним образом и соответствует ему исключительно в силу внешних же правил. («Правилу следуют (концепт применяют) «слепо», то есть нет правила для применения правила, корректное применение правила имеет обоснование post factum в рамках соответствующей языковой игры. То есть нормой обоснования является само правило»). И Вы приводите условия применения правил как условия «подходящести и адекватности», что есть более чем прозрачное указание на искусственное конструирование правил и их применение к реальности («правила способны «измерить» новую реальность, то есть в контексте идентифицировать новые реальные объекты в широком смысле. Конкретное существование можно определить так: объект существует, реален тогда и только тогда, когда он дан в рамках корректного применения своего концепта (соответствующего правила). В рамках корректного применения концепта дана сама полнокровная вещь»), но т.о. взаимная отчуждённость (позволю себе марксистский термин) идеального от реального «укореняется» (Ваш термин) в самом дискурсе, является его фундаментальным условием, этаким краеугольным камнем и создаёт тот самый «эпистемический разрыв», который при этих условиях *принципиально* непреодолим. Однако, надо признать, именно это условие и позволяет создавать и вести свободную «языковую игру», превращать её в «форму жизни» и тем самым создавать разные идентификации реальности в форме контекстуализированных реальностей. Для анализа собственно языка и изучения возможности его адекватного применения эта методика открывает определённые перспективы, но для объяснения широко понимаемой реальности как совместного (тождественного) бытия материального и идеального этот метод вряд ли подходит.

Резюме.

Как показал анализ, идеальное в Вашей концепции, основывающейся на витгенштейновских идеях, трактуется как сугубо субъективная категория (норма, правило, концепт и т.п.), конструируемая вне *действительной* связи с объективным реальным (внешним реальным в Вашем представлении) и связанная с ним исключительно декларативным образом посредством указания на некую «укоренённость» в реальном, которая, в свою очередь, оказывается также продуктом субъективного подхода. Такое идеальное никакой своей стороной не представляет реального, в котором оно, якобы, укоренено, а есть умозрительная конструкция субъекта и

полностью оторвано от реального, как бы Вы не пытались утверждать обратное. Ваша реальность безидеальна (обессмысленна), а идеальное нереально (вне реальности). Это идеальное можно сопоставить любому реальному, но их соответствие возможно лишь случайным образом – по этой причине «языковая игра» и может формировать многочисленные «формы жизни», относящиеся к одной и той же реальности и предстающие как её разные идентичности.

***

Прежде чем перейти к трактовке идеального Э.В. Ильенковым следует, очевидно, сказать несколько слов о том основании, из которого следуют его выводы.

Фундаментальным принципом, детерминирующим мировоззрение Ильенкова, является спинозовский принцип *монизма* (лучше сказать – субстанционального монизма), объединяющий, отождествляющий в *одной субстанции* её *разные атрибуты – материальное* (у Спинозы – протяжённость) и *идеальное* (соответственно – мышление). Следует оговорить, что тождественность в диалектике понимается следующим образом: «Тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое “одно и то же”. Это всегда тождество различного, тождество противоположностей (Ильенков)»; «Понятие тождества – простая соотносящаяся с собой отрицательность… Так как все есть другое другого, как *своего* другого, то в этом заключается как раз их *тождество* (Гегель)». Т.е. диалектическая тождественность – не безразличное равенство сторон, а их *противоречивая связь*, взаимодействие, можно сказать – процесс. Т.о. диалектической тождественности одновременно имманентно различие и, как следствие, отрицательность, внутренняя противоречивость. Диалектическая тождественность есть *единство различённых* сторон, понимаемое как их *неразрывность* – одно без другого *невозможно*.

Монистичная субстанция и есть то *единое*, что противоречиво отождествляет в себе (а это и есть элемент диалектики) свои противоположные стороны (моменты, как ещё говорит Гегель) – материальное и идеальное. В таком представлении невозможна их разделённость, в любом моменте материальному соответствует «своё» идеальное и, наоборот, каждое идеальное имеет основанием «своё» материальное. В таком видении мира т.н. «эпистемический разрыв» невозможен по определению как противоречащий фундаментальным принципам.

Вы скажете, что такая концепция противоречит принятой материалистической трактовке реальности и т.н. «основному вопросу философии». Формально так, но именно формально. Пресловутый «основной вопрос философии» поднят Энгельсом и был подхвачен официозной советской философией, Марксом же так резко вопрос нигде не ставился, да и Ленин, казалось бы, истовый материалист, совершенно недвусмысленно заявлял: «Противопоставление не должно быть «чрезмерным», преувеличенным, метафизическим… Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа,

физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой… Мысль о превращении идеального в реальное *глубока:* очень важна для истории».

Именно так рассуждал и Ильенков. Его видение идеального совершенно естественно следует из принципа монизма как тождественности материального и идеального.

Идьенковское идеальное неразрывно с материальным, его «порождающим» и есть *представление* этого идеального в «своём» материальном. Процесс «жизни» материального, его изменения, движения запечатлевается (овеществляется) в нём и *предстаёт* как его форма, явление, качества, свойства, что в человеческой деятельности выявляется (эксплицируется) и, в свою очередь, предстаёт уже как сообщение, рассказ, знак, символ и т.п. Можно сказать, что идеальное представляет *сущность* (содержание, смысл) материального. Такое, неразрывно связанное с материальным, идеальное столь же *объективно и реально,* как и являющееся его основанием материальное.

В жизни человека идеальное пронизывает всю его материально-идеальную деятельность, перетекая из вещи в процесс и обратно. В этой деятельности Ильенков выделяет *две формы* идеального: 1. идеальные предметы мышления – это «форма вещи… вне вещи, …в человеке» как формы мышления, категории, понятия и т.п. – как знание. Но деятельность мышления переходит в деятельность практики и идеальные предметы мышления овеществляются её посредством в материале природы и тем самым на сцену выходит вторая форма идеального – 2. «форма… жизнедеятельности… вне человека,… в виде формы… вещи» как *представление в форме* вещи (и её свойствах) *процесса* её создания, в котором (представлении) имманентно, в-себе присутствует не только практическая, материальная деятельность, но и идеальная деятельность мышления.[1]

Итак, идеальное Ильенкова – это идеальное монизма или, что то же, диалектического материализма. Такое идеальное тождественно материальному и, снимая[2] в себе процесс движения материального, тем самым столь же объективно и реально и представляет собой сущность (смысл) материального.

Заключение.

Реальное (реальный мир, внешняя реальность) в представлении контекстуального реализма лишено содержания и смысла. Идеальное же представляет собой нормы, правила и т.п., конструируемые субъектом в особой реальности (контекстуальной реальности) и не имеет основания во внешней реальности. Концепт о некой «укоренённости» норм во внешней реальности и наличии связи («точки соприкосновения») между упомянутыми реальностями в виде «Ощущаемого», призванный показать возможность

[1] Именно такое понимание идеального стоит за словами Маркса о знании как *непосредственной* производительной силе.

[2] Вспомним Гегеля: снятие «имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец*». Другими словами снять – сохранить, запечатлеть в новой форме уже прошедший процесс.

взаимодействия между реальностями и, тем самым, обосновать правомерность притязания идеального концептуальной реальности и на внешний мир, вследствие изначального принципиального обессмысливания последнего, лишения его идеальности, остаётся голой декларацией. По этой причине идеальное контекстуального реализма есть искусственный конструкт, никак не связанный с реальным миром и навязываемый реальности субъективным образом. Парадигмальный разрыв между упомянутыми реальностями, одна из которых искусственно лишена идеальности, а идеальность другой представляет собой изолированное от объективной реальности субъективированное понятие, создаёт принципиально непреодолимый барьер, известный как «эпистемический разрыв».

Ильенковское понятие идеального есть следствие мировоззренческой позиции, утверждающей единство мира, его монизм, субстанциональность как тождественность материальной и идеальной сторон объективной реальности. Материальное и идеальное диалектически неразрывно связаны и взаимно определяют друг друга. Материальное представляет идеальное в своих явлении, форме, качествах. Идеальное предстаёт как сущность (смысл, содержание) материального. В таком видении идеальное столь же объективно и реально, как и его материальное основание. Монистическая тождественность материального и идеального принципиально исключает возникновение т.н. «эпистемического разрыва».

Полагаю, что не стоит на чисто внешнем сходстве некоторых положений контекстуального реализма и ильенковской позиции делать выводы об их точках соприкосновения. Это мнимые точки, не имеющие общего основания вследствие принципиального фундаментального различия исходных концепций. «В одну телегу впрячь не можно…», «Запад есть Запад, Восток есть Восток…».

П.С. Два слова о Вашем представлении Э.В. Ильенкова как *русского* философа. *Человек* Ильенков, безусловно, русский и его эстетические и культурные предпочтения определялись во многом его русскостью, но *философ* Ильенков был исключительно *советским* философом – философом, мировоззренчески ставящим *общее* выше *частного*, что совершенно явно и недвусмысленно следует как из его философских текстов, так и личной жизненной позиции. Говоря об Ильенкове это всегда следует иметь ввиду. Несомненно, что его русскость в значительной мере стала основанием его советскости, но советскость его философии вобрала в себя и его русскость и вообще всю многонациональность советского социума. Философия Ильенкова есть именно *советская* философия – она и русская, и белорусская, и немецкая, и любая иная – это философия, диалектически снимающая в себе частные национальные и иные различия (но отнюдь не отрицающая их существования). Советскость философии Ильенкова невозможно ни скрыть, ни замолчать, именно это обстоятельство создало ему немало врагов ещё в советское время в советских же околонаучных кругах – здесь есть над чем задуматься.

П.П.С. Хотя мы исповедует совершенно разные философские «религии», возможно, Вам будет небезынтересным посетить мой сайт – (https://up-stream.moy.su/). Даю также ссылку на мою работу «К решению психофизической проблемы» – https://up-stream.moy.su/load/teorija/k_resheniju_psikhofizicheskoj_problemy/1-1-0-30; и на книгу «Субстанциональный монизм как диалектика материального и идеального…» – https://up-stream.moy.su/load/teorija/substancionalnyj_monizm_kak_dialektika_materialnogo_i_idealnogo_i_osnovopolagajushhij_princip_samorazvitija_realnosti/1-1-0-21.

19.10.2024

2. Проблемы политэкономии

О «Накоплении капитала» Р. Люксембург

(Статья была направлена в адрес Оргкомитета конференции, посвящённой 100-летию Р. Люксембург).

Уважаемые члены оргкомитета!

Формулировка некоторых вопросов конференции имплицитно предполагает, что концепция Р. Люксембург, предложенная ею в работе «Накопление капитала», нашла если не массовое, то, как минимум, достаточно обстоятельное признание.

Представляется, тем не менее, что говорить о таковом не только нет достаточных оснований, но, более того, не столько спорность, сколько определённая поверхностность работы Люксембург, даёт повод к серьёзным сомнениям в её доказательности.

Более того, постановка акцента на концепции Люксембург, как на теоретическом основании, позволяющем «расширить» выводы Маркса и дать противоположное марксовому определение сущности капиталистического расширенного производства и, глубже, возможности саморазвития капиталистического общественного отношения, о чём совершенно недвусмысленно говорит Маркс, даёт возможность недостоверными выводами Люксембург подменить многие подтверждённые реальностью теоретические выводы Маркса.

В том, что концепция Люксембург весьма спорная и потому не может рассматриваться в качестве теоретически верного вывода ещё полбеды – «подвергать всё сомнению» не просто возможно, но и должно. Беда в том, что автор, и это совершенно отчётливо просматривается в её методологическом подходе, не понимает сути диалектики, её ядра – диалектические объекты (а если быть точным, то субъекты) *саморазвиваются* за счёт *внутренних* противоречий, т.е. самодостаточны и не испытывают необходимости во внешнем воздействии. Люксембург же элиминирует возможность саморазвития и вдобавок рассматривает противоречивость сугубо как формальное, а не диалектическое, отношение.

Имея ввиду высказанные соображения нахожу возможным представить Вашему вниманию прилагаемую ниже работу. Возможно, что Вы найдёте небесполезным ознакомить с её содержанием участников конференции. Не предполагая участия в конференции я позволил себе не соблюсти формальные правила, предъявляемые к участникам конференции в отношении оформления текста.

28.10.2013

В связи со столетием выхода в свет работы Р. Люксембург «Накопление капитала» несколько возрос интерес к ней, подоплёку которого следует искать в тех вполне реальных экономических процессах, которые потрясают

последние годы капиталистические производственные отношения, и суть которых не могут прояснить ни идеологи капиталистических отношений, что понятно, ни приверженцы диалектического метода Маркса, что непонятно.

Некоторые экономисты направления, развивающегося в последние годы в России и противопоставляющего себя западной экономикс, взяли теорию Люксембург в качестве одного из краеугольных камней своих построений. Представляется, что сделано это без достаточных к тому оснований.

Прежде всего, следует сказать, что критика теории Люксембург, содержащаяся в предисловии к её работе[1], представлена достаточно подробно и проделана доказательно и убедительно. Тем не менее, этих аргументов, видимо, оказалось недостаточно для сторонников концепции зависимости развития капитала от некапиталистического окружения или, если говорить о её сущности, концепции, отвергающей возможность *саморазвития* капитала и потому противостоящей выводам Маркса о его самодостаточности.

Поскольку конечные выводы в отношении судьбы капиталистического общественного отношения у Маркса и Люксембург, по сути, противоположны, то, и это совершенно очевидно, необходимо снова проанализировать доводы Люксембург в защиту выдвигаемой ею концепции.

***

В самом начале своей работы Р. Люксембург формулирует общий вопрос – «капиталистическое воспроизводство как общественное целое не следует понимать просто как механическую сумму воспроизводств отдельных частных капиталистов…»,[2] «…воспроизводство всего общественного капитала представляет собой нечто иное, чем бесконечно возрастающее воспроизводство отдельного капиталиста…», «…прежде чем исследовать механизм и законы всего капиталистического воспроизводства, необходимо поставить вопрос, что мы, собственно, должны понимать под воспроизводством капитала, взятого в целом…».[3]

Далее следует ссылка на Кенэ, который принял существование совокупного капитала как реально действующей величины, с чем сама Люксембург согласна.

Но соответствует ли такое представление о наличии некоего совокупного капитала действительности? Если в отношении отдельных частных капиталов, как индивидуальных, так и акционерных такого вопроса не возникает ввиду их самоочевидности, то вопрос о существовании совокупного (т.е. общественного) капитала не столь очевиден.

Поскольку речь идёт, как следует из постановки вопроса, об объективной реальности, то такая реальность должна быть соответствующим образом оформлена. Но в какой же форме существует совокупный капитал? Если нам ответят, что в форме частных капиталов, то эта тавтология ничего не объясняет, тем более, что совершенно непонятно, каким образом

[1] Р. Люксембург, «Накопление капитала», изд. 5-е, М., 1934.
[2] С. 18. Здесь и далее ссылки даны только на работу Р. Люксембург.
[3] С. 19.

частные капиталы воздействуют на самих себя как совокупный капитал. Уточнение, что частные капиталы не следует понимать как механическую сумму, это, дескать, нечто большее, качественно иное, также ничего не разъясняет в сути вопроса. В материальном мире, тем более в материальном производстве, в основании всех процессов следует искать материальные же факторы соответствующим образом оформленные, т.е. являющие себя в определённой форме. В отношении совокупного капитала автором этого не сделано и это существенное упущение незримо будет довлеть над всем ходом её рассуждений.

Но то, что индивидуальные капиталы подчиняются какому-то общему закону, а не только частным законам капиталистического производства, воздействующим на индивидуальные капиталы, одним из которых, к примеру, является закон производства прибавочной стоимости, подтверждается всей совокупностью экономической жизни общества.

Упомянутый закон действует только в капиталистическом обществе и как таковой он есть особенное, но должно быть и общее. Здесь не место для подробного анализа, но таким всеобщим законом можно назвать, если употреблять этот термин, закон взаимного соответствия общественных потребностей и общественных возможностей. Правильнее сказать, в рамках диалектического подхода это есть противоречие между общественными потребностями и общественными возможностями.[1]

Над законом частного присвоения прибавочной стоимости главенствует всеобщий закон, управляющий жизнью всего общества как целого. В соответствии с ним общество для обеспечения своей жизнедеятельности *должно* удовлетворять свои жизненные потребности (т.е. отмеченное выше противоречие является императивным по отношению ко всем иным общественным противоречиям.), независимо от того, какова особенная форма собственно производства и какие законы им управляют. Причём при удовлетворении своих потребностей общество выбирает, как правило, не любые возможности, а только те, которые ему по силам, наименее затратные. (Последнее эмпирическое наблюдение можно подтвердить, при необходимости, логическим выводом исходя из рассмотрения противоречий,

[1] В кратком определении их можно представить в следующей форме:

Общественные потребности выступают как идеальное представление некоего материального, того материального, в котором общество нуждается для обеспечения своей жизнедеятельности с учётом дальнейшего развития.

Общественные возможности представлены всеми теми продуктами, которые созданы в производственной (и научной) сфере и которые соответствуют, либо не соответствуют, общественным потребностям и тем самым находят, либо не находят, общественное признание и в итоге реализуются, либо не реализуются.

Общественные потребности и возможности сопоставляются между собой на двух уровнях. На уровне согласования происходит выяснение соответствия наличных возможностей наличным потребностям. На уровне регулирования происходит взаимная корреляция. Со стороны потребностей связь положительная – возможности должны расти для удовлетворения возрастающих потребностей. Со стороны возможностей связь отрицательная – потребности удерживаются в своём росте наличными возможностями.

действующих в обществе). В противном случае оно обречено на гибель, в лучшем случае на прозябание, жалкое существование.

Именно соотношение, противоречие общественных потребностей и общественных возможностей и является тем общим, что управляет жизнедеятельностью общества, в том числе производственной сферой и, как следствие, капиталом. Именно это противоречие является внутренним движущим противоречием, определяющим развитие любого общества и общим всем другим формам противоречий. Закон же, например, производства прибавочной стоимости, управляющий деятельностью капитала, носит подчинённый характер и принадлежит к сфере особенного. Как, впрочем, и иные общественные законы. Все они действуют внутри названного всеобщего закона, хотя, несомненно, оказывают на него обратное воздействие. Но это другой вопрос.

Именно отмеченное основное общественное противоречие и является тем объективным фактором, управляющим движением частных капиталов и главенствующим над всем этим движением, который принимается за проявление некоего совокупного капитала. Не существует как самостоятельного материального объекта совокупного капитала, но существуют вполне объективные общественные отношения, имеющие материально-идеальную сущность, которые действуют в ходе разрешения противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями.

Это то всеобщее, которое постоянно следует иметь ввиду при рассмотрении тех общественных противоречий, которые имеют характер особенного. С этой точки зрения смена особенных общественно-экономических форм предстаёт как движение (понимаемое как возникновение, развитие и разрешение особенных общественных противоречий) в рамках основного общественного противоречия, определяемое и направляемое им как необходимостью. Необходимость в этом случае следует понимать как императивность всеобщего в отношении особенного – противоречия особенного *должны* разрешиться в интересах основного противоречия.

С этой точки зрения все возникающие особенные противоречия возникают не спонтанно, а под влиянием основного общественного противоречия и в интересах его разрешения. Движение общества на любом этапе его развития является *само*движением, т.е. имеет характер субстанциональности и потому самодостаточно. Этот вывод относится, разумеется, и к капиталистическому общественному отношению.

Как увидим впоследствии, непонимание указанного обстоятельства и толкает Люксембург к попыткам представить *само*развитие капиталистического отношения, т.е. особенного противоречия на данном этапе развития общества, невозможным и попытаться объяснить его разрешение внешними этому противоречию факторами.

Автор пишет: «…с точки зрения общества, взятого в целом, совершенно самостоятельное и раздельное существование суверенных частно-капиталистических предприятий является лишь исторически обусловленной формой, в то время как общественная связь является основой. Несмотря на то, что отдельные капиталы действуют совершенно независимо и что общественное регулирование совершенно отсутствует, общее движение всех

капиталов совершается как единое целое. Это общее движение также проявляется в специфически капиталистических формах».[1]

Совершенно правильный вывод, смысл которого в следующем – частные капиталы есть объективная реальность и их движение, на первый взгляд, совершается совершенно независимо, нерегулируемо. Но, тем не менее, в действительности их совокупное движение совершается как целое, хотя и в специфических формах.

На этом Люксембург останавливается, тогда как мысль следует завершить указанием на ту силу, которая управляет капиталом как совокупностью. Эта сила – основное движущее общественное противоречие – противоречие между общественными потребностями и общественными возможностями. Общественные отношения, определяемые этим противоречием, и принимаются политэкономистами за т.н. совокупный капитал, управляющий движением частных капиталов. У автора же заявление, что «общее движение всех капиталов совершается как единое целое», повисает в воздухе.

К слову, отмеченное автором *общее* движение капиталов как *целого* есть косвенное проявление их самодвижения, т.е. самодостаточности. Но Люксембург этого мимоходом не замечает, на этом факте не останавливается и его не анализирует.

***

Высказав замечания общего порядка рассмотрим некоторые частные выводы, сделанные Люксембург в своей работе.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что автор постоянно переносит акцент с вопроса *о возможности* расширенного капиталистического воспроизводства на вопрос *об источнике денег* для реализации части прибавочной стоимости, предназначенной для расширения производства.

«Так как ... в пределах капиталистического общества решительно невозможно найти покупателей товаров, в которых заключена накопленная часть прибавочной стоимости, то остаётся только одно – внешняя торговля».[2]

Поскольку речь идёт о части прибавочной стоимости, идущей на расширение производства, то это более чем странное утверждение - дескать, капитал не в состоянии купить те средства производства и средства потребления, которые должны пойти на расширение его собственного производства, поэтому он продаёт их за пределами действия капитала. Оставим в стороне вопрос, зачем некапиталистическому окружению (то, что речь идёт именно о некапиталистическом окружении, становится ясным из последующих рассуждений автора) средства производства, которые там не в состоянии применить? Спросим другое, как капиталистический рынок получит обратно те средства производства и потребления, которые он продал на сторону, но без которых невозможно расширенное производство, т.е. то производство, которое и производит товары для продажи за границей? Ведь у него нет для этого средств. Получается, если согласиться с

[1] С. 42.
[2] С. 87.

Р. Люксембург, этакая собака, гоняющаяся за собственным хвостом, которого у неё нет.

Понимая это автор тут же опровергает себя, цитируя Маркса «Ссылка на внешнюю торговлю оказывается лишь пустой отговоркой: затруднение, которое встречается при анализе, переносится из одной страны в другую, но не разрешается».[1]

Однако, автор заходит с другой стороны. Приведя для убедительности фразу Маркса «Одним словом, прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже заключает в себе вещественные составные части нового капитала», Люксембург делает не очень изящный пируэт, тут же утверждая, что «прибавочная стоимость, в какой бы натуральной форме она ни заключалась, не может быть прямо перенесена в места производства для накопления: она должна быть сперва реализована, т. е. обменена на деньги»[2] … «…прибавочная стоимость непременно должна пройти через денежную форму; она должна сбросить форму прибавочного продукта, прежде чем вновь принять её в целях накопления».[3]

Т.о. делается попытка подменить вопрос о соответствии друг другу в натуральной форме капитализируемых частей прибавочной стоимости в I и II подразделениях (т.е. об удовлетворении взаимного спроса и предложения и возможности т.о. расширения воспроизводства) вопросом об источнике денег для приобретения этих частей стоимости. Но это вопрос, не имеющий прямого отношения к вопросу о принципиальной возможности капиталистического расширенного производства.

Но Люксембург это не смущает и она тут же бездоказательно превращает своё предположение в императив - «Уже для того, чтобы реализовать прибавочную стоимость I и II согласно вышеизложенному, должен быть налицо сбыт вне I и II. Но при этом условии прибавочная стоимость была бы только превращена в деньги».[4]

Поскольку речь идёт об опровержении выводов Маркса, то и следовало бы показать их несостоятельность изнутри, с учётом условий, введённых Марксом, в соответствии с которыми все производство рассматривается как капиталистическое - другого («вне I и II») не существует. Изменение же этого фундаментального условия на другое, предусматривающее наличие иных способов производства, кроме капиталистического, создаёт совершенно другой объект исследования со своими законами развития.

Далее автор заключает: «Мы находим, что полное игнорирование денежного обращения в схеме расширенного воспроизводства, представившей нам так ясно и просто процесс накопления, ведёт к большим несуразностям».[5]

Во-первых, «мы находим» это не подкреплённое логическим выводом

[1] С. 87.
[2] С. 88.
[3] С. 89.
[4] Там же.
[5] Там же.

голословное утверждение автора. Во-вторых, так и не дав ответа на свой вопрос на сущностном уровне, автор пытается перенести проблему в иную плоскость, усложнить её и конкретизировать, ввести новые категории (денежное обращение, проблемы метаморфоза капитала). Но это ложный путь – нерешённость остаётся внутри проблемы в скрытом виде.

Проблему того, возможно ли саморазвитие (т.е. расширенное воспроизводство) капиталистического производства исходя только из самого себя, внутри себя, автор подменяет проблемой соотнесения натуральной формы продукта и его стоимостной формы и возможности осуществления т.о. эквивалентного обмена. Другими словами, проблема возможности саморазвития капитала подменяется проблемой обмена его частей, метаморфоза капитала с соблюдением эквивалентности.

На этом основании Люксембург пытается привлечь для объяснения проблемы денежное обращение. Отметим, что сущность денег состоит в представлении *общего* всем продуктам труда – идеального[1], стоимостной формы, в *особенном* - в материальной форме денег, и опосредствовании на этом основании другой материальной формы – потребительной стоимости (*единичного*) и возможности на этом основании эквивалентного обмена. Но для капиталистического производства как целого это опосредствующий фактор, не меняющий *сути* капиталистического производства и не объясняющий его изнутри, из самого себя.

Свой вопрос о возможности расширенного воспроизводства внутри капиталистического отношения автор подменяет совершенно иным, хотя и важным, вопросом о посреднической роли денежного обращения.

«Далее Маркс исследует механизм накопления как раз с этой точки зрения, т. е. под углом зрения, что прибавочный продукт должен, прежде чем подвергнуться накоплению, пройти через денежную форму».[2]

Эта ссылка на денежную форму у Маркса не подтверждает вывода автора, что для объяснения расширенного воспроизводства следует рассмотреть денежное обращение.

Маркс решил вопрос о возможности расширенного воспроизводства в начале его анализа и далее, вводя денежную форму, он конкретизирует, усложняет процесс капиталистического производства, движется от абстракции к реальности.

Поскольку принципиально проблема возможности саморазвития капитала Марксом решена, то он решает проблему метаморфоза капитала уже с учётом всех опосредствующих его факторов. Теперь, когда возможность саморазвития капитала в расширяющейся форме установлена Марксом, вопрос денежного обращения становится *внутренним* вопросом движения капитала.

Люксембург снова и снова задаётся вопросом: «Затруднение ведь заключалось в следующем. В целях накопления одна часть прибавочной стоимости не потребляется капиталистами, а прибавляется к капиталу для

[1] «…в стоимость [Wertgegenstandlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы». К. Маркс, Ф. Энгельс, ПСС, т. 23, с. 56.

[2] С. 90.

расширения производства. Спрашивается, где покупатели на этот самый прибавочный продукт, которого не могут потребить ни капиталисты, ни тем более рабочие, потребление которых целиком покрывается суммой соответствующего переменного капитала? Где спрос на накопленную прибавочную стоимость? Или, как формулирует этот вопрос Маркс, откуда берутся деньги, чтобы оплатить накопленную прибавочную стоимость»?[1]

Автор с завидным постоянством задаёт, чередуя, два вопроса. То она спрашивает «где покупатели на прибавочный продукт», то «откуда берутся деньги для оплаты прибавочной стоимости», создавая тем самым видимость, что это один и тот же вопрос. Но это вопросы по сути разные. Ответ на вопрос «где покупатели» дан в условии – это капиталистические производители. Вопрос же «откуда берутся деньги, чтобы оплатить накопленную прибавочную стоимость», не имеет *непосредственного* отношения к расширенному воспроизводству как таковому, это подчинённый вопрос и ответ следует искать *внутри* капиталистического производства. (К слову, если искать источник денег в некапиталистическом окружении, то откуда деньги там, ведь купить надо на очень большие суммы? Да и те товары, которые идут на расширение производства, в этом окружении, как правило, не нужны).

Если же обратиться к деньгам, то здесь следует анализировать сущность денег, их возникновение и развитие в дальнейшем денежного обращения, т.е. исторически, полностью абстрагируясь от расширенного капиталистического воспроизводства как такового. Капиталистическое общественное отношение появляется, когда денежное обращение достигло достаточного уровня развития и последнее служит предпосылкой движения капитала, а не наоборот. Вопрос, постоянно задаваемый автором, относится не к расширенному воспроизводству, а к финансовой сфере, достаточно развитой к моменту появления капиталистического общественного отношения и вполне способной обеспечить новые производственные отношения, которые, укрепившись, перестраивают финансовую сферу под свои нужды. Таким должен быть диалектический подход.

Но иногда Люксембург ставит вопрос по-другому, показывая правильное понимание проблемы – «В проблеме накопления речь идёт не о том, откуда берутся деньги, а о том, откуда берётся спрос на прибавочный продукт, который произошёл из капитализированной прибавочной стоимости. Это не технический вопрос денежного обращения, а экономический вопрос воспроизводства всего общественного капитала».[2]

Впрочем, автор тут же приписывает Марксу свои ошибки: «Анализ Маркса пострадал между прочим оттого, что он пытался разрешить проблему, неправильно поставив её в форме вопроса о денежных источниках… На самом деле речь идёт о фактическом спросе, о сбыте товаров, а не об источниках денег для их оплаты… мы отыскиваем экономический спрос на прибавочный продукт, не интересуясь при этом вопросом о

[1] С. 92.
[2] С. 96.

происхождении денег».[1]

Здесь Люксембург уже отказывается от постановки вопроса как вопроса об источнике денег и переводит вопрос в форму отыскания источника спроса. Но ведь это решено ранее, при рассмотрении Марксом схемы расширенного воспроизводства и *предполагается* условиями капиталистически ведущегося производства - иного производства не существует. Проблема решается именно в такой абстрактной форме, поскольку только постановка вопроса в «чистом» виде, не замутнённом второстепенными обстоятельствами, следует искать сущность капиталистического производства.

Если рассмотреть схему, иллюстрирующую расширенное воспроизводство в натуральном выражении, то она покажет, что принципиальных препятствий при непосредственном обмене продуктами производства как потребительными стоимостями для такого производства нет. В натуральной форме предложение и спрос дополнительного продукта, идущего на расширение производства, в обоих подразделениях всегда взаимно уравновешивают друг друга (при условии соблюдения пропорциональности, разумеется).

Затруднения возникают только в том случае, когда производится анализ стоимостной формы продуктов труда, в котором эквивалентные отношения обмена должны быть представлены как императив и потому обмен невозможен без посредствующего элемента, соединяющего в себе как натуральную сторону товара (потребительную стоимость), так и стоимостную форму (меновую стоимость). Как показывает анализ и Маркса, и Люксембург, обмен в эквивалентной форме наталкивается на препятствия, которые представляют собой периодические нарушения равномерности либо пропорциональности производства. Кроме того возникают дополнительные затруднения, связанные с необходимостью участия в процессе обмена опосредствующей формы стоимости, денег – их периодическая нехватка, либо избыток у сторон обмена.

На этом основании Р. Люксембург делает вывод о невозможности существования расширенного капиталистического производства за счёт себя самого (в себе и для себя, говоря гегелевским языком) и необходимости привлечения дополнительного спроса за счёт некапиталистического окружения.

Но, во-первых, некапиталистическое окружение, будучи втянуто в капиталистические отношения, неизбежно будет действовать по правилам капиталистического рынка и стремительно капитализироваться. Т.о. поле действия проблемы расширяется, не находя решения.

Во-вторых, некапиталистическому окружению совершенно не нужны средства производства, которых оно применить не в состоянии.

В третьих, у некапиталистического окружения просто нет средств для оплаты такого количества товаров и такой высокой стоимости.

В-четвёртых, капиталистический рынок, получив, в соответствии с желанием Люксембург, от некапиталистического окружения необходимые

[1] С. 102.

денежные средства, вынужден будет с этими средствами снова обратиться к некапиталистическому окружению уже за средствами производства, которые он ему продал – ведь на капиталистическом рынке этих средств теперь нет. Т.е. некапиталистическое окружение выступает в роли заимодавца, кредитора, не более того. Но кредит и на капиталистическом рынке распространённый инструмент – ведь капитал получает в наследство от предыдущих форм производства готовый финансовый механизм, который он стремительно совершенствует.

Но опять с завидным упорством Люксембург укоряет Маркса: «Следовательно, сама постановка вопроса у Маркса была все время неправильна. Нет никакой сколько-нибудь осязательной цели ставить вопрос, откуда берутся деньги для реализации прибавочной стоимости. Вопрос должен гласить: откуда берётся спрос на прибавочную стоимость, где платёжеспособная потребность в ней?»,[1] не замечая противоречия в своём вопросе – ведь «платёжеспособная потребность» это и есть, по сути, деньги.

И далее - «…сам класс капиталистов при условии накопления, т. е. капитализации части прибавочной стоимости, никоим образом не может реализовать, т. е. купить всю свою прибавочную стоимость. Несомненно, что должно быть создано достаточное количество денег для реализации капиталистической прибавочной стоимости, – если она вообще должна быть реализована, – но эти деньги никак не могут происходить из кармана капиталистов».[2]

Автор снова и снова заявляет, что «класс капиталистов при условии накопления … никоим образом не может реализовать … всю свою прибавочную стоимость», - но этот вывод ею до сих пор не доказан, это всего лишь голословное утверждение. И тут же автор сама вместо вопроса о спросе снова задаёт вопрос об источнике денег для прибавочной стоимости.

Очевидно, автор хочет сказать, что возросшей в очередном цикле товарной массе нет соответствующего количества денег. Иными словами – количество товара и его стоимость возросли, но количество денег в обществе осталось прежним. Т.е. нет денег для покупки прибавочной стоимости в натуральной форме.

Своего рода противоречие – если осуществлять обмен в натуральной форме, то проблем с расширенным воспроизводством не будет – прибавочной стоимости в натуральной форме в одном подразделении соответствует прибавочная стоимость в натуральной форме в другом подразделении, но денег для приобретения средства производства, соответствующих прибавочной стоимости – нет.

Но вопрос о деньгах это совершенно другой вопрос, а не вопрос о принципиальной возможности расширенного производство внутри капиталистического отношения.

Потребности производства и обмена, отражённые в общественных отношениях, необходимо приводят к появлению всеобщего эквивалента

[1] С. 109.
[2] С. 110.

стоимости, представленного в материальной форме денег, которые опосредствуют производство и обмен. Рассмотрением вопроса о производстве золота (и Марксом, и автором) проблемы расширенного воспроизводства не решить, поскольку деньги внешни производству, они существуют только как посредник обмена, т.е. сущностно определяются общественными отношениями, в том числе и докапиталистическими, потребностями обеспечения жизнедеятельности людей.

Ответ на вопрос об источнике денег для покрытия прибавочной стоимости находится в иной сфере и потому вопрос, поставленный автором - кто реализует прибавочную стоимость - должен звучать – как, из какого источника капиталисты получают деньги для реализации прибавочной стоимости.

Теоретическим решением вопроса о росте денежной массы соответственно росту товарной массы (т.е. прибавочной стоимости) в каждом цикле производства будет раскрытие практической стороны этого вопроса – т.е. историческое рассмотрение процесса производства и обращения. И тогда станет ясно, что практическое решение состояло в историческом развитии механизма кредита. Это новая сфера - дополнительная к производству и обмену. Разумеется, механизм кредитования не даёт ответа на вопрос, откуда появляются в обращении деньги вообще (да это в рассматриваемом отношении и не нужно), но он даёт ответ на вопрос, откуда появляются деньги у конкретных капиталистов для обеспечения беспрепятственного движения капитала.

Сущностное назначение денег вообще - в установлении соответствия в денежной форме между стоимостью в натуральной форме и стоимостью как собственно стоимостью, т.е. как затратами рабочего времени (людей и машин) на производство продукта, или, другими словами, между материальным и идеальным - опосредствование материального (потребительной стоимости) и идеального (стоимости).

Деньги, возникнув на ранних этапах отношений обмена, обособились в соответствии со своей сущностью – опосредствованием – в самостоятельную сферу, которая развивалась совместно с опосредствуемыми ею сферами – производством и обменом. К периоду возникновения капиталистических отношений денежная сфера уже имела инструмент, идеально подходящий к капиталистическим отношениям – кредит, который и является главным источником денег для реализации прибавочной стоимости, идущей на расширение производства.

И снова Люксембург задаёт ставший уже риторическим вопрос - «Но кто же помимо них может предъявлять спрос на товары, в которых заключена капитализированная[1] прибавочная стоимость»?[2]

Очевидно, автор хотела сказать, что капиталисты по какой-то причине не предъявляют спроса на средства производства для его расширения. Но

[1] Попутно отметим ещё одну ошибку автора. В *товарах* нет *капитализированной* прибавочной стоимости. Капитализированной она становится только *при её потреблении как капитала*, т.е. в производстве – в форме постоянного капитала.

[2] С. 110.

в том-то и дело, что кроме капиталистов, представленных на *капиталистическом* рынке, дополнительные средства производства для расширения этого производства *никому* не нужны. Ссылка на внешнюю торговлю, как это отметил ещё Маркс, только расширяет сферу действия капиталистического рынка. Искать ответа на этот риторический вопрос за пределами капиталистического производства значит попросту уходить от ответа.

***

Второй значимый момент, который приводит Люксембург в недоумение, это цель капиталистического накопления, т.е. расширенного воспроизводства.

По Марксу существует два условия, непосредственно определяющих возможность накопления - наличие дополнительных средств производства и наличие дополнительной рабочей силы. Оба условия капитал выполняет сам – 1. капитализируя прибавочную стоимость и 2. создавая резервную армию рабочих. Необходимости во внешних источниках потребления нет. Капитал *самодостаточен*.

Люксембург добавляет к названным третье условие - «необходимо ещё другое условие: расширение платёжеспособного спроса на товары. Но откуда исходит этот постоянно возрастающий спрос, который лежит в основе прогрессирующего расширения производства в марксовой схеме»?[1]

Очевидно, речь идёт о спросе на товары, подлежащие капитализации, поскольку говорится о расширении производства. В приложении к схемам Маркса, которые автор рассматривает, вопрос о спросе беспредметен. В марксовых схемах спрос существует имманентно, по условию расширенного производства, иначе оно было бы невозможно, в них речь идёт только о соблюдении определённых пропорций между производственными подразделениями. Добавочные средства производства и добавочные средства существования, о которых говорит Люксембург, и представляют взаимно друг для друга этот возросший спрос.

И далее: «Мы вращаемся, очевидно, в кругу. Производить больше средств потребления только для того, чтобы содержать больше рабочих, и производить добавочное количество средств производства только для того, чтобы этим самым дать занятие этому увеличенному числу рабочих, – да ведь это абсурд с капиталистической точки зрения»![2]

Автор задаёт вопрос, как возможно расширенное производство и отвечает словами и схемами Маркса, с чем сама согласна. Но тем не менее следует странное заявление - «мы вращаемся в кругу», не замечая при этом, что это не круг, а постоянно расширяющаяся спираль.

Далее она заявляет, что с точки зрения капиталистического производства производство добавочной продукции для потребления и увеличения числа рабочих – это абсурд.

Автор забыла, что ранее она полностью соглашалась с Марксом, что целью капиталистического производства является прибавочная стоимость, а

[1] С. 84.
[2] Там же.

натуральная форма никакого значения не имеет. Здесь же она делает акцент на натуральной форме и вдруг заявляет, что такое производство абсурдно.

Расширенное воспроизводство, т.е. его постоянное расширение за счёт самого себя и для себя для взгляда со стороны, возможно, и не имеет смысла и выглядит абсурдно, но с точки зрения общества всё обстоит совершенно иначе - резко увеличивается материальная обеспеченность общества, его материальные возможности - вот последствия господства капиталистического отношения. Капитал в своём движении, заботясь только о самом себе, производит всё большее количество материальных благ, часть которых он вынужден направлять в сферу потребления.

«Но для того, чтобы дать работу новым рабочим и приводить в движение новые средства производства, прежде всего – с капиталистической точки зрения – должна быть налицо какая-нибудь цель для расширения производства, должен быть дополнительный спрос на продукты, подлежащие изготовлению».[1]

Автор лукаво совмещает две несовместимые категории – цель и спрос – и на этом основании пытается опровергнуть сущность капиталистического производства – производство прибавочной стоимости.

Цель – получение прибавочной стоимости – есть всегда. Спрос – условие получения прибавочной стоимости – конъюнктурен в отношении единичного капиталиста и постоянно присутствующая величина для класса капиталистов, даже в кризисы. (Вспомним то, что говорилось выше о движущем общественном противоречии между общественными потребностями и общественными возможностями).

«В первом отделе мы установили, что марксова схема накопления не даёт никакого ответа на вопрос, для кого собственно происходит расширенное воспроизводство. Если взять схему буквально так, как она развита в конце второго тома, то кажется, что капиталистическое производство исключительно только само реализует всю свою прибавочную стоимость и потребляет капитализированную прибавочную стоимость для своих собственных потребностей».[2]

Вот именно, как раз Маркс и отвечает со всей определённостью – всё производство и, следовательно, расширенное воспроизводство, направлено на производство прибавочной стоимости – т.е. направлено само на себя.

По Марксу, говорит автор, накопление происходит ради накопления. Но это и есть закон капиталистического производства – извлечение прибавочной стоимости ради неё самой.

Только капиталистическое производственное отношение позволяет *безудержно* развивать *материальное* производство и увеличивать *общественное* богатство. В нём нет внутреннего сдерживающего фактора для развития, если рассматривать только собственно производство. Именно капиталистическое общественное отношение позволило развить материальные условия жизнедеятельности всего общества. За счёт чего – это другой

[1] С. 85.
[2] С. 228.

вопрос. Капитал, безудержно развивая производство, волей-неволей увеличивает потребление и рабочих, как в материальной сфере, так и в идеальной. Это совершенно необходимое условие развития технического уровня производства – новая техника императивно требует новых рабочих, более грамотных, более развитых, более обученных. При низком уровне потребления рабочих рост их квалификации невозможен. Соответственно растёт и потребление их семей.[1]

Люксембург, приведя в очередной раз одну из цитат Маркса, говорит: «Эта последняя цитата относится к вопросу о кризисах, которые не подлежат нашему рассмотрению; но она недвусмысленно показывает, что Маркс, «в согласии с действительным положением вещей» ставит движение всего капитала в зависимость только от трёх категорий потребителей: от капиталистов, рабочих и «непроизводительных классов».[2]

Автор либо демонстративно не хочет замечать, что Маркс вводит понятие третьей категории потребителей, непроизводительных классов, при конкретизации анализа капиталистического производства, – при рассмотрении причин и характера протекания кризисов, - либо совершенно искренне не понимает этого. При анализе принципов капиталистического производства Маркс от кризисов абстрагировался, полагая процесс чистым от посторонних влияний, а производство пропорциональным. В цитируемом же месте Маркс конкретизирует условия производства и вводит новый фактор - условие диспропорциональности, именно «в согласии с действительным положением вещей». Как следствие вводится и новая категория потребителей. Изменились посылки, изменились и выводы.

«Итак не подлежит никакому сомнению, что Маркс хотел изобразить процесс накопления в обществе, состоящем исключительно из капиталистов и рабочих, при всеобщем исключительном господстве капиталистического способа производства. Но при этих условиях его схема не допускает никакого иного толкования, кроме производства ради производства».[3]

Именно так – абстрактно представленный процесс «чистого» капиталистического производства самым убедительным образом подтверждает теоретическое обобщение – его сущностью является производство прибавочной стоимости, т.е. производство ради производства.

Автор постоянно пытается поставить под сомнение этот вывод, ссылаясь 1. на абсурдность такого производства и 2. на наличие в обществе других классов и слоёв населения кроме капиталистов и рабочих. Но Маркс не только не сомневался в их наличии, но и прямо говорил о необходимости

[1] Рост потребления рабочих – это феномен, сопутствующий развитию технического уровня производства, а не определяющий его. Соответственно, на определённом этапе это потребление может остановиться в своём росте и даже получить тенденцию к понижению. Такое возможно, если технические усовершенствования позволяют обходиться в производстве без массы рабочих с высокой квалификацией, а то и вовсе без рабочих, что и наблюдается в последние годы во многих отраслях, особенно в наукоёмких.

[2] С. 230.

[3] С. 231.

учитывать их реальность при анализе конкретных условий жизнедеятельности общества. Что касается утверждения об абсурдности, то остаётся задним числом посочувствовать автору, которая пребывала в растерянности перед научно объяснённым фактом.

Дальнейшая конкретизация анализа капиталистического производства, несомненно, добавит новые выводы к полученным Марксом, но в основном выводе – производство прибавочной стоимости – всё равно будет заключаться вся суть капиталистического производства. Автор же, гипостазируя второстепенные обстоятельства (например, наличие непроизводительных классов), пытается поставить капиталистическое производство в зависимость от некапиталистического окружения. Но тогда почему капитализм диктует некапиталистическому окружению свою волю, а не наоборот?

Но вновь и вновь, вопреки очевидному, автор утверждает: «Для кого происходит это прогрессирующее расширение производства, – это на основании предпосылок марксовой схемы определить невозможно».

Однако, тут же опровергает саму себя: «Итак, кто реализирует постоянно возрастающую прибавочную стоимость? Схема отвечает: сами капиталисты, и только они».[1]

Далее следует недоумённый вопрос: «Что же они делают со своей возрастающей прибавочной стоимостью? Схема отвечает: они употребляют ее для все возрастающего расширения своего производства. Эти капиталисты являются стало быть фанатиками расширения производства ради расширения производства. Они строят новые машины, чтобы ими опять-таки строить новые машины. То, к чему мы таким образом приходим, является не накоплением капитала, а расширяющимся производством средств производства без всякой цели».[2] Это последнее утверждение более чем странное – да ведь расширяющееся производство, как установлено анализом Маркса, и есть накопление капитала и не может быть ничем иным, это и есть цель, определяемая сущностью капиталистического отношения!

«Если проверить схему расширенного воспроизводства именно с точки зрения теории Маркса, то неизбежно приходишь к заключению, что она во многих отношениях находится в противоречии с этой теорией».[3]

Эта ошибка Люксембург уже была выше отмечена – Маркс постоянно движется от абстракции капиталистического производства (схемы, по словам автора) к конкретным условиям его протекания (изменению органического строения, изменению производительности труда и пр.) - а автор упорно противопоставляет начальную абстракцию далее развитым конкретным условиям и выдаёт это за противоречие, не объяснённое Марксом, тогда как это движение, переход к новым условиям и есть объяснение Маркса, к сожалению, до конца им не доведенное.

Далее (очевидно, забыв, что примеры, по одному из утверждений автора, ничего не доказывают) она конструирует схему воспроизводства с

[1] С. 232.
[2] Там же.
[3] С. 233.

изменяющимся отношением постоянного и переменного капиталов и на её основании обнаруживает «дефицит в средствах производства».[1]

Этот результат есть следствие неразличения того, что прибавочная стоимость есть *созданная* стоимость, а постоянный и переменный капитал есть *затраченная* стоимость.

При их непосредственном сопоставлении они выступают как сущностно разные стоимости – как возникновение и как исчезание, говоря гегелевским языком. И созданная стоимость может быть «количественно» определена только в процессе её реализации, но никак не априори, как в примере. Её реализация (и определение т.о. её «величины») есть следствие разрешения противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями. По указанным причинам пример неубедителен. Но вопрос о реализации (признании обществом) произведенной стоимости он, тем не менее, ставит.

Ответ определяется разрешением упомянутого общественного противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями – всё, что не соответствует его разрешению будет элиминировано, т.е. не признано и не принято обществом. На практике часть стоимости избыточного продукта будет учтена в стоимости обладателей продукта, произведенного в недостаточном количестве, либо будет проигнорирована и пропадёт втуне. На голых арифметических примерах проблемы общества не решаются – только в диалектике их противоречивости.

Люксембург продолжает: «Итак, если мы вместе со схемой Маркса допускаем, что расширение капиталистического производства всегда происходит только за счёт прибавочной стоимости, произведенной наперёд в форме капитала, и далее, – что является лишь другой стороной того же самого допущения, – что накопление одного подразделения капиталистического производства находится в строжайшей зависимости от накопления в другом подразделении, то получается, что изменение в технической основе производства невозможно (поскольку она выражается в отношении (c) к (v)). … Итак в пределах связей марксовой схемы не может быть достигнут рост подразделения I более быстрый, чем рост подразделения II. Следовательно, как бы мы ни рассматривали техническое изменение способа производства в процессе накопления, оно не может быть проведено без того, чтобы не нарушить основных отношений марксовой схемы».[2]

Автор сформулировала противоречие, основываясь на арифметическом примере схемы капиталистического производства. Но арифметикой диалектику не убедить.

Диалектика же в том, что выявленное противоречие между производственными подразделениями есть *особенное* противоречие капиталистического способа производства и разрешается оно в рамках *общего* противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями. А это последнее заставляет учитывать не только излишек на одной стороне производства и недостаток на другой, но и качественный уровень

[1] С. 235.
[2] С. 237.

производимых продуктов, в первую очередь средств производства, почему и существует тенденция к постоянному их совершенствованию.

Истинный вывод из этого противоречия таков – расширенное воспроизводство на капиталистической основе *принципиально, сущностно* не допускает пропорциональности – и это есть следствие наличия частных производителей.[1] Дело здесь не в схеме, капиталистические производственные отношения имманентно противоречивы. В фундаменте этих противоречий – отношения отчуждения.

«Следовательно схема предполагает движение всего капитала, которое противоречит действительному ходу капиталистического развития».[2]

Автор снова формулирует формальное противоречие – абстрактная схема не соответствует реальному капиталистическому производству.

И это понятно – схема не учитывает противоречия между общественными потребностями и возможностями. Она исключает противоречия как таковые, которые только и придают процессу диалектичность. Она элиминирует источник самодвижения – противоречие, и ищет только пропорциональность (т.е. формальную логичность), которая не может быть источником самодвижения. В мире диалектических отношений (т.е. в саморазвивающемся мире) формальными методами проблем не решить.

Но в итоге Люксембург всё-таки верно формулирует (вернее, повторяет Маркса) диалектическое противоречие, которое не разрешается конструированием схем: «…схема противоречит пониманию капиталистического процесса, взятого в целом, и его ходу, как он был охарактеризован Марксом в III томе «Капитала». Основная мысль этого понимания заключается в имманентном противоречии между способностью производительной силы к безграничной экспансии и ограниченной способностью к экспансии общественного потребления при капиталистических отношениях распределения».[3] Что это как не противоречие между общественными потребностями и общественными возможностями, о котором мы уже говорили, высказанное в несколько иной форме.

Далее автор пространно цитирует Маркса (приведём только заключительную часть цитаты): «Условия непосредственной эксплуатации и условия её реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые – пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но это последнее определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, но потребительной способностью на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению, к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в

[1] Монополизация существенно снижает риски производителей, но вместе с ней возникают новые противоречия.

[2] С. 239.

[3] Там же.

расширяющемся масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самых методах производства, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его размеры ради одного только сохранения и под угрозой гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона и все менее поддаются контролю. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем более развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление».[1]

На основании этого обобщения автор заключает: «Если сравнить это описание со схемой расширенного воспроизводства, то они отнюдь не совпадают».[2]

Правильно! Здесь Маркс описывает не абстрактную схему, а реально существующее производство с его диалектическим отношениями, а автор этого не хочет видеть и упорно твердит, что схема не совпадает с реальностью. Да ведь Маркс об этом, по сути, и говорит!

«По схеме между производством прибавочной стоимости и её реализацией нет никакого внутреннего противоречия, напротив того, между ними есть внутреннее тождество».[3]

И опять верно! А в реальных отношениях это тождество (т.е. неразрывность, совместность) разделённого – производства и реализации – как раз и устанавливается через их противоречивое взаимодействие. Но одновременно и само противоречие, и иллюстрирующая его схема показывают, что с этой стороны (производства и реализации прибавочной стоимости) предела капиталу нет, его самовозрастание внутри себя границы не имеет. Предел капитала следует искать в ином, но это другой вопрос.

Фразу Маркса, что «рынок должен постоянно расширяться… Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства» Люксембург интерпретирует следующим образом: «согласно анализу III тома «Капитала» «рынок должен поэтому постоянно расширяться», «рынок», очевидно, должен выйти за пределы потребления рабочих и капиталистов».[4]

Во-первых, у Маркса нет ни слова о выходе «за пределы потребления рабочих и капиталистов». Это совершенно исключается в его анализе, в котором движение капитала рассматривается только на его собственной основе в рамках существования двух упомянутых классов.

Во вторых, Маркс в расширение рынка вкладывает совсем иной смысл. Внутреннее противоречие у Маркса – это противоречие между частным

[1] С. 240.
[2] С. 241.
[3] Там же.
[4] С. 242.

характером присвоения и общественным характером производства, характеризующегося в свою очередь производством прибавочной стоимости во всё больших количествах. Эту возрастающую стоимость можно реализовать только вне производства, выйдя за его рамки, т.е. за расширением производства должно следовать расширение рынка – таков смысл слов Маркса. Ни о каком выходе за пределы потребления рабочих и капиталистов здесь не может быть и речи. И производство, и потребление осуществляются во взаимном противоречии *внутри* капиталистического отношения.

Выход же на внешние рынки происходит в погоне за сверхприбылью, а также под давлением перепроизводства, связанного с непропорциональностью производства, имманентного капиталистическим отношениям.

Так и не обосновав логически своего предположения о невозможности расширенного воспроизводства внутри капиталистического отношения, т.е. саморазвития капитала, автор вновь подменяет этот вопрос другим – о реализации прибавочной стоимости, связывая реализацию только с наличием денег у капиталистов для покупки товаров, представляющих прибавочную стоимость, которая должна пойти на накопление, на расширение производства.

При этом она не смущается отсутствием логических доводов своей правоты и с милой непосредственностью, якобы всё уже доказано, переходит к утвердительной форме: «Если мы для простоты совершенно оставим в стороне потребительный фонд капиталистов, то реализация прибавочной стоимости в виде первого условия потребует круга покупателей вне капиталистического общества…

При этом мыслимы два различных случая. Капиталистическое производство поставляет средства потребления в количестве, превышающем его собственные потребности (потребности рабочих и капиталистов), и покупателями этих средств потребления являются некапиталистические слои и страны…

Капиталистическое производство поставляет средства производства в количестве, превышающем его собственные потребности, и находит покупателей в некапиталистических странах».[1]

Хотя эти обстоятельства выше были уже рассмотрены, но коль скоро автор заговорил о них снова, то повторим свои доводы и мы.

Некапиталистические покупатели дают взамен товаров только деньги – а капиталистам нужны средства производства, которые они могут купить только у себя. Проблема не решена, она только отодвинута на некоторое время и фактически изменена на другую – поиск источника денег для капиталистов на покупку средств производства.

Но деньги это не стоимость, а только знак её. Отдав покупателю стоимость и получив только её знак капиталист снова придёт к другому капиталисту за средствами производства, за стоимостью. Тогда зачем нужно вводить лишнее промежуточное звено? Эти деньги можно взять у другого капиталиста (банковского) в кредит – коль скоро автор волевым решением

[1] С. 246.

вводит внешних некапиталистов, то почему нельзя таким же образом ввести внутренних капиталистическому процессу кредиторов, которые, кстати, присутствуют в капиталистическом производстве с самого его зарождения?

И потом, если средства производства проданы (реализованы – по автору) некапиталистическому окружению, то где взять их для расширения производства, для накопления? Снова обращаться к некапиталистическому окружению и выкупать средства производства обратно?

Правда, автор видит уязвимость своей позиции. «В качестве второй предпосылки для накопления здесь выступает необходимость найти соответствующие вещественные элементы для расширения производства. Но откуда их взять, раз мы только что превратили прибавочную стоимость в форме продуктов I, т. е. средств производства – в деньги, и притом сбыли её вне капиталистического производства. Сделка, которая помогла нам в деле реализации прибавочной стоимости, в то же самое время лишила нас предпосылок для превращения этой реализованной прибавочной стоимости в форму производительного капитала. Таким образом оказывается, что мы попали из огня в полымя».[1]

Вот именно. Как же выбраться из этого пожара, уничтожающего все доводы автора. Да очень просто. Оказывается «растёт и потенциальная роль постоянного капитала. Для расширения производства прежде всего принимается во внимание сильнейшее напряжение этой части постоянного капитала, а не непосредственное увеличение её стоимости».[2]

Вот это новость! Оказывается к факторам производства неожиданно надо добавить для объяснения тупика, в который зашла Люксембург, совершенно невообразимые категории – «потенциальную роль» и «напряжение».

Очевидно, имеется ввиду, что расширение производства происходит не за счёт накопления, т.е. капитализации части прибавочной стоимости, что с вещественной стороны представляет собой ввод добавочного капитала, а за счёт более интенсивной эксплуатации («напряжения»!) постоянного капитала.

Но, во-первых, расширенное воспроизводство объяснено Марксом и при неизменном уровне «напряжения» постоянного капитала.

Во-вторых, даже если принять это «напряжение» во внимание, то повышение его уровня не может быть бесконечным, этот резерв будет практически тотчас исчерпан, а за счёт чего в дальнейшем расширять производство? Придётся увеличивать стоимость всего капитала путём капитализации части прибавочной стоимости, но это, по мнению автора, невозможно внутри капиталистического производства. Но, как это прекрасно видит и сама автор, невозможно и за счёт некапиталистического окружения. Тупик?..

Впрочем, Люксембург прибегает ещё к одной уловке.

«Но совершенно нельзя понять, почему все необходимые средства

[1] С. 249.
[2] Там же.

производства и средства потребления должны быть произведены только капиталистически. Правда, именно это допущение лежит в основе марксовой схемы накопления, но оно не соответствует ни повседневной практике и истории капитала, ни специфическому характеру этого способа производства».[1]

Да потому, что природу капиталистического способа производства (как и любого другого) надо объяснить из него самого, а не с помощью внешних подпорок, которые с развитием капитализма исчезают вовсе. Потому Маркс и велик, что он ищет и исследует сущность в явлении, а не явления без сущности. Он абстрагируется от всего не соответствующего сущности и только выяснив сущность усложняет проблему, конкретизируя её. Автор же слепо следует эмпирии, полностью ей подчиняясь.

Это подтверждается, в том числе, и её заявлением: «Насколько капиталистическое накопление зависит от этих некапиталистически произведенных средств производства, показывает хлопковый кризис в Англии».[2]

Здесь вообще всё поставлено с ног на голову. Прекращение подвоза сырья из некапиталистической, как считает автор, страны стало причиной кризиса. Не будем спорить, хотя Америку, из которой прекратился подвоз хлопка, в упомянутый период уже никак нельзя отнести к некапиталистическому окружению. Посмотрим на эту проблему по-другому – ведь если бы сырьё производилось в самом капиталистическом производстве, то кризиса не было бы и расширенное производство шло без задержек. Автор привела довод против своей гипотезы, как же она сама этого не увидела?

И вообще, вопрос о *реальном* развитии капитализма невозможно решить, прежде *теоретически* не выяснив его сущности, что и делает Маркс. Люксембург же, абсолютизируя эмпирию, обречена на слепое следование ей и постоянное впадение в формальные противоречия.

Можно предположить, что одним из истоков её ошибок является следующее заблуждение: «Капиталистический способ производства как таковой до настоящего времени, после нескольких столетий его развития, охватывает пока ещё лишь часть всего производства земного шара».[3]

И это говорится о капитализме начала 19 века, хотя ещё Маркс отмечал всемирный характер капиталистического производства, его определяющее влияние на весь мир. Люксембург подходит сугубо механически – наличие крестьянского хозяйства и самостоятельного ремесла является для неё признаком отсутствия или неразвитости капиталистических отношений. Она не желает видеть, что капитализм втянул в свою сферу и в свои законы все формы хозяйствования и все территории, которых он достиг.

Автор считает, что если бы капиталу «пришлось пользоваться исключительно только элементами производства, которые можно добыть в этих узких границах, он не достиг бы своей теперешней высоты, и его развитие вообще было бы невозможно».[4]

---

[1] С. 250.
[2] Там же.
[3] С. 251.
[4] С. 251.

Здесь следствие - взаимодействие капитала с некапиталистическими формами, принято за причину - высокое развитие капитала.

Люксембург никак не хочет освободиться от своего подхода – подмены теоретического анализа эмпирическим наблюдением.

«Решение проблемы в духе марксова учения заключается в диалектическом противоречии: капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде: оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду».[1]

Диалектика заключается в том, чтобы объяснить движение процесса, в нашем случае капиталистического общественного отношения, как его *самодвижение*, исходящее из *внутренних* причин, *внутренних* противоречий. Автор же на основании своих логически не подтверждённых выводов пытается найти источники *само*развития капитала во внешних ему обстоятельствах и при этом ссылается на диалектику!

И завершает Люксембург свой своеобразный анализ расширенного воспроизводства интереснейшим выводом, который, впрочем, она делает вынужденно, пытаясь спасти свою версию расширенного воспроизводства капитала.

«С точки зрения капиталистического производства внутренним рынком является капиталистический рынок – само это производство…

Внешним рынком для капитала является окружающая его некапиталистическая социальная среда (выделено мной), которая поглощает его продукты и поставляет ему элементы производства и рабочую силу. С этой точки зрения – точки зрения экономической – Германия и Англия в своём взаимном товарообмене являются друг для друга по преимуществу *внутренними* (выделено мной), капиталистическими рынками, в то время как обмен между германской промышленностью и германскими крестьянами как потребителями и производителями представляет собой для германского капитала *внешне рыночные* (выделено мной) отношения».[2]

Вот теперь всё становится на свои места. Оказывается, достаточно *внутренний* рынок германского (или любого иного) капитала волей автора объявить частично *внешним* (по отношению, например, к крестьянам) и Маркс опровергнут, а гипотеза автора о невозможности развития капитала за счёт своих внутренних потенций гармонично и непротиворечиво объяснена.

И ведь это говорится вполне серьёзно. Непонятно только, что такое «внешне рыночные отношения». То, что они происходят не по законам капиталистического рынка - тогда какого? То, что это вообще не рыночные отношения, а только внешне их копируют – тогда что они собой сущностно представляют? То, что действуют законы внешнего окружения (в авторской интерпретации законы крестьянского производства), а не капиталистически эквивалентного обмена – тогда что это за законы? Или что-то

[1] С. 258.
[2] Там же.

иное? И каким образом *социальная среда*, т.е. некая *структура* (общество, его группы, классы), может быть *рынком*, т.е. *отношениями* обмена? Этого мы уже не узнаем. Да и надо ли? Фиаско автора очевидно и причина его в том, что, не вникнув в диалектику Маркса нельзя понять во всей глубине выводы его анализа капиталистического производственного отношения. Тем более их нельзя опровергнуть, слепо следуя эмпирии, не выявляя в ней сущностные отношения, не отделяя их от явлений.

Завершая свою работу и возражая критикам Люксембург снова повторяет свои доводы: «допустив, что накопление началось и что расширенное производство в следующем году выбрасывает на рынок ещё большую массу товаров, чем в этом году, мы снова наталкиваемся на вопрос: где же мы т о г д а найдём покупателей для ещё более возросшего количества товаров?

Если нам ответят, что это возросшее количество товаров и в следующем году будет обменено капиталистами между собой и затрачивается ими всеми опять-таки для расширения производства, и так из года в год, то мы будем иметь перед собой карусель, которая вращается сама собой в пустом пространстве. Это будет в таком случае не капиталистическое накопление, т, е. не накопление денежного капитала, а нечто противоположное: производство товаров ради производства, стало быть, с точки зрения капитала совершеннейшая бессмыслица».[1]

Вот в чём корень ошибки автора – она понимает под накоплением капитала накопление только *денежного* капитала, т.е. одной из форм капитала.

В то время как Маркс под накоплением имеет ввиду накопление *производящего* капитала, который единственно и может производить прибавочную стоимость, являющуюся целью капиталистического производства.

Автор искусственно разделяет натуральную и денежную формы капитала, разводя их на разные несоотносящиеся полюсы. Тогда как для обмена продуктов в натуральной форме препятствий нет, что и показал Маркс. Что касается посредства денег, то это вопрос денежного обращения и метаморфоза товара, а не сути расширенного воспроизводства. Это разные вопросы, хотя и взаимосвязанные.

По указанной выше причине Люксембург постоянно подменяет накопление капитала накоплением денег как таковых, полагая, что деньги сами по себе есть капитал. Она абсолютизирует одну из форм капитала – денежную – которая является опосредствующим звеном в обращении капитала и может рассматриваться как капитал только в том случае, если деньги впоследствии помещаются в производство. Капитал – это самовозрастающая стоимость, деньги же сами по себе не возрастают, но только будучи переведёнными в форму производственного капитала. И, в итоге, накоплением капитала является не нахождение его в промежуточной форме денег, а увеличение производственного капитала.

Не удивительно, что автора так изумляет тот факт, что капиталисты покупают друг у друга и т.о. постоянно расширяют воспроизводство. По выражению автора – карусель, фактически – спираль, постоянное увеличение

[1] С. 385.

производства прибавочной стоимости. Т.е. капитал соответствует себе в самом себе.

Кстати, автор сама не замечает сформулированного ею парадокса – если капиталисты покупают у самих себя и т.о. расширяют производство из года в год, то это карусель, бессмыслица, производство ради производства. Но если капиталисты продают товары некапиталистическому окружению и за его счёт расширяют ежегодно производство (т.е. фактически делают то же самое), то это уже не карусель и не бессмыслица, а вполне осмысленное расширенное воспроизводство. Во втором случае, правда, непонятно, откуда берут они дополнительные средства производства, ведь они продали их на сторону и на руках у них только деньги (денежный капитал), но это для автора несущественный вопрос.

В качестве ещё одного подтверждения факта непонимания автором сути проблемы расширенного капиталистического производства можно привести и такое высказывание: «…основной вопрос с точки зрения капитала таков: можно ли получать и накоплять таким образом капиталистическую п р и б ы л ь? Лишь в таком случае можно было бы говорить о накоплении капитала…

Таким образом накопление прибыли как денежного капитала является именно специфической и весьма существенной чертой капиталистического производства».[1]

Ещё одно подтверждение того, что Люксембург путает накопление капитала как такового, с накоплением его в денежной форме. Разумеется, что накопление прибыли «является специфической… чертой капиталистического производства». Но в итоге накопляется не прибыль, являющаяся промежуточной (превращённой, по Марксу) формой прибавочной стоимости, а производящий капитал за счёт прибыли. Прибыль же можно только увеличивать (или уменьшать) в каждом цикле. Но даже при уменьшающейся (и абсолютно, и относительно) прибыли воспроизводство будет расширенным. Но по сути фразы Люксембург получается, что если прибыль уменьшается, то и накопление капитала прекращается.

Перевод прибавочной стоимости в денежную форму (прибыль) не самоцель для капитала, как это представляется автором, а промежуточный этап, опосредствующий в процессе накопления метаморфоз капитала.

В обоснование своего мнения Люксембург ссылается на Маркса: «Сам Маркс при рассмотрении накопления совокупного капитала отмечает «образование нового денежного капитала, сопровождающее действительное накопление и обусловливающее его при капиталистическом производстве».[2]

В том-то и дело, что Маркс как раз чётко и недвусмысленно разделяет накопление капитала в денежной форме («образование нового денежного капитала»), и «действительное накопление» (т.е. расширение производства), и первое только «сопровождает» и «обуславливает» второе, т.е. является промежуточной, опосредствующей формой. (Кстати,

[1] С. 395-396.
[2] С. 396.

промежуточная форма как таковая - денежный капитал - некоторое время может почти отсутствовать (хотя и с тяжёлыми последствиями для экономики) в метаморфозе капитала даже в современном производстве, что было доказано экономической реальностью России конца прошлого века (пресловутый бартер).

Непонимание Маркса приводит Люксембург к попытке объяснить внутренние процессы (возникновение и разрешение внутренних противоречий) внешним влиянием. Т.о. она выходит из исследования собственно капиталистического отношения и вводит условие, исключающее *само*развитие капитала. Но тем самым капитал становится эпифеноменом внешних ему отношений и будет полностью определяться ими, как таковой он несамостоятелен и вне внешнего ему существовать не может. Однако, в этом случае капитал никогда не смог бы подняться над внешним некапиталистическим окружением, тем более полностью подчинить его себе. Но сама действительность, эмпирия, которой так поклонятся Люксембург, опровергает её доводы.

***

Как частное замечание к выводам Люксембург можно отметить и не всегда верное понимание ею функции и роли денег. Она пишет – «…производство денег отпадает вместе с товарной формой продукта, т. е. с частной собственностью на средства производства».[1]

Ею забыта основная функция денег – быть мерой стоимости и потому опосредствовать обмен. В условиях разделения труда (это главное), наличия товарного обмена и неполной материальной обеспеченности общества (и глубже – необходимости учёта общественного и индивидуального «количества» труда) без этой меры не обойтись. Отказ от денег всего лишь приведёт к другой форме эквивалента стоимости, что сущностно одно и то же.

И ещё один ошибочный вывод, если принять его за обобщающий – «движение денег следует за обращением товаров».[2]

Отнюдь. Движение денег может следовать за движением товаров в частных случаях, но в своей совокупности это одно и то же встречное движение стоимостей. В первом случае в форме эквивалента, во втором – в натуральной форме. Здесь нет следования – движение одновременное. Да и рассмотрение самого факта обмена – обмена товаров в натуральной форме – показывает, что товары *одновременно* меняют владельцев. То обстоятельство, что поставка одних товаров и последующее приобретение других товаров разделены во времени, а оплата товаров может производиться после их поставки, относится к технической стороне дела, а не к сущностной, и не должно влиять на гносеологический анализ. Тем более, что в реальности предоплата (движение денег предшествует движению товаров) столь же распространена как и постоплата (движение товаров предшествует движению денег).

Деньги, доставаясь капиталу в наследство от предыдущих форм

[1] С. 62.
[2] С. 63.

общественного производства, по этой причине относительно самостоятельны в своём бытии и потому стремятся не только закрепить эту самостоятельность, но и принять на себя все функции капитала[1], что и создаёт видимость их производительности. По этой причине, принимая видимость за сущность, Люксембург и фетишизирует денежный капитал и денежное обращение, полагая, что именно они играют главенствующую роль в метаморфозе и, в итоге, в накоплении капитала.

***

На основании своих доводов Люксембург пытается сделать прогностические выводы об исторической судьбе капитала: «…капитал двояким образом подготовляет свою собственную гибель: во-первых, он своим расширением за счёт всех некапиталистических форм производства держит курс на тот момент, когда все человечество в действительности будет состоять из одних лишь капиталистов и наёмных пролетариев и когда дальнейшее расширение, следовательно, накопление, станет поэтому невозможным; во-вторых, он в то же самое время, по мере того как эта тенденция находит своё выражение, обостряет классовые противоречия, международную хозяйственную и политическую анархию настолько, что он должен вызвать восстание международного пролетариата против существования капиталистического господства задолго до осуществления крайнего результата экономического развития, т. е. задолго до того момента, когда будет достигнуто абсолютное и безраздельное господство капиталистического производства во всем мире».[2]

Во-первых, непонятно на чём основан столь гипостазированный вывод автора о том, что «все человечество в действительности будет состоять из одних лишь капиталистов и наёмных пролетариев». Даже при отсутствии иных экономических укладов, кроме капиталистического, необходимо будут существовать классы и группы населения, не занятые в производстве прибавочной стоимости – ведь надо обслуживать два указанных класса, подготавливать их к участию в производстве, обеспечивать безопасность и т.д. Но даже если это и так, то расширенное производство, как мы убедились, не остановится.

Во-вторых, поскольку расширение производства, вызванное накоплением капитала, не прерывается, то одним из следствий его является развитие материальной базы, что даёт возможность капиталу снижать уровень классовых противоречий за счёт определённого улучшения условий жизни работающих. Т.о. и надежда Люксембург на тенденцию обострения международной хозяйственной и политической анархии не находит подкрепления. Так что и с этой стороны вывод автора о «восстании международного пролетариата» также остаётся ничем не подтверждённым.

«Всеобщей тенденцией и конечным результатом этого процесса (накопления капитала – прим. моё) является исключительное мировое господство капиталистического производства. Если это состояние достигнуто, то

[1] В наше время роль денег в экономических процессах исключительно высока, но прибавочную стоимость при всём их значении они создать не могут.

[2] С. 387-388.

вступает в силу марксова схема: накопление, т. е. дальнейшая экспансия капитала, становится невозможным, капитализм попадает в тупик, он не может больше функционировать в качестве исторического двигателя развития производительных сил, он достигает своей объективной экономической границы. Противоречие марксовой схемы накопления в диалектическом смысле является лишь живым противоречием между стремлением капитала к безграничной экспансии и тем пределом, который он сам себе ставит путём все прогрессирующего разрушения всех других форм производства; это – противоречие между могущественными производительными силами, которые он в процессе своего накопления пробуждает во всем мире, и тем узким базисом, который он сам отводит себе благодаря законам накопления. Марксова схема накопления в её правильном понимании как раз своей неразрешимостью даёт точно поставленный прогноз экономически неизбежной гибели капитализма в результате процесса империалистической экспансии, специальной задачей которого является осуществление предпосылки Маркса, т. е. установление всеобщего безраздельного господства капитала». с. 459.

Рассмотрим выводы Люксембург по порядку.

1. Когда «вступает в силу марксова схема: накопление, т. е. дальнейшая экспансия капитала, становится невозможным».

   Маркс (марксова схема) доказывает обратное – накопление капитала осуществляется внутри его самого и предела не имеет. Накопление – это *внутреннее* отношение капитала, его самовозрастание, а экспансия – сугубо *внешнее* его действие, перемещение – а автор их отождествляет.
2. Капитал «не может больше функционировать в качестве исторического двигателя развития производительных сил, он достигает своей объективной экономической границы».

   В ошибочности этого вывода мы убедились.
3. «Противоречие марксовой схемы накопления в диалектическом смысле является лишь живым противоречием между стремлением капитала к безграничной экспансии и тем пределом, который он сам себе ставит путём все прогрессирующего разрушения всех других форм производства».

   Разрушение других форм производства *освобождает* место для капитала, а не *ограничивает* его!
4. «…противоречие между могущественными производительными силами … и тем узким базисом, который он (капитал) сам отводит себе благодаря законам накопления».

Люксембург дословно повторяет фразу Маркса «чем более развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление», которая цитировалось выше.

Но рост противоречивости капиталистических отношений, зафиксированный Марксом, не имеет следствием невозможность расширенного капиталистического производства, как это утверждает Люксембург. У Маркса дело обстоит противоположным образом – он недвусмысленно отмечает необходимость «совершенствовать производство и расширять его

размеры ради одного только сохранения и под угрозой гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться…». Но расширение рынка следует за расширение производства. Цитирование Маркса оборачивается против Люксембург.

5. «Марксова схема накопления в её правильном понимании как раз своей неразрешимостью даёт точно поставленный прогноз экономически неизбежной гибели капитализма в результате процесса империалистической экспансии, специальной задачей которого является осуществление предпосылки Маркса, т. е. установление всеобщего безраздельного господства капитала».

Эта неразрешимость, как мы видели, существует только в воображении автора. Да и установление всеобщего господства – это не задача экспансии капитала, а следствие сущности капиталистического общественного отношения.

***

Неразрешимость, по мнению Люксембург, схем, иллюстрирующих анализ Марксом капиталистического воспроизводства, является таковой только в её представлениях. Но именно эта кажущаяся неразрешимость, рассматриваемая диалектически – как внутренние противоречия, возникающие в процессе самодвижения капитала (а что может быть желаннее для диалектика, чем противоречия) - даёт возможность придти к совершенно иным выводам.[1]

1. Капиталистическому производственному отношению должно предшествовать достаточно развитое разделение труда. Только оно находится в основании обмена продуктами труда, в том числе предназначенных для расширенного воспроизводства.
2. Пропорциональность капиталистического производства сущностно невозможна. Только через постоянно воспроизводимые диспропорции возможно общее движение капиталистического хозяйства.
3. Капиталистическому производственному отношению должна предшествовать достаточно развитая сфера денежного обращения, прежде всего кредит.
4. Расширенное воспроизводство, основанное на капиталистических общественных отношениях, самодостаточно и внутренних ограничений для роста не имеет.

Только при этих условиях возможно возникновение и дальнейшее движение капиталистического производства.

Что же касается денег для реализации части прибавочной стоимости, идущей на расширенное воспроизводство, то эта проблема отсутствует, она исторически решена до возникновения капиталистических отношений. В противном случае, т.е. при отсутствии достаточно развитой финансовой сферы, возникновение капиталистических отношений и, соответственно, расширенное воспроизводство на его основе было бы невозможно – именно этот вывод следовало сделать Люксембург, это избавило бы её от

[1] В чём-то дополнительным к условиям возможности возникновения и функционирования капитала, сформулированным Марксом.

трактовки сущностных диалектических противоречий в формалистическом духе.

Дополнение.

Рассматривая производство золота как денег Р. Люксембург приходит к выводу, что «полученные Марксом результаты показывают, что производство денег нельзя подвести ни под одно из двух подразделений его схемы, не разрушая самой схемы».[1]

Здесь следует сказать, что строить на этих схемах доказательства верности или неверности его теории нельзя уже по той причине, что все т.н. схемы априори подстроены Марксом под полученные им логическим путём выводы - схемы служат *не доказательством*, а *иллюстрацией* к логическому анализу, помогающей понять сущность и характер капиталистического производства, не более того.

Отсутствие пропорциональности в схеме производства и обмена товаров и денег, на которую указывает Р. Люксембург, есть лишь косвенное доказательство того реального факта, что капиталистическое производство *принципиально, сущностно* непропорционально. Да и возможно ли простым арифметическим примером доказывать истинность логических выводов гораздо более высокого порядка?

Тем более что и сама Р. Люксембург ниже пишет «Но в капиталистическом хозяйстве нет никакой планомерной организации всего процесса. Поэтому он и не протекает в капиталистическом хозяйстве так гладко по математической формуле, как это показывает схема. Напротив того, кругооборот воспроизводства протекает при постоянных отклонениях от соотношений схемы.

… марксова схема при всех этих отклонениях представляет собой ту необходимую общественную среднюю, вокруг которой совершаются указанные движения и к которой они снова стремятся после того, как они от неё отклонились».[2]

«Итак, математические схемы служили Марксу лишь примером, и л л ю с т р а ц и е й его экономических мыслей».[3]

Т.е. Люксембург понимает иллюстративный характер схем, но по какой-то причине пытается выдать их за доказательную базу.

(К слову, принимая в начале своих рассуждений схему расширенного воспроизводства Маркса за форму теоретического доказательства, а не за иллюстрацию такового, как это делается самим Марксом, автор впоследствии, однако, весьма язвительно отзывается о выводах М. Туган-Барановского, с которыми она не согласна, на том только основании, что последний рассматривает «самую схему, т. е. арифметическое упражнение на бумаге как доказательство, что действительное положение вещей обстоит так, как это представлено в схеме… Тугану не нужно никаких доказательств, и он не ломает себе головы так как арифметические пропорции, к

[1] *Люксембург Р.* Накопление капитала. – С. 61.
[2] С. 63.
[3] С. 394.

его удовольствию, поддаются решению».[1] То обстоятельство, что сама Р. Люксембург в своих рассуждениях эти же схемы принимала за доказательство, её нисколько теперь не смущает. Дескать, что положено Юпитеру, не положено быку).

28.10.2013

Страсти по Мамедову

(Статья опубликована на сайте движения «Альтернативы»).

В журнале «TERRA ECONOMICUS» в 2016 году были опубликованы три статьи его главного редактора О.Ю. Мамедова под заглавиями: «Нам нужна не реиндустриализация, нам нужна – реэкономизация!», «”Троянский конь” директивности» и «В поисках “внеэкономического” производства» (соответственно № 4, № 2 и № 1).

Статьи примечательны тем, что во всех трёх статьях уважаемый профессор избрал объектом своей безоглядной критики всего лишь один экономический механизм – *плановость*, а предметом любвеобильной апологетики также только один феномен – *рынок*.

Подобных продуктов в наше время встречается немало и они уже в достаточно большой мере набили оскомину по простой причине – предельной идеологизированности рассмотрения, что имеет следствием подмену научности и всесторонности анализа верой в непогрешимость своего частного мнения. Именно этими соображениями, по большей части, проникнуты и статьи Мамедова. Сами по себе они не стоили бы внимания, если бы не его должность главного редактора серьёзного журнала, который использует служебные возможности для демонстрации своей ангажированности.

Казалось бы, спорить с идеологической ангажированностью бессмысленно – верующего человека, как показывает история, даже угрозой смерти не переубедить, но мы этого делать и не собираемся, рассмотрим доводы профессора сами по себе (в скобках указаны номера журналов).

В первой статье автор, подвергая сомнению идею о необходимости реиндустриализации, пытается доказать не только её невозможность, но и ненужность, обосновывая этот вывод тем, что реиндустриализация невозможна без применения плановых механизмов, но, поскольку, по мнению Мамедова, плановость имеет следствием усиление роли государства, то это будет гибельным для экономики в целом и потому предпочтение следует отдать рынку в чистом виде без какого-бы то ни было участия государства. Но не будем голословными, дадим слово профессору.

Бросается в глаза, что Мамедов как-то пренебрежительно пишет о «модной в последнее время идеи реиндустриализации нашей экономики» (№ 4).

Не модной, уважаемый профессор, а *жизненно* необходимой. И не в последнее время, а с восьмидесятых (как минимум) годов прошлого века. В

[1] С. 218.

последнее же время эту тему весьма грубо навязывает сама жизнь – *либо реиндустриализация, либо архаизация, депопуляция и дегосударствизация.*

Словечко «модно», совершенно неуместно для обстоятельного разговора на данную тему и, тем более, для серьёзного учёного. Тем не менее, автор вполне сознательно употребляет термин, пошло звучащий применительно к тяжёлому состоянию нашей экономики, и, тем самым, принижает важность проблемы реиндустриализации. Причина такого пренебрежения объясняется стойким неприятием Мамедовым какого-бы то ни было влияния государства на экономику, поскольку «большинство публикаций о реиндустриализации, намеренно или стыдливо, но признают её государственную сущность» (№ 4). А это, считает Мамедов, смертный грех.

Тем более, что, как оказывается по Мамедову, «реиндустриализация – почти принятая модель развития отечественной экономики на предстоящий посткризисный период» (№ 4), а это, согласно взглядам автора, чревато тяжёлыми последствиями. Его бы устами да мёд пить (имеется ввиду заявление, что модель реиндустриализации почти принята). Увы, это утка, вылетевшая из-под пера автора. Где он увидел эту «принятую модель»? Да она дружно третируется либералами во власти и мамедовыми в либеральствующей печати. Разговоры либералов и некоторых чиновников от власти о реиндустриализации являются не более чем дымовой завесой, призванной отвлечь внимание общественности от тяжёлых проблем общества, мы ни на шаг к ней не приближаемся. Даже наоборот, всякое промедление делает её всё более проблематичной. Но Мамедов стоит на своём – только бы не участие государства в реиндустриализации.

Причём интересен путь, которым следует, по мысли автора, реиндустриализироваться, если уж этого не избежать – «сначала надо определить, что такое реиндустриализация и каков её санационный потенциал, затем поставить диагноз проблем российской экономики, а потом уже совместить оба полученных результата, чтобы определить – может ли реиндустриализация решить проблемы российской экономики?» (№ 4).

Вообще-то при решении проблем ответственные люди делают как раз наоборот – сначала ставят диагноз, а затем определяют, что предпринять. Совмещение же результатов (хотя логично было бы говорить об их проверке, а не о каком-то неуместном совмещении) того и другого возможно только апостериори, в процессе реального преобразования экономики, но никак не априори – подобные процедуры «совмещения», предпринимаемые на профессорских кафедрах и совершенно не учитывающие реальности (сиречь «оврагов» по которым ходит действительное производство) как раз и приводят экономику к такому состоянию, в котором она сейчас и находится. И, к слову, потенциал реиндустриализации *созидательный*, остаётся только догадываться, что автор имел ввиду, говоря о её «санационном», т.е. разрушительном потенциале. И это ещё один идеологический посыл автора, как бы невзначай им подсунутый.

Как далее выясняется «э*кономическая* суть реиндустриализации… – это стимулирование экономического роста за счёт государственного бюджета, в целях модернизации устаревших и появления новых отраслей промышленности» (№ 4).

Даже если согласиться с авторским видением процесса реиндустриализации, то формулировку следует признать совершенно нелогичной. Всё происходит с точностью до наоборот - вначале пусть даже «за счёт государственного бюджета» происходит «модернизация устаревших и появление новых отраслей промышленности», и только затем следует (а может и не следует, это будет зависеть от того, *кто и как* проводит модернизацию) «экономический рост». Следует отметить авторский акцент исключительно на государственном бюджете как источнике средств для модернизации (как будто других источников в природе не существует). Как мы впоследствии увидим это сделано Мамедовым не случайно, а вполне намеренно, чтобы дискредитировать необходимость участия и роль государства в реиндустриализации.

И здесь Мамедов проговаривается о главном, ради чего и была им написана обсуждаемая статья, это буквально крик души либерала, у которого злые люди собрались отобрать любимую игрушку – рынок. О, ужас, «поневоле возникает подозрение – уж не для противодействия ли рыночным реформам задумана технократическая идея “реиндустриализации”»? И действительно, тут же следует сакраментальный вопрос: «Но, позвольте, а чем же мы занимались последние 15 лет, если не этим же» (№ 4)? А дальше у автора только восклицательные и вопросительные знаки – до чего, дескать, довели экономику

Но, оказывается Мамедов расстроен не тем, в каком убогом состоянии находится экономика страны, а увеличением присутствия государства в экономике: «Так стоило ли ради этого (т.е. ради вмешательства государства – прим. наше) целому поколению куролесить по социальным буеракам, чтобы оказаться там, откуда оно вышло 25 лет назад?» (№ 4).

Наш катедер-экономист демонстрирует странную логику – он как бы не видит, что именно либерально-рыночные реформы привели экономику к такому жуткому результату, что даже либералы, находящиеся у власти уже четверть века, были *вынуждены* использовать силу государства для, хотя бы некоторого, приостановления падения, о росте и речи нет. И насколько же лицемерен профессор в пассаже о возвращении экономики к пункту, из которого она вышла, якобы, 25 лет назад. Да если бы экономика вернулась к тому пункту и речи бы не было о дилемме реиндустриализация-катастрофа, был бы хоть какой-то, пусть и устаревший, индустриальный потенциал. Неужели он говорит это всерьёз, неужели не чувствует разницы?

Для закрепления утверждения о порочности участия государства в усилении экономики повторяется, по сути, прежний пассаж: ««Но самый большой порок реиндустриализации заключается в том, что в ее модели основным источником роста национальной экономики по-прежнему остается государственный бюджет, и до сих пор другого источника не создано… бизнес так и не стал у нас не только ведущим, но даже самостоятельным сектором экономики» (№ 4). И снова, как это обычно и бывает в недостоверных утверждениях, логическое противоречие: то государство является «основным источником» средств, то оказывается, что «другого источника не создано». Но если государство «основной» источник, значит есть и другие, не-основные – а это уж никак не отсутствие других источников. И

заявление, что «бизнес так и не стал самостоятельным сектором экономики» есть не что иное, как косвенное признание наличия другого, пусть и «несамостоятельного» источника финансирования. О причинах же «несамостоятельности» бизнеса Мамедов предпочитает не говорить, иначе придётся соскользнуть на совершенно другую тему – тему коррупции и всесилия высшего (прежде всего и главным образом) чиновничества. При этом придётся признать, что не государство само по себе создаёт коррупционные схемы, а чиновничество, используя авторитет и силу государства.

Ну а кто виноват в сложившемся статус кво? Либеральный режим вот уже много лет создаёт крупному бизнесу, прежде всего сырьевому и финансовому, огромные преимущества перед всеми другими формами предпринимательства и получает от этого свою баснословную бюрократическую ренту. Фактически получается, что Мамедов, протестуя против участия абстрактного государства, протестует не против коррупционного режима, а против того, чтобы, сломав коррупционные схемы, направить средства, разворовываемые сейчас чиновно-олигархическим кланом, на реиндустриализацию страны.

И это при том, что Мамедов отмечает полный провал режима – «мы так часто наблюдали неэффективность расходования бюджета на разного рода амбициозные проекты и такие масштабы его расхищения (по последним данным до 50,5% нашей экономики «укрывается» от государства в тени)», и потому «в последние годы движение нашей экономики идёт по кругу: от кризиса – к кризису» (№ 4). Так что же, и дальше ничего не делать и молча развалиться окончательно?

Ведь и сам Мамедов признаёт – «проблемы нашей экономики порождены тем, как она организована сегодня,… причины кризиса российской экономики заложены в самой ее организации,… нами создана диковинная, «кризисогенерирующая» организация экономики» (№ 4).

Так почему бы не сказать об этом прямо – это создано не безличными «нами» и не абстрактным государством, это существующий властный режим, представленный конкретными лицами, разрушительно действует на экономику, это их конкретные, вполне сознательные, антиэкономические действия ведут к деградации страны, а не принцип участия государства в экономике как таковой. И в этом пункте мы выходим на верхний уровень общественных производственных отношений (которые, кстати, Маркс определял как отношения воспроизводства *жизнедеятельности в целом* и только потом как собственно отношения в процессе производства) – в сферу политических отношений, которые являются концентрированным выражением экономических отношений. И тогда становится ясно, что без смены политического вектора развития и, прежде всего, политического руководства страны, формирующего этот вектор, никакая реиндустриализация невозможна в принципе. Но Мамедов этого упрямо не желает видеть. Впрочем, мы отвлеклись, вернёмся к его сентенциям.

Поскольку от глубокого *научного* анализа механизма плановости Мамедов сознательно уклоняется, то ему не остаётся ничего иного, как скатиться к сугубо эмоциональным восклицаниям: дескать, это «управленческая туманность, имя которой – “планирование”», и потому планирование не что

иное как «примитивный инструмент» (№ 2).

Эти эмоциональные инвективы Мамедов дополняет утверждениями и вовсе противоречащими исторической правде – «ни в одной стране приписываемые планированию достоинства не были им продемонстрированы» (№ 2). Комментировать это даже как-то неловко, а потому достаточно напомнить, что без вмешательства государства в экономику (пусть и не всегда компетентного) не было бы индустриализации, восстановления народного хозяйства после войны, последующих достижений мирового уровня в науке и современных сферах производства. Тот же факт, что эффективность советской экономики снизилась к 70-80 года прошлого века, свидетельствует о том, что механизмы планирования должны соответствовать сложности экономики, т.е. постоянно изменяться, совершенствоваться, усложняться. Более того, не просто соответствовать уровню и сложности экономики, а опережать её, видеть перспективу, что возможно только на научной базе и, прежде всего, на базе политэкономии, застрявшей в советское время в 30-40 годах и далее «Экономических проблем социализма» практически не продвинувшейся. Но это особая тема.

Следует сказать, что Мамедов является противником не всякого планирования: «Соглашаясь с достоинствами всех видов планирования, мы отказываем в них только *макроэкономическому планированию.*

…Эта опасность, по нашему мнению, исходит от того, что субъектом макроэкономического планирования может выступать *только государство*. Необходимость и неизбежность в обозримой исторической перспективе *государственной* организации общественной жизни и общественного производства… – вот в чем мы усматриваем опасность «внеэкономического» планирования для экономики» (№ 2).

Отрадно уже то, что Мамедов признаёт хотя бы возможность планирования на уровне единичного и особенного – предприятия и отрасли. Впрочем, сторонникурынка было бы весьма странно против этого возражать – любой капиталист, будучи яростным противником планового ограничения его самого, является ещё более ярым сторонником весьма жёсткого планирования внутри его собственного предприятия. Здесь Мамедов только следует в хвосте эмпирии, не смея противоречить исторически сложившейся капиталистической практике. Интересно, что он скажет, когда монополизация капитала достигнет такого уровня, что капитал будет планировать экономические процессы в масштабах государств. А до этого не так уж и далеко…

В приведенных утверждениях Мамедова интересно то, что единственным аргументом против участия государства в воздействии на экономику является его личный экзистенциальный страх перед этим фактом и ничего более. Никаких научно обоснованных экономических (тем более политэкономических) доводов не предоставлено. Да с точки зрения политэкономии таких доводов и не существует.

И причина этого экзистенциального страха Мамедова имеет объяснение со стороны самого Мамедова: «макроэкономическое планирование – не просто обещание общественно-рационального (и потому – социально-эффективного) использования ограниченных природных ресурсов, оно

претендует на нечто большее – на превращение в инструмент *сознательного* регулирования *общественного* производства, т.е. экономики, а с ним – и всего общества.

…Что означает «сознательное регулирование экономики»? По-настоящему – это предложение перевернуть объективный механизм движения и организации общественного производства, заменив его «сознательным» планированием. В результате такой «перевернутости», пусть в теоретической модели, но надстройка становится базисом, а базис – надстройкой!

Это – отказ от научного экономического мировоззрения,… это – отказ от политико-экономической науки» (№ 2).

Вот именно, профессор! Сознательного воздействия всего общества на все общественные процессы, в том числе и экономические. Здесь каждое слово важно и стоит на своём месте. Мамедов невольно выразил суть свободного общества свободных людей и ужаснулся этому. Вот чего так боятся либералы и наш автор вкупе с ними. Но именно такое общество и является целью людей, защищающих свою человеческую сущность. Как видно, Мамедов себя к ним не относит.

Обращает на себя внимание и употребление Мамедовым понятий, никакого отношения не имеющих к защищаемой им парадигме рынка – базис и надстройка. Очевидно таким эклектическим посылом к марксизму (о, якобы, недопустимости пресловутой «перевёрнутости» базиса и надстройки) он пытается оправдать своё мнение. Странный приём – апологет рынка за доказательствами апеллирует к теории, считающей рынок исторически преходящим общественным феноменом.

В путанице соотношения базиса и надстройки Мамедов демонстрирует худшие черты советского официозного «марксизма», хотя он, наверное, прошёл советскую, также официозную, школу диалектики и политэкономии. Да ведь именно во *взаимном влиянии* базиса и надстройки заключается диалектичность общественного развития. На разных этапах общественного развития меняется активная роль того и другого. Даже обожаемый им рынок, сиречь капитализм, вступил на историческую сцену только тогда, когда появился новый класс и соответствующие ему общественные отношения и этот класс активными действиями *завоевал* гегемонию – т.е. свою идеологию (= надстройку) навязал всему обществу, а затем быстро перестроил и базис.

Кстати, и у Мамедова после вышесказанного следует пассаж, опровергающий утверждение о недопустимости «перевёрнутости»: «Экономика – дитя Природы и Общества. Своей «природной» стороной она независима от общества, своей же «социальной» стороной она подчинена обществу. Эта двойственная сущность экономики обрекает ее на сложнейшую диалектику – она и зависима от общества, и не зависима; она и управляет обществом, и сама им управляется» (№ 2). Другими словами, экономика зависима от общества, т.е. в значительной степени от надстройки.

В другой статье Мамедов пишет ещё более определённо: «диалектическая сущность экономики представлена определением ее именно как «общественного производства», потому что в той степени, в какой экономика является «производством», вот в этой степени она объективна, а в той, в

какой она «общественна», вот в той степени она субъективна.

…В этих двух взаимоисключающих состояниях: она и объективна (как производственный процесс она подчиняется императивам природы), она и субъективна (как общественный процесс она подчиняется социальным императивам).

…В долгосрочном периоде доминируют производственные императивы, т.е. объективное, тогда как в краткосрочном доминируют общественные императивы, т.е. субъективное» (№ 1).

Т.е. экономика и объективна, и субъективна. Или, другими словами, экономика определяется как базисом, так и надстройкой (социальные, общественные императивы по Мамедову). Но они, в отличие от утверждения Мамедова, не только «взаимоисключают» друг друга, но и, напротив, одновременно *дополняют* – в этом их диалектичность.

Вот так Мамедов создаёт самому себе страшилки и мужественно их преодолевает, не замечая, впрочем, противоречий, которые громоздит одно на другое.

Так что если кто и отказывается от «научного экономического мировоззрения и от политико-экономической науки», то это сам Мамедов.

Отметим ещё одно интересное эмпирическое наблюдение Мамедова о социалистической «системе, за семьдесят лет ни единого дня не функционировавшей в нормальных (неэкстремальных) условиях, как это присуще любой самоорганизуемой экономике» (№ 2).

Автор сформулировал весьма серьёзное условие развития советской экономики, – экстремальные условия, - но даже не понял, что именно эти условия, *условия перехода от одних общественных отношений к принципиально иным*, диктовали императивность государственного вмешательства и плановости. Отдай руководство страны всю экономику в руки «самоорганизации» и, можно утверждать это совершенно уверенно, Мамедов не имел бы сегодня возможности писать о недопустимости плановости (скорее всего и самого Мамедова не было бы). Вновь вместо исследования условий – пренебрежение ими. И это научность? И ещё небольшое дополнение – где он видел самоорганизующуюся экономику, кроме как в учебниках экономикс? Таких в природе не существует, на экономику любого государства оказывается то или иное воздействие со стороны государства и даже надгосударственных органов – даже неудобно упоминать об этом тривиальном факте.

Приведём ещё одну цитату, косвенно третирующую плановость: «непредсказуемость и есть *жизнь* экономики, механизм ее движения. Преодоление непредсказуемости просто убьет экономику, останется только угрюмое, внесоциальное Производство» (№ 2).

Это просто шедевр: механизм движения экономики – её непредсказуемость. И это говорит человек, молящийся на рынок. А как же игра спроса и предложения, конкуренция, стремление к прибыльности, свобода движения капитала и т.д. – т.е. все те *рыночные механизмы*, которые только и движут рыночную экономику? И ещё совершенно дикое утверждение - если экономику сделать предсказуемой она погибнет. Но ведь все перечисленные механизмы даже в свободном рынке (которого, кстати, никогда и

нигде не было) используются участниками рынка не вслепую, а на основании анализа и прогноза, т.е. рынок относительно прогнозируется (*предсказывается*) и по-иному никто из его агентов не действует. И ещё вопрос – почему производство «внесоциальное»? Оно давно уже общественное, как сам Мамедов неоднократно говорит, и, значит самое что ни на есть социальное? Ну уж а указание на «угрюмость» предсказуемой экономики сделано, очевидно, для усугубления впечатления об ужасности этой самой предсказуемости – и как жить в условиях предсказуемости честному рыночнику? Хорош уровень научности!..

Завершим обзор критических замечаний относительно плановости и вмешательства государства цитатой: «"государственная экономика" – это и есть "государственный социализм": расходы – общие, за счет всего общества, а доходы – одной группе, бюрократии» (№ 2).

Чего здесь больше – глупости или ненависти? Думаю, второго. Подивимся и отойдём на всякий случай подальше. Но зато каков градус «научности» у человека, который в советское время доказывал обратное. Ему бы не перо, а топор и факел…

Посмотрим теперь, за что Мамедов так обожает рынок.

Прежде всего, выясним, что же в понимании Мамедова представляет собой рынок.

«И теоретически, и практически такое системное изменение, способное охватить и преобразовать всю национальную экономику, известно каждому экономисту, так как называется оно – РЫНОК: система последовательного перевода всех отраслей и сфер на рыночные основы функционирования» (№ 1).

Во-первых, в этом утверждении нет смысла. По Мамедову получается, что рынок - это перевод на рыночные основы функционирования. Тавтология…

Мамедов продолжает: «Реальный переход к рынку включает то, о чем говорили либералы все эти годы, – сокращение роли государства в экономике, развитие мелкого и среднего предпринимательства, развитие реальной конкуренции, снижение налогового бремени» (№ 1).

Какое убогое представление о *современном* рынке! А как же роль монополий, а роль финансового капитала, а противостояние государств и их блоков, а недостаток ресурсов, а лишние руки, а экология, а…. и много ещё чего? Но главное в том, что всё им перечисленное ещё далеко не рынок, даже если это и имеет место в действительности.

Наконец следует более внятное определение: «рынок всегда и везде есть система эквивалентно-возмездного обмена разнополезными результатами общественного труда» (№ 1).

Простим профессору ещё одну сущностную политэкономическую ошибку – на рынке обмениваются *равнополезные*, т.е. полезные для *обеих* сторон обмена продукты труда, а иначе и обмена не будет. Впрочем, не будем придираться.

Но суть рыночных отношений выражена верно – это 1. обмен продуктами труда (в обмене выступают в форме товаров), которые 2. необходимы (полезны) каждой из сторон обмена и 3. обмен осуществляется на

основании некоторого критерия равности товаров (по стоимости). В этих пунктах *сущностное* определение рынка, его *понятие*.

Но реализация данных *общих* принципов может осуществляться в многообразных формах в зависимости от конкретных исторически сложившихся общественных условий – т.е. в *особенных* формах.

Существовал ли рынок в первобытном обществе? С того момента как был произведён первый обмен – несомненно, иначе не возникли бы новые общественные отношения и не было бы общественного развития. (Во избежание кривотолков здесь же скажем, что отношения обмена (рынок) есть только одна из сторон многообразных общественных отношений, отнюдь не определяющая вектор общественного развития, хотя и очень важная). Обобщая скажем, что каждая форма общества имела свою форму обмена, т.е. свою форму рынка и каждая из этих форм зависела от конкретных, исторически сложившихся, условий. Именно эти условия и следует изучать при исследовании форм рынков, а не фетишизировать рыночные отношения как таковые.

Отметим, что в приведенном определении рынка *нет никаких условий, налагающих ограничения на участие государства* в формировании рыночных отношений не только как равноправного участника рынка, но и как внешнего рынку агента, определяющего какие-либо правила функционирования рынка в соответствии с названными условиями. Более того, государство как сила, стоящая над обществом в целом, необходимо будет влиять на рыночные отношения в своих интересах и эти интересы не всегда будут совпадать с интересами участников рынка. Но такие действия государства это, как правило, императив, диктуемый исторически сложившимися условиями. Вот пример научного подхода, не отягощённого эмоциональными всплесками и идеологическими заблуждениями.

Продолжим рассмотрение доводов Мамедова.

Если, по его словам, «чистая плановая экономика – когда один человек или группа лиц контролирует – что производится, а все предприятия работают вместе, изготавливая товары и услуги, которые планируются и распределяются правительством. Такие страны также называют «командной экономикой», то «чистая рыночная (капиталистическая) система совершенно свободна от внешнего контроля» (№2).

В своих сентенциях Мамедов повторяет мантры западных экономистов и идеологов, причём мантры с точки зрения логики лживые. В данном случае кто всё-таки планирует и распределяет – один человек, группа лиц или правительство? Неужели нет разницы? И, главное, *от чьего имени и в чьих интересах действует правительство*? Нетрудно сообразить, что в капиталистическом обществе – в интересах крупного капитала, в социалистическом – в интересах всего общества. Именно для затушёвывания этой разницы и выдуман западными экономистами сугубо идеологический термин «командная экономика». И Мамедов апологет именно такого идеологического подхода, не имеющего ничего общего с научностью.

Что касается «чистой рыночной системы», то где автор углядел таковую? А законы, регулирующие взаимоотношения частных капиталов, а межгосударственные соглашения о производстве и торговле, а

монополистические сговоры, подавляющие конкурентов, а государственный бюджет, наконец, прямо влияющий на экономику? Можно назвать и такой пример «невмешательства» государства в экономику, как меры нового американского президента, по возвращению реального производства и, следовательно, капитала в страну. Названы только некоторые механизмы вмешательства государства в капиталистическую экономику, можно долго продолжать.

Мамедов пишет: «с рыночной экономикой приходят многие преимущества, главным из которых являются высокие темпы экономического развития» (№ 2). Про темпы лучше бы умолчал, тем более на фоне нынешнего застоя. Особенно высоки, надо думать, эти темпы в периоды кризисов. Эти же кризисы следует, очевидно, внести в список преимуществ.

Ещё Мамедова «поражает правдивость характеристики рыночной системы, не утаивающей негативные последствия «неплановой» экономики».

Но тут же, говоря о российской экономике, вошедшей в рынок, заявляет, что «прошло почти три десятка лет, а эпоха «лукавой цифры» – продолжается». А также, что в рыночной экономике «не существует никаких правил для обеспечения равенства и справедливости» (№ 2).

Чему же верить в столь щедром размахе определений?

Ещё интереснее следующее определение экономики: «экономика – не производство. Экономика – это система общественного производства, вырастающая из общественного разделения труда, которое требует не столько общественной координации затрат этого труда, сколько соизмерения результатов качественно различных видов труда. А это можно сделать только через приведение их к единому выражению, имя которому – стоимость. Поэтому планировать экономику – значит планировать стоимость. А такое планирование практически неосуществимо, так как стоимость порождается непредсказуемой конкуренцией независимых, самостоятельных, неогосударствленных производителей и потребителей» (№ 2).

Эх, политэконом… Вот результат усвоенного Мамедовым забетонировавшегося советского политэкономического официоза и полного непонимания диалектики – именно той диалектики, которую и советовал штудировать Ленин – по Гегелю. Нельзя отделять производство от экономики в целом – они тождественны, т.е. нераздельны. Более того – экономика это, прежде всего, производство, без которого нет потребления, в том числе производственного.

Далее – «соизмерение результатов качественно различных видов труда» это и есть «общественная координация затрат этого труда» - здесь у Мамедова тавтология.

Пассаж о том, что «планировать экономику – значит планировать стоимость» свидетельствует о непонимании Мамедовым сущности стоимости и её места в экономических отношениях. Да, сравнение затрат труда и обмен товаров происходит посредством стоимости, но планируется даже в рыночной экономике не стоимость, а все факторы производства к которым, в самом общем виде, относятся основной и оборотный капиталы. И такое планирование не просто возможно, оно действительно осуществляется в рыночной (и не только рыночной) экономике – ему ли не знать.

И ещё - стоимость *создаётся* в производстве, а в обмене только *проявляется* в форме меновой стоимости, которая и определяет цену, но не «порождается» конкуренцией. Конкуренция влияет только на размер цены. Мамедов снова всё перепутал.

К чести Мамедова следует сказать, что он не рассматривает рынок как вечный придаток к человеческому обществу. «Рынок уйдет с исторической сцены только при одном условии – когда отпадёт, исчезнет потребность (а потому и необходимость) в эквивалентно-возмездном обмене разнополезными результатами общественного труда» (№ 1).

Если бы эту предельно абстрактную декларацию автор дополнил условиями «отпадения», то тогда и выяснилось бы, что главным из них будет ликвидация частной собственности на средства производства. Именно она создаёт условия для дико-неэквивалентного обмена – одни продают свою рабочую силу, а другие присваивают продукт, произведённый первыми. Какая уж тут эквивалентность! Но автор предусмотрительно далее общей абстракции не пошёл, а то рухнула бы вся конструкция старательно возводимого им здания «справедливого и незаменимого» рынка.

Но что же предлагается Мамедовым взамен реиндустриализации? В противовес *реиндустриализации* профессор выдвигает идею *экономизации* – «нужна не реиндустриализация, а – РЕЭКОНОМИЗАЦИЯ, т.е. продолжение рыночных реформ» (№ 4).

А что представляет собой эта самая экономизация? Оказывается, достаточно «построить социальную систему, которая генерирует стоимость. Эта система называется "рынок"», поскольку, де, «именно из-за отсутствия рынка мы проигрываем стоимостную конкуренцию с другими странами (№ 4)».

Позвольте, профессор, стоимость «генерируется» *в производстве*, а не в некой выдуманной социальной системе. Чтобы знать это нет необходимости заглядывать в «Капитал», сей факт известен со времён А. Смита. А в «социальной системе» под названием «рынок» стоимость только выходит на поверхность общественных отношений (конкретно – отношений обмена), она *проявляется*, материализуется в форме цены, или, как модно сейчас выражаться, актуализируется и институализируется. Не будет производства – не будет и стоимости. До рынка дело даже не дойдёт! И именно отсталость и деградация производства ставят нас в крайне невыгодное положение в *любом* рынке, а не «отсутствие рынка». Именно по этой нехитрой причине «мы проигрываем стоимостную конкуренцию» со всеми странами, которые принято относить к разряду развитых. Именно по этой причине стране крайне необходима *реиндустриализация*, а не липовая «экономизация» - вот что говорит научный подход.

Но Мамедов, вопреки реальности и политэкономической науке, продолжает гнуть своё. «Современное общество характеризуется множеством критериев цивилизованности, но все они вторичны, будучи порождением «экономизации» производства – главным, основным, базовым критерием цивилизованности социума. Сегодня неэкономизированного производства не существует, различна только степень его экономизации». И даже более того, «чем выше эта степень, тем цивилизованнее общество» (№ 1).

Если вспомнить, что под экономизацией Мамедов понимает абсолютную рыночность, т.е. наличие полностью самостоятельной, ни от чего не зависящей и довлеющей над обществом сферы обмена (и где он видел такую?), то возникают сомнения по поводу адекватности его представлений.

Если согласиться с профессором, то следует отказать в цивилизованности древним Шумеру, Месопотамии, Вавилону, Египту с их высочайшей культурой земледелия и строительства. Не признавать цивилизованными древних греков, без философии которых не было бы современной философии. Считать варварами древних римлян, создавших великое государство и право, до сих пор именуемое римским. А о творцах средневековья, создавших шедевры литературы, живописи, архитектуры, а вкупе с ними французских просветителях и немецких философах-классиках и говорить нечего. Тем более нечего соваться со своим свиным рылом в цивилизованность по Мамедову России в любой её государственной ипостаси. Вот такая научность!

Но наш профессор, слава богу, всё-таки нашёл для сермяжной России лазейку в цивилизованность, спасибо ему.

«Основное системное противоречие между индустриальной («неглобализированной») и постиндустриальной («глобализированной») экономиками состоит в том, что для полноценного эффективного участия в глобальной экономике нам надо интегрироваться в неё в такой степени, которая требует передачи некоторых экономических функций наднациональным, международным экономическим институтам» (№ 1).

Я даже особо выделю соль идеи – «*нам надо интегрироваться в неё в такой степени, которая требует передачи некоторых экономических функций наднациональным, международным экономическим институтам*».

Вот профессор и назвал тот главный исключительно *идеологический* постулат, которым он и руководствуется в написании своих статей о чудодейственных возможностях рынка.

По Мамедову следует подчинить слабую и примитивную по современным меркам российскую экономику мощной и агрессивной экономике Запада, которую он умильно именует «глобализированной» и наделяет «глобальными возможностями». Да что там экономика, коготок увяз всей птичке пропасть – полная политическая зависимость воспоследствует незамедлительно. Такой итог непонятен разве что нашему профессору. Впрочем, скорее всего, более чем понятен, но заказ следует отработать добросовестно, а потому чего стесняться – пусть ваш сверчок знает свой шесток.

И ради вот этого примитивного совета аж в трёх журналах городился огород про «управленческую туманность, имя которой – “планирование”», её «примитивный инструмент», «командную экономику», ужас «государственного вмешательства» и дикую «нецивилизованность». И этот гнилой идеологический винегрет периодически сдабривался уверениями в его «научности».

А ведь этот человек наверняка уверенно твердил студентам в советское время о безальтернативности плановости, так же как сейчас на голубом глазу вбивает им в голову идею безальтернативности рынка. Как же можно

ему верить? Люди с такой резиновой гибкостью мысли и совести будут утверждать что угодно: нужна плановость – пожалуйста, нужен рынок – не извольте беспокоиться. Так что впредь, встречая опусы Мамедова, будем бдительны – такой предельно идеологически ангажированный «учёный» способен в раже выполнения социального заказа заявить что угодно.

16.02.2017

О сущности кризисов.

В прессе и на различных сайтах звучит множество предложений о создании новой модели кризисов, поскольку старые модели не соответствуют реальности. Уже сама постановка вопроса о создании новой модели кризиса показывает внутреннюю несостоятельность такого подхода – каждой новой форме кризиса требуется создавать собственную модель (и до каких пор?), тогда как не гораздо ли более верным является подход, ищущий причину не в явлении, внешнем, которое всегда есть единичное либо, в лучшем случае, особенное, а в сущности исследуемого феномена, выявляя в нём общее и необходимое, которое в разных условиях проявляется уже в форме особенного и единичного.

Другими словами – сущность кризисов следует искать в сущности общественных отношений, формы же кризисов (модели) будут производными от конкретных исторических условий жизнедеятельности общества, прежде всего экономических, но не исключительно только их.

Однако, невозможно понять суть кризисных явлений, не исследовав прежде, хотя бы в самых общих чертах, той основы, которая их порождает вновь и вновь – капиталистического общественного отношения. По этой причине именно с него и начнём анализ.

О сущностной основе и диалектике капиталистического общественного отношения

В дальнейшем анализе будем исходить из идей, высказанных Спинозой – о субстанциональности природы как тождества материального и идеального (протяжённости и мышления), и Гегелем – о субъектности субстанции, саморазвитии её посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий.

Принцип субстанциональности, проявляющийся в саморазвитии, осуществляемом через снятие предыдущего противоречивого состояния и возникновении качественно нового, также противоречивого, состояния, имманентно предполагает действие тенденций концентрации и централизации в разных их формах (каждое снятие сохраняет в новой форме качественные и количественные стороны снимаемого и этот процесс продолжается далее), что необходимо имеет следствием соответствующие процессы в реальности.

Т.о. перманентные внутренние противоречия необходимо направляют развитие в сторону возрастания материальных и идеальных потенций сообществ – сообщества растут количественно и развивают свои материальные и идеальные (познавательные, культурные, нравственные и т.д.)

возможности.

Кратко рассмотрим суть капиталистического общественного отношения и перспективу его снятия (преодоления) с субстанциональной точки зрения. Умные предшественники оставили нам результаты своих исследований, согласно которым вся жизнь капитала вращается вокруг стоимости, с неё и начнём.

Возраст у феномена стоимости весьма почтенный. Именно в соответствии со стоимостями товары обменивались и тысячи лет назад. Новое при капиталистических общественных отношениях не сам феномен стоимости (хотя и проявляющийся в новой форме), а содержание и сущность собственно того явления, которое получило название капитала.

Капитал интересует не вещественная форма товара, не потребительная стоимость, что было характерно для предыдущих способов производства, в которых прибыль выступала эпифеноменом экономических отношений, а не их единственной целью.

Особенность *докапиталистических* общественных отношений состоит в том, что их сущностью является производство продуктов труда как *потребительных стоимостей*. Частные производители действуют хотя и в собственных интересах, но в соответствии с потребностями общества в конкретных продуктах. Недостаточно развитое разделение труда ограничивает рынок, целью производства является товар как материальный продукт, способный удовлетворить потребности потребителя. Способность товара приносить прибыль как форму заключённой в нём прибавочной стоимости ещё не становится моментом, определяющим отношения производства и обмена. Определяющим моментом является удовлетворение потребности в потребительных стоимостях.

Феодальное производство – это производство продуктов потребления как потребительных стоимостей (материального), а не стоимостей (идеального). Его целью является производство продукта труда, потребительной стоимости, материального, которое по своей сути ограничено, конечно. Граница ставится производством в самом себе как самоограничение развития материальных факторов производства (его производительной силы) характером производимого продукта. Продукт (материальное) диктует условия и размеры производства.

Ограничению производственной деятельности способствует и сословное общественное устройство. Жёсткая регламентация внутри- и межсословных отношений сдерживает развитие производства. Сама суть общественных отношений, основанных на непосредственном отчуждении личности в форме рабства или сословных институтов, имела необходимым следствием производство материальных ценностей, вещей, товаров, а не исключительно прибыли. Потребительная стоимость в общественных отношениях обмена если не доминировала над прибылью, то была равнозначна с ней и связь их была неразрывна.

Совершенно иной характер имеет капиталистическое производство. Цель капитала – прибыль, материальное, имеющее основание в прибавочной стоимости, в идеальном.

Капитал, сделав своей целью прибыль и поставив её в доминирующее

положение, в её лице ставит тем самым своей целью максимально возможное извлечение прибавочной стоимости, чьей превращённой формой является прибыль. Т.о. причина производства (продукт труда, потребительная стоимость) и его следствие (стоимость и прибавочная стоимость), что было характерно для предыдущего способа производства, меняются местами.

Но стоимость – это снятая производственная деятельность (процесс труда, представленный в товаре в форме стоимости). Фактически тем самым через опосредствование прибылью и стоимостью *целью капитала является непрерывное наращивание производственной деятельности как таковой*, постоянно снимаемой в стоимости и, соответственно, в прибавочной стоимости, которая, в конечном итоге, реализуется в прибыли.

Отныне прибавочная стоимость определяет возможности применения капитала, а не производство собственно продуктов труда, потребительной стоимости. Этим действием капитал разрывает субстанциональную связь материального, вещественной формы (потребительной стоимости) и идеального (собственно стоимости), в котором представлен (снят) процесс производства. Вследствие этого разрыва уже не материальное (производство потребительной стоимости) определяет идеальное (стоимость), а наоборот, идеальное (прибавочная стоимость) начинает детерминировать материальное (продукт труда, потребительную стоимость).

Почему происходит этот разрыв? *По вполне материальной причине* – как ответ на возрастающие общественные потребности и необходимость увеличения производства продуктов труда во всех их формах. Производство должно сбросить с себя все ограничивающие его путы (монархические, феодальные, сословные, цеховые и т.п.) и это становится возможным только со сменой цели производственной деятельности – конечное и ограниченное материальное уступает место неограниченному идеальному, собственно деятельности как таковой, снимаемой в продукте труда. В материальных, экономических отношениях это реализуется в той форме, что демиургом производства становится капитал, а его имманентной целью становится стоимость, вернее, прибавочная стоимость, представленная своей превращённой формой, прибылью.

Капитал уже не связывает производственную деятельность с её вещественными результатами с точки зрения их формы (с потребительной стоимостью), он нацелен только на увеличение самого производства (именно этого момента не поняла Р. Люксембург, попытавшись «опровергнуть» Маркса). Возникают новые общественные отношения и соответствующие им их носители – капиталисты и пролетариат.

Повторим ещё раз, материальный интерес, прибыль, вызывает к жизни капиталистическое общественное отношение, которое посредством производства прибавочной стоимости, идеального, всемерно расширяет объём производственной деятельности безразлично к материальной форме её продукта. Цель – прибыль (материальное), посредством свой идеальной формы – прибавочной стоимости, вызывает безудержный рост *производства как деятельности* независимо от характера производимого продукта. Производственная деятельность снимается в прибавочной стоимости, завершающей своё движение в своей превращённой материальной форме,

прибыли.

Прибыль, замыкая в себе цель и результат, ради своего возрастания заставляет постоянно увеличивать количество деятельности как таковой, безразлично к её конкретной форме, которая (деятельность) снимается в прибавочной стоимости, превращённой формой которой, в свою очередь, становится прибыль. Круг замыкается.

Такова диалектика капиталистического общественного отношения.

Капитал, т.о., это, прежде всего, общественное отношение, целью которого является извлечение приращения прибыли как превращённой формы прибавочной стоимости за счёт непрерывного наращивания производственной деятельности и только затем уже материальные формы (средства труда, рабочая сила), посредством которых это отношение реализуется.[1]

В итоге капиталистическое общественное отношение не просто освобождает производство как таковое от всякого ограничения, более того, его цель заставляет всемерно развивать производство, ничем его не ограничивая. Вследствие смены цели производственной деятельности чрезвычайно развиваются производительные силы общества и в этом состоит прогрессивная роль капитала и возникающих капиталистических общественных отношений.

Внутренней границы производства для капитала нет, граница для производства только внешняя – возможность реализации, но и она постоянно преодолевается современными способами воздействия на потребление и, далеко не в последнюю очередь, экспансией капитала на внешние ему рынки.

Неудивительно, что, имея целью внутренне не ограничиваемое постоянное увеличение производства как такового, капитал сумел исторически быстро убрать с экономической и политической сцены предшествующий способ производства.

В первой фазе своей деятельности капитал, завоёвывая экономическое и политическое пространство, направлял все усилия на подчинение рынков, всемерно развивая товарную форму продуктов труда.

Как отметил Ильенков Э.В. «…товарная форма, или стоимостная форма продукта оказывается также и самой всеобщей, самой абстрактной формой

[1] Мы отнесли к материальным формам капитала средства производства и рабочую силу и не упомянули деньги, которые всеми авторами, пишущими о капитале, также относятся к форме капитала. Но, строго говоря, собственно капиталом являются только факторы производства – средства труда и рабочая сила, поскольку именно они *непосредственно создают* стоимость и, соответственно, прибавочную стоимость. Деньги являются вспомогательным, *опосредствующим* фактором, позволяющим осуществлять процесс не только производства, но и реализации стоимости как *непрерывный* процесс. Т.е. деньги, не принимая *непосредственного* участия в производстве стоимости, создают *условия* реализации капиталистического общественного отношения и беспрепятственного функционирования материальных форм капитала. По этой причине будет правильным отнести их к *фиктивной* форме капитала, в отличие от *реальных* материальных форм, непосредственно создающих стоимость.

продукта капиталистического производства. Поэтому капитализм и квалифицируется Марксом как наиболее развитое товарное производство, как естественный предел и максимум развития товарного производства вообще».[1]

Но наибольшее развитие *товарного производства* это ещё не конец развития *капиталистического общественного отношения* как такового.

Капитал, в отличие от всех предшествующих отношений собственности, отрицает материальную форму продукта труда, потребительную стоимость. Ему не нужен и прибавочный продукт в материальной форме, он заинтересован только в прибавочной стоимости, т.е. в идеальном, в снятии, в представлении в продукте труда процесса его создания,

Почему в идеальном (стоимости)? Потому что идеальное (стоимость) представляет конкретные материальные (производственные) процессы создания продукта труда в чистом виде, очищенном от всех конкретных проявлений, конкретных форм существования, от вещественности. Посредством этого идеального любые конкретные производственные процессы и, как следствие, их результаты представляются как нечто в своей невещественности одинаковое, сравнимое и потому непосредственно обмениваемое – стоимость на стоимость.

Капитал как стоимость, в-себе, имеет дело не с вещами – машинами, сырьём, рабочей силой и производственными процессами их использования, потребления (мы говорим о производительном капитале) – а только с самим собой, существующим в разных формах, (постоянный, переменный, товарный) и процессами их (форм) взаимодействия и метаморфоза.

В материальном (производственном) процессе потребления вещественных форм капитала происходит приращение деятельности, которая в итоге овеществляется в продукте труда в форме прибавочного продукта. Но если рассматривать капитал односторонне как стоимость в чистом виде, то происходит его возрастание на величину прибавочной стоимости, т.е. «возрастание» идеального. Внешне это выглядит как *само*возрастание стоимости.

Продукт труда (материальное) интересует капитал не как таковой, а только как посредник в извлечении добавленной деятельности, представленной в продукте труда в форме прибавочной стоимости (идеального). Капитал сам по себе заинтересован не в продукте труда, а в безудержном наращивании деятельности по его производству и, следовательно, в возрастании прибавочной стоимости.

Поэтому *капитал имманентно отрицает материальные формы и стремится избавиться от этих посредников в стремлении непосредственного извлечения выгоды из сугубо идеальных форм, т.е. форм, не имеющих материального основания*. Такие идеальные формы капитала, возникнув вначале в форме *фиктивного капитала*, в конечном итоге развились в форму *финансового капитала* (и это высшая форма капитала, его завершение, его понятие, истина), значительная часть которого в настоящее время существует в виде т.н. «финансовых пузырей», не имеющих

[1] Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., РОССПЭН, 1997. С. 420.

материального обеспечения.

В товарном производстве стоимость ещё находится в тождественном единстве со своей материальной формой, хотя и выступает как доминирующая форма продукта труда, товара.

Однако, будучи снятой в своей всеобщей абстрактной форме, в форме денег, стоимость полностью *отрывается* от своего материального основания, товара, и начинает вести совершенно *самостоятельное* существование в форме финансового капитала. И это уже *предел развития стоимостной формы* и, следовательно, *предел капитала как такового*.

Т.о., финансовый капитал, полностью оторвавшись от материального основания в виде производительного капитала, *достиг предела развития капитала вообще*, это последняя форма капитала и капиталистического общественного отношения.

Реальное богатство общества, представляющее собой прибавочный продукт, создаётся исключительно в сфере материального производства. Однако доход, получаемый финансовым капиталом, проистекает из двух источников. Первый из них представляет собой дань, собираемую им с производственного капитала, который полностью подчинён финансовому капиталу и не может противостоять ему (эта часть финансового капитала, как понятно, имеет материальное обеспечение). Второй формируется за счёт огромной переоценки фиктивного капитала, т.н. нематериальных активов всех форм и видов (т.е. по сути того же идеального) и выпуска денег под эти переоценённые активы, что и составляет основу финансовых «пузырей». Причём второй источник, судя по размеру финансового капитала, не обеспеченного материальными активами, является основным в его формировании. Огромное количество денег, в первую очередь безналичных, означает: 1. недооценку материальных ценностей и, 2. переоценку нематериальных ценностей (т.н. финансовых инструментов, прежде всего, но не только).

Но что такое деньги сами по себе в условиях общества, всецело живущего по экономическим законам, где главные отношения это отношения купли-продажи, как не возможность подчинить все эти отношения и, соответственно их участников, деньгам, сиречь их владельцам. Потому в своём общественном, социальном обличьи финансовый капитал олицетворяет абсолютную власть независимо от того, какие политические силы формально находятся у власти. Количество – деньги, переходит в качество – власть. При этом не лишне ещё раз отметить, что деньги представляют идеальное – стоимость, но за этим идеальным стоят: 1. огромная по величине и потенциалу созидательная материальная сила – производительные силы общества и 2. огромная по величине и потенциалу властная сила – финансовый капитал (по сути, финансовая пирамида).

Кризисы капитала

Возможность кризисов, как убедительно показал Маркс, имманентно присуща обществу, в котором господствуют капиталистические общественные отношения, поскольку она заложена в самом метаморфозе товара и наличии денежного обращения.

«Общая, абстрактная возможность кризиса означает не что иное, как

наиболее абстрактную форму кризиса, без содержания, без содержательной побудительной причины кризиса. Продажа и покупка могут оторваться друг от друга. Они, следовательно, суть кризис potentia (в возможности), и их совпадение всегда остаётся критическим моментом для товара. Но они могут и плавно переходить одна в другую. Стало быть, остаётся в силе, что наиболее абстрактной формой кризиса (и потому формальной возможностью кризиса) является сам метаморфоз товара, в котором, как развёрнутое движение, содержится лишь заключённое в единстве товара противоречие меновой и потребительной стоимости, далее – денег и товара.[1] Но то, благодаря чему эта возможность кризиса становится кризисом, не содержится в самой этой форме; в ней содержится лишь то, что форма для кризисов налицо».[2]

«Итак, можно сказать: кризис в его первой форме есть сам метаморфоз товара, отделение друг от друга покупки и продажи».[3]

Пока отметим, что кризис проявляется как разрыв между покупкой и продажей, но сам по себе этот разрыв есть следствие процессов, происходящих за границей узкого отношения между покупателями и продавцами, он не «не содержится в самой этой форме».

Кризис – это не только *нарушение* процесса нормального обращения капитала, но одновременно и процесс *восстановления*, возобновления нормального воспроизводства капитала – вот какую диалектическую сторону ни в коем случае нельзя упускать из виду при анализе сущности кризиса. Как сам процесс воспроизводства капитала имеет свои фазы, так и кризис имеет фазы – своё основание, проявление и завершение.

И в этом целостном движении кризиса кризис метаморфоза, кризис в отношении обмена товара, покупки и продажи, есть индикатор процессов, происходящих в фазе производства. Именно в производстве закладываются основы кризиса, выступающие на поверхность, становящиеся явными в фазе обмена.

Основание кризиса находится в собственно производстве, именно здесь возникают те диспропорции, которые становятся сокрушительной явью в метаморфозе товара. Кризис метаморфоза *являет* внешне некие изменения в *содержании* производства. И содержанием этих изменений не может быть ничто иное, как изменение самого способа производства, его совершенствование. В производстве «…происходит накопление улучшений, накопляющееся развитие производительных сил, – что это непрерывно расширяющееся производство нуждается в непрерывно расширяющемся рынке и что производство расширяется быстрее, чем рынок, то этим будет лишь иначе выражено то явление, которое подлежит объяснению: оно

[1] Можно отметить, что в метаморфозе товара возникает вполне определённое *двустороннее* общественное отношение - отношение покупателя и продавца – следовательно, возникает противоречие, стороны которого представлены товаром и деньгами, спросом и предложением, потребностью и возможностью, т.е. отмеченное Марксом «противоречие меновой и потребительной стоимости».

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 26-2, С. 566.

[3] Там же, С. 567.

будет выражено не в своей абстрактной, а в своей реальной форме. Рынок расширяется медленнее, чем производство…».[1] «…Наступает такой момент, когда рынок оказывается слишком узким для произведённой продукции. Это имеет место в конце цикла. Но это означает лишь то, что рынок переполнен. Перепроизводство теперь – очевидный факт».[2]

«Безудержное развитие производительных сил и проистекающее отсюда массовое производство, происходящее в тех условиях, что, с одной стороны, у массы производителей потребление ограничено кругом предметов необходимости, а с другой стороны, пределом для производства служит прибыль капиталистов, – вот что составляет основу современного перепроизводства».[3]

Здесь необходимо отметить главное – в основании кризиса находится «безудержное развитие производительных сил» и следующее отсюда массовое производство. То же, что из этого развития в итоге происходит далее в сфере обмена, относится уже к последствиям изменений в производстве и самостоятельно, в отрыве от производства, не возникает.

Т.о. метаморфоз товара – раздельность покупки и продажи и противоречивость функции денег создают только возможность кризисов. Но их действительность зависит от реального производства, от развития производительных сил и полностью определяется производством. Обращение же – фактор вторичный, хотя и необходимый для движения кризиса – в нём кризис выходит на поверхность.

Каким же образом условия производства влияют на условия обращения капитала и возникновение кризисов?

«…частичные кризисы могут проистекать из диспропорциональности производства (пропорциональность же производства является всегда лишь результатом диспропорциональности производства на основе конкуренции) и что одной из общих форм этой диспропорциональности производства может быть перепроизводство основного или, с другой стороны, перепроизводство оборотного капитала…».[4] Т.е. капитал становится излишним и как производящая сила, и как результат её действия. Другими словами он излишен в обеих своих частях – либо как само производство (и как следствие – рабочая сила), либо как его продукт – товар.

Итак, кризис проистекает из диспропорциональности производства, вызванной развитием производительных сил. Если мы теперь обратимся к собственно производству, то увидим, что т.н. кризис перепроизводства это кризис не только перепроизводства в целом, а, прежде всего, кризис той части производства, которая не может далее существовать, поскольку вследствие своего технического отставания не может получать прибавочную стоимость в достаточном объёме для своего возобновления в расширенном масштабе, т.к. её издержки производства превышают средние по отрасли. Возникают разрывы в осуществлении платежей, и уже как

[1] Там же, С. 582.
[2] Там же, С. 583.
[3] Там же, С. 587.
[4] Там же, С. 579.

следствие возникновения этих разрывов кризис распространяется на отрасль в целом.

Рассмотрим более подробно этапы движения кризиса в процессе производства.

Начнём с этапа, когда предыдущий кризис завершился и утвердились новые формы и способы производства. В начале этапа отмечается рост конкуренции, как следствие происходит снижение общей нормы прибыли. Пониженная норма прибыли вызывает стремление к повышению массы прибыли, что осуществляется за счёт модернизации производства и увеличения выпуска продукции. В начале периода имеется избыточное количество денег[1], которые направляются на создание новых методов производства, что позволяет их обладателям выпускать продукцию по пониженной стоимости и извлекать дополнительную прибыль. Развитие новых методов производства имеет естественным следствием увеличенный выпуск товаров, что, в конце концов, приводит к возникновению кризиса перепроизводства.

Но перепроизводство наступает в конце этапа. Перепроизводство как таковое характеризует кризис с количественной стороны, и с этой стороны он определяется соотношением потребностей общества в конкретных товарах (или капиталах) и возможностями их приобретения.

На этом этапе одновременно сосуществуют два процесса. Один из них характеризуется распространением новых технологий и появлением сверхприбыли в новых производствах (рост нормы прибыли), происходит увеличение числа новых производств. Другой процесс имеет своим содержанием ликвидацию старых производств вследствие падения у них нормы прибыли, либо даже отсутствия прибыли, и как следствие эти предприятия закрываются.

Любой масштабный кризис имеет две стороны:

- по форме это кризис количественный, кризис перепроизводства капиталов и товаров, наступающий вследствие стремления капиталистов к получению дополнительной прибыли и вызванный увеличенным производством товаров;

- по существу это кризис качественный, имеющий содержанием, во-первых, создание новых технологий и использующих их производств, и, во-вторых, ликвидацию устаревших производств. В этих кризисах проявляется отсутствие общественная потребностей в устаревших производствах, их ненужность.

Кризис перепроизводства, количественный, может повторяться неоднократно до полного обновления отрасли. По этой причине его можно назвать внутриотраслевым, поскольку меняются предприятия, но не отрасль в целом.

Ограниченный кризис перепроизводства может наступить даже тогда, когда собственно перепроизводства нет. Отсталые производства не

[1] «В начале процветания господствует низкий, лишь медленно и постепенно повышающийся уровень процента. Ссудный капитал имеется в изобилии. …Возрастает масса кредитных денег...». (Р. Гильфердинг, «Финансовый капитал», М., 1924, С. 311).

находят сбыта товаров либо (что чаще) не имеют прибыли вследствие низкой номы прибыли и не могут платить по долгам, цепочка неплатежей увеличивается, их объём растёт, втягиваются и относительно благополучные производства, наступает кризис.

Перепроизводство капитала в период кризисов вызывает его перемещение в новые отрасли и производства, туда, где появляется возможность получить дополнительную прибыль за счёт новых видов продукции и новых способов производства. С этой стороны кризисы оказывают положительное влияние на развитие производства.

В конце концов, возникает необходимость полной смены типа производства в отрасли, её реформирования, либо создание новой отрасли. Возникает структурный кризис, в ходе которого возникают качественно новые производства и отрасли.

Кризисы количественные, перепроизводства, есть кризисы капиталистического способа производства, следствие его сущности – извлечения прибыли – патология капитализма, его родовая болезнь, форма разрешения противоречия между потребностями капиталиста в получении прибавочной стоимости и возможностями общества по приобретению продуктов производства. Эти кризисы могут быть ликвидированы вместе с ликвидацией капиталистического способа производства.

Кризисы качественные, технологические, структурные, это кризисы общественные, они представляют собой следствие развития знания, техники и роста потребностей общества в более эффективном производстве, – и это болезнь развития, роста. Эти кризисы есть не что иное, как форма разрешения внутреннего противоречия субстанции человек между потребностями развития и возможностями его удовлетворения. Эти кризисы необходимы, более того, чем более часто они происходят, тем менее они болезненны.

Разумеется, что вышеприведённое понимание кризисов далеко не описывает их во всей полноте и глубине и необходимо исследование кризисов также со стороны влияния субъектов экономики на кризис и кризиса на субъекты экономики – частные капиталы, акционерные, монопольные, государственно-монопольные и надгосударственные капиталы. Тем более что в каждом кризисе действуют свои внутренние факторы – особенные и единичные.

Описанные выше формы кризисов (количественные – перепроизводства, и качественные – структурные) характерны для производительного капитала, имеют основание в нём и имманентны ему. Но возникновение более развитой и высокой формы капитала, финансового капитала, являющегося пределом развития капитала как такового, имеет следствием, в конце концов, становление и разрастание перманентного кризиса капиталистического общественного отношения в целом. Рассмотрим эту форму более подробно.

Предел капиталистического способа производства

«…Буржуазный способ производства включает в себя границу для свободного развития производительных сил, границу, которая обнаруживается в кризисах и – среди всего прочего – в перепроизводстве, этом

основном явлении кризисов».[1]

Да, перепроизводство есть проявление кризиса, но кризис это одновременно и восстановление нормального производства (более того, улучшенного производства) и этот диалектический момент ни в коем случае нельзя упускать из виду. Поэтому перепроизводство представляет собой временную границу, на которой происходит «насильственное восстановление единства моментов»[2] воспроизводства капитала и по преодолении которой капитал получает дополнительный толчок к развитию в форме новой техники и новых технологий.

Кризисы перепроизводства в своём предельном развитии перерастают в структурные кризисы, которые результатом имеют преодоление границы, устанавливаемой кризисом перепроизводства, и за ними следует не только восстановление процесса воспроизводства капитала, но воспроизводства его на качественно новой производственной основе. Структурные кризисы, вырастающие из кризисов перепроизводства, обновляют капитал, делают его гораздо более деятельным и дееспособным, и они принципиально не могут привести к его саморазрушению, поскольку сущностью этих кризисов является замена непроизводительных и неэффективных капиталов более производительными и эффективными. Кризисы перепроизводства устраняют с экономической сцены неэффективные (с точки зрения капитала) производства. Структурные кризисы есть кризисы обновления капитала, но не его уничтожения как такового, предела для капитала в целом они не представляют. Действуя совместно эти кризисы развивают производственный капитал и повышают его эффективность.

Маркс усматривает предел капитала также в существовании т.н. тенденции нормы прибыли к понижению.

«Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

В том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который в известный момент самым резким образом приходит в столкновение с развитием производительной силы труда и потому постоянно должен преодолеваться посредством кризисов.

В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда…, следовательно известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли».[3]

Но реальность доказывает, что постоянной тенденции нормы прибыли к понижению нет, это циклический процесс, следовательно, с этой стороны

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 26-2, С. 586.
[2] Там же, С. 571.
[3] Там же, Т. 25-1, С. 283-284.

нет и предела капиталистическому способу производства. Кроме того, кризисы перепроизводства и структурные кризисы, обновляя капитал, дают ему возможность снова увеличить норму прибыли и она впоследствии снижается в ходе конкурентной борьбы вплоть до следующего кризиса и повторения цикла. По сути, Маркс говорит здесь о *техническом пределе* наличных форм капиталистического производства, понимаемого в узком смысле как только производство товаров, а не о *способности к существованию* капиталистических общественных отношений вообще.

Что касается второго условия, противоречия между потребностями общества в целом и потребностями капитала, то оно может разрешиться только тогда, когда достигнет максимальной остроты, т.е. когда дальнейшее сосуществование его сторон станет невозможным. До этого момента капитал будет развиваться, проходя через периодические кризисы. Данное противоречие есть потенциал ликвидации капиталистического общественного отношения, но для его реализации должны сложиться необходимые условия.[1]

До тех пор гораздо более существенным фактором в развитии капитала, оказывающем решающее влияние на его судьбу, является возникновение самостоятельного денежного капитала – финансового капитала.

Поскольку общая норма прибыли не имеет тенденции к постоянному понижению, а представляет собой циклический процесс, определяемый ростом органического строения капитала и периодическими кризисами перепроизводства и структурными кризисами, то последствия этого циклического процесса обязательно должны проявиться как значительный рост накопления капитала, причём не только в производительной сфере, которая имеет свои ограничения, но, прежде и наиболее всего в денежной форме, в форме банковского, финансового капитала.

«…По мере развития капиталистического производства расширяются масштабы каждого индивидуального процесса производства, а вместе с тем возрастает и минимальная величина авансируемого капитала, то это обстоятельство присоединяется к ряду других, в силу которых функция промышленного капиталиста все более и более становится монополией крупных денежных капиталистов, отдельных или ассоциированных».[2]

Это предвидение Маркса через несколько десятилетий стало фактом, что отметил Р. Гильфердинг: «Итак, господство банков над промышленностью, важнейшее явление новейшего времени, предсказано здесь в эпоху,

[1] «...частная собственность есть форма общения, необходимая на известной ступени развития производительных сил; что эта форма общения до тех пор не может быть уничтожена, до тех пор является необходимым условием для производства непосредственной материальной жизни,— пока не созданы производительные силы, для которых частная собственность становится стесняющими оковам». (Там же, Т. 3, С. 351). Добавим – а также пока не возникнут и не станут определяющим общественным фактором новые формы общественного сознания, отражающего гибельность дальнейшего существования капиталистических отношений.

[2] Там же, Т. 24, С. 123.

когда едва намечались лишь зародыши этого процесса».[1]

Банковский капитал, вырастая из ростовщического и становясь, в конце концов, финансовым, в соответствии с целью своего существования, извлечением процента, подчиняет себе производственный капитал как источник процента. Но этого мало, он начинает извлекать процент из необходимого продукта частных потребителей, навязывая кредит. Предоставляя кредит государству он также извлекает в форме процента и часть дохода нации.

Соответственно новым формам капитала меняются и его цели. От извлечения прибавочной стоимости и накопления богатства вначале – к власти над обществом в масштабах отрасли (части общества), государства (всего общества, нации), группы государств (группы наций), планеты (человечества).

Богатство из цели становится средством – средством подавления и управления. Как ранее производственный капитал подчинил себе труд, так теперь финансовый капитал подчиняет себе производственный капитал и, в итоге, всё общество.

Наличие отношений частной собственности и развитие капиталистических отношений естественным образом приводит к тому, что производство продукта оттесняется на второй план, а на первый выходит производство квинтэссенции капиталистического общественного отношения – денег, которое (производство) находится всецело в руках финансового капитала, становящимся полностью самостоятельным субъектом в системе капиталистических отношений. Из вспомогательного субъекта финансы в форме финансового капитала становятся главным действующим лицом. Финансовый капитал уже не удовлетворяется ролью только кредитора, он стремится с помощью финансовых механизмов подчинить себе всё общество, соответственно главной целью становится власть никому не подконтрольная, в т.ч. государству.[2]

Тенденция развития финансового капитала просматривается совершенно ясно – финансовый капитал будет стремиться полностью стать над обществом и с этой целью будет создавать надгосударственные институты управления, далее последует введение валюты полностью неподконтрольной государствам, затем подчинение государственных аппаратов и ликвидация государств в современной форме. Поскольку производство в современном масштабе и, следовательно, население такому капитализму не нужны, то постепенно (а может и не совсем постепенно) будут ликвидированы все «лишние» люди, останется только определённое количество для

[1] Р. Гильфердинг, «Финансовый капитал», М., 1924, С. 72.

[2] Эту характерную особенность владельцев денег отмечал и Маркс: «На примере ростовщика — этой хотя и старомодной, но постоянно возрождающейся формы капиталиста Лютер очень хорошо и наглядно показывает, что жажда власти есть один из элементов страсти к обогащению». (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 26-2, С. 606, примечание). Ныне желание совпадает с возможностью.

С Марксом полностью солидарен и Р. Гильфердинг: «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства» (Р. Гильфердинг, «Финансовый капитал», М., 1924, С. 398).

создания правящей финансовой клике комфортных условий (и главное условие такой ликвидации уже формируется – это автоматизация производства). Исторически это не столь уж отдалённая перспектива.

В форме финансового капитала капитал из отношения, момента, становится субстанцией, саморазвивающейся на паразитической основе в условиях тотальной власти над обществом, а человек, общество, по мере достижения финансовым капиталом власти над ними, из субстанции становятся моментом, стороной финансового капитала. Капитал как субстанция подчиняет всё вещным отношениям (где деньги выступают как вещь), от которых не свободны также управляющие капиталом (они несвободны более всего, т.к. не могут сделать ничего, что бы противоречило интересам капитала).

Банковский капитал времён Маркса, бывший подмастерьем промышленного капитала, превратился ныне в форме финансового капитала в хозяина мира, диктующего свои условия во всех сферах деятельности человека. Но этого ему явно недостаточно, он жаждет полной, абсолютной власти над обществом и промышленный капитал, сам того не желая, предоставляет ему нет, не инструмент, а смертоносное оружие для достижения своей цели.

Таким оружием и является полностью автоматизированное производство, возможность создания которого уже не за горами. Это самое эффективное и «чистое» оружие, какое только было создано человеком. С его помощью можно создать некое подобие общества, в котором будут две касты – научно-инженерные кадры, обслуживающие автоматизированное производство, и надзирающие за ними структуры – и высший слой олигархов (несколько десятков, может быть сотен человек), вокруг которых будет клубиться мошкара богемы.

В условиях резкого снижения запасов природных ресурсов глобальный капитал непременно пойдёт на резкое сокращение потребления – иными словами на уничтожение большей части человечества. Господство «железной пяты» обеспечит ей внеэкономическое присвоение богатства, т.н. прибавочная стоимость более не будет экономическим фактором и исчезнет как экономическая категория. Экономика больше не будет уже собственно экономикой, это будет производство в соответствии с потребностями «железной пяты».

Финансовый капитал, ставший господствующей формой капитала, заинтересован в максимальной прибыли и потому не заинтересован в какой бы то ни было форме конкурентной борьбы между капиталами (промышленным и торговым). Поэтому именно финансовый капитал является силой, стремящейся монополизировать всё и вся – отсюда его стремление к абсолютной власти – и это совершенно объективное обстоятельство, являющееся следствием развития капиталистического общественного отношения до его высшей формы.[1]

[1] «Финансовый капитал в его завершении, это – высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии. Он завершает диктатуру магнатов капитала» (Р. Гильфердинг,

Теперь финансовый капитал определяет размер и, соответственно, норму прибыли, получаемой каждым подразделением капитала. Т.о. норма прибыли постепенно становится фиктивной величиной, не отражающей действительного положения в отраслях общественного производства.

Но монополизируя все стороны общественного производства, понимаемого как обеспечение жизнедеятельности общества, капитал тем самым объективно подготавливает собственное уничтожение. Фактическое обобществление производительных сил практически завершено и только существующие общественные отношения позволяют капиталу, прежде всего финансовому, подавлять общество в своих собственных интересах.

Но долго такое положение продлиться не может – дальнейшее развитие производительных сил приведёт либо к революционной смене общественных отношений, либо к решительным действиям капитала по упрочению своего господства. Последнее возможно только путём резкого сокращения населения и упрощения социальной стратификации общества до нескольких социальных групп, отличающихся друг от друга наподобие сословий. Причём сокращение населения может быть достигнуто без насильственных действия, это произойдёт, так сказать, естественно, поскольку экономической базой такого ограниченного общества будет служить почти полностью автоматизированное производство, не требующее большого числа работников, ненужные попросту вымрут.

«В результате этого процесса должен был бы получиться всеобщий картель. Здесь все капиталистическое производство сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая, определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным н фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картельными магнатами, а с другой стороны – между другими членами общества. Цена является тогда не результатом вещных отношений, которые устанавливаются между людьми, а просто своего рода расчётным вспомогательным приёмом при передаче вещей от одних лиц к другим. Деньги не играют никакой роли. Они могут совершенно исчезнуть, потому что дело сводится ведь к передаче вещей, а не к передаче стоимостей. Вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществлённой стоимости, исчезают, следовательно, деньги. Картель распределяет продукт. Материальные элементы производства воспроизводятся и входят в новый процесс производства. Из нового продукта известная часть достаётся рабочему классу и интеллигентам, другая остаётся у картеля, и он может употреблять её на что угодно. Это – сознательно регулируемое общество в антагонистической форме. Но этот антагонизм есть антагонизм распределения. Самое распределение здесь сознательно урегулировано, и потому необходимость денег миновала. Финансовый капитал в своём завершении оказался оторванным от той питательной почвы, на которой он возник. Обращение денег перестало быть необходимым, неустанный кругооборот денег нашёл свой конец в

«Финансовый капитал», М., 1924, С. 446).

урегулированном обществе, и perpetuum mobile обращения достигло покоя».[1]

Т.о. исчезает смысл, сущность капиталистического производства – оно отрицает самое себя. Возникает метакапитализм, – власть денег трансформируется во власть в чистом виде, во власть немногих над всеми, – экономическим основанием которого является автоматизированное производство и социальным основанием – добровольное согласие со стороны одних слоёв общества (контролирующих и подавляющих) и вынужденное согласие со стороны других слоёв (контролируемых и подавляемых) под тоталитарным контролем со стороны правящей олигархии. Причём экономическая база сможет обеспечить такой уровень жизни подавляемых, что большинство их будут вполне довольны своим положением. Казалось бы – веками ожидаемая гармония достигнута. Но при этом окажется совершенно извращена сущность человека как субстанции и его субстанциональное бытие придёт к концу, человек станет механической частью созданного им искусственного мира, совершенно неспособным к дальнейшему развитию.

Капитал в своей высшей точке развития способен привести человечество к гибели, либо полной стагнации, и причина лежит в его неспособности преодолеть противоречие капиталистического отношения на собственной основе.

Но отмеченная неспособность отнюдь не ограничивает финансовый капитал в попытках закрепить свою власть не только территориально, но и темпорально.

Реальность убедительно свидетельствует, что финансовый капитал широко развернул действия по установлению и закреплению своей глобальной власти, нагляднейшим индикатором чего является пресловутая «хаотизация» всё большего количества стран мира.

Наивны люди, думающие, что внедрение посредством т.н. «цветных революций» хаоса в той или иной стране делается для приведения к власти в них режимов, подконтрольных Западу (сиречь капиталу). Такой вариант всего лишь промежуточный результат, сопутствующий главной цели – созданию хаоса как такового. Хаоса не просто длительного, а постоянного. Хаоса, который в итоге должен привести к самоуничтожению населения. Поэтому все теории т.н. «управляемого хаоса» есть не что иное, как дымовая информационная завеса, призванная отвлечь внимание от истинных целей хаотизаторов. Хаос не может быть управляемым по своей сути, он может быть только искусственно поддерживаемым.

В этом же ключе следует рассматривать и разрушение нравственной сферы в самих западных странах – гомосексуализацию, дебилизацию, легализацию наркотиков и педофилии и т.п. – население западных стран также является в значительной части лишним для финансового капитала и управлять таким развращённым охлосом гораздо легче.

Поэтому структурирование в любой форме внутренней жизни страны и наведение в ней хоть какого-то порядка является сильнейшим ударом по планам финансового капитала и действующих в его интересах властных

[1] Там же, С. 276.

элит Запада. Этим и опасно для хаотизаторов пресловутое Исламское государство – его адепты, пусть и в самой варварской форме, пытаются восстановить хоть какой-то порядок на подконтрольной территории. Но это отдельная тема.

Об императивной необходимости ликвидации капиталистического общественного отношения

В основании капиталистического отношения находится отношение собственности и отношения отчуждение в форме тотального отчуждения – отчуждение и продукта труда человека, и самой деятельности человека, в итоге человека как такового. Причём это отчуждение существует в самой его извращённой форме – как отчуждение продукта труда и собственно трудовой деятельности всего общества в пользу весьма незначительной части общества. И вся античеловечность, гнусность и подлость капиталистической формы отчуждения зиждется на извращённых представлениях, что отчуждение продукта происходит на, якобы, естественной основе права собственности, а отчуждение деятельности, труда человека есть следствие его добровольного выбора – дескать, капитал не ограничивает человека в свободе выбирать, кому он желает продать свою рабочую силу. Сначала исторически развившимся капиталистическим отношением создано общественное устройство, в котором само существование человека зависит от того, продаст ли он свой труд (и тем самым получит в своё распоряжение жизненные средства), а затем фарисейски объявляется, что он имеет свободу выбора – продавать или не продавать. Циничность и бесчеловечность капиталистического общественного отношения безграничны.

Но если доведённое до высшей его точки капиталистическое отношение изнутри самой формы отчуждения преодолено быть не может, то сопутствующая сторона этого отношения – наличие полярных антагонистических классов – представляет потенциальную возможность ликвидации отчуждения.

С возникновением финансового капитала, стремящегося полностью подчинить общество себе и уже почти полностью обобществившего и производство, и финансы, а также с развитием производительных сил (в т.ч. науки) до такого уровня, когда становится ясно видна перспектива полной автоматизации производства и возможность выхода человека из него как объекта – условия ликвидации капиталистического общественного отношения можно считать вполне сложившимися.

Учитывая высочайшую напряжённость существующего общественного противоречия, потенциал предельного недовольства своим положением на одном из его полюсов и предельного презрения к людям на другом, можно сделать предположение, что разрешение противоречия будет весьма бурным и примет форму насильственного изменения существующих порядков.

Итоговые выводы.

Пройдя ряд метаморфоз от первоначального капитала массового предпринимательства и всеобщей конкуренции, через акционерные, монополистические, государственно-монополистические (империалистические) формы, форму финансово-промышленных групп, капитал достиг высшей

формы, – финансового капитала (над- и межнационального, надгосударственного), – в которой капиталистическое общественное отношение достигло предела, поскольку в ней (форме) осуществлены полная концентрация и централизация капитала в масштабах не только отдельной нации, но возник и межнациональный капитал, а в ближайшей перспективе этот процесс охватит всё человечество.

Но теперь дальнейшее развитие капитала как такового и, соответственно, капиталистического общественного отношения, т.е. снятие его в новых формах, уже невозможно, поскольку его сущность воплощена во всей своей завершённости – капитал в форме финансового капитала полностью подчинил себе не только производство товаров и, следовательно, производство прибавочной стоимости, но и всё общество, от последнего отчуждены все факторы его жизнедеятельности. В форме финансового капитала капитал становится тождественным самому себе, он достигает истины, своего понятия, своей родовой сущности и, тем самым, своего предела. Дальше – либо преодоление капиталистического общественного отношения, либо его окостеневание и остановка общественного развития, что равнозначно гибели человека как саморазвивающейся субстанции.

Но по настоящему капитал подходит к своему пределу только с таким развитием науки и техники, которое позволяет вывести из процесса производства человека как объект производства, как часть технологического процесса, дополнение к машине. Лишая таким образом огромное количество людей средств к существованию капитал тем самым резко ограничивает ту сферу своего жизненного цикла, в которой реализуется стоимость и извлекается прибавочная стоимость – сферу обмена. Капитал упирается в стену, воздвигаемую им самим.

Величайшее благо для человечества – возможность вывода человека из производства как его объекта, как дополнения к технологическому процессу и одновременно безмерного развития производительности полностью автоматизированного производства, оборачивается смертельно опасной стороной – человек капиталистического общества навсегда лишившись работы, тем самым практически лишается жизни.

Общественное капиталистическое отношение, пройдя ряд этапов и сменив несколько форм, пришло к вполне естественному завершению в полном соответствии с принципом субстанциональности развития и, таким образом, к пределу капиталистического отношения.

Этот предел характеризуется следующими моментами:

- развитием капитала в свою истинную, полную, завершённую форму финансового капитала и потому невозможностью дальнейшего его снятия в новых формах;

- стремлением финансового капитала к полному подчинению всех сторон жизнедеятельности общества, что в значительной мере уже достигнуто;

- развитием производительных сил (прежде всего науки) до такой степени, когда в недалёком будущем станет возможным практически полное высвобождение человека из собственно процесса производства как его объекта;

- в условиях господства капиталистических общественных отношений это будет иметь следствием резкое сокращение не только производительного населения, но и вообще всего населения, его вымирание;

- в случае полной победы финансового капитала человечество как саморазвивающаяся субстанция перестанет существовать;

- два последних фактора диктуют настоятельную необходимость в интересах сохранения человека как высшей ценности ликвидацию отношений частной собственности и, как следствие, капиталистических общественных отношений, что соответствует жизненным интересам человечества.

Отмеченное выше противоречие между новыми потенциально безграничными производительными силами и существующими капиталистическими отношениями в границах последних неразрешимо. Капитал в своём развитии сам поставил себе предел. И этот предел стал источником *новой формы* кризиса, причём кризиса не только и даже не столько капитала, сколько всего человечества в целом.

Кризис, в который вступило человечество, это не кризис капитала, не кризис перепроизводства и не структурный кризис, преодоление которых выводило капитал на новый уровень.

Это кризис экзистенциальный, кризис общественного развития как такового, в основании которого находится достигнутый предел противоречия между возможностями производительных сила и ограничивающими их капиталистическими общественными отношениями, это переломный момент в развитии человека – граница между предысторией и историей.

Перейдём ли мы её, зависит только от нас самих, от того, насколько мы хотим быть людьми.

***

По причинам, изложенным выше, нет сомнений в том, что впереди человечество ждёт эпоха революций и войн в формах, ранее не встречавшихся. И всё это будет происходить под воздействием процессов глобализации, поэтому следует сказать о ней несколько слов.

Следуя принципу субстанциональности всего сущего (т.е. саморазвития, источником которого являются противоречия) и понимаемого как всеобщее, которому следуют процессы реальности, нетрудно увидеть, что глобализация есть особенное, которое характерно для человеческого сообщества. С этой точки зрения *глобализация есть объективный субстанциональный процесс, заключающийся в становлении единого человечества.*

Принцип субстанциональности, проявляющийся в саморазвитии, осуществляемом через снятие предыдущего противоречивого состояния и возникновении качественно нового, также противоречивого, состояния, имманентно предполагает действие законов концентрации и централизации в разных их формах (каждое снятие сохраняет в новой форме качественные и количественные стороны снимаемого и этот процесс продолжается далее), что необходимо имеет следствием соответствующие процессы в реальности.

Внутренние противоречия необходимо направляют развитие в сторону возрастания материальных и идеальных потенций сообществ – сообщества

растут количественно и развивают свои материальные и идеальные (познавательные, культурные, нравственные и т.д.) возможности.

Внешние противоречия, к которым относятся также противоречия между разными странами, имеют своим следствием подчинение слабых сообществ более сильным, вхождение в сферу их влияния, либо уход таких сообществ с исторической сцены. В результате возникают региональные, а затем и глобальные сферы влияния наиболее сильных государств (либо их объединений, в которых обязательно есть всеми признаваемый лидер, главенство которого определяется как экономическими факторами (материальное), так и способностью навязать своё видение мира (идеальное) другим субъектам геополитики).

Но с возникновением сфер влияния процесс глобализации не заканчивается, он исторически неизбежно ведёт далее – к объединению человечества в единое сообщество. И определяться этот процесс будет тем союзом государств, который будет иметь б*о*льшую силу, как материальную, так и идеальную (знание – как понимание происходящих процессов, и идеологию – как использование этого знания в своих интересах). Причём роль идеального (и в форме знания, и в форме идеологии) в дальнейшем будет только возрастать.

Сейчас материальная сила пока на стороне Запада и глобализация имеет форму, соответствующую господствующим на Западе общественным капиталистическим отношениям, которые детерминируются, в свою очередь, надгосударственным финансовым капиталом. Но форма глобализации может быть и другой, гуманистической, в интересах не исключительно финансового капитала, а всех людей, что зависит от того, какая доминирующая сила в дальнейшем будет определять направление и содержание процесса глобализации. Западный финансовый капитал ещё не подчинил себе полностью все страны мира, хотя и обладает огромным влиянием на мировые процессы. Сопротивление ему нарастает, и это гуманистическое действие даёт оптимистическое основание надеяться, что ещё не «конец истории». Главные события, определяющие судьбу человечества, впереди, а потому будем завидовать нашим потомкам и напутствуем их словами Ф.И. Тютчева – «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые! Его призвали всеблагие как собеседника на пир».

5.07.2015

О финансовом капитале

(Статья опубликована на сайте «Альтернативы»).

Цитата: На одном из форумов мне задали вопрос: «А в чем для Вас проблема прибавочной стоимости при капитализме, решив которую у капитализма есть "шанец" на продолжение развития»?

Ответ.

Ваш вопрос внутренне противоречив. Капитализму не надо решать проблему прибавочной стоимости, он её фактически получает и этого ему

вполне достаточно. Что касается объяснения её источника, то катедер-профессора прекрасно с этим справляются в условиях полного отсутствия диалектической мысли (от извращения Маркса вплоть до полного "уничтожения" прибавочной стоимости) и этими объяснениями вся читающая публика вполне удовлетворяется, поскольку самостоятельно мыслить не приучена. Так что со стороны и реального получения прибавочной стоимости, и объяснения права на её получение проблем у капитализма нет. С этой стороны его развитие не ограничено.

У него есть иная проблема. Особенное общественное отношение капитализма, - извлечение прибавочной стоимости, - было определяющим общественным отношением во времена Маркса и несколько позже и было характерно для промышленного капитала. Но уже Гильфердинг и Ленин отметили появление нового феномена - промышленно-финансового капитала, который к нашему времени трансформировался в финансовый капитал. А это уже иная форма капиталистического производственного отношения.

В чём разница? Источником прибыли для промышленного капитала является прибавочная стоимость, т.е. непосредственно материальное производство, он не просто заинтересован в нём, он жить без него не может. Для финансового же капитала источником прибыли является банковский процент, т.е. политэкономическая категория не связанная непосредственно с прибавочной стоимостью. При своём появлении в форме банковского капитала и его дальнейшего развития в промышленно-финансовый капитал это подразделение совокупного капитала довольствовалось частью прибавочной стоимости, что совершенно ясно объяснил Маркс.

Но финансовый капитал есть, говоря словами Гегеля, отрицание промышленного капитала и промежуточной формы в виде промышленно-финансового. Он оторван от непосредственного присвоения прибавочной стоимости и потому начинает искать дополнительный источник прибыли на своём собственном основании - в финансовых операциях и достиг в это деле невероятных успехов. Я имею в виду изобретение вторичных финансовых продуктов – т.н. деривативов. У меня нет под руками точных цифр, но, если память мне не изменяет, то объём деривативов оценивается тем же порядком, что и всё материальное богатство, накопленное в мире. Даже если в много меньше, то это гораздо больше, чем годовой продукт собственно материального производства. Объём фиктивной стоимости, представленной в форме денег, намного превышает объем реальной стоимости, представленной в форме общественного богатства.

Ничего страшного, скажут безудержные оптимисты, всё равно в период кризиса эти мыльные пузыри лопаются и всё становится на свои места. Отнюдь. Новое капиталистическое общественное отношение, возникнув и набрав силу, становится определяющим отношением, как в своё время общественное развитие определял промышленный капитал. Сейчас таким определяющим фактором является финансовый капитал.

Снова скажут, ну и что? А вот что. Какова цель промышленного капитала? Прибыль, т.е. прибавочная стоимость = материальное производство. Что является целью финансового капитала? Ещё раз скажут – прибыль и

ошибутся. Прибыль была целью банковского капитала, а у финансового капитала, как накопившего громадную силу, уже совершенно иная цель – ВЛАСТЬ. А власти адекватна только сама власть, т.е. абсолютная власть. Как ранее капитал подчинил себе труд, так теперь финансовый капитал подчиняет себе промышленный капитал и, в итоге, всё общество. «На примере ростовщика — этой хотя и старомодной, но постоянно возрождающейся формы капиталиста Лютер очень хорошо и наглядно показывает, что жажда власти есть один из элементов страсти к обогащению». (К. Маркс, ПСС, Т. 23, с. 606).Что такое финансовый капитал, как не глобальный ростовщик?

Развитие товарно-денежных отношений естественным образом приводит к тому, что производство продукта оттесняется на второй план, а на первый выходит производство квинтэссенции капиталистического общественного отношения – денег, которое находится всецело в руках финансового капитала, становящимся полностью самостоятельным субъектом в системе капиталистических отношений. Из вспомогательного механизма финансы в форме финансового капитала становятся главным действующим лицом. Финансовый капитал уже не удовлетворяется ролью только кредитора, он стремится с помощью финансовых механизмов подчинить себе всё общество, соответственно главной целью становится власть никому не подконтрольная, в т.ч. государству.

Каков прогноз, если не укоротить финансовый, а заодно и вообще капитал? Введение мировой валюты, неподконтрольной государствам, создание надгосударственных механизмов управления, затем подчинение государственных аппаратов и ликвидация государств в современной форме. Поскольку производство в современном масштабе и, как следствие, население финансовому капиталу не нужно, то будет уничтожено большинство людей, останется определённое их количество (небольшое, несколько миллионов), создающих правящей клике комфортные условия. Всё, человечество закончилось. Финансовый капитал - закономерное завершение развития капиталистического отношения, иных форм быть не может, только суррогаты. И сейчас вопрос стоит кто кого - он нас или мы его. Главная борьба впереди.

12.04.2017

Обмен, рынок, собственность.

Обмен как устойчивое *общественное отношение* возникает на определённой стадии развития общества, а именно, с появлением прибавочного продукта, представляет собой процесс взаимодействия людей (индивидов и их сообществ) в целях поддержания жизнедеятельности, есть одна из форм кооперации[1] и состоит в обмене деятельностью и её результатами. Обмен есть форма общественных отношений, *отождествляющая*

[1] Формы кооперации: *обмен* деятельностью и её результатами; *совместная* деятельность и использование её результатов.

(объединяющая) части общественного организма в целое, в систему связей, скрепляющих общество, и потому данный феномен играет чрезвычайно важную роль в историческом процессе становления человеческих сообществ. Но одновременно обмен как общественное отношение свидетельствует о наличии *разных* частей общественного организма, которые он связывает в целое, и это есть отрицающий момент в диалектике общественных отношений.

Т.о. обмен есть диалектическое общественное отношение, отождествляющее взаимоотрицающие стороны общественного организма в целостную систему связей. Обмен есть процесс снятия противоречия, которое представлено сторонами обмена, в новом положительном их состоянии, уравнивающем стороны путём снятия их взаимоотрицания, т.е. путём их взаимного удовлетворения.

Основанием обмена является наличие прибавочного продукта, но это пассивный момент данного общественного отношения. Активным процессом обмен делает только наличие сторон обмена, представленных в лице индивидов или их групп.[1]

Поскольку интерес для сторон обмена представляют продукты труда, которыми они не обладают, т.е. которые ими не производятся, то обмен, возникнув вначале как спорадическое отношение, стимулирует появление и бурное развитие нового общественного отношения – разделения труда – которое, в свою очередь, значительно расширяет и активизирует сферу обмена.

Резюмируем:

- обмен как общественное отношение исторически вызывается к жизни наличием прибавочного продукта;
- обмен есть диалектический процесс, отождествляющий взаимоотрицающие стороны (стороны обмена) в целостную систему связей, соединяющих стороны обмена;
- обмен, возникнув спорадически, необходимо влечёт за собой появление и развитие разделения труда;
- развитие разделения труда резко расширяет сферу обмена и тем самым начинает детерминировать обмен.

Как видим, в число основных факторов, непосредственно определяющих отношения обмена, входят только факторы, детерминируемые самыми общими условиями жизнедеятельности – наличием потребностей в продуктах труда, наличием прибавочного продукта (т.е. возможностей обмена) и наличием разных производителей и потребителей продуктов труда (сторон обмена).

Возникнув как спорадическое действие, обмен, как и всякое исторически возникшее общественное отношение, усложняется и развивается, приобретая в ходе развития определённые формы, которые детерминируются условиями, в которых существует это общественное отношение.

Для отношений обмена, рассматриваемых в узком смысле, т.е. только

[1] Императивно предполагается наличие у сторон обмена соответствующих потребностей и возможностей обмена.

как сам процесс движения вещей безотносительно к историческим факторам его возникновения, такими фундаментальными условиями являются:

- взаимная потребность сторон в продуктах и их наличие – главное условие, без которого обмен невозможен;
- определённые критерии обмена, уравнивающие стороны обмена в некотором отношении, признаваемым обеими сторонами – дополнительное условие, актуализирующее обмен.

Эти условия в историческом движении создали тот общественный феномен, который существует в форме *рынка*, современной формы обмена.

Т.о. *рынок* – это общественный феномен, проявляющийся в форме обмена деятельностью и/или продуктами труда и реализующийся на основании 1. *потребности* сторон обмена в деятельности и/или продуктах и их наличии, 2. *эквивалентности* продуктов (деятельности) по некоему критерию, 3. посредством *согласования* этих условий *субъектами* рынка.

Это *сущностное* определение рынка, его *понятие*. Из этого понятия нетрудно вывести, что рынок это:

- форма осуществления жизнедеятельности;
- одна из сторон многообразных общественных отношений (рыночные отношения);
- механизм, реализующий обмен предметов рынка (рыночный механизм).

На рынок, как видим, не оказывают *непосредственного* влияния и, следовательно, находятся за его пределами такие общественные феномены как *производственные отношения* (понимаемые здесь в узком смысле – как отношения только производства) и *отношения собственности*.

Эти общественные феномены только *подготавливают* факторы рынка к вступлению во взаимодействие, создают *условия* возникновения рыночный отношений, т.е. действуют как *внешние* по отношению к рынку общественные отношения, но *непосредственного* участия в рыночных отношениях не принимают.

Производственные отношения, прежде всего разделение труда, создают (посредством производительных сил) продукты труда, подлежащие обмену, и формируют их критерий обмена, каковым исторически стала стоимость.

Отношения собственности, существуя уже на стадии производства, влияют на *распределение и присвоение* произведённых продуктов труда и создают, тем самым, *субъектов* отношений рыночного обмена. Отношения собственности только *персонифицируют* стороны обмена и в этом качестве эксплицируют и конкретизируют связи между людьми и вещами, выводят эти связи в общественное пространство, усложняя общество и общественные отношения, но на сам обмен, как движение вещей, прямого влияния не оказывают.

По указанным выше соображениям при анализе отношений обмена и рынка от влияния на них отношений собственности и производственных (в узком смысле) отношений можно абстрагироваться.

Основные функции рынка – связывание субъектов рынка в единую систему хозяйственных связей и установление критериев обмена.

Современный рынок – это инструмент для *распределения* экономических ресурсов – деятельности (рабочей силы), капитала и продуктов труда. Отождествляя общественные потребности (сторона спроса) и общественные возможности (сторона предложения) рынок выполняет функцию *регулирования* экономической деятельности и тем самым способствует поддержанию *равновесия* (и пропорциональности) хозяйственной жизни, этого важнейшего фактора общественной жизнедеятельности.

Рынок в чистом, абстрактном виде предполагает равноправность *всех* сторон обмена. Равноправность не только между производителями и покупателями, но и равноправность *внутри* обеих сфер – и в производственной (между производителями) и в потребительской (между покупателями). Первое имеет следствием наличие конкуренции между производителями, второе – конкуренцию между покупателями.

На таком рынке стороны стремятся к установлению равновесия интересов сторон обмена (производства и потребления), отсюда возникает общественный феномен, который получил название «общественно необходимых затрат» – в итоге полезными признаются только те затраты, которые удовлетворяют стороны обмена. Динамика потребностей и возможностей (отношений спроса и предложения) имеет следствием постоянное нарушение равновесия сторон и влечёт необходимость изменения критериев обмена. Как следствие, стоимость предметов рыночного обращения, реализующаяся на рынке, не соответствует стоимости, созданной в процессе производства (неважно, в какую сторону). Эквивалентность рыночного обмена существует не как эквивалентность произведённых стоимостей, а как эквивалентность стоимостей, деформированных рынком – меновых стоимостей. Именно рыночная (меновая) стоимость и представляет упомянутые общественно необходимые затраты.

(Важное замечание. Глубинной основой обмена в отношении приведения стоимости к общественно необходимой является сторона производства, представляющая *объективность* процессов производства как материальных действий по изменению формы материальных тел. Данное приведение представляет собой не просто арифметическое усреднение стоимости (выступающей в обмене в *превращённой форме* меновой стоимости) как выведение средней стоимости от всех представленных на рынке, а есть следствие вполне объективных процессов совершенствования способов изготовления продуктов труда, приведение их (способов) к минимально возможным со стороны затратной части и максимально эффективным со стороны производительной и отсечение от рынка, в итоге, неэффективных производителей.

В процессе обмена и образования *меновой стоимости как стоимости, представляющей общественно необходимые затраты труда*, что реализуется посредством механизмов конкуренции и образования средней нормы прибыли, *особенное* – меновая стоимость (превращённая форма стоимости) имеет аттрактором *общее* – стоимость.

Колебания меновой стоимости вокруг центра притяжения – стоимости – происходят под воздействием отношений спроса-предложения, т.е. отношений конкуренции как производителей, так и потребителей, что имеет

результатом стремление производителей к максимально возможному снижению стоимости и повышению т.о. эффективности производства как производства прибавочной стоимости.

Обмен как опосредствование производителей, как видим, имеет кроме явной стороны – развития разделения труда, ещё и скрытую сторону – совершенствование процессов производства. От этой очень важной функции *свободного* (не монополизированного) обмена продуктами труда нельзя отмахнуться при исследовании экономических способов производства. Монополизация производства и обмена в условиях рыночных отношений неизбежно ведёт к застойным явлениям в производстве, сдерживая развитие производительных сил).

В реальности чистого рынка нет, поскольку на современном рынке монополии ликвидируют равноправность сторон обмена, прежде всего в сфере производства, и, как следствие, рынок в рассмотренной форме, и модифицируют его в *особенную* форму рыночных отношений, в которых правила устанавливает преимущественно одна сторона обмена – монополии и олигополии – концентрирующие в своих руках производительную силу общества. Неэквивалентность обмена на таком рынке становится перманентным фактором, действующим в пользу монопольного предложения.

Что касается социалистической формы экономики, то существование отношений обмена в ней детерминируется рассмотренными выше фундаментальными факторами – потребностью в продуктах труда и наличием разделения труда, которые характерны для *всех* общественных форм. Следует подчеркнуть, что это должны быть именно *рыночные* отношения, т.е. отношения *эквивалентного* обмена по *стоимости*, поскольку только эквивалентность обмена способна поддерживать *равновесие* (и пропорциональность) всей хозяйственной деятельности общества. Одновременно *условие эквивалентности при согласовании спроса и предложения будет тем критерием, который формирует величину общественно необходимых затрат*.

Плановый же характер социалистической экономики является тем регулирующим и направляющим фактором, который 1. позволяет избежать кризисных колебаний экономической жизни и одновременно 2. поддержать тенденции движения в направлении повышения эффективности общественного производства. Другими словами, поддержание *равновесия* общественных потребностей и возможностей, столь важного для жизнедеятельности общества, должно осуществляться в плановом порядке в масштабе всего общества, но с обязательным учётом связей производства и потребления посредством рыночного механизма, состоящего в согласовании спроса и предложения, и эквивалентности обмена, что означает обязательное возмещение производственных затрат, но только как *общественно необходимых затрат*. Такой планово-рыночный механизм будет плодотворно воздействовать на экономику, элиминируя неэффективные предприятия и стимулируя инновационные производства. Поскольку эквивалентность обмена подразумевает действие механизма согласования спроса и предложения, то в планово-рыночной экономике сохраняется действие такого рыночного механизма, как конкуренция. В этом отношении

принцип плановости позволит относительно мягко ликвидировать или перепрофилировать неэффективные производства и избежать социальных конфликтов.

Наличие разных форм собственности в социалистической экономике должно быть предметом повышенного внимания социалистического государства. Очевидно, что его политика должна быть направлена на развитие и совершенствование социализированных форм собственности (государственной, общенародной, коллективной, ассоциативной и т.п.) *с тенденцией движения от частного к общему*, но с обязательным учётом необходимости поддержания равновесия экономики в условиях регулируемого рынка.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об исторической перспективе рыночных отношений. Если обмен как общественное отношение присущ всем типам обществ, что мы отмечали выше, то обмен в *рыночной* форме исторически обусловлен необходимостью поддержания его эквивалентности в интересах сохранения равновесия хозяйства. Из этого следует, что преодоление *рыночной* формы обмена возможно только с: 1. изживанием всех форм собственности (устранение персонифицированных сторон обмена), 2. становлением полной плановости (устранение императивности эквивалентного обмена) и 3. наличием производственных возможностей, способных полностью удовлетворить общественные потребности (устранение отношений спроса-предложения). При этом собственно отношения обмена принимают форму сотрудничества (кооперации) в масштабах всего общества.[1]

15.10.2019

Отношения собственности, собственность

Феномен собственности определяется в существующей литературе неоднозначно: 1. как *правовое* представление отношений собственности в форме *вещных* отношений, 2. как *экономическое* отношение по реализации прав собственности, и 3. как *социальный* феномен в форме *общественных отношений* – отношений собственности. Последнее характерно преимущественно для марксистской традиции, рассматривающей общественные отношения с точки зрения их диалектической сущности.

На основании работ, исследующих феномен собственности, и, далеко не в последнюю очередь, из эмпирии можно сделать самый общий первичный абстрактный вывод: *собственность* – это признаваемая обществом, а

[1] Это соответствует сотрудничеству ассоциаций свободных производителей, о которых, как о некой абстракции, говорил Маркс.

значит *легитимная*[1], принадлежность[2] материальных и/или не-материальных объектов, как природных, так и искусственных, общественным субъектам (от индивида до общества в целом) с возможностью реализации ими этой принадлежности в определённых целях (политических, экономических, социальных и т.п.).

Собственность, рассматриваемая с точки зрения присвоения (апроприации) некоего блага, есть, в первую очередь, *действие* по его обретению, осуществляемое *в обществе*, и потому как таковое представляет собой *общественное отношение*, главной функцией которого является *легализация* этого действия. В этом действии – присвоении – важно всё: и то, что оно осуществляется в среде *общественных субъектов*, и то, что данный факт определяет его *общественный* характер, и то, что и само действие, и его результат становятся *легитимным*. В апроприации как действии явным образом реализуется диалектика взаимосвязи общего и особенного – *частное* действие (присвоение) должно быть необходимо воспринято и признано *целым*, обществом. В свою очередь целое должно актуализировать, легализовать частное в явной форме, принятой в данном обществе.

Действия по присвоению (апроприации) рефлексируются общественным сознанием и в ходе исторического процесса легитимируются – объективируются в форме *института собственности*, распространяющего своё действие на все сферы общественной жизни (политическую, социальную, экономическую, правовую, идеологическую) и являющегося внешним выражением отношений собственности. Институт собственности как общественный механизм, определяющий порядок жизнедеятельности в сфере отношений собственности, легализует эти отношения, и собственность предстаёт уже и как *процесс* присвоения (апроприация), и как *объект* (вещь), являющийся предметом отношений собственности со всеми, вытекающими из этих отношений, последствиями.

Собственность как общественное отношение (и его институциональное оформление) всецело детерминируется исторически сформировавшимся строем данного общества и потому является исторической категорией, историческим отношением (т.е. и возникающим, и исчезающим). Общественное отношение, определяемое сутью конкретного общества, первично, его эпифеномен в форме общественных институтов и легализуемых ими вещных отношений вторичен.

Т.о. *исторически возникшее* легитимное общественное отношение легитимирует и *действие* по обретению собственности, *и вещь* (объект собственности), наделяя её в сознании общественных субъектов качеством, отнюдь не являющимся сущностью вещи самой по себе – *персонифицированностью*; тем самым *вещь фетишизируется*, становясь представителем

---

[1] Легитимность (от лат. legitimus — согласный с законами, законный, правомерный) — *добровольное* согласие общества с решениями и деятельностью власти и шире – с действиями общественных субъектов. Легитимное действие — это такой поступок, который не оспаривается никем.

[2] 1. *Принадлежать* – являться чьим-нибудь достоянием. 2. Действия по глаголу *принадлежать*, вхождение в состав чего-нибудь.

собственника, она как бы одушевляется, подменяя в общественных отношениях самого собственника. Одновременно собственник в отношениях собственности представляет не себя самого как индивида, личность, а вещь, собственником которой он является – его личность в этих отношениях отчуждается, становится ничтожной, тогда как вещь становится главным действующим лицом, диктующим правила поведения своим собственникам.

Как видим, собственность как социальный феномен *диалектически* двойственна – она одновременно предстаёт и динамически – как *отношение*, процесс, и статически – как *вещь*, являющаяся предметом отношений собственности. Более того, вещь как собственность наделяется псевдочеловеческими качествами, она субъективируется, представляя собственника в общественных отношениях. Человек же становится представителем вещи, её слугой, всецело зависимым от вещи.

Каков же генезис отношений собственности?

Индивида и продукт его труда связывает вместе (отождествляет) вполне *материальный* процесс создания продукта труда, *идеально* представленный в этом продукте.[1] Тем самым в идеальном продукта труда (стоимости) представлен материальный процесс производства. По завершении производительного процесса материальное отношение человека и продукта его труда представлено в идеальном продукта труда (стоимости) и это, теперь уже *идеальное отношение, внутренне вполне объективно, поскольку основано на объективных же материальных процессах*. Представление в продукте труда в *идеальной* форме (в форме стоимости) *материального* процесса производства и выступает явным указанием на *фактическую* принадлежность продукта труда его *непосредственному* производителю.

Объективное идеальное – связь человека и вещи, им изготовленной, – отражается в *субъективном* идеальном – в сознании индивидов, которое, достигая общности в форме общественного сознания, становится также объективным (по крайне мере в отношении индивидов и их групп). Теперь продукт труда может быть присвоен и отношения производства естественно перетекают уже в иные отношения – *отношения собственности*. Присвоенный продукт предстаёт уже как *собственность*, а отношение, связывающее производителя и продукт, есть *отношение собственности*.[2]

Отношения собственности есть особые общественные отношения,

---

[1] В современных отношениях обмена это идеальное предстаёт как *стоимость*. Но то, что сегодня именуется стоимостью, *всегда* имело место там, где происходил обмен, в том числе и в первобытном обществе, пусть и в примитивном виде, а иначе, в отсутствие критерия обмена, последний невозможен.

[2] В отношении собственности его стороны – индивид и продукт его труда – предстают, соответственно, как собственник и собственность. «Первоначально право собственности выступало перед нами как право, основанное на собственном труде. По крайней мере мы должны были принять это допущение, так как друг другу противостоят лишь равноправные товаровладельцы, причём средством для присвоения чужого товара является исключительно отчуждение своего собственного товара, а этот последний может быть создан лишь трудом» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 597).

выражающие связь между людьми и вещами (продуктами их труда), а также отношения между людьми, опосредствованные вещами. Эти отношения являются следствием процесса производства. Поскольку процесс создания вещи как материальный процесс *объективен*, то и связь между производителем и вещью вполне *объективна*. Посредством этой связи вещь представляет индивида или, что то же самое, индивид представлен в вещи. В отношении к самому себе (имманентно) это индивидуальное отношение собственности есть отношение в-себе, но будучи противопоставлено другим подобным индивидуальным отношениям собственности оно становится для-себя, т.е. самостоятельным объективным общественным отношением – в такой форме это есть уже отношение между людьми, опосредствованное вещами.

Отношения собственности имеют следствием возникновение своеобразного общественного феномена – т.к. вещи представляют людей, то тем самым происходит *персонификация* вещей и эти вещи предстают *персонифицированными*. С другой стороны, отношения людей, опосредствованные вещами, предстают в *овещнённой* форме, люди *овещняются*.

Поскольку при наличии отношений собственности в вещи представлен её собственник, хотя и не непосредственно, а в превращённой форме, идеально, то по этой причине в отношениях с другими людьми вещь (собственность) может представать как *субъект*, а её противоположность – индивид, взаимодействующий с «чужой» вещью, как *объект*, используемый этой собственностью, что и имеет место в производственных отношениях, где *собственники средств производства* используют других людей как *производственное дополнение* к этим средствам производства. Здесь вещь (средства производства) персонифицирует её собственника и предстаёт как субъект, а противоположная сторона производственных отношений, работник, используется как технологическое дополнение к вещи и в таком качестве является объектом, вещью – посредством персонифицированной вещи эксплуатируется овещнённый человек.

Особо отметим – именно персонифицированная вещь, т.е. находящаяся в частной собственности (вследствие чего вещь предстаёт как представитель собственника), опосредствует отношения эксплуатации. *Для ликвидации эксплуатации необходимо, как минимум, деперсонифицировать вещи – т.е. ликвидировать частную собственность.*

Т.о. отношения собственности возникают как диалектическое тождество (единство в различии) разнородных, по существу процессов:

- собственно *производительной деятельности* как производства продуктов труда – и эта деятельность является основанием отношений собственности;

- производственной деятельности, осуществляемой *обособленными* производителями как следствие обособленности (единичности и конечности) предметов и продуктов труда. Естественным результатом такой обособленной деятельности являются фактические отношения владения производителями произведённым продуктом – продукт становится собственностью;

- произведённые продукты подлежат обмену (это необходимое условие удовлетворения потребностей индивидов и их групп, владеющих *разными*

продуктами труда). Возникают новые отношения – *отношения обмена*. Теперь одностороннее отношение собственности (собственника и его продукта) дополнено своим отрицанием – другими такими же односторонними отношениями собственности. Снятие противоречивого взаимодействия этих односторонних отношений в состоявшемся обмене предстаёт уже завершённым отношением собственности, в котором стороны обмена *совершили полный цикл присвоения и отчуждения продукта труда*. Отношения собственности становятся *общественным* явлением, воспроизводят себя снова и снова и, как следствие, объединяют индивидов и группы индивидов в целостное сообщество, которое своими внутренними отношениями производства и обмена полностью обеспечивает свою жизнедеятельность.

Т.о. отношения собственности возникают *исторически* как *необходимые*, как следствие производительной деятельности человека и связанного с ней разделения труда.[1] Отношения собственности есть в первую очередь онтологические, т.е. *объективные* общественные отношения, которые в процессе исторического развития закрепляются и предстают в экономических, правовых и научных формах, т.е. гносеологически, отражаясь и закрепляясь в индивидуальном и общественном сознании в превращённой *идеологической* форме, что даёт возможность апологетам отношений собственности трактовать их как изначально присущие человеку и обществу, чему весьма способствует их онтологический и исторический статус.

Совершенно ясно, что отношения собственности есть сугубо *внешнее* выражение всего комплекса отмеченных процессов и, следовательно, *сущность* отношений собственности состоит в сущности этих *процессов* и не может рассматриваться отдельно от них. А это значит, что по мере развития общества отношения собственности необходимо будут изменять своё сущностное наполнение в зависимости от способа производства, как генетически определяющего отношения собственности. Этот вывод можно сформулировать и по-иному: *выход человека из собственно производительного процесса как части этого процесса устраняет всякое основание для возникновения связи между человеком и продуктом его труда и, соответственно, возможности возникновения последующих отношений собственности*.

Вернёмся к рассмотрению отношений собственности. Маркс, утверждая, что человек, «отчуждая от себя свою собственную деятельность, … позволяет другому человеку присваивать деятельность, ему не присущую», на этом основании делает вывод – «…частная собственность есть продукт, результат, необходимое следствие отчуждённого труда, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе».[2]

Но, как мы убедились, логическое рассмотрение вопроса выявляет

[1] Мы не касаемся здесь роли иерархических отношений (отношений господства и подчинения) в возникновении отношений собственности как второстепенных по отношению к производственным отношениям, которые являются *основанием* для отношений собственности.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. - Т. 42. С. 97.

обратное – именно индивидуальная[1] производительная деятельность имеет естественным результатом присвоение продукта труда его *производителями*, что создаёт тем самым *фактическое* отношение собственности, которое, в свою очередь, даёт возможность дальнейшего отчуждения продукта труда в интересах обмена (это признаёт и Маркс – «отчуждая … собственную деятельность»). Вначале частная собственность ещё равнозначна индивидуальной и имеет основанием *собственный труд* (это положение относится и к группам индивидов, занятых совместной деятельностью). И только теперь появляется потенциальная возможность отчуждения продукта *чужого труда* другими индивидами (группами индивидов) и возникновения частной собственности на совершенно ином основании – на *чужом труде*.[2] Но для этого необходимы и другие, более сложные общественные отношения, нежели отношения только производства и обмена, но мы их не рассматриваем.[3]

Т.о. частная собственность, имея общим основанием труд человека, может выступать в двух формах – 1. естественно возникающая индивидуальная (и групповая) собственность, основанная на *собственном* труде и 2. собственность, основанная на труде *других людей*, возникающая как принудительное (а иного быть не может[4]) отчуждение продукта, а затем и собственно труда человека, его деятельности, что, в сущности, есть не что иное как отчуждение человека от него самого. Именно вторая форма собственности – собственность на чужой труд и его результат – и есть «следствие отчуждённого труда».

Отношения собственности самого производителя (производителей) к продуктам своего труда можно назвать *естественными*, поскольку здесь отношения собственности являются естественным следствием производительной деятельности, в основании которой находится личный труд. Эта форма собственности внутренне не противоречива, поскольку отношения собственности являются вполне *объективным* следствием субстанциональности труда как внутренне тождественной материально-идеальной деятельности.

---

[1] Говоря «индивидуальная деятельность» мы имеем ввиду также и групповую деятельность людей, занятых совместным трудом.

[2] Здесь имеется ввиду не владение продуктом чужого труда в результате произошедшего обмена, а собственность, основанная на *принудительном* изъятии продукта труда у его производителя. От форм принуждения мы здесь абстрагируемся.

[3] «Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего - невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, по-видимому, их тождество» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 597).

[4] Насильственный, принудительный характер труда на частного собственника отмечал ещё Маркс: «…обособившееся в виде самостоятельной силы богатство может вообще существовать *только* благодаря принудительному труду: *непосредственному* принудительному труду — рабству или *опосредствованному* принудительному труду — *наёмному труду»* (Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 281).

Форма собственности, в которой собственник владеет результатом чужого труда вследствие его изъятия, отчуждения (неважно, насильственного или «добровольного», вызванного жизненными или экономическими потребностями), является внутренне *антагонистической* формой, поскольку в ней изначально заложено противоречие между естественным, *объективным* отношением собственности самого производителя к результату своего труда и между отчуждением этого отношения другим лицом, не имеющим естественно возникших оснований для владения продуктом труда. Антагонистическая форма собственности есть следствие *субъективных* действий по изъятию продукта труда у его производителей. Антагонистическая форма отношений собственности возникает только тогда, когда иные общественные отношения, прежде всего отношения господства и подчинения, деформируют отношения присвоения таким образом, что становится возможным присвоение продукта труда не самими производителями, а третьими лицами. Вследствие этих процессов (по своей общественной форме весьма сложных) возникают антагонистические формы собственности, являющиеся следствием захвата продукта труда небольшой частью общества, которая, овладевая затем и средствами производства, присваивает коллективно (общественно) произведённый продукт.

В антагонистической форме собственности уже самим принципом её появления, принудительным отчуждением, заложено внутреннее противоречие между источником её возникновения (труд одних) и фактическим отношением собственности (собственность других). Это изначально заложенное антагонистическое отношение является имманентным антагонистическим противоречием, сопровождающим эту форму собственности в течение всей её жизни, и которое, в конце концов, должно разрешиться ликвидацией этого противоречия в новых формах отношений собственности как естественной собственности, т.е. принадлежащей самим производителям.[1]

Т.о. «частная собственность есть продукт, результат, необходимое

[1] То же самое, по сути, говорит и Маркс: "Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса своё собственное отрицание. Это отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землёй и произведёнными самим трудом средствами производства" (Там же. Т. 23. С. 773).

Как видим, Маркс отличает *индивидуальную* собственность, основанную на *собственном* труде, от *частной* собственности, соответствующей капиталистически ведущемуся производству (использованию *наёмного* труда). И другое, – *общественная* собственность приравнивается им к индивидуальному владению средствами производства и результатами производственной деятельности, т.е. она фактически основана на собственном труде людей. Или, другими словами, право *общественной* собственности (т.е. отношения производства и распределения) могут осуществлять *только* работающие индивидуумы.

следствие отчуждённого труда» только в отношении антагонистической формы собственности, но не собственности вообще.

***

В основании отношений собственности находятся три общественных феномена: 1. производственная деятельность разных производителей, самой своей сущностью предполагающая возникновение отношений собственности; 2. отношения обмена, в которых односторонние отношения собственности, возникающие в производстве, снимаются в обмене продуктами труда, становятся всеобщими и т.о. полностью реализуются; 3. отношения насилия и иерархии (главенства и подчинения) – для антагонистической формы собственности.

Мы определили три условия, лежащие в основании отношений собственности, без ликвидации которых невозможно уничтожение последних. Выполнение первого условия обеспечивается выходом человека из процесса производства как его непосредственного участника, как дополнения технологических процессов, как «частичного человека». Тем самым объективно ликвидируются всякие основания для возникновения и существования отношений собственности.

Здесь следует подчеркнуть весьма важный момент. Если превращение частной собственности в общественную предстаёт именно как *ликвидация* антагонистической формы частной собственности, т.е. как принудительный по отношению к частным собственникам акт (и иначе это осуществлено быть не может, причём на сущность этого процесса не влияет, будет ли эта ликвидация возмездной или безвозмездной), то ликвидация отношений собственности как таковых по своей форме может быть только их *исчезанием* (Маркс говорит об *упразднении,* что фактически то же самое) по мере выхода человека из процесса производства как его объекта, как технологического дополнения к орудиям труда, что возможно с полной автоматизацией производства.[1]

Поскольку выход человека из процесса производства знаменует исчезновение самой возможности возникновения отношений собственности, то, казалось бы, объективно ликвидируется и условие необходимости обмена продуктами труда. Но этот вывод, взятый сам по себе, будет абстрактным выводом – ведь сохраняется собственно само производство с его дифференциацией по отраслям и видам производства, т.е. то, что ранее характеризовалось как разделение труда.

Отсюда видно, что отношения обмена с исчезанием отношений собственности не исчезают, а меняют свою форму – из товарно-денежной формы они переходят полностью в натуральную форму. Собственно, это будут уже не отношения обмена, в которых обмениваются *стоимости*, а отношения кооперации, координации, в которых обмениваются *вещественные* результаты производственной деятельности. Правильнее будет

[1] Сказанное не означает, что человек не будет участвовать в производстве – он становится творцом, полным человеком, свободно распоряжающимся своей судьбой. Только теперь появляется возможность становления новых отношений – труд из необходимости превращается в потребность.

даже сказать, что результаты производственной деятельности не обмениваются, а дополняют друг друга, соответствуют друг другу.

Разумеется, что упразднение отношений собственности связано с выполнением ещё одного важнейшего условия – развитием производительных сил выше определённого уровня, что непосредственно связано с первым условием, и соответствующее этому развитию коренное изменение всех общественных отношений, неразрывно связанное с развитием самого человека.

***

Отношения собственности реализуются в форме частной собственности (к особенным формам которой относятся групповая, коллективная и государственная собственность) при формально свободном работнике

Подобные отношения отчуждения характерны и для первой фазы коммунизма (социализма) с тем сущностным отличием, которое позволяет выделить эту общественную форму во вполне самостоятельную и отличную от капиталистической, что средства производства формально принадлежат всему обществу и, соответственно, продукт труда и сама деятельность работников также принадлежат всему обществу.

Однако, поскольку собственность как общественный феномен сохраняется, то должен быть и субъект, реализующий отношения собственности и управляющий собственностью – совершенно ясно, что общество в целом может выполнять эту функцию только будучи оформленным в каком-то виде, но не как аморфная масса. Таковым субъектом при господстве общественной собственности на средства производства может быть только субъект, чья всеобщность соответствует всеобщности общества. Такой субъект исторически возникает только в форме государства.

Отсюда следует, что значение государства в регулировании общественных отношений (прежде всего отношений собственности) при социализме не только не снижается, а напротив, возрастает, причём оно объективно должно расти пропорционально росту объёма собственности, т.е. производительных сил. В этой роли государства заключён не только огромный потенциал по развитию общественных производительных сил, но и скрыта не менее огромная опасность, состоящая в том, что государственным институтам, в силу их функций, имманентно стремление монополизировать все стороны жизнедеятельности общества, огосударствить все общественные отношения (западная политология окрестила этот феномен тоталитаризмом, превратив его в своеобразный жупел, совершенно не понимая при этом глубинной сути социалистического общества. К сожалению, с этим согласны и многие исследователи марксистского толка, не желающие, или не способные вникнуть в суть социалистических общественных отношений).

Государство – это форма самоорганизации общества и фактически получается, что форма получает почти неограниченные возможности по воздействию на содержание, что чрезвычайно опасно для общества в целом. Путь социализма, новый, неизведанный путь, его можно сравнить с движением по лезвию бритвы – уклон в сторону излишнего огосударствления ведёт к неизбежному окостеневанию общественных структур, застою, апатии

общества[1]; уклон в сторону чрезмерного ослабления государства ведёт к столь же неизбежному появлению центробежных тенденций, анархии, децентрализации. Мы не смогли удержаться, из первой опасности сразу безмысленно бросились во вторую и своими руками уничтожили и общество, и государство.

Неужели же нет пути, идя которым и сохраняя организующую роль государства можно поставить общество в равноправное положение с государством и, более того, постепенно сблизить, отождествить государство и общество, снять их противоречие в новом качественном состоянии? Как решить эту диалектическую задачу?

Очевидно, исходя из того основополагающего отношения, что собственность на средства производства при социализме принадлежит *всему обществу*, а государство выполняет функцию управляющего этой собственностью, т.е. играет подчинённую обществу роль, находится на службе у него.

Но это означает, что и распоряжаться общим продуктом и собственной деятельностью должны *все* работники – т.е. не только иметь право, но и *фактически* осуществлять его. В противном случае неизбежна профанация отношений *общей* собственности и их узурпация слоем управляющих, бюрократией, что несёт в себе имманентную возможность перераспределения собственности в пользу бюрократии. Отношения собственности при социализме существуют в форме общей собственности всех работников на общий продукт и на свою деятельность. Однако неразвитость форм участия работников в управлении общей собственностью, продуктом и деятельностью, их отчуждение от функций управления, имеет следствием *фактическое* осуществление этих функций государством в лице правящего слоя. Это противоречие может разрешиться в пользу любой из сторон в зависимости от конкретных условий общественного развития.

Каким путём пойдёт участие трудящихся в управлении не только собственно производством, но и всей жизнедеятельностью общества априори невозможно сказать во всей полноте проблемы, но несомненно, что имеющийся опыт строительства социализма, как полезный, так и негативный должен быть и будет учтён.

Необходимо только отметить следующее – участие трудящихся в управлении производством и, тем более, всем обществом предполагает не только их активную жизненную позицию, но и весьма высокий культурный, во всех отношениях, уровень. С низким уровнем знаний и культуры нового общества не построить. Без учёта этого обстоятельства ни о каком эффективном участии в управлении обществом не может быть и речи. Только в этом обоюдном процессе целенаправленного изменения как общества, так и самого себя может и должен вырасти новый человек. Никакие государственные решения и действия не помогут, если человек в этом процессе предстаёт как *объект* воздействия, а не как *субъект* общественных

[1] Именно о возможности такого развития государства и общества неоднократно предупреждал Ленин, говоря о смертельной опасности бюрократизации государства.

отношений, активно в них участвующий и их изменяющий.

Как видим, человек социалистического общества есть переходный тип человека и в таком качестве он представляет собой сосредоточие противоречий старого, капиталистического общества, и нового, становящегося коммунистического общества, как, впрочем, противоречиво и само общество в целом.

Эгоистический индивидуализм прежнего общества и социалистические общественные отношения несовместимы. Но это не означает, что при социализме должно произойти полное растворение индивида в обществе. Диалектика развития предполагает не уничтожение сторон противоречия, а их снятие в новом качестве, что применительно к соотношению (сочетанию) индивидуализма и коллективности и в человеке, и в обществе означает возникновение *тождества* индивида и общества, что имеет следствием возникновение нового общественного феномена – феномена *общественной индивидуальности*, который из немногочисленного и случайного до сих пор явления становится всеобщим, массовым.

В этом соотношении индивидуального и общественного *единичное* (индивид) тождественно *общему* (обществу) посредством *особенного* – возникающих *новых форм* индивидуально-общественной деятельности. Такая деятельность есть деятельность индивида в обществе и для общества и, т.о., посредством общества для себя. Здесь каждый индивид субстанционален в субстанциональном обществе, часть и целое дополняют друг друга. Субстанциональность индивида означает его полную свободу в саморазвитии. Субстанциональность общества теперь означает, что целое (общество) детерминирует свои части (индивидов) не посредством давления непонимаемых объективных обстоятельств, а посредством сознательной добровольной совместной деятельности индивидов, сознательно же и добровольно согласовывающих своё саморазвитие с интересами общества. Детерминация частей целым и обратное воздействие частей на целое развиваются как единый взаимосогласованный двунаправленный процесс. Общество не принуждает и не подавляет индивидов, индивиды не противодействуют общественным интересам, которые теперь становятся их собственными органичными интересами.

Только в такой тождественности может реализоваться известное положение о том, что свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. *Индивидуализм эгоистический* в процессе исторического развития сменяется *индивидуализмом творческим*, который не может не быть *индивидуализмом общественным*, ибо суть творчества и заключается в действовании в общих интересах, поскольку только в общественных отношениях творчество может предъявить свою сущность, вне этих отношений оно не имеет основания. В противном случае ни о каком социализме (и, тем более, коммунизме) не может быть и речи. Однако, недостаточно *понять* сущность социалистических общественных отношений как новых условий взаимодействия индивидуального и общественного, главное — это *практическое движение* к новому общественному устройству. *Сознательное* изменение мира – в этом суть *современного* общественного развития.

Капиталистическая форма общественных отношений, кроме прочих противоречий, несёт в себе также свой собственный предел как незаинтересованность работников в развитии общественных производительных сил, в этом проявляется их личная отчуждённость от общества.

Социалистические отношения собственности неизбежно приводят к тому же результату в случае безраздельной власти бюрократии и отстранения работников от *действительного и всестороннего участия в управлении общей собственностью, распределении продукта труда и в управлении собственной деятельностью*. Наступает момент, когда дальнейшее движение должно пойти по одному из путей – либо возврат к частным отношениям собственности, либо отстранение бюрократии от управления собственностью, продуктом труда и деятельностью трудящихся и становление новых форм участия в этом процессе трудящихся. В случае всё более полного участия трудящихся во всех сторонах жизнедеятельности общества оно будет развиваться в направлении становления коммунистических общественных отношений, в случае же перманентного возрастания роли и силы бюрократии практически неизбежен возврат к капиталистической форме собственности со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями, что и произошло, в конце концов, с советским социализмом.

***

В отношении ликвидации отношений собственности надо сказать следующее. Естественные отношения собственности (отношения общественной собственности) как внутренне диалектические отношения своим естественным же результатом имеют тенденцию *исчезания* их вследствие постепенного выхода человека из процесса производства как *непосредственного* производителя и, т.о., исчезание непосредственной связи между человеком и продуктом производственной деятельности, т.е. элиминирование самой возможности возникновения каких бы то ни было отношений собственности.

Антагонистические отношения собственности (отношения частной собственности) возникают не как естественное следствие производительных процессов, а как *внешнее* влияние на них других общественных отношений – отношений насилия, господства и подчинения, иерархизации общества. По этой причине они не могут быть ликвидированы естественным путём, т.е. вследствие разрешения *внутреннего* производственного противоречия. Возникнув как насилие *над* производителями, они могут быть ликвидированы также только насилием, но уже *со стороны* производителей.[1] Вот почему в «Манифесте коммунистической партии» совершенно недвусмысленно сказано – «…коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя. Во всех этих движениях они выдвигают на первое

[1] Насилие понимается как воздействие на противоречие не имманентным ему способом, а внешним волевым действием (как воздействие внешнего влияния, как сторона внешнего противоречия). В данном случае это принудительная ликвидация частной собственности на средства производства. Формы такого принуждения могут быть разными в разных конкретных общественных условиях.

место вопрос о собственности, как основной вопрос движения… Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путём насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя».[1]

Возникнув в первобытном обществе отношения собственности, пройдя в своём историческом развитии смену рядя форм, имеют тенденцию своего исчезновения как тенденцию полного освобождения человека от отчуждения от продуктов своего труда и, главное, от отчуждения своей деятельности.

Путь от антагонистических отношений собственности – сначала к общественным отношениям собственности и уже затем к упразднению (исчезанию) всяких отношений собственности.

В итоге – только исчезание всех форм отношений собственности. Маркс заметил, что «снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение»[2]. Но полное снятие отчуждения как вынужденного самоотчуждения деятельности возможно только на пути ликвидации всяких отношений собственности.

В этом пункте развитие общественных отношений должно идти не вспять («тот же путь»), а совершить движение вперёд, к полной ликвидации всех форм отношений собственности. Но на прежнем основании – на последовательном отрицании и снятии форм собственности от неразвитой естественной к антагонистической, и от развитой антагонистической к развитой общественной – это невозможно. На собственном основании общественная собственность снята быть не может, поскольку снятие означает одновременно и сохранение её в новой форме, но высшая форма естественной собственности, как полной собственности на свой труд и его продукт, уже достигнута при социализме. Следовательно, собственность должна быть не просто снята, а упразднена на ином основании.

И это основание не может быть иным, чем таким развитием производительных сил, которое позволит вывести человека из процесса производства как его непосредственного участника, как часть технологического процесса, что приведёт к полной ликвидации самой возможности возникновения отношений собственности, поскольку будет отсутствовать *основание* для возникновения отношений собственности как следствия участия человека в производстве. Отношения собственности и собственность как таковую возможно ликвидировать, выведя человека из производства как его непосредственного участника в виде исполнителя. В этом пункте снятие отношений собственности выступает в новой форме, достигшей своего завершения, истины – как одновременно и исчезание всяких отношений собственности (в том числе общественной собственности), и распространение для индивида (групп индивидов) отношений присвоения на весь продукт общества – что необходимо предполагает такой уровень индивидуальной и общественной культуры, который позволит гармонично сочетать интересы общего (общества в целом), особенного (групп людей) и единичного (индивидов).

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 4. С. 459.

[2] Там же. Т. 42. С. 113.

С точки зрения собственно производства сейчас уже видны практически осуществимые пути такой возможности – речь идёт об автоматизации производства. С полным выходом человека из процесса производства как его объекта исчезает сущностная основа возникновения отношений собственности – нет производителя, нет субъекта собственности.[1]

Второе условие – упразднение отношений обмена – может быть достигнуто только с таким развитием производительных сил, которые позволят изменить общественные отношения таким образом, что потребности людей будут удовлетворяться в полной мере.

Но формирование этой меры потребует, в свою очередь, невероятного развития культурной сферы и всех форм общения людей, т.е. сферы идеального, и это есть третье условие.

Разумеется, что выполнение трёх названных условий не может быть последовательным – только единый процесс развития производительных сил и соответствующего изменения общественных отношений может (и должен) привести к полной ликвидации отношений собственности. Путь этот будет долгим и непростым, но иного нет. И без *целенаправленной активности* субъекта этих отношений, человека, такой результат вряд ли достижим.

22.01.2021

О стоимости

(Статья, направленная в адрес журнала «TERRA ECONOMICUS»).

В разных экономических журналах, в т.ч. и Вашем («TERRA ECONOMICUS»), периодически печатаются статьи, в которых прямо или косвенно затрагивается проблема сущности стоимости, и авторы которых то соглашаются, то пытаются оспорить предлагаемую Марксом трактовку стоимости.

Замечательно в этих статьях не разночтение авторами рассматриваемой проблемы, а то общее, что их объединяет – полное непонимание как хода рассуждений Маркса, так и, как естественное следствие этого, сущности стоимости.

Позволю себе некоторые замечания по поводу данной проблемы и с этой целью собираюсь, прежде всего, обратить внимание на слова самого Маркса, которые все пишущие о проблеме стоимости пропускают мимо ушей, а также на мнение Ленина о сути стоимости.

Маркс: «в стоимость не входит ни одного атома вещества природы» (Собр. соч., т. 23, с. 56). Совершенно ясное указание на то, что в трактовке

[1] Несомненно, что это теоретическое положение не следует выполнять в практике буквально – человек *должен* трудиться, в том числе и физически, но это будет уже не вынужденный обстоятельствами труд, а свободный труд, направленный на всестороннее саморазвитие человека, реализацию его многосторонних способностей и потребностей.

Маркса стоимость не вещественна, т.е. не материальна.

С этим коррелирует и определение сути стоимости: «как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда» (там же, с. 59). Но ведь «сгустки труда», как их ни толкуй, вовсе не материальны, не вещественны – в природе такого вещества не существует.

Можно добавить ещё следующее: «товары фигурируют лишь как носители стоимости, как названия вещей, *идеальное существование которых как стоимостей* (выделено мной) фиксируется в счётных деньгах» (там же, т. 24, с. 152). Здесь уже вовсе недвусмысленно говорится, что стоимость представлена в товаре идеально. Но это идеальное не в смысле совершенное, а нечто иное. Что именно – об этом позже.

С Марксом полностью согласен Ленин: «И тут Гегель прав по сути: стоимость есть категория, которая entbehrt des Stoffes der Sinnlichkeit (лишена вещества чувственности. Ред.), но она и с т и н н е е, чем закон спроса и предложения» (Собр. соч., т. 29, с. 154).

Ленин пишет это после слов Гегеля «Можно ли было когда-нибудь подумать, что философия станет отрицать истину умопостигаемых сущностей потому, что они лишены пространственного и временного вещества чувственности?».

Гегель говорит об объективности истины, т.е. сущности вещей, которая не имеет «пространственного и временного вещества чувственности», по сути идеальна, но, однако, от этого не менее реальна, чем «вещество чувственности». Другими словами – сущность вещей идеально присутствует в вещах реальности и с этим вполне солидарен Ленин. Сущность вещей («умопостигаемых сущностей», идеального), соглашается с Гегелем Ленин, имеет вполне реальное существование (причём как принадлежность реального это идеальное столь же объективно, как и реальное), а в отношении стоимости не менее реальное («она истиннее»), чем законы капиталистического рынка.

Как, говоря о стоимости, можно пройти мимо этих совершенно ясных указаний на сущность стоимости? Как можно не заметить, более того, игнорировать столь важные категориальные определения? Ну, да бог с ними, с пишущими, вернёмся к нашему предмету.

После сказанного Марксом и Лениным уже невозможно отделаться от их выводов умолчанием. Остаётся вслед за классиками признать, что стоимость, в отличие от её материального носителя – продукта труда – идеальна и попытаться понять, что же это идеальное собой представляет.

То, что такое идеальное не вполне соответствует «материальному, пересаженному в человеческую голову и переработанному в ней» ясно уже хотя бы потому, что идеальное, о котором идёт речь – стоимость – находится не в голове, а в материальном объекте – продукте труда. Мы не будем заниматься теоретическими изысканиями на тему идеального по той простой причине, что определённые наработки в этой области сделаны ещё в 70-х годах прошлого века замечательным диалектиком Э.В. Ильенковым, его выводами и воспользуемся.

Обратимся к работе Ильенкова «Проблема идеального». Согласно Ильенкову «под «идеальностью» или «идеальным» материализм и обязан

иметь в виду то очень своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта».

Итак, один *материальный* объект находится с другим *материальным* объектом в таком *особенном* отношении, что первый объект своей наличной формой («оставаясь самим собой») одновременно *представляет* «природу, форму и закономерность» другого объекта и такое представление есть идеальность, *идеальное*. Говоря языком Гегеля второй объект представлен в первом как «видимость», как «снятие» этого второго объекта. И это представление, видимость, снятие и есть идеальное представление второго объекта в первом. Другими словами, первый объект идеально представляет второй объект, или, что то же, второй объект идеально представлен в первом объекте, он есть идеальное первого объекта.

Переведём полученные выводы на язык политэкономии.

Первый объект – продукт труда. Второй объект – процесс труда (напомним, объект у Ильенкова это вещь, процесс, событие, состояние). Процесс труда по своём завершении овеществлён в продукте труда и т.о. *представлен* в нём – в его форме, свойствах, качествах, потребных человеку. Это представление есть *наличное бытие* завершённого процесса труда и существует в *идеальной* форме, т.е. неявно, имплицитно, «внутри» продукта труда как история его создания.

Но что же делает наше идеальное стоимостью? А то самое особенное отношение (по Ильенкову «своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя… материальными объектами»), о котором шла речь выше и которое есть не что иное, как *общественное* отношение, связывающее людей в процессе их жизнедеятельности. В общественных отношениях, и только в них, это идеальное предстаёт как *стоимость*.

В производстве создаётся продукт труда и вместе с ним «создаётся» его идеальное – процесс труда, «видимый» в продукте труда, представленный в нём. В общественных отношениях это идеальное продукта труда предстаёт (рефлексируется сознанием) в форме стоимости. Поскольку процесс производства (процесс труда) как материальный процесс объективен, то и стоимость, им создаваемая и представленная (рефлексируемая) в продукте труда, также *объективна*.

Но процессом труда общественные отношения не ограничиваются и, тем более, не завершаются. Продукт труда должен быть потреблён и потому отношения производства перетекают в отношения потребления, которые прежде опосредствуются отношениями обмена. Именно отношения обмена и являются тем камнем преткновения, который и создаёт непреодолимые для исследователей преграды, не позволяющие увидеть генетическую связь, существующую между стоимостью и меновой стоимостью как единым феноменом, изменяющим свою форму в процессе своего движения.

Рассмотрим влияние отношений обмена на метаморфоз стоимости

подробнее.

Стоимость не может быть учтена в обмене непосредственно, поскольку идеальное невозможно выразить количественно. Но зато количественно и совершенно без труда может быть выражено материальное. По этой причине стоимость императивно, т.е. абсолютно необходимо должна совершить движение от идеальной формы к форме материальной. Но такое движение невозможно осуществить непосредственно, и потому в общественных отношениях обмена естественно возникает опосредствующая форма стоимости – *меновая* стоимость, которая затем материализуется в цене и таким образом может быть выражена количественно. *Меновая стоимость* как опосредствующая идеальное (стоимость) и материальное (цену) *есть* т.о. *превращённая форма стоимости*. В свою очередь *цена* есть превращённая форма *меновой* стоимости.

Каким же образом и почему совершается метаморфоз стоимости в меновую стоимость и затем в цену?

Напомним, что стоимость как идеальное представление в продукте труда процесса его создания есть совершенно *объективная* категория, так же как объективен материальный производственный процесс – это материальное основание стоимости. По этой причине изменение стоимости возможно *только* как следствие изменения материальной формы продукта труда (т.е. изменения производственного процесса создания продукта труда). Т.е. материальная форма продукта труда и стоимость связаны прочнейшим образом. И именно эта неразрывная связь вносит в отношения обмена свой императив – обмен должен осуществляться (казалось бы) как обмен эквивалентных, объективно обусловленных стоимостей. Этот императив, представляемый *стоимостью*, воздействует на отношения обмена *со стороны производства*.

Но отношения обмена есть диалектические отношения двух сторон – не только производства, но и потребления (диалектичность заключается в том, что противоположные стороны в отношениях обмена составляют диалектическое противоречие, т.е. они невозможны друг без друга, влияют друг на друга, перетекают друг в друга – и в этом единстве в различии представляют собой тождество). В них со стороны отношений потребления на экономическую сцену выходит другой императив – потребность общества в определённых продуктах. С точки зрения потребления продукт труда рассматривается только как некая полезность для потребителя, его интересуют вполне конкретные качества продукта. Как следствие, в отношениях обмена *материальная* форма продукта труда предстаёт в форме, соответствующей *интересам потребления* – в форме *потребительной* стоимости. Т.о. *потребительная стоимость* представляет собой конкретную материальную форму продукта труда, способную удовлетворить конкретные потребности потребления – это уже императив *со стороны потребления*.

Другими словами, не всё, что произведено, может быть затребовано обществом и потреблено. А значит и затраченный труд может потребоваться лишь частично, либо и вовсе пропасть втуне. Соответственно, общество согласно признать только часть стоимости, представленной в продукте труда. Возможна и противоположная ситуация, когда потребности

превышают возможности по их удовлетворению. В этом случае сторона потребления может позволить себе компенсировать больше стоимости, чем её представлено в продукте труда.

Но ведь стоимость, как логически выведено выше, есть категория объективная и неизменная при неизменной форме продукта труда. Следовательно, в обмене, в том случае если не затребован весь произведённый продукт (или, напротив, его требуется больше, чем произведено), – т.е. в случаях, когда нарушается условие эквивалентности стоимостей, – она не может быть представлена *непосредственно* самой собой. По этой причине стоимость меняет свою форму и в обмене предстаёт *опосредствованно* – в своей превращённой форме, как *меновая* стоимость – как *часть стоимости*, *соответствующая потребностям* общества. Это значит, что в зависимости от соотношения потребностей и возможностей (в конкретном акте обмена – спроса и предложения) меновая стоимость может быть как ниже, так и выше стоимости, созданной в производстве. *Меновая стоимость* выражает согласие общества принять (или не принять) стоимость, созданную в производстве, и тем самым она представляет *общественно необходимые затраты*, на которые общество согласно пойти, и о которых говорил Маркс.

Как следствие влияния отношений обмена *материальная* форма продукта труда (а это сам продукт как вещь) в обмене предстаёт в своей превращённой форме – в форме *потребительной* стоимости. Одновременно *идеальная* форма продукта труда (стоимость) предстаёт в обмене в своей превращённой форме – в форме *меновой* стоимости.

Означает ли сказанное выше, что меновая стоимость, в отличие от стоимости, субъективна. В единичных актах обмена, в которых тон задаёт сиюминутная игра *спроса и предложения*, действует масса преходящих субъективных моментов и в такой форме меновая стоимость *субъективна*.

Но в гносеологическом рассмотрении, в котором принимаются во внимание только фундаментальные факторы, такие как соотношение *общественных возможностей* и *общественных потребностей*, в которых учитываются совокупные возможности и потребности общества как целого (а как таковые они имеют совершенно объективный характер), то меновая стоимость предстаёт уже как *объективный* общественный феномен.

В итоге получается, что диспропорции и искажения, вносимые отношениями обмена в процесс взаимодействия производства и потребления общества, вызваны объективными, в своём основании, процессами и факторами. Возникает парадоксальная ситуация – вполне объективные сами по себе отношения производства и потребления *в пункте своего взаимодействия, в обмене*, перманентно воспроизводят необъективность, выражающуюся в неэквивалентности конкретных актов обмена, и только общая оценка всей совокупности актов обмена позволяет говорить об эквивалентности обмена в отношении общества, взятого как целое.

Отмеченная парадоксальность вызвана тем обстоятельством, что объективные возможности *производства, отделённого от потребления,* не соответствуют объективным же потребностям *потребления, отделённого от производства*, и согласование производства и потребления путём обмена

необходимо вносит в обмен элемент необъективности, которая (необъективность) влияет, как мы убедились, на обе стороны. В этом и состоит объяснение выявленного парадокса: *необъективность* обмена вызвана *объективными* общественными обстоятельствами, – наличием отношений обмена самих по себе как объективной данности, – и потому также объективна, т.е. *неустранима в рамках отношений обмена.*

Данный феномен, – несовпадение объективных возможностей производства с не менее объективными потребностями потребления, – в масштабах всего общества есть причина глубоко онтологическая, по которой вполне объективная стоимость *необходимо* должна перейти в свою превращённую форму – не менее объективную меновую стоимость. И причина эта гораздо более фундаментальная, чем указанная выше – а именно, потребность в количественном выражении стоимости. Переходя на язык математики можно сказать, что первая причина (несовпадение возможностей и потребностей) есть условие необходимое, а вторая – условие достаточное.

Такова, в общих чертах, сущность стоимости в разных её формах.

В заключение следует, очевидно, сказать также несколько слов о существующих теориях стоимости. Авторы этих теорий (за исключением Маркса) исследуют сущность стоимости не с точки зрения единства материального (производственного процесса) и идеального (стоимости), а абстрактно, неполно, рассматривая стоимость со стороны только одного из её проявлений, тем самым фетишизируя одну из сторон стоимости.

Наиболее полно сущность стоимости исследовал Маркс (критически развивший идеи Смита и Рикардо), совершенно верно утверждающий, что в основании стоимости лежит труд, т.е. производительная деятельность человека, и что стоимость должна пройти отношения обмена, в которых необходимо меняет свою форму на меновую стоимость и только затем продукт может быть потреблён. Как видим, теория Маркса учитывает все стороны общественных отношений – производство, обмен, потребление.

Теория издержек производства (и близкая к ней теория факторов производства) рассматривает сущность стоимости только со стороны затратной части, абстрагируясь от деятельностной, созидающей стороны. Тем самым из анализа элиминируется собственно источник стоимости как *новой*, создаваемой стоимости.

Теории спроса и предложения и предельной полезности исключают из анализа сферу производства и обращаются в поисках источника стоимости к сфере обмена и этим фактом полностью исключают возможность уяснить сущность стоимости, создаваемой в сфере производства.

Тем не менее, несмотря на односторонность, абстрактность рассмотрения, а, вернее, благодаря этому теории издержек производства, факторов производства, спроса и предложения и предельной полезности достаточно точно описывают формирование формы стоимости – *меновой стоимости* – со стороны общественных издержек, а также формирование цены производства в условиях прямого взаимодействия спроса и предложения.

18.02.2016

О «новом» переводе Маркса

(Статья опубликована на сайте движения «Альтернативы»).

В журнале «Свободная мысль» (2016, № 5) опубликована статья П.Н. Кондрашева «Нелепость, ставшая привычкой», положительно оценивающая некие, якобы, новации в новом переводе «Капитала» Маркса, сделанном В.Я. Чеховским. По поводу неадекватного перевода Чеховским некоторых марксовских терминов убедительно и доказательно высказались А.В. Бузгалин и Л.Л. Васина (Альтернативы, 2016, № 3).

Я не буду повторять их доводов и собираюсь только более подробно рассмотреть предлагаемую В. Чеховским и защищаемую П. Кондрашевым трактовку термина (и понятия) «стоимость», поскольку главная цель «перевода», и это видно совершенно ясно, заключается в том, чтобы дезавуировать марксовскую трактовку стоимости как факта реальности, создаваемого *трудом*, а не обменом, и, более глубоко, как не объективной реальности капиталистического общественного отношения, а субъективного мнения неких сторон обмена. Все остальные «переводческие» игры с другими терминами служат только фиговым листком, прикрывающим основную цель.

Итак…

В. Чеховский после объяснения причин, по которым он заменил термин «потребительная стоимость» термином «потребительная ценность» предлагает применить ту же процедуру и к термину «меновая стоимость». По его уверению — «перевод соответствующего немецкого термина «русским *меновая стоимость* – стилистическая ошибка. Русское слово *стоимость* семантически означает *обмен*, т.е. *количественное соотношение*, *пропорцию при обмене*. Обмене *чего*? При *обмене*, по меньшей мере, двух *потребительных ценностей*, двух товаров».

Прежде всего, следует отметить, что «русское слово стоимость» семантически означает не обмен, а выражает тот факт, что некая вещь обладает вполне определённым свойством, а именно, количественной характеристикой, т.е. ей может быть сопоставлено число в соответствии с некоторым критерием. Это значит, что слово «стоимость», в своей основе является не характеристикой отношения (обмена), а определяет конкретную вещь (товар), является её внутренней характеристикой, отражает (представляет) какое-то её внутренне свойство (какое? об этом позже…). Стоимость это всегда стоимость чего-то конкретного, признак, характеризующий вещь безотносительно к другой вещи, саму по себе. Не надо иметь диплома филолога, чтобы понимать это.

Но если мы будем вести речь уже о термине стоимости, связанным с предикатом в упомянутой формуле – «меновая стоимость» — то именно этот предикат (меновая) и указывает на то, что наличие в вещи стоимости предполагает возможность обмена её на другую вещь, также обладающую стоимостной характеристикой. Термин без предиката и термин с предикатом это два разных термина. Только теперь возможно установление

«количественного соотношения, пропорции» и, далее, совершение обмена.

Такой, на первый взгляд незаметной, подменой одного термина — «стоимость», на другой термин — «меновая стоимость» и совершается В. Чеховским семантический подлог, после которого «стоимость» превращается в «обмен», «обмен» в «пропорцию», а от «пропорции» один шаг до обмениваемой «ценности» и можно на голубом глазу утверждать – «раз так, раз семантически стоимость есть выражение обмена, то лингвистическая форма меновая стоимость является тавтологией, простым повторением».

И далее – поскольку «присутствие меновой ценности есть указание на факт обмена. Меновая ценность немыслима без обмена», то потому, дескать, «смысл русского слова стоимость в точности совпадает со значением немецкого Tauschwert… Стоимость это меновая ценность».

Обратим внимание на итоговый вывод – «стоимость это меновая стоимость». Своей афористичностью он заслуживает быть высеченным на камне. Однако, увы, это афористичность теоретического абсурда и он (абсурд, разумеется) есть самое убедительное доказательства полной философско-политэкономической неграмотности В. Чеховского. Философской, потому что сей автор, судя по всему, незнаком с Гегелем, без которого «нельзя вполне понять «Капитала» Маркса» вообще и стоимости в частности. Политэкономической, потому что Маркс, которого столь самоуверенно взялся «переводить» В. Чеховский, совершенно недвусмысленно разделял две категории – стоимость и меновую стоимость. Меновая стоимость по Марксу есть *форма проявления в обмене* (потому и меновая) стоимости, *созданной трудом в производстве*, так что сей многомудрый афоризм свидетельствует о научной несостоятельности «переводчика» и его защитников.

Но этот теоретический абсурд подвигает автора рассматриваемой статьи П. Кондрашева, апологета В. Чеховского, к его дальнейшему усугублению – «Вывод: *Tauschwert* – отношение, пропорция, в которой один товар (*потребительная ценность*) обменивается на другой товар (*потребительная ценность*), следует переводить на русский язык «просто» как *стоимость*, но ни в коем случае не как *меновая стоимость*. Говоря иначе, *Tauschwert* можно перевести двояко, но не как меновая ценность и меновая стоимость, а как меновая ценность и стоимость».

Эта, как бы помягче сказать, глоссолалия, комментированию не поддаётся. Далее в своей статье Кондрашев пытается подавать Чеховского в том же духе – ссылаясь на то, что поскольку уже, дескать, ранее доказано что стоимость и ценность есть одно и то же, то и следует везде, где у Маркса речь идёт о том, что ранее переводилось как «стоимость», теперь переводить как «ценность». Вот так – простенько и незамысловато.

Пожалуй, следует ещё раз особо подчеркнуть главный изъян в методике «перевода» — его нарочитую абстрактность, т.е. одностороннее рассмотрение переводимых слов как неких терминов, значимых самих по себе, оторванных от смысла, сущности тех общественных отношений, которые ими выражены. Не случайно везде мы встречаем только «лингвистические формы», а также толкование «слов» и «терминов» и попытки выяснить их семантическое содержание, т.е. устоявшееся общеупотребительное

значение, но ничего не говорится о «понятиях», т.е. не просто о терминах и их обыденном смысле, но о *сущности* рассматриваемых общественных отношений – а последнее у Маркса главное, именно через общественные отношения и следует понимать (= переводить) Маркса. Поверхностным лингвистически-филологическим анализом *терминов* не раскрыть глубоких сущностных отношений, выражаемых у Маркса *понятиями*.

Стоимость же как *понятие*, как выражение общественного отношения, возникая в производстве как результат труда, представленный в материальной форме продукта труда, затем в процессе своего движения (общественном процессе!) предстаёт в своих *превращённых* формах (ещё одно понятие Маркса без которого невозможно понять ни стоимости, ни её форм) – меновой стоимости, цене, прибыли, а также в производных продуктах – проценте и ренте. Стоимость как *понятие* невозможно приравнять к ценности как *термину* (ещё менее к ценности как понятию) – они несовместимы ни по форме, ни по сущности. Но понять это, повторим ещё раз, можно только «проштудировав всю логику Гегеля», а не грамматику немецкого и русского языков.

В заключение нельзя не отметить опасные практические, социальные последствия подобного «перевода» Маркса о которых следует говорить открыто и громко.

А. Бузгалин и Л. Васина в конце своего анализа «перевода» отмечают «два негативных импульса.

Первый серьёзно опасен: замена понятия «стоимость» на понятие «ценность» существенно деформирует содержание ключевых категорий «Капитала», приводя к совершенно иному прочтению этого главного труда Маркса…

Второй негативный импульс не столько опасен, сколько бессмысленно-неприятен: вкусовая и в большинстве случаев мало профессиональная правка не только бесполезна, но и разрушает системы понятий и категорий, принятых за многие десятилетия в российской экономической науке».

Однако, как представляется, дело гораздо серьёзнее, а именно в том, что под маркой уточнения терминологии осуществляется не просто ревизия некоторых фундаментальных, основополагающих понятий и идей Маркса (во избежание недоразумений сразу скажем, что развитие их, безусловно, необходимо), а полное выхолащивание сути марксового анализа капиталистического общественного отношения, запутывание его сути, подмена понимания существующих общественных отношений как отношений, определяемых объективными обстоятельствами, субъективными мнениями о неких ценностях, которые можно трактовать как угодно.

Вместо трудовой теории стоимости снова, в который раз, пытаются протащить, не мытьём так катаньем, концепции, выхолащивающие трудовую суть стоимости и, тем самым, уводящие в тень проблему *отчуждения* человека и его деятельности и, тем самым, исключение даже из обсуждения проблемы, встающей в наше время в полный рост – проблему необходимости всестороннего освобождения человека, прежде всего человека труда.

Отсюда и проистекает постоянная война против Маркса и марксизма, которая не утихнет, это надо понимать совершенно отчётливо, пока

существует капитал.

Не берусь судить, что было главной причиной, побудившей В. Чеховского «перевести» «Капитал» Маркса – щедрый грант какого-то мецената от капитала или желание сказать новое слово в марксизме – но последнее, пожалуй, есть гораздо более худшее обстоятельство, нежели первое. В народе говорят – услужливый человек опаснее врага. Прошу извинить за резкость, но из песни слова не выкинешь, как не выкинуть Маркса из марксизма и марксизма из социального движения.

С практической же точки зрения «перевод» опасен также тем, что в библиотеках им заменят книги Маркса с сущностно верным толкованием его идей и понятий, и новые поколения, узнавая Маркса по ложному «переводу», так и не смогут самостоятельно пробиться к источнику истины.

Удивителен и заслуживает внимания и факт опубликования статьи, апологизирующей издание, искажающее смысл идей Маркса, в журнале «Свободная мысль», прямом наследнике журналов «Большевик» и «Коммунист» — и это на фоне позиции журнала, выраженной на одноимённом сайте, о «категорической необходимости нового теоретического осмысления общественного развития». Нового, но не за счёт же ложного искажения старого, которое, кстати, год от года на фоне нашей действительности становится всё новее. Иначе в погоне за блестящим внешней мишурой подобным «новым» можно оказаться в глубоком обозе общественной мысли, хуже того – в обозе идейного противника. Побольше критического *научного* анализа печатаемых статей, товарищи, поменьше дешёвой сенсационности и псевдоновизны. Так победим…

05.02.2017

Категория идеального и понятие стоимости

(Статья написана для XXIV Ильенковских чтений, состоявшихся 15-16.04.2023).

Очевидно, совершенно не случайно тема «Категория идеального и понятие стоимости» включена в программу XXIV Ильенковских чтений, поскольку невозможно игнорировать тождественность этих понятий, олицетворяющих категории общего (идеальное) и особенного (стоимость).

Сущность идеального

Идеальную сторону сущности стоимости прекрасно видел Маркс: «…в стоимость не входит *ни одного атома вещества природы.* (выделено нами. – А.П.)».[1] К мнению Маркса о невещественности стоимости можно присовокупить видение этой категории Лениным: «…*стоимость* есть категория, которая entbehrt des Stoffes der Sinnlichkeit (лишена вещества чувственности. *Ред.*)…».[2]

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 56.
[2] *Ленин В.И.* ПСС. - Т. 29. С. 154.

К сожалению, на этот момент – идеальность стоимости – практически не обращалось внимания.

Совершенно очевидно, что, не выяснив сущности *общего – идеального* – невозможно понять сущность *особенного* как проявления общего – *стоимости*.

Здесь, по совету М.А. Лифшица, стоит взять урок у двух философов, диалектический образ мышления которых является если не образцом, то, по крайней мере, никем не оспаривается.

Прежде обратимся к Г. Гегелю: «*Снятие* (Aufheben) и *снятое* (*идеальное* – ideelle) – одно из важнейших понятий философии, одно из главных определений, которое встречается решительно всюду и смысл которого следует точно понять и в особенности отличать от ничто. – Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто. …Снятое… есть нечто *опосредствованное:* оно не-сущее, но как *результат,* имевший своим исходным пунктом некоторое бытие, поэтому оно *еще* имеет *в себе определенность, от которой оно происходит*».[1]

По Гегелю, как видим, процедура снятия имеет результатом *снятое как идеальное*. Но снятие (Aufheben) «…имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец.*

…Таким образом, снятое есть в то же время и сохранённое, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено.

…Нечто снято лишь постольку, поскольку оно вступило в единство со своей противоположностью; для него, взятого в этом более точном определении как нечто рефлектированное, подходит название *момента».*[2]

Гегелевское идеальное – это одновременно и *прехождение* («положить конец»), и *становление* («удержание», «результат*,* имевший своим исходным пунктом некоторое бытие»), и то, что *становится как снятое* не есть *непосредственное*, наличное, но присутствует в актуальном наличном в *опосредствованной* форме («есть нечто опосредствованное») как *момент*, *сторона*.

При этом Гегель недвусмысленно разделяет формы идеального – идеальное как *совершенное* («Ideale») и идеальное как *снятое* («Ideelle»): «Ideale имеет более определённое значение (прекрасного и того, что к нему относится), чем Ideelle…».[3]

Можно сказать, что идеальное о котором идёт речь, есть результат некоего *прошлого* бытия (процесса), снятого в *наличном* бытии, которое тем самым *опосредствованно* представляет своим *актуальным* состоянием прошлое бытие – это *представление* и есть *идеальный* момент, сторона наличного, актуального бытия.

Обратимся к Э.В. Ильенкову. Согласно Ильенкову «…под “идеальностью” или “идеальным” материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя (по крайней

[1] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 168

[2] Там же.

[3] Там же.

мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта…».[1]

Отметим, что Э.В. Ильенков ограничивает сферу действительности идеального тем, что оно может быть представлением *одного* материального объекта *в другом*, но не может быть представлением для материального объекта *своего* идеального *в себе* (а ведь любой материальный объект есть результат неких *материальных* процессов, которые запечатлены, *закреплены (представлены) в самом объекте* – в его сущности, качестве, форме). Этим условием идеальное ограничивается процессами *взаимодействия разных объектов* и исключается наличие идеального в процессах *саморазвития* объектов реальности, тем самым идеальность как феномен из сферы всеобщего (*всё* материальное обладает идеальным) низводится в сферу особенного и единичного (*только* взаимодействующие объекты обладают идеальным), что самым негативным образом скажется на выводах Э.В. Ильенкова.

На первый взгляд идеальное как результат отношения между разными материальными объектами должно быть столь же объективным, как и сами материальные объекты. Но условие, что один объект может быть представлен только в другом (а себя в себе представлять не может), содержит потенциальную возможность, которая может воспрепятствовать утвердиться фундаментальному принципу объективности и всеобщности, поскольку даёт возможность предполагать наличие опосредствующего соотношения, некоего третьего объекта между представляемым и представляющим – ведь должен же быть механизм формирования представления и, следовательно, субъект этого действия. И здесь Э.В. Ильенков резко сужает статус идеального, вводя в качестве опосредствующего фактора человеческую деятельность.[2] Т.о. идеальное из сферы потенциальной объективности и всеобщности низводится в сферу особенности, субъективности, зависимости от деятельности человека.[3]

И потому утверждение Ильенкова, – «…”идеальное”, понимаемое как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных,

---

[1] *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Логос, № 1. – М., 2009. С. 13.

[2] «Идеальность есть характеристика вещей, но не их естественно-природной определённости, а той определённости, которой они обязаны труду, преобразующе-формообразующей деятельности общественного человека, его целесообразной чувственно-предметной активности» (Там же. С. 59).

[3] Нельзя исключить предположения, что данный вывод, редуцирующий всеобщее к особенному и, тем самым, критически сужающий гносеологические потенции понятия идеального, сделан под давлением идеологической конъюнктуры того времени с сугубо прагматической целью избежать обструкции «коллег» и позитивистски мысливших руководителей от философии - уж слишком резок контраст между всеобщностью и особенностью двух определений. Тем более, что даже такой паллиатив вызвал критику.

эмпирически чувственно данных человеку явлений…»,[1] т.е., другими словами, что идеальное всеобще и объективно, – повисает в воздухе. Этот вывод подтверждается последующим заявлением, что «…сфера явлений, коллективно созидаемый людьми мир духовной культуры, внутри себя организованный и расчленённый мир исторически складывающихся и социально зафиксированных (“узаконенных”) всеобщих представлений людей о “реальном” мире, и противостоит индивидуальной психике как некоторый очень особый и своеобразный мир, как “идеальный мир вообще”, как “идеализированный мир”».[2]

Т.е. идеальное есть результат деятельности людей и представляет собой «мир духовной культуры», что, несомненно, верно, но этим ограниченным определением Ильенков исключает деятельность природы, внешней людям и не зависящей от них и, соответственно, «соотношение между материальными объектами» на материальные объекты природы не распространяется, а ведь они также есть результат вполне материальных процессов. На каком же основании материальная деятельность природы должна исключаться, а материальная деятельность людей (между прочим, созданий природы) легитимироваться? В результате *всеобщность* идеального растворяется в *особенности* человеческой деятельности.

Т.о. налицо два несовместимых утверждения: во-первых, идеальное это «всеобщая форма и закон существования», т.е. категория объективная и всеобщая; во-вторых, это «коллективно созидаемый людьми мир духовной культуры», который «противостоит индивидуальной психике как некоторый очень особый и своеобразный мир, как «идеальный мир вообще», как «идеализированный мир» – т.е. идеальное создано и ограничено миром людей, обществом, и, следовательно, категория особенная, субъективная (поскольку является результатом субъективной деятельности человека). Эти противоположные утверждения фактически отождествляются, – всеобщее (природное, объективное) формально ставится в соответствие особенному (человеческому, субъективному), – но, поскольку они не имеют внутреннего единства, отождествление носит сугубо внешний, чисто формальный характер.

Субъективный мир людей не может быть тождествен миру в целом как равноправная категория. Это тождественность правомерна только в одном особенном отношении – при соотнесении с объективным внешним миром субъективного мира людей как более или менее адекватного отражения первого, но это уже иная проблема – проблема истинности. В качестве объективного субъективный мир людей может выступать только по отношению к индивиду, а это значит, что идеальное (в трактовке Ильенкова), созданное человеком, не имеет значения объективности и всеобщности, но только особенности и субъективности. Такое идеальное объективно только по отношению к индивиду, но уже по отношению ко всему обществу (т.е. к самому себе) оно субъективно и, тем самым, в себе ограничено собой же, не имеет значения всеобщности и объективности.

---

[1] *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального. С. 14

[2] Там же.

Декларативное, не подтверждённое логическим анализом, заявление о том, что идеальное может быть представлением одной вещи в другой вещи, опосредствованным *только* человеческой деятельностью, оказалось логическим тупиком, выйти из которого возможно только отвергнув данное утверждение и предположив, что идеальное всё-таки объективно и всеобще, т.е. актуально во всём сущем.

Идеальное же Ильенкова двойственно и, тем самым, как всё дуалистичное, внутренне противоречиво, но это противоречие не диалектическое (внутри одной сущности), а формальное (противоречие разных сущностей). С одной стороны идеальное есть следствие материального процесса и в этом качестве вполне объективно (как бы не представлял это сам Ильенков). Но, с другой стороны, эта объективность есть объективность не всеобщего, а особенного – человеческой деятельности. Это идеальное только ограниченно объективно – в пределах человеческого общества и объективно только по отношению к индивиду. В итоге получается, что нет общества – нет и идеального.

К тому же сам Ильенков говорит, что «…деятельность человека представлена в форме вещей…». Но человеческая деятельность, представленная в форме вещи, останется в вещи и без человека.[1] Деятельность, создавшая конечную вещь, тем самым уже *закреплена* в вещи, она теперь *имманентна* вещи, она её *необходимый* атрибут и как таковая присутствует уже *независимо* от человека. Получается, что Ильенков противоречит сам себе, говоря, что вне человека (вернее, вне деятельности человека) идеального не существует. Но человек способен увидеть идеальное, заложенное в вещь другим человеком только потому, что это идеальное принадлежит уже самой вещи и более не нуждается в присутствии человека.

Но в таком случае идеальное не является исключительной принадлежностью человека, а есть категория более высокого порядка, нежели особенного и субъективного.

Есть вопрос и более общего характера. Чем материальная деятельность человека отличается от материальной деятельности природы? Тем, что она есть следствие мышления? Телеологичностью? И только? Почему эти сугубо субъективные факторы должны служить препятствием к признанию

[1] Следует особо отметить один момент, касающийся «формы деятельности человека», которую вводит Ильенков в качестве важной категории, объясняющей сущность идеального. По Ильенкову идеальное «…это форма вещи, но существующая вне этой вещи и именно в деятельности человека как форма этой деятельности. Или, наоборот, это форма деятельности человека, но вне этого человека, как форма вещи». (*Ильенков Э.В.* Диалектика идеального. С. 41).

Но деятельность человека не есть нечто, возникающее спонтанно, само по себе. Поскольку деятельность осуществляется всё-таки во вполне определённой «форме», то она тем самым *оформляется*, *становится* (вспомним гегелевское становление) и, следовательно, имеет некое *основание*. И таким основанием может быть только то, что непосредственно предшествует материальной деятельности человека и детерминирует её, а именно – мышление и его результат, знание. Но ни мышление, ни знание никак нельзя отнести к материальному, а потому следует признать, что это также формы идеального.

идеальности объективной и всеобщей действительностью всей природы? Ведь *человек тоже продукт деятельности природы и этот продукт обладает свойствами идеального, несёт в себе идеальное и даже активно создаёт его. Значит, деятельность природы также имеет следствием возникновение идеального*, в данном случае человека с его осознаваемой им самим деятельностью, и это неоспоримый факт, подлежащий объяснению. Так почему этот вывод нельзя распространить на *все* материальные процессы и, соответственно, на *всё* материальное? В противном случае придётся признать, что возникновение идеального в самом человеке произошло безо всяких на то оснований, внезапно – но материалистов не может удовлетворить это чисто креационистское обоснование.

Мы натолкнулись на логическое противоречие фундаментального характера – если не признать за природой возможности существования идеального как «своего иного» материального, столь же объективного и всеобщего, то невозможно объяснить появление идеального в человеке и, следовательно, самого человека как активного актора идеального.[1]

Из этого противоречия следует производное от него – если человеческая деятельность как объективный материальный процесс в состоянии произвести материальное, обладающее качествами объективности и всеобщности, понимаемых как сущность, как законы природы, представленные (снятые) в продуктах труда (т.е. как представление «всеобщей природы, всеобщей формы и закономерности»), то почему следует отказать ей в возможности создать тождественное этому материальному иное – объективное и всеобщее идеальное, – но только его частное подобие, субъективное идеальное, которое «выявляется и фиксируется только в исторически сложившихся формах духовной культуры» (а это есть особенное и единичное).

Тем не менее, несмотря на отмеченную противоречивость и неполноту концепции идеального, выдвинутой Ильенковым, следует отметить главное – его научную смелость в постановке и решении проблемы, а также глубину выдвинутых принципиальных положений (хотя и не выдержанных им последовательно):

- идеальное есть следствие вполне материальных процессов и представляет собой их иную, не-материальную, сторону и потому:
- идеальное так же объективно, как и материальное;
- идеальное столь же всеобще, как и материальное;
- как таковое оно тождественно материальному, т.е. материальное и идеальное едины, неотделимы друг от друга и одновременно отличны.

Однако, в главном Ильенков прав – «”идеальное”, понимаемое как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных, эмпирически чувственно данных человеку явлений», есть *представление* материального в материальном, *снятие* материального *процесса* в материальном же *объекте*. При этом снимаемое и снимающее составляют тождество,

1 Это противоречие тогда же было отмечено М.А. Лифшицем – «…идеальное есть во всем, оно есть и в материальном бытии и в сознании, оно есть и в обществе и в природе, или же его нет нигде» (*Лифшиц М.А*. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 74).

единство при сохранении различия, поэтому следует говорить не о материальных, а о материально-идеальных объектах. Этот феномен актуален для всей реальности, всех её процессов и объектов.

Мы уделили так много внимания критике взглядов Ильенкова на сущность идеального исключительно по причине огромного гносеологического потенциала его трактовки идеального, которая становится всеобъемлющей при обобщении её особенности до уровня всеобщности.

***

Резюмируя всё, что выше было сказано об идеальном, можно сделать следующие выводы.

Идеальное в трактовке Гегеля – снятое, опосредствованное в наличном, представленное в актуальном как его момент, сторона, – и в трактовке Ильенкова – деятельность (процесс), представленная в форме вещи – идентичные феномены, сущностью которых является представление (снятие) процесса (у Ильенкова материального процесса) в его наличном результате.

Материальные процессы (мы окончательно уходим от Гегеля к материализму), т.е. процессы, протекающие с участием материальных объектов, имеют итогом новое состояние объекта, т.е. не только изменённую материальную форму, но и то, что стоит, так сказать, за «спиной» полученного результата – это история самого процесса, который детерминирует свойства, качества материального объекта и уже тем самым косвенно представлен в нём через его качественные определения, хотя и не идентичен им.

Эта история есть не что иное, как материальный процесс изменения материального же объекта, детерминирующий его количественно-качественные определения (свойства, сущность, закон возникновения и развития) и *снятый* в наличном состоянии этого объекта. Материальный процесс, снятый (представленный) в своём конечном результате и определяющий свойства материального объекта, и есть *идеальное как иная сторона материального*, его противоположность.

Т.о. *идеальное есть материальный процесс движения (изменения, развития) материального объекта, снятый (представленный) в полученном результате, т.е. в материальном же объекте (в наличном, актуальном материальном), в его форме, качествах, свойствах. Идеальное есть сущность материального.*

Идеальное диалектически двойственно. Оно есть момент, сторона *конкретного* материального процесса, снимаемая в наличном результате и как таковое оно *особенное* и *конечное* (ограниченное в форме конкретного материального). И оно же есть *сущность*, принцип, понятие этого процесса и в таком качестве *всеобщее* и *бесконечное*. Такое *идеальное столь же объективно и всеобще, как и материальное, и неотделимо от него, как, впрочем, и материальное от идеального.*

Поскольку идеальное есть снятие процесса движения, то *в основании (источнике) идеального находятся не вещи, предметы, а процессы, действие*. Основание идеального – это материальное, но не как фиксированная, застывшая вещь, предмет, а как движение, процесс.

Вещь же содержит в себе идеальное исключительно потому, что она является итогом, результатом какого-либо материального процесса. Вещь

(предмет, объект) в данном случае можно назвать основой (или материальной основой), в которой *представлено её собственное идеальное*.

Поскольку каждая вещь есть результат исключительно её собственного процесса возникновения, то *идеальное каждой единичной вещи уникально*, даже если множество подобных вещей возникли как результаты идентичных процессов. Как таковое идеальное единичной вещи представляет в наличном вещественном, материальном, только её собственное вещественное «прошлое» и потому особенно и единично. Но как феномен реальности, свойственный *всем* процессам и объектам реальности*, идеальное всеобще и объективно*.

Такое идеальное выступает не только как представление одним материальным объектом другого материального объекта, не только как результат человеческой деятельности, т.е. не только как особенное и единичное, но и как представление (снятие) в вещи процесса её *собственного* становления, как всеобщий природный феномен, проявляющийся, уже в явном виде, в деятельности человека.

Сущность стоимости

Категория стоимости, определяемая как воплощение в продукте труда человека этого самого труда (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс), несмотря на, казалось бы, предельную простоту и ясность этой дефиниции, до сих пор является предметом споров, в своей предельной категоричности даже объявляющих эту категорию несущественной. Однако, практика в своей неумолимой реальности свидетельствует, что продукты труда обмениваются с обязательным учётом затраченного труда, т.е., всё-таки, стоимость является основанием обмена.

В трактовке Маркса «В стоимости товара *представлен* (выделено нами. – А.П.) просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще».[1]

Т.о. стоимость есть *представление* в товаре человеческого труда, который по своей сути есть не что иное, как деятельность (процесс труда) по изготовлению продукта труда. Другими словами, стоимость – это *снятый (представленный) в продукте труда процесс труда* как целенаправленной деятельности по изменению предмета труда. В такой форме стоимость имеет характер «призрачной предметности»[2] – т.е. она в наличии, в продукте труда (в предмете), но одновременно не вещественна, не материальна (призрачна).

Но, по сути, это не что иное, как *идеальное*, как оно было исследовано выше.

Следовательно, *стоимость* есть представление, снятие процесса создания продукта труда (т.е. вполне материального процесса) в его итоге, результате – в материальном же. Этот процесс представлен в продукте как «видимость», «призрачная предметность», закреплённая (воплощённая –

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 53. Напомним также мнение Маркса, приведенное нами в начале статьи: «в стоимость не входит ни одного атома вещества природы».

[2] Там же. С. 46.

во плоти) в *материальной* форме продукта и, следовательно, в его *количественно-качественных* характеристиках.

Повторим – *стоимость как снятие в продукте труда процесса его создания есть идеальная сторона материального предмета (продукта труда)* или, другими словами, *стоимость есть идеальная сторона (момент) продукта труда, представляющая (снимающая) процесс его создания в материальной форме продукта труда*.

Поскольку в процессе создания продукта труда участвуют *все факторы производства*, то и в его стоимости снимаются *все стороны* их участия, вследствие чего в процессе производства формируются не только количественные (форма), но и качественные (свойства) характеристики продукта труда – т.е. в стоимости представлена *количественно-качественная* сторона *всего* процесса производства и *всех* его факторов без исключения.

Т.о. *стоимость* как снятие *всего комплекса процесса труда* представляет собой также и *качественную* сторону продукта труда – это неотъемлемый фактор феномена стоимости, который невозможно элиминировать из понятия стоимости, как невозможно изъять из реального процесса труда моменты, создающие качественные характеристики его продукта.

Проведенный анализ доказывает, что продукт труда (как, впрочем, и процесс его создания) *субстанционален*, диалектичен – в нём в неразрывном единстве и одновременно различии представлены две его стороны – со своей *материальной* стороны он есть *потребительная стоимость* как *вещная* форма продукта труда, с *идеальной* стороны – *стоимость* как *представление* (снятие) процесса создания продукта труда в его результате (в вещной форме). Причём и потребительной стоимости и стоимости имманенты количественно-качественные определённости.

Понятие субстанциональности как тождества[1] материального и идеального, являющихся сторонами (моментами) единой субстанции, позволяет совершенно ясно увидеть, что в стоимости как снятии *всего* комплекса процесса труда представлена не только его количественная составляющая (рабочее время), но и качественная характеристика (сложность). Именно так стоимость и предстаёт в *реальных* общественных отношениях – как представляющая и количество и качество труда.

В понятии субстанциональности во всём своём величии предстаёт гений Спинозы, диалектически связавшего в тождестве материальное и идеальное (у Спинозы протяжённость и мышление) как стороны (моменты) монистичной субстанции. Субстанциональный монизм Спинозы обладает

[1] Тождество понимается в следующей трактовке: «…тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое “одно и то же”. Это всегда тождество различного, тождество противоположностей» (*Ильенков Э.В.* Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964. С. 22).

У Гегеля: «Понятие тождества — простая соотносящаяся с собой отрицательность…» (*Гегель Г.* Наука логики. В 3 т. Т. 2. - М.: Мысль, 1970. С. 33); «Так как все есть другое другого, как *своего* другого, то в этом заключается как раз их *тождество*» (*Гегель Г.* Соч. В 14 т. Т. 9. – М.: Партиздат, 1932. С. 251).

большой объяснительной и познавательной потенцией – с точки зрения спинозизма субстанционален не только продукт труда, но и, следовательно, деятельность человека и, гораздо шире, деятельность Природы, создавшей человека.

Но вернёмся к стоимости, вернее, к тому моменту, отмеченному выше, что она представляет также и *качественную* сторону процесса создания продукта труда и, значит, самого продукта. Речь идёт о целесообразности разделения *целостного* процесса труда, создающего в конечном итоге продукт труда, в стоимости которого представлены количественно-качественные характеристики, на абстрактный и конкретный.

Об абстрактности труда

По Марксу «Всякий труд есть… расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров».[1] Именно так понимаемый абстрактный труд и образует (создаёт) стоимость.

Понимание стоимости как результата «расходования простой рабочей силы» в основу стоимости кладёт не *реальный объективный материальный процесс изменения предмета труда в соответствии с законами природы и производства* и приспособления его к человеческим потребностям, а *физиологические кондиции* человека, его способность к труду, возможность выполнять ту или иную работу. Т.о. *материализм сведён к физиологизму* и никакие попытки объяснения абстрактного труда путём включения в его сферу общественных отношений, якобы стоящих «за спиной» производства, положения не спасают.

У Маркса, с одной стороны, «величина стоимости… определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для её изготовления».[2]

Но, с другой стороны, «величина стоимости товара изменяется… прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда».[3]

Но ведь производительная сила труда никак не соотносится с абстрактным трудом как простой затратой жизненных сил. Она всецело определяется *конкретным* характером труда, его сложностью и качеством, т.е. полезным трудом. Это, в итоге, признаёт и Маркс – «производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда» и «производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда»[4], но тогда как быть с первым утверждением?

С одной стороны, «в стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще»[5] (т.е. затрата жизненных сил). С другой стороны, он же есть и «*простой средний труд* (здесь и далее

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 55.
[2] Там же. С. 48.
[3] Там же. С. 49.
[4] Там же. С. 55.
[5] Там же. С. 53.

выделено Марксом)», и «сравнительно сложный труд», который «означает только *возведённый в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд». Из контекста ясно, что здесь труд есть «расходование простой рабочей силы»,[1] абстрактный труд.

Т.е. затрата труда, затрата жизненных сил может быть и не такой простой, а средней, сложной и даже помноженной. Но это есть не что иное как признание прямого влияния на абстрактный труд условий осуществления конкретного, полезного труда, т.е. того труда, который по принятому изначально условию ничего общего с абстрактным трудом не имеет. Т.о. абстракция абстрактного труда в итоге отвергается, хотя и косвенно, самим Марксом.

Далее, «…если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, уже сведённого к человеческому труду без всякого дальнейшего качества… Величина стоимости товара выражает лишь количество заключающегося в нем труда».[2] Т.о., поскольку стоимость определяется количеством абстрактного труда, то в ней не может быть представлена, учтена качественная составляющая труда, его сложность. Но *в действительности* обмен совершается по стоимостям, которые учитывают не только количество, но и *качество* труда, его сложность и интенсивность, т.е. все факторы, влияющие на процесс создания продукта труда и, следовательно, на его стоимость.

И, наконец, если бы «величина» стоимости действительно определялась только «затратой человеческого труда вообще» и «количеством труда», то стоимость, создаваемая невежественным землекопом с помощью допотопной лопаты, была бы намного больше стоимости, создаваемой высококвалифицированным рабочим, приставленным к станку-автомату в качестве его наладчика – ведь затрата труда первого несравненно более значительна, чем у второго. Если же для оправдания этого различия сослаться на «возведённый в степень» и «помноженный» труд, то здесь мы переходим в сферу полезного, конкретного труда с его различием по качественным критериям.

Но тогда получается, что *стоимость как снятие (представление в продукте труда) процесса создания самого продукта труда* – потребительной стоимости – отражает не только затраты физических сил человека, не только расходование простой рабочей силы, как это представляет Маркс, но *весь комплекс факторов, участвующих в создании продукта труда* – познанные законы природы, знание и умение человека, сложность и продолжительность труда, применяемые орудия и приёмы труда (технологии). Именно как такая комплексная величина стоимость и предстаёт при сопоставлении обмениваемых товаров. В реальном обмене речь *всегда* идёт о такой обобщённой стоимости, а не о затратах только рабочей силы.

Как видим, разделение труда на полезный (конкретный) и абстрактный

[1] Там же. С. 53.
[2] Там же. С. 54.

неверно гносеологически и неоправданно практически, более того, способно ввести в заблуждение относительно сущности стоимости. В действительности есть единый, целостный процесс труда (вернее, комплексная деятельность по созданию продукта труда), который в своём результате, продукте труда, неразрывно связывает две его стороны: материальную сторону, полезную для человека (потребительная стоимость, материальное), и идеальную сторону как снятие, представление в продукте труда процесса его создания (стоимость, идеальное).

Однако, не подлежит сомнению, что в форме абстрактного труда Марксом учтена и выражена идеальная сторона субстанциональной реальности. Посредством понятия абстрактного труда Маркс обосновывает идеальную сторону продукта труда – стоимость. Но именно отсутствие монистического понимания мира в спинозовском духе, дуалистический (в данном случае) подход к объяснению реальности, непрояснённость понятия идеального и его субстанциональной связи с материальным вынужденно привели к введению понятия абстрактного труда, что в итоге вылилось в известную проблему противоречия между I и III томами «Капитала». При применении субстанционалистского объяснения стоимости данная проблема решается имманентным образом: в создании стоимости принимают участие *все* факторы производства (а не только переменный капитал) как имеющие субстанциональный (материально-идеальный) статус.

Литература

1. Гегель Г. Наука логики. В 3 т. - М.: Мысль, 1970.
2. Гегель Г. Соч. В 14 т. – М.: Партиздат, 1932.
3. Ильенков Э.В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964.
4. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Логос, № 1. – М., 2009.
5. Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967.
6. Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003.
7. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955.

27.11.2022

Стоимость как сущностное и существенное общественное отношение: формообразование, имманентная граница

(Статья написана для XXIV Ильенковских чтений, состоявшихся 15-16.04.2023).

Стоимость как объективная категория

Понимание стоимости как *функции общественных отношений* более широко и глубоко, чем признание факта её создания *только в производстве*

продукта труда (т.е. как создаваемой только трудом), поскольку распространяет сферу её формирования не только на собственно производство, в котором создаётся продукт труда и, следовательно, стоимость, но и на отношения, выходящие за сферу производства. Рассмотрим это обстоятельство более подробно.

К определению стоимости Маркс подходит, рассматривая продукт труда как *товар*, т.е. продукт труда, подлежащий *обмену* на другой продукт труда. Поскольку обмен возможен при определённых условиях – потребности в обмениваемых товарах и соответствию их друг другу в каком-то отношении, то совершенно естественно, что он рассматривает способность товаров к обмену с двух сторон – со стороны их нужности (полезности) для обменивающихся и со стороны равенства их по какому-то критерию.

И если по первому условию, т.е. потребности в товарах, вопросов не возникает, то вопрос о критерии их эквивалентности оказывается не так прост.

«Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они – продукты труда… Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости – товарные стоимости».[1]

«То общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость».[2]

«В стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще».[3]

Прежде всего, бросается в глаза, что Маркс не совсем корректно оперирует дефиницией стоимости – говоря о товаре он переходит от стоимости к меновой стоимости и обратно, а ведь это *разные* онтологические сущности и, соответственно, политэкономические категории и формируются на *различных* этапах движения товара.

Стоимость, как мы показали в статье «Категория идеального и понятие стоимости», формируется в процессе производства продукта труда и представляет собой идеальную сторону продукта труда в отличие от потребительной стоимости, являющейся его материальной стороной.

Эту идеальную сторону сущности стоимости прекрасно видел Маркс: «…в стоимость не входит *ни одного атома вещества природы*. …Товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства – человеческого труда, …их *стоимость имеет поэтому чисто общественный характер*, …и проявляться она может лишь *в общественном отношении одного товара к другому* (везде выделено нами. – А.П.)».[4]

В этом последнем утверждении о стоимости как стороне, сути *общественного отношения* Маркс ощутимо отходит от первоначального

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 46.
[2] Там же. С. 47.
[3] Там же. С. 53.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 56.

определения стоимости как просто «затраты человеческой рабочей силы». Это явно неоднозначные понятия, – понятие стоимости как стороны общественного отношения явно шире понятия только человеческого труда, – ведь *стоимость как общественное отношение* может включать и иные факторы, кроме собственно человеческого труда как затраты рабочей силы. Другими словами, *стоимость формируется не только затратами труда, но и общественными отношениями*. Как впоследствии увидим это очень важное обстоятельство.

Маркс пришёл к понятию стоимости со стороны *единичного* – конкретного отношения обмена – через ряд дедуцирующих выводов. Но на этом пути была упущена детерминирующая роль *всеобщего*. *Особенное*, *стоимость*, осталось не связанным с *общим*, *идеальным* как *представлением* (снятием) материальных процессов в их результате, в материальном же предмете. Но эта связь при отсутствии понятия идеального и его *субстанциональной* связи с материальным и не могла быть выявлена. Только признание единства материального и идеального во всех проявлениях реальности, их субстанциональность, даёт возможность увидеть связи, отношения, движение во всей их полноте.

Утверждая, что труд представляет собой «…производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле – один и тот же человеческий труд»[1], а также, что «Всякий труд есть …расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров» [2], Маркс ставит акцент на *физиологических* факторах создания стоимости, а не на *материалистическом* понимании процесса производства продукта труда как на использовании природного сырья, законов природы и *всех* материальных факторов производства. Материализм редуцирован к физиологизму и следует проделать обратный путь, благо, что сам Маркс ставит на этом пути знаковые вехи. Об одной из них, что *стоимость определяется всем комплексом общественных отношений*, мы упомянули выше.

Главным фактором в создании продукта труда и, соответственно, образовании стоимости, является не *субъективный* момент в форме расходования *сил* человека в трудовом процессе, а *сам трудовой процесс в целом как совершенно объективное* обстоятельство, а именно – собственно изменение предмета труда, производимое в соответствии с объективными природными законами, – процесс приведения вещества природы в соответствие с человеческими потребностями, придание ему потребительных качеств, потребительной стоимости. Именно сам процесс изменения предмета труда *в целом*, создавая потребительную стоимость, является основой стоимости, а не только один из его факторов – собственно труд как затрата человеческих сил. И этот процесс определяется *объективными* факторами (природными и производственными), к которым человек прикладывает свои *субъективные* способности и возможности.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 53.
[2] Там же. С. 55.

Учитывая целостность процесса создания продукта труда можно сказать, что потребительная стоимость (собственно продукт труда) и стоимость (процесс создания продукта труда, снятый, представленный как идеальная сторона материального предмета) не внешни, не безразличны друг другу, а напротив, они представляют активную созидательную деятельность человека, которая связывает воедино стороны продукта труда – потребительную стоимость[1] и стоимость, снимая (соединяя) их в продукте труда. Это единство материального, продукта труда, и идеального, снятия процесса его создания и представления в продукте, есть следствие субстанциональности и продукта труда и процесса его производства и потому мы не можем согласиться с тем, что «…в самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей»[2] – субстанциональность реальности свидетельствует обратное – потребительная стоимость (материальное) и стоимость (идеальное) диалектически тождественны, субстанциональны и как стороны единого (и продукта труда, и процесса его создания) взаимно определяют друг друга.

В результате *стоимость как снятие* (*представление в продукте труда, в потребительной стоимости*) *процесса создания самого продукта труда* отражает не только затраты физических сил человека, не только расходование простой рабочей силы, как это представляет Маркс, но и *весь комплекс* факторов, участвующих в создании продукта труда – познанные законы природы, знание и умение человека, сложность и продолжительность труда, применяемые орудия и приёмы труда (технологии). Именно как такая комплексная величина стоимость и предстаёт во всей своей *объективности* при сопоставлении обмениваемых товаров. В *реальном* обмене речь *всегда* идёт о такой обобщённой стоимости, а не о затратах только рабочей силы.

Структура стоимости, создаваемой в производстве

Изменение предмета труда в процессе производства имеет следствием создание продукта труда. В субстанциональном отношении результат этого процесса, как уже показано, представлен двумя его сторонами – материальной, собственно продуктом труда, и идеальной – снятием, представлением в продукте труда процесса его создания. Проанализируем этот процесс, взглянув на него с каждой из сторон.

С *материальной стороны* предмет труда (сырьё, полуфабрикаты) в итоге превращается в продукт труда. Это *созидательная, производительная, активная* сторона процесса – изменяется форма предметов, поступивших в производство, и они превращаются в готовый продукт. С точки

[1] К слову, по нашему мнению, то, что принято именовать «потребительной стоимостью» целесообразно называть «потребительной ценностью», что, во-первых, полностью соответствует понятию предмета и, во-вторых, снимает ненужные ассоциации с собственно «стоимостью», *сущностно* отличной от «потребительной ценности».

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 47.

зрения материального содержания в готовый продукт физически входят *только* материальные субстраты, поступившие в производство в качестве предметов труда, хотя бы и в переработанном виде (мы рассматриваем процесс в чистом, абстрактном виде, поэтому пренебрегаем отходами производства). Никакие иные материальные компоненты *физически* в готовый продукт не входят ни одной своей частью, хотя самое активное участие в создании продукта труда принимает человек (живой труд по Марксу) и орудия труда (овеществлённый труд).

С *идеальной же стороны* весь процесс представляется по-иному. В продукте труда *представлено идеальное всех компонентов* производственного процесса. Это, прежде всего, *идеальное предмета труда* (сырья, полуфабрикатов), представляющее процесс его предыдущего возникновения и изменения и снятое в нём. Затем *идеальное как снятие действий человека* по изменению предмета труда в процессе производства, т.е. представление в готовом продукте его трудовой деятельности. И, наконец, *представление*, снятие в готовом продукте *процесса воздействия на предмет труда орудий труда*, используемых человеком в процессе своей трудовой деятельности. *Эти три компонента идеального и образуют в совокупности идеальное продукта труда*. Такое синкретичное идеальное можно назвать *своим идеальным* продуктов труда.

Возникает вопрос, как может быть определено это идеальное с количественной стороны, что очень важно с точки зрения участия продуктов труда в процессе обмена.

Прежде всего, следует отметить, что количественные характеристики могут быть применены *непосредственно только к материальной* стороне субстанции. Идеальная же сторона субстанции количественно может быть выражена только *опосредствованно* – через свою материальную сторону – и никак иначе.

Поскольку каждая вещь есть результат исключительно её собственного процесса возникновения (создания), то идеальное каждой единичной вещи уникально, даже если множество подобных вещей возникли как результаты идентичных процессов. Как таковое идеальное единичной вещи представляет в наличном вещественном, материальном, только её собственное вещественное «прошлое». Данный вывод означает только одно – каждая вещь, в т.ч. и продукт труда, может быть количественно аутентично и непосредственно представлена только самой собой.

Но, с другой стороны, невозможно в удобной для практики форме и это количественное самовыражение, поскольку в веществе продукта труда *материально* представлены только предметы труда (сырьё, полуфабрикаты), что может быть выражено количественно, но этого нельзя сделать в отношении *деятельности* самого человека и *воздействия* орудий труда. Правда, действия человека и орудий труда можно попытаться представить временем их работы, но, во-первых, *материальность* продукта труда и *время* труда несопоставимы качественно и количественно и, во-вторых, участие человека и орудий труда в создании продукта труда уже учтено в продукте труда как изменение *формы и свойств* предмета труда в процессе создания продукта труда (в противном случае следовало бы поставить

раздельно друг против друга неизменённый предмет труда, с одной стороны, и деятельность человека и орудий труда по изменению предмета труда, с другой стороны. Но это, по понятным причинам, невозможно).

К тому же величину стоимости, создаваемой орудиями труда, *принципиально, сущностно* нельзя свести к их рабочему времени. Участие орудий труда в производственном процессе неотделимо от него и *результат* действий орудий труда определяется *не временем* их нахождения в процессе производства (с точки зрения воздействия на предмет труда это сугубо внешнее обстоятельство), а их *способностью изменять предмет труда* в соответствии с теми целями, которые преследуются человеком, и в соответствии с законами природы, используемыми человеком, и которые в концентрированном виде воплощены в орудиях труда как их идеальное. Время работы орудий труда есть фактор вторичный по отношению к их способности изменять предмет труда, зависимый от этих способностей. Но как *непосредственно* выразить способность орудий труда создавать идеальное (стоимость) и, тем более, представить его в количественной форме? Эти соображения можно применить и к деятельности человека с тем отличием, что своё идеальное в форме знаний и умения он приобретает сам, а не получает, как орудия труда, извне готовым.

Т.о. в материальности продуктов труда представлены и количественно, и качественно все факторы производства, но в приемлемой для практики форме *непосредственно* их выразить невозможно (это ещё один довод против концепции разделения труда на абстрактный и конкретный, полезный). *Непосредственно в самом производстве «величина» стоимости не может быть точно определена* и выражена в пригодной для обмена форме исходя из самого производства.[1]

Но в таком случае процесс обмена если и возможен, то никак не на основании эквивалентности, что очень точно подмечено Марксом – в простом обмене, в котором «потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода… Меновая стоимость кажется… чем-то случайным и чисто относительным…».[2]

Однако на практике, тем не менее, обмен совершается как эквивалентный и это необходимо объяснить.

Дело в том, что процесс производства кроме созидательной, активной стороны, *создающей* новую стоимость, имеет и иную сторону – а именно *затратную*, представляющую собой *издержки* производства.

Поскольку процесс производства продуктов труда есть единый целостный процесс, то в нём могут быть сопоставлены друг другу все его стороны – и материальные, и идеальные. И вот *в общественных отношениях обмена* возникает совершенно новый феномен, позволяющий сопоставить друг

[1] Этот вывод самым убедительным образом свидетельствует о бесплодности попыток разных исследователей (например, П. Сраффы: "Производство товаров посредством товаров" (http://www.ek-lit.org/srafsod.htm) найти абсолютную меру стоимости. Такая мера – как улыбка Чеширского кота – при любой попытке представить её в количественной форме будет неизменно ускользать.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 23. С. 44.

другу материально-идеальные стороны процесса производства – *созданию* новой стоимости сопоставляются *издержки* производства по созданию этой стоимости. Результатом этого феномена и становится возможность осуществления эквивалентного обмена.

Сущность феномена состоит в том, что идеальное (стоимость) издержек производства рефлексируется в реальных отношениях обмена на материальное продукта труда и происходит виртуальное замещение идеального (стоимости) продукта труда идеальным (стоимостью) издержек производства.[1] Как следствие, новая, *созданная стоимость продукта труда с количественной стороны представляется величиной затрат на издержки производства* – т.е. *не непосредственно самой собой, а опосредствованно, издержками производства*.

Рассмотрим более подробно. В процессе производства, взятого с затратной стороны, осуществляются материальные затраты на создание готового продукта. Прежде всего, следует учесть расход сырья и полуфабрикатов, что представляет прямые затраты. Эта часть издержек производства *физически целиком входит* в готовый продукт.

Поскольку в создании продукта труда принимают участие как факторы производства человек и применяемые им орудия труда, то и с этой стороны производятся затраты, которые по отношения к человеку представляют собой расходы на поддержание его жизнедеятельности, а по отношению к орудиям труда это возмещение их износа. Несмотря на то, что в продукт труда эти издержки производства *физически не входят*, но, в отличие от процесса *создания* продукта труда, они в процессе осуществления *затрат* представлены физически – пища, одежда, жильё и прочие расходы на поддержание жизнедеятельности человека, плюс восстановление в процессе работы и замена орудий труда по истечении срока их службы. Затраты на рабочую силу в процессе производства представлены в форме заработной платы, затраты на возмещение износа орудий труда – в форме амортизационных отчислений. Заработная плата в каждом цикле производства полностью входит в издержки производства, затраты на возмещение износа орудий труда входят в издержки либо целиком, либо частями, пропорциональными сроку службы орудий труда.

В итоге процесс формирования издержек производства со своей идеальной, стоимостной стороны представлен идеальным предметов труда (сырья, полуфабрикатов), а также идеальным материальных вещей, представляющих собой предметы потребления человека, и идеальным, представляющим затраты на износ орудий труда. В результате идеальное издержек производства представляет[2] вполне количественно определимое материальное, поскольку затраты на это материальное известны.

Т.о. посредством рефлексии, виртуального замещения идеального

[1] Следует заметить, что такая рефлексия возможна только при наличии у человека как вида внутренне диалектического мышления.

[2] По поводу выражения «идеальное… представляет… материальное» поясним, что так же как материальное представляет «своё» идеальное, так и идеальное представляет «своё» материальное – это следствие их субстанциональности.

(стоимости) вновь созданного продукта труда идеальным (стоимостью) издержек производства по его созданию, становится возможным вполне адекватно определить количественно вновь созданную стоимость – и это есть следствие диалектичности, субстанциональности как тождественности материального и идеального процесса и продукта труда.

Поставленный выше вопрос о количественном выражении стоимости, *созданной* в процессе производства, решается так, что эта стоимость представляется *опосредствованно* через стоимость *затрат*, издержек производства.

Остаётся вопрос о количественном представлении самих издержек производства – ведь они тоже ранее были *созданными* стоимостями. Он решён исторически, в процессе человеческой практики, посредством бесчисленного ряда обменов разнообразных продуктов, что привело, в итоге, к их взаимной соизмеримости и возможности количественного выражения. На этом пути совершенно необходимо выделился товар, который взял на себя функцию всеобщего выражения стоимости – золото, деньги. Теперь вступающие в обмен вновь созданные стоимости находят готовое опосредствование для своего количественного выражения.

(Ремарка. Идеальное как снятие, как представление в продукте труда процесса его создания *всегда* присутствует в продукте труда, независимо от общественных отношений, в которых он фигурирует. Но это же идеальное, рассматриваемое как сугубая принадлежность *товара*, т.е. продукта труда, предназначенного для *обмена*, предстаёт уже в форме *стоимости,* которая актуальна только для определённых общественных отношений – отношений обмена. Стоимость, сущностью которой является идеальное товара, проявляется в общественном отношении обмена. Идеальное – всеобщее, стоимость – особенное и единичное).

Сделаем дополнительное уточнение. Поскольку в производственном процессе материальная форма предметов труда изменяется, то изменяется и тождественное материальному идеальное готового продукта – к идеальному предметов труда «присоединяется» идеальное упомянутого процесса (это идеальное есть снятие трудовой деятельности человека и воздействия используемых им орудий труда – это *новое* идеальное, вновь *созданное* идеальное). В итоге совокупное идеальное продуктов труда представлено идеальным сырья и вновь добавленным идеальным деятельности человека и воздействия орудий труда. В этом совокупном идеальном идеальное сырья осталось тем же, что и в исходном виде, т.е. не изменилось (вещество предметов труда полностью вошло в вещество готового продукта) – это фактор постоянный. Но т.к. другая сторона производственного процесса – ни рабочая сила, ни орудия труда ни единой своей вещественной частью не входят в состав продукта труда, то их собственное идеальное *непосредственно* не входит в идеальное продукта труда, оно представлено в нём косвенно, *опосредствованно*, как *снятие* (представление) процесса изменения предмета труда. Т.о. эти компоненты идеального имеют изменяющийся, переменный характер.

Идеальное продукта труда в итоге предстаёт в двойственном виде, перетекает из формы в форму – то как идеальное процесса *создания* продукта

труда, то как идеальное *издержек* производства, в зависимости от стороны рассмотрения. Но если идеальное процесса создания продукта труда есть его *своё* идеальное, то идеальное издержек производства, прилагаемое к продукту труда, есть *замещённая* (превращённая) форма идеального, виртуальная форма.

Если рассматривать идеальное как форму *созданной* стоимости, то постоянной стоимостью следует признать стоимость предметов труда (сырья, полуфабрикатов и некоторых орудий труда, полностью затрачиваемых в производственном цикле) – она в неизменном виде входит в стоимость продукта труда. Стоимость же рабочей силы и долговременных орудий труда предстаёт как переменная стоимость, создающая *новую* стоимость, поскольку эта часть стоимости добавляется к стоимости предметов труда.

Факторы производственного процесса, влияющие на стоимость

В капиталистических общественных отношениях материальный предмет, являющийся носителем и источником стоимости, предстаёт как капитал, который может выступать как в непосредственной, натуральной, так и в опосредствованной, денежной форме.

Человек, используя орудия труда и с их помощью изменяя материальную форму предметов труда, тем самым создаёт новое идеальное. В капиталистических отношениях это новое идеальное предстаёт в форме вновь созданной стоимости. В нашем анализе источником новой стоимости является капитал в форме рабочей силы, орудий и предметов труда.

На основании проведённого анализа рассмотрим влияние факторов производства на стоимость готового продукта теперь уже с точки зрения собственно производства.

Поскольку в образовании стоимости участвуют разные составляющие процесса её создания в форме *предметов труда, орудий труда и человека*, то вглядимся в их сущность с точки зрения субстанционального подхода. Каждый из этих факторов с этой точки зрения представляют собой единство их материальных и идеальных сторон. На этом их сходство заканчивается и начинаются существенные различия.

Предметы труда в производственном процессе предстают как *пассивные* объекты, как предметы, *с которыми* совершаются некие действия, ведущие к *изменению* их формы. Любое изменение материального имеет следствием *изменение* его идеального, соответственно стоимость предмета труда также *изменяется*. Но это изменение есть следствие воздействия на предмет труда *со стороны* человека и орудий труда, а никак не самостоятельное изменение предмета труда. Значит, изменение стоимости осуществляется *активными* факторами процесса – человеком и орудиями труда и «величина» изменения стоимости определяется только ими. Стоимость предмета труда изменяется, но не за счёт действий его самого, а за счёт действий человека и орудий труда. Это изменение стоимости предстаёт как *вновь созданная* стоимость. Предмет труда по завершении процесса труда становится продуктом труда.

Рассмотрим предмет труда в нашем производственном процессе как сырьё, полуфабрикат, то есть продукт более раннего труда. В этом

полуфабрикате сняты два процесса – природный, в котором возник вещественный материал для производства, и процесс труда по созданию полуфабриката. Соответственно, в его идеальном представлены идеальное природного процесса и идеальное процесса производства полуфабриката. Последнее идеальное есть стоимость полуфабриката, поскольку оно есть результат труда.

По завершении производственного цикла полуфабрикат становится продуктом труда и теперь в его идеальном представлены: идеальное сырья (процессов природы), идеальное предыдущих трудовых процессов по созданию полуфабрикатов (идеальное предмета труда как полуфабриката) и идеальное рассматриваемого процесса производства (снятие в продукте труда процесса его создания), вновь созданная стоимость. Поскольку идеальное процессов природы стоимостью не считается (хотя в действительности оно учитывается в форме природной ренты), то оно далее не рассматривается. Т.о. в стоимость продукта труда входит стоимость полуфабрикатов (т.е. входит только та стоимость, которая образована на предыдущих этапах производства), и вновь созданная стоимость, величина которой определяется факторами, её создавшими, о которых речь ниже. В стоимости продуктов труда стоимость сырья и полуфабрикатов представлена *непосредственно*.

Орудия труда в производственном процессе являются его *активной* стороной, *изменяющей* форму предметов труда и, следовательно, *изменяющей* их идеальное, стоимость. В таком качестве орудия труда *создают новую* стоимость. При этом сами орудия труда *не изменяются*, их форма остаётся прежней, следовательно, *не изменяется* и их идеальное, а, значит, и стоимость (изменение орудий труда заключается только в их износе, но это совершенно другой процесс, не имеющий отношения к *созданию* стоимости). Т.о. в продуктах труда идеальное орудий труда, их стоимость прямо не представлена, но только косвенно, через участие орудий труда в материальном процессе изменения формы предметов труда.

На первый взгляд возникает парадоксальная ситуация – орудия труда *создают новую стоимость*, но их собственная стоимость (их идеальное) в образование новой стоимости не входит, хотя, тем не менее, в реальном обмене стоимость орудий труда в продуктах труда представлена явно. И это противоречие не формального характера, а сущностное – оно есть следствие наличия особых отношений – *производственных отношений* между людьми, которые для своего возобновления требуют постоянного воспроизводства, возмещения производительных сил, в частности орудий труда, которые физически изнашиваются. Несмотря на то, что износ орудий труда сам по себе никакого отношения к созданию новой стоимости (нового идеального) не имеет, их возмещение обеспечивается переносом стоимости орудий труда на продукты труда частями, пропорциональными сроку службы орудий труда.[1] Величина же их собственной стоимости

[1] Строго говоря, никакого *переноса* стоимости нет, это невозможно, поскольку идеальное неотделимо от материального – есть *сопоставление* стоимости создаваемой и стоимости прошлой (затрат). Тем не менее, далее будет употребляться

определяется процессом создания самих орудий труда, в котором они были, в свою очередь, предметами и продуктами труда. В итоге стоимость, созданная орудиями труда в продукте труда, предстаёт с двух сторон – как новая стоимость ими созданная, и как стоимость издержек производства.

Остаётся ответить на вопрос, почему орудия труда способны играть в процессе производства активную роль. Очевидно, что активность орудий труда в производстве целиком определяется условиями и ходом того процесса, в котором они сами были созданы[1] и, следовательно, сущность их активности заключена в их идеальном как снятии процесса их изготовления. Идеальное орудий труда заключает в себе идеальное сырья, из которого они изготовлены (т.е. природное идеальное) и идеальное, «вложенное» в них человеком. Эта вторая, «человеческая» сторона идеального представляет собой знание, воплощённое в материале и форме орудий труда, и умение человека, позволяющее ему совершить это воплощение. Знание, воплощаемое в орудиях труда, представляет собой концентрированное выражение природных законов и принципов, воплощённых в форме орудий труда, используемых применительно к потребностям человека. Именно «очеловеченная» форма орудий труда заключает в себе знание как их сущность и это единство формы и сущности предстаёт как *активность* орудий труда в процессе производства. Действительно, здесь знание является *непосредственной* производительной силой.

Активная роль *человека* в процессе производства подобна роли орудий труда. Различие только в том, что человек универсален в отличие от специализированности орудий труда и своё идеальное в форме знания производит сам, а не получает его извне в готовом виде. В остальном, с точки зрения собственно производства, человек и орудия труда идентичны как *объекты* производства, они дополняют друг друга. Подобно стоимости, созданной орудиями труда, стоимость, созданная деятельностью человека, предстаёт в продукте труда, с одной стороны, как новая стоимость, с другой стороны как стоимость затрат, издержек производства.

Как видим, роль человека в производственном процессе, пока он выступает как *объект* производства, как часть технологического процесса, идентична роли орудий труда и это различие не столь принципиально – орудия труда специализированы, человек универсален. Пока человек используется в производственном процессе в качестве его *объекта* невозможно никакое преодоление различия между умственным и физическим трудом. Это различие определяется *объективной* сутью процесса производства, в котором не обойтись без *физического* изменения предметов труда с помощью орудий труда, одним из которых и является человек как дополнение к машине, как часть технологического процесса. Решение вопроса о преодолении различия между физическим и умственным трудом находится не в сфере производства, а вне её – человек должен быть *полностью выведен* из

вошедший в обиход термин «перенос» стоимости, при этом подразумевается, что, в сущности, это *сопоставление* стоимостей.

[1] В том же процессе производства, в котором орудия труда применяются, их активность только проявляется, актуализируется.

производственного процесса как его *объект*. В этом главное условие возможности снятия отчуждения человека от его свободной деятельности.

Меновая стоимость как превращённая форма стоимости

Мы подошли к очень важному пункту, в котором происходит *разрыв* процесса воспроизводства – *смена* одних общественных отношений (собственно *производственных*) другими (отношениями *обмена*). Соответственно, и движение стоимости (и, разумеется, её «величина») будет определяться уже общественными отношениями обмена.

В отношениях обмена стоимость предстаёт в форме *меновой стоимости* – т.е. *формы стоимости*, которая определяется уже *не исключительно факторами производства*, но на которую влияют также *общественные отношения обмена*, в которые она вступает. *Меновая стоимость определяется уже не исключительно условиями производства, а всем комплексом общественных отношений в процессе обмена*, где сталкиваются, противостоят друг другу не только две стороны производственного процесса – процесс создания стоимости (стоимость как вновь созданная стоимость) и процесс восстановления стоимости (стоимость как произведённые затраты, как издержки производства), но и отношения, выявляющие *соответствие друг другу общественных потребностей и общественных возможностей*.

В общественных отношениях обмена *стоимость*, созданная в производстве, меняет свою форму и предстаёт в форме *меновой стоимости*, «величина» которой определяется уже этими новыми отношениями.

Стоимость представляет собой *завершённый* процесс создания продукта труда и потому она как *атрибут* уже завершённой вещи *неизменяема*. Форма продукта труда, представленная потребительной стоимостью, и её содержание – стоимость, находятся во взаимном соответствии. Стоимость может быть изменена только как следствие изменения формы вещи в новом производственном процессе. По завершении процесса труда стоимость предстаёт как сугубо *объективная* категория, как выражение завершённого объективного материального производственного процесса.

Но продукт труда должен быть потреблён и потому отношения производства перетекают в отношения распределения и затем потребления, которые прежде опосредствуются отношениями обмена. В отношениях обмена выявляется *общественная необходимость* продукта труда – в них стоимость, созданная в производстве, рефлексируется с точки зрения её полезности (необходимости) для потребления.

Есть и другая сторона отношений обмена – для их осуществления стоимость должна быть выражена *количественно*. Но стоимость как идеальное не может быть непосредственно выражено количественно, это возможно только в отношении материального.

По указанным причинам стоимость императивно, т.е. абсолютно необходимо, должна совершить *движение от идеальной формы к форме материальной*. Но такое движение невозможно осуществить непосредственно, и потому в общественных отношениях обмена естественно возникает опосредствующая форма стоимости – *меновая стоимость*, которая затем материализуется в *цене* и таким образом может быть выражена

количественно. *Меновая стоимость* как опосредствующая идеальное (стоимость) и материальное (цену) *есть* т.о. *превращённая форма стоимости*. В свою очередь *цена* есть превращённая форма *меновой* стоимости.

Каким же образом и почему совершается метаморфоз стоимости в меновую стоимость и затем в цену?

Отношения обмена есть диалектические отношения двух сторон – не только производства, но и потребления (диалектичность заключается в том, что противоположные стороны в отношениях обмена составляют диалектическое противоречие, т.е. они невозможны друг без друга, влияют друг на друга, перетекают друг в друга – и в этом единстве в различии представляют собой тождество). В них со стороны отношений потребления на экономическую сцену выходит другой императив – *потребность* общества в определённых продуктах. С точки зрения потребления продукт труда рассматривается только как некая полезность для потребителя, его интересуют вполне конкретные качества продукта. Как следствие, в отношениях обмена *материальная* форма продукта труда предстаёт в форме, соответствующей *интересам потребления* – в форме *потребительной* стоимости. Т.о. *потребительная стоимость* представляет собой конкретную материальную форму продукта труда, способную удовлетворить конкретные потребности потребления – это уже императив *со стороны потребления*.

Другими словами, не всё, что произведено, может быть затребовано обществом и потреблено. А значит и затраченный труд может потребоваться лишь частично, либо и вовсе пропасть втуне. Соответственно, общество согласно признать только *часть* стоимости, представленной в продукте труда. Возможна и противоположная ситуация, когда потребности превышают возможности по их удовлетворению. В этом случае сторона потребления может позволить себе компенсировать больше стоимости, чем её представлено в продукте труда.

Но ведь стоимость, как логически выведено выше, есть категория объективная и неизменная при неизменной форме продукта труда. Следовательно, в обмене, в том случае если не затребован весь произведённый продукт (или, напротив, его требуется больше, чем произведено), – т.е. в случаях, когда *нарушается условие эквивалентности стоимостей*, – она не может быть представлена *непосредственно* самой собой. По этой причине стоимость меняет свою форму и в обмене предстаёт *опосредствованно* – в своей превращённой форме, как *меновая* стоимость – как *часть стоимости*, *соответствующая потребностям* общества. Это значит, что в зависимости от соотношения потребностей и возможностей (в конкретном акте обмена – спроса и предложения) меновая стоимость может быть как ниже, так и выше стоимости, созданной в производстве. *Меновая стоимость* выражает согласие общества принять (или не принять) стоимость, созданную в производстве, и тем самым она представляет *общественно необходимые затраты* (о которых говорил Маркс), на которые общество согласно пойти.

Как следствие влияния отношений обмена *материальная* форма продукта труда (а это сам продукт как вещь) в обмене предстаёт в своей превращённой форме – в форме *потребительной* стоимости. Одновременно

идеальная форма продукта труда (стоимость) предстаёт в обмене в своей превращённой форме – в форме *меновой* стоимости.

Означает ли сказанное выше, что меновая стоимость, в отличие от стоимости, субъективна. В единичных актах обмена, в которых тон задаёт сиюминутная игра *спроса и предложения*, действует масса преходящих субъективных моментов и в такой форме меновая стоимость *субъективна*.

Но при гносеологическом рассмотрении, в котором принимаются во внимание только фундаментальные факторы, такие как соотношение *общественных возможностей* и *общественных потребностей*, в которых учитываются совокупные возможности и потребности общества как целого (а как таковые они имеют совершенно объективный характер), то меновая стоимость предстаёт уже как *объективный* общественный феномен.

В итоге получается, что диспропорции и искажения, вносимые отношениями обмена в процесс взаимодействия производства и потребления общества, вызваны *объективными*, в своём основании, процессами и факторами. Возникает парадоксальная ситуация – вполне объективные сами по себе отношения производства и потребления *в пункте своего взаимодействия, в обмене*, перманентно воспроизводят необъективность, выражающуюся в неэквивалентности конкретных актов обмена, и только общая оценка всей совокупности актов обмена позволяет говорить об эквивалентности обмена в отношении общества, взятого как целое.

Отмеченная парадоксальность вызвана тем обстоятельством, что объективные возможности *производства, отделённого от потребления,* не соответствуют объективным же потребностям *потребления, отделённого от производства*, и согласование производства и потребления путём обмена *необходимо* вносит в обмен элемент необъективности, которая (необъективность) влияет, как мы убедились, на обе стороны. В этом и состоит объяснение выявленного парадокса: *необъективность* обмена вызвана *объективными* общественными обстоятельствами, – *наличием отношений обмена самих по себе* как объективной данности, – и потому также объективна, т.е. *неустранима в рамках отношений обмена.*

Данный феномен, – несовпадение объективных возможностей производства с не менее объективными потребностями потребления, – в масштабах всего общества есть причина глубоко онтологическая, по которой вполне объективная стоимость *необходимо* должна перейти в свою превращённую форму – не менее объективную меновую стоимость. И причина эта гораздо более фундаментальная, чем указанная выше – а именно, потребность в количественном выражении стоимости. Переходя на язык математики можно сказать, что первая причина (несовпадение возможностей и потребностей) есть условие необходимое, а вторая – условие достаточное.

Итак, *меновая стоимость есть результат согласования возможностей и потребностей, спроса и предложения*, она вариативна, относительна, изменяема в зависимости от указанных факторов.

В этом противоречии стоимости и меновой стоимости вскрывается их общность и их различие. Совпадение стоимости и меновой стоимости возможно только случайно при наличии определённых условий обмена.

Поскольку основу меновой стоимости составляет стоимость, созданная в процессе производства, то совершенно обоснованно Маркс называет меновую стоимость *превращённой формой* стоимости.

Итак, *меновая стоимость есть не что иное, как превращённая форма стоимости, созданной в процессе производства*. В отличие от стоимости *на меновую стоимость влияют также общественные отношения обмена* как соотношение общественных потребностей и общественных возможностей. Меновая стоимость количественно представлена в отношениях обмена ценой.

От стоимости мы перешли к меновой стоимости, которая может быть в интересах обмена количественно представлена в цене. Но количественность есть характеристика, атрибут материального и потому за представлением меновой стоимости, её ценой, всегда стоит *материальный носитель* – золото, деньги, активы и т.п. Этот носитель меновой стоимости, всеобщий товар, в общественном отношении имеет только одну форму идеального – стоимость как таковую, всеобщую стоимость, предстающую в форме меновой стоимости, и с материальной стороны выражает её количественно.

Что касается количественной оценки стоимости в интересах обмена, то она исторически происходила не в абсолютной, а в относительной форме при сопоставлении товаров в бесчисленных актах обмена. Основой для количественного сравнения товаров в процессе обмена выступает превращённая форма стоимости – меновая стоимость. Но если стоимость определяется объективно-субъективными условиями *производства*, то меновая стоимость определяется объективно-субъективными условиями *обмена*, зависящими от *соотношения потребностей и возможностей* сторон обмена (что проявляется в форме спроса и предложения). Условием обмена со стороны возможностей выступает потребительная стоимость, со стороны потребностей – соответствие потребительной стоимости условиям её потребления, которым она должна удовлетворять. Только при совпадении этих сторон происходит обмен.

Меновая стоимость, хотя и имеет своим основанием стоимость, тем не менее, в конечном итоге определяется общественными отношениями в форме соотнесения общественных потребностей и возможностей (вот и проявилась сторона стоимости, о которой говорилось ранее – её взаимосвязь с общественными отношениями), т.е. в ней учитывается не только эффективность производительной деятельности человека с точки зрения производимых им затрат,[1] но и, в первую очередь, соответствие этих затрат общественным потребностям.[2]

---

[1] Из одинаковых потребительных стоимостей будет реализована та, которая произведена с меньшими затратами и потому имеет меньшую стоимость и, как следствие, меньшую цену.

[2] «…Потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 25. Ч. 2. С. 186). Другими словами, предпосылкой меновой стоимости является не стоимость, а потребительная стоимость, т.е. потребность в товаре, а это уже не что иное, как

В итоге *меновая стоимость, имея основанием стоимость, созданную в производстве, предстаёт как результат согласования общественных потребностей и общественных возможностей и представляет собой ту часть стоимости, которая соответствует «общественно необходимым затратам труда»*, о которых говорил Маркс.

Меновая стоимость представляет собой отражение (рефлексию) стоимости в общественном отношении обмена, отражение объективного содержания в субъективном действии, в рефлексии сторон обмена. Но это субъективное необходимо действует в полном соответствии с объективным, с наличной стоимостью, и не может произвольно его игнорировать.

Отмеченная сторона жизнедеятельности человека – *соответствие производства и его эффективности общественным потребностям* – носит *всеобщий* характер независимо от общественных форм и общественных отношений (до-капиталистических, капиталистических, социалистических и любых иных) в которых она проявляется и которые имеют характер особенного. В анализе общественных форм ни в коем случае нельзя пренебрегать характером детерминирующего влияния общего на особенное и единичное.

Хотя стороны обмена субъективно видят в товарах, прежде всего, понесённые на их изготовление затраты, но объективно эти затраты отражают собственно материальные процессы изготовления продуктов труда, их сложность и длительность. Т.о. отношения обмена полностью отражают двойственную сущность товара как продукта труда, как результата объективно-субъективного процесса и создания стоимости и осуществления затрат. По этой причине характер отношений обмена также носит объективно-субъективный характер – субъекты этих отношений вынуждены учитывать вполне объективные факторы.

Если взглянуть на категорию стоимости с точки зрения тотальности (единства) общества, то стоимость предстаёт одновременно в двух формах – с одной стороны как продукт (возрастание), с другой стороны как затраты (исчезание). Как продукт она *создаётся* в сфере производства (в т.ч. научного производства) и нигде более. Стоимость, созданная в форме продукта, *потребляется* во всех сферах жизнедеятельности общества и в такой потребляемой форме предстаёт как затраты, издержки общества. В совокупности стоимость в форме общественного продукта должна соответствовать стоимости в форме общественных затрат с учётом превышения стоимости продукта над стоимостью затрат на величину прибавочной стоимости.

Изменение меновой стоимости на разных этапах движения

Остаётся рассмотреть влияние разных этапов движения продукта труда на создание меновой стоимости, а также особенности умственного труда как создателя стоимости.

Меновая стоимость (и, соответственно, стоимость) только тогда будет реализована, когда потребительная стоимость перейдёт в руки

детерминирование меновой стоимости общественными отношениями, а не исключительно затратами труда.

потребителя, а это возможно только в случае, когда товар доставлен к месту потребления. Затраты по перемещению продуктов труда создают только *условия* для возможности потребления продуктов труда, не изменяя их формы, тем самым, *не создавая новой* стоимости. В интересах воспроизводства движения товаров эти затраты должны быть возмещены. Поэтому затраты труда и материальных средств по транспортировке товаров и сопровождающим операциям, непроизводственные затраты, входят в *меновую стоимость* товара, не изменяя при этом его формы как потребительной стоимости. *В сфере обмена* меновая стоимость возрастает, но только за счёт *издержек* этой сферы*, новая стоимость не создаётся*.

Вернёмся к процессу труда, но уже в форме интеллектуального, умственного труда, к процессу получения знания. Труд как материальный процесс, т.е. процесс изменения материального объекта, имеет следствием и изменение его идеального как снятие процесса этого изменения и, тем самым, изменение (создание) стоимости. Но интеллектуальный труд имеет дело не с материальными объектами бытия, а с идеальными предметами мышления, а их изменение не имеет следствием изменение материального, по крайней мере, непосредственно (превращение идеального в материальное происходит через опосредствование человеческой деятельностью). Значит ли это, что интеллектуальный труд не создаёт стоимости?

Напомним, что стоимость есть проявление существования вполне определённых общественных отношений, а именно, отношений обмена. Поэтому любая вещь, поступающая в сферу обмена, имеет стоимость. Значит, имеет стоимость и идеальное в форме знания, когда является товаром.

Выше говорилось о различии идеального как снятия процесса изменения материального и стоимости как представления того же самого идеального в общественных отношениях обмена. Эта граница между идеальным как общим и стоимостью как особенной формой идеального и определяет соотношение в знании идеального и его стоимостной формы.

Знание есть идеальный результат материально-идеального процесса, в котором материальная сторона (со стороны затрат) представлена материальными затратами на научные исследования, а идеальная сторона представляет собой процесс мышления, действий мышления с его идеальными предметами и его результат.

Результатом деятельности мышления, его продуктом является также идеальное, но это идеальное не есть снятие собственно процесса мышления, это было бы простой тавтологией, саморефлексией, а идеальное того объекта, который был *представлен* в мышлении в идеальной форме, т.е. объектов (и процессов) природы или общественных феноменов. *Т.о. материальным основанием знания как идеального со стороны создания нового идеального (новой стоимости, применительно к отношениям обмена) является сама природа и собственно человеческое общество.* Идеальное мышления как результат его деятельности, как знание, есть идеальное природы и общества, их законы и принципы, но представленные в форме понятий и категорий единственно с которыми и может действовать человеческое мышление. Здесь же отметим, что знание, прошедшее обратный процесс от идеального к материальному (т.е. завершающую фазу процесса

отражения) и воплощённое в человеческой практике в природном материале, материализованное (овеществлённое) знание, своей материальной основой имеет уже продукт труда человека, и с помощью этого продукта человек использует законы природы в своих целях, но это становится возможным только потому, что эти законы представлены (сняты) в идеальной форме в продуктах труда.

Материальная сторона мышления (и его результата, знания) со стороны затрат представляет собой, как было сказано, все издержки на получение фактических данных, являющихся исходным материалом для формирования идеальных объектов мышления, и их последующего исследования. Т.о. эти затраты, косвенно представленные в результатах процесса мышления, являются основой для формирования стоимости, когда результат мышления, знание, предстаёт в форме товара. Эти затраты в общественных отношениях, основанных на обмене, предстают как стоимость знания, как его товарная форма. И эта стоимостная форма знания есть выражение наличия общественных отношений обмена, она может существовать только в этих отношениях. Т.о. всеобщее, законы природы (правда, в особой, очеловеченной форме), становится частной собственностью и потому особенным и единичным, вступает в отношения обмена и является источником извлечения прибыли.

В отношении результата мышления, знания, действуют те же принципы формирования стоимости, что и в отношении материальных продуктов труда. Новое знание, предстающее как стоимость, со своей созидательной стороны имеет материальным основанием самое природу и общество. Но это же знание как стоимость со стороны затрат, издержек общества, имеет основанием затраты общества на научные исследования.

Есть ещё одна сторона интеллектуальной деятельности – творческий труд, создающий произведения искусства (или то, что иногда называется искусством безо всяких на то оснований). Здесь фактическим основанием, дающим материал для интеллектуального процесса, является сама жизнь людей, другими словами, общественные отношения, идеально представленные в сознании. В этом случае вступает в действие самостоятельность мышления, его способность независимо ни от чего действовать со своими идеальными объектами. Такой идеальный продукт, поступающий в сферу обмена, имеет материальным основанием саму жизнь, но эта жизнь, пройдя идеальный процесс обработки самостоятельным мышлением, может предстать как в форме адекватной реальности, так и в совершенно фантасмагорической форме. Стоимость такого идеального продукта определяется исключительно субъективными факторами – т.н. общественным признанием, т.е. полностью совпадает с потребительной стоимостью как потребностью потребителей в товаре. По этой причине низкие вкусы большинства (или весьма денежного меньшинства) способны высоко вздувать цену ничтожных, с точки зрения гуманистичности, поделок конъюнктурщиков от искусства.

Цена как превращённая форма меновой стоимости

Остановимся ещё на одном вопросе. Выше мы говорили о соотношении

меновой стоимости и цены. Рассмотрим последнюю категорию более подробно с точки зрения соотнесения в ней материального и идеального моментов.

Стоимость, как мы выяснили, есть идеальное, представленное, снятый процесс. Но это предельно абстрактное определение. В материальной жизни людей стоимость должна получить выражение также и в материальной форме, чтобы сделать возможным обмен продуктами труда соответственно их эквивалентам, и это действительно так – в общественных отношениях стоимость предстаёт в двух формах – материальной и идеальной, соответственно продукту труда, предстающему как субстанциональное единство материального и идеального.

Непосредственно в продукте труда стоимость предстаёт в материальной форме как собственно продукт труда, как *воплощённая* в продукте деятельность, труд, и в идеальной форме, как *представленная* в продукте деятельность.

Соответственно этим двум формам стоимости в общественных отношениях она также предстаёт в двух формах отношений. Во-первых, через материальные отношения как непосредственные отношения обмена – в этой форме отношений стоимость может быть представлена только в материальном виде как товар и его эквивалент, деньги. Во-вторых, через сознание субъектов этих отношений, через общественные отношения в идеальной форме, т.е. отношения, опосредствуемые сознанием – здесь стоимость предстаёт в идеальной форме, внутри отношений, опосредствуемых сознанием.

Эти формы отношений являются носителями стоимости в человеческих отношениях. Их посредством через соотнесение материального, товара и денег, соотносятся две идеальные формы – стоимость, представленная в товаре и стоимость, якобы представляемая деньгами.

«Якобы» здесь сказано с полным основанием – ведь фактическая стоимость денег, т.е. стоимость их изготовления, никого не интересует. В отношениях обмена деньги *наделяются* совершенно иным содержанием, а именно тем же идеальным, которое представлено в продуктах труда – стоимостью как таковой, безотносительно к материальной форме товара.

Т.о. деньги как вполне материальная вещь своим материальным основанием, совершенно ничтожным с точки зрения обмена, представляют всеобщее содержание товаров – стоимость. Поскольку любая материальная вещь может быть выражена количественно, то деньги *опосредствованно* количественно выражают то, что не может быть *непосредственно* выражено количественно в принципе – идеальное, стоимость. Именно на долю денег выпадает сомнительная честь осуществлять в человеческих отношениях извращённое, на первый взгляд, действие по выражению идеального в количественном виде – стоимость, идеальное, представить как число и, т.о., как нечто материальное.

Но это извращённое, казалось бы, представление является единственно возможным, которое способно поставить отношения обмена как отношения обмена материальных предметов, на совершенно объективную почву – на возможность количественного соотнесения стоимости – и тем самым

объективировать отношения обмена, где бы они ни происходили и какие бы товары в них ни участвовали.

И именно потому, что деньги представляют не собственную стоимость, а стоимость других вещей, их стоимость является фиктивной, не связанной с собственно деньгами *внутренним* соотношением, отчуждённой от своей материальной формы, и на этом основании не только может быть представлена количественно суммой самих денег, но и подвергаться постоянному нарушению пропорциональности между количеством денег и представленной в них стоимостью.

Стоимость в своей превращённой форме – меновой стоимости, количественно представленной деньгами, есть уже *цена* товара. Т.о. в материальных отношениях обмена получает вполне материальное выражение идеальная сторона стоимости, но уже в материальной форме – в форме цены. Подчеркнём – *цена есть количественное и тем самым материальное выражение меновой стоимости, которая, в свою очередь, есть идеальное представление стоимости, человеческой деятельности, труда*. Но не будем забывать, что цена представляет стоимость опосредствованно и потому, как таковая, совпадает со стоимостью только случайно, и только опосредствуясь отношениями обмена.

Цена исторически представала как нечто материальное, поскольку только *материальное* может быть выражено *количественно* и тем самым быть *реальным* мерилом стоимости. Вещь – товар, обменивалась на вещь – деньги (неважно в какой форме они представали).

Но поскольку в отношениях обмена в сознании цена предстаёт как нечто воображаемое, как психический феномен, то её ошибочно принимают за форму стоимости, за идеальное, хотя идеальное невозможно определить количественно в отличие от цены. И когда идеальное, стоимость товара, представляют в форме его цены, то это всегда есть представление некоего количества какого-то эквивалента (денег и т.п.), т.е. вполне материальное представление. В наше время деньги почти полностью оторвались от материального носителя и превратились в нечто виртуальное – в число, что позволило перевести в виртуальную же форму денежные расчёты и компьютеризировать их. Но даже в этой, виртуальной, форме деньги, в конечном итоге, представляют нечто материальное, что и проявляется в периоды кризисов, когда число стараются обменять на что-то более существенное, чем цифра в воображении.

Т.о. стоимость, идеальное, пройдя процесс опосредствования человеческими общественными отношениями, как отношений одновременно и идеальных, и материальных (т.е. субстанциональных), предстаёт в итоге в своей превращённой материальной форме, форме денег, чьим идеальным она и становится. Теперь отчуждённое и независимое материальное – деньги – несёт в себе (хотя и фиктивно) идеальное содержание продукта труда, стоимость, и приобретает способность связывать *всё* многообразие продуктов труда в *одном* отношении обмена. При этом происходит ещё одно превращение – деньги, материальное, будучи выражены в сознании в идеальных отношениях через своё численное представление, получают тем самым способность представать в идеальной форме, что приводит к

ошибочному выводу, что цена есть идеальное выражение стоимости, тогда как по существу это превращённая материальная форма стоимости, к тому же фиктивная.[1]

Замечания к трудовой теории стоимости

Видение процесса создания стоимости, изложенное выше, несколько отличается от воззрений Маркса. В качестве резюме коротко укажем на различия в понимании проблемы стоимости между представлениями трудовой теории стоимости и рассматриваемой концепции субстанционального монизма.

С точки зрения *трудовой теории стоимости* стоимость есть труд, т.е. созидательная человеческая деятельность, представленная (воплощённая) в продукте труда. В таком качестве стоимость идеальна.[2] Т.о. источником стоимости является *исключительно* живой труд (т.е. деятельность рабочей силы) как создающий *новую* стоимость и, вследствие этого, также и прибавочную стоимость. Соответственно этому представлению капитал, представляющий рабочую силу, возрастает, изменяется на величину прибавочной стоимости и потому является *переменным* капиталом. Остальные факторы производства – предметы труда (сырьё, полуфабрикаты) и орудия труда – свою стоимость не изменяют и являются *постоянным* капиталом. С точки зрения издержек производства их стоимость формируется за счёт переноса полной стоимости переменного капитала и вхождения той части стоимости постоянного капитала, которая представляет сырьё и полуфабрикаты (в этой форме это оборотный капитал), а также за счёт переноса части стоимости (соответствующей износу) постоянного капитала (основной капитал). Но, исходя из положений трудовой теории стоимости,

---

[1] Деньги – особенная вещь, они могут существовать *только в общественных отношениях*. Деньги – в полном соответствии с субстанциональной действительностью – предстают в двух качествах в зависимости от своей роли в процессе функционирования.

Деньги предстают своей *идеальной* стороной, когда они выступают как представитель стоимости, как всеобщий эквивалент. Деньги предстают своей *материальной* стороной, когда они выступают как *количественное* выражение чего-то (цены, товара), – т.е. когда за ними стоит конкретное количество конкретного товара (в т.ч. самих денег, если они выступают в роли товара), когда они представляют собой некую количественную меру, связанную с конкретным продуктом.

Деньги как *идеальное* выступают в качестве *всеобщего*, поскольку предстают как всеобщий эквивалент. Деньги как *материальное* выступают в качестве *особенного и единичного*, поскольку опосредствуют собой конкретное количество конкретного товара.

Обе ипостаси денег неразрывны в своём различии (т.е. тождественны) и наличествуют в деньгах имманентно, представая то одной, то другой стороной в зависимости от функции денег в процессе их оборота.

[2] «…Человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 60); «…в стоимость… не входит ни одного атома вещества природы» (Там же. С. 56).

невозможно объяснить источник прибавочной стоимости (и вообще новой стоимости) при отсутствии переменного капитала, который представлен рабочей силой, живым трудом, а ведь создание полностью автоматизированных производств не за горами. Есть вопросы и в отношении тенденции нормы прибыли к понижению.

С точки зрения субстанциональности материальное и идеальное как стороны субстанции неразрывны, тождественны и любому изменению материального сопутствует соответствующее изменение идеального. При этом идеальное есть представление, снятие в материальном процесса его изменения. Т.о. все факторы, изменяющие материальное, тем самым участвуют в изменении идеального, другими словами – в создании нового идеального. В создании продуктов труда активное участие принимают человек и применяемые им орудия труда, тем самым именно эти факторы, изменяя форму предмета труда (материального), одновременно изменяют (создают новое) идеальное. Процесс изменения предмета труда, представленный, снятый в продукте труда и есть не что иное, как стоимость (в отношениях обмена). В таком качестве она отличается от представлений трудовой теории стоимости только участием в её создании орудий труда. По аналогии с трудовой теорией переменным капиталом, создающим стоимость, будет капитал, представляющий рабочую силу и орудия труда, постоянным же – капитал, представляющий сырьё и полуфабрикаты. (Здесь и ранее ничего не сказано о капитале, представляющем здания, сооружения и инфраструктуру производства. Устраняя эту лакуну следует отметить, что эта форма капитала создаёт *условия* производства, т.о. участвуя в нём в пассивной форме и со стороны издержек производства переносит свою стоимость на продукт труда частями, пропорциональными сроку службу, т.е. аналогично орудиям труда). С точки зрения субстанционального подхода капитал, участвующий в создании новой стоимости, следует называть *активным* капиталом (капитал, представляющий рабочую силу и орудия труда), а капитал, предоставляющий материал для предметов труда и создающий условия её создания – *пассивным* капиталом (капитал, представляющий сырьё и полуфабрикаты и инфраструктуру). В отношении формирования издержек производства имеется полная аналогия с трудовой теорией стоимости. Точка зрения субстанциональности позволяет дать ответ об источнике новой и прибавочной стоимости при полном отсутствии рабочей силы (живого труда) и, более того, указывает на путь, следуя которым, человек может полностью выйти из сферы производства как его объект, технологическая деталь и, тем самым, ликвидировать свою частичность, о которой говорил Маркс, а также отчуждение своей деятельности, которая всё ещё является следствием экономической необходимости.

Отличие между двумя рассматриваемыми представлениями, на первый взгляд, небольшое – субстанциональный подход логически выявил сущность стоимости и необходимость принятия во внимание активной роли орудий труда в процессе создания продуктов труда и, соответственно, стоимости. Но это различие имеет глубоко принципиальный характер и существенно корректирует выводы Маркса относительно сущности стоимости и прибавочной стоимости и, в итоге, о нормах стоимости и прибыли.

Где же исток такого вывода Маркса? «Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они – продукты труда».[1] В таком представлении имманентно уже содержится возможность ошибочного толкования многогранной *комплексной* трудовой деятельности, в которой задействованы *все* факторы производства, только как исключительно человеческого, живого труда и эта недоговорённость становится фактом, ошибкой, когда Маркс далее, не исследуя собственно процесса изменения предмета труда с учётом *всех* составляющих этого процесса, априори признаёт, что «…все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости – товарные стоимости». После этого не остаётся ничего иного, как не замечать активной роли орудий труда в создании стоимости.

Да, Маркс сделал огромный шаг вперёд в исследовании сущности стоимости, фактически приняв гегелевскую трактовку идеального как снятия процесса изменения материального, но, остановившись на полдороге, не завершил полного исследования процесса создания стоимости, не проанализировав роли *всех* факторов, принимающих участие в создании продукта труда.

***

Следует сказать несколько слов о существующих теориях стоимости. Авторы этих теорий исследуют сущность стоимости не с точки зрения субстанционального единства материального и идеального, а абстрактно, неполно, рассматривая стоимость со стороны только одного из её проявлений, тем самым фетишизируя одну из сторон стоимости.

Трудовая теория стоимости. Наиболее полно сущность стоимости исследовал Маркс (критически развивший идеи Смита и Рикардо), совершенно верно утверждающий, что в основании стоимости лежит труд, т.е. созидающая деятельность человека, изменяющего материальный мир. Маркс совершенно точно указал на создаваемую и затратную стороны стоимости, одна из которых представлена человеческой созидательной деятельностью, а вторая издержками производства и на роль сферы обмена в формировании цены производства. Но, остановившись только на роли живого труда и не исследовав всех условий человеческой деятельности, которые включают многие факторы производства, главными из которых со стороны материального являются орудия труда, а со стороны идеального знание, Маркс не увидел огромной роли в создании стоимости (и шире – идеального) орудий труда, в которых воплощено знание человека как концентрированных законов природы.

Теория издержек производства (и близкая к ней *теория факторов производства*) рассматривает сущность стоимости только со стороны затратной части, абстрагируясь от деятельностной, созидающей стороны. Тем самым из анализа элиминируется собственно источник стоимости как *новой*, создаваемой стоимости.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 3. С. 46.

Теории спроса и предложения и предельной полезности исключают из анализа сферу производства и обращаются в поисках источника стоимости к сфере обмена и этим фактом полностью исключают возможность уяснить сущность стоимости, создаваемой в сфере производства.

Тем не менее, несмотря на абстрактность рассмотрения, а, вернее, благодаря этому теории издержек производства, факторов производства, спроса и предложения и предельной полезности достаточно точно описывают формирование превращённой формы стоимости – меновой стоимости – со стороны общественных издержек, а также формирование цены производства в условиях взаимодействия спроса и предложения.

Литература
Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955.

29.11.2022

Продукт труда и прибавочный продукт

(Статья была направлена в журнал «Вопросы политической экономии»).

Постановка вопроса

Если по поводу прибавочной стоимости в политэкономической литературе мнения исследователей практически совпадают в вопросе о её реальности и разнятся только в определении её источников, то в отношении прибавочного продукта, которому и соответствует прибавочная стоимость, наблюдается обширная лакуна. Молчаливо предполагается, что прибавочный продукт императивен и потому говорить о нём нечего и незачем.

Так, у К. Маркса глава о прибавочном продукте занимает всего два небольших абзаца, где о прибавочном продукте говорится следующее: «Ту часть продукта…, в которой выражается прибавочная стоимость, мы называем прибавочным продуктом… Как норма прибавочной стоимости определяется отношением последней не ко всей сумме капитала, а только к его переменной составной части, так и уровень прибавочного продукта определяется отношением последнего не ко всему остальному продукту, а только к той части продукта, в которой выражается необходимый труд. Как производство прибавочной стоимости есть определяющая цель капиталистического производства, так и степень богатства измеряется не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта».[1] Имеются и другие косвенные замечания: «прибавочный продукт, представляющий прибавочную стоимость»[2], «прибавочную стоимость, существующую в форме прибавочного продукта»[3].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 240.
[2] Там же. Т. 24. С. 556.
[3] Там же. С. 564.

В отношении прибавочного продукта выделим главное у Маркса, сущностное:

- прибавочный продукт и прибавочная стоимость ставятся в однозначное соответствие друг другу. Правда, Маркс исходной категорией берёт прибавочную стоимость, идеальное, а не прибавочный продукт, материальное – хотя именно материальное является основанием идеального, представленного в нём, а не наоборот;

- несмотря на то, что это прямо и не сказано, но можно предположить, что прибавочный продукт есть превышение над *всем* необходимым продуктом, возмещающим *все* издержки производства, т.е. не только переменный, но и постоянный капитал, что косвенно подтверждается фразой о богатстве общества;

- судя по фразе Маркса – «уровень прибавочного продукта определяется отношением последнего не ко всему остальному продукту, а только к той части продукта, в которой выражается необходимый труд», – то, по аналогии с прибавочной стоимостью, можно сделать вывод, что прибавочный продукт создаётся, по Марксу, только живым трудом (переменным капиталом)

- богатство общества определяется величиной прибавочного продукта (т.е. продукта, остающегося после возмещения *всех* издержек), который можно употребить на *расширение* производства и потребления.

Причину, по которой Маркс ограничился в отношении прибавочного продукта несколькими словами, можно понять. Его занимала сущность капиталистического общественного отношения, заключающаяся в том, что интерес капитала направлен не на вещественную форму прибавочного продукта, а на денежную форму прибыли, являющуюся превращённой формой прибавочной стоимости. Поэтому его исследование сосредоточено в своей политэкономической части, в основном, на форме, представленной прибавочной стоимостью.

Ещё раз обратим внимание на то, что, во-первых, прибавочный продукт, *материальное*, Марксом трактуется посредством стоимости, *идеального* – т.е. основание определяется через обоснованное, а не наоборот, как это должно быть, если полагать материальное основой, в которой представлено идеальное.

Прибавочный продукт есть *вещественная* форма продукта труда, материальное, и потому должен быть выражен посредством *самого себя*, т.е. непосредственно как материальное, как часть всего продукта труда, представляющая его некое приращение. Определение прибавочного продукта посредством прибавочной стоимости подобно взгляду из зеркала на оригинал (при таком подходе вторичное – отражение – определяет первичное, реальное, тогда как истинно обратное) и потому при анализе прибавочного продукта следует поступить наоборот – выводить прибавочную стоимость из прибавочного продукта.

Во-вторых, прибавочный продукт, выраженный в форме прибавочной стоимости, Марксом соотносится не со всем продуктом, а с той частью, в которой представлен только необходимый живой труд. Другими словами, такое толкование прибавочного продукта элиминирует из процесса его

создания все вещественные факторы и оставляет в качестве источника прибавочного продукта только живой труд. Но ведь труд – это процесс, в котором участвуют *все* материальные факторы производства и в этом процессе наряду с живым трудом участвуют орудия труда и предметы труда, только их совместное действие создаёт продукт труда. Т.о. *только* живой труд не может быть единственным источником прибавочного продукта как некоего приращения продукта труда. Поскольку прибавочный продукт должен быть представлен в *вещественной* форме, то из процесса его создания нельзя исключать рассмотрение *всех* вещественных факторов производства.

В-третьих, если степень богатства общества измеряется величиной прибавочного продукта, то этот продукт должен быть представлен в материальной форме, иначе ни о каком богатстве не может быть и речи. Однако, прибавочная стоимость есть идеальное, а не материальное и потому не может быть богатством. Чтобы стать богатством прибавочная стоимость должна быть представлена в материальной, вещественной форме. Но Маркс не указывает, как выделить в вещественной форме продукта труда прибавочный продукт, которому соответствует прибавочная стоимость, объяснение сути прибавочного продукта заключается в абстрактной формуле, что он представляет собой превышение прибавочной стоимости над той частью стоимости, которая создана необходимым трудом.

Между тем вопрос о прибавочном продукте, – материальном, идеальной стороной которого выступает прибавочная стоимость, – далеко не так прост, как кажется на первый взгляд. Поскольку прибавочный продукт является вещественным, материальным основанием прибавочной стоимости, и в этом субстанциональное единстве они представляют тождество, постольку следует выяснить, что же представляет собой прибавочный продукт с сущностной стороны.

Источник и форма прибавочного продукта

Выделим основное у Маркса – поскольку прибавочная стоимость, чьей превращённой формой является прибыль, есть превышение над затраченным капиталом, представляющим сумму постоянной и переменной стоимостей, то, соответственно, прибавочный продукт есть превышение над необходимым продуктом, т.е. над издержками производства, образованными затратами как живого, так и овеществлённого труда, представленного орудиями и предметом труда. Т.о. совокупный продукт общества представляет собой сумму необходимого продукта (существующего в форме издержек производства) и прибавочного продукта.

Другими словами, деятельность человека с использованием орудий труда в каждом цикле производства создаёт больше материального продукта, чем его потребляется в этом цикле, что позволяет в очередном производственном цикле использовать прибавочный продукт на расширение как производства, так и потребления.

Но что же является источником этого превышения совокупного общественного продукта над необходимым и в какой форме существует прибавочный продукт? Очевидно, что ответ следует искать в сущности самой

производственной деятельности, понимаемой в широком смысле – и как *производство*, и как *потребление* произведённого.

С точки зрения сферы производства эмпирический факт состоит в том, и это невозможно игнорировать, что только развитие орудий труда увеличивает производительную силу человеческой деятельности. А из этого следует, что именно количеством и качеством орудий труда определяется, в конечном итоге, производительность деятельности человека и, соответственно, увеличение итогового общественного продукта (а также и прибавочного продукта)

Данное эмпирическое наблюдение гносеологически объясняется следующим образом. Человек есть конечная вещь (в философском смысле) и потому ограничен этой конечностью в своих возможностях. Причём, поскольку форма этой вещи природой определена полностью и неизменна (по крайней мере, в исторически обозримый период), то, несмотря на относительную универсальность человека, в некий момент достигается предел его деятельных возможностей. Но этот предел человек преодолевает, создавая орудия труда.

В свою очередь орудия труда как вещи также конечны и ограничены. Более того, эти вещи, созданные человеком, специализированы в соответствии с его потребностями и потому имеют ограниченные области применения. Однако, то, что представлено в этих искусственных вещах (прежде всего в орудиях труда), потенциально не ограничено. Речь идёт об идеальном этих вещей, которое представляет собой законы природы, в концентрированной форме овеществлённые в орудиях труда в их материальной форме, что позволяет человеку использовать природные законы в своей трудовой деятельности. Т.о. идеальное орудий труда полностью определяется идеальным человека – знанием. Знание же потенциально не ограничено и бесконечно, как бесконечна природа в своих проявлениях. Обладая знанием человек может создавать вещи-орудия труда, которые невероятно увеличивают его производительные возможности, как количественные, так и качественные, а потому именно орудия труда (и соответствующие им технологии) представляют собой главный фактор, производящий продукт (и прибавочный продукт) труда.

В этом плане *с точки зрения сферы потребления* увеличение производства продукта труда и, следовательно, прибавочного продукта происходит посредством создания новых предметов потребления, которые, во-первых, требуют меньших затрат и могут производиться в бо́льших количествах и, во-вторых, способны удовлетворить потребности человека в большей степени (в том числе созданием новых потребностей), нежели заменяемые ими предметы потребления.[1]

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что главным источником увеличения производства продукта труда, в том числе прибавочного продукта, является усовершенствование на основе знания орудий труда и технологий, а также предметов потребления и только в некоторой мере

[1] В данном случае к предметам потребления отнесены и средства производства, которые *потребляются* в процессе производства.

интенсификация и специализация труда самого человека, уже достигшая чрезвычайно высокой степени.

Второй вывод касается *формы*, в которой выступает прибавочный продукт. С количественной стороны это его превышение над необходимым продуктом в натуральной, физической форме, т.е. большее количество традиционных продуктов. С качественной стороны это инновационные продукты – и орудия труда, и предметы потребления, и новые технологии – позволяющие сократить в новых циклах производства издержки производства (и, соответственно, необходимый продукт), а также удовлетворить больше потребностей потребления (прежде всего производственного) при тех же, или меньших, издержках.

Сущность прибавочного продукта

Выше мы рассмотрели прибавочный продукт с его внешней стороны – со стороны источника получения и со стороны формы. Попробуем взглянуть на него изнутри и определить, что же собой представляет прибавочный продукт по своей сути как фактор общественных отношений.

Вспомним, что продукт труда со своей вещественной, материальной стороны представляет потребительную стоимость, т.е. это не просто вещественная масса, а полезный для человека материальный объект, в котором веществу природы деятельностью человека придана определённая форма, удовлетворяющая каким-то потребностям человека.

В процессе производства форма предмета труда непрерывно меняется, представая в итоге как продукт труда, имеющий конкретную вещественную форму и обладающий конкретными полезными качествами. Если эти качества признаются нужными для общества, то признаётся нужным и труд, создавший этот продукт и представленный в стоимости и, соответственно, в прибавочной стоимости. Тем самым признаётся и действительность, наличность прибавочного продукта.

Но полезность, как её ни трактовать, это не материальная вещь. В то время как прибавочный продукт, которому соответствует прибавочная стоимость, не может быть нематериальным. Как же разрешить эту антиномию, что же прирастает в продукте труда как его полезность?

Попробуем обратиться к самому продукту труда. То, что в человеческих *отношениях* предстаёт как *полезность* (не суть важно, в материальном или идеальном отношении), воплощено *в вещи* (в продукте труда) как её *материальные стороны* (атрибуты) – это вполне вещественные, *материальные* качества продукта труда, обусловленные его конкретной *материальной* формой, полученной в результате процесса труда и отвечающей конкретным потребностям человека. Именно изменение в производственном процессе *материальной формы* продукта труда необходимо влечёт изменение каких-то его конкретных *материальных качеств*, делающих его *полезным* для человека, удовлетворяющих конкретным *потребностям* человека, как материальным, так и идеальным.

Т.о. продукт труда представляет собой полученный в процессе производства материальный объект конкретной формы, обладающий конкретными материальными свойствами, что в *общественных отношениях*

рефлексируется как *полезность* продукта труда. В процессе производства материальная форма и материальные качества предмета труда изменяются и достигают в продукте труда своего завершения. Можно сказать, что продукт труда в итоге трудового процесса получает некое приращение, «увеличивается».

Вспомним, что по Марксу прибавочный продукт есть некое превышение над продуктом, представляющим *необходимую* часть *живого* труда. Но, как мы выяснили ранее при определении сущности прибавочного продукта, невозможно не учитывать *все* вещественные факторы производства, а это означает, что во внимание следует принять весь необходимый продукт – и постоянную, и переменную части, т.е. *все факторы*, участвующие в создании необходимого продукта.

Необходимый же продукт представляет собой продукт, идущий на возмещение затрат на производство. Или в другой форме, что то же, удовлетворяющий жизненные потребности людей, занятых в производстве. Причём не только тех людей, которые *непосредственно* заняты в производстве данного продукта и представленных живым трудом, но и тех людей, которые создавали орудия труда и предметы труда, используемые в процессе его производства и представленных т.о. *овеществлённым* трудом, т.е. *опосредствованно*.

Т.о. наличие прибавочного продукта говорит о том, что продукт труда, взятый в целом, может удовлетворить потребности большего числа людей, чем было их задействовано в его производстве. При этом в число людей, занятых в производстве входят не только непосредственно занятые работники (*живой* труд), но и те люди, которые создавали орудия труда и предметы труда (*овеществлённый* труд). Такое понимание прибавочного продукта не отвергает утверждение Маркса, что источником прибавочного продукта является живой труд, а расширяет его, учитывая овеществлённый труд как *прошлый* живой труд, снятый в средствах производства.

Т.о. если говорить о сущности прибавочного продукта, то в рассматриваемом аспекте *прибавочный продукт есть часть вновь созданного продукта, материальные (и идеальные) количественно-качественные характеристики которого (продукта в целом) позволяют удовлетворить жизненные потребности большего числа людей, чем было их занято в его производстве с учётом всех факторов производства* – и живого труда и овеществлённого труда (т.е. рабочей силы, орудий, и предметов труда, инфраструктуры и т.п.). Именно за счёт прибавочного продукта и удовлетворяются потребности дополнительного числа людей и (или) увеличивается потребление прежнего количества людей. Особо следует сказать, что под потребностями имеются ввиду и производственные, и личные потребности, т.е. потребности, учитывающие все стороны жизнедеятельности общества.

Рассмотренный здесь аспект прибавочного продукта есть его внутренняя характеристика, объясняющая прибавочный продукт как фактор, опосредствующий сменяющие друг друга циклы воспроизводства, которое тем самым становится *расширенным* воспроизводством.

Общественные формы прибавочного продукта

Прибавочный продукт, сущность которого определена выше, в реальных общественных отношениях может представать в двух формах.

Так, прибавочный продукт предприятия (и даже отрасли в целом) может обеспечить потребности гораздо большего числа людей, чем их занято на предприятии (в отрасли). Но, тем не менее, *по отношению к обществу в целом* прибавочный продукт может отсутствовать.

Рассмотрим простой пример. Пусть в некоторой отрасли (например, сельскохозяйственной, поскольку в данном случае можно условно принять, что весь продукт отрасли потребляется в течение года, т.е. цикла производства) занято, допустим, десять процентов населения. Это значит, что один работающий в этой отрасли обеспечивает потребности десяти человек, включая себя. Или, другими словами, каждый работающий в этой отрасли создаёт необходимый продукт для себя и прибавочный продукт, достаточный для других девяти человек – т.е. прибавочный продукт не просто в наличии, но и его норма довольно высока.

Но это *относительный прибавочный продукт*, поскольку таковым он является только в отношении *производящей* отрасли (предприятия). Для других же, *потребляющих*, отраслей (производств) этот продукт может быть полностью *необходимым*, т.е. идущим на возмещение издержек производства, а не на расширенное воспроизводство.

Как видим, в этой форме прибавочного продукта он внутренне диалектичен – одновременно и прибавочный со стороны производства, и необходимый со стороны потребления. Но это диалектичность взаимного отрицания сторон, положительного снятия сторон в их единстве ещё не произошло.

На первый взгляд богатство общества в каждом цикле производства возрастает на значительную величину. Но если рассмотреть это обстоятельство не со стороны отдельно производства и отдельно потребления, а со стороны общества как целого, то картина получится несколько иной.

Если данный прибавочный продукт в очередном цикле воспроизводства останется неизменным по своей *абсолютной* величине, то, как нетрудно понять, он будет обеспечивать то же количество потребностей, что и ранее и для общества *как целого* в новом цикле прибавочного продукта не будет произведено – т.е. он целиком пойдёт на общественное потребление в форме возмещения издержек производства (необходимого продукта) в предыдущем цикле.

Следовательно, в отношении общества как целого *в каждом производственном цикле* должно производиться большее количество прибавочного продукта в *абсолютном* исчислении. Применительно к нашему примеру каждый работающий в сельскохозяйственной отрасли в каждом новом производственном цикле должен производить продукции на постоянно возрастающее количество людей. Данный вывод относится ко всем отраслям общественного производства.

Таким образом, *прибавочный продукт существует в двух формах:*

- *относительной* – если его рассматривать в отношении к отрасли

(предприятию) раздельно со стороны производства и со стороны потребления;

- *абсолютной* – если его рассматривать в отношении общества в целом, брать в единстве обеих сторон (и производства, и потребления). Т.о. в абсолютной форме прибавочный продукт предстаёт как обобщённый относительный прибавочный продукт, *возрастающий* в каждом цикле производства.

В первом случае прибавочный продукт может производиться в каждом производственном цикле на предприятии (в отрасли), но отсутствовать для общества как целого – и это *особенная* форма расширенного воспроизводства. Во втором случае прибавочный продукт в каждом цикле производится для общества как целого – и это *общая* форма расширенного воспроизводства.

Следует отметить также следующее.

Действительный абсолютный прибавочный продукт может быть получен только за счёт уменьшения себестоимости в части *реального* уменьшения необходимого рабочего времени (а не волюнтаристского снижения расценок), повышения производительности труда и внедрения *новых научно-технических* производств и продуктов, т.е. за счёт *интенсивных* факторов.

Абсолютный прибавочный продукт, полученный за счёт расширения производства на *прежней* научной и технической базе, либо снижения себестоимости за счёт снижения расценок, а не необходимого рабочего времени будет *фиктивным* прибавочным продуктом. Во-первых, прибавочный продукт, полученный в физической форме, в новом цикле будет расходоваться на издержки *экстенсивно* расширенного воспроизводства, поскольку изменится только абсолютная величина продукта, но не пропорции его распределения. Во-вторых, снижение себестоимости за счёт снижения расценок не даст *физического* (натурального) прироста прибавочного продукта, а только повлияет на уменьшение цены.

Важная ремарка

Нетрудно видеть, что, исходя из того обстоятельства, что прибавочный продукт есть превышение над необходимым продуктом, он может быть получен и в простом (и даже сокращающемся) воспроизводстве. Для этого достаточно в совокупном продукте сократить его часть, идущую на возмещение произведённых затрат, т.е. соответствующую необходимому продукту общества. Т.о. за счёт частичного сокращения и производственного, и индивидуального потребления возможно получить прибавочный продукт. Другими словами прибавочный продукт может быть получен за счёт усиленной эксплуатации как людей, так и основных фондов, т.е. за счёт их определённой деградации.

Казалось бы, как может деградация стать источником восстановления – парадокс, антиномия? Нет, диалектика... Результатом такого процесса, снятием его, будет новое состояние, в котором старые деградирующие производства элиминируются, а новые, основанные на современной науке и технике, возникают (*становятся* по Гегелю).

Данный метод получения прибавочного продукта противоречит сделанному выше выводу о сути прибавочного продукта. Но здесь следует иметь ввиду, что это насильственный способ, нарушающий «естественный» ход событий и «естественные» производственные отношения.[1] Отсюда понятно, что если полученный таким образом прибавочный продукт будет использован непродуктивно, не на создание новых эффективных производств, то деградация общества будет только усиливаться, поставив его на грань выживания.

Но, с другой стороны, это едва ли не единственный путь получения средств для развития производственной базы общества в условиях его ограниченных производительных возможностей (например, вследствие разрушения производственного потенциала и (или) экономической изоляции). В значительной степени именно так в тридцатые годы прошлого века была создана советская промышленность, в первую очередь тяжёлая.

Очевидно, что современной России с её резко снизившимся, по сравнению с советским периодом, промышленным потенциалом и значительной потерей экономической самостоятельности, не избежать такого мобилизационного пути, если будет поставлена цель создания современного суверенного экономического потенциала. Столь же очевидно, что существующий либеральный режим никогда не поставит в действительности такой цели (поскольку это затронет интересы собственников, прежде всего крупных), разве что в своих пропагандистских интересах, т.е. ограничится пустой риторикой. Значит перед обществом стоит не такая уж и сложная дилемма – либо смена режима и вектора развития, либо движение по пути отставания от передовых стран и окончательный переход на роль их сырьевого придатка, что приведёт к дальнейшему существенному ослаблению и, в конечном итоге, распаду государства.

Как видим, отвлечённый, теоретический, казалось бы, вопрос о прибавочном продукте оказался самым тесным образом переплетён с насущными практическими проблемами жизни общества в целом.

Литература:
Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М., 1955.

05.11.2018

О социализме и рынке (к первой лекции А.В. Бузгалина на канале Ютуб)

(Опубликовано на сайте движения «Альтернативы»).

Недавно А.В. Бузгалин прочёл на канале Ютуб первую лекцию на тему «Что есть рынок» из цикла «Рыночный социализм»

[1] Термин «естественные» взят в кавычки, поскольку в исторической практике общественного развития подобные методы получения прибавочного продукта не такое уж и редкое явление.

(https://www.youtube.com/watch?v=-in1vcuvbT8, 16.08.2022).

Возраст данной проблемы (рассматриваемой широко – социализм как исторический этап, узко – социализм и товарно-денежные отношения) весьма почтенный, – он восходит, как минимум, к временам Маркса – но вопрос от того не уходит в забвение, напротив, его актуальность ничуть не снижается со временем, а наоборот, обостряется и усложняется и давно перешла из сугубо спекулятивных рассуждений в прямо-таки кипящую практику (ныне Китай, Вьетнам, Куба и ещё исторически не так давно СССР). Злободневность проблемы понятна и объяснима – господствующие, пока ещё, в мире капиталистические общественные отношения подошли к своему пределу и в экономике (транснациональный финансовый капитал), и в политике (либерализм, деградация демократических институтов), и в культуре (постмодернизм, релятивизм), и в обществе (стремительное прогрессирующее разрушение ценностных ориентиров – как итог, культ торжествующего хама), т.е. практически во всех сферах общественной жизни.

Что же такое будет мета-капитализм?.. Социализм, отвечает марксизм. Маркс выразился метафорично: «Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Не вполне диалектично - ведь насколько развитие каждого является условием развития всех, настолько и развитие всех, является условием развития каждого, если не более – но, главное, принцип определён: присвоение человеком своей деятельности, т.е., по сути, самого себя, своей сущности. Позволю себе сформулировать эту генеральную идею в более конкретном виде: социализм есть императивный приоритет общего над частным и единичным, но с признанием и реализацией (с учётом возможностей, разумеется) интересов единичного и частного в их обоюдосогласованном сочетании с общим – задача более чем нетривиальная. Остальные аспекты – политические, экономические и т.д. – представляют собой общественные механизмы достижения главной цели, которые могут способствовать, или же нет, движению к ней.

Однако, и это весьма напряжённый и до сих пор во всём объёме неразрешённый момент, изящная абстракция теории должна быть наполнена весьма грубым материалом жизни как представлением и воплощением *всех* аспектов жизнедеятельности человека, причём так, чтобы движение осуществлялось в намеченном направлении. Каким образом – вот главный *теоретико-методологический* вопрос и одновременно *практическая* постановка задачи?

Профессор А.В. Бузгалин из всего немалого комплекса проблем выбрал одну из фундирующих – экономическую, вернее, хозяйственную, относящуюся к материальному основанию общества, но влияющую, косвенно либо напрямую, на все аспекты его жизнедеятельности. Проблема эта, как уже сказано – социализм и рынок (если быть точным, то следовало бы говорить о товарно-денежных отношениях, но не будем придираться, поскольку рынок их имплицитно предполагает).

Вначале о тезисах А.В. Бузгалина. По его представлению:

1. Рынок возникает тогда, когда появляется обособленность производителей плюс общественное разделение труда. При этом чем больше развиты указанные аспекты, тем более развит рынок. При их деградации общество

идёт назад к натуральному хозяйству, при совершенствовании – движение вперёд в направлении к социализму (сужается обособленность производителей).

2. Сегодняшний рынок – это рынок капиталистический. Рынок рабочей силы, банки, деньги, кредит, страхование и т.п. – это капиталистические атрибуты. Если мы хотим использовать рынок мы реально должны будем использовать капитализм.

3. Рынок не является безразличным к социальной жизни, политике, идеологии, культуре и, главное, к ценностям и мотивам, которые характерны для людей, включённых в рынок. На рынке все товаровладельцы – и производители, и потребители. Черты, характерные для товаровладельца (это может быть владелец товара рабочая сила, продающий его на рынке; это может быть мелкий предприниматель; это может быть акционер и т.д.): этот человек стремится максимизировать доход (товары, стоимости) и минимизировать затраты. В этих условиях рождается товарный фетишизм товара и денег. Фетишизм диктует человеку что и как делать. Рынок всех участников делает мещанами (каждый за себя, это идёт от обособленности производителей), это не социалистический принцип.

Начиная с конца 19, начала 20 века рынок пронизан 1. монополистическим и 2. государственным регулированием.

Ещё два важных тезиса:

- если мы хотим говорить о рыночном социализме, то мы должны говорить не просто о рыночных обменах или элементах конкуренции, мы должны говорить о том, как обособленных производителей включить в социалистическую систему, или как построить социалистическую систему на базе обособленности частного труда, товарного фетишизма и человека мещанина. Мой ответ – никак;

- если мы будем использовать рынок, строить рыночный социализм, то мы реально будем делать социалистический капитализм.

Следует также отметить, что 1. подрыв рынка начался уже в недрах капитализма и 2. элементы рынка в новом обществе возможны, но это будут не элементы социализма.

***

Из представленных выше тезисов совершенно недвусмысленно следует позиция А.В. Бузгалина – рынок и социализм несовместимы. Тем не менее следует рискнуть и превратить данную дилемму - либо рынок, либо социализм, в альтернативу – либо рынок, либо социализм, либо и рынок, и социализм (тем более, что сам А.В. не чужд «Альтернатив»).

Как уже ясно видно, А.В. Бузгалин собирается в лекциях рассматривать не проблему возможности *сочетания* рынка и социализма, а доказывать и обосновывать свою идею о *невозможности* сочетания рынка и социалистического хозяйства. Итак, в самом начале рынок априори отвергнут и анализа его совместимости (или несовместимости) с социалистическими принципами мы не услышим. Вряд ли эту позицию можно назвать конструктивной, а потому попробуем восполнить эту лакуну.

Поскольку фундаментом, на котором строятся все рассуждения, является понятие социализма как общественного отношения, то совершенно

ясно, что не разобравшись в *сущности* этого общественного феномена ничего невозможно сказать ни о каком-либо его аспекте.

Поскольку социалистические общественные отношения это всё-таки *отношения*, а не *состояние*, то как таковые они постоянно находятся в движении и потому имплицитно (в-себе) имеют какую-то интенцию, направление движения, цель. Марксизм эту цель называет совершенно явно – освобождение человека от отчуждения его деятельности, присвоение им своей сущности. Т.о. сущность человека – свободная деятельность и в форме единичного и особенного (индивида и коллектива), и в форме общего (общество в целом) – детерминирует цель и сущность социалистического движения. *Всё, что будет способствовать этому – социалистично* (в том ограниченном смысле, что не только не противодействует, но и содействует социалистическому движению). На возражение, что такое видение социализма не отличается от коммунистического принципа, следует сказать, что социализм и коммунизм как движение имеют *одну* указанную цель и потому, по своей сути, это *одно движение, имеющее разные этапы*. Ещё раз следует особо подчеркнуть, что *социализм (да и коммунизм) – это не состояние*, которого можно достигнуть, переступая со ступеньки на ступеньку как от одного стационарного состояния к другому, *а непрерывное постоянно изменяющееся в своих внутренних тенденциях и внешних отношениях движение,* на каждом своём этапе имеющее свои особенные тенденции, которые, как показала практика СССР, никоим образом нельзя игнорировать.

Казалось бы, при такой постановке вопроса проблема социализма как общественного отношения и движения расплывается до его почти полной неопределённости. Если остановиться в этом пункте, только на констатации факта необходимости движения к некой цели, то в таком понимании будет ещё мало конкретности. Следует выявить такие принципы социалистического движения, которые будут *инварианты* к постоянно изменяющейся действительности и сам характер которых будет *императивно* свидетельствовать об осуществлении именно *социалистического* и именно *движения*.

В целях экономии места и времени, не вдаваясь в исторический экскурс и обзор существующих работ, но основываясь на них, можно сформулировать следующие *принципы социалистического движения*:

- социалистическое движение есть движение *телеологическое*, движение к ясно осознанной цели, что императивно предполагает *наличие научной теории*, описывающей, хотя бы в общих чертах, не только саму цель, каковой может быть только реализация сущности человека как свободно действующей личности, но и основные условия её достижения;

- любое осмысленное, осознанное движение (а социалистическое движение по своей *сознаваемой* цели именно такое) должно управляться и направляться, спонтанность такого движения по определению недопустима. Отсюда вытекает необходимость *наличия власти, мыслящей и действующей от имени и в интересах целого* (всего общества). Даже более конкретно – целого, рассматриваемого как большинство общества, живущего за счёт *собственного* труда;

- формирование *новых общественных феноменов*, до сих пор не имевших места ни в одном из обществ: 1. отношений *общественной собственности*, субъектом которых является *общество в целом* (при этом следует строго различать два совершенно разных общественных феномена: исполнение *государством* функции собственника, хотя бы и от имени общества, и прямую субъектность *общества* как собственника. В каких формах возможно второе является вопросом дополнительных исследований); 2. отношений *общественного самоуправления* в масштабе всего общества. Любая власть по своему исключительному положению в обществе в той или иной мере авторитарна. Отсюда следует необходимость не просто постоянного контроля за властью со стороны общества, но *постепенное вхождение общества в исполнение властных полномочий*, в пределе – полное общественное самоуправление;

- постоянно действующая *тенденция* к *социализации собственности на средства производства* (длительность процесса и его формы в разных странах будут разные), что и будет одной из форм реализации предыдущего принципа;

- в экономике: *удержание командных высот* (власть, действующая в интересах общего, плюс доминирование социализированных форм); *управляемость и направляемость* (в форме доминирования планового принципа);

- постепенное формирование в процессе социалистического движения человеком самого себя как *нового культурного типа* (в самом широком смысле) – как *активного общественного субъекта*, с одной стороны, соответствующего демократизирующемуся обществу и социализируемой экономике и, с другой, активно их создающего (диалектика бытия и сознания в прямом действии).

Возможно ли отказаться от хотя бы от одного из названных принципов? Практика (которая, как известно, в марксизме критерий истины) СССР показала, что это губительно для социалистического движения. Разумеется, соблюдение в полной мере всех принципов, особенно в начальном периоде движения, вряд ли возможно (прошлая практика СССР и нынешняя практика Китая это убедительно показывает), но элементы общественных отношений, реализующих эти принципы, должны обязательно присутствовать с тенденцией к всё большему их распространению.

В свете сформулированных принципов рассмотрим доводы А.В. Бузгалина.

Поскольку лектор не дал своего понимания рынка, а ввиду сложности и неоднозначности вопроса это следовало сделать хотя бы в самом общем виде, то скажу вначале несколько слов о видении рынка как хозяйственного феномена.

То, что подразумевается под рынком, представляет собой *одну их форм обмена*, а именно *эквивалентный обмен по взаимному добровольному соглашению сторон*.

Обмен как устойчивое *общественное отношение* возникает на определённой стадии развития общества, а именно, с появлением прибавочного продукта, представляет собой процесс взаимодействия людей (индивидов и их сообществ) в целях поддержания жизнедеятельности, есть одна из

форм кооперации и состоит в обмене деятельностью и её результатами. Обмен есть форма общественных отношений, *отождествляющая* (объединяющая) части общественного организма в целое, в систему связей, скрепляющих общество, и потому данный феномен играет чрезвычайно важную роль в историческом процессе становления человеческих сообществ. Основанием обмена является наличие прибавочного продукта, но это пассивный момент данного общественного отношения. Активным процессом обмен делает только наличие сторон обмена, представленных в лице владельцев обмениваемых товаров.

Обмен, возникнув вначале как спорадическое отношение, стимулирует появление и бурное развитие нового общественного отношения – разделения труда – которое, в свою очередь, значительно расширяет и активизирует сферу обмена.

Резюмируем:

- обмен как общественное отношение исторически вызывается к жизни наличием прибавочного продукта;
- обмен есть диалектический процесс, отождествляющий стороны обмена в целостную систему связей, соединяющих стороны обмена;
- обмен, возникнув спорадически, необходимо влечёт за собой появление и развитие разделения труда;
- развитие разделения труда резко расширяет сферу обмена и тем самым начинает детерминировать обмен.

Как видим, в число основных факторов, *непосредственно* определяющих отношения обмена, входят только факторы, детерминируемые самыми общими условиями жизнедеятельности – наличием потребностей в продуктах труда, наличием прибавочного продукта (т.е. возможностей обмена) и наличием разных производителей и потребителей продуктов труда (сторон обмена).

Для отношений обмена, рассматриваемых в узком смысле, т.е. только как сам процесс движения вещей безотносительно к историческим факторам его возникновения, такими фундаментальными условиями являются:

- взаимная потребность сторон в продуктах и их наличие – главное условие, без которого обмен невозможен;
- определённые критерии обмена, уравнивающие стороны обмена в некотором отношении, признаваемым обеими сторонами – дополнительное условие, актуализирующее обмен.

Эти условия в историческом движении создали тот общественный феномен, который существует в форме *рынка*, современной формы обмена.

Т.о. *рынок* – это общественный феномен, проявляющийся в форме обмена деятельностью и/или продуктами труда и реализующийся на основании 1. *потребности* сторон обмена в деятельности и/или продуктах и их наличии, 2. *эквивалентности* продуктов (деятельности) по некоему критерию, 3. посредством *согласования* этих условий *субъектами* рынка.

Это *сущностное* определение рынка, его *понятие*. Из этого понятия нетрудно вывести, что рынок это:

- форма осуществления жизнедеятельности;
- одна из сторон многообразных общественных отношений (рыночные

отношения);

- механизм, реализующий обмен предметов рынка (рыночный механизм).

На рынок, как видим, не оказывают *непосредственного* влияния и, следовательно, находятся за его пределами такие общественные феномены как *производственные отношения* (понимаемые здесь в узком смысле – как отношения только производства) и *отношения собственности*.

Эти общественные феномены только *подготавливают* факторы рынка к вступлению во взаимодействие, создают *условия* возникновения рыночный отношений, т.е. действуют как *внешние* по отношению к рынку общественные отношения, но *непосредственного* участия в рыночных отношениях не принимают.

Производственные отношения, прежде всего разделение труда, создают (посредством производительных сил) продукты труда, подлежащие обмену, и формируют их критерий обмена, каковым исторически стала стоимость.

Отношения собственности, существуя уже на стадии производства, влияют на *распределение и присвоение* произведённых продуктов труда и создают, тем самым, *субъектов* отношений рыночного обмена. Отношения собственности только *персонифицируют* стороны обмена.

По указанным выше соображениям при анализе отношений обмена и рынка от влияния на них отношений собственности и производственных (в узком смысле) отношений можно абстрагироваться.

Вернёмся к тезисам А.В. Бузгалина. Что касается влияния разделения труда на возникновение и развитие феномена рынка, то здесь возможно только согласие. Но вот в вопросе, что только наличие обособленности производителей ведёт к возникновению рынка, согласия быть не может по причинам, проанализированным выше. В этом пункте А.В. Бузгалин следует своему учителю Н.В. Хессину, который, ссылаясь на взгляды Маркса и Ленина, полагал, что «…сама по себе специализация производителей еще не ведет к появлению обособленности производителей. Классики марксизма-ленинизма указывали на главный момент в этом вопросе — в товарном хозяйстве каждое звено развивается не по единому плану и не по сознательным указаниям со стороны общественных органов, а по усмотрению самих производителей… Политико-экономическая сущность обособленного производителя состоит в том, что он по собственному усмотрению решает вопрос о том, в какой сфере общественного разделения труда приложить свой труд, какие виды продуктов производить и в каком количестве. Каждое звено в системе общественного разделения труда обособляется и развивается не по заранее обдуманному плану, а по усмотрению самих производителей…».

Примечательно, что сам Хесин не считает, что «специализация производителей» (т.е. разделение труда) ведёт к их обособленности. Сутью обособленности является не само наличие (или отсутствие) обособленных производителей, а тот факт, что они производят бесплановo, хаотично («не по… плану, а по усмотрению… производителей»). Но что изменилось, если бы наши «обособленные производители» производили по плану.

Только соотношение спроса и предложения – они были бы согласованы. Или, другими словами, цены и стоимости товаров находились бы во взаимном соответствии. Изменило бы это необходимость обмена продуктов труда и, соответственно, наличие рынка? Разумеется нет…

С другой стороны, и при планово ведущемся производстве необходимость обмена продуктами труда отвергнуть никак нельзя. Связано это, главным образом, с необходимостью постоянного возобновления воспроизводства, возмещения произведённых затрат, поддержания равновесия хозяйственной жизни как равновесия производства и потребления (в узком смысле спроса и предложения). Если *внутри* отдельного предприятия, где происходит *прямой* цикл движения всех факторов производства – от входа сырья и труда, до выхода готового продукта – об обмене можно не говорить (хотя необходимость учёта затрат и, следовательно, стоимости, остаётся), то в масштабе *всей* хозяйственной системы, в которой осуществляются множество циклов воспроизводства, замкнутых друг на друга, где выход одного цикла является входом другого и наоборот, где производители отдельных продуктов отделены друг от друга и потому должны обмениваться ими, без обмена *в разных его формах* обойтись невозможно. При этом неважно, как и кем произведён продукт – по плану или без и какой формой собственности – обмен должен состояться, иначе производственная цепочка будет разорвана.

Речь можно вести только о *формах* обмена – *регулируемый* обмен (плановый – по фиксированным ценам, или частично плановый, частично рыночный – по плавающим ценам и т.п.), или же *нерегулируемый* обмен (по свободным ценам, полностью рыночный). При этом распространение форм обмена на отрасли и предприятия должно быть исключительно конкретной процедурой, зависящей от уровня развития как хозяйства в целом, так и его отраслей.

У А.В. Бузгалина вызывает серьёзное опасение возможность использования капиталистических форм в социалистическом хозяйстве (как он выразился – «использование капитализма»). Именно так! Именно использование капиталистических форм в социалистическом хозяйстве не просто возможно, а неизбежно. В каких формах и на какой срок – вот вопрос, но отрицать возможность их использования значит проявлять непростительную наивность.

Во-первых, откуда возьмутся социалистические формы хозяйствования после прихода к власти социалистических сил? Да, есть предпосылки – концентрация и централизация производства, элементы плановости и т.п. – но нет главного, производственных отношений, соответствующих новому типу хозяйства, их ещё предстоит создать и развить. Во-вторых, неужели можно всерьёз говорить о немедленном становлении социалистических отношений, об отбрасывании наличных капиталистических отношений без возможности немедленной их замены социалистическими. В-третьих, а стоит ли отбросить сразу все капиталистические элементы хозяйствования без тщательного анализа их возможного применения, ведь сугубо хозяйственная эффективность некоторых из них доказана практикой.

Отказывать априори социалистической системе хозяйства в использовании элементов капиталистической системы, которые на определённом этапе и в определённых условиях окажутся полезными (если не неизбежными) для становления социалистической системы, как минимум неразумно. Практика (НЭП) это подтвердила.

Социалистичность не в исповедуемых догмах («мало ли что можно в книжках намолоть», как саркастично заметил Маяковский, а уж его никак не упрекнуть в симпатии к капитализму), а в использовании и приспособлении любых форм, способствующих социалистическому движению. Марксистам следует постоянно держать в памяти девиз Маркса, не следуя которому он не стал бы автором «Капитала».

Разумеется (в этом пункте следует согласиться с А.В. Бузгалиным), материальные (хозяйственные) отношения влияют на социальную жизнь, на индивидуальное и общественное сознание, от этой диалектики бытия и сознания не уйти. И отмеченное им положение – «омещанивание» участников рынка – означает, что в начальном периоде социалистического движения значительная часть населения (даже большинство) проникнуто его духом. Как же с таким контингентом формировать новые, социалистические отношения? Если догматически трактовать детерминацию бытием сознания, то никак, поскольку нет ни материального основания – социалистического хозяйства, ни его идеальной производной – социалистического сознания. Но если принять тезис о необходимости использования определённых форм капиталистического хозяйства и капиталистических отношений для становления социалистических отношений, то появляется и материальная основа (переходные формы, главные из которых власть и твёрдое разумное регулирование), и идеальные следствия (новые черты сознания). Рыночную психологию (мещанство) нельзя отменить декретом, но можно и должно изжить, ставя человека в новые условия жизни. Вернее, не ставя, а делая его активным участником процесса. И процесс этот длительный, на поколения, сопутствующий столь же длительному использованию рыночных механизмов. Плохо, разумеется, но иного пути, как использования контролируемых рыночных инструментов, нет

Что касается декларируемой А.В. Бузгалиным невозможности включения обособленных производителей в социалистическую систему, то теоретическим обоснованием такой возможности являются второй, третий, четвёртый и пятый принципы социалистического движения, сформулированные выше, ставящие этих производителей под полный контроль. Практически же это сделать довольно просто, включив эту категорию производителей в систему хозяйства, действующую по социалистическим принципам.

Будет ли такое хозяйство двигаться в социалистическом направлении? При твёрдом соблюдении и последовательном проведении в жизнь приведенных выше принципов угроза социалистическому движению может исходить только извне, но не изнутри общества, поскольку принцип приоритетности общего при соблюдении интересов частного (по наличной возможности, разумеется) действует в интересах всех, а не только привилегированных групп, и потому будет поддерживаться большинством общества.

Будет ли это рыночный социализм или социалистический капитализм, как иронизирует А.В. Бузгалин? Ни то, ни, тем более, другое. Я ещё раз акцентирую необходимость диалектического подхода – социализм, как, впрочем, и любая иная форма общественного процесса, *не состояние, а движение*, процесс. И как всякий процесс социалистическое движение постоянно изменяется, модифицируется под влиянием и внутренних отношений, и внешних воздействий. Как следствие, это движение на каждом своём этапе иное, чем на предыдущем, со своими особенностями и формами. Даже если на определённом этапе *социалистическое движение* и можно охарактеризовать как рыночный социализм, то всё равно не пресловутые рыночные отношения будут определять тенденции его движения, а весь комплекс отношений, соответствующих социалистическим принципам.

Я полностью согласен с мнением А.В. Бузгалина, что «элементы рынка в новом обществе возможны, но это будут не элементы социализма», но с уточнением. Именно так! Элементы рынка в социалистическом движении есть использование некоторых форм капиталистических общественных отношений и как являющиеся фундаментальными факторами капиталистических отношений они не могут быть определяющими элементами социалистического движения. И не так! Как переходные формы от капиталистических к социалистическим хозяйственным отношениям, рыночные отношения должны быть использованы, поскольку отказаться от товарно-денежных отношений довольно длительный период будет невозможно, т.к. именно эти отношения опосредствуют процессы, поддерживающие равновесие хозяйства и его пропорциональность, и именно товарно-денежные показатели являются одними из важнейших элементов планирования.

Товарно-денежные (рыночные) отношения в ходе социалистического движения следует не просто использовать, но развить до их внутреннего *предела* и, тем самым, возможности их снятия, изживания. Что считать пределом процесса? Очевидно, его переход из спонтанной, случайной формы в упорядоченную, структурированную форму. Для общественных процессов и отношений такой метаморфозой будет переход из хаотичного движения в *управляемое и направляемое* использование и развитие этих процессов и отношений во всё более контролируемых формах. Следует хаос капиталистического рынка (ныне, кстати, он не такой уж и хаотичный. Лектор отметил его монополистическую и государственническую регулируемость) структурировать в контролируемые обществом формы. (В качестве вполне понятной метафоры можно привести селекцию как направляемое выведение домашних видов животных и растений из их диких предков).

Пожалуй, я не упустил главных моментов первой лекции А.В. Бузгалина. С интересом жду следующей лекции.

21.08.2022

О социализме и рынке (к второй лекции А.В. Бузгалина на канале Ютуб)

Тема лекции «Рыночный социализм возможен?»

(https://www.youtube.com/watch?v=Elj5I-TxptQ. 22.08.2022).

В этот раз я для удобства изложения буду приводить доводы А.В. Бузгалина и тут же делать свои замечания, если они необходимы.

В начале лекции А.В. Бузгалин напомнил основные тезисы прошлой лекции и сделал дополнение по поводу понимания стоимости. Поскольку понятие стоимости важная философская и политэкономическая категория и, одновременно, общественный феномен, имплицитно буквально вживлённый в хозяйственную практику, то без внимания к столь важному вопросу не обойтись. Доводы А.В. Бузгалина я сохраняю, по возможности, в его формулировках и буду выделять текстом.

Итак:

«Стоимость есть историческая категория, одно из свойств товара и товарного производства, и рынка. До рынка стоимости не было, цену не считали, а прикидывали по отношению к другим производителям, сравнивали объём работ. Интегральных показателей затрат не было, рынок в натуральном хозяйстве не использовали, ничего не считали, поскольку население было безграмотным».

Уточню, говоря «цену не считали» лектор имеет ввиду, что цена не калькулировалась по затратам, а определялась «на глазок», опытным путём. Вот этому-то «не считали», а также утверждению о безграмотности населения я и хочу возразить прежде всего. Если говорить о России, то считали, ещё как считали. На эту тему есть много исследований, я же сошлюсь на весьма авторитетного учёного А.В. Чаянова и его работы «Бюджеты крестьян Старобельского уезда» и «Крестьянское хозяйство. Избранные труды». Этот незаурядный учёный на основании глубоких исследований крестьянского хозяйства показал, что крестьянин, ведший натуральное или полунатуральное хозяйство, очень точно высчитывал все свои расходы и доходы, поскольку от этого зависела жизнь всей семьи. Я называю хозяйство натурально-полунатуральным, потому что значительную (половину и более) часть произведенного в нём крестьяне расходовали на себя, а остальное продавали на сторону и на доход покупали то, что не могли произвести. В этом хозяйстве слились и рынок и не-рынок и в нём особое внимание уделялось ценам, как покупным, так и продажным – именно по этим расчётам планировались закупки инвентаря и жизненно необходимых средств. Далеко не примитивным были дорыночное хозяйство и общество (и не только в то время, о котором здесь идёт речь, но и гораздо раньше) и то, что ныне называют стоимостью, учитывалось весьма скрупулёзно. Обобщая, можно добавить, что то, что называют стоимостью, как феномен, определявший пропорции обмена, как имманентное свойство продукта труда и, следовательно, товара, существовала с самого начала отношений обмена, иначе обмен был бы невозможен. Другое дело, что в начале этих отношений учёт того, что называют стоимостью, осуществлялся «на глазок», детерминировался, в основном, потребностью и пропорциональность обмена не соблюдалась. Но это не означает, что стоимость, сиречь затраты труда, не принимались во внимание, ещё как принимались. Но продолжим.

«А как считать при социализме? По плановым компонентам, общественно необходимым затратам труда, плановым нормативам, расчету в

нормо-часах».

Но в том-то и дело, что при социализме при всём внимании к указанным нормам итоговые данные приводились наряду с натуральными показателями также и в ценовом, денежном виде. И хотя по поводу использования категории стоимости в социалистическом хозяйстве велись громкие дебаты, на практике она применялась весьма успешно. Сошлюсь на монографию В.П. Дьяченко «История финансов СССР (1917-1950гг.)» в которой использованию стоимостных показателей уделено значительное внимание. Так что рыночные инструменты, по крайней мере в сфере денежных отношений, использовались широко, но на этом основании экономику СССР никто не называет рыночной. Можно добавить, что и в капиталистическом хозяйстве инструменты, причисляемые лектором к социалистическим, также использовались, сошлюсь на т.н. тейлоризм и аналогичные методы. Именно в этих методах надо искать истоки нормативных подходов советского хозяйства.

Далее А.В. Бузгалин задаётся вопросом:

«Почему стоимость нельзя сосчитать? Прежде всего я вас адресую к Марксу. Если вы говорите о плановой системе, то вы считаете не стоимость, а плановые затраты труда, но стоимость не считается, считаются цены. Цена - денежное выражение стоимости, которая зависит от спроса и предложения».

Здесь без дополнительных пояснений не обойтись поскольку налицо определённая недоговорённость, если не путаница. Что такое затраты труда (пусть даже плановые)? Это «вещество» стоимости. Так что выражения «стоимость» и «затраты труда (плановые)» синонимичны – форма разная, сущность одна. Попробуем перейти к цене. Посмотрим, что же говорил Маркс, к которому нас адресовали, по этому поводу? А вот что: «в стоимость не входит ни одного атома вещества природы». Ему вторит Ленин – «*стоимость* есть категория, которая… (лишена вещества чувственности)». Другими словами, если потребительная стоимость представляет продукт труда с его материальной стороны, то стоимость – с идеальной стороны. Т.о., чтобы понять сущность стоимости следует прежде выяснить сущность идеального. Но в эту очень сложную философскую проблему вдаваться не будем, нам достаточно фиксации идеальности стоимости – вот именно по этой причине она и не может быть посчитана – неизвестно, что и как считать. Но, тем не менее, в практике, в обмене стоимость присутствует, более того именно она диктует поведение рыночных агентов. Маркс показывает метаморфозу стоимости в её другую, как он точно говорит, *превращённую* форму – форму меновой стоимости. Именно *меновая* стоимость представляет *в обмене* стоимость, созданную *в производстве*. Какое отличие? Меновая стоимость представляет ту часть стоимости, которая соответствует соотношению спроса и предложения (т.е. стоимость определяется уже не только отношениями производства, но и отношениями обмена и потому может изменяться). Меновая стоимость может быть как больше, так и меньше стоимости, созданной в производстве, что определяется игрой спроса и предложения. Именно меновая стоимость и соответствует пресловутым общественно необходимым затратам труда (они

потому и необходимы, что признаны обществом посредством рынка нужными и полезными), а уже меновая стоимость предстаёт в своей *превращённой* форме – в количественной форме цены. Каким образом? В стоимости идеально представлены все факторы производства, но те же факторы наличествуют и реально, в материальном виде и, будучи подсчитаны, являются количественно как цена (образно говоря, те же факторы производства, которые с идеальной стороны создают стоимость, с материальной стороны создают цену).

К чему я так много говорил о стоимости? Только чтобы в итоге показать, что стоимость и цена неразрывны. Именно стоимость является основанием цены – нет стоимости, нет цены. И поскольку в социалистическом хозяйстве используются товарно-денежные отношения (пусть и в особенной форме – плановой, и в особенных отношениях – отсутствии частной собственности на средства производства), то стоимость (и всё, что с ней связано) как категория присутствует в социалистическом хозяйстве и потому должна быть использована и в политэкономических исследованиях, и в их практических приложениях, в хозяйстве.

Далее лектор перешёл к изложению вариантов рыночного социализма, как они представлены в различных теориях.

«Существует несколько вариантов рыночного социализма, основные из них:

- первый вариант – предприятия являются государственными, но взаимодействуют при помощи рынка с элементами планирования и государственного регулирования (некоторые европейские страны, Китай);

- второй вариант распространён в наибольшей степени - предприятия находятся в собственности работников (коллективной, кооперативной, акционерной) а системой отношений между ними является рынок, но есть и государственное регулирование, а долгосрочное инвестирование осуществляется в плановом порядке (смешанный вариант 1-го и 2-го вариантов – Югославия до распада);

- третий вариант – наиболее популярная теория, теория конвергенции, когда берутся лучшие черты капитализма и социализма. Позитивная часть этой концепции по отношению к рыночному социализму, состоит в том, что ученые не строят иллюзий относительно того, что возможен рынок без капитализма. Теория конвергенции прямо говорит, что есть начала капитализма, есть начала социализма, они противоположны (далее перечислены капиталистические и социалистические формы хозяйствования).

Почему эта теория ложная? Она предполагает конвергентный способ производства, в котором соединены капиталистические и социалистические начала. На самом деле мы не получаем особого способа производства, получается длительный переходный период, в котором соединены эти начала. Если укрепляются начала социализма, то это будет не конвергенция, а трансформация капитализма в социализм. Теория конвергенции имеет основание, но только в том случае, если говорить о трансформации, а не о застывшем состоянии.

Принципиальный момент: важно понимать противоположность, разнокачественность капитализма и рождающегося социализма - все отношения

здесь противоположны: рынок это система, где каждый обособлен, социализм, это система где производство обобществлено; рынок система, где каждое лицо частный индивид, социализм это коллективное производство и солидарность, он отрицает конкуренцию; рынок система, где ценностью являются товар и деньги, социализм это система, где человек являет ценность как личность; рынок система, где распределение дохода зависит от удачливости в конкурентной борьбе, социализм это общество, где используются общественные фонды потребления.

Т.о. это не теория конвергенции, а теория трансформации, на этой стадии переходного периода сохраняются и отношения капитализма, но они изживаются. Даже если сохраняются элементы капитализма как товарного производства и обмена, то как формы, а не содержательно как капиталистические отношения, мы переходим в пространство социализма, длительного этапа, на протяжении которого исчезает все, что связано с прежним обществом и рождается качественно новая общественная система.

Промежуточный важный вывод: рыночный социализм невозможен, возможна трансформация капитализма в социализм с использованием элементов капитализма внутри социализма и с рождением элементов социализма внутри капитализма».

Прежде всего отметим один неловкий момент: сначала наличие рыночного социализма не только декларируется («существует несколько вариантов рыночного социализма»), но и следует отсылка к реальным его вариантам («некоторые европейские страны, Китай»), а в конечном итоге утверждается его невозможность («вывод: рыночный социализм невозможен»). Но не буду акцентировать это несоответствие.

Итак, как решается А.В. Бузгалиным главный вопрос – использовать или не использовать капиталистические формы в социалистическом движении.

Из трактовки А.В. Бузгалиным теории конвергенции становится ясно, что без использования капиталистических форм (и их постепенного изживания) не обойтись – т.е. социализм может использовать рынок. Но как тогда понять утверждение, что «рыночный социализм невозможен»?

Полагаю, дело в том, чтó А.В. Бузгалин понимает под этой формулировкой. Как можно вывести из его фразы – «принципиальный момент: важно понимать противоположность, разнокачественность капитализма и рождающегося социализма… и т.д.» – рыночный социализм видится им как нечто совершенно нереальное, невозможное. Социализм в таком представлении А.В. Бузгалина есть некий устоявшийся дистилированный субстрат, в котором по определению напрочь отсутствуют хоть какие-то следы капиталистических отношений. По этой причине «рыночный социализм» для него такая же фикция, как и хорошо известный в марксистской среде «жёлтый логарифм». Тем не менее, это объяснение можно принять к сведению.

Но одновременно здесь же следует утверждение (теория конвергенции), что если в капитализм вносить элементы социализма и постоянно их развивать и усиливать, а капиталистические элементы, наоборот, изживать, то в этом случае последние можно использовать для становления социализма («возможна трансформация капитализма в социализм с использованием

элементов капитализма внутри социализма», и это при том, что декларируемый «дистилированный» социализм на дух не переносит капитализма). Однако, утверждается, это будет не рыночным социализмом, а периодом трансформации капитализма в социализм. Так и хочется аплодировать – неужели так просто лингвистическим маневром осуществить концептуальную реконструкцию.

Правда, остаются вопросы: кто и зачем начнёт пресловутую конвергенцию-реконструкцию; какова её цель; а потому какие общественные силы её поддержат и почему (ведь большинство общества, по утверждению А.В. Бузгалина, мещане); какие элементы социализма взять для конвергенции-трансформации, ведь их ещё нет в реальности и неизвестно когда появятся.

Как видим, концепция социализма как некоего статичного благообразного состояния, ничего общего не имеющего с предшествующим общественным строем, не просто бесплодна, она деморализующа. Но всё становится на свои места если принимать социализм в качестве *движения*, имеющего свою цель и принципы её достижения. Движения, имеющего исходным пунктом наличные общественные отношения, т.е. капиталистические отношения, и использующего их в своих, социализированных, формах с постепенным доведением их до своего предела и снятия.

Концепция т.н. «рыночного социализма», представленная А.В. Бузгалиным, не просто лингвистический казус, это методологическая ошибка, основанная исключительно на личном мнении автора и не подтверждающаяся ни теоретическим анализом, ни практикой. Очевидно, именно взгляд на социализм, как на некий дистиллят, сконструированный из принципов, оторванных от реального жизненного процесса, как на социальную конструкцию, способную в чистом виде воплотить исповедуемые автором принципы – этакий социалистический пуризм, стал истоком его концепции т.н. «мутантного социализма», якобы имевшего место в СССР. Возможно, в следующей лекции мы о ней услышим.

23.08.2022

О социализме и рынке (к третьей лекции А.В. Бузгалина на канале Ютуб)

Тема лекции «НЭП и рыночный социализм» (https://www.youtube.com/watch?v=WlQ9t9El_nE. 27.08.2022).

В самом начале лекции А.В. Бузгалин особо подчёркивает, что НЭП это не *рыночный социализм*, а *трансформация капитализма в социализм*. Это противопоставление социализма и рыночного социализма подтверждает, что под *социализмом* лектору представляется, и об этом я говорил ранее, та совершенно невозможная на начальном этапе перехода от капитализма к социализму общественная конструкция, в которой реализованы *исключительно* социалистические принципы и напрочь отсутствуют, поскольку они отрицаются названными принципами, хоть какие-либо намёки даже на ничтожные следы капитализма. Соответственно, под *рыночным социализмом* имеется ввиду общество, построенное по социалистическим

принципам, но в котором непонятно для чего пытаются использовать элементы капитализма. Вряд ли требует доказательства невозможность осуществления в начале социалистического пути такого социалистического пуризма, по этой причине А.В. Бузгалин и применяет формулировку «трансформации капитализма в социализм», а не «рыночный социализм». Согласен, термин «рыночный социализм» весьма неудачен, слишком силён душок буржуазности, отвлекающий от понимания сути социалистического движения как преодоления капитализма (видимо поэтому китайцы предпочитают говорить о социализме с китайской спецификой, не упирая на собственно рыночность). Но если говорить о сути начального периода социалистического движения, то без использования многих моментов предыдущего общественного строя не обойтись – невозможно сразу поменять экономические, политические, культурные и др. формы общественных отношений на новые и А.В. Бузгалин выходит из этого положения, используя формулировку трансформации капитализма в социализм.

Далее лектор переходит к собственно НЭПу. Цитирую:

«Большевики понимали, что только рыночных отношений в социалистической экономике быть не может и задачу поставили иначе: мы используем свободную торговлю, но в условиях регулирования, частную инициативу, но в условиях её ограничения со стороны государства, частную собственность и наёмный труд, но при ограничении эксплуатации, поддержки профсоюзов, создании контроля и рабочей инспекции. Основные отрасли экономики остаются в руках государства. Развиваем кооперацию (частник необходим на начальном этапе строительства социализма, но затем он должен уйти). Плюс большевики понимали, что рынок порождает особого человека и культурные традиции, поэтому ключевая задача – культурная революция (коммунистическая идеология, пропаганда просвещения, включение людей в социальное творчество, пробуждение активности людей).

Суть, ключевая идея НЭПа – это соединение капитализма с социализмом, но так, что при создании экономической, политической, культурной базы движемся от противоречивого совмещения капитала и рынка, с одной стороны, и плана, и общественной собственности, с другой стороны, – движемся от НЭПа к социализму, где от капитала и рынка останутся только формы, которые будут использоваться ещё некоторое время, пусть даже и долгое».

Здесь вместо фикции «рыночного социализма», т.е. изобретённой А.В. Бузгалиным невозможной конструкции, он представляет вполне реальный путь движения общества в переходном периоде.

Прежде всего скажу о мнении А.В. Бузгалина, что «большевики понимали, что только рыночных отношений в социалистической экономике быть не может и задачу поставили иначе…». Из этой фразы следует, что большевики с самого начала предполагали использовать элементы капитализма в форме рыночных отношений в экономической сфере. Но всё было совершенно не так. Вначале большевики полностью исключали использование каких бы то ни было капиталистических отношений в хозяйстве и, прежде всего, товарно-денежных отношений, предполагался прямой продуктообмен между производителями и прямое снабжение потребителей в

соответствии с мерой их труда. И только тяжелейшая экономическая обстановка заставила перейти от продуктообмена к купле-продаже, т.е. к товарно-денежным отношениям и рынку, а тем самым и к НЭПу.

Отмечу, далее, некоторые важные моменты, которые, на мой взгляд, необходимо трактовать в гораздо более фундаментальном, мировоззренческом, а не эпифеноменальном смысле. Так, лектор говорит о необходимости «включения людей в социальное творчество, пробуждение активности людей». Но это всего лишь внешнее выражение необходимости глубочайших общественных перемен, а именно – необходимости формирования *нового общественного феномена*, до сих пор не имевшего места ни в одном из обществ – отношений *общественной собственности*, субъектом которых является *общество в целом*. Более того, не просто отношений общественной собственности, а *отношений общественного самоуправления*, без чего невозможно социалистическое движение как таковое (здесь дилемма, – либо бюрократизация, либо самоуправление, – мы свидетели того результата, к которому ведёт бюрократизация). Ранее я уже отмечал это весьма важный момент.

Второй аспект, о котором следует сказать, это проблема сочетания капиталистических и социалистических принципов в переходном периоде. А.В. Бузгалин говорит об этом двойственно – и как о сочетании, и как о противоречивом совмещении. Следует совершенно ясно понимать, что никакого органического сожительства (сочетания, совмещения) капиталистических принципов с социалистическими *быть не может* – это вызванная *исторической необходимостью* смертельная борьба *сущностей*, лицом к лицу – кто кого. Борьба, которая протекает в самых разных формах – хозяйственных, политических, культурных и т.п. – и которая внешне проявляется довольно толерантно в политических колебаниях власти, дискуссиях научного сообщества, бытовых проявлениях в обществе и т.д., но которая внутренне бескомпромиссна и результатом имеет победу одной из сущностей. Именно так и следует трактовать *внутреннюю сущность* переходного периода. Наше нынешнее разваливающееся ретроградное общество есть свидетельство победы, надеюсь временной, уже полностью опровергших себя капиталистических принципов. Это результат того, что новые общественные отношения, о которых сказано выше, не только не были созданы, но о них даже не говорили – до сих пор наши марксисты даже не упоминают об этом важнейшем деянии, без которого не будет никакого социализма. А.В. Бузгалин говорит почти верно – это «необходимая форма соединения отмирающего капитализма и рождающегося социализма». Да, верно, необходимая – без использования капиталистических отношений в переходном периоде не обойтись, – а «почти», потому что это форма не соединения (это внешний аспект), а смертельной борьбы (а вот это внутренний аспект) прошлого с нарождающимся, той самой борьбы противоположностей, которая ведёт к утверждению нового. В конце лекции А.В. Бузгалин всё-таки использовал верную формулу – «это будет борьба не исключительно мирной, она будет вестись и в политике, и в идеологии, и в других формах».

В заключение невозможно не сказать об одном выводе из практики и

теории НЭПа, имеющем мировоззренческий характер (это соединение теории и практики весьма важно).

В далёком 1928 году в Москве была издана монография «Денежная политика Советской власти (1917–1927)» автором которой являлся экономист Л.Н. Юровский, в то время руководитель Валютного управления наркомата финансов. На основании анализа практики военного коммунизма, НЭПа и теоретических воззрений марксизма, в этой работе он выдвинул гипотезу, что:

- товарно-денежное хозяйство может существовать в различных видах;
- социалистическое хозяйство также может существовать в различных видах;
- товарно-капиталистическое хозяйство *не является последней формой товарного хозяйства*, за ней следует поставить ***товарно-социалистическую*** *форму хозяйства*.

Эта гипотеза Л.Н. Юровского, основанная на эмпирическом наблюдении, есть *обобщение не только политэкономического, но и мировоззренческого уровня.*

Согласно ей в сфере экономики сущность переходного периода состоит в предварительном *переходе от товарно-капиталистического хозяйства к товарно-социалистическому хозяйству, подготовка к полному снятию капиталистических экономических и иных общественных отношений* путём развития их в новых, социалистических формах.

Экономическое содержание переходного периода заключается в *развитии и доведении до своего предела товарно-стоимостных отношений* с целью их последующего снятия в бестоварных и безденежных отношениях.

Социально-политическое содержание переходного периода состоит в неуклонном развитии общественных институтов и постепенном *переходе от государственной формы управления к общественной форме самоуправления* и *формировании человека*, соответствующего новым общественным отношениям.

Т.о. *товарно-социалистический* способ производства есть *последний экономический*, т.е. товарно-стоимостный (товарно-денежный) способ производства, который подготавливает полное снятие («исчезание») отношений собственности и товарно-стоимостных отношений путём их развития в *социалистических* формах и доведения до своего предела – экономизм подводится к завершению экономическими же методами, действующими в новых формах.

К сожалению, эта идея не была даже замечена в научных, и, тем более, политических кругах, чему свидетельством многочисленные дискуссии по проблеме товарно-стоимостных отношений при социализме на протяжении всего советского периода в ходе которых данная идея так и не была даже озвучена, что же говорить о её практическом использовании. Ныне китайцы, даже ничего не зная об этой идее, самостоятельно пришли к пониманию необходимости переходного периода как периода товарно-социалистических форм хозяйства и весьма успешно воплощают эту идею в своей практике.

29.08.2022

О статье А.В. Бузгалина «Уроки НЭПа. В поисках путей в будущее» (журнал «Свободная мысль», № 2-2021).

(Опубликовано на сайте движения «Альтернативы»).

Хотя работа, о которой пойдёт речь, представлена в майском номере журнала, мне довелось увидеть её совсем недавно, чем и вызвана столь запоздалая реакция. Моя статья не столько критический разбор статьи А. Бузгалина, хотя критика имеет место, сколько попытка проникнуть в суть тех проблем, о которых пишет автор; не столько отрицание сказанного им, сколько желание понять положительные моменты в предлагаемых подходах. К слову, тема НЭПа далеко не исчерпана и понимание сущности этого этапа нашей истории может привести к весьма нетривиальным выводам, о чём будет сказано в конце статьи.

Сразу скажу – собственно о НЭПе мало что сказано. Данная работа имеет, скорее, методологическое измерение, нежели аналитическое. Это следует из того, что в самом начале А. Бузгалин заявляет, что проблема НЭПа рассматривается им как преходящий исторический момент с точки зрения исторической тотальности, а именно – имманентной исторической тенденции движения из «царства необходимости» в «царство свободы» («Я предлагаю взгляд на НЭП в контексте столетий…»). Т.о. делается попытка связать частную тему НЭПа с принципиальными вопросами общественного развития в целом или, другими словами, рассмотреть частное с позиции всеобщего и то, как частное вписывается в состав всеобщего и, становясь моментом всеобщего, позволяет эксплицировать тенденции движения всеобщего.

На мой взгляд, вряд ли проблему НЭПа следует брать в таком предельно широком ракурсе, в нем она просто теряется, и тема, проблема, интересная сама по себе, становится случайным эпизодом, выбранным случайным же образом, и потому вряд ли может быть раскрыта сколь-нибудь полно. Но автору виднее, возможно НЭП взят как повод высказать своё видение пути перехода из одного царства в другое и, заодно, свою трактовку сущности советского периода нашей истории.

Такой широкий исторический охват диктует автору необходимость вначале обратиться к видению Марксом и Энгельсом главных характеристик будущего общества, А. Бузгалин выделяет таковых четыре. Здесь позволю себе небольшое несогласие в одном моменте с автором, который пишет, что «по ту сторону собственно материального производства» (т.е. в «царстве свободы») господствует «общественный контроль коллективного человека, ассоциированных производителей над производством», и ограничивается только этой, материальной, стороной общественного контроля. Несмотря на то, что тут представлен взгляд Маркса, полагаю, что история и современность дали нам за истекшее время достаточно оснований для утверждения, что общество должно осуществлять контроль над *всей*

жизнедеятельностью, *всеми* общественными отношениями, а не только над одной их стороной, производственной, хотя бы и понимаемой в самом широком смысле. Идеальная сторона общественных отношений (мировоззрение, культура, наука и т.п.) давно уже имеет равный, как минимум, статус с материальной и тенденция к её доминированию возрастает. Неосмотрительно оставлять её на произвол судьбы, тем более что именно внутри неё и будет осуществляться «свободное развитие всех», а не просто, как сказано автором, «максимальное расширение пространства свободного времени». Это свободное время должно быть *наполнено* и социуму как тотальности далеко не безразлично каково будет это наполнение – ведь в сложнейшей диалектике взаимосвязи общего (социума) с особенным и единичным (индивидами и их группами) не только общее детерминирует особенное и единичное, но и последние формируют общее. Как же можно оставить эти связи вне контроля и возможности воздействия на них: ведь преимущественно сфера идеального и вмещает то, что А. Бузгалин называет «пространство-время развития человеческих сил, человеческого потенциала как самоцель».

Далее автор вскользь замечает, что «реальностью стал процесс развития в массовом масштабе элементов, ростков, практик “царства свободы”», с чем нельзя не согласиться (хотя, к сожалению, и не раскрывает более подробно своё видение этого процесса) и переходит к вопросу о природе СССР, т.е., фактически, к вопросу о сущности реально существовавшего социализма, в которой (в сущности) А. Бузгалин и видит ключ к пониманию природы НЭПа. Другими словами, автор хочет объяснить особенное с точки зрения общего, что-ж, вполне диалектический подход. Не забывать бы только, что и особенное (а также и единичное) в свою очередь формирует общее – это другая сторона их диалектического взаимодействия. А это значит, что и НЭП как особенное оказал определённое (и немалое) воздействие на развитие социалистических практик в СССР, т.е на общее.

Здесь А. Бузгалин кратко замечает, что уроки НЭПа «надо рассматривать как часть общемирового процесса социальной эмансипации, а не как пример экономической политики в одной из стран». Прекрасная мысль – именно так, диалектически, т.е. как нечто особенное в целом, как часть в общем потоке, подчиняющаяся закономерностям целого и следует рассматривать период НЭПа. Но та же диалектика требует видеть, что эта часть, это особенное самим своим наличием оказала определённое влияние и на целое, общее. Мы к этому ещё вернёмся.

В этом пункте А. Бузгалин приводит свою концепцию, обоснованную им в других работах, о некой мутантности советского социализма: «в СССР сложилась опережающая мутация коммунистической общественной системы («царства свободы»), находящейся на самом раннем этапе развития)».

Оставим пока в стороне обсуждение непривычности термина «мутация» в сфере философских рассуждений, последуем за намерением автора «объективно исследовать глубокие внутренние противоречия “реального социализма”», тем более что «*причины возникновения и причины распада советской системы были в основе своей одни и те же*».

Далее А. Бузгалин приводит своё понимание социализма: «*социализм может быть охарактеризован не столько как стадия общественно-экономической формации, сколько как процесс перехода от эпохи отчуждения к «царству свободы» (коммунизму)*».

Именно так, это сугубо диалектическое понимание (в диалектике всё движение, отношение, а не состояние) – именно *процесс*, а не состояние, не формация как нечто застывшее, полностью сформировавшееся – только как *движение* и следует понимать всё в целом коммунистическое движение, в котором есть и будут разные его этапы, а не некие раз и навсегда установленные путевые столбы в виде догматических определений. Именно о «действительном коммунистическом движении» и говорил Маркс, имея ввиду пресловутые стадии только как части движения, отмеченные своими особенностями.[1]

Социализм как движение в каждом своём шаге, на каждом этапе разный. Социализм «военного коммунизма» отличается от социализма НЭПа, последний от социализма периода индустриализации, этот от социализма ВОВ, далее от социализма хрущёвских и «косыгинских» реформ и, наконец, особо стоит «социализм перестройки». Менялись не только *формы*, менялась *сущность* движения, оставляя неизменным главное – попытку движения, стремление (к сожалению, не реализованное) к ликвидации отчуждения человека от его сущности.

Однако, далее ссылаясь на то, что «*неравномерность, противоречивость, интернациональность этих сдвигов (*речь идёт о неравномерности генезиса социализма, сопровождающегося революциями и контрреволюциями – А.П.*) составляет специфику социализма как процесса рождения нового общества во всемирном масштабе*» автор определяет «”реальный социализм” как *опережающую мутацию общеисторического процесса рождения “царства свободы”»,* что не совсем логично, ибо из неравномерности далеко не следует некая мутантность. А уж противоречивость, понимаемая диалектически, т.е. как причина и механизм изменений, движения и вовсе не даёт к такому выводу никаких оснований, ибо *всякое диалектическое противоречие имеет наличные (действительные) и вполне конкретные* свои стороны, которые именно своей *действительностью и конкретностью* обусловливают имманентную телеологичность противоречия, т.е. возможность его разрешения (или снятия, что то же) не в форме некой мутации (сиречь случая), а в форме, детерминируемой наличными сторонами упомянутого противоречия. Как же быть в таком случае с вариативностью развития, всевозможными потенциями бифуркаций? Это осуществляется, во-первых, за счёт постоянной «игры» соотношения сторон противоречия, и, во-вторых, за счёт влияния внешних процессу противоречий. Эти теоретические положения можно логически вывести, но этому здесь не место.

Самое интересное, что и сам А. Бузгалин, приводя доводы в пользу

[1] В этом пункте могут сослаться на троцкизм – «цель ничто, движение всё» – полагаю, думающие сами разберутся в этой нехитрой схоластике.

своей концепции, по сути опровергает её.

Например, он пишет – «*глубинные черты рождающегося нового общества не приобрели адекватных форм и не смогли развить присущий им потенциал прогресса производительных сил, человека как Личности, в силу ограниченности имевшихся для этого объективных предпосылок…*». Но что такое объективные предпосылки, которые определили *именно такие наличные общественные формы*, как не те самые объективные противоречия, которые разрешились *только так*, как это детерминировалось их, противоречий, сторонами. Однако, завершение фразы вызывает недоумение – «*что и позволяет квалифицировать прошлое наших стран как* ***мутантный*** *социализм*». Здесь уже ничего не осталось от «объективных предпосылок», всё свелось к случаю.

Далее, развивая понятие мутагенности, А. Бузгалин вводит понятие «депо мутаций», подразумевая возможность разных путей развития. Действительно, в периоды качественных изменений общественных систем их внутренние противоречия (а есть ещё и внешние) настолько неопределённы, запутанны, неоднозначны и изменчивы, что только глубоким проникновением в их суть можно наметить (и только наметить) тенденции (но никак не результат) их развития. От этой неопределённости и возникает иллюзия наличия некоего «депо», хотя, повторим, разрешение противоречия происходит исключительно в соответствии с *постоянно изменяющимся соотношением его сторон*, чем и определяется время и форма его разрешения.

Вызывает сомнение и предположение автора о возможности движения по некоему «оптимальному пути» («рождавшееся новое общество обладало набором признаков («депо мутаций»), позволявших ему эволюционировать по разным траекториям, в том числе – существенно отклоняющимся от оптимального пути»). Что это за путь, чем он определяется – возможностями или потребностями, намерениями? Если первым, то всё реальное оптимально как возникшее в силу объективных причин, т.е. необходимо. Если вторым, то, боюсь, в реальности оптимальных путей никогда не возникало. В реальности же и возможности, и потребности находятся в непрерывном диалектическом взаимодействии, взаимовлиянии (что в диалектике называют взаимопроникновением), чем и определяются «траектории», реализующиеся под влиянием как объективных, так и субъективных факторов, и если они «отклоняются» от некоего существующего в мышлении оптимума, то только потому, что так мнится мышлению, не желающему смириться со своими заблуждениями.

Кстати, сам А. Бузгалин согласен с первым предположением: «Особенности «среды» – уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка – привели к тому, что …наибольшее развитие и закрепление постепенно получили процессы бюрократизации, развития государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но *крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему*». Т.е. возникшая система всецело детерминирована внутренними и внешними противоречиями и потому ни о какой мутантности

речи идти не может – тенденции движения и их результат предзаложены историческим развитием.

Открою небольшую тайну – в месте отточия я удалил из цитаты следующие слова: «…из имевшихся в «депо мутаций» элементов возникавшей тогда системы…». Как видно, вывод ничего не потерял, более того, приобрёл вполне марксистский материалистический смысл, ибо исчезла метафизическая установка на наличие некоего «депо мутаций».

Добавлю несколько слов о жесткости возникшей системы. Система, если рассматривать её исключительно с *внешней* стороны, не приспособлена к изменениям. И наоборот, диалектическое рассмотрение противоречивых отношений *внутри* системы *обязательно* выявит моменты, тенденции и процессы потенциально являющиеся источником её преобразования. Были такие противоречия и внутри только ещё складывающейся советской системы – Троцкий, Бухарин, левая оппозиция, разные платформы и группы не говоря о наличии классов с разными интересами и множестве классовых группировок. Борьба была непримиримой и жёсткой. Так что в первые годы существования советской власти ни о какой жёсткости системы говорить не приходится, потенциал изменений, трансформации был и немалый, особенно при жизни Ленина. Система обрела «жёсткость» в процессе своего *движения*, т.е. в диалектическом процессе. Почему так произошло – это предмет глубокого анализа.

Тем не менее А. Бузгалин уверенно заявляет: «Так сложился организм, который *именно в силу мутации* был, с одной стороны, хорошо приспособлен к «среде» России и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX века, но с другой (по тем же самым причинам) – далек от траектории движения к коммунизму, диктуемой закономерностями и противоречиями процесса нелинейного отмирания, прехождения мира отчуждения».

Ранее автор довольно точно и убедительно перечислил императивные условия, которые привели именно к такой общественной системе, которая сложилась в СССР, но вопреки своему же изложению фактов непонятно на чём основываясь, снова объявляет систему мутантной. Почему же система мутантная если она «хорошо приспособлена к “среде” России и мировой капиталистической системы»? Как раз эта приспособленность и является доказательством её органичности, соответствия существующим условиям, как внутренним, так и внешним.

Зададимся также вопросом, в чём же состоят т.н. мутации, ведь они должны вызываться материальными основаниями и социальными силами, подобными названным «производительным силам», «социальной базе», «процессам бюрократизации». Поскольку автор стоит на позициях марксизма и материализма, то, очевидно, и мутантные факторы также должны быть вполне материальными и социальными, но одновременно и отличными от вышеназванных – ведь нельзя же те назвать мутантыми, они самые что ни на есть жизненные. К сожалению, этого не сделано и остаётся только догадываться, что же это за факторы. Мутантность остаётся попрежнему ничего не объясняющей абстракцией.

Далее мы узнаём, что «в результате в СССР сформировался строй,

который мог жить, расти и успешно бороться в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав и т.п.. Победа в Великой Отечественной войне – самый могучий тому пример. Но *в силу тех же самых причин* (мутации «генеральных», стратегических социалистических тенденций) этот «вид» не был адекватен для новых условий генезиса информационного общества, он не мог дать адекватный ответ на вызов обострявшихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX века».

Т.е. мутантость помогала жить до середины 20 века, но далее, в силу той же мутантности, система вдруг «потеряла адекватность». Неожиданно простое объяснение. К сожалению, мы так и не знаем, что же такое мутантность, если не считать некоторых внешних её признаков (жёсткость, бюрократичность, пожалуй и всё).

Правда, А. Бузгалин пробует объяснить: «Этому мутанту были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе – раковая опухоль бюрократизма, на другом – собственно социалистические элементы (ростки «живого творчества народа»), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых проблем конца XX века. Но постепенно последние оказались задавлены раком бюрократии. В результате *мутантный социализм не смог развиваться* именно *в* этих, *более благоприятных для генезиса ростков царства свободы…*».

Всё сказанное соответствует действительности, но причина деградации социалистических отношений, как представляется, не в абстрактной мутантности, а в тех исторически возникших вполне реальных, конкретных общественных отношениях, в соотношении классовых сил, которые, в свою очередь, далеко не в последнюю очередь детерминируются классовым сознанием (Ленин, Грамши, Лукач), не говоря уже о влиянии на всё это экономической ситуации и политических коллизий, как внутренних, так и внешних. Т.е. причины и вызванные ими результаты вполне объяснимы методами философии и политэкономии (с участием социологии и политологии) без привлечения аппарата естественных наук в виде теории мутаций.

(Кстати, мутации в природных процессах приводят, в случае их реализации, к закреплению мутагенных признаков и становлению новых устойчивых видов организмов, т.е. к оптимальному пути развития. Если распространить аналогию на социальные процессы, то мутировавшие общественные системы, ставшие устойчивыми, тем самым переходят в разряд оптимальных. Как видим, концепция мутагенности даёт возможность широкого манипулирования выводами в применении к обществу).

Констатируя раздел о мутантности можно сказать, что А. Бузгалин довольно подробно и убедительно изложил суть тех противоречий, которые действовали в обществе в описываемые периоды и которые *необходимо* привели именно к тем результатам, которые уже отошли в историю. Но столь же убедительно и соображение, что элиминирование концепции

мутантности (и связанных с ней понятий) ничего не изменит ни в анализе, ни в итоговых выводах автора. Бритва Оккама здесь весьма уместна.

Переходя к собственно НЭПу А. Бузгалин совершенно справедливо рассматривает этот этап как результат и продолжение исторического движения общества, которое (движение) «и есть обоснование нашего взгляда на НЭП как систему общественных отношений, адекватную для начала продвижения по пути социализма».

Отметим эту адекватность, которая самим свои наличием фактически отрицает какую бы то ни было мутантность, что бы ни говорил сам автор.

А. Бузгалин, перечисляя условия, предшествовавшие НЭПу, упустил из виду, на мой взгляд, как минимум два весьма важных общественных феномена, наложившие свой неизгладимый отпечаток на все общественное развитие, а именно – разрушенную социальную структуру и отсутствие в умах большинства населения усвоенной мировоззренческой установки, определяющей перспективу жизни – и то и другое столь же важно в условиях разрушенных материальных и культурных условий жизнедеятельности как и последние, а в начале пути тем более.

Т.о. НЭП в значительной своей части выступал как организующее и консолидирующее начало и целеполагающая установка на определённый период жизни общества – не только как политико-экономическое решение, но и как мировоззренческое, идеологическое обоснование этого решения. Очевидно, не в последнюю очередь этими, можно сказать экзистенциальными, факторами обусловлены его успехи, а не только сугубо экономическими и техническими решениями – НЭП вводил в жизнь общества определённый порядок, переводя хаос в упорядоченные структуры.

Было ли это социалистическим движением в смысле движения к снятию отчуждения. Непосредственно в этом движении ничего социалистического, с точки зрения «оптимальности», которую имел ввиду А. Бузгалин, разумеется, не было. По его концепции это типичная мутация. Но с точки зрения диалектичности общественных процессов как разрешения *действительных* внутренних противоречий, это было *необходимое* решение и потому НЭП, будучи типично *капиталистическим* феноменом, удовлетворяя потребностям общего социалистического направления тем самым был частью *социалистического* движения. Как сказал Ленин по другому поводу – «парадоксально, но факт». Диалектика-с…

Сам А. Бузгалин, говоря о НЭПе, не просто выделяет три опорных момента, на которых основаны принципы действия последнего, он полагает их императивными («Начальный этап мирного созидания социализма в условиях завоевания политической власти и контроля за ключевыми институтами экономики мог успешно идти только путем опоры одновременно на “три кита”»).

1. «Красная» линия: «не просто социалистические – коммунистические(!) – начала: энтузиазм созидания нового общества в экономике, политике, культуре – всюду». В этой сфере формировались новые общественные отношения, должные соответствовать социалистическим принципам.

2. «Чёрная» линия: «…отношения «царства необходимости». Они включали в себя не просто рынок. Это был и широкий спектр до-рыночных

отношений (натуральное хозяйство, пережитки общинности, патриархальности, сословного неравенства, насилия) и отношений частно-капиталистических». Эта сфера господства рыночных отношений, но регулируемых социалистическим государством.

3. «Серая» линия: «бюрократ и его опора – обыватель, мещанин… Именно эта серая сторона практик НЭПа и была главной опорой «черной» линии и наиболее опасным противником «красной», ибо разъедала человека-творца, коммуниста с партийным билетом и без, как ржа, изнутри и незаметно». Автор даёт не вполне корректное объяснение своего мнения, можно понять так, что государственная бюрократия является своего рода ипостасью мещанина, т.е. воплощением его отрицательных черт. Однако госбюрократ необходим для управления, а мещанина может «трансформировать… процесс включения… в процесс социального и культурного творчества».

Вряд ли можно говорить о равноценности «опор» (о чем свидетельствует слово «одновременно»). Опорой, причём постоянной, может являться только «красная» линия – линия социалистического движения.

«Чёрная» линия может быть только временной подпоркой, хотя, возможно, и на довольно длительный срок.

Что же касается «серой» линии, то это и вовсе не опора, а, эклектичное смешение разнородных социальных элементов. С одной стороны декларируется необходимость госаппарата, а с другой стороны утверждается необходимость изживания мещанской психологии, являющейся питательной средой частнособственнических устремлений – здесь нет прямой связи. Полагаю, что в этом пункте имеет место не столько ошибка автора, сколько некоторая невнимательность в выводе.

Итоговое резюме А. Бузгалина гласит: «Такова *природа НЭПа: единство и борьба рождающегося социализма с силами отчуждения*. И главное в этом противоречии – его *динамика, движение от «России нэповской» к «России социалистической»*.

Вывод, как видим, сущностно верный, но самый общий и потому довольно абстрактный, и хотя можно считать, что автор выполнил свой замысел и бросил «взгляд на НЭП в контексте столетий», поскольку упомянуты многовековые «силы отчуждения», но что-то мешает мне безоговорочно согласиться с его позицией. Возможно, меня смущает этот слишком широкий взгляд, упустивший некоторые частные, но очень важные моменты, которые помогли бы сделать более определённые конкретные выводы не только относительно природы НЭПа, но и относительно всего социалистического этапа действительного коммунистического движения.

В завершающей части статьи А. Бузгалин отвечает тем лицам, которые, в связи с введением НЭПа, приписывают Ленину кардинальную смену его точки зрения на социализм. Полностью солидарен с автором, который показывает *развитие* взглядов Ленина на социализм в ходе *практического* его строительства. Полагаю, что его позиция совершенно ясна для любого человека, сколь-нибудь внимательно читавшего Ленина.

***

В начале своей статьи я обещал вернуться к проблеме НЭПа и теперь

попытаюсь дополнить анализ А. Бузгалина некоторыми собственными выводами, основанными на исследовании природы НЭПа как *особенной* части *общего* социалистического движения. Не вдаваясь в подробности анализа, что заняло бы слишком много места, приведу итоговые выводы.

1. Следующая за товарно-капиталистической системой хозяйства есть *товарно-социалистическая* система, использующая рыночные отношения под эгидой *государственного социалистического* хозяйства.

2. В процессе её развития собственно экономические отношения – товарно-денежные отношения, основанные на законе стоимости – *преодолеваются, но особенным образом* – путём доведения их в социалистических формах до завершения, до предела, за которым неизбежно их снятие, преодоление. А потому товарно-социалистический способ производства есть принципиально новый вид жизнедеятельности – не только *направляемый* к определённой цели, но и *управляемый*, проводимый по определённому плану и поэтапно.

Согласно этому обобщению политэкономического уровня сущность переходного периода (от капитализма к коммунизму) *в сфере экономики* состоит в предварительном *переходе от товарно-капиталистического хозяйства к товарно-социалистическому хозяйству*.

Целью социалистического этапа действительного коммунистического движения является *создание предпосылок для возможности последующего освобождения человека от всех форм отчуждения* и, прежде всего, от отчуждения его сущности как свободно действующей личности.

Сущностью переходного периода *как целого* (от капиталистических к коммунистическим общественным отношениям) является *подготовка к полному снятию капиталистических экономических и иных общественных отношений* путём развития их в новых, социалистических формах.

Экономическое содержание переходного периода заключается в *развитии в социалистических формах и доведении до своего предела товарно-стоимостных отношений* с целью их последующего снятия в бестоварных и безденежных отношениях.

Социально-политическое содержание переходного периода состоит в неуклонном развитии общественных институтов и постепенном *переходе от государственной формы управления к общественной форме самоуправления* и *формировании человека*, соответствующего *новым общественным отношениям*, которые предстоит сформировать в процессе действительного коммунистического движения.

Т.о. товарно-социалистический способ производства жизнедеятельности есть *последний экономический*, т.е. товарно-стоимостный (товарно-денежный) способ производства, который подготавливает полное снятие («исчезание») отношений собственности и товарно-стоимостных отношений путём их развития в *социалистических* формах и доведения до своего предела – экономизм подводится к завершению экономическими же методами, действующими в новых формах.[1]

[1] «…Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые,

Резюме: результаты анализа особенного (НЭПа) позволили сделать конкретные и далеко идущие выводы относительно общего (исторического движения к коммунизму) и вполне коррелируют с «контекстом столетий».

24.08.2021

Ильенков Э.В. о проблемах политической экономии социализма

(Статья написана для XXIV Ильенковских чтений, состоявшихся 15-16.04.2023).

В современных ему спорах о необходимости создания полноценной политэкономии социализма мнение Э.В. Ильенкова было однозначным – экономика «…*заждалась* строго-теоретического анализа уже сложившихся экономических структур, категорий. Я думаю, что с таким анализом мы даже запоздали, и что "недозрела" не экономика, а как раз наоборот, её теоретическая картина»[1]. Но прежде, чем приступить к решению собственно политэкономических проблем, следует «…обрести точку зрения, находящуюся вообще *вне* политэкономии»[2] – речь идёт о безусловной необходимости разработки *принципов* исследования: «…изложить отдельно от политэкономической плоти… Логику» (имеется ввиду Логика, применённая Марксом в «Капитале»), «…выявить такие схемы движения исследующей мысли, которые можно с гарантией посчитать *логическими,* – то есть *всеобщими,* – а вовсе не спецификой материала диктуемые»[3].

Поскольку речь идёт о политэкономии *социализма*, то, очевидно, прежде всего и надо бы выяснить что же собой представляет *общее* – общественный строй, именуемый социализмом, и затем уже исследовать *особенное*, детерминируемое его принципами – его политэкономические категории.

О сути социализма

С точки зрения Маркса «Коммунизм для нас не *состояние,* которое должно быть установлено, не *идеал, с* которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние».[4]

Так же думал и Ильенков – «*...социализм...* есть лишь первая *фаза*

более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества». (*Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. Т. 13. С. 7).

[1] *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 433.

[2] Там же. С. 426.

[3] Там же. С. 428.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. - Т. 3. С. 34.

коммунизма, — и в этом смысле, — так сказать, “недозрелый коммунизм”.

Но именно поэтому-то и нельзя рассматривать систему экономических отношений между людьми, называемую нами “социалистической”, как своего рода особую “формацию”, как жестко организованную структуру…»[1].

Такая методология – рассмотрение социализма как этапа *движения*, а не как некоего достигнутого стабильного состояния – даёт возможность совсем по-иному представить социалистический этап общественного движения, нежели это делалось ранее.

Вернёмся к Марксу: «Уничтожение частной собственности является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности».[2]

Т.е. коммунизм есть требование уничтожения частной собственности и одновременно *движение* к этому состоянию. Но уничтожение частной собственности есть лишь *первый шаг* на пути снятия отчуждения человека и обретения им и *положительного самосознания,* и *положительной действительности*. Только в этом пункте заканчивается предыстория и начинается подлинная, *истинная* История Человека.

Из работ Маркса следует, что сущность первого этапа (социализма в современной терминологии) «*действительного* коммунистического» *движения* заключается в *создании условий* для полной *ликвидации отчуждения человека* (но только условий, а не собственно ликвидации отчуждения, которая на этом этапе осуществится лишь частично) и, как следствие, для беспрепятственного развития сферы материального производства и всестороннего развития человека как общественной личности, а именно:

- ликвидация всех форм эксплуатации человека человеком (основной формы отчуждения), что возможно только с ликвидацией *всех форм* частной собственности;

- постепенный переход к *непосредственному участию всех членов общества* в управлении его институтами и, тем самым, инициализация процесса преодоления отчуждения человека от управления своей жизнедеятельностью;

- всемерное развитие производительных сил (развитие сферы материального) и, тем самым, постепенный *вывод человека из производственного процесса как его объекта*, что приведёт к созданию условий для полного преодоления отчуждения (следствием развития производительных сил станет также возможность удовлетворения всех материальных потребностей общества);

- совершение *перманентной* культурной революции[3] и, тем самым, создание идеального основания (культуры коммунистического движения) для формирования общественного (и индивидуального) сознания,

---

[1] *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного… С. 432.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 4. С. 330.

[3] Революции по существу, эволюции по форме.

адекватного новому способу жизнедеятельности (материальным основанием является практика, сама жизнь). Другими словами, речь идёт о формировании *нового мировоззрения*, основанного на активной, *субъектной* деятельности индивидов и общества в целом;

- как итог – речь идёт не только о формировании нового общества, но и о создании *нового человека*, соответствующего новым общественным отношениям и, более того, *самому себе*.

Эти условия и составляют суть пресловутого основного закона социализма, что в своей основе означает *действительное движение по созданию нового общества и нового человека*.

И только с реализацией перечисленных условий возникнет возможность становления коммунизма уже на *собственном* основании и осуществления перехода к полностью *само*управляемому *само*развитию общества, в котором уже *действительно* преодолено отчуждение человека.

Что касается понятия коммунизма и, следовательно, социализма (социалистичности), то оно может быть выявлено только на основании *понятия* человека, последнее же можно вывести исключительно из *сущности* человека.

«Социалистичность» общества определяется не неким набором раз и навсегда установленных определений, а совершенно *объективным* условием – осуществляется ли *действительное движение* к освобождению человека и присвоению им своих сущностных сил – *в этом суть* действительного социалистического движения.[1]

Цель действительного коммунистического движения – полное освобождение человека от отчуждения и ограничения его развития и как личности, и как общества.[2]

Главное преимущество социалистического движения – приоритет развития самого человека, его полное освобождение от отчуждения, прежде всего от эксплуатации. Капитализм в этой сфере вообще не является конкурентом, он к этому имманентно не способен.

С учётом вышесказанного конкретизируем *императивные* условия именно *социалистического этапа* коммунистического *движения*:

- постановка антропологической цели: создание условий[3] для полного

---

[1] Что касается широко растиражированного в качестве определения социализма пресловутого «удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей», то это условие представляет, хотя и весьма важное, но всего лишь *внешнее* выражение социалистического движения, не выявляя его *внутренней* сути. Экономические, социальные, культурные и т.п. аспекты – это инструмент, средство, а не цель, которой является сам человек.

[2] Более того, нет лучшего подарка противникам социалистического движения, чем признание приоритета удовлетворения материальных и культурных потребностей людей (в этой формуле культурные потребности есть понятие более узкое, нежели сфера идеального в целом) основным законом социализма. Это тот козырь, который они всякий раз пускают в ход при дискредитации социализма, якобы неспособного обеспечить более высокого материального уровня жизни, чем капитализм.

[3] Подчеркнём – *создание условий*, создающих возможность освобождения

освобождения человека от отчуждения его деятельности от него самого и ограничения его развития, как личности, так и общества;

что имеет следствием:

- формирование *новых общественных отношений* и адекватных им институтов, соответствующих достижению цели, движение к общественному *само*управлению;

- формирование нового, *субъектного*, человека, соответствующего *социалистическим* общественным отношениям, но не внешним ему образом, а *самим человеком* в практике его жизнедеятельности;[1]

- осуществление не только *направляемого* к поставленной цели, но и *управляемого* движения, реализующего заявленные выше условия.

Условие телеологичности социалистического движения и требование управляемости им детерминирует ещё два *императивных* условия без которых ни о каком социалистическом движении не может быть и речи:

- субъект управления (класс управления) обязан действовать в интересах целого (однако, с учётом особенного – конкретной классовой структуры), что означает: 1. *власть политическая и* 2. *власть экономическая должны принадлежать трудящимся*, либо, как минимум, осуществляться от их имени и в их интересах, что, в свою очередь, имеет следствием 1. полную и ничем не ограничиваемую *народную* демократию и 2. господство в экономике *социализированных* форм собственности (на начальном этапе в форме *государственной* собственности с тенденцией перехода к *общенародной* форме собственности и, далее, к упразднению всех форм собственности);

- условие управляемости движением, означает, что оно осуществляется не случайным образом в постоянном столкновении с изменяющейся реальностью, а в соответствии с пониманием *сущности* происходящих процессов, что требует выработки *научного* понимания происходящих процессов, т.е. адекватной *теории*, без чего невозможно осмысление действительности и принятие адекватных решений.

Сделаем обобщающее заключение.

Место *социализма в действительном коммунистическом движении* – это место *особенного в общем*.

Социализм – это не некий этап, рассматриваемый как фиксация общества в определённом *стабильном* состоянии, только по достижении которого и можно двигаться дальше. *Социализм есть часть (особенное) действительного коммунистического движения (общего)*, которое (движение) определяется своими внутренними противоречиями[2], на которые

человека, но ещё не фактическое освобождение человека от всех форм отчуждения.

[1] Особо отметим – новое социалистическое общество необходимо требует и *нового человека*. Общество и человек должны *взаимно* соответствовать условиям (закону, если угодно) возникновения и развития этого общества. Но создать нового человека может (и должен) только наличный человек (со всеми его недостатками) посредством активного участия в создании нового общества.

[2] Вопрос о внутренних противоречиях отдельная тема и потому они здесь не

оказывают деформирующее влияние внешние противоречия (в основном международные отношения). Внутренние противоречия *постоянно* меняют характер своего протекания и разрешения и, как следствие, весь период *социалистического этапа общего коммунистического движения* представляет собой *постоянно изменяющиеся процессы* в сферах экономики, политики, культуры (лучше сказать – в материальной и идеальной сферах) со своим частным содержанием, целями, задачами и способами их решения, но определяемыми главной целью – освобождением человека от отчуждения его деятельностных сил от него самого и полным присвоением их.

Социализм в каждом своём моменте разный как определяемый своими постоянно текучими внутренними противоречиями, но одновременно и *неизменный*, тождественный самому себе как определяемый конечной целью. Как таковой социализм есть движение особенного, детерминируемое общим – *сущностными* интересами человека. В этом его диалектика.[1]

Проведенный анализ позволяет сформулировать также и выводы, характеризующие собственно социализм как *особенный этап общего коммунистического движения*.

Целью социалистического этапа действительного коммунистического движения является *создание предпосылок для возможности последующего освобождения человека от всех форм отчуждения* и, прежде всего, от отчуждения его сущности как свободно действующей личности.

Сущностью переходного периода (от капиталистических к коммунистическим общественным отношениям) является *подготовка к полному снятию капиталистических экономических (и неэкономических) общественных отношений* путём развития их в новых, социалистических формах.

Экономическое содержание переходного периода заключается в *развитии и доведении до своего предела*[2] *товарно-стоимостных отношений* с целью их последующего снятия в бестоварных и безденежных отношениях. Товарно-социалистический способ производства жизнедеятельности есть *последний экономический*, т.е. товарно-стоимостный (товарно-денежный) способ производства, который подготавливает полное снятие («исчезание») отношений собственности и товарно-стоимостных отношений путём их развития в *социалистических* формах и доведения до своего предела – экономизм подводится к завершению экономическими же методами, действующими в новых формах.[3]

рассматриваются.

[1] Императив имманентного движения распространяется и на коммунизм – остановки быть не может.

[2] Предел следует понимать как 1. исчерпание *всех* возможностей товарно-денежных (товарно-стоимостных) отношений в условиях социалистического производства и 2. развитие производства до уровня, когда весь труд станет непосредственно-общественным и исчезнет необходимость в товарно-денежных отношениях.

[3] «…Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые,

Социально-политическое содержание переходного периода состоит в неуклонном развитии общественных институтов и *подготовке перехода от государственной формы управления к общественным формам самоуправления*.

Антропологическое содержание переходного периода заключается в *формировании человека, соответствующего* становящимся (вспомним «становление» Гегеля) *новым общественным отношениям*, но не внешним ему дидактическим способом, а самим человеком в его живой жизнедеятельности, в диалектике бытия и сознания – в практике.

О некоторых вопросах политэкономии социализма

Уделяя очень большое внимание политэкономическим проблемам социализма Ильенков выделял три главных вопроса, требующих тщательного анализа: о товарности хозяйства, о стоимости, о непосредственно-общественном труде.[1]

Что касается товарности, то этот феномен, представленный в самой общей, абстрактной форме предполагает, что продукт труда рассматривается как то, что подлежит не непосредственному потреблению производителем, а обмену на другой продут труда (или его эквивалент в какой-то форме).[2] Только продукт труда как вещь, подлежащая *обмену*, является *товаром*. С точки зрения тотальности общества не имеет никакого значения что и как обменивается – сущность заключается в *движении* материальных средств, обеспечивающих жизнедеятельность и жизнеспособность общества.

Т.о. *в основании* отношений обмена находится *не вещь* как таковая, а *движение* вещей, *процесс*, который имеет *императивный* характер, поскольку является *общественным* отношением, на котором основано *воспроизводство жизнедеятельности* общества. Этот *процесс* движения вещей, объединяя (отождествляя) в *одном* отношении *две* стороны – производство и потребление посредством обмена, – связывает разобщённые части общества в единое целое и как фундаментальное *материальное* общественное отношение имеет *всеобщий* характер, не зависящий от сути и формы всех иных общественных отношений.

Следует, очевидно, сделать особый акцент именно на этой функции товарности и товара как общественных феноменов. *Товарность – процесс* движения вещей, обеспечивающий жизнедеятельность общества при наличии *общественного разделения труда*, движущим механизмом этого

более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества». (*Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. Т. 13. С. 7).

[1] «Судьбы товарного производства и категорий, выражающих его имманентные (органически присущие ему) особенности, — и прежде всего *стоимости, в процессе социалистического и коммунистического обобществления* производства — это вопрос столь же особый, вопрос колоссальной практической и теоретической важности». (*Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного... С. 420).

[2] Разумеется, что априорно предполагается наличие общественного разделения труда.

процесса являются отношения обмена, полюса которых представлены сторонами производства и потребления. *Товар – вещь*, являющаяся материальным (или идеальным – для не материальных продуктов) воплощением и носителем товарных отношений, объект отношений обмена, которые, в свою очередь, можно характеризовать следующим образом: 1. обмен как общественное отношение исторически вызывается к жизни наличием прибавочного продукта; 2. обмен есть диалектический процесс, отождествляющий взаимоотрицающие стороны (стороны обмена) в целостную систему связей, соединяющих стороны обмена; 3. обмен, возникнув спорадически, необходимо влечёт за собой появление и развитие разделения труда; 4. развитие разделения труда резко расширяет сферу обмена и тем самым начинает детерминировать обмен.

Как видим, в число основных факторов, *непосредственно* определяющих отношения обмена, входят только факторы, детерминируемые самыми общими условиями жизнедеятельности – наличием потребностей в продуктах труда, наличием прибавочного продукта (т.е. возможностей обмена) и наличием разных производителей и потребителей продуктов труда (сторон обмена). Отношения же собственности не оказываются *необходимым* условием товарных отношений (хотя и оказывают на последние огромное искажающее действие), они стоят у них «за спиной», представляя собой *опосредствующие* элементы как со стороны производства, так и со стороны потребления, противостоящего производству.

Это обстоятельство отмечал и Ильенков: «…та “независимость друг от друга отдельных – «частных» – работ”, о которой у Маркса идет речь в его общей теории стоимости, вовсе не предполагает еще *частной собственности,* – а тем более – частно-капиталистической её разновидности. Более того, сама частная собственность выступает здесь как *результат,* как *следствие* “частного” характера труда. Частный – здесь вовсе не значит “частнособственнический”. “Частный характер” может иметь и труд *коллектива,* поскольку ему противостоит другой такой же коллектив, – в качестве хозяйственно-независимой от него единицы… Таким образом, теория стоимости Маркса остается в силе и там, где *частной собственности* в собственном смысле слова еще или уже нет, – а известная “разъединенность” отдельных звеньев общественного производства уже или еще есть…»[1].

Элиминирование отношений *собственности* просто исключает *опосредствующее* звено, ставя производство и потребление в отношения *непосредственного* взаимодействия. Но вот ликвидация отношений *обмена* уже *разрывает связь* производства и потребления, делая *невозможным* воспроизводство жизнедеятельности общества.

Почему же в советское время так много политэкономических копий было сломано в спорах о проблемах товарности и стоимости в социалистическом хозяйстве?

Полагаем, что в этом отношении главную роль сыграло определённое смещение акцентов при исследовании соотношения товарности, стоимости и социалистичности.

---

[1] *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного… С. 422.

По поводу связи, взаимодействия товарности и стоимости Ильенков говорит вполне однозначно: «…*понятие* стоимости является наиболее всеобщим и потому наиболее полным и исчерпывающе-конкретным выражением экономических условий товарного производства, – и ни в коем случае не товарно-капиталистического. Она имеет в виду *товарное,* и только *товарное* производство.

… Именно поэтому она остается верной совершенно безотносительно к опыту феодализма или к опыту социализма, – и вообще к какому угодно "опыту", кроме опыта товарного производства»[1].

Отметим, Ильенков утверждает, что товарность есть феномен не исключительно капиталистического производства, соответственно и стоимость не является исключительно капиталистической категорией и имеет, как и товарность, всеобщий характер.

Но затем, переходя к анализу капиталистических отношений, Ильенков делает существенную оговорку.

Ссылаясь на Маркса Ильенков пишет: «…*товарная форма,* или *стоимостная форма продукта* оказывается также и самой всеобщей, самой абстрактной формой продукта *капиталистического* производства. Поэтому капитализм и квалифицируется Марксом как наиболее развитое *товарное производство,* как естественный предел и максимум развития товарного производства *вообще.*[2]

…Маркс, как известно, установил, что в товаре в стоимость превращается *только* продукт труда, не имеющего *непосредственно-общественного* характера и значения. Условием, без которого вообще невозможно (а потому и немыслимо) превращение продукта труда в товар, т.е. в стоимость, является, согласно Марксу, та или иная форма или степень *независимости друг от друга отдельных звеньев общественно-разделенного труда*, отдельных ("частных") работ.

Нет этого условия — нет и товара, нет и стоимости.[3]

…Это – важнейший с точки зрения "методологии" К. Маркса пункт. Именно с ним и связано то положение, что *непосредственно-общественный* (т.е. коммунистически-организованный) *труд абсолютно исключает саму возможность* превращения продукта общественного труда в товар, т.е. в стоимость»[4].

Здесь явно, но без какого-либо логического обоснования вводится новая политэкономическая категория – непосредственно-общественный труд, который почему-то «исключает саму возможность превращения продукта общественного труда в товар, т.е. в стоимость».

По поводу товарности и товара мы уже выяснили, что эти общественные феномены являются *материальным основанием*, на котором базируется жизнедеятельность общества и потому имеют *всеобщий* (т.е. общий для *всех* типов обществ) характер и по этой причине *особенное* –

[1] Там же. С. 419.
[2] Там же. С. 420.
[3] Там же. С. 421.
[4] Там же.

непосредственно-общественный труд – не может исключить «возможность превращения продукта общественного труда в товар», поскольку не может прекратить процесса обмена деятельностью и её продуктами внутри общественного разделения труда. Уже на этом основании т.н. непосредственно-общественный труд не исключает товарности производства.

Далее, общественно-полезный труд также исключает, якобы, такую политэкономическую категорию как стоимость. Здесь следует разобраться подробнее.

Обмен товаров осуществляется по неким эквивалентам, в которых учтены затраты труда на производство товаров. Таким эквивалентом является стоимость товаров.

Стоимость, по Марксу, есть труд, воплощённый в продукте труда, но одновременно «…в стоимость не входит *ни одного атома вещества природы.* (выделено нами. – А.П.)»[1] – т.е. стоимость идеальна.

Применив ильенковское понятие идеального как формы деятельности (труда) человека, представленной в форме вещи (продукте труда), получим, что стоимость – это представление (снятие) в продукте труда процесса его создания и как таковая она есть идеальная сторона материального предмета (продукта труда) или, другими словами, стоимость есть идеальная сторона (момент) продукта труда, представляющая (снимающая) процесс его создания в материальной форме продукта труда.

Поскольку в процессе создания продукта труда участвуют *все факторы производства*, то и в его стоимости снимаются *все стороны* их участия, вследствие чего в процессе производства формируются не только количественные (форма), но и качественные (свойства) характеристики продукта труда – т.е. в стоимости представлена *количественно-качественная* сторона *всего* процесса производства и *всех* его факторов без исключения. Т.о. *стоимость* как снятие *всего комплекса процесса труда* представляет собой также и *качественную* сторону продукта труда – это неотъемлемый фактор феномена стоимости, который невозможно элиминировать из понятия стоимости, как невозможно изъять из реального процесса труда моменты, создающие качественные характеристики его продукта.

В таком понимании стоимость как *идеальное*, в котором снят *весь материальный процесс*, является также *всеобщим* феноменом, характерным для всех типов обществ, в которых существует общественное разделение труда и товарность хозяйства, т.е. обмен как между подразделениями общественного производства, так и между сферами производства и потребления.

Ильенков, говоря о превращении простого товарного производства в капиталистическое, отмечает, что «Ближайшим результатом здесь оказывается *всеобщее распространение* товарной формы, превращение формы стоимости продукта труда – во всеобщую и самую абстрактную форму всего производства в целом. Здесь товаром, т.е. стоимостью, становится – *весь* продукт общественного труда, без всяких исключений, – включая

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. Т. 23. С. 56.

рабочую силу.

Это значит, кроме всего прочего, что категория стоимости является *всеобщей* (наиболее абстрактной) категорией *только при капитализме*»[1].

Ранее утверждалось, что всеобщим условием товарности производства и наличия стоимости является «независимость… отдельных звеньев общественно-разделённого труда». Здесь же всеобщность товарности и стоимости соотносится только с капитализмом, что явно противоречит более общему утверждению выше. Очевидно, что здесь под всеобщностью товарности и стоимости *только* при капитализме Ильенков имел ввиду не только распространение, но и *абсолютное* доминирование стоимостных отношений, во *все сферах именно капиталистического* общества, в т.ч. и за пределами собственно хозяйства. Т.о. статус всеобщности критерия товарности и стоимости сохраняется за всеми обществами, где имеется в наличии разделение труда и отношения обмена.

На основании данного вывода о всеобщности товарности и стоимости можно сделать заключение о наличии и использовании упомянутых категорий в социалистическом хозяйстве.

Социалистический этап действительного коммунистического движения представляет собой переходный период от капиталистических принципов ведения хозяйства к социалистическим – старое достаточно длительное время сохраняется и постепенно сменяется новым. Уже на этом эмпирическом основании можно сделать прагматический вывод о сохранении действия определённых капиталистических политэкономических категорий в социалистическом хозяйстве. Но одной эмпирии далеко недостаточно, выводы, сделанные на таком шатком основании будут случайными и сиюминутными – нужен теоретический анализ.

Как мы выяснили выше товарность как процесс движения продуктов труда и диалектически связанные с товарностью отношения обмена присущи всем общественным формам, в которых наличествует разделение труда.

Стоимость также представляет собой всеобщий феномен для обществ, в которых вследствие разделения труда существует товарное хозяйство и обмен осуществляется по стоимостным эквивалентам.

Главное отличие социалистического хозяйства от капиталистического состоит в том, что отношения частной собственности на средства производства заменяются отношениями государственной собственности (мы абстрагируемся от упоминания форм общенародной и коллективной собственности, поскольку на данный анализ это никакого влияния не оказывает)[2]. Но, как мы выяснили ранее, наличие отношений собственности, в какой бы форме они не представали, не является *необходимым* условием товарно-стоимостных отношений.

Осталось выяснить ещё одну проблему. Что касается т.н.

---

[1] *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного… С. 420.

[2] Заметим, не следует отождествлять две сущностно разные формы собственности – государственную и общенародную – от *реальной* (а не просто декларированной) формы собственности будет зависеть и политическая система.

непосредственно-общественного труда, который исключает категорию стоимости, то, поскольку Ильенков не раскрывает сущность такого труда, воспользуемся трактовкой, принятой в советское время широким кругом исследователей: «Непосредственно-общественный продукт есть (продукт)…, идущий на общественное потребление не через рынок».[1] Т.е. непосредственно-общественный труд это такой труд, продукт которого распределяется путём нерыночных отношений. Каких? Очевидно, *непосредственным* распределением, без эквивалентного обмена. Действительно, в этом случае категория стоимости элиминируется, а вместе с ней обмен и товарность хозяйства.

Но попробуем перейти из сферы свободного полёта мысли в жёсткую реальность. В *любом* обществе воспроизводство возможно только при условии восполнения затрат (издержек производства) – т.е. как между отдельными производствами, так и между отраслями должен происходить постоянный обмен деятельностью и её продуктами. Следовательно, использование отношений обмена безусловно. Но возмещение затрат (и, разумеется, обмен) должны быть обоснованы, т.е. иметь количественную оценку и, соответственно, некий всеобщий эквивалент в масштабе общественного производства. Таким эквивалентом может быть только стоимость, как представляющая в своей превращённой форме – цене – количественно-качественную оценку общественного труда.

Но вот уже сам обмен можно производить как посредством ничем не ограниченных рыночных отношений, в которых действуют все механизмы рынка, так и посредством директивных предписаний планирующих органов. Между этими крайностями возможны весьма разные формы сочетания сторон. Но и для планового обмена существует императив – необходимость полного и точного учёта затрат и их полное возмещение, без чего невозможно воспроизводство – а значит и использование стоимости.

У нас имеется определённое недоверие к той безапелляционности, с которой советские политэкономисты сходу отвергали рынок, вернее рыночные отношения. Казалось бы, прежде чем делать вывод, неважно, отвергающий или утверждающий, следовало проделать анализ сомнительной проблемы и уже на его основании делать заключение. Представляется, что по поводу рынка имело место слишком поверхностное понимание его как феномена, недопустимого в социалистическом хозяйстве.

Не приводя пространных доводов, что заняло бы много места, мы дадим

---

[1] Непосредственно-общественный продукт в условиях развитого социализма. Под ред. проф. А. И. Кащенко. – М.: «Высшая школа». 1981. С. 30.

К слову, мы не можем согласиться со столь односторонней трактовкой, которая учитывает только два момента жизненного цикла продукта труда – производство и обмен – и игнорирует потребление, завершающее цикл. С точки зрения потребления непосредственно-общественным может быть только продукт (и, соответственно, затраченный на него труд), который не просто поступает в потребление минуя рыночный обмен, но который предназначен для *всего* общества. В силу этого условия потребление такого продукта может осуществляться либо обществом в целом как неким единством – и это есть государственное потребление, либо в индивидуальном порядке безо всяких ограничивающих условий.

своё понимание рынка:

Рынок – это общественный феномен, проявляющийся в форме обмена деятельностью и/или продуктами труда и реализующийся на основании 1. *потребности* сторон обмена в деятельности и/или продуктах, 2. *эквивалентности* продуктов (деятельности) по некоему критерию, 3. посредством *согласования* этих условий *субъектами* рынка.

Это *сущностное* определение рынка, его *понятие*. Из этого понятия нетрудно вывести, что рынок это: 1. форма осуществления жизнедеятельности; 2. одна из сторон многообразных общественных отношений (рыночные отношения); 3. механизм, реализующий обмен предметов рынка (рыночный механизм).

На рынок, как видим, не оказывают *непосредственного* влияния и, следовательно, находятся за его пределами такие общественные феномены как *производственные отношения* (понимаемые здесь в узком смысле – как отношения только производства) и *отношения собственности*.

Из этого *общего* понимания рынка нетрудно вывести его *особенные* формы – от рынка свободной конкуренции до полностью регулируемого рынка, с множеством градаций между ними.

Резюмируем – даже если признать возможность реального существования непосредственно-общественного труда, то и тогда будет необходим обмен деятельностью и её результатами и, конечно же, точный учёт того и другого. Следовательно, на социалистическом этапе действительного коммунистического движения будут сохранять своё значение категории товара, стоимости, а значит и рынка, но в новых формах, соответствующих цели движения.

Ильенков даже без детального анализа, только на основании эмпирии сделал подобный же, «интегрально-интуитивный», по его определению, вывод: «…иного противовеса формализму, возомнившему себя раньше времени “реальностью”, кроме открытого признания прав товарно-денежных отношений, нет.[1]

…И в этих пределах, — то есть на рынке, — пусть господствуют законы рынка. Со всеми их минусами. Ибо без этих минусов не будет и плюсов.

На границе же между рынком — и Всеобщим, - пусть и создается тот самый относительно разумный “синтез”...

Тогда и получится ясная картина, - картина борьбы взаимно-исключающих принципов, — а не их “диффузия”, что хуже открытой и честной борьбы, ибо диффузии превращает всю эмпирию в одну серую кашу»[2].

Признавая, что использование категорий товара и стоимости в социалистическом хозяйстве не просто неизбежно, а необходимо, ни коем случае нельзя отмежеваться от факта, вызванного к жизни различием сущности капитализма и социалистического движения – факта «борьбы взаимно-исключающих принципов», которая будет держать в постоянном экзистенциальном напряжении на протяжении почти всего социалистического этапа

[1] *Жданов Ю.А.* Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 390.

[2] Там же. С 392.

всё общество, нависая над ним дамокловым мечом.

Но если товарность и стоимость присущи и капитализму, и социализму, то где тот пункт, в котором они взаимно-исключающи? Именно здесь мы возвращаемся к сущностному определению социализма, с чего и начинали наш анализ.

Суть капиталистического общественного отношения – извлечение прибавочной стоимости. Суть коммунистического движения и его социалистического этапа – освобождение человека от отчуждения от него самого его собственной деятельности, присвоение её в полной мере. Капитализм ничего не может противопоставить социализму в антропологической сфере. Капитализм – это движение к уничтожению гуманистичности, к полному господству *частного над общим*. Социализм – начало движения к истинному очеловечиванию человека, к доминированию *общего над частным*, но с учётом интересов частного, это имманентная диалектика коммунистического движения.

В сфере политэкономических проблем это предстаёт как изменение экономической цели – от производства прибавочной *стоимости* к производству прибавочного *продукта* в натуральной форме. Задача заключается в преодолении не *товарности* хозяйства, а в преодолении его *капиталистичности* – в преодолении всеобщности стоимости и её производных как цели производства, стоимость (прибыль) из абсолюта становится *одним из* вспомогательных механизмов, используемых социалистическим хозяйством в своих интересах. Дело не в том, чтобы избавиться от стоимостной формы, а в том, чтобы максимально точно и полно реализовать социалистический принцип – каждому по труду, т.е. по количеству и качеству труда, а не по размеру собственности или занимаемому в обществе положению. Стоимостная форма здесь не помеха, а напротив, удобный инструмент, поскольку учитывает обе стороны – количественную и качественную – производства.

Социалистический этап общественного движения – не конвергенция, не трансформация – это смена движения на противоположное – на движение от частного к общему. Это смена сущности движения и, следовательно содержания и форм. Непримиримая борьба прошлых форм с новыми, прехождение старого и становление нового.

Социализм есть движение от господства отчуждённых форм (в экономике – частной собственности, в политике – власти класса собственников) к освобождению человека. И на этом пути обобществление собственности и становление непосредственно-общественного труда, о чём так много говорили политэкономисты советского периода, не действие в-себе и для-себя, а опосредствующий процесс, сущность которого в том, чтобы постепенно перейти от управления собственностью к управлению *всей* жизнедеятельностью.

Действительное социалистическое движение есть не что иное как *постоянное преодоление социализма*, не только социализма, понимаемого догматически, как *состояния*, характеризуемого некими неизменными признаками, но и социализма как движения, это *преодоление самого себя*, постоянный выход за собственные границы – только так понимаемый

социализм есть *действительный* социализм.

***

В заключение, в свете рассматриваемой темы полагаем необходимым упомянуть об идее, сформулированной ещё в 1928 году экономистом Л.Н. Юровским в монографии «Денежная политика Советской власти (1917–1927)»[1].

На основании анализа процессов, происходивших в сфере современной ему экономики, Юровский сделал глубокие и далеко идущие выводы относительно социалистического хозяйства, которые в кратком изложении представляют следующее:

- товарно-денежное хозяйство может существовать в различных видах;
- социалистическое хозяйство также может существовать в различных видах;
- товарно-капиталистическое хозяйство не является последней формой товарного хозяйства, за ней следует поставить *товарно-социалистическую* форму хозяйства;[2]
- товарно-социалистическое хозяйство есть *особенная форма товарно-денежного хозяйства,* поскольку равновесие в нём достигается как равновесие товарно-денежного хозяйства, но *в условиях государственной собственности на средства производства и при политической власти, действующей в интересах трудящихся классов*;
- товарно-социалистическое хозяйство есть система *планового хозяйства*, основанного на *стоимостном принципе*.

Как представляется, вывод, что хозяйство переходного – от капитализма к коммунизму – этапа является *товарно-социалистическим* (со всеми вытекающими отсюда последствиями) есть не просто частно-экономическая гипотеза, а принципиальный вывод мировозренческого характера, на который следует обратить самое серьёзное и пристальное внимание.

Литература

1. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.

2. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997.

3. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955.

4. Непосредственно-общественный продукт в условиях развитого социализма. Под ред. проф. А. И. Кащенко. – М.: «Высшая школа». 1981.

5. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917- 1927). –

[1] *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917- 1927). – М.: Начала-Пресс, 1996.

[2] О товарно-социалистическом типе хозяйства говорили и другие учёные того времени (например: *Преображенский Е.А*. Новая экономика (теория и практика): 1922-1928 гг. - М.: Издательство Главархива Москвы, 2008), но в негативном контексте – как противостоянии социалистического и частного сектора, как необходимости подавления действия закона стоимости плановыми инструментами.

М.: Начала-Пресс, 1996.

12.12.2022

Критика «диффузии» государства и рынка - спор Э.В. Ильенкова и Ю.А. Жданова

(Статья написана для XXIV Ильенковских чтений, состоявшихся 15-16.04.2023).

Можно ли назвать спором откровенный обмен мнениями единомышленников, равно приверженных марксисткой парадигме и одинаково понимавших проблемы, вставшие перед страной, решившей идти по социалистическому пути? Скорее это была дружеская беседа двух неравнодушных людей, остро чувствовавших и переживавших критические моменты нашего движения. В этой беседе они говорили на одном языке, расставляя, разве лишь, разные акценты в своих выводах.

Представляется также, что заявленная на конференцию тема несколько неточна. Термин «диффузия» (лат. *diffusio*) означает «распространение, взаимодействие», а поскольку в нашем случае речь идёт о государстве и рынке, то подразумевается, что имеется ввиду переходный процесс от капитализма к социализму, если конкретнее, то какие феномены капиталистической экономики и в каком виде присущи экономике социалистической. Оба оппонента в этом вопросе проявили единодушие – они не только весьма критично рассматривали эту проблему, но и пришли к одному выводу – наследование некоторых капиталистических форм есть вынужденная необходимость, однако, эти формы должны быть в ходе социалистического движения преодолены. Т.о. *критика* т.н. диффузии одновременно сопровождалась и *конструктивным* выводом. Но в видении конкретных путей преодоления «капиталистичности» мнения сотоварищей разошлись.

Жданов пишет: «Я пытался понять природу социализма, исходя из характера труда, и пришел к заключению, что труд при социализме еще не носит конкретно-всеобщий характер, что эта всеобщность проявляется в нем лишь в частичной форме»[1].

Абстрактными фразами о всеобщности или частичности труда в советском обществе Жданов прозрачно указывает на факт наличия в экономических отношениях не вполне социалистических тенденций. Каких? Очевидно, под конкретно-всеобщим характером труда имеется ввиду нетоварный характер труда (производства) и, следовательно, не стоимостно-денежных отношений. Тогда частичность означает наличие также и товарно-денежных (стоимостных) отношений. Другими словами, в советском обществе наличествовали и вполне социалистические тенденции, и формы, унаследованные от капиталистических отношений.

Каким же видит Жданов путь преодоления капиталистических

[1] *Жданов Ю.А.* Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 388.

тенденций? По его мнению, «…новое общество рождается… как следствие и результат крупного общественного производства. Степень обобществления производства — мерило зрелости общества…»[1]. «…Уровень обобществления определяется не размерами собственности или хозяйства, а внутренними условиями.

…Собственность может быть крупная, а производство - мелкое[2].

…Ленин предупреждал о необходимости перехода от национализации к обобществлению производства.

…Переход к реальному обобществлению, возрастание его уровня осуществляются двумя путями. Первый связан с технологическим разделением труда на множество взаимозависимых операций, кооперированных в рамках единого производственного процесса. Его тенденция, по Ленину, превращение всей страны в одну фабрику.

Второй тип производственных связей в обществе осуществляется на основе общественного разделения труда между производителями, формально независимыми. Здесь общественная связь, их интеграция реализуется через рынок, через систему товарно-денежных отношений, через куплю-продажу»[3].

Путь развития социалистических общественных отношений Жданов видит в полном обобществлении производства (сосредоточении прав владения, пользования и управления в руках всего *общества*), что не идентично национализации производства (сосредоточении собственности в руках *государства*, т.е., фактически, органов власти, бюрократии). При этом обобществление определяется собственными «внутренними условиями» (т.е. наличными условиями состояния общества), которые могут направить обобществление двумя путями – 1. кооперирование всего производственного комплекса «в рамках единого производственного процесса» и т.о. происходит «превращение всей страны в одну фабрику», и 2. соединение разделённых производителей посредством товарно-денежных отношений, через рынок.

Симпатии Жданова, как это явствует из контекста его высказываний, полностью на стороне первого варианта, следовательно, «диффузии» как некоего «сожительства» товарно-денежного и нетоварного способов производства, нет места.

Разделение труда в социалистическом хозяйстве Жданову видится исключительно технологическим. Но даже при таком взгляде никуда не уйти от факта необходимости обмена деятельностью и её результатами не только между отдельными предприятиями, но и между отраслями. Даже если полагать всю экономику одной фабрикой, действующей по единому плану, то и тогда необходим (даже в гораздо большей степени, нежели при капиталистическом хозяйстве) учёт трудозатрат как на отдельном предприятии, так и в масштабе всего хозяйства, иначе ни о какой плановости не

[1] Там же. С. 393.

[2] В данном случае «мелкое», очевидно, означает ведущееся разобщёнными производителями и, следовательно, товарно-денежное.

[3] *Жданов Ю.А.* Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. С. 394.

может быть и речи, поскольку плановость основана на пропорциональности и, одновременно, ставит её своей целью, а пропорциональность, в свою очередь, невозможна без точного учёта всех производственных факторов. Но такой учёт должен отражать не только количество, но и качество труда (сложность, инновационность), а это возможно только с использованием уже проверенного практикой такого показателя как стоимость.[1] Т.о. речь следует вести не об отсутствии стоимости в социалистическом хозяйстве, а об использовании этой категории в интересах социалистической экономики и в формах, ей соответствующих.

К сожалению, ограничившись только констатацией возможности двух путей развития хозяйства без тщательного анализа проблемы, Жданов тем самым свой выбор сделал сугубо субъективно и не объяснил более подробно своего видения пути движения общества вне товарно-денежных отношений, а также не объяснил факта использования товарно-стоимостных отношений в советском хозяйстве, разве что, упомянув без критических замечаний работу Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», что косвенно можно считать как определённое согласие с мнением Сталина.

В своём однозначном предпочтении он оппонирует Ильенкову, в полемическом запале даже упрекая его в том, что «Ильенков фактически отрицает… диалектику общественного бытия»[2]. В данном случае имеется ввиду противоречие «между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением»[3].

Трудно сказать почему это антагонистическое противоречие Жданов полагает диалектическим. Диалектичен, судя по следующей далее фразе, как раз Ильенков, поскольку «Учитывая недостаточный уровень реального обобществления, наличие огромной сферы мелкого производства, он считал необходимым фактически возродить ленинские принципы нэпа. Но не в качестве анархического товарообмена и анархического спекулятивного капитала, а на основе рынка, подчиненного целям социального развития общества.

При этом преодоление формального обобществления в виде государственной экономики постепенно должно… двигаться двумя путями: из них первый действительно предполагает приватизацию, а второй – передачу собственности из рук государства во владение коллективов, общественных ассоциаций, в конечном итоге – всего народа в лице его высшего экономического (а не политического) органа»[4].

---

[1] Мы не говорим уже о том, что предметы личного потребления на рассматриваемом этапе могут распределяться только на основании эквивалентности затрат личного труда и трудозатрат на получаемые продукты, а это возможно только с использованием стоимости как всеобщего эквивалента труда. Хотя бы в этом отношении стоимостные отношения вынужденно должны сохраниться.

[2] *Жданов Ю.А.* Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. С. 395.

[3] Там же. С. 395.

[4] Там же. С. 395.

Как следует из этой фразы Жданова Ильенков как раз диалектически учитывает *конкретные* условия реальности, *соотношение* некапиталистических и капиталистических элементов в экономике, возможные пути движения, определяемые целью – становлением социалистических отношений. Однако, что касается преодоления «формального обобществления» (бюрократического огосударствления) путём приватизации (создания частных предприятий) или передачи предприятий их коллективам либо неким ассоциациям, приписываемого Ждановым Ильенкову, то мы не найдём у последнего указания на конкретные «пути». В своём анализе Ильенков остаётся в пространстве общего, что характерно для его образа мышления – выяснения прежде принципиальных вопросов и только затем их конкретизации в частных решениях.

Впрочем, обратимся к самому Ильенкову.

Проблему товарно-стоимостных отношений в социалистическом хозяйстве Ильенков видит в совершенно определённом ракурсе: «…иного противовеса формализму, возомнившему себя раньше времени «реальностью», кроме открытого признания прав товарно-денежных отношений, нет».[1]

Это и есть принципиальное решение Ильенковым вопроса об использовании товарно-стоимостных отношений в социалистическом хозяйстве. Необходимо «…совершенно четко определить права формализма, вытекающие из его реальных возможностей, и ясно очертить ту сферу, которая формализму реально неподвластна. И пусть она конституируется сама, как знает, ибо стихия тоже содержит в себе свой “разум”»[2]; «…на рынке, — пусть господствуют законы рынка».[3]

Как видим, Ильенков не предопределяет конкретные пути обхода «формализма» – приватизация или передача собственности коллективам – он решает вопрос в общем виде.

Однако, невозможно не заметить некоторого налёта фатализма в этом «пусть она конституируется сама, как знает…, пусть господствует» – здесь чувствуется некоторая неуверенность Ильенкова, даже недоверие не то, чтобы к своим собственным выводам, а к реальности, в которой существует пресловутый «формализм», к его способности стать над «стихией», подчинить её себе. (Увы, его предчувствия оправдались – в позднем советском обществе «формализм» вошёл в брачный союз со «стихией» и прервал путь социализма).

Обращает на себя внимание и определённая нечёткость выражения, противоречивость в следующих утверждениях.

Утверждение первое – «На границе же между рынком – и Всеобщим, – пусть и создается… относительно разумный “синтез”, который никак не может стать “разумным” по той причине, что эта граница ясно не прочерчена, – откуда и происходят взаимные нарушения границы без понимания

[1] Там же С. 390.
[2] Там же. С. 390.
[3] Там же. С. 392.

того, что это – нарушения».[1] Но что такое «синтез» в данном случае? Либо это *диалектически* понимаемый синтез, сиречь снятие сторон, их *обоюдное* прехождение и становление в новом качестве, в котором они представлены обе, и в этом случае движение противоречия завершается очередным снятием, в котором уже не будет места рынку. Либо это *формальный* синтез, т.е. их некая «диффузия», взаимопроникновение без смешения, и в этом случае такая смесь может существовать довольно долго.

Утверждение второе – «Тогда и получится ясная картина, – картина борьбы взаимно-исключающих принципов, – а не их “диффузия”, что хуже открытой и честной борьбы, ибо диффузии превращает всю эмпирию в одну серую кашу».[2] Здесь, наконец, появляется ясность – «диффузия» невозможна. А потому «Надо ясно очертить компетенции той и другой разновидности “частично-всеобщего”, тогда яснее станет и доза вины и той и другой за негативные последствия, как и за позитивные, этой, данной формы синтеза “всеобщего” и “частного”, — государства и рынка, диффузно окрасивших друг друга...».[3]

Всё-таки в этом «диффузно окрасивших друг друга» проступает некоторая незавершённость позиции, определённая уступчивость, что ли, формальному синтезу, в противовес заявлению о борьбе «взаимно-исключающих принципов».

Сосуществование остатков частного (старого, капиталистического – рынок самое яркое проявление его) и общего (нового, коммунистического – преодолевающего старые формы) есть не некий синтез, а непрерывная бескомпромиссная борьба, в которой решается кто кого.

Гораздо более определённо и бескомпромиссно Ильенков высказывается в работе, известной как «К выступлению у экономистов»[4]: «…(стоимостная) форма не только не имеет ничего общего с коммунистической организацией общественного труда, но и представляет собой ее конкурента и антагониста»[5]. А значит ни о какой «диффузности» речи не идёт, но только о борьбе в рамках сложного общественного процесса, в котором экономика представляет, пусть и очень важную, но одну из сторон.

***

Как видим, взгляды Ильенкова и Жданова на процессы, происходящие в хозяйственной сфере в переходном, от капитализма к социализму, периоде схожи в главном – о «диффузии» как некоем механическом смешении капиталистических (товарно-денежных) и социалистических (нетоварных) отношениях речи быть не может.

Но если Жданов далее простого отрицания не идёт, останавливаясь на идеале общества как единой фабрики и не поясняя путей достижения его,

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997.
[5] Там же. С. 435.

то Ильенков конкретизирует характер экономических отношений в переходном периоде, полагая, что товарно-стоимостные и нетоварные отношения могут сосуществовать в течение этого периода, но действуя каждые строго в своей сфере и только на их границе возможен некий «относительно разумный “синтез”».

Однако, в таком решении Ильенкова много неясностей, что видит и сам Ильенков. Во-первых, как разделить сферу «Всеобщего», как пишет Ильенков, и сферу рынка, частного и установить правила для каждой из них? Во-вторых, граница между ними будет постоянно нарушаться, а, значит, будут нарушаться и правила и потому пресловутой «диффузии», от которой так старались избавиться, не избежать. В-третьих, каким образом обеспечить в этой бескомпромиссной борьбе рынка и Всеобщего безусловную победу Всеобщему, без чего ни о каком освобождении человека не может быть речи?

Ответов мы, к сожалению, не найдём. Да и было бы слишком наивно надеяться получить ответы из краткого обмена мнениями, отсюда и нечёткость анализа, и определённая неуверенность в выводах, для этого нужны фундаментальные исследования на основании разработанной методологии[1]. И хотя проблема не решена, тем не менее ценность высказываний Ильенкова и Жданова в том, что они в рамках своей мировоззренческой позиции не только совершенно ясно обозначили ядро проблемы, но и наметили некоторые пути её решения.

Литература

1. *Жданов Ю.А*. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
2. *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997.

4.12.2022

О статье А.К. Фролова

(Статья напечатана в газете «Советская Россия» как отклик на статью А.К. Фролова, бывшего в то время политическим обозревателем газеты и идеологическим советником лидера КПРФ, в которой он с псевдодиалектических позиций пытался объяснить развитие капиталистических отношений в России).

[1] Если политэкономия социализма до сих пор кажется еще чем-то совершенно непохожим (с точки зрения Логики развития ее понятий, разумеется) на «Капитал», то это — показатель лишь того, что до сих пор не удосужились разработать в духе всеобщих принципов марксистской диалектической логики (Там же. С. 429).

Третьего не дано

В приложении «Отечественные записки» (№ 23 от 31.10.2013 г.) к газете «Советская Россия» была опубликована статья А. Фролова «Где момент перелома?». Вполне понятна искренняя заинтересованность её автора в том, чтобы понять суть процессов, происходящих в нашей стране в последние десятилетия. Понятна и приверженность его той методологии, которой он придерживается в своих аналитических построениях. Однако, далеко не всегда можно согласиться с заключениями Фролова, даже если он ссылается на авторитетные фигуры Маркса и Ленина. Особенно в тех случаях, когда выводы последних некритически, сугубо механически, прилагаются к современным условиям, кардинально отличным от тех, которые существовали во времена классиков.

Фролов совершенно верно отмечает, что «наибольшая путаница попрежнему наблюдается в вопросе, существует ли капитализм в России». (К этому можно добавить, что ещё бо́льшая путаница наблюдается в вопросе, существовал ли социализм в СССР. Начиная с Троцкого спорят до сих пор). И тут же заключает - «первоначальное накопление в основном завершилось и начался период «правильной» капиталистической эксплуатации, основанной на выжимании прибавочной стоимости из наёмной рабочей силы». Далее будет ещё одно упоминание пресловутого первоначального накопления – при описании второго, по автору, периода развития экономики, о котором сказано, что «это и есть классический период первоначального накопления капитала – период проедания советского наследства».

Здесь по какой-то, одному автору известной, причине отождествляются первоначальное накопление капитала и проедание советского наследства. Почему проедание есть одновременно и накопление, тем более классическое, совершенно непонятно. Каким образом *уничтожение* одного материального основания (производственной базы, основных фондов) может быть одновременно *возникновением* другого материального основания (основного капитала, который физически и есть те самые основные фонды)?

Попробуем прежде определиться с первоначальным накоплением капитала. Обратимся к человеку, довольно неплохо разбиравшемуся в данном вопросе, к Марксу - «процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и жизненные средства в капитал, с другой стороны,— непосредственных производителей в наёмных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства».

Вот теперь перед нами вполне классический процесс первоначального накопления капитала в изложении Маркса. Как видим, это довольно длительный исторический период, целая эпоха в жизни обществ, первыми

вставaвших на этот путь. На этом пути параллельно шли два процесса – накопление собственно капитала в форме производственного (прежде всего) и денежного капитала, и накопление лично свободной рабочей силы, не имеющей средств производства. Нельзя не отметить также и изменений, произошедших в идеологической сфере того времени – возникновение и становление нравственной опоры нарождающегося капитализма, протестантизма, с иррациональной стороны оправдывавшего ссылкой на высшее начало более чем рациональные новые производственные отношения. Классический капитализм создавался в борьбе с предшествовавшими ему общественными отношениями и результатом этой борьбы было небывалое *развитие* производительных сил и резкое *возрастание* т.о. материальных возможностей общества. Не следует преуменьшать значение и политических преобразований – возникновение демократических институтов, которые, при всей их ограниченности и подчинённости интересам капитала, позволили рабочему классу создать свои организации и развернуть борьбу за собственные интересы.

Но разве этот исторический период сравним с тем переходом к капиталистическим общественным отношениям, который происходил во время крушения СССР? Ни по временны*ы*м, ни по сущностным параметрам в этих процессах нет ничего общего. То, что стало капиталом (основным и переменным) уже существовало в стране, причём в развитой форме, на уровне, соответствовавшем мировому. Никакого накопления не требовалось, всё необходимое было в наличии, оставалось только прибрать это к липким рукам.

Практически мгновенно, по историческим меркам, общенародная собственность была превращена в частную, а рабочий класс отделён от неё и превратился в пролетариат в классическом определении. То, что сознание этого нового пролетариата некоторое время по инерции оставалось сознанием свободного рабочего, т.е. человека, не готового к работе в новых условиях и потому растерявшегося, сути дела не меняет.

О политических преобразованиях, совершенно отстранивших от принятия решений народ, и закрепивших власть исключительно в руках новых собственников, и говорить не приходится.

В классическом варианте, как видим, наёмные рабочие появились за счёт разложения феодального общества, в российском варианте рабочий класс априори существовал как весьма квалифицированная рабочая сила. Всего одним действием – введением частной собственности - он был капитализирован, т.е. превратился в источник создания прибавочной стоимости. К сожалению, особого возмущения это преступление у класса не вызвало, хуже того, вначале находило и поддержку некоторой его части.

То же самое можно сказать и о средствах производства – они не были результатом многолетнего накопления и воздержания, вся собственность разом досталась появившимся «капиталистам» как манна небесная.

Как видим, ни о каком первоначальном накоплении капитала в российском варианте не может быть и речи – была осуществлена преступная экспроприация общенародной собственности и самого рабочего класса, и даже шире – всего народа, в интересах ничтожной (во всех смыслах) кучки

власть предержащих и их окружения. Не стоит также преуменьшать и роль международного олигархического капитала, оказавшего в своих интересах огромное влияние на отмеченные процессы. Но при этом будет ошибочным впадать в конспирологические изыски – все процессы происходили под решающим влиянием *внутренних* противоречий советского общества, глубокое исследование которых ещё предстоит, но это другая тема.

Резюмируем. Суть классического первоначального накопления – в исторически относительно длительном процессе *создания* производственного капитала и появления рабочей силы, которую можно капитализировать. Этот процесс происходил на фоне разложения феодального общества и сопровождался значительным *ростом* производительных сил нового возникающего общества.

Суть возврата к капиталистическим отношениям в российском варианте – в преступной (поскольку это было в интересах немногих и в ущерб интересам всего общества) экспроприации общенародной собственности и самого общества. Результатом было *разрушение* единого народнохозяйственного организма, обнищание основной массы населения, т.е. *деградация* общества.

Итак, неправильное представление Фроловым сущности происходивших в стране процессов ведёт к неверным выводам. Три обозначенных им периода (первый период, как относящийся к советскому времени, следует исключить), совершенно отчётливо проявляющиеся на приведенном им графике, сущностно представляют собой совершенно другие процессы, чем это описано в статье. Попробуем разобраться, какие именно.

Период 1992-1999 гг. У Фролова это «первоначальное накопление капитала путём проедания советского наследства». О соотношении проедания и накопления уже было сказано. Отмечаемый в этом периоде спад производства есть совершенно естественное следствие проведенной приватизации – единый хозяйственный государственный организм разрушается, поскольку «эффективные собственники» озабочены не производством продукции, нужной стране, а разделом доставшегося имущества и закреплением его за собой. Производственные связи рушатся, степень разделения труда и, соответственно, сложность продукции, падают, производственные комплексы разрушаются.

Эти процессы усугубляются ещё одним обстоятельством. Появившиеся «капиталисты», разрушив прежде существовавшие внутренние хозяйственные связи, пытаются выйти на внешний рынок, давно являющийся мировым. Но если советская промышленность могла по некоторым направлениям вполне успешно конкурировать с капиталистическим окружением, имея за собой силу государства, то новые собственники для того, чтобы их допустили на внешний рынок, вынуждены уступать часть собственности иностранным, сиречь западным, компаниям, иначе им туда не попасть. Какая часть собственности досталась зарубежным хозяевам, мы вряд ли скоро узнаем, но можно не сомневаться, что очень значительная, возможно, решающая (при этом формально собственником может быть субъект с российским гражданством, что несущественно для фактического собственника). Косвенно это подтверждается уничтожением многих видов

высокотехнологичных производств, которые были вполне конкурентоспособны на мировом рынке (например, обрабатывающих центров с программным управлением). Об этом, фактически, говорит и Фролов, никак не комментируя, – «Разовое сокращение чистого вывоза … в 1995 году объясняется, очевидно, приватизацией крупнейших кусков госсобственности на позорно знаменитых залоговых аукционах. Недаром же чистый приток капитала наблюдался единственный раз за весь восьмилетний период именно во втором квартале того года». Нетрудно понять, чей капитал и с какой целью «притёк» на аукционы из-за границы. Однако, в целом капитал ежегодно вывозился из страны в немалых объёмах. Так какое же это накопление?

Период 2000-2007/08 гг. «Эксплуатация остатков советского наследства» по характеристике А. Фролова.

Это очень интересный и неоднозначный период. «Рост производства сопровождается ростом потребления. Это означает, что начался период «правильной» эксплуатации и извлечения прибавочной стоимости» - по утверждению Фролова.

Действительно, отношения олигархов-аборигенов и их зарубежных патронов налажены, можно выкачивать прибавочную стоимость вполне традиционным путём. Конкурирующие российские производства уничтожены, те же, в которых международный капитал заинтересован (прежде всего сырьедобывающие), стабилизированы и усиленно эксплуатируются.

«Два момента – пишет Фролов - свидетельствуют о капиталистическом характере развития: синхронное возобновление роста ВВП и роста потребления; уменьшение вывоза капитала и переход к его ввозу» и на фиксации этих фактов останавливается. Тогда как именно резкое увеличение ввоза капитала и значительное преобладание его над вывозом в 2006-07 гг. вызывает вопросы и должно быть объяснено. Фролов говорит, что это «пример быстрого междукризисного капиталистического экономического роста» - но констатация ещё не объяснение.

И Маркс в «Капитале», и Р. Гильфердинг в «Финансовом капитале» убедительно показывают, что вывоз капитала является, в числе прочего, средством подчинения экономики страны ввоза, капиталу страны вывоза. В данном случае страной ввоза являлась Россия. Так на покупку чего пошли многие миллиарды долларов, ввезённых в страну? Нетрудно догадаться, известно, по каким «высоким» ценам режим распродавал государственное (читай, народное) имущество.

И ещё, столь резкое увеличение притока капитала должно было вызвать, хотя и не сразу, увеличение производства и, как следствие, ВВП. Но такого роста на графике нет, напротив, уже в 2008 г. следует резкий спад. А это значит, что ввезённый капитал был предназначен не для вложения в производство, а для скупки оставшихся государственных предприятий за бесценок.

Все эти факты подтверждают вывод, что крупный российский капитал не имеет самостоятельного значения, он полностью подчинён зарубежному, точнее, западному капиталу и действует исключительно в его интересах. Да иного и быть не может, это совершенно объективное

обстоятельство, вызванное тем фактом, что, разрушая экономику внутри страны, доморощенный капитал не может найти рынок сбыта для своих товаров, а на внешнем рынке правила диктует международный олигархический капитал. Так что перед российским капиталом с самого начала не было дилеммы – самостоятельность или подчинение – ему априори было суждено повиновение. И политический режим, действующий де-юре в интересах крупного российского капитала, де-факто действует в интересах международного олигархического капитала. Так что все споры, ведущиеся режимом во внешних делах, это всего лишь обычная рыночная торговля за более крупный кусок для олигархического российского капитала, но не для страны и народа.

Здесь же отметим и довольно странное для марксиста, каковым считает себя Фролов, деление капитала на «правильный» и «неправильный». Отличие их, по Фролову, в том, что первый «правильно» извлекает прибавочную стоимость, при этом пресловутая «правильность» никак не поясняется. Автору статьи, в своё время штудировавшему «Капитал» Маркса, должно быть известно, что целью капитала является прибыль и он не остановится перед любым преступлением ради своей выгоды («при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» - цитирует Маркс профсоюзного деятеля Даннинга).

Чем более жестоко, согласно своей сущности, действует капитал, тем более он «правильный». С этой стороны российский капитал «правильнее» западного, в погоне за прибылью он совершенно не считается с условиями труда, выжимая из современных пролетариев даже их здоровье и жизнь (интересующиеся могут ознакомиться с методами российского «правильного» капитала здесь - http://scepsis.net/library/id_3502.html, http://scepsis.net/library/id_2333.html).

По своей *сущности* любой капитал правильный, их отличие только в *форме* проявления этой сущности. Западный капитал ещё считается с рабочими (своей переменной частью), российский капитал при всемерной поддержке политического режима практически полностью их пока подавляет, надолго ли – зависит от самих пролетариев.

Период 2008/09-2012 гг. «Кризис капиталистической экономики». Здесь бросается в глаза чрезвычайно быстрый рост вывоза капитала из страны – парадоксально, превышение ввоза над вывозом в 2007 г. сменилось гораздо более значительным превышением вывоза над ввозом в 2008 г. По этой причине начальную границу периода целесообразно перенести с 2008 г. на 2007 г.

Но отмеченный вывоз капитала не является попыткой российского капитала завоевать новые рынки для себя и получить дополнительную прибыль за границей (как об этом пишут Маркс и Гильфердинг), это вывод иностранным капиталом (даже если формально капитал выведен российским собственником) своих активов на фоне наметившейся нестабильности мировой экономики. Международный олигархический капитал спасает себя, в том числе и за счёт российских олигархов, что же говорить о народе России.

Фролов отмечает, что «доля государственной собственности в основных

фондах резко сократилась сразу на четверть – с 24% в 2008 году до 18% в 2012 году. Общая картина получается такая: государство бежит из экономики, оставляя собственность частному капиталу, а капитал – бежит из России. Налицо обострение противоречий капитализма».

Общая картина получается совершенно иная: режим (а не государство, как у Фролова) под давлением международного капитала за бесценок распродаёт остаток государственной собственности (неважно, если формально эту собственность приобретают российские собственники, они при всём желании не могут действовать на мировом рынке самостоятельно), а капитал (международный капитал) стремительно вывозит из страны всё, что только может вывезти. Разумеется, что обострение противоречий капитализма налицо, но главное не констатация этого факта, а умение и желание воспользоваться ростом противоречий в интересах народа России.

Подводя итог своим рассуждениям Фролов вновь говорит о наступлении периода «правильного» функционирования российского капитала и перехода к «правильному» извлечению прибавочной стоимости. Но цифры, им приводимые, свидетельствуют об обратном. Если в действительности дело обстоит так благолепно, как это видится Фролову, то и следствием «правильных» капиталистических отношений должно быть такое же «правильное» соотношение потребления квинтилей, как в развитых капиталистических странах и такое же «правильное» положение рабочего класса. Однако, в России, как он сам же отмечает, происходит обеднение бедных и обогащение богатых. О полностью зависимом от капитала положении пролетариев можно прочитать по приведеным выше ссылкам. Соотношение квинтилей в России как в колониях, развивается не столько «правильный» капитализм, сколько неправильное натуральное хозяйство, обеспечивающее элементарное выживание людей. Это ещё одно косвенное подтверждение подчинённого положения российского капитала.

Завершая статью Фролов говорит - «Развитие капитализма есть не что иное, как процесс углубления и обострения его противоречий».

Эта абстракция, взятая сама по себе, ни о чём не говорит и ничего не объясняет. Развитие капитализма далеко не в последнюю очередь есть процесс интенсивного развития производительных сил. Именно развивающееся материальное производство как общественное производство при частном присвоении результатов этого производства постоянно воспроизводят противоречия капитализма. Вне *развивающегося* материального производства *обострение* противоречий останется только на газетной бумаге.

«Противоречие, выраженное в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил…

Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе мирового рынка, то он в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему

общественными отношениями производства». Это снова Маркс.

Но где же это развитие производительных сил в современной России? (Рост ВВП это ещё не рост производительных сил. Стоит цене на углеводороды чуть-чуть упасть, как пресловутый ВВП рухнет весьма значительно). Можно, конечно, сказать, что обострение противоречий в стране растёт на фоне стагнации (вернее, деградации) производительных сил. Но этим будет описана совершенно другая реальность, а именно загнивание капитализма, но никак не рост его, как это представляет Фролов.

Так что «свет в конце тоннеля», который видится Фролову, это совсем не тот свет, который светит на самом деле.

На основании изложенного можно сделать некоторые выводы.

Т.н. первоначального накопления капитала в России не было. Была совершена преступная экспроприация общенародной собственности и самого народа в интересах небольшой кучки власть предержащих. Условия для осуществления этой преступной акции стали возможны вследствие обострения внутренних общественных противоречий в СССР.

Доморощенный крупный капитал априори был объективно лишён всяких альтернатив – он может существовать только как агент и вассал международного олигархического капитала.

По этой причине политический режим, де-юре действуя в интересах крупного российского капитала, де-факто действует в интересах международного капитала.

Все процессы, происходящие в России, в т.ч. и т.н. «развитие» российского капитала, следует рассматривать как процессы, происходящие в стране, экономика которой полностью зависима от международного капитала.

Учитывая зависимое положение российского капитала часто говорят о его т.н. периферийности. Но такое определение совершенно не соответствует действительному его положению. Периферийным можно назвать капитал таких стран, как, например, Индия, Бразилия и Китай (в некоторой степени даже Япония). Его корни в национальном капитале, который в тяжёлой конкурентной борьбе завоевал своё место в международном разделении труда и, соответственно, в разделении прибылей. Крупный капитал этих стран заинтересован в *собственном* развитии и потому без сопротивления не сдаст своих позиций.

Российский же олигархический капитал генетически есть капитал воровской, он появился как следствие разового грабежа народа и страны в целом и эта его особенность никогда не выветрится из памяти ни его обладателей, ни, тем более, самого народа. Этот капитал самим своим возникновением вынужден к лакейскому положению в отношении международного капитала, без хозяйской руки которого он бы не выжил. И это ему периодически напоминают разными способами. (Можно не сомневаться, что некто Прохоров до сих пор бы протирал штаны во французской тюрьме, не прими он некоего интересного предложения, от которого не мог отказаться. Смешно говорить, что он был арестован французами за проделки с девицами определённого сорта. Дамы эти занимались законной лицензированной деятельностью и любые отношения с ними, это отношения

хозяйствующих субъектов – святое для Запада дело. И забавность ситуации, в которой за такой пустяк арестовывают держателя крупных российских активов, говорит о серьёзности вопросов, решаемых западной стороной. В форме водевиля прошла какая-то очень крупная сделка по имуществу, у нас украденному). Российский крупный капитал не периферийный, а агентурный, вассальный.

Любой лозунг о приоритете для «отечественного производителя» в противовес иностранному есть ложный лозунг, как не отражающий сути происходящих процессов.

Есть производители и производители. Есть крупный капитал, полностью зависящий от международного капитала и являющийся его агентом в России, и есть средний и малый бизнес, пытающиеся выжить под давлением крупного капитала.

Крупный капитал не выполняет функции развития производительных сил и объективно этого делать не будет вследствие своего подчинённого положения. Его главное предназначение, определённое ему международным капиталом, создание и поддержание условий повышенной эксплуатации российской рабочей силы и стабильная поставка природных ресурсов на международный рынок, в чём его усиленно поддерживает политический режим.

Значительная часть среднего и, тем более, малый бизнес самим своим положением ориентированы на внутренний рынок, иного для них просто не может быть (за редчайшими исключениями, которые можно не принимать в расчёт). Они находятся под всё усиливающимся давлением крупного капитала посредством перманентного увеличения цен на сырьё и энергоносители и речь следует вести, скорее, об их выживании, а не о развитии. Эти части совокупного капитала антагонистичны, как ни парадоксально на первый взгляд, по отношению к крупному российскому капиталу, они как раз заинтересованы в развитии производительных сил страны и расширении т.о. внутреннего рынка.

По указанным причинам главным политическим вопросом в сложившейся ситуации является вопрос национального освобождения. По сути это может быть единственно освобождением от власти российского олигархического капитала и служащего ему политического режима. Причём отстранение от власти политического режима должно предшествовать освобождению от власти крупного капитала, что по форме может быть осуществлено как его национализация новой властью, действующей в интересах народа.

Борьба за национальное освобождение может быть успешной только под лозунгом ликвидации олигархического капитала. Политически речь может идти только о социалистических преобразованиях, поскольку демократические институты формально существуют и дело в том, чтобы *заставить* их работать фактически. Вопрос о движущих силах, попутчиках и союзниках в предстоящей борьбе следует решать исходя из сложившегося положения и расстановки сил.

Капиталистические противоречия в России обострены донельзя. Но это не противоречия *развития* капитала, а противоречия его подчинённого

положения, в соответствии с которым крупный российский капитал объективно будет действовать в интересах международного капитала, подчиняя ему собственные интересы. При этом интересы крупного капитала объективно антагонистичны интересам среднего и малого бизнеса. О положении рабочих нечего и говорить, степень эксплуатации пролетариата достигла невероятного уровня, его профессиональная деградация продолжается.

В заключение ещё раз процитируем Фролова - «Развитие капитализма есть не что иное, как процесс углубления и обострения его противоречий. Попытки же искусственно их сгладить и притупить – реакционны».

Как абстракция это утверждение верно, но отвлечённую абстракцию невозможно применить к конкретной реальности не наполняя абстракцию новыми определениями, приближающими абстракцию к конкретности жизни. А российская реальность заставляет поворачиваться абстракцию совершенно иной стороной.

О каком же развитии российского капитализма можно говорить, когда налицо деградация производительных сил, прежде всего наиболее наукоёмких, и самого народа,

Противоречия – это объективная реальность (вернее, её отражение в общественных отношениях), они возникают и развиваются по вполне объективным законам. Их нельзя «сгладить и притупить», их можно либо использовать в интересах народа, либо не использовать. Первое – прогрессивно, второе – реакционно, и некие мифические действия по сглаживанию и притуплению здесь совершенно не при чём.

Ждать же завершения «развития» российского капитализма – смерти подобно, либо он нас, либо мы его. Tertium non datur.

5.11.2013

О второй статье А.К. Фролова

(Отклик на очередную статью А. Фролова).

Уважаемый редактор!

Поначалу я не хотел облекать свои мысли по поводу статьи А. Фролова в письменную форму, его упражнения на мои убеждения ничуть не повлияли, а спорить ради спора полагаю бессмысленным, но по мере чтения во мне крепла уверенность, что ответить надо ради тех читателей, которые совершенно незнакомы с Марксом и которым цитирование Маркса создаёт впечатление его, Фролова, правоты. Именно для того, чтобы побудить этих людей попытаться думать самостоятельно, критически, вникать в сущность, а не поддаваться видимости формы, я и написал короткую заметку.

Вы, разумеется, вольны поступить как угодно с этим текстом, я не претендую на публичную сатисфакцию, но оставить последнее слово за Фроловым значит признать правильными его не соответствующие реальности мнения о сути, характере развития и перспективах российского капитализма и, более того, о соответствии этих представлений выводам Маркса. Впрочем, поскольку теоретический уровень А. Фролова стал мне

совершенно ясен, в дальнейшем я не собираюсь вступать с ним в полемику.

Аргументы, а не эмоции.

Очевидно, далеко не случайно новая статья А.К. Фролова начинается словом «эмоции», – «Эмоции и аргументы», – как нет сомнения и в том, что поводом к её написанию послужил мой отклик на одну из его статей. И убеждает в этой неслучайности то раздражение, которое А. Фролов не смог, вернее, не пожелал скрыть, уподобив меня пехотинцу на бешеной лошади, прикрывшись при этом авторитетом Энгельса (бедный Энгельс, кто только не ссылался на него, пытаясь оправдать свою неубедительность). Мне же, например, хотелось бы думать, что сам А. Фролов – гусар на арабском скакуне, поскольку к этому его обязывает положение обозревателя «Советской России», а иначе что за материалы печатает газета? Посмотрим, так ли это…

Эмоции, вызванные раздражением, плохой попутчик в столь сложном путешествии, каковым является теоретический анализ. Это отмечали ещё древние, чьё слегка перефразированное наблюдение применительно к нашему случаю прозвучит как – «Фролов, ты сердишься – значит, ты неправ» (за «ты» не извиняюсь, поскольку, как известно, из песни слова не выкинешь). Не в последнюю очередь из-за этого новая статья получилась куда более неосновательной, рыхлой и неконкретной, поскольку конкретность – это суть, а не колонки цифр, а верно понятой сущности зачастую как раз и нет в рассуждениях А. Фролова.

Вряд ли стоит подробно разбирать все арифметические упражнения автора, отметим только сущностную сторону некоторых из его пассажей.

Начну с заключительного утверждения А. Фролова, что «начиная с рубежа прошлого и нынешнего веков Россия идёт по пути капиталистического развития». Обоснованием этого вывода является мнение (именно мнение, а не доказательство) автора, что до указанного рубежа происходило т.н. накопление капитала. Весьма странно, что А. Фролов, столь охотно и пространно цитирующий Маркса, в отношении феномена первоначального накопления капитала как воды в рот набрал и сделал вид, что не заметил моей ссылки на классика в этом вопросе.

Поэтому кратко повторю – вывод Маркса говорит о том, что первоначальное накопление капитала есть *длительный исторический* период накопления и капитала (в натуральной и денежной формах), и пролетариата (лично свободных рабочих, не имеющих иной возможности получения средств к жизни, кроме найма к собственнику средств производства).

Что же было в нашей стране в начале 90-х? Современные развитые основные фонды (то, что стало основой постоянного капитала) и многочисленный грамотный высокопрофессиональный рабочий класс (то, что общечеловеки превратили в пролетариат, основу переменного капитала). Так о каком же первоначальном *накоплении* может идти речь? Здесь следует говорить не о *накоплении*, а о *перераспределении* собственности, которое по историческим меркам произошло *мгновенно*. Методы, какими это было сделано, оставим в стороне, как не относящиеся к рассматриваемому

вопросу.

Начав свой анализ с сущностно неверного утверждения, оттолкнувшись от него как от истинного, А. Фролов впоследствии просто не мог не сделать тех выводов, которые и были им опубликованы.

Вместо объяснения своей позиции, противоречащей и выводам Маркса (это ещё полбеды), и, главное, объективной реальности, автор «лёгким движением руки» вдруг переходит к английской чистке земель. Казалось бы, какое отношение зверство англичан по отношению к своим земледельцам имеет к т.н. первоначальному накоплению капитала в нашем случае, в России. Но, оказывается, что про первоначальное накопление уже забыто и речь идёт уже о причинах разрушения советской экономики.

По мысли А. Фролова причина и «чистки земель» в Англии XV–XVII веков, и разрушения советской промышленности в конце XX века одна и та же – капиталистическое производство («Нигде капиталистическое производство не расправлялось так беспощадно с традиционными … порядками, нигде оно не создавало для себя таких совершенных идеальных условий»). Иными словами, и Англия XV века, и Россия века XX фактически отождествляются.

Но ведь по утверждению того же А. Фролова никакого капиталистического производства в России в конце 90-х годов ещё не было, по его мнению не завершился процесс «первоначального капиталистического накопления» и пресловутое производство появилось только ««начиная с рубежа прошлого и нынешнего веков» (но тогда и должна была бы начаться «беспощадная расправа», не ранее).

Т.е. утверждается, по сути, что капиталистического производства вроде ещё и нет, и что оно, тем не менее, одновременно есть. Бесподобно… Мы можем только повторить вслед за Воландом «Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут».

Для чего же А. Фролову понадобилось упоминание о «чистке земель». Да только для того, чтобы тут же на голубом глазу заявить, что «капиталистическое развитие в постсоветской России начиналось буквально на выжженной земле». Но здесь возникает другой вопрос, если земля была «буквально выжжена», то откуда же тот основной капитал, который до сих пор, правда в сильно изношенном состоянии, функционирует? Его, что, создали сердобольные западные «инвесторы», привезли в своих бездонных карманах? Или всё-таки он не был «выжжен», а происходили совершенно иные, *общественные*, а не огнеопасные процессы?

Ведь совершенно ясно, что при массовой экспроприации государственной собственности и захвате её частными владельцами не могла сохраниться *единая государственная* экономика. По вполне простой причине – интересы и цели государственной экономики и частных собственников совершенно противоположны. Именно *противоречие* экономики *частных* интересов и единой государственной экономики, выстроенной под *общественный* интерес, и было в основании разрушительных процессов, уничтоживших, фактически, советскую экономику.

Но А. Фролов ничтоже сумняшеся, вслед за одним из участников

обсуждения статьи, заявляет, что советские производительные силы были «слишком развиты для частной собственности. Но... именно поэтому их уничтожение и было «накоплением» – уничтожение избыточных для капитализма, «лишних», обременительных для новоявленной буржуазии производительных сил позволяло ей в конце концов овладеть тем, что оставалось, то есть «накопить».

И это словоблудие («уничтожение было накоплением») он тут же называет диалектическим противоречием. Прошу извинить за резкость, но в отношении такого понимания диалектики вообще и диалектического противоречия в частности сказать по-иному не могу. Если А. Фролов именно так понимает сущность диалектического противоречия, то это очень прискорбно для читателей, его серьёзно воспринимающих.

Автор в попытке доказать свою правоту даже не замечает вопиющих противоречий в собственных утверждениях – ведь «новоявленная буржуазия» практически мгновенно получила в собственность советскую промышленность и прочее, зачем же ей было всё это «выжигать», а затем то, «что оставалось - накопить» и этим «овладеть»? Собственность в прекрасном состоянии досталась нашему ворью даром и её не надо было уничтожать, чтобы затем «овладеть». И частный вопрос – а если бы экспроприированные производительные силы были неразвиты они что, не были бы «лишними» и не подверглись бы разрушению и выжиганию? И никакого противоречия до сих пор, очевидно, не возникло бы? Да-с…

Нет никаких сомнений в том, что при *любом* уровне развития советской экономики производительные силы страны неизбежно деградировали бы в силу совершенно *объективного* обстоятельства – наличия, как уже говорилось, противоречия между целями производства – производство в *общественных* интересах в советской экономике и производство в *частных* интересах в капиталистической экономике. Именно при разрешении этого противоречия была разрушена целостная экономическая система (кстати, международная система), поскольку она не соответствовала не только интересам объявившихся собственников (это частность), но и интересам их западных покровителей (это главное). При сохранении общественного характера распределения советской экономики частные собственники были бы лишними, здесь не альтернатива, здесь дилемма, потому производство и было разрушено разделением его на части между новоявленными собственниками. Пример же с неким губернатором, который приводит А. Фролов, показывает в каких *формах* шла деградация производства, но *сущность* её совершенно иная, та, что описана выше.

Этот переходный период разрушения производства, основанного на общественных интересах, в угоду производству, основанному на частных интересах, полностью детерминируется действием законов капиталистического производства. Именно этот этап уже вполне *капиталистически* развивающейся экономики, основанной на частной собственности на средства производства, А. Фролов ошибочно называет периодом первоначального накопления капитала. Но сущностно это не накопление, а трансформация общественной собственности в частную и её последующее перераспределение, происходящее в сфере уже *капиталистических* производственных

отношений.

Только после более-менее полного распределения собственности могли начаться процессы согласования возникших частных интересов в экономике страны. Хотя автор называет этот новый период «капиталистическим развитием», это всего лишь другая *форма* производственных отношений при сохранении их уже ранее установленной капиталистической *сущности*.

А. Фролов, часто повторяя слова «развитие капитализма», так ни разу и не раскрыл содержание этой категории. Попробуем заполнить эту лакуну.

Совершенно очевидно, что процесс развития капитализма есть не что иное, как движение капитала в таких его формах, которые будут наилучшим образом способствовать реализации сущности капитала – производству и извлечению прибавочной стоимости в максимально возможных размерах. Действительность показывает, что на этом пути капитал сменил ряд форм – от конкуренции частных капиталов через последующее возникновение акционерных обществ и, далее, монополий, вплоть до государственно-монополистических форм и последней формы – финансового капитала. Этот процесс был следствием действия, в первую очередь, законов конкуренции, а также концентрации и централизации капитала. Эпифеноменом процесса развития капитала было развитие производительных сил общества до невероятных размеров. Подчеркну – развитие производительных сил есть побочный, хотя и чрезвычайно важный для общества, результат развития капитала, а не цель его. Цель, - и это установил ещё Маркс, - извлечение прибавочной стоимости.

В России процесс формирования капиталов прошёл практически мгновенно (не было относительно длительных последовательных этапов смены форм капитала) под сильнейшим давлением международного капитала, что полностью определило характер российского капитала и его подчинённое положение. Но этот процесс происходил в *особенной* форме, совершенно отличной от форм развития западного капитала.

Концентрация и централизация капитала в странах Запада была исторически длительным последовательным процессом смены форм капитала – от первоначально децентрализованных и деконцентрированных капиталов к современному их состоянию.

Концентрация и централизация российских капиталов шла иным путём – от предельной концентрации и централизации советской экономики к разделению её на части появившимися собственниками – к исторически мгновенной децентрализации и деконцентрации.

Совершенно естественно, что этот процесс имел следствием разрушение единого хозяйственного механизма и сильнейшую деградацию производительных сил. Дело здесь не в том, как об этом пишет А. Фролов, что советские производительные силы были «слишком развиты» для частной собственности. Уровень развития производительных сил ведущих капиталистических стран был значительно выше, чем уровень производительных сил нашей страны, однако это не заставило западных частных собственников разрушать свои производительные силы в угоду абстрактным предположениям А. Фролова.

Дело во *внутренних* конкретных факторах, определявших ход процесса возникновения российского капитала. А эта конкретность и определила (и по-другому быть не могло), что *общее* для капиталистического отношения – действие законов конкуренции и централизации и концентрации – в *конкретных* обстоятельствах российской действительности происходило в своей *особенной* форме – как разрушение производительных сил, а не их рост и развитие. Вот в чём *диалектика* действительности, а не в бездумной игре словами – «уничтожение есть накопление».

Развитие капитализма может происходить только в формах, наилучшим образом способствующих реализации сущности капитала – максимально возможному извлечению прибавочной стоимости. В России извлечение прибавочной стоимости частными собственниками стало возможным только со становлением типично капиталистических отношений, которые не могли возникнуть на базе советской экономики, для чего её и пришлось разрушить.

Я не буду анализировать цифры, приведеные А. Фроловым и невесть из каких источников им взятые, по каковой причине ни одну из них нельзя принимать на веру, тем более что лживость лакеев режима, в том числе и в области статистики, широко известна, вспомним скандал с главой Росстата. Более полезным будет обращение к некоторым сущностным характеристикам.

Автор затронул весьма интересные и спорные вопросы роста органического строения капитала и связанной с этим ростом тенденции нормы прибыли к понижению. Спорны они потому, что до сих пор нет согласия относительно тенденции нормы прибыли к постоянному понижению.

К сожалению, вместо того, чтобы признать не только важность, но и нерешённость этой проблемы, А. Фролов пытается словесным жонглированием («коварство средних цифр» и т.п.) снять её напряжённость и редуцировать серьёзнейший сущностный вопрос к его частным случаям (««средние цифры валовой добавленной стоимости охватывают весьма разные сектора экономики», «следует обратиться к анализу конкретных, более узких экономических секторов»). На этом пути решения не найти, возможно, в лучшем случае, оправдание, и то неубедительное, существующих предположений. Эмпирия только даёт материал для обобщающего научного рассуждения, но не подменяет его. Большие вопросы следует решать в общем виде, сущностно, и уже затем проверять на практике. А для этого следует не анализировать «узкие сектора», а обратиться к самим основам политэкономии и, глубже, диалектики.

Пока же отметим, что постоянной, сквозной тенденции нормы прибыли к понижению нет и быть не может. Есть циклический процесс в котором, в полном соответствии с циклическим движением капиталистического производства, норма прибыли периодически изменяет направление своего движения с повышения на понижение и наоборот. Это и демонстрирует график, приведенный А. Фроловым – норма прибыли то повышается, то понижается. Но, вопреки железным фактам, которые требуют *теоретического*, *сущностного* объяснения, А. Фролов с непостижимым упорством и вопреки всякой логике утверждает, что причиной тому «коварство средних

цифр» и это никак не способствует увеличению доверия к нему как серьёзному аналитику.

Вот этот феномен нормы прибыли и следовало бы исследовать теоретикам-марксистам, а не подгонять факты действительности под теоретически необоснованные выводы, хотя бы и Маркса. До тех же пор любой анализ, априорно принимающий тенденцию нормы прибыли к понижению, есть не более чем гадание на кофейной гуще.

За сотни лет развития капиталистического общественного отношения норма прибыли, обладай она постоянной тенденцией к понижению, давно уже пришла бы к самоликвидации, потянув за собой и капитал как таковой в целом. Но ничего подобного не наблюдается, напротив, неимоверный рост совокупного общественного богатства есть следствие накопления постоянно растущего прибавочного продукта, этого материального воплощения прибавочной стоимости, чьей превращённой формой выступает прибыль. Парадокс – прибавочный продукт и, соответственно, прибыль растёт (абсолютно, и относительно), а норма прибыли понижается. Может быть, уважаемый А. Фролов нам это объяснит с привлечением таких «фундаментальных» категорий как «коварство средних цифр»?

Впрочем, вопрос о тенденции нормы прибыли к понижению это отдельная большая тема для серьёзного разговора, которому сейчас не время, а потому вернёмся к нашим баранам.

Другой стороной упомянутого вопроса о норме прибыли является вопрос об источнике прибавочной стоимости при почти полном (а в ближайшей исторической перспективе и полном) исчезновении переменного капитала, т.е. рабочей силы, живого труда по Марксу. Уже не за горами момент, когда начнут действовать полностью автоматизированные производства (технически в некоторых отраслях они возможны уже сейчас), но ответа, кто, или что, будет создавать прибавочную стоимость, нет. Впрочем, это актуально уже сейчас в отношении высокоавтоматизированных малолюдных производств. Странная ситуация – прибавочный продукт есть, а прибавочной стоимости нет (или почти нет), не так ли? И здесь уже не отделаться ссылкой на «коварство средних цифр» и предложениями обратиться к «более узким секторам».

У Маркса ответа нет, цитатами не обойтись, здесь следует идти дальше Маркса – куда и как? Да, Маркс велик своей теорией, вскрывшей сущность капиталистического производства, но капитализм с его времён стал совсем другим. Маркс только упомянул о новой форме капитала – акционерном капитале. Но уже Р. Гильфердинг и позже Ленин отметили возникновение новых форм капитала – монополистического и, далее, финансового. Последняя форма стала доминирующей уже в середине прошлого века, но её влияние на общественные процессы в форме, адекватной «Капиталу» Маркса, не исследовано до сих пор, хотя некоторые признаки этого феномена позволяют сделать вывод, что это высшая форма развития капиталистического общественного отношения, в ней капитал адекватен самому себе, он нашёл в ней своё завершение, можно сказать, что это истина капитала. Дальше только либо абсолютная власть финансового капитала над обществом (и фактически это и есть «конец истории»), либо ликвидация

капиталистических общественных отношений как таковых, поскольку потенциала дальнейшего развития с достижением формы финансового капитала они не имеют.

Несколько слов по поводу глубины понимания А. Фроловым некоторых сторон капиталистического производства.

А. Фролов пишет - «на деле капиталы перетекают из отрасли в отрасль хаотично, что и порождает отмеченную …неравномерность и противоречивость развития».

Отнюдь, капиталы перетекают между отраслями не хаотично, как утверждает А. Фролов, а совершенно целенаправленно, что отмечал ещё Маркс, а именно в полном соответствии с законами конкуренции – из производств и отраслей с меньшей нормой прибыли в производства и отрасли, где норма прибыли выше. Это одновременно и есть механизм выравнивания норм прибыли в разных отраслях. Но именно это стремление к выравниванию и порождает последующие неравномерность (как не покажется кому-либо это парадоксальным) и, тем самым, противоречивость развития – вследствие неконтролируемого (а не хаотичного, это совсем другое) перелива капиталов вновь и вновь возникает непропорциональность развития отраслей.

Далее Фролов пишет: «норма прибыли колеблется здесь под влиянием не столько *внутренних* (здесь и далее выделено мной), сколько посторонних факторов – перепадов мировой конъюнктуры в добыче полезных ископаемых и перепадов природно-климатических условий – в сельском хозяйстве. Под влиянием этих внешних факторов величина ренты меняется довольно *хаотично*. Поэтому в таких условиях не может быть и речи о каком-то закономерном снижении и выравнивании нормы прибыли. Они происходят благодаря государственному регулированию – государство фискальными средствами изымает львиную долю природной ренты в госбюджет, становится, так сказать, «дольщиком» в процессе раздела природной ренты».

Здесь всё перемешано – конъюнктура и климат, полезные ископаемые и сельское хозяйство, хаотичность и регулирование. Попробуем разобраться.

Во-первых, конъюнктура это *внутренний* (а не посторонний) фактор для капиталистического производства, именно под влиянием конъюнктуры, как уже отмечалось, происходит перелив капиталов между производствами и отраслями и, в итоге, выравнивание получаемых прибылей и нормы прибыли. Как снова видим, здесь нет никакой *хаотичности*, наоборот всё движение капитала происходит с чёткой закономерностью, определяемой действием законов конкуренции – и это во-вторых. И, наконец, в-третьих – упомянутое государственное регулирование это как раз *внешний* для капиталистического производства фактор. Государство, действительно, изымает часть ренты (как, впрочем, и часть почему-то не упомянутой прибыли), и хотя это вмешательство частично деформирует, но отнюдь не отменяет действия законов конкуренции, под влиянием которых происходит перетекание капиталов и выравнивание прибылей.

Всё, что написано мной в предыдущем параграфе, есть у Маркса. Странно, что А. Фролов так запутался в элементарных вопросах. Беда, и

серьёзная, для газеты и её читателей, если подобные «теоретики» и «марксисты» формируют теоретические представления левой оппозиции.

И, наконец, объяснение частного вопроса о российской безработице («как же объяснить российскую безработицу около 30% и такую же потребность в реальных рабочих местах, которые сегодня заполняются армией мигрантов») поражает своим несоответствием реальности. Причём тут цитируемый Маркс и соответствие потребностей накопления капитала и роста массы рабочих и, тем более, кризисы, о которых упоминает Фролов?

В данном случае действует совершенно иной частный закон капиталистического производства – стремление к максимально возможному сокращению производственных затрат с целью повышения прибыли. Оплата труда мигрантов обходится значительно ниже, чем российских рабочих, к тому же они не могут организоваться (по понятным причинам) для противодействия собственникам и защиты своих интересов. Чистая прагматика. Есть и другая сторона этой проблемы – естественная убыль высококвалифицированной рабочей силы с советских времён, с одной стороны, и отсутствие соответственно подготовленных кадров, с другой стороны. И это тоже косвенное подтверждение *капиталистического* характера российской экономики в переходном периоде – желание собственников извлечь как можно больше прибавочной стоимости привело к экономии на вложении в переменный капитал, т.е. подготовку кадров.

И уж вовсе непонятным является упоминание о росте благосостояния рабочих и привлечение в качестве доказательства своей правоты графика движения депозитов и кредитов физических лиц. Как тут отделить счета Прохорова и иже с ним от карточки, на которую перечисляется зарплата слесаря Ивана Ивановича? С кредитами и вовсе интересно – ведь это не зарплата, которую выплачивают *собственники* средств производства своим рабочим, а временно свободные средства, выданные *банком в долг*, и который должен быть непременно *возвращён*. Так о каком росте благосостояния можно говорить без конкретных данных о доходах всех слоёв общества? Опять абстрактные рассуждения на фоне отвлечённых цифр вместо конкретного анализа.

И ещё, к слову, капитализм реагирует кризисом не на «рост благосостояния наёмных рабочих», а на совсем другие факторы, А. Фролов может найти подтверждение у столь часто им цитируемого Маркса. Пресловутый же рост благосостояния оказывается побочной жертвой кризисов, а не их источником и целью.

Напоследок несколько слов об утверждении А. Фролова о том, что «российский капитализм недолговечен в силу своего крайне быстрого развития. …И он рухнет тем скорее, чем быстрее он развивается, зреет и перезревает». Нет ничего более наивного и дезориентирующего чем данное заявление.

Российский капитал не более чем вассал крупного международного капитала, его подданный и слуга. Самостоятельного значения, несмотря на потуги и уверения власть предержащих и их холуёв в СМИ, он не имеет. О т.н. «быстром развитии» может говорить только человек, добровольно заблуждающийся, слепо уверовавший в свои некритически воспринимаемые

представления. Печальнее всего то, что выборочные цитаты из классиков создают у малознающей публики впечатление правильности его доводов.

В действительности же международный капитал, высасывая при посредстве российского капитала соки из страны и народа, будет всеми силами поддерживать своего вассала, при необходимости и прямым вторжением в страну, в этом нет никакого сомнения. Так что борьба с капиталом предстоит долгая, упорная, жестокая, на что и надо рассчитывать, а не уповать на мифическое «созревание» капитализма и его, якобы, скорое падение.

Нет, не гусар Фролов, и даже, увы, не пехотинец…

Завершу несколько изменённым обращением Катона Старшего к римским сенаторам – «А ещё я утверждаю, что капитализм должен быть уничтожен».

11.2013

Об одной незамеченной идее

(Опубликовано на сайте движения «Альтернативы»).

Проанализируем одну очень неординарную и весьма глубокую идею, имеющую, можно уверенно сказать, мировоззренческое значение.

В далёком 1928 году в Москве была издана монография «Денежная политика Советской власти (1917–1927)» автором которой являлся Леонид Наумович Юровский, в то время занимавший пост руководителя Валютного управления наркомата финансов. Несмотря на наличие в заглавии слов «денежная политика» в круг вопросов, рассмотренных Л.Н. Юровским, вошли также проблемы экономики в целом, понимаемой как система более высокого уровня, объединяющая и финансовую систему, и производство. Широта охвата автором многочисленных проблем экономики в целом, и её финансовой составляющей в частности, не только не отразилась на глубине посылок и выводов, но напротив, способствовала появлению таких обобщений, которые могли бы стать основой не только новых политэкономических теоретических разработок, но и найти широкое применение в практике социалистической экономики. Могли, но, увы, не стали и не нашли… Об одной такой идее и пойдёт речь далее.

Но прежде обозначим и кратко осветим нашу тему.

В широком смысле это 1. тема перехода от капитализма к коммунизму, в более конкретном, узком смысле – 2. сущность собственно переходного периода и даже более конкретно – 3. экономическое содержание этого периода и его политэкономическое обоснование.

Соответственно упомянутым слоям темы можно указать следующие проблемы – проблема ликвидации частной собственности на средства производства, проблема преодоления товарного характера экономики и, наконец, проблема существования (несуществования) рынка при социализме.

Если по первой проблеме в марксистской среде принципиальных

разногласий нет, то две другие до сих пор являются камнем преткновения и ареной столкновения полярных позиций. На них и остановимся.

Вначале вспомним видение движения от капитализма к коммунизму классиками.

«В обществе, основанном… на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь *как стоимость* этих продуктов[1], …теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда. Выражение «трудовой доход», …теряет таким образом всякий смысл».[2]

Итак, по Марксу, в условиях общественной собственности на средства производства стоимость как общественный феномен отсутствует и, как следствие, элиминируются отношения обмена, а индивидуальный труд «существует как составная часть совокупного труда». Суть последнего утверждения Марксом не объясняется и его можно понимать и таким образом, что коль скоро производство ведётся на общественных началах, то и потребление осуществляется общественно же, т.е. под контролем со стороны общества.

И Маркс это подтверждает: «каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам даст ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай».[3]

Каким же образом реализуется этот трудовой пай? Казалось бы, просто – работник «получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда, …и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме».[4]

По этому поводу Маркс резюмирует – «Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей».[5]

Но чем это отличается от заработной платы капиталистического

---

[1] Однако, нельзя не отметить, что Маркс противоречит сам себе, заявляя в другом месте, что «по уничтожении капиталистического способа производства, но *при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим* в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся *важнее, чем когда бы то ни было* (везде выделено нами. – А.П.)» (*Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. В 50 т. М., 1955. Т.25. Ч. 2. С. 421). Другими словами, фактор стоимости (и, соответственно, необходимость его учёта) выходит на *новый уровень*, соответствующий уже *общественно* ведущемуся производству.

[2] Там же. Т. 19. С. 18.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

производства и его пресловутого обмена по стоимостям?

Маркс отвечает – «*содержание и форма* здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но *что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой* (везде выделено нами. – А.П.)».[1]

Но и в капиталистически ведущемся производстве точно так же, как и в условиях общественного производства, «никто не может дать ничего, кроме своего труда» и «в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления», если речь идёт о работниках.

Да, *форма* отношений распределения и потребления изменилась – ранее они определялись частными собственниками средств производства, теперь эта функция осуществляется обществом. Но их *содержание* осталось прежним – это *эквивалентность* количества труда и последующих распределения и потребления. Если ранее произведённый продукт поступал в собственность капиталиста, то теперь он поступает в распоряжение общества – «если… вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного».[2]

Но это отличие только внешнее, по форме. Фактически же, повторим, их *содержание* осталось прежним – это *эквивалентность* количества труда и распределения и потребления. Однако, что это, как не отношения, определяемые *стоимостью*? Хотя Маркс отрицает существование стоимости в общественно ведущемся производстве и заменяет эту категорию категорией количества труда (очевидно, что учёту подлежит и качество труда), но по *существу* это одно и то же – «как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда».[3] Т.е., по сути, отношения распределения сохранились фактически в прежней форме – по количеству труда, по стоимости, а именно – в соответствии стоимости рабочей силы стоимости продуктов потребления. Только теперь стоимость должна быть представлена рабочим временем, а бывшие деньги – квитанциями. *Форма* изменилась, *сущность* осталась прежняя. С этим согласен и сам Маркс – «господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами» и потому «*равное право* здесь по принципу все еще является *правом буржуазным*».[4]

Далее Маркс отмечает, что «принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами

[1] Там же.
[2] Там же. С. 20.
[3] Там же. Т. 23. С. 60.
[4] Там же. Т. 19. С. 19.

существует лишь *в среднем,* а не в каждом отдельном случае».[1] Однако, непонятно, почему «принцип и практика не противоречат друг другу», лишь на том основании, что обмен эквивалентами теперь осуществляется *в каждом* акте обмена, а не в *среднем*, как прежде. Некоторое количественное изменение эквивалентности (раньше иногда – теперь всегда) никак не может повлиять на *принцип* отношений распределения и потребления, как на принцип *эквивалентности*, причём реализуемый посредством отношений *обмена*. Тем более, что и ранее, в капиталистическом производстве, имело место точное соотношение эквивалентов, хотя и случайным образом.

Что касается упомянутой Марксом практики, то эквивалентность должна соблюдаться посредством неких квитанций с указанием количества труда. Оставим в стороне тот факт, что *непосредственное* количественное и качественное определение меры труда до сих пор невозможно, предположим, что это осуществимо. Но даже в этом случае указанные квитанции по своей *сущности* выступают как 1. *мера стоимости* и 2. *средство платежа*, хотя бы только и в отношениях индивид-общество. Нетрудно увидеть, что в обществе, в котором существуют неравенство возможностей[2] и дефицит продуктов потребления, квитанции очень скоро станут выполнять функции средства платежа также и в отношениях между индивидами, как следствие они станут 3. *средством обращения* и 4. *средством накопления* – но что это как не функции *денег*, от которых желали избавиться как от наследия частной собственности на средства производства.

Резюмируем. Итак, по Марксу:

1. Сущность переходного периода состоит в ликвидации частной собственности на средства производства и, как следствие, прекращении отношений обмена.

2. Экономическое содержание переходного периода определяется необходимостью преодоления товарного характера экономики, что диктуется ликвидацией отношений обмена, отсутствием стоимости и связанной с этим ликвидацией денег. Однако, при этом сохраняется эквивалентный обмен в сфере потребления (в *особенной* форме – под полным общественным контролем, поскольку трудовые квитанции выдаются «от общества») и, соответственно, точный учёт меры труда.

Такое решение вызывает ряд вопросов.

Во-первых, почему ликвидация частной собственности на средства производства автоматически (по Марксу) ведёт к прекращению отношений обмена? Ведь *отношения обмена* детерминируются вовсе не отношениями

---

[1] Там же.

[2] «Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом. …Это *равное* право есть неравное право для неравного труда. …оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право*). (Там же).

частной собственности, а совсем иными общественными отношениями – общественным *разделением труда*, каковое необходимо сохранится и в общественно ведущемся производстве. Отношения собственности определяют отношения производства, присвоения, распределения и последующего обмена только с одной стороны, – они *персонифицируют* последние, создают *субъектов* этих отношений – но самый обмен вызван к жизни разделением труда.

Следовательно, во-вторых, сохранится необходимость обмена и в сфере *производства* и, очевидно, этот обмен может быть *только* эквивалентным, чтобы сохранялась возможность возобновления циклов воспроизводства (с необходимостью сохранения обмена в сфере *потребления* согласен сам Маркс). Т.о. обмен (подчеркнём – *эквивалентный* обмен) сохраняется в переходном периоде и в сфере производства, и в сфере потребления по совершенно *объективным* обстоятельствам, диктуемым наличными *материальными условиями производства и общественными отношениями.*

Однако, в условиях *общественно ведущегося производства* (т.е. при наличии общественной собственности на средства производства) появляется совершенно *новый общественный феномен* – возникает *сущностно новый тип отношений собственности* и, т.о., коренным образом изменяются отношения не только *производства*, но и *присвоения* и *распределения* (причём в сфере присвоения и распределения отношения собственности – с точки зрения их сущности, их внутренней интенциональности – являются главным демиургом, здесь находится основная точка приложения их общественных сил). Соответственно, в отношении сфер производства, присвоения и распределения возникает необходимость в формировании совершенно *новых общественных отношений* (и их институтов) – отношений *общественного производства, присвоения и распределения* (в отличие от существовавших до сих пор отношений *частного* производства, присвоения и распределения). Но об этом сказано вскользь, мимоходом.

В-третьих, эквивалентный обмен императивно требует наличия всеобщего эквивалента обмена, учитывающего трудоёмкость объектов обмена, каковым исторически стала *стоимость*. Следовательно, эта экономическая категория сохранит своё значение и в условиях общественно ведущегося производства.

Итак, всё вместе свидетельствует в пользу того, что отношения *обмена* и сопутствующее им *товарное* производство *объективно* сохранятся и при общественно ведущемся производстве – в условиях *общественной* собственности. По крайней мере, до определённого уровня развития всего комплекса отношений производства, распределения и потребления. Какого уровня – это предмет для анализа.

Концепция Маркса, как видим, содержит внутреннее противоречие, но это не диалектическое, а формальное, причинно-следственное противоречие. По Марксу стоимость в условиях общественного производства исчезает, однако необходимость учёта рабочего времени, которое является «веществом» стоимости, её субстанцией, остаётся. Но и то, и другое есть разная *форма* выражения одной *сути*. Далее, обмен отрицается, но необходимость распределения и потребления в соответствии с неким эквивалентом

остаётся. Но это также есть разная *форма* выражения одной *сути*. Другими словами, некие общественные отношения по форме признаются, а по существу отрицаются – но это есть антиномия, которая теоретически так и не разрешена.

Теперь обратимся к Ленину и его вкладу в развитие *теории* и *практики* (эта расстановка акцентов очень важна) рассматриваемых проблем.

Маркс не конкретизирует вопрос о *субъекте* прав собственности на средства производства в послекапиталистическом обществе, ограничиваясь указанием на абстракцию общества либо на ещё большую абстракцию «ассоциации индивидов». Как теоретик, действующий практически, Ленин развил абстрактное понятие об обществе как некоем аморфном владельце средств производства до понятия *государства как объективного реального конкретного субъекта прав собственности*, причём обосновывая этот вывод необходимостью выполнения государством и экономических, и правовых функций: «в первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может ещё быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. …Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство,* ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать к* соблюдению норм права. Выходит, что не только при коммунизме остаётся в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство — без буржуазии»;[1] поскольку «других норм, кроме “буржуазного права”, нет», то «постольку остаётся ещё необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта».[2]

Т.е. государство как *субъект* права собственности на средства производства обязано 1. активно осуществлять это право и, следовательно, реализовывать необходимые меры в отношении 2. организации производства и 3. распределения его продуктов. В этом пункте Ленин пошёл дальше Маркса – инициатором формирования новых общественных отношений производства, распределения и нормирования потребления становится *конкретный субъект* – государство и, соответственно, его институты. Т.о. в переходном периоде от капитализма к коммунизму *значение государства как активно действующего субъекта существенно возрастает по совершенно объективным причинам* и это есть потенциально опасный источник «огосударствления» общества, подчинения общества бюрократическим государственным институтам (что, кстати, и произошло в СССР).

Но теперь возникают вопросы – «как практически осуществить переход от старого, привычного и всем знакомого капитализма к новому, ещё не родившемуся, не имеющему устойчивой базы, социализму — вот самая трудная задача. Этот переход займёт много лет в лучшем случае. Внутри этого периода наша политика распадается на ряд ещё более мелких переходов. И вся трудность задачи, которая ложится на нас, вся трудность

[1] *Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967. Т. 33. С. 99.
[2] Там же. С. 95.

политики и все искусство политики состоит в том, чтобы учесть своеобразные задачи каждого такого перехода».[1]

В этой фразе Ленина важны все учтённые им моменты – необходимость реализации *теоретических* выводов в *практических* мероприятиях; *длительность* переходного периода; и потому *поэтапное* проведение перехода; учёт своеобразия *каждого* этапа. В этих выводах нет ничего экстраординарного, но как же трудно оказалось им следовать.

Практические меры, предлагаемые Лениным и *следовавшие из теоретических постулатов* марксизма, предусматривали на начальном этапе переходного периода жёсткий контроль со стороны и государства, и общества (вернее, его трудящейся части) и над трудом, и над распределением и потреблением: «социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества *и со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления»[2]; «общественный труд при строжайшем учете, контроле и надзоре со стороны организованного авангарда, передовой части трудящихся; причём должны определяться и мера труда и его вознаграждение»[3]; «учёт и контроль — вот *главное,* что требуется для “налажения”, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооружённые рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного “синдиката”»[4]; «если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться»[5].

Как видим, Ленин, определив государство как субъекта прав собственности на средства производства, не считает его *исключительным* институтом осуществления этих прав. Понимая опасность подчинения («поглощения») государством общества, он не столько дополняет, сколько *противопоставляет государству* (а по сути, административному, бюрократическому слою управления) *общественный институт* в форме организованных трудящихся как *императивное* условие переходного периода. Другими словами – органы государственного управления должны находиться под постоянным контролем со стороны общества, жёсткая иерархическая структура государства должна контролироваться демократическим обществом (более того, в ленинских предложениях можно усмотреть намёк на инициирование процесса *вытеснения* государства и постепенного *срастания* государства и общества и последующую замену государства общественными институтами).

Но, т.о., возникают два *несовместимых* субъекта прав собственности, присвоения и распределения – вне- и над-общественный (административный, бюрократический) и общественный (гражданский) – и тем самым создаётся конфликтная ситуация, которая может разрешиться двояко: либо

[1] Там же, Т. 40. С. 104.
[2] Там же. Т. 33. С. 97.
[3] Там же. Т. 40. С. 34.
[4] Там же. Т. 33. С. 101.
[5] Там же. С. 100.

общество постепенно поглотит («растворит») государство – именно так и предполагали теоретические выводы марксизма; либо государство полностью подчинит общество – что и произошло на практике. Несмотря на всю свою важность, в теоретических положениях марксизма (тем более на практике) проблема общественного самоуправления (т.е., по сути, проблема формирования *нового субъекта новых отношений собственности – общественных отношений*) так и не была разрешена в течение всего периода существования советского общества, хуже того, после Ленина в качестве *необходимого практического действия* всерьёз и не ставилась.

(Тем не менее, следует особо подчеркнуть стремление Ленина привлечь к участию в контроле за государственным аппаратом общество в лице передового слоя трудящихся. Собственно, это и было попыткой создания *новых общественных отношений*, *нового общественного субъекта* и *новых общественных институтов* в сфере осуществления прав собственности, производства, присвоения и распределения общественного продукта, что не только *возможно*, но и *необходимо* в новых общественных условиях перехода к *новой общественной формации*. Это стало бы *действительным коммунистическим* действием. И это положение есть второе дополнение Ленина к теоретическим выводам Маркса).

В итоге, по мнению Ленина, «все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы».[1]

Многие приверженцы марксизма приводят эту фразу как доказательство того, что в экономическом плане социалистическое хозяйство в целом (общее) должно функционировать как отдельное производство (единичное) – т.е. без внутренних отношений товарно-стоимостного обмена. Нет ничего более неверного. Диалектическое саморазвитие реальности предполагает, что более высокий уровень развития *снимает* в себе предшествующий уровень, т.е. одновременно и отменяет его, и сохраняет. Сказанное означает, что на более высоком уровне сущностные черты предшествующего уровня сохраняются, но в новой, отличной от прежней, форме – если вспомнить Гегеля, то сохраняются как «видимость», а не реальность. Тем самым более высокий уровень обретает *новые* качества, не имевшиеся в исходном уровне, наполняется *новым* содержанием и обретает *новые* сущностные характеристики.

Применительно к экономике это означает, что на уровне экономики как *общего* возникают такие условия и формы взаимодействия её объектов и субъектов, которых нет на более низком уровне – уровне *особенного* и *единичного*, уровне отраслей и предприятий.[2] А потому «всё общество» никак не может стать «одной фабрикой», состоящей из множества отдельных «фабрик». Но этого диалектического момента никак не учитывают те «марксисты», которые бездумно цитируют Ленина и до сих пор полагают, что такая сложнейшая система как экономика в целом может действовать

[1] Там же. С. 101.

[2] В современной науке этот феномен называется эмерджентностью – наличием у системы свойств, отсутствующих у составляющих её элементов и не выводимых из свойств этих элементов.

по принципам и правилам отдельного предприятия.

В отличие от подобных «марксистов» сам Ленин недвусмысленно заявляет - «эта “фабричная” дисциплина, …никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*»[1] – т.е. преходящим этапом, моментом движения в целом, что необходимо предполагает его последующее *снятие*. Фраза Ленина об «одной фабрике» означает, и это следует из контекста, что речь идёт о повсеместном учёте и контроле за производством и распределением со стороны трудящихся, но никак не о распространении методов ведения хозяйства на отдельном предприятии на экономику в целом.

Подведём промежуточный итог *теоретическим* выводам Ленина (о его *практических* действиях речь пойдёт позже).

Начальный этап переходного периода от экономики частной собственности на средства производства к экономике, ведущейся на основе общественной собственности им видится как 1. этап жёсткого контроля за производством, распределением и потреблением. И контроль этот должен осуществляться одновременно и 2. государственными, и 3. общественными институтами. Т.о. существо переходного периода состоит в применении не-экономических и вне-экономических, т.е. волевых, административных, а не экономических мер. Использование собственно *экономических* институтов и инструментов не предусматривалось.

Однако, и это следует особо подчеркнуть, взгляды Ленина, представленные выше, были характерны *до* периода взятия власти большевиками (и ещё некоторое время после взятия), т.е. *до* момента, когда им пришлось *непосредственно* столкнуться с экономической реальностью, с практикой, которая опровергла многие умозрительные представления и заставила считаться с законами собственно экономики.

И началась эта практика немедленно со взятием власти большевиками, которые и попытались реализовать теоретические положения, о которых речь шла выше, в практических действиях в течение периода, получившего название «военного коммунизма» (1917-1920 гг.).

Исследуя этот период, разные авторы по-разному расставляют акценты, говоря об истоках и причинах названного исторического явления – одни ставят акцент на исторически сложившиеся *объективные* обстоятельства другие на идеологические, *субъективные*, установки большевиков. В действительности же имело место теснейшее переплетение и *кумулятивное* влияние друг на друга и объективных, и субъективных факторов. Послушаем, что говорит человек, видевший и исследовавший эти процессы изнутри, и делающий свои выводы не только с точки зрения потребностей момента, но и понимавший и политэкономическую составляющую, и историческую (более того – философскую) сущность происходящих процессов.

«Было бы заблуждением видеть в этой системе только пролетарский аспект военно-государственной организации хозяйства… Так называемый "военный коммунизм" имел и иные, очень глубокие истоки. Существеннейшие нити идеологических влияний тянутся, как известно, на Запад.

[1] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 33. С. 101.

Другие нити тянутся в глубь нашей собственной истории, и им несомненно принадлежало очень важное значение».[1]

«Стремление этой фазы революции национализировать все предприятия, уничтожить всякую частную собственность на орудия производства и даже на предметы потребления, некоторые ее тенденции в области политики распределения и т. д. не могут быть поняты без учёта того обстоятельства, что *усилившаяся во время мировой войны напряжённость классовых противоречий дошла во время гражданской войны до величайшего ожесточения*.

При наличии таких предпосылок нельзя было ожидать, что новая революционно-социалистическая власть захочет и сможет поставить только вопрос о мерах к постепенной социализации. *Все толкало на путь радикальных решений и вело к коренному социальному переустройству* (везде выделено нами. – А.П.)».[2]

Л.Н. Юровский не углублялся в историческую ретроспективу и межклассовые отношения, поскольку это не входило в задачи его исследования. Не будем делать этого и мы, достаточно указания на историческую подоплёку, глубину и неоднозначность процессов, приведших к политике «военного коммунизма», перейдём к сути интересующих нас вопросов.

Как отмечает Л.Н. Юровский, «к осени 1917 г. в народном хозяйстве России имелось уже множество элементов, разрушавших систему товарно-денежного хозяйства и тем самым побуждавших строить и усложнять систему государственного регулирования… *То, что происходило в годы войны и в месяцы Временного правительства в области регулирования народного хозяйства, ...составляло первые звенья закономерного ряда*. И этот ряд не был пересечён в эпоху военного коммунизма никакой другой линией, ибо хозяйственная и политическая обстановка укрепляла значение мероприятий по переустройству всей экономической системы. …*Товарный рынок, денежный рынок и денежная система были глубоко деформированы к концу 1917 г.* (выше выделено нами. – А.П.), …события 1917 — 1918 гг. продолжали разрушать их и …в таких условиях трудно было проводить план строительства социализма на основе *товарного производства и денежного обмена*».[3]

Другими словами, вся предшествовавшая взятию власти большевиками историческая обстановка *императивно* заставляла продолжать ранее начатое движение – *усиление государственного контроля за всеми аспектами экономики* – на которое наложилось стремление (поистине большевистское) новой власти воплотить свои теоретические установки.

А потому «при деформации рынка, при разложении предприятий, при быстром обесценении денег… линия на систему военного коммунизма представлялась даже линией наименьшего сопротивления. И наконец гражданская война… делала движение в сторону военного коммунизма все

[1] *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917- 1927). — М.: Начала-Пресс, 1996. С. 64.

[2] Там же. С. 66.

[3] Там же.

более неизбежным, а движение в иную сторону… все менее возможным. …*Все вместе взятое* создало ту хозяйственную систему, которая существовала в течение 1918 — 1920 гг. Эта система не была продуктом одних военных условий и иных стихийно действовавших сил. Она была также продуктом определенной идеологии, реализацией социально-политического замысла, построившего хозяйственную жизнь страны на совершенно новых началах».[1]

Казалось бы, сама жизнь шла навстречу настроениям большевиков в их стремлении воплотить на практике теоретические положения, согласно которым можно от капиталистических отношений *непосредственно* перейти к отношениям, полностью определяемым государственной (но под контролем общества) формой собственности, отношениям бестоварным и безденежным.

В результате деятельности новой власти сформировалась политико-хозяйственная система, называемая «военным коммунизмом», основные принципы которой формулируются Л.Н. Юровским (кстати, задолго до последующих систематизаций другими исследователями) следующим образом:

- принадлежность всех средств производства государству;
- овладение всей рабочей силой посредством привлечения населения к трудовой повинности;
- производство всего необходимого государству на своих предприятиях;
- централизованное управление всем хозяйством по единому плану;
- государственное распределение всего произведённого – и средств производства, и предметов потребления;
- осуществление распределения в форме т.н. «пайка» - не столько необходимого, сколько возможного по тем обстоятельствам количества жизненных средств.

Не все из перечисленных принципов были, по мнению Л.Н. Юровского, проведены полностью и до конца. Так, огосударствление средств производства и овладение рабочей силой проводились наиболее энергично и решительно. Что касается централизованного управления по единому плану, то хотя сама централизация осуществлялась гораздо более решительно, чем ранее, но полная, а, главное, соответствующая реальности плановость так и не была достигнута.

Но действительность весьма жёстко расставила всё по своим местам.

Несмотря на решительность проводимых мер «за пределами государственного хозяйства сохранялся разорванный на мельчайшие части и дезорганизованный нелегальный рынок, с которым соприкасались и государственные предприятия. Этот рынок играл еще крупную роль для населения».[2]

В государственном же секторе «реализация на деньги продуктов производства государственных предприятий и их услуг и …сырья … постепенно

[1] Там же. С. 67.
[2] Там же. С. 77.

теряла всякий смысл.[1] Она противоречила основным принципам нового хозяйственного строя и утрачивала свое практическое значение».[2] Но чем больше государственные органы «проникались идеей о необходимости построения и проведения единого хозяйственного плана и создания системы полного учета всех запасов и всех вновь производившихся благ, тем больше практические затруднения, стоявшие на пути к осуществлению этой идеи, оказывались непреодолимыми».[3]

Л.Н. Юровский выделяет три проблемы, возникшие в связи с попыткой упразднения денег и переходом к прямому продуктообмену, вследствие чего распределение регулировалось бы не спросом и предложением, а плановым порядком.

Первая проблема касалась *метода распределения* и она была решена так, что распределение осуществлялось по нормам («пайкам»), которые определялись не потребностями потребителей (предприятий и населения), а возможностями плановых органов, т.е. фактическим наличием ресурсов.

Вторая проблема заключалась в поиске *метода учёта* наличных ресурсов. Предполагалось решить эту задачу переходом к натуральному учёту.

Третья проблема состояла в необходимости найти замену *стоимостного измерения* результатов производственной деятельности другим принципом, который позволил бы адекватно оценивать хозяйственную деятельность предприятий.

Нетрудно видеть, что вторая и третья проблемы тесно соприкасаются, взаимозависимы и что они обе определяют, по сути, решение первой проблемы.

По свидетельству Л.Н. Юровского в академических и ведомственных кругах весьма активно шёл поиск методов хозяйствования в условиях ликвидации рынка и денежного обращения. И хотя было выдвинуто несколько концепций разного уровня соответствия реальности, приемлемого для практики решения найдено не было. Стало ясно, что «самая структура военно-коммунистической системы хозяйства задерживает восстановление производительных сил, и вопрос об изменении всей хозяйственной организации не мог не быть поставлен вслед за окончанием гражданской войны».[4]

В огосударствлении экономики и попытке замены экономических методов ведения хозяйства прямым продуктообменом, тотальными плановостью и контролем, как признал Ленин, «мы зашли дальше, чем это теоретически и практически было необходимо».[5] В этой фразе знаменательно косвенное указание на теоретическую непрояснённость рассматриваемых

[1] Это подчёркивается и другими исследователями: «Упало значение денег как орудия учета и контроля; резко сузилась сфера использования денег как средства обращения и платежного средства; деньги почти полностью утратили свое значение как форма накоплений и сбережений. В результате резко сократилась сфера функционирования финансов» (*Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917-1950 гг.). — М.: Наука, 1978. С. 70).

[2] *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917- 1927). С. 78.

[3] Там же. С. 80.

[4] Там же. С. 131.

[5] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 43. С. 64.

проблем, что незамедлительно оказало влияние на практику. Необходимость изменения хозяйственной практики стала несомненной – был совершён переход к новому этапу, известному как «новая экономическая политика».

Основные принципы НЭПа сформировались не сразу. Ещё весной 1921 г. предполагалось, что только часть продукта крестьянских хозяйств государство будет изымать в форме налога, а оставшийся продукт будет обмениваться на продукты промышленности: «минимально необходимое (для армии и для рабочих) количество хлеба берём как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности»[1]; «продналог есть переход от военного коммунизма к правильному социалистическому продуктообмену».[2] Т.о. имелось ввиду организовать *непосредственный товарообмен* между городом и деревней.

Однако, отсутствие *эквивалентных* количеств продуктов города и деревни и несоответствие *спроса* и *предложения* между ними внесли существеннейшие коррективы в принципы хозяйственной политики.

Реальность показала, что «товарообмен мог быть лишь переходной мерой к купле-продаже. Уже на первых этапах проведения товарообмена обнаружилось, что он сильно стесняет развёртывание государственного и кооперативного товарооборота… Разрешение свободного обмена привело к развитию частной торговли… Организованный через кооперацию товарообмен вступил в борьбу с частным рынком, с куплей-продажей. В этой борьбе преимущества оказались на стороне купли-продажи».[3]

Практика опровергла теорию и уже через полгода – осенью 1921 г. – Ленин поставил вопрос совсем по-другому: «Два периода… выделяются совершенно явственно. С одной стороны, период приблизительно с начала 1918 г. до весны 1921 г. и с другой — тот период, в котором мы находимся с весны 1921 года»[4]; «верно ли, что мы весной 1921 г. говорили о товарообмене? Конечно, верно… Верно ли, что товарообмен, как система, оказался несоответствующим действительности, которая преподнесла нам вместо товарообмена денежное обращение, куплю-продажу за деньги? Это тоже несомненно…».[5]

А потому «мы от государственного капитализма переходим к государственному регулированию купли-продажи и денежного обращения»[6], «нам нужно встать на почву наличных капиталистических отношений»[7], «мы видим, что стало на очередь регулирование торговли и денежного обращения».[8]

Жёсткая императивность реальности заставила вернуться к

[1] Там же. С. 220.
[2] Там же. С. 243.
[3] *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917-1950 гг.). С. 76.
[4] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 197.
[5] Там же. С. 214.
[6] Там же. С. 207.
[7] Там же. С. 210.
[8] Там же. С. 212.

экономическим методам хозяйствования и переходу от так и не состоявшегося *непосредственного* товарообмена к *эквивалентному* товарообмену, основанному на мере *стоимости* и посредством *товарно-денежных* отношений, детерминируемых отношениями *спроса* и *предложения*.

Эти *практические* выводы есть результат осмысления действительности и последующие решения, несомненно, можно считать *теоретическим* вкладом Ленина в развитие концепции переходного периода, даже если это и не оформлено отдельными статьями.

В результате, по свидетельству Л.Н. Юровского, «в течение сравнительно короткого промежутка времени *в области государственного хозяйственного строительства совершился глубочайший перелом* (выделено нами. – А.П.)… Признание рынка изменило всю структуру государственного хозяйства. Продукты стали вновь товарами, независимо от того, кто их производил. Производство и распределение товаров стало вновь подчиняться законам обмена. Категория цены, которую в предшествующий период стремились заменить какой-либо иной категорией, опять вступила в свои права. Товарный оборот по мере его развития должен был снова сопровождаться денежным оборотом, или, другими словами, денежный оборот должен был снова сделаться коррелатом товарного оборота. Товарное хозяйство становилось денежным хозяйством»[1], «вопрос о переходе не только к товарному, но к товарно-денежному[2] хозяйству был, таким образом, решён. Денежный расчёт победил по всей линии хозяйственных отношений»[3], «период идеологии безденежного хозяйства был закончен, и с этого момента во всех резолюциях и актах как партийных, так и высших советских органов проводится все более определенно и настойчиво мысль о необходимости упорядочить систему денежного обращения. …Распространить принцип платности продуктов и услуг на все государственное хозяйство»[4].

Подведём промежуточный итог.

Попытка, основанная на абстрактных теоретических установках, перейти в условиях гражданской войны и всеобщего упадка хозяйства от капиталистических общественных отношений к социалистическим *непосредственно* – т.е. минуя ряд переходных промежуточных этапов, в ходе которых буржуазные экономические институты, основанные на частной собственности на средства производства, постепенно заменялись бы институтами социалистическими, основанными на государственной собственности – не удалась по совершенно *объективным* причинам, зависящим от законов общественного развития, в первую очередь *экономических* законов. Более того, анализ реальности показывает, что подобный непосредственный переход не удался бы и в гораздо более благоприятных условиях

---

[1] *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917- 1927). С. 132.

[2] Следует иметь ввиду, что выражение «товарно-денежные отношения» у Л.Н.Юровского по существу тождественно выражению «товарно-стоимостные отношения».

[3] Там же. С. 138.

[4] Там же. С. 140.

общественного спокойствия и целостности хозяйства, разве что период волевых решений вопреки законам экономики затянулся бы на большее время, но с тем же результатом.

В этом вопросе – вопросе *перехода* от капиталистических общественных отношений к коммунистическим – теоретическое решение, сформулированное марксизмом в самом общем, абстрактном виде, оказалось опровергнуто суровой практикой. Этот весьма убедительный критерий не подтвердил истинности положений о необходимости в переходном периоде ликвидации феномена стоимости, товарно-денежных отношений и обмена на основании спроса и предложения.

Следовательно, проблема осталась и её необходимо решать. Попробуем ответить на заданный вопрос, основываясь на выводах Л.Н. Юровского, сделанных им на основе анализа чрезвычайно противоречивых, буквально кипящих, процессов переплетения капиталистических и социалистических отношений и методов ведения хозяйства. При этом будем помнить, что Л.Н. Юровский действовал как учёный, полностью погружённый в практику – он делал свои теоретические выводы, анализируя *реальные* процессы, находясь внутри них и имея в руках богатейший статистический материал.

Основополагающим принципом, детерминирующим всю *экономическую* реальность, Л.Н. Юровский полагает принцип *равновесия*, и с этим трудно спорить. В самом широком смысле речь идёт о равновесии производства и потребления, т.е. о равновесии материальной жизни общества в целом, что позволяет достичь наибольшего эффекта в удовлетворении потребностей общества; в узком смысле – о равновесии спроса и предложения.[1]

К своим заключениям Л.Н. Юровский приходит на основании 1. непосредственного анализа тенденций советской хозяйственной системы и 2. сравнительного анализа принципов социалистического и капиталистического хозяйства. Причём каждый его вывод обосновывается обращением к реальным хозяйственным процессам и потому доказателен и убедителен.

Чтобы избежать пространного цитирования изложим выводы Л.Н. Юровского, некоторые из которых даны им в форме гипотез, в концентрированном виде:

- товарно-денежное хозяйство может существовать в различных видах;
- социалистическое хозяйство также может существовать в различных видах;
- товарно-капиталистическое хозяйство *не является последней формой товарного хозяйства*, за ней следует поставить ***товарно-***

[1] «Стремление к равновесию образует принцип всякой организации хозяйства. Это утверждение есть результат наблюдения над многообразными сменяющими друг друга хозяйственными формами… С этой точки зрения мы и подходим к описанию советской хозяйственной системы». (Там же. С. 327). При этом равновесие следует понимать не как некое статическое состояние, а как динамический процесс постоянного его нарушения и установления нового уровня (прехождение и становление – Гегель). Иная, диалектическая, сторона равновесия – пропорциональность.

социалистическую *форму хозяйства*;[1]

- товарно-социалистическое хозяйство есть *особенная форма товарно-денежного хозяйства,* поскольку равновесие в нём достигается как равновесие товарно-денежного хозяйства, но *в условиях государственной собственности на средства производства и при политической власти, действующей в интересах трудящихся классов*;

- товарно-социалистическое хозяйство есть система *планового хозяйства*, основанного на *стоимостном принципе*;

- стоимостный принцип *не вытесняется*, но его действие проявляется в *особенной форме* в условиях товарно-социалистического хозяйства; критерием хозяйственной целесообразности выступает закон стоимости и соответствующее ему ценообразование;

- для товарно-социалистической системы остаётся обязательным:

1. равновесие между спросом и предложением на рынке и соответствующее образование или установление цен;

2. соответствие цен издержкам производства;

- средства производства и предметы потребления распределяются посредством *рынка* и *механизма цен*;

- в советском хозяйстве огромную роль играют монополии и квазимонополии, которые действуют по плановым заданиям государства, но метод реализации плана есть метод товарно-денежного хозяйства, действующего посредством *рынка*. (В этом пункте, – столкновении плана и рынка, – просматривается неустранимое, казалось бы, противоречие – план предполагает отсутствие игры спроса-предложения, а рынок основан на ней. Из контекста работы Л.Н. Юровского следует, что социалистические товарно-денежные отношения реализуются в *особенной* форме – необходимость эквивалентного обмена (по стоимости) и учёта издержек производства и прибыли сохраняются, но при *государственном регулировании* этих отношений, устраняющем случайные рыночные силы).[2]

- в советской хозяйственной системе решающую роль имеет *регулирование хозяйственной жизни* – государство регламентирует всю хозяйственную жизнь, но все *планы реализуются в обстановке товарно-денежного хозяйства*; однако, регулирование осуществляется, в отличие от капиталистического хозяйства, не посредством *манипулирования прибылью* (*sic*!), а предписанием предприятиям (отраслям) осуществить те хозяйственные действия, которые предусмотрены планом и признаны государством целесообразными;

- существенной особенностью товарно-социалистической формы

---

[1] О товарно-социалистическом типе хозяйства говорили и другие учёные того времени (например: *Преображенский Е.А*. Новая экономика (теория и практика): 1922-1928 гг. - М.: Издательство Главархива Москвы, 2008), но в негативном контексте – как противостоянии социалистического и частного сектора, как необходимости подавления действия закона стоимости плановыми инструментами.

[2] «Советское государство в качестве монополиста *может*… вести политику высоких цен… То же относится *к возможной…* политике низких цен… Одного только оно не может: уйти из сферы действия "закона ценности"». (Там же. С.381).

хозяйства является *новая властная и классовая структура государства*, политика которого осуществляется *в интересах трудящихся классов*, *небывалая концентрация средств производства и вытекающая из этого плановое управление хозяйством* – и это принципиальнейшие отличия от капиталистической системы хозяйства.

Имеет смысл сделать ещё небольшую ремарку по поводу одной фразы Л.Н. Юровского, а именно, следующей – «концентрация средств производства в руках одного распределителя заставляет или позволяет проводить в качестве *внутри хозяйственных* такие операции, которые иначе проходили бы в качестве *межхозяйственных*, т. е. рыночных…».[1]

На первый взгляд данное, по сути совершенно верное, заявление свидетельствует в пользу того, что Л.Н. Юровский, отстаивающий точку зрения на социалистическое хозяйство как на *особенную* форму товарно-денежного хозяйства, тем не менее, солидарен с возможностью превращения всего хозяйственного организма страны в «одну фабрику», о чём уже упоминалось выше.

Однако, по нашему мнению, для такого поверхностного вывода нет оснований. Сам Л.Н. Юровский недвусмысленно говорит – «образуя по своей социальной структуре систему совершенно новую, советская организация хозяйства как система товарно-денежная сохраняет закономерности ценообразования в качестве основного регулирующего фактора в хозяйстве. …Ей необходимо соблюдение соответствия между денежными издержками производства и ценами, а также между денежным предложением и денежным спросом. То обстоятельство, что она есть хозяйственная система пролетарского государства, заставляет ее, а то обстоятельство, что в распоряжении государства сосредоточены основные производительные силы страны, позволяет ей ставить такие задачи, которые чужды капиталистическому обществу, и разрешать их при помощи регламентирования хозяйственной жизни гораздо более частого и глубокого, нежели происходящее где-либо в другом месте. …Но во всяком случае регламентирование это совершается в условиях товарно-денежного хозяйства и состоит из мероприятий по регулированию товарно-денежного хозяйства, а не из действий, направленных к его преодолению».[2]

Т.е. «внутрихозяйственность» состоит в том, что государство имеет возможность влиять на *все* хозяйственные отношения посредством планирования и использования в рамках плана *регулируемых товарно-денежных отношений*, а не в том, что хозяйствующие субъекты действуют как подразделения одной фабрики в условиях отсутствия товарно-денежных отношений. Тем более, что «рынок… сохраняется в качестве критерия и регулятора, пока на нем реализуются *все* предметы потребления, ибо всякий продукт в конце концов переходит в предметы потребления и ради этого производится. Не говоря уже о том, что рынок сохраняется… еще и потому, что за пределами государственного сектора остаются миллионы хозяйств и что даже устранение рыночных связей государственных предприятий

[1] Там же. С. 332.
[2] Там же. С. 335.

между собой едва ли может пойти далеко в рамках товарно-социалистического хозяйства».[1]

В свете аналитических выводов Л.Н. Юровского и современного видения процессов того времени совсем по-иному предстаёт «новая экономическая политика» – НЭП представлял собой не только переход от «штурма» к «осаде», не просто «отступление», а, по сути, гораздо более глубокое не только политэкономическое, но и философское деяние – это учёт познанной (пусть даже не полностью и не до конца, поверхностно) необходимости.

Здесь не обойтись без краткой ремарки. Речь идёт о т.н. «сталинской» индустриализации, при которой «новая экономическая политика» была свёрнута, что очень часто представляют как необоснованный волюнтаризм. Критики делают вид, что не замечают разности *целей* НЭПа и периода индустриализации. Первая цель заключалась в необходимости преодолеть разруху и восстановить полноценную хозяйственную деятельность, что и было сделано путём допущения в экономику капиталистических элементов и методов. Вторая цель состояла в необходимости за кратчайший исторический срок создать *любой ценой* современную индустриальную экономику. В этом периоде были сформированы и опробованы на практике, причём весьма успешно, новые, *социалистические* методы ведения *экономической* деятельности[2], при которых *частное подчинено целому* – план и государственное регулирование. Это и есть тот подход, который Ленин обозначил как *поэтапное* движение и учёт *своеобразия* каждого этапа. Другое дело, что и мобилизационную экономику первоначального этапа построения социалистического общества должны были сменить новые экономические подходы, соответствующие новым этапам общественного развития.

***

Основываясь на анализе Л.Н. Юровского сделаем генерализованное обобщение:

1. Следующая за товарно-капиталистической системой хозяйства есть *товарно-социалистическая* система.

2. В процессе её развития собственно экономические отношения – товарно-денежные отношения, основанные на законе стоимости – *не преодолеваются* (не вытесняются), а *развиваются в новой форме* – форме регулирования товарно-денежных отношений посредством и плана, и рынка, регулируемого социалистическим (это императив!) государством.

Эта гипотеза Л.Н. Юровского, основанная на эмпирическом наблюдении, есть *обобщение не только политэкономического, но и мировоззренческого уровня.*

Согласно ей в сфере экономики сущность переходного периода – от

---

[1] Там же. С. 385.

[2] Подчеркнём – именно *экономической* деятельности, т.е. учитывающей товарно-денежные отношения. С этой стороны убедительным свидетельством служит монография: *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917-1950 гг.). — М.: Наука, 1978.

капитализма к коммунизму – состоит в предварительном *переходе от товарно-капиталистического хозяйства к товарно-социалистическому хозяйству*.

Но далее этого вывода Л.Н. Юровский не идёт. Он не исследует процесса функционирования товарно-социалистического хозяйства и не ставит вопроса о *пределе* его развития, при котором товарно-стоимостные отношения доводятся до своего *естественного завершения* – т.е. о возможности и форме снятия товарно-денежных отношений в новых, уже собственно коммунистических, общественных отношениях – бестоварных и безденежных.

Поскольку одной догадки, основанной на эмпирическом наблюдении, явно недостаточно, то необходимо вывести следствия, исходя из *сущности* переходных процессов, их *внутренней* закономерности. Следует определить условия *снятия*, «исчезания», отношений собственности, феномена стоимости, товара, рынка.

Прежде, чем идти дальше, напомним о сущности и пределе капиталистического общественного отношения.

Капитал, пройдя в своём саморазвитии ряд форм (каждая из которых *снимает* в себе предыдущую) – частный, акционерный, монополистический – достиг, в полном соответствии со своей *внутренней* логикой, завершающей формы – финансового капитала: «…будучи снятой в своей всеобщей абстрактной форме, *в форме денег, стоимость полностью отрывается от своего материального основания*, товара и начинает вести совершенно *самостоятельное* существование в форме *финансового капитала*. И это уже *предел развития стоимостной формы* и, следовательно, *предел капитала как такового.*

Т.о., *финансовый капитал, полностью оторвавшись от материального основания в виде производственного капитала, достиг предела развития капитала как такового вообще. Финансовый капитал есть высшая форма капитала, его завершение, его понятие, его истина. Это последняя форма капитала и, следовательно, капиталистического*[1] *общественного отношения*».[2]

Поскольку феномен стоимости и стоимостные отношения (а тем самым и отношения обмена) достигли своего предела, постольку они вплотную подошли к необходимости их преодоления, снятия и, очевидно, что новый этап общественного развития – *товарно-социалистические отношения – есть этап полной подготовки этого действия*.

Т.о., *содержанием социалистического этапа действительного коммунистического движения является подготовка к полному снятию капиталистических общественных отношений путём развития их в новых, социалистических формах*.

Некоторые из этих форм указаны Л.Н. Юровским – 1. власть,

[1] Напомним: сущность капиталистического общественного отношения – производство и присвоение прибавочной стоимости.

[2] Глава 21.4.1. «О сущностной основе и диалектике капиталистического общественного отношения».

действующая в интересах трудящихся классов, государственная собственность, 2. высочайшая концентрация средств производства в руках государства, 3. планирование, приспособление (а также использование!) товарно-денежных отношений к социалистическому типу хозяйства и – это уже наш вывод – 4. доведение их до своего *предела*. Добавим к этому собственно социалистическую составляющую, на которой делал акцент Ленин – 5. участие трудящихся в контроле за производством и распределением, а в перспективе и 6. движение к полному общественному самоуправлению (снятию государства). Последнее означает, что на этапе социалистического строительства формируются *не только новые общественные отношения, но и новый человек*, без чего невозможно, собственно, движение к новому обществу.

Рассмотрим последовательно ход *развития капиталистических элементов в социалистических формах.*

Если говорить об *отношениях собственности*, то они не могут исчезнуть в одночасье с отменой *частной* собственности – отношения собственности необходимо будут сохраняться в течение довольно длительного времени в новой форме – как *государственной* собственности. Собственник должен быть конкретизирован (персонализирован) и никакого иного агента, выполняющего функцию собственника от имени *всего* общества, кроме государства поначалу быть не может.[1]

Т.о. *сущность* отношений собственности как отношений, определяющих отношения производства, присвоения и распределения не изменяется. Но существенно меняется *модус* этих отношений – государство, действуя от имени всего общества, действует в интересах общества в целом. Только на этом основании появляется возможность следовать необходимости – овладению отношениями собственности всем обществом. И это возможно только на пути истинной, а не показной, демократизации всех общественных отношений, причём демократизации по существу – сначала участия самих трудящихся в *контроле*, а затем и прямом *управлении* всеми аспектами своей жизнедеятельности.

Это положение следует пояснить более подробно.

На социалистическом этапе общественного развития *противоречие* между собственником средств производства (государством) и непосредственными производителями (трудящимися) сохраняется. Но оно меняет не только *форму* – вместо собственников капитала выступает государство, но и *сущность* – социалистическое государство действует (по крайней мере, должно действовать) в интересах трудящихся, а не класса собственников.[2]

---

[1] Мы не упоминаем частной и групповой (коллективной) форм собственности, поскольку в исследуемом периоде они будут играть подчинённую государственной собственности роль.

[2] Отметим, что, поскольку в этих условиях от имени государства права собственности осуществляет особый слой государственного управления – можно даже сказать, что это класс управления – то на протяжении всего периода нахождения этого особого класса у власти, тем более его бесконтрольности со стороны

Разрешение (снятие) противоречия возможно в момент наивысшего напряжения между его сторонами. Поскольку в нашем случае это государство и общество, то сказанное означает, что конфронтация между ними достигает высшей точки. Но такая конфронтация возможна только в том случае, если собственник (государство) пренебрегает интересами другой стороны, а это значит, что государство не контролируется обществом. При неразвитости общественных институтов, что и имело место в СССР, класс управления имеет существенное преимущество в разрешении общественного конфликта в свою пользу, что и не преминет сделать. Следовательно, этот путь развития и разрешения противоречия, определяемого отношениями собственности, чреват общественными потрясениями и не может быть признан соответствующим социалистическому пути движения общества.

Остаётся другой путь – путь *сближения* сторон противоречия вплоть до их исчезания, «растворения» друг в друге. И это возможно *единственным* способом – постановкой, вначале, класса управления под контроль со стороны трудящихся и затем, в ходе социалистического движения, всесторонним развитием общественных институтов, постепенным «врастанием» их в аппарат государственного управления и, наконец, переходом к полному общественному самоуправлению. В этом случае на завершающем этапе стороны отношений собственности (т.е. стороны противоречия) представляют, с одной стороны, трудящихся в лице общественных институтов самоуправления, осуществляющих права собственности (субъект отношений собственности), и, с другой стороны, трудящихся же как непосредственных производителей (объект отношений собственности[1]) – т.е., по сути, стороны противоречия являются одним и тем же – противоречие и, как следствие, отношения собственности, исчезают. Это и будет пределом их развития.

Как видим, на завершающем этапе демократизации общества и снятия («растворения») государства в общественных институтах отношения государственной формы собственности снимаются и предстают в новой форме – как отношения *действительно* общественной собственности[2], отождествляющие в этом отношении всех членов общества.[3] По сути это отношения, в которых сливаются общее, особенное и единичное – собственниками являются и общество в целом, и каждый коллектив, и каждый

народа, сохраняется возможность возврата к предшествующим отношениям собственности, что, к сожалению, и произошло в СССР.

[1] Объект, поскольку собственник определяет порядок использования рабочей силы.

[2] Развитие общественных форм самоуправления и снятие государства есть совершенно *необходимый* процесс переходного периода, поскольку государство как *собственник во всеобщей форме* в полном соответствии с сохраняющимися от капитализма отношениями товарно-стоимостного обмена *объективно* будет вынуждаться ими действовать как *всеобщий капиталист*, даже несмотря на декларирование своей всенародной сути. К каким последствиям это может привести можно видеть на примере СССР.

[3] По этому же пути следует направить и другие формы собственности – частно-групповую и частно-индивидуальную.

индивид. Т.о. отношения собственности превращаются в «видимость» (Гегель), это уже не правовые, а сугубо технические отношения. Но окончательное «исчезание» отношений собственности возможно только с полным выходом человека из собственно производства – только тогда будет отсутствовать даже формальное основание для их возникновения.

Вместе с отношениями собственности будут эволюционировать и *отношения распределения* (следовательно, и потребления). Декларируемое марксизмом распределение «по труду» это не благое пожелание его приверженцев, а необходимое следствие из сущности отношений собственности – продукт принадлежит собственнику средств производства. Собственник – государство, действующее от имени всего общества (или общество) – должно и распределять в соответствии с трудовым участием каждого члена общества.[1] Вместе с «исчезанием» отношений собственности «исчезнут» и отношения распределения «по труду», они будут сняты в новой форме – в распределении по потребности.[2]

Рассмотрим последнее положение более подробно. В сфере индивидуального распределения и потребления действуют два разнородных принципа. Первый принцип социалистический – распределение «по труду», а не по размеру собственности. Второй принцип капиталистический – распределение по эквивалентам стоимости (стоимость рабочей силы на стоимость предметов потребления). Оба принципа совместно и определяют в переходном периоде характер отношений обмена между собственником средств производства, государством (или обществом при «исчезании» государства) и собственниками рабочей силы.

Следовательно, речь идёт о доведении до предела указанного противоречия. Это может быть достигнуто двумя путями. Во-первых, собственник в лице государства (или общества) может до такой степени развить производительные силы в форме полной автоматизации производства, что вытеснит людей из сферы производства и, как следствие, из сферы их взаимного обмена, что *элиминирует саму возможность* отношений распределения (но не отношений потребления!).

С другой стороны, увеличившиеся производительные силы смогут произвести такое количество продуктов потребления, что полное обеспечение жизнедеятельности людей будет возможно *без эквивалентного обмена*, т.е. по потребностям. Оба пути предполагают выход человека из производства как его объекта, как технологического дополнения к орудиям труда.[3]

Для выполнения обоих условий необходимо не только высочайшее

[1] В этом распределении все равны как участники трудового процесса, но не равны по получаемому продукту – социалистическое распределение есть ещё *неравномерное* распределение - по затратам труда, а не по потребностям.

[2] При этом императивным условием является соответствие возможностей потребностям, но это другая тема.

[3] Это и есть, по сути, «уничтожение труда», о котором упоминал Маркс. Однако, только сейчас стали просматриваться контуры тех производительных сил в виде полной автоматизации производства, которые позволят человеку полностью преодолеть отчуждение от своей сущности и перейти к свободному саморазвитию и творческой деятельности во всех сферах жизни.

развитие науки, техники и технологий, но, главным образом, формирование в переходном периоде нового человека – активного человека высокой культуры, не потребителя, а созидателя, способного к творческой жизни в *новых* общественных условиях. Поскольку с полной автоматизацией производства человек выходит из него как предмет, как объект производства, как технологически необходимый элемент, то возникает возможность преодоления отчуждения человека от своей деятельности и полного её присвоения в форме свободного творческого осуществления деятельности.

Проследим эволюцию *товарно-стоимостных* (*товарно-денежных) отношений*. В условиях капиталистических общественных отношений производство ведётся ради цели собственно капитала – производства и присвоения прибавочной стоимости, прибыли.

Но прибыль не может быть целью социалистического способа производства. Цель социалистического этапа – преобразование капиталистических отношений в новые, социалистические и подготовка к возможности достижения цели всего коммунистического движения – полного освобождения человека от всех форм отчуждения.

Следовательно, на этом этапе осуществляется изменение наследуемых капиталистических форм ведения хозяйства в социалистические формы (поскольку нас интересует экономическая составляющая способа производства, то от всех иных форм общественных отношений мы абстрагируемся). Т.к. в центр всей деятельности и государства, и общества ставится человек, то прибыль как превращённая форма стоимости, доминирующая в капиталистическом способе хозяйства, не может быть определяющим фактором социалистического производства. На первый план выходит иная сторона продукта производства – *потребительная стоимость*, т.е. продукт в материальной форме. Следовательно, весь хозяйственный организм социалистического производства должен быть настроен на производство *прибавочного продукта*, а не прибавочной стоимости в её превращённой форме – прибыли. Как следствие, производительная деятельность должна быть направлена *не на увеличение прибыли* (по сути, стоимости), а *на снижение затрат* (т.е. снижение, экономию стоимости) и *увеличение производительности труда*.

Т.о. товарно-денежные отношения, сохраняющиеся в товарно-социалистическом хозяйстве, должны осуществляться в новых формах, соответствующих новым общественным отношениям (план, регулирование, производство прибавочного продукта, а не прибавочной стоимости) и развиться до своего предела, с достижением которого произойдёт их снятие, «исчезание».

В каких же формах товарно-социалистическое хозяйство должно развиваться и каков предел товарно-денежным отношениям?

Как уже говорилось, для государственной формы собственности характерны высокая монополизация и концентрация производства, что уже имманентно предполагает плановость хозяйства, но с одним существенным ограничением (мы о нём уже упоминали) – «советское государство в качестве монополиста *может*… вести политику высоких цен… То же относится *к возможной*… политике низких цен… Одного только оно не может:

уйти из сферы действия "закона ценности"».

Т.о. внутри государственного сектора действуют *монополистические принципы установления равновесия хозяйства, но это монополизм государства, действующего в интересах всего общества*. С одной стороны, обмен внутри государственного сектора осуществляется в силу разделения труда как плановый обмен (по сути, это непосредственное распределение), т.е. имеет не рыночный, не обусловленный соотношением спроса и предложения характер. Но, с другой стороны, этот плановый обмен производится с учётом произведённой стоимости, что осуществляется в товарно-денежной форме и учётом соотношения спроса-предложения – а это уже рыночный принцип. Эти противоречивые условия есть условия императивные, диктуемые необходимостью возобновления воспроизводства и установления равновесия хозяйства, что невозможно без компенсации издержек производства и фиксирования *прибыли, соответствующей произведённому прибавочному продукту*, и что должно осуществляться по какому-то единому критерию, т.е. по стоимости. Противоречие между принципом плановости и принципом спроса-предложения разрешается монополистом-государством посредством *регулирования* цен таким образом, чтобы поддерживалось *равновесие* между производством и потреблением, спросом и предложением.

Анализ показал, что внутри социалистического государственного сектора одновременно сосуществуют два антагонистичных типа хозяйства: нерыночное социалистическое плановое производство и распределение, и рыночный (по стоимости) товарно-денежный обмен и ценообразование. Но это не товарно-денежный обмен капиталистического типа, целью которого является максимизация прибыли, а товарообмен, в котором деньги являются своеобразной формой учёта производственных затрат, без чего (учёта) невозможно соблюдение равновесия экономики. Целью собственно производства является производство продукта в материальной форме (потребительной стоимости), приоритет отдаётся *прибавочному продукту*, а не прибавочной стоимости, прибыли. Тем самым товарно-социалистическое хозяйство образует *особенную* товарно-денежную форму экономики переходного типа.[1]

Как видим, *при наличии государственной власти, действующей в интересах всего общества (это критически важно), государственная собственность на средства производства и плановый характер установления равновесия хозяйства с учётом фактора стоимости и регулируемого ценообразования, ориентирующегося на соотношение спроса-предложения, представляют форму товарно-социалистического хозяйства переходного типа*.

[1] Возможен ли внутри государственного сектора рыночный обмен вне плана, определяемый только соотношением спроса и предложения? Разумеется, план не догма и для сверх- и внеплановой продукции это вполне допустимо, более того, необходимо при неразвитости плановых институтов. Но по мере обобществления хозяйства и демократизации общества («устранения» государства) это положение должно быть преодолено.

Предел этой формы достигается при: 1. снятии («исчезании») отношений собственности как таковых; 2. демократизации общества, приближении к полному общественному *самоуправлению*; 3. установлении *полной* плановости хозяйства; 4. переходе от товарно-денежного обмена к *прямому обмену* между предприятиями, что предполагает и другую форму учёта издержек производства, например, затраченным временем на производство продукции; 5. увеличении производительности и, как следствие 6. переходе от распределения «по труду» (в сфере индивидуального потребления) к распределению *по потребностям*; 7. формировании *нового человека*, соответствующего новым общественным отношениям.

***

Подведём итоги.

Итак, наличие *товарно-стоимостных* отношений при социализме детерминируется:

- разделением труда и потому относительной обособленностью отраслей и предприятий;
- как следствие, необходимостью обмена между ними;
- необходимостью поддержания равновесия между потребностями и возможностями, или, что то же, между производством и потреблением, спросом и предложением;[1]
- а потому необходимостью эквивалентного возмещения затрат с целью возобновления воспроизводства, что предполагает необходимость учёта издержек производства и, следовательно, обмен и ценообразование с учётом стоимости;
- необходимостью возмещения по стоимости рабочей силы;
- недостатком ресурсов в сфере потребления (как производственного, так и индивидуального).

Как видим, наличие разных форм собственности (государственная, коллективная, частная и т.д.) не является главной причиной сохранения товарно-стоимостных отношений в переходном периоде, это сопутствующий фактор. Даже при наличии исключительно государственной формы собственности товарно-стоимостные отношения сохраняются на весь переходный период.

Социалистический способ производства переходного периода имеет *особенные* формы:

- *в политической сфере* – власть действует от имени и в интересах всего общества (это императивное условие);
- *в социальной сфере* – осуществляется подготовка к ликвидации отношений собственности посредством постепенной полной демократизации институтов государственного управления и доведения этого процесса до возможности снятия государства и перехода к полному общественному самоуправлению;

[1] В свете *диалектики необходимости и случайности* два типа хозяйства предстают в следующем виде: *плановое* хозяйство устанавливает равновесие общего (экономики) посредством *необходимости* (плана), *рыночное* хозяйство устанавливает равновесие общего посредством *случайности* (игры спроса-предложения).

- *в экономической сфере*:

- сохраняются товарно-стоимостные отношения в *особенной форме товарно-социалистического способа производства,* при котором:

- закон стоимости действует в *относительной чистоте* на основе точного учёта затрат;

- ценообразование осуществляется по *стоимости*, но *регулируется* государством с учётом спроса-предложения;

- производство, распределение и обмен осуществляются в *плановом* порядке (разумеется, преимущественно в плановом секторе).[1]

Сделаем обобщающее заключение.

Целью социалистического этапа действительного коммунистического движения является *создание предпосылок для возможности последующего освобождения человека от всех форм отчуждения* и, прежде всего, от отчуждения его сущности как свободно действующей личности.

Сущностью переходного периода (от капиталистических к коммунистическим общественным отношениям) является *подготовка к полному снятию капиталистических экономических и иных общественных отношений* путём развития их в новых, социалистических формах.

Экономическое содержание переходного периода заключается в *развитии и доведении до своего предела товарно-стоимостных отношений* с целью их последующего снятия в бестоварных и безденежных отношениях.

Социально-политическое содержание переходного периода состоит в неуклонном развитии общественных институтов и постепенном *переходе от государственной формы управления к общественной форме самоуправления* и *формировании человека*, соответствующего новым общественным отношениям.

Т.о. товарно-социалистический способ производства жизнедеятельности есть *последний экономический*, т.е. товарно-стоимостный (товарно-денежный) способ производства, который подготавливает полное снятие («исчезание») отношений собственности и товарно-стоимостных отношений путём их развития в *социалистических* формах и доведения до своего предела – экономизм подводится к завершению экономическими же методами, действующими в новых формах.[2]

---

[1] Однако, следует иметь ввиду, что вследствие отсутствия внешнего давления (конкуренции) на производство в государственном секторе ослаблены стимулы:

- по снижению себестоимости;
- по повышению производительности труда;
- по повышению качества продукции;
- по внедрению инновационных продуктов;
- по созданию технически новых производств.

Эти негативные факторы должны быть преодолены социальными и экономическими методами, говорить о которых здесь не место.

[2] «…Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого

Можно сказать, вопреки тому, что ранее мы согласились с Л.Н. Юровским в том, что в товарно-социалистическом способе производства товарно-стоимостные отношения не преодолеваются, а развиваются в новых, социалистических формах, что они всё-таки, в конце концов, *преодолеваются, но особенным образом* – путём доведения их до завершения, до предела, за которым неизбежно их снятие, преодоление. А потому товарно-социалистический способ производства есть принципиально новый вид жизнедеятельности – не только *направляемый* к определённой цели, но и *управляемый*, проводимый по определённому плану и поэтапно.

***

В советское время взгляды Л.Н. Юровского в той или иной мере разделялись и поддерживались многими учёными, работавшими над политэкономическими проблемами, хотя, что удивительно, и без упоминания его имени. Весьма интересны, например, дискуссии, развернувшиеся в ходе научного совещания по вопросу о законе стоимости и его использовании в народном хозяйстве СССР, проведённого в мае 1957 г. Институтом экономики АН СССР.[1]

Однако, что характерно, несмотря на то, что большинство выступавших соглашались с тем, что товарно-стоимостные отношения сохраняются на социалистическом этапе движения, никто из них не поставил вопроса о необходимости выделения этого этапа как *особенного* этапа действительного коммунистического движения, в котором указанные отношения должны быть *сознательно доведены до естественного предела* и, соответственно, последующего преодоления. Не ставился так вопрос и впоследствии – дело ограничивалось только констатацией наличия товарно-стоимостных отношений и необходимости их использования, но не более того.

Можно, впрочем, указать на одно исключение (речь идёт о материалах совещания). Так, Я.А. Кронрод полагал, что поскольку «товарное производство *имманентно* (выделено нами. – А.П.) социалистическим производственным отношениям»[2], то «о нём и следует говорить не просто как об исторически особенном типе товарного производства, но и как товарном производстве *особого рода*».[3]

Однако, особенность товарно-социалистического производства, по Кронроду, состояла только в том, что «оно базируется на общественной социалистической собственности» [4], а не в том, что этот этап общественного развития есть этап использования капиталистических методов в социалистических формах с целью доведения товарно-стоимостных отношений до их естественного предела. Да и пресловутая товарная «имманентность», которую увидел Кронрод, социалистическому этапу как раз не имманентна, а, напротив, есть отношение, унаследованное от капитализма и

общества». (*Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. Т. 13. С. 7).

[1] Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР. Под ред. Я.А. Кронрода. – М., 1959.

[2] Там же. С. 142.

[3] Там же. С. 148.

[4] Там же.

развиваемое на социалистическом этапе до предела и преодолеваемое именно таким образом.

Кстати, Кронрод также говорит и о возможности ликвидации товарных отношений – «поскольку в процессе социалистического воспроизводства складываются предпосылки для перехода от первой — низшей фазы коммунизма ко второй — высшей его фазе, постольку и товарное производство, как элемент социалистического воспроизводства, содействует этому процессу. Таким образом, функционируя и развиваясь в условиях социализма, товарное производство подготавливает условия для своей собственной ликвидации».[1] Но почему и каким образом товарное производство содействует социалистическому развитию, что за предпосылки создаются, как и из чего они возникают и, главное, каким образом и на каком основании товарное производство подготавливает условия своей ликвидации не сказано ни слова – вместо логического анализа голословное заявление, сделанное, скорее всего, из сугубо идеологических соображений.

К необходимости использования товарно-стоимостных отношений на социалистическом этапе движения склонялся даже такой противник капиталистических форм, как Э.В. Ильенков. В письмах к Ю.А. Жданову[2] он, не углубляясь в анализ соотношения социалистических и рыночных отношений, писал: «…во всем этом движении (имеются ввиду дискуссии по поводу обобществления. Прим. наше. – А.П.) мало ясного теоретического понимания и слишком много фразы, много демагогии…

…Иного противовеса формализму, возомнившему себя раньше времени “реальностью”, кроме открытого признания прав товарно-денежных отношений, нет»; «…труд стал “всеобщим” лишь “отчасти”, лишь частью. В какой реальной мере и степени? Тут-то и весь вопрос. Эту меру и надо определить, чтобы не превышать, чтобы ни пытаться командовать тем, что этому командованию не поддаётся по сути дела, чтобы ясно очертить правомочия. А с тем, что лежит за пределами этой “меры” — играть честно, по строго установленным правилам, не меняя их к своей выгоде, как заблагорассудится.

…Вот в этих-то и этих-то пределах, чётко очерченных, “частичный труд” - полный хозяин… И в этих пределах, — то есть на рынке, — пусть господствуют законы рынка. Со всеми их минусами. Ибо без этих минусов не будет и плюсов».

Нет, Э.В. Ильенков не был сторонником капиталистических, рыночных методов, но он прекрасно видел, что волюнтаристским наскоком к бестоварному хозяйству непосредственно не перейти и прежде необходимо достичь «теоретического понимания» социалистической практики – только в их тождестве залог успеха.

***

С учётом вышеизложенного сравним два периода советской экономики

---

[1] Там же. С. 158.

[2] *Жданов Ю.А*. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 390-391.

– т.н. «сталинский» период и период реформ 1965-1969 гг.[1] Нас интересуют не конкретные цифры, а политэкономические факторы, фундаментальные основания, влияющие и на развитие производительных сил, и на формирование производственных отношений.

Все исследования касаются, главным образом, конкретных отраслей и содержат много цифровых данных, информационных самих по себе, но малопригодных для наших целей.[2] Тем не менее, на основании разрозненных и нередко компилятивных источников можно сделать обобщающие выводы.

Экономика сталинского периода – это экономика, нацеленная на производство продукта в *натуральной* форме, т.е. потребительной стоимости. И не просто на производство, а на постоянное увеличение *прибавочного продукта*. В экономике этого типа прибыль рассматривалась как дополнительный фактор роста производства, а не в качестве главного показателя экономической деятельности. Увеличение производства прибавочного продукта происходило, главным образом, за счёт снижения себестоимости продукции и роста производительности труда – именно за счёт этих факторов осуществлялось материальное стимулирование.[3] Постоянно усиливалось значение и другого, уже сугубо *социалистического* принципа – рост *личного* потребления за счёт *общественных фондов* потребления.

Самое интересное, что при почти полном отсутствии на начальном этапе социалистических преобразований теоретических политэкономических обоснований[4], и даже вопреки отвлечённым идеологическим

[1] Т.н. «косыгинских» реформ – по имени тогдашнего Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина.

[2] Можно, пожалуй, назвать издание «Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.). — Москва : КНОРУС, 2017». Но, написанная многими авторами, имеющими иногда значительно различающиеся взгляды на содержание и результаты реформы 1965-1969 гг., она несёт на себе печать внутренних противоречий и нестыковок выводов. Последнее положительно как показатель разных научных подходов для объяснения сложных неоднозначных экономических процессов, но, по этой же причине, не позволяет принять выводы за истину в последней инстанции.

3 Экономика сталинского периода характеризовалась следующими подходами (*Катасонов В.Ю.* Экономика Сталина. — М.: Институт русской цивилизации, 2014): « - ориентация в первую очередь на натуральные (физические) показатели (стоимостные играют вспомогательную роль); - ограниченный характер товарно-денежных отношений» (С. 26); «прибыль была не самым главным показателем. Главным критерием эффективности было не увеличение денежной прибыли, а снижение себестоимости продукции» (С. 28); «из стоимостных показателей плана и отчетности на первом месте находился показатель снижения себестоимости (издержек производства). В сталинскую экономику был заложен противозатратный механизм» (С. 347).

[4] За исключением недолгого периода конца 20-х годов прошлого века с весьма противоречивыми, но активными и плодотворными дискуссиями в печати и на конференциях (*Маневич В.Е.* Экономические дискуссии 20-х годов. – М.: Экономика, 1989). Далее последовала обширная лакуна, в которой едва ли не единственное исключение представляет весьма неоднородная и во многом ошибочная работа

установкам, собственно *экономические, товарно-денежные методы ведения хозяйства* под давлением эмпирии применялись весьма широко и довольно успешно.[1] Однако, следует отметить следующее – несмотря на то, что некоторые учёные-политэкономы заявляли, что социалистическое хозяйство характеризуется *органическим* сочетанием планомерности и товарно-денежных отношений, ничего органического в этом сожительстве не было, а было вызванное совершенно *объективными* условиями развития социалистической экономики, наследовавшей некоторые капиталистические формы, *антагонистическое* противоречивое сочетание плана и отношений спроса-предложения, регулирования и рынка, общественного и частного интересов – и эти отношения должны были быть доведены до предела и возможности их снятия.

Почему же послесталинское руководство решило изменить точку приложения основных усилий и от производства *натурального* продукта перейти к производству *стоимости* (прибыли)? Главная причина – определённое падение темпов роста производства. И заключалась она, главным образом, как на основании тщательных статистических исследований установил экономист Г.И. Ханин[2], в старении и выбытии основных фондов – этого ведущего производительного фактора. Разумеется, что в новых условиях необходимо было использовать также и новые экономические и социальные подходы, что и должно было стать предметом глубокого теоретического анализа и только затем практических действий.

Однако, вместо того, чтобы подвергнуть проблемы тщательному исследованию и понять причины, находящиеся в основании негативных процессов, партийно-государственное руководство пошло по пути наименьшего сопротивления – на основании поверхностных рассуждений некоторых экономистов[3], даже близко не подошедших к анализу *сущности*

И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Была, впрочем, и попытка ренессанса политэкономических исследований в конце 40-х, начале 50-х годов прошлого века в форме составления проекта программы ВКП(б) и дискуссий по макету учебника политической экономии, не получивших отражения в публичной печати и не воплощённых в экономической практике (Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947-1953 гг. Документы и материалы. - М.: Политическая энциклопедия, 2017).

[1] Мы уже упоминали книгу Дьяченко В.П. «История финансов СССР (1917-1950 гг.)». Так, едва ли не самым употребительным термином в ней является «хозрасчёт». Весьма показательно и следующее утверждение: «важная роль принадлежала таким экономическим рычагам, как деньги, цена, хозрасчет, прибыль, премия, кредит, финансы» (С. 423). Причём всем перечисленным *экономическим* инструментам в книге уделено большое внимание как инструментам, способствовавшим всестороннему развитию *социалистической* экономики.

[2] *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. – Новосибирск, 2008; *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991; *Ханин Г.И.* Советское экономическое чудо 40-50-х годов: миф или реальность? (http://khanin.socionet.ru/DOCS/CHUDO.doc); *Ханин Г.И.* 50-е годы - десятилетие триумфа советской экономики. (http://khanin.socionet.ru/DOCS/KONF.doc) и другие работы.

[3] Наибольшую известность получила статья Е.Г. Либермана «План, прибыль,

социалистического типа хозяйства как *особенного* исторического типа, было принято решение о переходе к показателям экономической деятельности, в основе которых находилась прибыль, сиречь стоимость. При этом инициаторы реформы пытались усидеть на двух стульях – частично сохранялись, хотя и в сильно урезанном виде, прежние натуральные показатели и параллельно им вводились новые, стоимостные, не всегда стыковавшиеся со старыми, что создало ряд так и не решённых проблем.

Как следствие, «реформа 1965-1969 гг. превратила уже социалистические предприятия в обособленных товаропроизводителей, ориентированных на прибыль (главный плановый показатель), а не на внесение своего вклада в создание единого народнохозяйственного результата»[1]; «указанная реформа окончательно сделала разворот в сторону стоимостных показателей»[2]; «от общественных форм распределения дохода (общественные фонды потребления, снижение цен в розничной торговле) начался переход к частно-групповым формам»[3]; «при социализме единственным принципом распределения является *распределение по труду.* А в реальной жизни получалось *распределение по прибыли.* А эти два принципа не только не совпадали, но порой взаимно исключали друг друга».[4]

В итоге «сложившийся хозяйственный механизм… соединил все худшие стороны и командной, и рыночной экономики»[5], и посему «мнимые успехи экономической реформы 1965 г. являются либо статистической иллюзией (…расчёты говорят о падении темпов основных экономических показателей в этот период), либо связаны с благоприятным стечением обстоятельств, например, погоды в сельском хозяйстве».[6]

Обобщим вышесказанное.

В экономике сталинского периода интересы общего (общества в целом) ставились выше интересов частного (отдельных групп и слоёв общества, отраслей, коллективов и т.п.), но не за счёт подавления последних, а путём планирования и регулирования их соотношения. Целью сталинской экономики был человек (пусть даже понимаемый абстрактно, как «винтик») и потому сущность сталинской экономики состояла в производстве продукта (прежде всего, прибавочного продукта) в материальной, натуральной форме, а не стоимости и прибыли как фиктивных продуктов (мы не упоминаем сферу идеального, культуры, как тему, стоящую в стороне от нашего исследования). *Прибавочный продукт есть основание, причина, следствием которой выступает прибавочная стоимость* – именно он первичен и именно на него было нацелено материальное производство.

премия» (Правда, 9.09.1962).

[1] *Катасонов В.Ю.* Экономика Сталина. С. 39.

[2] Там же. С. 102.

[3] Там же. С. 103.

[4] Там же. С. 107.

[5] *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. – Новосибирск, 2008. – Т. 1. С. 314.

[6] *Ханин Г.И.* Советское экономическое чудо 40-50-х годов: миф или реальность? (http://khanin.socionet.ru/DOCS/CHUDO.doc).

Основными механизмами социалистической экономики были планирование и регулирование, пусть даже несовершенные. Рост личного потребления осуществлялся в значительной мере за счёт общественных фондов (жильё, образование, медицина, культура, спорт), что усиливало коллективистские тенденции в противовес атомизации общества. Другими словами, *общее как объединяющее начало*, было не просто идеологическим постулатом, а *постепенно обретало тенденцию реального доминирования над особенным и частным*. В обществе того времени сложнейшее переплетение, сочетание социалистических и капиталистических общественных отношений и экономических элементов было настолько тесным, что немудрено, что это с трудом осознавалось научным сообществом и так и не нашло соответствующего теоретического осмысления и обоснования.

Переход в период косыгинских реформ от материальных, натуральных показателей к стоимостным (прибыль) означал не просто изменение показателей экономической деятельности, а был *изменением сущности* общественного (пока ещё) производства. Это был переход от социалистически ведущегося производства к производству преимущественно капиталистическому, поскольку *замена в качестве цели производства прибавочного продукта прибылью* и означает постепенный, но *неуклонный переход от социалистического хозяйства к капиталистическому. Следствие было поставлено впереди причины*.

Вместо поиска путей и методов движения экономики в *диалектическом* противоречии план-рынок в направлении его развития и последующего снятия, была сделана попытка, половинчатая и непоследовательная, сменить былое принижение одной стороны противоречия (рынка, прибыли) на пренебрежение другой (плана, продукта).

По сути, это была борьба капитализма с социализмом. Косыгинская реформа, вводя *принципиальное сущностное* различие (вместо прибавочного *продукта* – прибавочную *стоимость*), в любом случае должна была привести в тупик именно социалистическую – плановую, направляемую, регулируемую, гуманную – экономику. Паллиатив в виде попытки совместить несовместимое – сохранить часть прежних социалистических методов в исключающих их условиях капиталистических приоритетов – только усугубил положение. После 1991 года разрушение социалистических принципов жизнедеятельности привело к неизбежной деградации сложной системы социалистического образа жизни – как государственных и общественных институтов (даже при всём несовершенстве последних), так и экономики. Современное общество и нынешняя экономика – эти два разбитых корыта – есть закономерное следствие сначала бездумных, а, впоследствии и преступных действий класса управления, с одной стороны, и, с другой стороны, бездействия народа. Восстанавливать утраченное будет много труднее, чем после Октября 1917 года – накопленный опыт высветил всю глубину и сложность стоящих задач. Но возрождать необходимо – и эта необходимость есть *императивное требование логики общественного развития*, её (логики) имманентность и интенциональность!

Список литературы.

1. Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). – М.: Наука, 1978.
2. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
3. Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР. Под ред. Я.А. Кронрода. – М., 1959.
4. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. – М.: Институт русской цивилизации, 2014.
5. Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967.
6. Либерман Е.Г. «План, прибыль, премия» (Правда, 9.09.1962).
7. Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. – М.: Экономика, 1989
8. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955.
9. Петров А.П. Субстанциональный монизм как диалектика материального и идеального и основополагающий принцип саморазвития реальности. – М.: Онто-Принт, 2018.
10. Ханин Г.И. Советское экономическое чудо 40-50-х годов: миф или реальность? (http://khanin.socionet.ru/DOCS/CHUDO.doc).
11. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. – Новосибирск, 2008.
12. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917- 1927). – М.: Начала-Пресс, 1996.

27.10.2018

О методологически неверных основаниях т.н. «неокономики».

(Опубликовано на сайте worldcrisis.ru как критика концепции т.н. «неокономики» М. Хазина).

Обращение к данной теме вызвано тем, что некоторые исходные положения экономического течения, которому его отцы-основатели (как с долей самоиронии выразился М. Хазин) дали название «неокономика», взяты ими без достаточного критического осмысления, как постулаты, истинность которых логически доказывать не нужно. Разумеется, что в любом научном исследовании некоторые отправные моменты, достоверность которых предполагается уже доказанной, берутся априори. Но в данном случае это весьма сомнительный подход, поскольку положения, которые авторы неокономики полагают краеугольными камнями своей концепции, совершенно неочевидны и основывать на них концепцию весьма недальновидно и неосторожно. Постараемся показать это логически.

Объясняя основоположения неокономики М. Хазин пишет:

«Наш вариант экономической теории капитализма - неокономика - говорит о том, что механизм развития при капитализме - это углубление разделения труда. Есть углубление - есть развитие, нет углубления -

начинается кризис». (http://worldcrisis.ru/crisis/1276927).

«…ключевым элементом неоэкономики является мысль о том, что базовым механизмом развития современного капитализма является углубление разделения труда (РТ). Это стало понятно достаточно давно (напоминаю, об этом писал еще Антонио Серра в начале XVII века), к концу XVIII века Адам Смит сделал еще один очень важный вывод: что углубление РТ идет в экономической системе не бесконечно, а рано или поздно останавливается, причем чем больше эта система, тем глубже заходит в ней процесс РТ до своей остановки». (http://worldcrisis.ru/crisis/1763699).

Прервём цитирование и обратимся к А. Смиту: «Так как возможность обмена ведет к разделению труда, то степень последнего всегда должна ограничиваться пределами этой возможности, или, другими словами, размерами рынка». (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. Соцэкгиз, 1962. С. 30).

Во-первых, как видим А. Смит не утверждал, что «углубление РТ идет в экономической системе не бесконечно, а рано или поздно останавливается».

Во-вторых, прочтём А. Смита логически последовательно:

1. «возможность обмена (которая фактически соответствует размеру рынка) ведёт к разделению труда» – т.е. к появлению новых производителей и тем самым, как следствие, увеличению размера рынка, на который выходят новые производители;

2. одновременно разделение труда «ограничивается… размерами рынка» – но поскольку размер рынка увеличился вследствие увеличения разделения труда и появления новых участников рынка, то, если следовать из посылки в п. 1, увеличившийся размер рынка приведёт к новому увеличению разделения труда;

3. цикл повторяется.

Похоже, что отцы-основатели неоэкономики в А. Смита не вчитались.

Вследствие неявности смитовского утверждения приведём его в явной форме, – насколько обмен влияет на разделение труда, настолько и разделение труда влияет на обмен, – это тождественные общественные феномены, один без другого невозможен. Другими словами обмен и разделение труда взаимно обусловливают друг друга – движется, изменяется одно, тут же изменяется и другое. Упомянутые процессы диалектически взаимозависимые.

Но даже если бы А. Смит утверждал то же, что и отцы-основатели, то это было бы поводом только к тому, чтобы проверить его *гипотетическое* предположение (в лучшем случае эмпирическое наблюдение) *логическим* анализом, а не принимать его на веру, учитывая глубокую давность предположения и совершенно иные *исторические* условия бытия современного капитализма. М. Хазин, делая периодически реверансы в сторону Маркса, почему-то в данном случае игнорирует его метод, заключающий в историчности и конкретности анализа и критическом отношении к любым априорным утверждениям.

Продолжим цитирование авторов неоэкономики.

«Причин этого явления (остановки РТ) можно назвать несколько, я дам,

как мне кажется, самую простую (хотя и не уверен, что сам Смит именно ее имел в виду, когда делал свой вывод): углубление разделения труда, повышая производительность, увеличивает риски конкретного производителя, который вынужден встраиваться во все более и более сложную технологическую цепочку. В результате, сложность системы увеличивается, производительность в ней растет, но общее развитие системы постепенно останавливается в результате того, что ее отдельные элементы по очереди «выпадают» из рентабельности». (http://worldcrisis.ru/crisis/1763699).

Здесь целый ряд противоречий.

Во-первых, почему «углубление разделения труда, повышая производительность, увеличивает риски конкретного производителя»?

Ведь более высокая производительность влечёт меньшие издержки и, соответственно, увеличение прибыли. Более высокая, по сравнению с другими производителями, прибыль как раз является весьма весомым фактором снижения рисков, а не наоборот. И ещё, любой производитель «встраивается в технологическую цепочку» не наобум, а предварительно оценив риски и более высокая прибыль полностью нивелирует эти риски.

Во-вторых, почему «отдельные элементы по очереди «выпадают» из рентабельности» и «общее развитие системы постепенно останавливается» если «сложность системы увеличивается и производительность в ней растет»?

Авторы концепции объясняют это таким образом: «…углубление разделения труда ведет к повышению рентабельности системы в целом, однако количество элементов, ее составляющих при этом тоже растет (при этом относительно быстрее, чем общая рентабельность), и их индивидуальная эффективность при этом падает. Если бы работал механизм совершенной конкуренции, который распределял бы конечную рентабельность системы поровну между всеми ее элементами, то был бы шанс продолжать развитие, но даже минимум конкуренции в условиях падающей рентабельности отдельного элемента приводит к тому, что отдельные элементы системы переходят к убыткам - и вся технологическая цепочка останавливается (вообще-то цепочка рвётся, а не останавливается, останавливается процесс, но это к слову – прим. моё)».

Заметим, что углубление разделения труда ведёт к повышению рентабельности, в первую очередь, тех производителей, которые, уловив тенденцию развития производства, используют фактор разделения труда в целях снижения издержек (повышение производительности ведёт к тому же). Их индивидуальная эффективность растёт (вспомним Маркса – эффективнее тот производитель, который извлекает больше прибыли на вложенный капитал). Но вот повышается ли эффективность, рентабельность системы в целом априори трудно сказать, ведь есть ещё неэффективные в отмеченном смысле производители.

Да, количество элементов системы может расти, но индивидуальная эффективность падает не у всех производителей, а только у более отсталых. И как раз они удаляются с рынка вследствие действия механизма конкуренции, пусть даже и несовершенного, тем самым количество элементов уменьшается. Именно в этом суть действия механизма конкуренции, а не в

мифическом «распределении конечной рентабельности» (кстати, хотелось бы узнать, каким образом пресловутая конкуренция заставляет более рентабельных производителей отдавать часть своей прибыли менее рентабельным и т.о. «выравнивать» рентабельность, как это предполагают авторы неокономики). И именно более отсталые производства «переходят к убыткам» и уходят с рынка, но это не приводит к разрыву технологической цепочки, поскольку на их место становятся новые рентабельные производства с новым разделением труда. Тем более не уходят из технологического процесса критически важные производители, даже несмотря на низкую рентабельность. (Сам М. Хазин это прекрасно понимает: «С точки зрения концепции падения эффективности капитала это естественно: если некоторые производства являются принципиально необходимыми, то их нужно финансировать независимо от того, рентабельны они или нет». (http://worldcrisis.ru/crisis/1763699).

Авторы неокономики ссылаются также в обоснование своей правоты и на Р. Люксембург: «В процессе осмысления этого кризиса мы поняли, что значительная часть той идейной базы, на которой был достигнут наш результат, существовала уже в начале XX века, в работах Розы Люксембург» (http://worldcrisis.ru/crisis/1763699), «…эту тему в рамках марксизма развивала в конце XIX - начале XX Роза Люксембург» (http://worldcrisis.ru/crisis/1060229).

Очевидно, имеется ввиду работа Р. Люксембург «Накопление капитала». Но, во-первых, в этой работе Розу интересует не проблема разделения труда как таковая, а совершенно другая проблема – проблема источника денег для реализации прибавочной стоимости. Каким образом это коррелирует с концепцией авторов неокономики могут сказать только они сами. Во-вторых, опровержение выводов Р. Люксембург, пытавшейся доказать якобы ошибку Маркса, осуществлялось неоднократно (например, здесь[1] и здесь[2]).

Как видим, некритическое восприятие и использование отцами-основателями неокономики некоторых предположений и концепций, высказанных, хотя и весьма авторитетными авторами, но не прошедших проверку логической достоверности, себя совершенно не оправдывает.

Теперь обратимся к собственно понятию разделения труда. Поскольку главным фактором развития капиталистической экономики авторы неокономики полагают разделение труда, то, и это совершенно очевидно, следует определить, что же это такое. Ведь без понимания сущности этого общественного феномена невозможно строить на этом основании экономическую теорию.

Вот что говорит один из отцов-основателей неокономики О. Григорьев: «Многие спрашивают: определите, наконец, что такое разделение труда. Разделение труда – это тоже процесс. *Про разделение труда можно*

[1] http://propaganda-journal.net/8818.html.

[2] http://upstream.moy.su/load/analitika/o_rabote_r_ljuksemburg_quot_nakoplenie_kapitala_quot/2-1-0-2.

рассказать рассказ, но невозможно определить (выделено мной). Собственно, сам рассказ и есть определение разделения труда. А без такого рассказа любое определение будет достаточно бессмысленным и непродуктивным» (http://worldcrisis.ru/crisis/1242530).

Как же так, то, что невозможно определить, закладывается в основание экономической теории – вот так наука!

Но слушаем далее: «Давайте подумаем, что такое вообще разделение труда, оно о чем. Разделение труда – это, в первую очередь, упрощение деятельности. Вот мы имеем более 200-х лет глобальной тенденции упрощение всего и вся» (там же).

Т.е. пахать на компьютеризированном тракторе проще, чем идти за сохой, а управлять обрабатывающим центром проще, чем махать молотом в кузне? Ну и ну, без комментариев…

М. Хазин, надо отдать ему должное, до таких примитивных суждений, не сказать теоретической пошлости, не опускается и ссылается на Большую Советскую Энциклопедию. Но в БСЭ феномен разделения труда рассматривается как некая данность, с внешней стороны, без анализа его внутренней сущности и общественных связей, порождаемых разделением труда и одновременно порождающих его и без которых ни о каком разделении труда не может быть и речи.

По указанной причине в дальнейшем под разделением труда будем понимать трактовку этого общественного явления, логически проанализированного с точки зрения его внутренней диалектики в статье: http://upstream.moy.su/publ/teorija/o_razdelenii_truda/2-1-0-12.

Приведём из неё краткую характеристику феномена разделения труда: «…сущность феномена разделения труда заключается в двух диалектически взаимосвязанных процессах:

- *экономическое* разделение труда, определяемое *стоимостной формой* продукта труда, которая детерминирует формы разделения труда с точки зрения достижения максимальной эффективности капиталистически ведущегося производства (в интересах получения максимальной прибыли);

- *техническое* разделение труда, определяемое *материальной формой* продукта труда, а также уровнем развития средств производства и технологий и состоящее в разделении труда таким образом, чтобы оно соответствовало экономической потребности разделения труда.

При этом процессы разделения труда детерминируются господствующими общественными отношениями, без учёта сущности и формы которых анализ феномена разделения труда будет не просто неполным, а искажённым, неистинным. В свою очередь, процессы разделения труда оказывают обратное влияние на общественные отношения, создавая условия для их изменения. Обе упомянутые стороны находятся в постоянном диалектическом взаимодействии».

Что касается предела углубления разделения труда, то «…ограничивать разделение труда с экономической стороны будут те же факторы, которые ограничивают возможности получения разными производителями разной прибыли и, т.о., действуют как ограничители конкуренции. Другими словами, только монополизация как производства, так и капитала выступает

самым действенным ограничителем разделения труда в капиталистическом производстве. Но и в этом случае разделение труда полностью не остановится, а будет диктоваться интересами монополий. Поскольку теперь монополия, а не рынок и условия конкуренции определяет величину прибыли, то в этих условиях детерминирующим фактором в разделении труда снова выступает технический аспект, т.е. материальная форма продукта труда.

Т.о. до полной, в масштабах всей экономики, монополизации производства экономическая форма разделения труда и детерминируемая ею техническая форма разделения труда будут существовать и развиваться. Монополизировать же экономику в целом в состоянии только глобальный финансовый капитал и пока этого не произошло говорить о завершении процессов разделения труда рано» (там же).

А потому утверждение М. Хазина, что «в рамках замкнутой экономической системы (не взаимодействующей с внешним миром), естественное углубление разделения труда может развиваться только до некоторого фиксированного уровня, дальше инновации перестают окупаться и научно-технический прогресс вначале замедляется, а затем останавливается» (http://worldcrisis.ru/crisis/1060229) – принципиально неверно, не замкнутость системы, а монополизация экономики является самым действенным ограничителем разделения труда.

Далее, «…развитие в рамках парадигмы НТП возможно только по мере использования механизмов снижения рисков производителей. Таких механизмов было изобретено всего *три* (выделено мной): кредитование производителя (риски частично передаются банковской системе), расширение рынков сбыта продукции (снижаются риски производителя в исходной экономической системе), кредитование потребителя (снижаются риски производителя за счет их перераспределения между другими участниками экономического процесса)» (там же). (Кстати, в другом месте утверждается: «Если посмотреть на историю капитализма, то там были два основных инструмента снижения рисков: расширение рынков (рынков сбыта и/или рынков приобретения ресурсов, которые позволяли снижать себестоимость производства в рамках старой системы) и перераспределение рисков» (http://worldcrisis.ru/crisis/1276927) – здесь механизмов снижения рисков всего *два*. Но и это ещё не всё. В http://worldcrisis.ru/crisis/1204909 говорится: «Путь четвертый еще более интересен… и т.д.». Так сколько же путей, чему верить? Указанные несоответствия, разумеется, несущественны, но весьма показательны).

Но кредитование это, в первую очередь, механизм *стимулирования* производства и обмена, снижение же рисков это эпифеномен, экономическое следствие. К тому же нельзя упускать из виду, что кредитование насколько снижает риски, настолько их и повышает, т.к. риск невозврата кредита определяется теми же самыми условиями, по которым снижается рентабельность. Поскольку же риски невозврата кредитов распространяются на обе стороны этого отношения – и на заёмщика, и на кредитора, то общий уровень рисков возрастает. Расширение рынков, т.е. увеличение спроса, также происходит, в основном, за счёт того же кредитования в форме

стимулирования обмена. Так что снижение рисков (заметим – возможное снижение) это не условие кредитования производства и обмена, а его следствие. Тем более, что ещё не опровергнуто наблюдение Даннинга, приведённое Марксом в «Капитале»: «Обеспечьте 10 %, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживлённым, при 50 % положительно готов сломать себе голову, при 100 % он попирает все человеческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». Как видим, при определённых вполне конкретных условиях риски для капитала ничего не значат, главное – прибыль. И если разделение труда этому способствует, то оно обязательно будет осуществлено.

Продолжим – «…рано или поздно, любая экономическая система приходит в состояние, когда в ней начинают выпадать из рентабельности отдельные звенья, причем их количество становится все больше и больше. Выходов тут есть два: либо расширять рынки (что возможно не всегда), либо - перераспределять риски во всей экономической системе, снижая рентабельность всех звеньев экономики, но обеспечивая рентабельность по наиболее критичным направлениям. Первый путь понятен, второй достигается либо планированием (государственным или частным - через финансовые механизмы), либо стимулированием частного спроса» (http://worldcrisis.ru/crisis/1763699).

Во-первых, изменение рентабельности есть процесс перманентный и происходит в результате появления новых продуктов, технологий и средств производства. Вследствие этого у производителей, развивающих новые производства, рентабельность повышается, у неторопливых – понижается. Ничего нового в этом феномене (понижении рентабельности) нет, ему сотни лет и до сих пор он был фактором, стимулирующим производителей обновлять и продукты труда, и средства производства.

Во-вторых, звенья, «выпадающие из рентабельности», из экономики элиминируются, сиречь ликвидируются – таков результат действия неумолимой конкуренции, иного не дано. Количество этих звеньев никого не интересует, поскольку подобные неудачники уходят с рынка и из экономики, давая место другим производителям, более успешным. Это перманентный процесс, то ускоряющийся, то замедляющийся. И какой же смысл в расширении рынков, либо в передаче рисков другим, более успешным производителям, если это делать ради неэффективных производителей? Как раз в этом последнем случае, при реализации подобной экономической политики, количество неэффективных производителей будет расти, поражая экономику в целом. Так зачем же гнобить всю экономику, если достаточно поддержать только «критичные направления», что гораздо проще и дешевле.

И, наконец, частный спрос, который авторы предлагают стимулировать, нерентабельным предприятиям не поможет. Частные покупатели обратятся, прежде всего, к успешным производителям – ведь они за счёт более высокой рентабельности могут предложить более низкие цены на ту же продукцию. Т.о. стимулирование частного спроса, по сути, сыграет роль дополнительного кредитования рентабельных производителей, оставляя не

у дел нерентабельных. Не совсем понятно также, зачем связывать разделение труда и формы спроса – «сегодня очень тяжело (во всяком случае, я не встречал соответствующих работ) понять, где спрос, так сказать «естественный», а где искусственный, стимулированный http://worldcrisis.ru/crisis/1763699. Какая разница, какова причина спроса? В общественных отношениях обмена существен сам спрос, во многом определяющий величину прибыли, а не его причина.

Углубляясь в историю развития капитализма М. Хазин утверждает, что «на первом этапе развития капитализма, когда вокруг него была масса территорий с более архаичными моделями развития, проблем с расширением рынков не было» (http://worldcrisis.ru/crisis/1763699).

Упование на архаическое окружение есть следствие некритически воспринятого вывода Р. Люксембург, что капиталистическое производство может реализовать прибавочную стоимость только за счёт привлечения денег из некапиталистического окружения. Неверность этого вывода рассмотрена в статьях, ссылка на которые приведена выше. Добавим только, что в окружающих архаических моделях 1. нет денег для больших объёмов покупок и 2. там не нужны технологичные и сложные товары, производимые в капиталистическом центре. Если же автор приведёт в пример колонии (например, Индию и Китай давних времён) из которых были вывезены огромные средства, то там имело место обычное ограбление под дулами орудий, лишь слегка прикрытое как фиговым листком видимостью обмена. Разумеется, это можно назвать расширением рынка, но, тем не менее, разделение труда в метрополии всецело определялось внутренними потребностями и условиями капиталистического хозяйства, а не возможностями грабежа.

Далее М. Хазин описывает кризисы, начиная с 1907-8 гг., и связывает их с тем, что сформировавшимся в их итоге системам разделения труда некуда стало расширяться. «Эти системы (по времени формирования: Британская, Германская и Американская) постепенно поделили между собой весь мир (то, что не поделили на тот момент не представляло экономического интереса) и стали серьезно ограничивать друг друга в рамках попытки дальнейшей экспансии» (http://worldcrisis.ru/crisis/1763699).

Но почему эти эмпирически наблюдаемые факты (возникновение систем), связывается исключительно с разделением труда, этим, хотя и важным, но далеко не решающим фактором капиталистического производства?

Развитие систем, подобных тем о которых идёт речь, происходит под влиянием внутренних факторов, на которые внешнее влияние оказывает, разумеется, деформирующее действие, но направление и формы развития определяются именно сущностью системы. Сущностью же капиталистической экономики (капиталистического производства) является получение возможно большей прибыли и указанные системы это не системы разделения труда, а системы разделения зон влияния соответствующих совокупных капиталов, в которых собственно разделение труда было идентичным. Именно сила определённых совокупных капиталов позволила им сформировать свои зоны влияния при общем им всем характере разделения труда.

Невозможно не обратить внимания также на следующую показательную ремарку: «В реальности, общей картины рынков тогда не было (банки были независимыми чисто коммерческими структурами)» (http://worldcrisis.ru/crisis/1763699).

Нет ничего более неверного, чем это утверждение. Странно, что мимо внимания авторов прошла очень глубокая, основанная на богатом фактическом материале, работа Р. Гильфердинга «Финансовый капитал». Мало того, что в ней тщательно проанализировано взаимоотношение участников капиталистической экономики, но выводы Р. Гильфердинга, совершенно логически следующие из его анализа, показывают, что роль банков к тому времени была вовсе не такой, какой её представляют авторы неоэкономики (банки, к слову, *никогда* не были «независимыми чисто коммерческими структурами», – это относится и к «независимости», и к «коммерции», – достаточно вспомнить займы средневековых банкиров средневековым же монархам на политических условиях, а также финансирование ими всевозможных политических акций и войн, в т.ч. против России). Уже ко времени написания книги Р. Гильфердингом банки стали главным действующим лицом капиталистической экономики, что он логически и показывает в своей работе. Финансовый капитал – вот новое главное действующее лицо капиталистической экономики. Совершив *качественное* превращение из производственного в финансовый, капитал сменил и свою цель – отныне целью финансового капитала становится не прибыль, а власть, абсолютная власть (в доказательстве этого вывода Р. Гильфердинг весьма логичен, основателен и убедителен).

Но последуем дальше вслед за отцами-основателями.

«Необходимость расширения экономической системы для продолжения развития естественным образом приводит к концепции технологических зон - то есть крупных самодостаточных систем разделения труда, поддерживающих процесс углубления разделения труда за счет постоянного расширения. Термин «самодостаточная» в данном контексте означает, что экономическое взаимодействие между зонами сильно меньше, чем внутри их и не является принципиальным» (http://worldcrisis.ru/crisis/1060229).

До сих пор авторами неоэкономики утверждалось, что для спасения экономики необходимо углубление разделения труда, а для последнего необходимо расширение рынков. Возможность расширения рынков авторы видят в возникновении «технологических самодостаточных зон», самодостаточность которых есть не что иное, как их относительная экономическая изолированность друг от друга.

Разберём их предложение более подробно. Что такое разделение общего рынка на почти изолированные зоны? Это резкое сужение наличного общего рынка, его, по сути, уничтожение. При этом существующие региональные (зональные) рынки резко сжимаются. Другими словами, авторы предлагают – с целью расширения рынков давайте эти самые рынки сузим. Сильно, однако… Несомненно, что предлагаемое авторами разделение рынков приведёт, по концепции самих же авторов, к столь же сильному сокращению возможностей разделения труда. Похоже на предложение с целью выздоровления сделать себе харакири.

При этом авторы забыли о существующем, уже почти глобальном, финансовом капитале. Почти – потому, что управление им ещё не сосредоточено (не централизовано полностью) в едином центре. Исходя из сущности предложенной концепции разделения труда (о ней говорилось выше) нетрудно сделать вывод, что не производительный (промышленный) капитал управляет производством, а финансовый капитал управляет производительным и всеми его действиями.

Разделение же единой экономики на зоны будет её деградацией и, соответственно, деградацией финансового капитала. Допустит ли почти всесильный ныне финансовый капитал действия по своему ограничению, что чревато значительным ослаблением его власти? Вопрос риторический… Если же он решится на такие действия, значит видит для себя возможность своего последующего усиления вплоть до получения абсолютной власти. Здесь нужен дополнительный анализ.

Вывод, который, в итоге, делают авторы, следуя своей концепции, таков – «…рано или поздно, эффективность ряда отраслей (количество которых все время будет увеличиваться) начнет падать, причем независимо от проводимой экономической политики, позволяет сделать вывод: при капитализме кризисы бывают двух принципиально различающихся видов: циклические кризисы (которые в политэкономии называются кризисами перепроизводства) и некоторые другие кризисы, которые мы в рамках неоекономики назвали кризисами падения эффективности капитала.

Кризисы эти отличаются принципиально. Циклические кризисы хорошо изучены - и главная их особенность состоит в том, что выход из них осуществляется, в некотором смысле, автоматически…

Совсем другая ситуация с кризисами падения эффективности капитала. Прежде всего, поскольку они связаны с общими свойствами экономической системы, никакого автоматического выхода из них нет. Пока не будет предъявлен некоторый системный ресурс повышения спроса или перераспределения рисков, Например, расширение рынков» (http://worldcrisis.ru/crisis/1763699).

«В настоящее время идет четвертый кризис падения эффективности капитала и он может стать последним - если удастся найти новые механизмы экономического развития. Если нет - нас ждет возврат назад, в начало XX века, а то и дальше, распад мира на новые, региональные системы разделения труда и повторение истории XX века с их взаимной борьбой. Во всяком случае, такой получается вывод из нашей теории» (http://worldcrisis.ru/crisis/1763699).

Т.о., как утверждают авторы неоекономики, результатом невозможности дальнейшего углубления разделения труда будет разрастание кризиса капиталистической системы и распад глобализированного рынка на ряд относительно самостоятельных зон.

Наш анализ показал ошибочность (как минимум необоснованность) признания авторами фактора разделения труда как определяющего фактора развития капитала. Поскольку (об этом уже говорилось выше) процессы разделения труда не прекратятся до полной монополизации экономики, то о распаде глобального рынка на зоны говорить преждевременно.

Следовательно, об ограничении разделения труда и кризисе капитала именно по этой причине говорить не приходится. Тем не менее, вывод о всеобщем кризисе капиталистического общественного отношения следует признать верным, но по совершенно иной причине.

Авторы неоэкономики эмпирически нашли критический рубеж в развитии капитала – ему жизненно необходимо «найти новые механизмы экономического развития». До сих пор эти механизмы реализовывались посредством *возникновения новых форм* капитала (снятия прежних отношений в новых формах, на языке диалектики) – группового, разных форм акционерного, монополистического, финансово-промышленного и, наконец, высшей формы – финансового капитала (ещё раз напомним о работе Р. Гильфердинга).

Эта последняя форма, – финансовый капитал, – есть завершающая форма капитала (и капиталистического общественного отношения как такового), его предел, граница. Капитал в форме финансового капитала достигает своей истины, понятия и дальнейшего развития не имеет (этот вывод логически обоснован здесь (стр. 365)[1]. Не берусь называть порядковый номер кризиса, возможно авторы неоэкономики правы, считая его четвёртым, но то, что это последний кризис капитала (который будет длиться долго и, скорее всего, кроваво) можно утверждать вполне уверенно.

Наш *логический* вывод, сделанный в указанном выше источнике, полностью согласуется с выводом М. Хазина, полученным э*мпирическим* путём: «…современный капитализм закончился. Нынешний кризис — это кризис конца капитализма. У него больше нет ресурса развития. Развиваться далее в тисках капиталистической идеологии мир не может …ключевым моментом является поиск нового механизма развития» (http://worldcrisis.ru/crisis/1000041). (Вывод М. Хазина назван эмпирическим, поскольку, как показал наш критический анализ, он получен без достаточных достоверных теоретических обоснований. И дело не в капиталистической идеологии, а в сущности капиталистического общественного отношения, в невозможности его снятия и принятия капиталом новых форм). Впрочем, гипотетически финансовый капитал может продлить своё существование на некоторое время ценой прекращения общественного развития как такового (более подробно в том же источнике, который был указан ранее).

В заключение надо сказать, что следует согласиться и поддержать мысль, высказанную М. Хазиным, что «…описать получающуюся картину … оставаясь на чисто экономической платформе не получается. Категорически необходимо использовать и другие общественные науки - то есть, разрабатывать комплексную общественную теорию» (http://worldcrisis.ru/crisis/1763699).

Несомненно, что экономическая теория, не опирающаяся на фундаментальные теоретические разработки мировоззренческого уровня, –

[1] http://up-stream.moy.su/load/analitika/kniga_dialektika_materialnogo_i_idealnogo_substancionalnyj_monizm_v_teorii_i_praktike/2-1-0-6.

политэкономию и, более глубоко, философию, – как на логику, организующую мышление, не сможет вырваться из удушающих объятий эмпиризма и позитивизма.

03.2015

К сущности понятия производительности труда

Вопрос о том, какой труд считать производительным, довольно подробно исследован классиками политэкономии и критически проанализирован Марксом в «Капитале».

Выводы гласят, что в отношении капиталистически ведущегося производства производительным является труд, «который производит для того, кто его применяет, *прибавочную стоимость*»

Итак, производительный труд – это такой труд, который действует как капитал («прямо превращается в капитал») и потому производит прибавочную стоимость. Но труд имеет и другую сторону, результатом действия которой является создание *вещественного* продукта, потребительной стоимости.

В своём анализе Маркс учитывает и эту сторону труда.

«Для того чтобы производить *товар,* труд должен быть полезным трудом, должен производить какую-нибудь *потребительную стоимость,* выражать себя в какой-нибудь *потребительной стоимости.* И только труд, выражающий себя в *товаре,* следовательно – в потребительных стоимостях, является поэтому таким трудом, который обменивается на капитал». Такой труд «овеществляется в *товарах,* в материальном богатстве». (Особо следует отметить, что общественным богатством, как видим, может быть только продукт труда в вещественной форме, т.е. сама по себе прибавочная стоимость, оторванная от потребительной стоимости, общественным богатством не является).

Т.о. при определении сущности производительности труда необходимо также учитывать и наличие *прибавочного продукта*, представленного в вещественной форме, которому и соответствует *прибавочная стоимость*.

Труд, учитываемый с обеих своих сторон – и как создающий стоимость, и как создающий вещественное богатство, потребительную стоимость – получает своё полное определение: *производительный труд есть диалектически двойственный труд – это труд, который действует и как капитал, и эта сторона труда является источником стоимости (и прибавочной стоимости), и как полезный труд, и эта сторона труда является источником потребительной стоимости (и прибавочного продукта, общественного богатства).*

Рассматривая труд со стороны всеобщности и особенности нетрудно увидеть, что производство *прибавочного продукта* есть отношение всеобщее для всех способов производства, тогда как производство *прибавочной стоимости* есть особенное отношение, характерное только для

капиталистического способа производства.

Именно производство прибавочного продукта превращает простое воспроизводство в расширенное воспроизводство и даёт возможность постоянного расширения материальных возможностей общества и его развитие во всех сферах жизнедеятельности.

Поскольку, как было отмечено, производительным трудом является только труд, создающий общественное богатство, представляющее собой прибавочный продукт, то и производительность труда следует определять исходя из этого условия. Поэтому производительность труда должна оцениваться, в том числе, как отношение прибавочного продукта к затратам на его производство, т.е. как превышение издержек производства и создание прибавочного продукта.

Однако, в материальной форме (другими словами в единицах продукта) непосредственно определить прибавочный продукт проблематично. Поэтому пока не остаётся ничего иного, как производить расчёты, принимая за основание стоимостную форму, которая предстаёт в форме цены и выражена в деньгах. Т.о. производительность труда определяется как отношение прибыли к издержкам производства.

Но это есть не что иное, как норма прибыли, которая внешне не имеет никакого отношения к натуральной форме продукта труда. В качестве паллиативного решения может быть принят вариант, при котором весь продукт в натуральной форме делится на части, пропорциональные прибыли и издержкам производства и на этом основании рассчитывается производительность труда.

При этом следует учитывать, что в реальности всегда существуют обстоятельства, вызывающие несовпадение «величин» прибавочного продукта и прибавочной стоимости (т.е. прибыли), что будет иметь следствием искажённое представление о фактической производительности труда. Здесь есть место для дополнительного анализа. Тем не менее, расчёт производительности труда по величине прибавочного продукта (представляющего собой приращение общественного богатства) по отношению к издержкам производства полностью соответствует сущности понятия производительности труда. Никакие паллиативные решения в этом отношении не дадут истинного представления о производительности труда.

В экономической литературе распространено понимание производительности труда, при котором производительность труда измеряется количеством продукции, произведённой работником в сфере материального производства в единицу рабочего времени (час, смену, месяц, год), или количеством времени, которое затрачено на производство единицы продукции. При этом в расчёт берётся вся продукция, без выделения той части, которая и является собственно приращением продукции, т.е. вновь созданным общественным богатством и величина которой и определяется производительным трудом.

Однако такая методика даст одинаковые показатели производительности труда для разных производств при одинаковых объёмах производства – и для тех, которые производят прибавочный продукт, и для тех, которые только возмещают издержки производства, т.е. с точки зрения общества

неэффективны.

Другими словами – если само производство не является производительным в смысле производства прибавочного продукта, то труд, применяемый в таком производстве, должен считаться условно-производительным, поскольку он воспроизводит только условия простого воспроизводства и не обеспечивает возможности расширенного воспроизводства. Это механизм, работающий на холостом ходу, он не производит полезной работы, не создаёт общественного богатства. Тем не менее, нельзя не отметить, что даже такой труд можно оценить количественно по его результатам в целом, т.е. определить его производительную силу.

Теперь можно подвести итог – сущность производительности труда имеет двойственный характер. Это 1. сторона труда, производительность которой определяется по отношению к затратной части, воспроизводит её (можно сказать, что это базисная производительность), и 2. сторона труда, производительность которой создаёт общественное богатство и которая определяется посредством соотношения прибавочного продукта и издержек производства (условно можно назвать её креативной (от лат. creare – создавать) производительностью).

Эта двойственность есть следствие диалектической двойственности самого труда как одновременного соединения в одном производственном процессе и *расходования* факторов производства (материальные затраты на производство), и *создания* нового продукта труда (производство прибавочного продукта).

Рассмотрим простой пример.

Допустим, что имеются два производства идентичные по всем параметрам за исключением издержек производства. Примем дневной выпуск равным 10 единицам продукции и количество рабочих равным 100 человекам.

Допустим, что первое производство не создаёт прибавочного продукта, следовательно, прибавочной стоимости, следовательно, прибыли. Т.е. оно работает в режиме простого воспроизводства и вся продукция обеспечивает только возмещение издержек.

Допустим, что второе производство при тех же условиях создаёт прибавочный продукт в размере 2 единицы в день.

Тогда дневной выпуск можно графически представить в следующей форме.

Первое производство:

Второе производство:

При этих условиях производительность труда на обоих предприятиях будет формально одинаковой и равна:

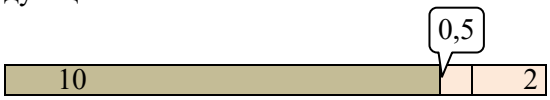
Пт = 10ед. : (100раб. х 1 день) = 0,1 ед./раб. х в день

Но ведь совершенно ясно, что, производительность труда, рассчитанная без учёта прибавочного продукта, не даёт реального представления о

действительном соотношении производительности труда на этих предприятиях.

Очевидно, следует привести условия производства к одному основанию. Таким основанием могут быть издержки производства, ибо только после их возмещения начинается выпуск прибавочного продукта.

Следовательно, если второе производство будет продолжать работу до величины издержек, как и у первого производства, т.е. до 10 ед., то его общий выпуск будет следующим:



Здесь величина 0,5 ед. есть приращение продукции за счёт времени, в течение которого был произведён прибавочный продукт в первом случае (2х2/8), ведь оно должно быть использовано.

Т.о. общий выпуск составит 12,5 ед., а производительность труда будет:

Пт = 12,5 / 100 = 0,125 ед./раб. х в день, т.е. на 25% выше.

Можно учесть производительность труда по отношению к прибавочному продукту и иным способом, как отношение прибавочного продукта к издержкам производства.

В первом случае:

Ппр = 0/10 = 0 ед./раб. х в день.

Во втором случае:

Ппр = 2/8 = 0,25 ед./раб. х в день, т.е. на 25% выше.

Результат то же, что и при расчёте при приведении к одному основанию.

Как видим, даже очень простой пример подтверждает, что сущность производительности труда имеет двойственный характер. Т.о. определение производительности труда без учёта креативной составляющей, представляющей производство *прибавочного* продукта, не даёт истинного представления о производительности труда в целом.

Возможно, в экономической и производственной практике такой подход не будет восприниматься, но от ответа на поднятый вопрос, относящийся к *сущностным* основам производственных отношений, отмахнуться невозможно. Если практика игнорирует вопросы, ставящиеся теорией, то такая практика рано или поздно потерпит фиаско, но это полбеды, гораздо хуже, что она даёт неверные ориентиры реальному производству.

04.2017

Производительность труда и эффективность производства

(Статья, направленная в журнал «Вопросы политической экономии»).

Данная работа имеет проблемный характер, т.к. скорее ставит вопросы, чем отвечает на них.

Обратимся к вопросу о производительности труда и неразрывно связанному с ним вопросу об эффективности производства.

Прежде всего, очевидно, следует определить, что такое *производительный* труд. Поскольку вопрос о том, какой труд считать производительным, довольно подробно исследован классиками политэкономии и критически проанализирован Марксом в «Капитале», то его выводами мы и воспользуемся.

«Производительным трудом, в смысле капиталистического производства, является тот наёмный труд, который, будучи обменён на переменную часть капитала (на часть капитала, затрачиваемую на заработную плату), не только воспроизводит эту часть капитала (т. е. стоимость своей собственной рабочей силы), но, кроме того, производит прибавочную стоимость для капиталиста. Только благодаря этому товары или деньги превращаются в капитал, производятся в качестве капитала. Производительным является только тот наёмный труд, который производит капитал».[1]

«*Производительным* является лишь такой труд, *который прямо превращается в капитал,* т. е. только такой труд, который делает переменный капитал переменной величиной, а весь капитал K делает равным $K + \Delta$».[2]

«Итак, *производительный труд* в системе капиталистического производства — это такой труд, который производит для того, кто его применяет, *прибавочную стоимость,* или, иначе, это — труд, превращающий объективные условия труда в капитал, а их владельца — в капиталиста; это, стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в качестве капитала.

Поэтому когда мы говорим о *производительном труде,* то мы говорим об *общественно-определённом* труде, о труде, который включает совершенно определённое отношение между покупателем труда и его продавцом».[3]

Итак, *производительный* труд – это такой труд, который действует как *капитал* («прямо превращается в капитал») и потому производит *прибавочную стоимость*. В этой трактовке производительности труда речь всецело идёт об *идеальной*[4] стороне труда – о *прибавочной стоимости* и ещё

---

1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 26, Ч. 1. С. 133.

2 Там же. С. 400.

3 Там же. С. 404.

4 Эту идеальную сторону сущности стоимости прекрасно видел Маркс: «в стоимость не входит *ни одного атома вещества природы*. …Товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства – человеческого труда, …*их стоимость имеет поэтому чисто общественный характер*, …и проявляться она может лишь *в общественном отношении одного товара к другому* (выделено нами. – А.П.)» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 23. С. 56).

К мнению Маркса о невещественности (т.е. идеальности) стоимости можно присовокупить видение этой категории Лениным: «*стоимость* есть категория, которая entbehrt des Stoffes der Sinnlichkeit (лишена вещества чувственности. Ред.), но она *и с т и н н е е*, чем закон спроса и предложения» (Ленин В.И. ПСС. - Т. 29. С. 154).

нет речи о *материальной* форме, о *потребительной стоимости*. Здесь акцент всецело сделан *на труде как капитале*, т.е. на процессе производства *прибавочной* стоимости. Но ещё ни слова не говорится о стороне труда, результатом действия которой является создание *вещественного* продукта, *потребительной* стоимости.

В дальнейшем анализе Маркс учитывает и эту сторону труда.

«Для того чтобы производить *товар,* труд должен быть полезным трудом, должен производить какую-нибудь *потребительную стоимость,* выражать себя в какой-нибудь *потребительной стоимости.* И только труд, выражающий себя в *товаре,* следовательно – в потребительных стоимостях, является поэтому таким трудом, который обменивается на капитал».[1]

При допущении, «что весь мир товаров, все сферы материального производства – производства материального богатства – подчинены (формально или реально) капиталистическому способу производства… можно признать характерным для *производительных рабочих,* т. е. для рабочих, производящих капитал, то обстоятельство, что их труд овеществляется в *товарах,* в материальном богатстве. И таким образом *производительный труд,* – кроме своей, имеющей решающее значение, характерной черты, которая относится совершенно безразлично к *содержанию труда* и которая от этого содержания не зависит, – кроме этой черты, производительный труд приобретает отличающуюся от неё вторую, дополнительную характеристику».[2]

«…Производительным является лишь тот труд, который сохраняет и увеличивает стоимость *овеществлённого* труда, противостоящего рабочей силе как обособившийся от неё».[3]

Теперь к первому определению добавлена другая сторона труда – производящая *потребительную* стоимость, вещественный продукт, *материальное*.

Т.о. речь идёт также и о *прибавочном продукте* – труд не только «сохраняет» стоимость овеществлённого труда (т.е. возмещает затраты), но и «увеличивает» её, создаёт тем самым *прибавочный продукт в вещественной форме*. И это есть та самая «дополнительная характеристика», о которой говорит Маркс.

Следовательно, при определении сущности производительности труда необходимо также учитывать и наличие *прибавочного продукта*, представленного в *вещественной* форме, которому и соответствует *прибавочная стоимость*.

Теперь труд, учитываемый Марксом с обеих своих сторон – и как создающий *стоимость* (идеальное), и как создающий *вещественное* богатство, *потребительную* стоимость (материальное) – получает своё полное определение: *производительный труд есть диалектически двойственный труд – это труд, который действует и как капитал, и эта сторона труда является источником стоимости (и прибавочной стоимости), и как*

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 26, Ч. 1. С. 409.
[2] Там же. С. 419-420.
[3] Там же. С. 404.

полезный труд, и эта сторона труда является источником потребительной стоимости (и прибавочного продукта, общественного богатства). Отметим, что прибавочная стоимость соответствует прибавочному продукту и ничему иному.[1]

Здесь необходимо сделать отступление и сказать о двух сторонах труда, выделяемых Марксом – абстрактном труде и конкретном труде.[2]

Нетрудно видеть, что так рассматриваемый труд есть диалектически двойственный труд, т.е. труд как материально-идеальная деятельность, имеющая результатом *материальный предмет* (продукт труда, товар), являющийся носителем некоего *идеального содержания* (в товаре это стоимость).

Но это идеальное не то идеальное, которое «есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней», а совсем иное идеальное. Какое же? Сущность этого идеального и исследовал Э.В. Ильенков в своей известной работе «Проблема идеального».

Согласно Э.В. Ильенкову «под “идеальностью” или “идеальным” материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта…».[3]

Другими словами, идеальное – это *представление* одного *материального* предмета (или процесса) в другом *материальном* же предмете (процессе), т.е. *сущности* одного предмета (процесса) в *форме* другого предмета (процесса).[4]

В нашем случае в товаре представлен вполне *материальный* процесс создания продукта труда (т.е. потребительной стоимости) в форме стоимости, *идеального*.

Именно в качестве такого идеального как представления, *снятия* в продукте труда, выступающего в форме товара, *процесса его производства* и предстаёт *стоимость*. Именно поэтому *стоимость, как представление в товаре всего процесса производства* во всей его совокупности и сложности, как результат этого процесса, снимает в себе («включает») деятельность *всех* факторов производства, что и выражается впоследствии в

---

[1] В реальности прибавочный продукт может отсутствовать, а прибавочная стоимость наличествовать, но это обстоятельство определяется иными, нежели производство, общественными отношениями и потому здесь не рассматривается.

[2] «Всякий труд есть, с одной стороны расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, - и в этом своем качестве одинакового, или абстрактного человеческого труда образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 55).

[3] *Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Логос, № 1. – М., 2009. С. 13.

[4] Разумеется, этим определением понятие идеального ещё не исчерпывается, но для наших целей его вполне достаточно.

общественных отношениях обмена в *превращённой* форме стоимости – *меновой стоимости*, превращённой формой которой, в свою очередь, является *цена*.

Маркс, как показывает анализ понятия стоимости, вводит категорию *абстрактного труда* в качестве понятия, *единственное* назначение которого – оправдание *сущности стоимости* как *идеального представления* в продукте труда (и впоследствии в товаре) *материального процесса* производства. *Ничего иного за этим понятием не скрывается*.

Но вернёмся к нашей теме.

Труд, как мы убедились, сущностно субстанционален и как таковой он представляет собой тождество своих *материальной* (создающей *потребительную* стоимость) и *идеальной* (формирующей *стоимость*) сторон и это есть следствие субстанциональности (т.е. единства материальной и идеальной деятельности) и его источника – человека (а также используемых человеком средств труда), и его среды – общества. Рассматривая труд со стороны всеобщности и особенности нетрудно увидеть, что производство *прибавочного продукта* есть отношение *всеобщее* для *всех способов производства*, тогда как производство *прибавочной стоимости* есть *особенное* отношение, характерное только для *капиталистического способа производства.*

Именно производство *прибавочного продукта* превращает *простое* воспроизводство в *расширенное* воспроизводство и даёт возможность постоянного увеличения материальных возможностей общества и его развитие во всех сферах жизнедеятельности.

Поскольку, как было отмечено, *производительным трудом является только труд, создающий общественное богатство, представляющее собой прибавочный продукт*, то и производительность труда следует определять исходя из этого условия. Поэтому *производительность труда должна оцениваться, в том числе, как отношение прибавочного продукта к затратам на его производство, т.е. как превышение издержек производства и создание прибавочного продукта.*

Однако, в материальной форме (другими словами в единицах продукта) непосредственно определить прибавочный продукт проблематично. Поэтому пока не остаётся ничего иного, как производить расчёты, принимая за основание *стоимостную* форму, которая предстаёт в форме цены и выражена в деньгах. Т.о. производительность труда определяется как отношение прибыли к издержкам производства.

Но это есть не что иное, как норма прибыли, которая внешне не имеет никакого отношения к натуральной форме продукта труда. В качестве паллиативного решения может быть принят вариант, при котором весь продукт в натуральной форме делится на части, пропорциональные прибыли и издержкам производства и на этом основании рассчитывается производительность труда.

При этом следует учитывать, что в реальности всегда существуют особые обстоятельства – а именно, несовпадение прибавочного продукта и прибавочной стоимости (т.е. прибыли), что будет иметь следствием искажённое представление о фактической производительности труда. Здесь

есть место для дополнительного анализа. Тем не менее, *расчёт производительности труда по величине прибавочного продукта* (представляющего собой приращение общественного богатства) *по отношению к издержкам производства* полностью соответствует *сущности* понятия производительности труда. Никакие паллиативные решения в этом отношении не дадут истинного представления о производительности труда.

В экономической литературе распространено понимание производительности труда, при котором производительность труда измеряется количеством продукции, произведённой работником в сфере материального производства в единицу рабочего времени (час, смену, месяц, год), или количеством времени, которое затрачено на производство единицы продукции. При этом в расчёт берётся вся продукция, без выделения той части, которая и является собственно *приращением* продукции (*прибавочным* продуктом), т.е. вновь созданным общественным богатством и величина которой и определяется производительным трудом.

Однако такая методика даст одинаковые показатели производительности труда для разных производств при равных объёмах производства – и для тех, которые производят прибавочный продукт, и для тех, которые только возмещают издержки производства, т.е. с точки зрения общества неэффективны.

Другими словами – если само производство не является производительным в смысле производства *прибавочного* продукта, то труд, применяемый в таком производстве, должен считаться условно-производительным, поскольку он воспроизводит только условия *простого* воспроизводства и не обеспечивает возможности *расширенного* воспроизводства. Это, образно говоря, механизм, работающий на холостом ходу, он не производит полезной работы, не создаёт общественного богатства. Тем не менее, следует отметить, что даже такой труд можно оценить количественно по его результатам в целом, т.е. определить его производительную силу.

Теперь можно подвести итог – в своей сущности производительность труда имеет двойственный характер. Это: 1. сторона труда, производительность которой определяется по отношению к затратной части, воспроизводит её (можно сказать, что это базисная производительность), и 2. сторона труда, производительность которой создаёт общественное богатство и которая определяется посредством соотношения *прибавочного* продукта и издержек производства (условно можно назвать её креативной (от лат. creare – создавать) производительностью).

Эта двойственность есть следствие диалектической двойственности самого труда как одновременного соединения в одном производственном процессе и *расходования* факторов производства (материальные затраты на производство), и *создания* нового продукта труда (производство прибавочного продукта).

***

Для удобства понимания сказанное можно проиллюстрировать небольшим примером.

Допустим, что имеются два производства, идентичные по всем параметрам за исключением издержек производства. Примем дневной выпуск

равным 10 единицам продукции и количество рабочих равным 100 человекам.

Допустим, что первое производство не создаёт прибавочного продукта, следовательно, прибавочной стоимости, следовательно, прибыли. Т.е. оно работает в режиме простого воспроизводства и вся продукция обеспечивает только возмещение издержек.

Допустим, что второе производство при тех же условиях создаёт прибавочный продукт в размере 2 единицы в день: итого 8 ед. необходимый продукт и 2 ед. прибавочный продукт.

При этих условиях производительность труда (Пт) на обоих предприятиях будет формально одинаковой и равна:

Пт = 10ед. : (100раб. х 1 день) = 0,1 ед./раб. х в день

Но ведь совершенно ясно, что, производительность труда, рассчитанная без учёта прибавочного продукта, не даёт реального представления о действительном соотношении производительности труда на этих предприятиях.

Очевидно, следует привести условия производства к одному основанию. Таким основанием могут быть издержки производства, ибо только после их возмещения начинается выпуск прибавочного продукта.

Следовательно, если второе производство будет продолжать работу до величины издержек, как и у первого производства, т.е. до 10 ед., то его общий выпуск будет равен 12,5 ед.: 10 ед. необходимый продукт и (2 ед.+0,5 ед.) прибавочный продукт. (Здесь величина 0,5 ед. есть приращение продукции за счёт дополнительного времени работы (2х2/8), ведь оно также используется).

Т.о. общий выпуск составит 12,5 ед., а производительность труда будет:

Пт = 12,5 / 100 = 0,125 ед./раб. х в день, т.е. на 25% выше.

Можно учесть производительность труда по отношению к прибавочному продукту и иным способом, как отношение прибавочного продукта к издержкам производства.

В первом случае:

Ппр = 0/10 = 0 ед./раб. х в день (Ппр – производительность труда по прибавочному продукту).

Во втором случае:

Ппр = 2/8 = 0,25 ед./раб. х в день.

Результат тот же, что и при расчёте при приведении к одному основанию.

***

Как видим, даже очень простой пример подтверждает, что сущность производительности труда имеет двойственный характер. Т.о. определение производительности труда без учёта креативной составляющей, представляющей производство *прибавочного* продукта, не даёт истинного представления о производительности труда в целом.

Возможно, в экономической теории и производственной практике такой подход не будет восприниматься, но от ответа на поднятый вопрос, относящийся к *сущностным* основам производственных отношений, отмахнуться невозможно. Если экономика как наука игнорирует вопросы,

ставящиеся политэкономией, то такая наука рано или поздно потерпит фиаско, но это полбеды, гораздо хуже, что она даёт неверные ориентиры реальному производству, практике.

Литература:
1. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Логос, № 1. – М., 2009.
2. Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. – М., 1967.
3. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М., 1955.

5.11.2018

О разделении труда

Обращение к проблеме разделения труда показывает, что превалируют взгляды, анализирующие это общественное отношение исходя из эмпирии, явления, внешних факторов – т.е. берётся данность (существующее разделение деятельности) и с учётом сопутствующих обстоятельств эта данность квалифицируется по видам и формам.

Попытаемся взглянуть на феномен разделения труда на основании диалектического анализа сущности разделения труда, во-первых, с учётом общественных отношений, только внутри которых и возможен феномен разделения труда и, во-вторых, исходя из внутренней сути самого предмета и продукта труда.

В качестве отправного пункта возьмём определение разделения труда, данное Большой Советской Энциклопедией: «Разделение труда, качественная дифференциация трудовой деятельности в процессе развития общества, приводящая к обособлению и сосуществованию различных её видов. Р. т. существует в разных формах, соответствующих уровню развития производительных сил и характеру производственных отношений. Проявлением Р. т. является обмен деятельностью.

Существует Р. т. внутри общества и внутри предприятия. Эти два основных вида Р. т. взаимосвязаны и взаимообусловлены. Разделение общественного производства на его крупные роды (такие, как земледелие, промышленность и др.) К. Маркс называл общим Р. т., разделение этих родов производства на виды и подвиды (например, промышленности на отдельные отрасли) — частным Р. т. и, наконец, Р. т. внутри предприятия — единичным Р. т. Общее, частное и единичное Р. т. неотделимы от профессионального Р. т., специализации работников. Термин "Р. т." употребляется также для обозначения специализации производства в пределах одной страны и между странами — территориальное и международное Р. т.».

А также знаменитой «Философской энциклопедией»: «Термин "Р. т." применяется в социологии, философии, экономич. науках в неодинаковом значении. Обществ., профессиональное Р. т., или разделение занятий, обозначает дифференциацию в обществе как целом различных социальных функций, выполняемых определ. группами людей, и выделение в связи с этим различных сфер общества (пром-сть, с. х-во, управление, наука,

обслуживание, армия и т.д.). Проявлением Р. т. является обмен деятельностью в ее качественно различных исторически обусловленных формах. Технич. Р. т. означает расчленение труда на ряд частичных функций, операций, выполняемых различными людьми в пределах мастерской (мануфактуры), ф-ки, к.-л. орг-ции. Между проф., обществ. Р. т. и технич. Р. т. существует взаимосвязь, хотя они и различны по происхождению и характеру (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд. т. 23, с. 371-72).

Маркс характеризовал также разделение обществ. произ-ва на его крупные роды (земледелие, пром-сть, транспорт и т.д.) как общее Р. т., распадение этих произ-в на виды и подвиды - как частное Р. т., разделение труда внутри мастерской как единичное Р. т. (см. там же, с. 363). Термин "Р. т." употребляют для обозначения специализации произ-ва в пределах страны и между различными странами - территориальное и междунар. Р. т. Социология исследует причины и последствия Р. т. в обществе в целом, а также в отдельных его сферах».[1]

Обе энциклопедии разными словами, но по сути одинаково, трактуют разделение труда. В обобщённом виде этот феномен можно представить в следующем виде:

- *общественное* разделение труда – появление разных видов деятельности и, как следствие, разграничение, отделение их друг от друга. Общественное разделение труда влечёт за собой обособление групп людей, занимающихся схожей деятельностью, и их организационное оформление – это уже *профессиональное* разделение труда, которое внешне предстаёт как возникновение различных структур и институтов общества (производство, управление, наука, государственные структуры и т.д.). Упоминаемые *территориальное* и *международное* разделение труда являются формами общественного и профессионального разделения труда. В свою очередь *профессиональное* разделение труда продолжается в форме *технического* разделения труда как дальнейшее углубление профессионального разделения труда внутри отдельных производств;

- следствием всех упомянутых форм разделения труда является обмен результатами деятельности.

Разделение труда как результат диалектики взаимодействия (диалектического противоречия) производительных сил и общественных отношений.

Энциклопедии и мы вслед за ними не случайно объединили в одном понятии казалось бы разные общественные феномены – разделение труда и обмен результатами деятельности. В этом есть глубоко диалектический момент. Собственно разделение труда[2] есть процесс дифференциации, что на

[1] Философская Энциклопедия: в 5-х т. - М.: Издательство "Большая Советская Энциклопедия", 1960-1970, Т. 4, С. 454-455.

[2] По устоявшейся традиции будем говорить о труде, а не о человеческой деятельности вообще, имеющей гораздо более широкое основание, включающее и сферу идеального.

языке диалектики представляет собой ограничение, отрицание. Необходимым продолжением процесса разделения труда является обмен результатами труда, без которого разделение труда не имеет смысла. А это уже есть кооперация, объединение или, диалектически – отождествление.

Разделение труда есть форма разделения целого на части – из общего, совместной трудовой деятельности, выделяются, отчуждаются особенные её формы, которые становятся прерогативой части общества, групп людей, занимающихся однотипной деятельностью. Но разделение труда императивно влечёт за собой возникновение нового феномена – необходимости обмена результатами деятельности, что вызывает к жизни другую сторону отчуждения – кооперацию, объединение групп людей в целое как единый общественный организм. Этот диалектический процесс лежит в основании жизнедеятельности человеческих обществ. Однако, развитие процесса разделения труда, его дальнейшее углубление неизбежным следствием имеет одностороннее развитие человеческих способностей. Человек становится, по выражению Маркса, абстрактным, неполным человеком. Это его плата за развитие производительных сил и рост материальных возможностей, а также, добавим, за существование человеческих сообществ, вне и без которых человек существовать не может. (Здесь же добавим, что выход из процесса одностороннего развития человека только в том, чтобы развив до высочайшей степени разделение труда и его производительность, *вывести человека из процесса производства*, по крайней мере как *объект* производства, как придаток к машине, как часть технологического процесса. Только став *вне и над* производством, став его *субъектом*, человек получит возможность полноценного всестороннего развития).[1]

В едином процессе общественного развития отрицание не существует без отождествления, – это единый неразрывный циклический процесс, – стоит остановиться, прерваться в каком-либо пункте (отрицания либо отождествления) и движение, развитие прекращается. Вот почему, исследуя процесс разделения труда, ненаучно отделять его от процесса обмена и, в том числе, опосредствующих их отношений распределения, которые, в свою очередь, основаны на отношениях собственности.

О роли отношений собственности в разделении труда говорит и Маркс.

«Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда».[2]

«Разделение труда уже с самого начала заключает в себе разделение *условий* труда, орудий труда и материалов, тем самым и раздробление

[1] Другими словами, процесс полной автоматизации производства альтернатив не имеет. Только на этом пути возможна ликвидация противоположности между всеми видами и формами труда (прежде всего между умственным и физическим трудом) и, следовательно, обретение человеком всей полноты деятельности (хотя вряд ли надо избавлять человека от физического труда вообще, очевидно, это необходимое условие его полноценного развития).

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 3, С. 20.

накопленного капитала между различными собственниками, а тем самым и расщепление между капиталом и трудом, а также различные формы самой собственности. Чем больше развивается разделение труда и чем больше растёт накопление, тем сильнее развивается также и это расщепление. Самый труд может существовать лишь при условии этого расщепления».[1]

Маркс недвусмысленно прочно связывает процесс разделения труда с развитием отношений собственности, причём развитие разделения труда опережающим образом влияет на развитие отношений собственности. При этом Маркс ничего не говорит об обратном влиянии отношений собственности на процесс разделения труда, по какой-то причине игнорируя диалектичность неразрывно связанных (тождественных[2]) процессов – в диалектическом взаимодействии обе стороны влияют друг на друга, инициируя взаимные изменения, в этом сущность диалектического развития противоречия.

Другими словами – разделение труда не в последнюю очередь определяется производственными отношениями, детерминируемыми отношениями собственности. Последние же определяют и цель производства в интересах собственника. Разумеется, разделение труда имеет целью повышение эффективности производства. Но эффективность производства с точки зрения собственника – это его личная выгода, что не может не иметь влияния на процессы разделения труда.

Разделение труда в целом осуществляется в соответствии и на основании потребностей общества (в свою очередь всегда ограниченными возможностями общества), которые определяют цели общественного производства.

Общая абстрактная цель общества – обеспечение потребностей людей, в первую очередь жизненных. Однако общая цель *частных* производителей – извлечение выгоды.

Т.о. цель общества в целом и цель частных производителей противоречат друг другу. Это противоречие разрешается таким образом, что потребители (в т.ч. и сами производители в своих интересах) приобретает только те продукты, которые им необходимы и для приобретения которых есть возможности (средства).

Пока общество в целом не в состоянии обеспечить частным

---

[1] Там же, С. 66.

[2] Тождество понимается в следующей трактовке: «…тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое «одно и то же». Это всегда тождество различного, тождество противоположностей». Ильенков Э.В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки, М., 1964. С. 22.

У Гегеля: «Понятие тождества — простая соотносящаяся с собой отрицательность…». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970. Т. 2, С. 33.

Т.о. диалектической тождественности одновременно имманентно различие и, как следствие, отрицательность, внутренняя противоречивость. Диалектическая тождественность это единство различённых сторон, понимаемое как их неразрывность – одно без другого невозможно.

производителям достаточную массу прибыли, производители необходимо приспосабливают производство к этому обстоятельству. Ограниченные возможности общества, позволяющие потреблять только жизненно важные продукты, диктуют производителям цель производства – *сущностью и целью производства является производство потребительных стоимостей*. Соответственно этой цели осуществляется и разделение труда. При ограниченных возможностях общества производится ограниченное количество продуктов и потому разделение труда осуществляется медленными темпами и является неглубоким.

Здесь главным определяющим фактором феномена разделения труда является приспособление производства и, соответственно, разделения труда к *вещной* форме продукта труда, к *потребительной* стоимости.

Форма общества и форма разделения труда соответственно приспосабливаются друг к другу. В экономике, имеющей целью производство потребительной стоимости, разделение труда основывается на сословном устройстве общества и цеховых привилегиях.[1] Или, что то же, сословное устройство общества основано на наличных и единственно возможных в данных исторических условиях формах разделения труда (цеховое производство). В этом диалектическом взаимодействии форма общества и формы разделения труда попеременно выполняют ведущую роль, взаимно влияя друг на друга.

В таком обществе продукт труда хотя и производится как товар, но только как такой товар, в котором интерес представляет его вещная, потребительная форма. Сущностью производства является производство товаров не как носителей *стоимости*, а как *потребительных стоимостей*. Товарная форма производства полностью соответствует его сущности как производству потребительных стоимостей. Цель производства в узком (утилитарном) смысле – поддержание деятельности производителей посредством производства потребительных стоимостей. Соответственно и разделение труда осуществляется как разделение производства разных потребительных стоимостей и последующий обмен ими. При этом прибыль хотя и является весьма важным фактором производства, но суть общественных отношений, определяемых ограниченными потребительными возможностями общества, не позволяет прибыли стать фактором, детерминирующим производство и обмен в целом.

По указанным причинам производители стремятся производить продукт труда в завершённом виде на одном предприятии и цеховое устройство производства и разделения труда в условиях ограниченных общественных возможностей этому условию отвечает как нельзя лучше. Как следствие, профессиональное разделение труда достигает определённой завершённости в цеховой форме, техническое же разделение труда внутри цехов находится в зачаточном состоянии.

Однако, общественное развитие на этом этапе не заканчивается и

[1] Рассматривать более ранние формы обществ и разделения труда в рамках данной статьи не имеет смысла.

постепенно возрастающие возможности общества[1] ведут к возникновению новых потребностей для удовлетворения которых нужно развивать производство. Производительные силы (и, соответственно, формы разделения труда) перестают отвечать общественным потребностям и необходимость их развития становится императивной.

Возникают новые формы *технического* разделения труда внутри цехов, *цеховое* производство сменяется *мануфактурным*. Но новый способ производства не может действовать в рамках прежних общественных отношений, законодательно ограничивающих формы производства цеховым устройством и сдерживающих повышение производительности труда путём углубления его разделения. К тому же сословные ограничения сдерживают развитие новых нарождающихся классов, необходимых для капиталистической формы производства – капиталистов и лично свободных наёмных рабочих.

На смену прежнему цеховому способу производства приходит новый, капиталистический способ производства, освобождающий производство от пут цеховых правил, а общество от оков сословных отношений. Соответственно изменяются и формы *профессионального* разделения труда – возникают капиталистические предприятия. Изменяются и формы кооперации между теперь уже капиталистическими предприятиями.

Как видим, капиталистический способ производства не получает соответствующего ему разделения труда в готовом виде. Развитие капитализма и, соответственно, капиталистического разделения труда основывается на том разделении труда, которое капитал застаёт при своём становлении.

Но *сущность* капиталистического общественного отношения совершенно иная, чем предыдущего феодально-сословного отношения. Вырастающие производительные силы и соответственно повышающиеся потребительные возможности общества постепенно смещают акцент в целях частных производителей с производства товаров как вещных продуктов труда (потребительных стоимостей) на получение прибыли, т.е. на производство товаров как носителей стоимости и, соответственно, прибавочной стоимости.

Производство и извлечение прибавочной стоимости и есть сущность капиталистического общественного отношения и цель жизнедеятельности возникшего класса капиталистов, постоянно воспроизводящего это общественное отношение.

Как следствие, целью производства является уже не материальное, вещь, потребительная стоимость, а идеальное, стоимость (и прибавочная стоимость). Стоимость это никак не материальная категория, она неосязаема, «в стоимость не входит ни одного атома вещества природы».[2] Но стоимость как идеальное есть не что иное, как снятая в продукте труда

[1] Основанием возрастающих общественных возможностей служит расширенное воспроизводство – при его отсутствии ни о каком общественном развитии не может быть и речи.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 23, С. 56.

производственная деятельность.[1] Т.о. сущностная цель капиталистического производства, – стоимость, – заставляет капиталиста наращивать как можно более производственную *деятельность* с тем, чтобы изготовить как можно больше товаров, в которых интерес для капиталиста заключается только в прибавочной стоимости.

Т.о. имманентная суть капиталистического общественного отношения и, соответственно, капиталистически ведущегося производства, – производство стоимости (и прибавочной стоимости), – фактически ведёт к безудержному наращиванию производственной деятельности как таковой, безотносительно к вещной форме предмета и результата этой деятельности.[2] Производство вещей как потребительных стоимостей при этом является эпифеноменом капиталистического производства, а не его целью.

Но поскольку производственная деятельность представляет интерес не сама по себе, а только такая, которая способна приносить прибыль, что реализуется посредством потребительной стоимости, то по этой причине она тесно связана с материальной формой предмета и продукта труда. Конкуренция же капиталистических производителей, в свою очередь, заставляет осуществлять производственную деятельность таким образом, чтобы при конкурентоспособных потребительных стоимостях в них заключалось возможно более прибавочной стоимости. Последнее условие заставляет производителей организовывать производство таким образом, чтобы одна и та же деятельность приносила возможно больше продукции в материальной форме, причём соотношение необходимого и прибавочного труда должно постоянно изменяться в сторону преобладания прибавочного труда. Как следствие, в капиталистическом производстве весьма интенсивно развивается разделение труда, резко увеличивающее его производительность и снижающее затраты на производство. Капиталистическое разделение труда развивает производство до его почти предельных возможностей.

(Попутно особо отметим очень важный момент – механизм конкуренции прочно связывает абстракцию производственной деятельности с конкретностью предмета и продукта труда. Вследствие этого капиталистическое производство, ориентированное только на производство прибавочной стоимости, необходимо производит потребительные стоимости, которые должны соответствовать потребностям потребителей. Производители, игнорирующие это условие, не смогут реализовать товар и получить свою долю прибавочной стоимости. В отмеченной связи абстракции деятельности с конкретностью продукта и предмета труда заключается значимая общественная роль механизма конкуренции).

Разделение труда как эпифеномен внутренней диалектики продукта (предмета) труда.

---

[1] Подробный анализ стоимости как идеального см. в книге: Петров А.П. «Диалектика материального и идеального (субстанциональный монизм в теории и практике)», М.: ОнтоПринт, 2015. С. 207.

[2] О сути капиталистически ведущейся производственной деятельности см. там же, С. 358.

Рассмотрим феномен разделения труда изнутри – с точки зрения диалектичности, двойственности продукта труда, предстающего с двух своих сторон.

Предмет и продукт труда (в интересах удобства восприятия далее будем употреблять термин продукт труда) есть субстанциональный объект, характеризующийся единством, тождеством своих материальной и идеальной сторон (моментов).[1]

Во-первых, продукт труда это материальный предмет, интересный только своими материальными качествами. Во-вторых, в продукте труда снята (представлена) производственная деятельность по его изготовлению – и это есть идеальная его сторона.

Продукт труда, рассматриваемый с его *материальной* стороны, предстаёт как некая полезность в практической человеческой деятельности, т.е. как *потребительная стоимость*. Тот же продукт труда в отношениях обмена предстаёт как стоимость, т.е. как некое количество и качество труда, воплощённого в продукте труда, что и является основанием для эквивалентного обмена. *Стоимость – идеальная* сторона продукта труда (мы говорили об этом выше). Поскольку нас интересует процесс разделения труда, то в детали феномена стоимости вдаваться не будем.

С материальной стороны (потребительной стоимости) возможность разделения труда определяется формой продукта труда, собственно техническими параметрами продукта труда, от которых зависит, можно ли представить продукт труда в виде комплекса составных частей и соответственно дифференцировать трудовые операции.

Поскольку продукт труда как материальный объект конечен, ограничен, то ограничены и возможности *технического* разделения труда со стороны самого продукта труда. Ограничение на возможность и формы разделения труда существует также и со стороны средств производства, технические возможности которых также ограничены.

Т.о. техническое разделение труда всегда ограничено материальной формой продукта труда и возможностями средств производства и с этой стороны конечно, не может углубляться далее определённого предела.

С идеальной стороны, со стороны стоимости, разделение труда осуществляется не произвольным образом, а детерминируется возможностями последующего обмена, который, в свою очередь, определяется эквивалентным соотношением стоимостей обмениваемых продуктов труда.

Это абстрактное положение конкретизируется в капиталистическом производстве таким образом, чтобы в общей стоимости соотношение необходимой и прибавочной частей стоимости было таким, чтобы прибавочная часть была возможно выше.

Т.о. со стороны стоимости процесс разделения труда зависит не только от собственно производственных условий, но и от конкретных общественных отношений обмена, которые в конечном итоге и определяют

[1] Логическому анализу сущности субстанции как диалектического тождества материальной и идеальной её сторон посвящена первая часть упомянутой выше книги.

возможность извлечения прибыли и её величину. Именно эти факторы влияют на процессы разделения труда.

Постоянное появления новых видов продуктов и новых средств и способов производства (технологий) вызывает к жизни новые формы разделения труда, вызванного уже не сугубо производственными, а экономическими факторами. Вследствие этого производство постоянно меняет как своих субъектов (владельцев капитала), так и географию приложения капитала, что самым непосредственным образом сказывается на процессах экономического разделения труда.

***

Как показал проведённый анализ, разделение труда есть сугубо общественный феномен, всецело определяемый доминирующими производственными отношениями, понимаемыми в самом широком смысле как отношения производства жизни людей. Все технические аспекты, – научные, технологические, узко-производственные и т.п., – играют подчинённую роль и полностью определяются господствующими производственными отношениями.

В капиталистических производственных отношениях, сущностью которых является максимально возможное извлечение прибыли, т.е. производство прибавочной стоимости, разделение труда осуществляется под постоянным давлением потребностей капитала, а именно – сосредоточением капитала в таких производствах и такими формами разделения труда, которые позволяют производить максимально возможное количество прибавочной стоимости.

Подводя итог можно сказать, что сущность феномена разделения труда заключается в двух диалектически взаимосвязанных процессах:

- *экономическое* разделение труда, определяемое *стоимостной формой* продукта труда, которая детерминирует формы разделения труда с точки зрения достижения максимальной эффективности капиталистически ведущегося производства (в интересах получения максимальной прибыли);

- *технологическое* разделение труда, определяемое *материальной формой* продукта труда, а также уровнем развития средств производства и технологий и состоящее в разделении труда таким образом, чтобы оно *соответствовало экономической потребности* разделения труда.

При этом процессы разделения труда детерминируются господствующими общественными отношениями, без учёта сущности и формы которых анализ феномена разделения труда будет не просто неполным, а искажённым, неистинным. В свою очередь, процессы разделения труда оказывают обратное влияние на общественные отношения, создавая условия для их изменения. Обе упомянутые стороны находятся в постоянном диалектическом взаимодействии.

Упоминаемое в литературе профессиональное разделение труда (т.е. разделение труда на профессиональном основании) пронизывает обе упомянутые сферы – в экономической форме разделения труда проявляется как разные виды производств, а в технологической форме разделения труда существует в виде возникновения разных профессий.

(Можно указать на существование ещё одной формы разделения труда

– *социальной* формы. Суть её заключается в том, что *имущие* классы (собственники) выполняют управленческие функции, а *неимущие* классы являются орудиями исполнения их воли. Социальная форма встроена в экономическую и технологическую формы в качестве их функционального дополнения).

Предел разделения труда

Выше мы уже определили факторы ограничения разделения труда со стороны материальной формы продукта труда, поэтому повторяться не будем и рассмотрим условия, ограничивающие разделение труда со стороны стоимости.

Разделение труда с точки зрения стоимости детерминируется необходимостью получения возможно более высокой прибыли и, тем самым, ограничивается именно этим обстоятельством. Поскольку прибыль и, соответственно, норма прибыли есть величина переменная, то и экономическое разделение труда, следующее за нормой прибыли, также непостоянный фактор капиталистического производства. Экономическое разделение труда постоянно изменяется под воздействием факторов конкуренции, спроса и предложения, влияющих на норму прибыли. Здесь прибыль, норма прибыли диктует производству, какие формы разделения труда реализует последнее. Пока норма прибыли будет определять производственные отношения, до тех пор ни о каком завершении процессов разделения труда не может быть и речи. Более того, именно экономическое разделение труда будет в определённой степени детерминировать и формы технического разделения труда.

С учётом сказанного можно уверенно утверждать, что ограничивать разделение труда с экономической стороны будут те же факторы, которые ограничивают возможности получения разными производителями разной прибыли и, т.о., действуют как ограничители конкуренции. Другими словами, только монополизация как производства, так и капитала выступает самым действенным ограничителем разделения труда в капиталистическом производстве. Но и в этом случае разделение труда полностью не остановится, а будет диктоваться интересами монополий. Поскольку теперь монополия, а не рынок и условия конкуренции определяет величину прибыли, то в этих условиях детерминирующим фактором в разделении труда снова выступает технический аспект, т.е. материальная форма продукта труда.

Т.о. до полной, в масштабах всей экономики, монополизации производства экономическая форма разделения труда и детерминируемая ею техническая форма разделения труда будут существовать и развиваться. Монополизировать же экономику в целом в состоянии только глобальный финансовый капитал и пока этого не произошло говорить о завершении процессов разделения труда рано.

О социалистическом разделении труда

Разделение труда социалистического общества наследует формы

разделения труда капитализма. Выше мы говорили о зависимости процессов и форм разделения труда от доминирующих общественных отношений. В социалистических общественных отношениях доминирующим фактором становится новая форма собственности на средства производства – общественная собственность. Соответственно, в социалистических общественных отношениях изменяется и цель производства – ею становится извлечение не прибавочной стоимости, а производство прибавочного продукта, т.е. определяющим фактором разделения труда снова становится материальная сторона продукта труда.

Но поскольку новое общественное отношение представляет собой снятие[1] прежнего общественного отношения, то его действующие факторы проявляются в новых отношениях в новой форме. Следовательно, роль идеальной стороны продукта труда, того, что в капиталистических производственных отношениях представало в форме стоимости, в социалистических отношениях сохраняется, но принимает новые формы.

Как мы помним, Маркс характеризовал стоимость с количественной стороны рабочим временем, затраченным на производство продукта труда. Качественная же сторона труда учитывалась им как некий коэффициент к количественной оценке – Маркс говорит и о «простом среднем труде», и о « сравнительно сложном труде», и о «возведённом в степень труде», и о «помноженном простом труде». Мы не будем углубляться в эту тему[2], нас интересует только то, в какой форме предстаёт стоимость в социалистических отношениях.

Очевидно, что необходимость постоянного повышения эффективности производства требует постоянного снижения затрат (необходимого рабочего времени) и, напротив, повышения качества труда. Именно эти производственные факторы и должны определять степень разделения труда в социалистическом производстве. Но долженствование не равнозначно реальному, наличному. Для претворения должного в реальное необходим соответствующий механизм.

В капиталистическом производстве этим механизмом является механизм конкуренции частных производителей, устраняющий из производства неэффективных (с точки зрения получения прибавочной стоимости) производителей и, соответственно, их продукцию. В социалистическом производстве, представляющем «общую фабрику», механизм конкуренции невозможен. Следовательно, необходимо (причём эта необходимость является императивной) заменить конкуренцию другим общественным отношением, адекватно соответствующим социалистически ведущемуся производству.

Здесь не место делать подробный анализ отношения, о котором идёт

---

[1] Снятие «имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец*». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 1, С. 168.

[2] Интересующихся анализом этой проблемы отсылаем к книге: Петров А.П. «Диалектика материального и идеального (субстанциональный монизм в теории и практике)», М.: ОнтоПринт, 2015, С. 207.

речь, поэтому приведём готовый вывод.

«В условиях господства общественной собственности все индивиды, принимающие участие в общем производстве, *не только имеют право*, но и *должны*, даже обязаны принимать участие в распределении как условий производства (т.е. в управлении собственно производственной деятельностью), так и продуктов труда. Причём всех без исключения условий и продуктов т.к. все они являются и предпосылкой, и результатом социалистического общественного производства. *Это императивное условие социалистического способа производства.* В высшем своём проявлении участие трудящихся в управлении общей собственностью должно распространяться на все без исключения сферы жизнедеятельности людей. Игнорирование это условия, императивного отношениям общественной собственности, имманентно содержит в себе возможность не только деформации отношений собственности, но и полной ликвидации общественной формы собственности, что и имело место в советской действительности…

Здесь мы подошли к следующему чрезвычайно важному моменту. Участие в управлении общественным производством и распределением имманентно предполагает высокую компетентность субъектов этих действий, т.е. не только некий минимально необходимый образовательный уровень, но и определённые моральные критерии, ничего общего не имеющие с «фуриями частного интереса». Всё вместе предполагает весьма высокий общий культурный и нравственный уровень трудящихся. И тот чрезвычайно важный момент, о котором сказано выше, диктует ещё одно *императивное условие социалистического строительства – необходимость перманентной культурной революции* (революции по сущности, но по форме – эволюции), т.е. всемерное и нарастающее развитие сферы идеального, только при котором и возможно *реальное*, а не декларативное участие трудящихся в управлении производством, распределением и шире – всей своей жизнедеятельностью.

При социалистическом способе производства работник как личность должен быть гораздо более универсален, чем работник капиталистического производства, поскольку кроме чисто производственной деятельности, в которой он ещё частичный человек и в таком качестве подобен капиталистическому работнику, ему предстоит выполнять и функции управления собственным трудом как общественным трудом».[1]

Т.о. *социалистический* путь развития человека и общества – от разделения труда (прежние общества) к объединению ответственности (через социализм к коммунизму), к отождествлению, *объединению общества* не через отношения обмена результатами деятельности, а *посредством совместной деятельности и общей ответственности.*

Так частный, казалось бы, вопрос о разделении труда приводит к общей проблеме возникновения (а точнее, создания, вернее – самосоздания) нового человека, соответствующего новым общественным отношениям. Но это уже совершенно иная тема.

[1] Петров А.П. «Диалектика материального и идеального (субстанциональный монизм в теории и практике)», М.: ОнтоПринт, 2015, С. 184.

В заключение на основании эмпирического наблюдения обратим внимание на тесную внутреннюю связь и влияние, которую оказывает форма жизнедеятельности человека на формирование сферы культуры, на внешнее человеку.

В рассмотренном выше цеховом производстве один работник выполняет либо все операции по изготовлению продукта труда, либо значительную их часть. Т.о. его деятельность имеет относительно цельный характер – цеховой мастер ещё не вполне частичный человек по Марксу, он делает в этом направлении только первые шаги. В ещё большей степени отмеченная синкретичность и многообразие деятельности относились к людям творческого труда – почти все они проявляли свой интерес и успешно работали в нескольких сферах деятельности.

И совершенно не случайно, что на эти времена пришлось обращение к теме гуманизма, антропоцентризма и взлёт культурных достижений, прежде всего в архитектуре, живописи и некоторых направления науки. Надо ли говорить о роли эпохи Возрождения, и прежде всего Кватроченто, в истории человечества. Какое яркое доказательство теснейшей связи сути и формы человеческой деятельности с её материальным воплощением в результатах его труда, в культуре. Внутренняя относительная целостность деятельности выразилась в синкретичности внешних форм её результатов. Какое необыкновенно гармоничное сочетание содержания и формы, необычайная выразительность и убедительность произведений искусства, к которым с полным правом можно отнести и архитектуру. Какой взлёт идей гуманизма и антропоцентризма несмотря на весьма нелёгкие, мягко говоря, условия жизни большинства людей.[1]

И какие множественные уродливые формы того, что принято относить к сфере культуры, возникли с появлением и, тем более становлением капиталистических общественных отношений, когда разделение деятельности привело к предельной специализации во всех областях человеческой деятельности, не исключая науки и искусства. Вряд ли можно отрицать, что именно чрезвычайно узкая специализация, являющаяся одной из форм отчуждения человеческой деятельности и предельно абстрагирующая человека, отстраняющая человека от него самого, от его субстанциональной сущности, стала основанием, на котором возникают деформированные формы культуры. До тех пор, пока существует отмеченная предельная специализация деятельности человека, эти уродливые формы будут постоянно воспроизводиться (в том числе в начале и на протяжении определённого этапа социалистического движения). Но здесь есть и обнадёживающий момент – вполне диалектически этот отрицательный вывод указывает направление положительного движения.

[1] Относительно достижений культуры Древнего Египта, Древней Эллады, Рима, Византии и других подобных цивилизационных образований, деятельность человека в которых характеризуется относительной целостностью, желающие могут самостоятельно сделать выводы.

И снова, как видим, частный вопрос о разделении труда совершенно логично приводит к общечеловеческой, антропологической проблеме, в данном случае к проблеме связи и зависимости форм культуры от форм человеческой деятельности. И вывод императивен – только целостная человеческая деятельность (как коллективная, так и индивидуальная) способна создать целостную, истинно человеческую, культуру.

02.2015

3. Проблемы сознания

О логиках мышления

В дискуссиях по поводу соотношения диалектической и формальной логик совершенно отчётливо просматривается часто высказываемая мысль не только о несовпадении их, с чем ещё можно с определёнными оговорками согласиться, но и о полной несовместности. Подобные утверждения подошли бы любому иному философскому направлению, но никак не сторонникам диалектического подхода к действительности, который императивен в своём методе – рассматривать объекты не «с одной стороны» и «с другой стороны», а в их взаимодействии, единстве, целостности (целокупности, как говорил Гегель).

Главным разграничительным моментом все участники дискуссий (а также называемые ими авторитеты) определяют отношение логик к проблеме противоречия, точнее к способу её разрешения. Казалось бы, именно этот узловой момент и следовало взять в качестве главного пункта обсуждения и на его рассмотрении выяснить соотношение логик. Но, всего лишь зафиксировав его, участники спешат высказать свои мнения по частным вопросам, не углубляясь в суть проблемы.

Мышление может иметь своим предметом как самое себя, так и иное – внешние по отношению к нему вещи, внешний мир. Никаких других объектов мышления не существует. В обоих случаях оно может исследовать как *суть* объекта (мышления или вещи), так и своё *мнение* о нём, пытаясь навязать его объекту. В первом случае имеет место объективный подход, во втором субъективный.

При объективном подходе противоречия мышления будут отражать противоречия объекта, при субъективном – не противоречия объекта мышления, а противоречия *представлений* самого мышления об объекте, т.е. нечто, совершенно не связанное с объектом мышления, что в нашем случае не представляет интереса.

Для получения истины мышление должно исследовать объект сообразно его (объекта) закону существования, его собственной логике движения. Поскольку, как говорит Гегель, «существует не поддающееся определению множество»[1] законов, то и логик должно быть ровно столько же. В данном случае под логиками понимаются методы исследования. То, что упрощённо изложено выше, сказано до нас, стало обыденностью, и потому мы не приводим цитаты и имена по соображениям экономии места и времени.

Итак, существуют два рода противоречий объективного, т.е. направленного на объект и действующего сообразно его сути, мышления – мышления о мышлении и мышления о мире. И оба рода тождественны в том, что противоречие, выявляемое мышлением, объективно существует в предмете

[1] Гегель Г. Наука логики. В 3 т. - М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 143.

мышления. Разумеется, утверждая это, мы абстрагируемся от собственных ошибок мышления, связанных с его заблуждениями.

В чём же проявляется (заключается) противоречие в мышлении о мышлении. Очевидно, в том, что существуют разные подходы к определению того, как мышление должно действовать при исследовании реальности. Поскольку сами эти подходы есть *своё иное* мышления и, определяясь каждый по-своему, есть тем самым отрицание друг друга, противопоставление, противоположность, то их различие (и взаимосвязь) и определяет противоречивость мышления. Противоречие мышления – это противоречие между разными способами мышления, которые последнее использует в своей деятельности.

Но все эти противоположности существуют, взаимодействуют, противоречат друг другу в *самом* мышлении, внутри его. Мышление же как таковое есть их объединяющая, опосредствующая основа, т.о. внутри мышления они соотносятся как его моменты, уже самим фактом своего возникновения и существования предполагая мышление как общее целое.

Для своего определения как логики, способы понимания реальности выбирают то общее в мире, что является необходимым условием существования человека (и, соответственно, мышления) – проблему истины. И с той же необходимостью внутри проблемы истины встаёт другая проблема – проблема противоречия. Именно от того, как её решает тот или иной подход к постижению реальности, другими словами, та или иная логика, и зависит содержание логики и этим содержанием определяется граница между логиками. Но это разделение есть одновременно тождество, вернее тождество существует через разделение – общий предмет изучается мышлением с разных сторон.

Формальный и диалектический методы решают проблему противоречия в общем виде утверждая, соответственно, что в мышлении:

- противоречие невозможно. Мышление полагает невозможным совмещение в одном утверждении двух исключающих друг друга моментов, такое совмещение разрушает конструкцию мысли. Вывод – либо знание невозможно, либо оно должно быть дано априорно.

- противоречие необходимо. Мышление полагает, что развитие осуществляется только через противоречия. Вывод – знание возможно только посредством разрешения последних.

Соответственно определились два мировоззренческих подхода и два логических метода.

Действительность же такова, и это отрицать невозможно, что оба метода соединяются (тождественны) в мышлении, которое пользуется обоими с одинаковым успехом (или неуспехом). Мышление – это то общее моментами, сторонами, «своим иным» которого являются диалектический и формально-логический способы (подходы, методы). Удалите любой из них и мышление как таковое станет абстрактным, однобоким, ущербным и, в итоге, невозможным. До Спинозы столь же непримиримо разделяли протяжённость и мышление. Ныне же многие никак не хотят отделаться от шизофренизации мышления, продолжая разделять его на два несовместимых вида, метода, способа, логики.

Что касается соотношения между диалектической и формальной логиками, то оно определяется их сущностью. Мышление как таковое само по себе (в себе) не ограничено, т.е. бесконечно. Но как только оно берёт своим предметом какой-либо объект, неважно, само ли это мышление или внешняя ему вещь, оно обязано определиться по отношению к нему, т.е. тем самым ограничить себя. И от способа ограничения (определения в себе) зависит способ действия мышления.

Диалектическая логика имеет своей границей более широкое определение, нежели логика формальная – в отличие от последней она признаёт не только возможность, но и необходимость противоречий, а также возможность их разрешения. Потому там, где формальная логика останавливается, диалектическая логика продолжает движение, помогая тем самым выбраться формальной логике из тупика, в который она была поставлена собственным принципом. Формальная логика не в состоянии преодолевать возникающие в ней противоречия на основе самой себя. Они её предел, граница, поставленные ею самой (в себе), и в этой границе формальная логика кончается, умирает, если хотите. Но она в состоянии преодолеть их, обращаясь к диалектическому методу, на диалектическом основании – качественным скачком, созданием нового формально-логического рассуждения (математика наиболее чистая иллюстрация – исчерпав возможности одного метода, математики создают новый, *качественно* отличный метод, продолжающий и углубляющий математическую мысль).

Но это не означает, что следует поставить на место формальной логики логику диалектическую без исследования условий в каждом конкретном случае. Формальная логика есть ступень развития мышления на пути от абстрактного к конкретному, но познание на этом не остановилось. Дальнейшими шагами на этом пути стали (и становятся) логики (методы) наук, как естественных, так и гуманитарных. Вспомним, что говорил Гегель о множественности законов, т.е. о соответствии логик познания логикам вещей. Человек реализует это практически, даже не вникая в суть соотношения логик.

Как итог: мышление как таковое – всеобщее, целое; определение отношения к реальности, способ мышления (диалектический, формальный) – особенное; методы изучения вещей (методы наук) – единичное. Все методы тождественны в мышлении при всём их различии и продолжают и дополняют друг друга на пути конкретизации знания. Грубое противопоставление их столь же недиалектично, как и отрицание возможностей саморазвития собственно мышления путём использования и формально-логического, и диалектического методов.

Обращаясь к исследованным ранее формам субстанциональных противоречий[1] можно добавить, что формально-логический метод соответствует сфере действия *внешних* противоречий, в которых стороны находятся в дизъюнктивных отношениях (либо-либо) следствием чего является невозможность *снятия* внешних противоречий, но только их взаимодействие по пресловутому «принципу исключённого третьего».

[1] Глава «11. Противоречия».

Диалектический же метод соответствует сфере *внутренних* противоречий. Здесь стороны находятся в конъюнктивных отношениях (и то, и другое) и их взаимодействие завершается *снятием* сторон, соединением в новой форме и потому отмеченный выше принцип не имеет силы. Поскольку все наличные субстанциональные формы включены во *всеобщую* субстанциональную форму (Вселенную), то диалектический метод, соответствующий всеобщему, также включает в себя формально-логический метод как *особенное*.

23.06.2019

К решению психофизической проблемы

Постановка проблемы и ретроспективный обзор предлагаемых решений

Что есть мысль? Где помещается сознание и что это такое? Самостоятельно ли оно как идеальная субстанция или тождественно материальной деятельности мозга? Существует ли взаимосвязь между материальными процессами нейросети мозга и их представлениями в форме сознания или сознание полностью индетерминировано? Вот тот, в основном, круг вопросов, которые в комплексе и предстают как «психофизическая проблема», имеющая весьма почтенный возраст, как минимум с того момента как некто спросил себя – «кто есть я?».

По сути, решение этого вопроса зависит от разрешения фундаментальной проблемы (вернее, от принятия соответствующей позиции), поставленной ещё древними греками – об идее бытия и о бытии идей, – т.е. о соотношении мира реального и мира идеального. С тех времён и идёт постепенно сформировавшееся разделение и оппонирование двух линий философии: дуализм – эти два мира несовместны (Платон, Декарт), и монизм – есть один мир, диалектически соединяющий материальное и идеальное (Парменид, Спиноза, Гегель). Плюралистические (релятивистские) взгляды как метод есть, скорее, разновидность дуализма, доведённого до его логического завершения, нежели самостоятельные концепции, с ещё более сомнительными перспективами.

Но вернёмся к обозначенной проблеме и обратимся к более близким по времени авторам, пытавшимся её решить, чьи имена и работы широко известны. Наиболее активно в данной сфере работали западные философы, представляющие направление аналитической философии.

Сёрл Д. (Сёрл 2002) совершенно недвусмысленно отвергает дуалистическую позицию, но одновременно, как ни странно, категорически против как материалистической, так и монистической трактовки сознания. Впрочем, при внимательном изучении его доводов, становится понятной такая двойственность. Материалистическая версия в его изложении предстаёт в весьма упрощённом, мягко говоря, виде – материализм понимается Сёрлом не в философском смысле, который советская и российская наука восприняла от классиков, а как исключительно физические процессы, происходящие в вещественных структурах: «Дуалисты свойств полагают проблему

сознания и тела очень трудной, возможно вообще неразрешимой. Материалисты... надеются «натурализовать» интенциональность и, вероятно, также сознание. Под «натурализацией» ментальных феноменов они подразумевают редукцию их к физическим феноменам. Я убежден, что обе стороны глубоко заблуждаются. ...дуализм и монизм оба ложны». (Там же, 25)

При этом Сёрл также упрекает «материалистов» в том, что «…они утверждают тождество ментального с физическим, …они желают отрицать существование любого нередуцируемого ментального феномена в мире. Они хотят отрицать, что имеются какие-либо несводимые феноменологические свойства, подобные сознанию…» (Там же, 46), т.е. что т.н. «материалисты» отрицают наличие в материальном мире феномена идеального и тем самым имплицитно склоняются к дуалистической версии. Такая трактовка «материализма» весьма характерна для многих западных исследователей и вряд ли имеет смысл переубеждать их в обратном.

Сам Сёрл считает, что «знаменитая проблема сознания и тела — источник стольких противоречий за последние два тысячелетия — имеет простое решение... Вот это решение: *ментальные феномены причинно обусловлены нейрофизиологическими процессами в мозге и сами являются свойствами мозга* (выделено нами. — А.П.). Чтобы отличить этот взгляд от многих других в данной области, я назову его «биологическим натурализмом». Ментальные события и процессы… суть часть нашей естественной биологической истории...» (Там же, 24). «…М*ентальное состояние* сознания есть просто обычная биологическая, то есть *физическая,* черта мозга». (Там же, 34). «…С*ознание, есть биологическое свойство мозга человека и определенных животных. Оно причинно обусловлено нейробиологическими процессами и в той же степени является частью естественного биологического порядка…*». (Там же, 99).

И хотя сам Сёрл категорически утверждает: «Мой взгляд, несомненно, не является формой дуализма. Я отвергаю и дуализм свойств, и субстанциальный дуализм, но именно потому, что я отвергаю дуализм, я также отвергаю материализм и монизм» (Там же, 47) неясно, чем его позиция отличается от третируемых «материалистов», которые также как и он сводят сознание, по словам самого же Сёрла, к «физическим феноменам», т.е. к тем самым «нейрофизиологическим процессам».

Однако, алогичность определения Сёрла заключается не в его межеумочной позиции, а в *сути* трактовки обсуждаемой проблемы. По Сёрлу ментальное, в т.ч. и сознание, 1. имеет основанием материальные процессы мозга и тем самым 2. представляет свойство мозга. С первым положением «нематериалиста» Сёрла согласятся даже самые «вульгарные» материалисты, но второй вывод вызывает вопросы. Что такое «свойства мозга»? Поскольку сам Сёрл отвергает дуалистичную трактовку, разделяющую материальное и идеальное, то это также должны быть некие материальные проявления (структуры, формы, процессы и т.п.) – но материальность феномена сознания уже полностью исчерпана упомянутыми «физиологическими процессами» и вводить иную материальность под названием «свойства», значит ступить на путь дуализма, но гораздо более худшего свойства, нежели дуализм бытия и мышления. Следовательно, ничего иного не

остаётся, как отнести «свойства» к ведомству идеального и утвердиться в старом добром картезианском дуализме. Тупик…

Ко всему прочему и трактовка Сёрлом генезиса феномена сознания не отличается оригинальностью: «Согласно атомарной теории, мир состоит из частиц. Эти частицы организованы в системы. Некоторые из этих систем являются живыми, и типы живых систем эволюционировали на протяжении долгих периодов времени. Среди них некоторые путем эволюции привели к мозгу, способному причинно обусловливать и поддерживать сознание. Таким образом, сознание является биологическим свойством определенных организмов…». (Там же, 101). Это сугубо эмпиристское объяснение тавтологично – сознание таково, потому что оно исторически и эволюционно таково.

Не удивительно, что завершая свою книгу Сёрл приходит к пессимистическому заключению – «Я не верю, что есть какой-то простой или единственный путь к новому открытию сознания». (Там же, 225).

Дэннет Д. (Дэннет 2004, 2021) противник отождествления физических процессов мозга и индуцируемых им ментальных состояний и пытался решить проблему сознания не обращением к сущности того и другого и установлением принципа их взаимодействия (которое эмпирически совершенно отчётливо явлено), а лингвистическим анализом ментальных терминов. Но фактически всё его исследование сводится к построению эволюционной картины становления сознания (за счёт генетической и культурной эволюции), выявлению его структуры и определению коммуникативных возможностей. На этом пути Дэннет, пытаясь избавиться от опасности редуцирования сознания к физическому, на определённом этапе даже отваживается заявить, что «мы можем воспринимать *человеческое сознание как иллюзию пользователя*, …созданную репрезентативной деятельностью мозга» ((Дэннет, Разум от начала до конца, 2021), что, по сути, элиминирует сознание из мира реальности как феномен, который можно объяснить. Однако, к решению собственно психофизической проблемы Дэннет практически не приблизился.

Чалмерс Д. (Чалмерс 2013), напротив, едва ли не с первых слов своей книги уверенно заявляет – «Я оптимист в вопросе о сознании; я считаю, что в конце концов у нас будет теория сознания…» (Там же, 10).

Однако, следует сказать, что у Чалмерса отсутствует ясное понятие сознания – «Термин “сознание” неоднозначен и отсылает к множеству феноменов», «…я имею в виду исключительно субъективное качество опыта: каково это — быть когнитивным агентом. Множество альтернативных терминов… Среди них “опыт”, “квалиа”, “феноменология”, “феноменальный”, “субъективный опыт” и “каково это”» (Там же, 22). «Говоря о главном предмете этой книги, я буду использовать все эти выражения, но четче всего к нему отсылают “сознание” и “опыт”, и они будут преобладать» (Там же, 23).

К тому же вполне цельную проблему сознания Чалмерс, по одному ему ведомой причине, разделяет на две: «трудную» - как возможно сознание?, и «лёгкую» - почему оно именно таково? Хотя ответ на первый вопрос имманентно содержит ответ и на второй.

Более того, априори, без подробного анализа сути сознания (что, впрочем, без его чёткого понятия и невозможно сделать) Чалмерс дуалистически его разделяет на феноменологический аспект и психологический аспект, понимая под первым сознательный опыт и сознательно переживаемые состояния, а под вторым объяснительные основы поведения.

Такая дуалистичность и расплывчатость в понимании сознания далеко не лучшим образом скажется на анализе этого феномена, поскольку вынудит автора постоянно обращаться к частным проблемам (интроспекция, ощущение, обучение, эмоции, убеждение и т.д.), т.е. к неким эпифеноменам сознания, пытаясь с этими *частными* проявлениями согласовать *общее* – сознание как нематериальное проявление материального существа.

Чалмерс отвергает, подобно Сёрлу, «материализм», понимаемый им в том же духе, как попытки редукции сознания к физическим процессам мозга и в основу исследования полагает методологический принцип, позволяющий, как кажется Чалмерсу, согласовать физические процессы мозга и его феноменальные проявления в форме сознания. Это принцип *супервентности* – «отношение между двумя множествами свойств: *B*-свойствами — интуитивно, *высокоуровневыми* свойствами и *A*-свойствами — более фундаментальными, *низкоуровневыми* свойствами. …B-свойства *супервентны* на A-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане A-свойств, но различные в их B-свойствах» (Там же, 55).

Однако, приведенная формулировка совершенно не учитывает специфики предмета – необходимости согласования *материальных* и *нематериальных* процессов и объяснения этого механизма. Под т.н. «высокоуровневыми» и «низкоуровневыми» свойствами можно полагать как те, так и другие и одной только *синтаксической* формой – «супервентность» – не объяснить *семантики* этого явления. К тому же, сама формулировка супервентности практически тождественна понятию императивности и не несёт почти ничего нового по сравнению с ней.

Тем не менее, Чалмерс значительную часть своей работы отводит анализу разных форм супервентности из которых наибольшее внимание он обращает на т.н. «логическую супервентность» (спекулятивная составляющая супервентности) и «естественную супервентность» (эмпиристская составляющая супервентности). Первая относится к возможности *логически* непротиворечивому решению проблемы сознания, вторая к *реальности*, в которой эта проблема *практически* решена природой. По сути, разделение на логическую и естественную супервентность – это разделение на попытку формально-логического и эмпиристского объяснения.

Дальнейший анализ Чалмерса показывает, что логическая супервентность противоречит возможности объяснения существования сознания, основанного на физическом базисе: «Отсутствие логической супервентности сознания на физическом означает невозможность редуктивного объяснения сознания. При любой характеристике физических процессов, предположительно лежащих в основе сознания, всегда будет возникать дополнительный вопрос: почему эти процессы сопровождаются сознательным опытом?» (Там же, 141).

По этой причине автор поневоле приходит к выводу, что «мы должны

искать объяснения сознания где-то в другом месте. Мы точно не должны отказываться от объяснения; нам надо лишь отказаться от *редуктивного* объяснения. Возможность нередуктивного объяснения сознания остается открытой. Оно будет совершенно иным объяснением, требующим *радикальных изменений в том, как мы представляем себе структуру мироздания* (выделено нами. – А.П.)» (Там же, 159). Как следствие, следует признание – «…в мире имеются такие черты, которые не являются физическими» (Там же, 160). Отсюда необходимо следует обращение к дуализму – «Крах материализма[1] ведет к какой-то из разновидностей *дуализма:* у мира есть как физические, так и нефизические черты» (Там же, 161).

Однако, дуализм Чалмерса довольно своеобразен – здесь нефизичность не идентична идеальному: «Дуализм же, о котором пойдет здесь речь, — это разновидность дуализма *свойств:* сознательный опыт предполагает такие свойства индивида, которые не могут быть выведены из физических свойств данного индивида, хотя и могут закономерно зависеть от этих свойств. Сознание — это такая *черта* мира, которая выходит за пределы его физических черт. Это не означает, что оно есть особая “субстанция”…» (Там же, 162). Надо признать, что это довольно странный дуализм – он есть (сознание – свойство, «черта мира», выходящая за пределы физического), и его как бы нет (несмотря на покидание пределов физического это всё же не «особая субстанция»), – этакая улыбка Чеширского кота. Непонятно и как трактовать пресловутые «свойства» и «черту мира», если они не «особая субстанция» – и не материальное, и не идеальное – но тогда что это?

И здесь появляется удивительная концепция, вводящая новый вид законов природы: «…хотя сознание не может быть *выведено* из некоей физической основы, оно *порождается* ею. …Сознание возникает из физического субстрата благодаря определенным контингентным законам природы, которые сами по себе не являются следствием физических законов» (Там же, 162). Доводы в пользу данного постулата не менее категоричны – «…теория физического *не в полной мере* является теорией всего. Чтобы сознание оказалось в области фундаментальной теории, мы должны ввести *новые* фундаментальные свойства и законы» (Там же, 163).

Как следствие «…подлинно окончательная теория нуждается в некоем дополнительном компоненте. И здесь есть два пути. …Признать сам опыт (т.е. сознание. Прим. наше. – А.П.) одним из фундаментальных параметров мира наряду с пространством-временем… и т. п. …Альтернативный вариант состоит в допущении какого-то *другого* класса новых фундаментальных свойств, из которых извлекаются феноменальные свойства. …Быть может, речь идет о новой разновидности нефизических свойств…

Мы могли бы назвать эти свойства *протофеноменалъными* свойствами, так как, хотя они сами по себе и не феноменальны, феноменальное может быть их совокупным результатом.

…Там, где имеются новые фундаментальные свойства, имеются и новые фундаментальные законы. В данном случае фундаментальные законы

[1] Имеется ввиду невозможность редукционистского объяснения сознания путём сведения его к физическим процессам мозга.

будут *психофизическими* законами, специфицирующими то, каким образом феноменальные (или протофеноменальные) свойства зависят от физических свойств. Эти законы не будут пересекаться с физическими законами» (Там же, 164).

Другими словами, не получив нужного решения в рамках монизма и редукционизма, основанных на понятии супервентности, Чалмерс, в полном соответствии с формальной логикой, вынужденно обращается к дуализму. Но не картезианскому дуализму бытия и мышления (материального и идеального), а к собственной конструкции, вводящей некие *нефизические* свойства реальности (протофеноменальные), которые детерминируют каким-то образом «новые фундаментальные законы», которые и являются «психофизическими» законами, не зависящими от законов материального мира.

Но суть дела в том, что данная конструкция *по сути* ничем не отличается от дуализма Декарта – наличие двух нетождественных атрибутов у Декарта, и наличие двух нетождественных систем законов у Чалмерса. Рассуждения автора вернулись к начальной точке не принеся положительного результата.

Очевидно, понимая это Чалмерс как учёный, серьёзно относящийся к науке, делает одно примечательное заключение: «…хотя я называю это воззрение дуализмом, возможна ситуация, когда оно может предстать в качестве некоей разновидности монизма. Физическое и феноменальное могут оказаться двумя разными аспектами одного охватывающего их рода…

…Я питаю определенную симпатию к этой идее. Но даже если какой-то монизм и окажется истинным, он не может быть *материалистическим* монизмом. Он должен быть чем-то более широким» (Там же, 166-167).

Логика рассуждений, характерная для серьёзного учёного, совершенно естественно привела Чалмерса к идее монизма, причём монизма спинозовского толка, тождественно объединяющего бытие и мышление в одной субстанции. Удивительно, но западные исследователи, часто упоминающие Декарта, как черт ладана избегают Спинозу. Вот и Чалмерс, придя к неизбежности обращения к плодотворной идее Спинозы так и не сделал необходимого шага в направлении к нему, оставив решение проблемы сознания незавершённым.

В последней попытке решить проблему сознания Чалмерс обращается к понятию *информации*, трактуемой им отнюдь не философски, а исключительно в техническом плане, принятым в теории информации.

Не вдаваясь в подробный анализ соотношения физического и информационного аспектов реальности Чалмерс делает вывод, что «информацию можно найти и в ее *феноменологической* реализации. Опытные состояния (напомним – речь идёт о сознании. Прим. наше. – А.П.) напрямую и естественным образом включаются в информационные пространства. …Мы можем считать, что феноменальные состояния реализуют информационные состояния тех пространств». (Там же, 354). Вот так просто автором решается вопрос – «мы можем считать» – и феноменальное соединяется с физическим посредством некоего «информационного пространства». Вряд ли можно считать это научным доводом, тем более обоснованным

выводом.

И здесь у Чалмерса мелькает догадка поистине мировоззренческого уровня: «Это можно было бы сделать, предложив в качестве базового принципа наличие у информации (в актуальном мире) двух аспектов, физического и феноменального» (Там же, 357). По сути, речь идёт о спинозовской концепции монистичного мира, отождествляющей материальное и идеальное как атрибуты (стороны) единой реальности. Но, увы, это так и остаётся всплеском мысли, не получившим развития.

Вопрос о взаимосвязи и информационного аспекта и материального есть, по сути, другая сторона вопроса о взаимоотношении бытия и мышления, материального и идеального – решение второго будет решением и первого. И главное – информационная теория объясняет *как* сознание представляет мир, но не объясняет, *что* такое сознание и как оно возможно. Вероятно, подспудно понимая это Чалмерс замечает – «Ничто из сказанного в полной мере не доказывает верности информационного подхода к сознанию». (Там же, 365).

И уже ближе к концу книги Чалмерс делает замечательное предположение – «…сознание не рассыпано осколками в изолированных сложных системах, произвольно продуцирующих богатый сознательный опыт. Оно есть, скорее, какое-то более единообразное свойство универсума…» (Там же, 372). Здесь снова отчётливая реминисценция с идеей Спинозы как тождестве бытия и мышления – сознание (идеальное) как «единообразное свойство универсума» и есть не что иное как атрибут субстанции наряду с бытием, материальным.

Не решив однозначно проблему сознания, в конце книги Чалмерс пессимистически-оптимистически заключает: «В настоящий момент у нас нет такой теории, но нет резона полагать, что подобная теория вообще является невозможной». (Там же, 387).

В свете рассматриваемой проблемы также представляет интерес позиция российского представителя аналитической философии Васильева В.В., которому близки методология анализа и взгляды западных философов (Васильев 2009).

Проблема «получает следующее решение: квалиа[1] сопровождают функционирование человеческого мозга…, потому что они являются необходимыми условиями продуцирования мозгом такого поведения организма, которое он фактически продуцирует и которое учитывает его индивидуализированный опыт. …оно является выгодным в адаптационном смысле, …подобные системы были отобраны в ходе эволюции» (Там же, 232).

Т.е. сознание «сопровождает» физические процессы мозга, по той простой причине, что оно необходимо для адаптационного поведения организма. Но ведь суть дела и состоит в том, чтобы понять и объяснить, что собой представляет это самое «сопровождение», как оно согласовывает физическое и ментальное, ставя их в *однозначное* соответствие. Простая же констатация сути дела не объясняет. Более того, поскольку поведение

[1] Квалиа – субъективные ментальные состояния, другими словами – феномены, представления сознания.

человека с самого начала его становления явно не адаптационное, приспособительное, а, напротив, активно деятельное, преобразующее, то категория «сопровождения» здесь явно недостаточна, поскольку сознание не просто «сопровождает» физические процессы мозга, а являет собой активное начало в человеческой деятельности, что требует объяснения.

Ответ Васильева: «…хотя мозг действительно порождает квалиа, но каузальная роль квалитативных состояний шире того нейронного базиса, на основе которого они возникают. …Физическое состояние моего мозга не может в полной мере детерминировать, каким именно желанием я обладаю, что именно я желаю. Предмет моего желания зависит от моего окружения и истории взаимодействия меня как физического существа с миром» (Там же, 231). Но признание определённой самостоятельности сознания это, опять-таки, не объяснение сути дела, а констатация фактического положения. Признавая определённую, по его словам, «каузальную независимость» ментального (сознания) от физического (мозга) Васильев не даёт сущностного объяснения этого феномена.

Васильев также задаётся вторым вопросом – «…как мозг порождает квалиа?» и даёт весьма интересный ответ: «…с философской точки зрения здесь можно говорить лишь о том, что приватное измерение, в котором располагаются квалиа, конституируется структурами, благодаря которым материальная система оказывается неклассической, т. е. не полностью определенной локальными физическими факторами…» (Там же, 232).

Очевидно, что т.н. «приватное измерение, в котором располагаются квалиа» это сознание и порождается оно некой неклассической материальной системой, неклассичность которой состоит в том, что эта система детерминируется не только наличными условиями («локальными физическими факторами»), но и ещё какими-то дополнительными факторами более фундаментального уровня. Т.е. физические параметры мозга определяются, дополнительно к классическим физическим принципам, ещё и неклассической (очевидно, релятивистской) физикой. Подобное состояние «…возникает… при появлении в функционировании таких материальных систем того, что можно назвать квантовыми эффектами» (Там же, 232). Более детального объяснения Васильев не даёт и остаётся только догадываться, что за «квантовые эффекты» имеются ввиду и как они влияют на мозг и ментальные проявления.[1] Но даже если это и так, то эта гипотеза только

[1] Можно допустить, что данное предположение сделано автором на основании гипотезы английского физика и математика Р. Пенроуза, (Пенроуз 2003) которая объясняет возникновение неалгоритмических (невычисляемых) феноменов сознания (понимания, интуиции, догадок и т.п.) реализацией суперпозиции квантовых состояний атомов изменяющихся (растущих и сокращающихся) дендритных окончаний. Однако, это будет объяснением «физики» мозга, но не феномена наличия собственно сознания. Поэтому логика анализа взаимозависимости мозга и сознания приводит Пенроуза к естественному вопросу о соотношении материального и идеального: «…проблема “ум-тело”, …оказывается тесно связанной с вопросом об отношении мира Платона к “реальному” миру существующих физических объектов. …Возможно, в каком-то смысле, эти два мира, на самом деле – один и тот же мир?» (Там же, 347-348) – т.е. к монистической идее Спинозы.

усложняет физическую картину, отнюдь не объясняя *сущности взаимного соответствия* ментального и физического.

В целом позиция Васильева двойственна. С одной стороны, он признаёт определённую тождественность физического и ментального – «И тождество, и даже единство нашей ментальной жизни — условные вещи, существующие до тех пор, пока существует единство физического носителя квалиа. А существует оно до тех пор, пока не прекращается локальное взаимодействие материальных частей, образующих нормальный человеческий мозг» (Там же, 233). С другой же, он категорический противник «теории отождествления» физического и ментального и согласен, разве что, на межеумочную позицию, истолковывая физическое исключительно на локальном (единичном и особенном) уровне, как соответствующее локальному же субъективному ментальному. При этом «физические функциональные схемы в мозге не исчерпывают квалитативные состояния, а включают их в качестве внешних по отношению к ним (но внутренних по своей природе, приватных) компонентов» (Там же, 233). Но это положение о «включенности» ментального в физическое в качестве приложений последнего противоречит мнению самого Васильева об относительной самостоятельности ментального.

На основании пресловутого вывода о «включенности» ментального в физическое Васильев делает предположение, что «…если бы все-таки удалось вычислить алгоритм человеческого поведения… и инсталлировать соответствующую программу в робота, то этот робот стал бы сознательным существом» (Там же, 234). Странно, но Васильев не замечает, что такой вывод есть почти явное признание правоты концепции бихевиоризма, которую он активно отвергает – здесь сознание и поведенческие реакции ставятся не просто в однозначное соответствие – здесь поведение определяет сознание: «вычислив» алгоритм поведения можно его «инсталлировать» в сознание и получить дубликат человека. Можно предложить провести следующий, обратный, опыт – поскольку алгоритмы «поведения» роботов известны, то «инсталлировать» его в сознание человека и проверить правильность данной гипотезы. Но, пожалуй, лучше этой шуткой и ограничиться.

В целом же Васильев вращается в кругу тех же ограниченных представлений, что и другие представители аналитической философии – видение тождества физического и ментального как незатейливая редукция второго к первому, попытки выйти за пределы и монизма и дуализма, оканчивающиеся постоянными реминисценциями к ним, стремление создать нечто среднее, выходящее в ряде случаев за пределы реальности.

Рассмотрим позицию представителя философской школы, фундированной классической философией.

Советский и российский философ Дубровский Д.И., давно занимающийся данной проблемой и критически относящийся к доводам Сёрла и Чалмерса, начав в ранних книгах (Дубровский 1971) с концепции т.н. «нейродинамической организации», в позднейших работах, учитывая веяния времени, обратился к информационным аспектам сознания.

Нейродинамическая организация по Дубровскому есть «специфическая личностная организация…, включающая нижележащие уровни организации, вплоть до молекулярного. Она есть своего рода производная от генетически заданных церебральных особенностей личности и её… социально-биографической траектории… Нейродинамическая организация (включающая в себя в снятом виде биохимический структурный уровень) представляет то описание материалных структур и процессов головного мозга данного человека…, которое в принципе может быть адекватно психологическому описанию личности…» (Там же, 55). «Социальная саморегуляция субъекта есть функция его головного мозга, социальные программы поведения индивида воплощены в нейродинамических структурах его мозга». (Там же, 61).

Т.о. нейродинамическая организация представляет собой единство 1. мозга с его структурой и физиологическими процессами (материальное основание) и 2. психики (весь личностный опыт, приобретённый в результате онтогенетического развития и соответствующий психике как «социальной саморегуляции»), которая 3. является функцией мозга и каким-то образом запечатлена в его структуре.

Как видим, сознание трактуется Дубровским как исключительно индивидуальный феномен (генетически задано и биографически обусловлено) – т.е. как принадлежащее сфере *единичного* и не имеющее явной связи с *общим* – филогенетическим развитием человека, с обществом. Однако, мы абстрагируемся от проблемы детерминации общим (социумом) единичного (индивидуального сознания), поскольку собственно психофизическая проблема лежит в иной плоскости – соотношения, взаимодействия физиологических процессов мозга и нематериального сознания.

Пресловутая концепция нейродинамической организации не отвечает на поставленный вопрос, а представляет собой всего лишь констатацию факта неразрывной связи физических процессов мозга и психики. Из приведенной трактовки неясно, каким образом согласуются материальные процессы мозга и нематериальные проявления психики и, второе, если психика только функция мозга, то каким образом она может играть активную, ведущую роль в тандеме мозг-психика.

В поисках путей объяснения данных коллизий Дубровский подробно рассматривает три концепции психики: первую – определяющую психическое как исключительно материальный процесс; вторую – в которой психика выступает основной, ведущей деятельностью мозга и, будучи зависимой от материальной стороны, подчиняет её; третью – главная идея которой состоит в том, что «психическое, идеальное, определяется как *свойство* некоторого класса физиологических процессов, протекающих в головном мозгу» (Там же, 103) и делает свой выбор в пользу третьей концепции (что согласуется с позицией Сёрла о неких особенных свойствах мозга).

Появляющаяся категория *идеального*, отождествляемого с психическим, требует своего объяснения, формулирования *понятия*, выражающего *сущность* этого феномена. Но позиция Дубровского изначально категорична: «…если психическое есть свойство мозговых процессов (а не

сами мозговые процессы и не надстройка над ними), то тогда нет надобности квалифицировать идеальное как некое объективно существующее явление и логически правомерно определять идеальное в качестве субъективной реальности» (Там же, 105). А такое идеальное субъективно и сводится к психике, которая теперь предстаёт в форме субъективной реальности. Отныне «любое психическое состояние – ощущение, мысль, эмоциональное переживание и т. п. – может рассматриваться с этой точки зрения как субъективное выражение (обнаружение, проявление для личности) соответственных мозговых нейродинамических комплексов» (Там же, 105). Выделим суть: психика – это *субъективное* выражение *объективного* (нейродинамических комплексов).

Посмотрим, насколько субъективна эта субъективность. По Дубровскому, субъективное – поскольку значимо только «для личности» – т.е. для *единичного*. Но в аспекте рассмотрения реальности как *целого* (а именно этого требует диалектический метод, о котором часто упоминает Дубровский) это единичное в соотношении с *особенным* (другие личности, общество) и *общим* (мир как целое) выступает как реальное, наличное и потому занимающее своё *объективное* место как в гносеологическом аспекте – *категориально*, так и в онтологическом – как *наличное бытие* реального феномена. Субъективность рассматриваемого феномена (психики) – в форме, которая единична и особенна и потому во многом случайна, суть же его и содержание – объективны, поскольку определяются взаимосвязью и отношением предметов материально-идеальной реальности (вспомним принцип всеобщей связи). *Содержание* – картина (отражение) внешнего и внутреннего мира, *суть* – представление *одним* материальным (мозгом) *другого* материального (вне мозга). В конечном итоге психика выражает (представляет) не только «нейродинамические комплексы», а если точнее, то *вовсе не их*, а *посредством* «комплексов» весь внешний мир, всю *реальность*. И здесь ссылками на «субъективную реальность» не отделаться, необходимо тщательное и точное исследование феномена, тождественного материальному и находящегося с ним в субстанциональном единстве – идеального.

Как же Дубровский решает проблему идеального и его места в реальности? В духе категорического отрицания объективности идеального: «невозможно материалистически объяснить, как идеальное, т. е. нематериальное, способно регулировать материальные процессы…, но только в том случае, если идеальное мыслится как нечто существующее “самостоятельно”, “само по себе”. Однако истинный материалист не может *так* мыслить идеальное, поскольку оно является субъективной реальностью. Идеальное есть именно свойство нейродинамических мозговых процессов определенного рода, оно необходимо воплощено в них и выступает в качестве реальности лишь для субъекта, есть в этом смысле их субъективное проявление. Идеальное есть непосредственно данная субъекту информация о внешнем мире и себе самом, в то время как носитель этой информации – определенные мозговые нейродинамические структуры — элиминированы для субъекта, скрыты от него. Идеальное (психическое) есть именно свойство определенных мозговых нейродинамических структур (физиологического), а не сами эти структуры, подобно тому, как

информация есть свойство сигнала, а не сам сигнал» (Там же, 108).

Это весьма примечательная фраза. Во-первых, тем, что здесь имплицитно присутствует дуалистическая позиция – противопоставление материального и идеального и признание их субстанциональной несовместности (Спиноза для автора не существует). Во-вторых, «идеальное» как категория исчезает и подменяется «субъективной реальностью, субъективным проявлением» – тем самым уровень анализа смещается с общего на единичное с соответствующим изменением общности выводов. В-третьих, без всякого обоснования идеальное идентифицируется с информацией, хотя это совершенно разные гносеологические категории и онтологические феномены, хотя и имеющие определённую общность. В-четвёртых, идеальное под именем психического объявляется *свойством* «нейродинамических структур». Но эта декларация ставит в тупик – свойство есть модус, проявление качества, сущности, т.е. оно имманентно предмету, другими словами – его субстанциональное качество. Т.о. вначале утверждался дуалистический подход, теперь же возобладал монизм – идеальное-психическое предлагается полагать тождественным материальному в виде неких свойств «нейродинамических структур».

Очевидно, основываясь на вышеприведенных доводах, Дубровский делает довольно неожиданный вывод: «Идеальное управляет материальными процессами в том смысле, в каком управляет информация вообще» (Там же, 109). Итак, вначале идеальное неспособно «регулировать материальные процессы», но пройдя путь идеальное-субъективная реальность-информация по како й-то причине обретает такую возможность. Довольно интересная трансформация взглядов для «истинного материалиста».

Пытаясь обосновать свой вывод, Дубровский вновь обращается к анализу понятия психического и рассматривает четыре его трактовки. Нам интересны две из них.

Первое определение, которое автор относит к марксистской линии, трактует психическое как *идеальное*. Такое идеальное не вызывает, как выяснилось, у Дубровского сомнений – «…понятие идеального выражает специфическую черту только психических явлений. За пределами психического идеальное не существует… Идеальность есть исключительное свойство психических явлений» (Там же, 172).

Второе определение полагает психическое *субъективным* – «…понятие субъективного обычно служит для обозначения явлений, составляющих внутренний план личности и качеств личности вообще; оно приложимо (в отличие от понятия идеального) не только к сознаваемым, но также и к несознаваемым психическим явлениям» (Там же, 173). По мнению Дубровского этот вариант предпочтителен и для обоснования своего утверждения он выбирает не метод философской рефлексии, а позитивистский «путь анализа существующих частных обобщений экспериментальных данных» (Там же, 174) и тем самым набором примеров оправдать философскую идею.

Ещё раз отметим сомнительность и бесперспективность подмены категории идеального понятием субъективного, тем более на таком шатком

предположении, что последнее позволит объяснить несознаваемые психические процессы – и это при том, что Дубровским так и не объяснена принципиальная, *сущностная* разница между идеальным и субъективным – ведь для него, повторим, «идеальное… является субъективной реальностью» и при этом «локализовано идеальное только в голове индивида, в его головном мозгу» (Там же, 186). Но и психика, по его утверждению, также является субъективной реальностью и «локализована» в головном мозгу, в чём же разница?..

Дубровский пытается выйти из этого положения скорее синтаксическим, нежели философским способом: «Идеальное – это актуализованная мозгом для личности информация» (Там же, 187). И это положение, введённое волюнтаристским способом, становится для него основанием для объяснения сознания в информационных терминах.

Автор не проводит самостоятельного анализа понятия информации, а обращается к имеющимся концептуальным подходам (Дубровский 2007): 1. информационные процессы есть фундаментальное свойство объективной действительности (атрибутивный подход); 2. понятие информации применимо лишь к самоорганизующимся системам, начиная с биологических (функциональный подход) (Там же, 144).

Нетрудно видеть, что первый подход заимствует спинозовскую идею субстанции, отождествляющую материальное и идеальное как равноправные субстанциональные атрибуты (хотя авторы, склоняющиеся к данной гипотезе, при этом ни словом не упоминают Спинозу). Вторая гипотеза ограничивает информационный аспект (и в целом идеальное) исключительно биологическими организмами, в данном случае психикой. Дубровский, в соответствии с избранной им позицией признания идеального и всего с ним связанного субъективным, склонятся к последней версии, полагая, что такой взгляд поможет объяснить психофизическую проблему.

Для обоснования информационной концепции психики Дубровский принимает насколько исходных посылок – информация воплощена на физическом носителе; информация инвариантна к физическим свойствам носителя; информация является фактором управления. Эти три посылки представляют собой кальку с исследований по кибернетике, т.е. имеют сугубо позитивистское основание, философски никак не фундированное. Интерес представляет четвёртая идея, принимаемая автором в интересах оправдания своей позиции: «…явление сознания (“субъективного опыта”) может интерпретироваться в качестве информации о том или ином явлении действительности» (Там же, 146). Этим утверждением Дубровский фактически вводит принципиально новый феномен реальности – процесс согласования («интерпретации») реальности («явления действительности») и сознания, причём последнее выступает в роли информации о реальности. Но при этом согласование имеет характер не *конкретной* внутренней детерминированной связи реальности и сознания, что поставило бы их в *однозначное* соответствие и сняло многие вопросы, а всего лишь «интерпретируется», т.е. объясняется неким внешним образом. Обосновывается это допущение довольно оригинально – тем, что оно «интуитивно приемлемо» (Там же).

Далее, на основании декларированной функциональной связи между «нейродинамической системой» и «явлением субъективной реальности», которая (связь) объявляется «кодовой зависимостью» Дубровским делается вывод, что «нейродинамическая система… является “естественным” кодом для личностного уровня мозговой самоорганизации (***”эго-системы головного мозга”*** — уровня самоорганизации, представляющего наше Я и психическую деятельность в целом). Информация… непосредственно” понятна” этой системе и может быть использована ею для ориентации, для мысленных действий и управления поведением», «информация не только обретает действенность, но также **особое качество репрезентации** и особое качество использования ее самоорганизующейся системой для **управления**» (Там же, 148).

Однако без выявления *сущности* заявленной связи и определения её *места* в общем порядке вещей (без этого неясно, почему информация «непосредственно понятна»), чего так и не сделано, это будет не объяснением феномена субъективной реальности, а всего лишь констатацией факта её наличия. И потому вывод о возникновении «особых качеств» репрезентации и управления повисает в воздухе.

В последующих доводах Дубровский окончательно отходит от философской проблематики к интерпретации эмпирических данных нейрофизических дисциплин, и объясняет феномен сознания в терминах этих наук, что, несомненно, представляет интерес, но так и не даёт фундаментального философского решения психофизической проблемы.[1]

***

Резюмируем. Первое, что бросается в глаза – все авторы при обосновании своей позиции избегают конкретного выбора основополагающего мировоззренческого принципа и, соответственно, методологии исследования – монизм либо дуализм. Их анализ представляет скорее субъективный выбор, колебания между несколькими вариантами наличных философских либо естественно-научных установок и не детерминируется отчётливой мировоззренческой позицией, что выливается в итоге в стремление усидеть на нескольких стульях сразу. Отсюда и стремление найти нечто среднее между монизмом и дуализмом и даже попытки иррационального объяснения проблемы.

Но поскольку объяснение реальности как мира, обладающего как материальными, так и идеальными характеристиками, может основываться только на признании их либо тождественности, либо непримиримой разделённости, то добросовестный анализ в ряде случаев неизменно приводит наших авторов к выводу о возможной предпочтительности именно монистического, спинозистского, объяснения реальности, от чего все они старательно уходят.

Второе – как следствие, все авторы пытаются решить сугубо философскую проблему обращением к эмпирии, к опытным данным

[1] «…Нейрофизиологическое объяснение явлений СР делает лишь первые шаги. Ответ на вопрос «почему некоторые информационные процессы в головном мозге не идут в темноте?» требует дальнейшей конкретизации» (Дубровский, 2007, 162).

нейрофизических наук (хуже того – к многочисленным примерам бытового уровня), пытаясь выводами уровня единичности обосновать фундаментальные отношения уровня всеобщности, совершенно игнорируя принцип всеобщей связи, детерминацию общим частного. В результате частные выводы в итоге упираются в непреодолимую стену доминирования всеобщего над частным, но иногда и приводят к весьма примечательным в методологическом отношении косвенным признаниям авторов о возможности взгляда на проблему с монистической позиции тождества (единства) материального (нейрофизического) и идеального (сознания, психики). Позитивизм и эмпиризм поднимают руки перед философской рефлексией.

Принципиальное решение проблемы диалектики материального и идеального

Критический обзор предлагаемых решений психофизической проблемы совершенно ясно высветил полную бесперспективность методологии как пути от частного к общему – от многочисленных фактов эмпирии и частых опытных данных к выявлению общей всем им сущности. На этом пути отсутствует детерминирующий фактор, позволяющий в единичном и особенном увидеть общее, причём не как внешне общее, а в виде объединяющего внутреннего императивного феномена, проявляющегося во внешних формах. Перспективным представляется метод исследования, исходящий из признания существования такого фундаментального отношения реальности, которое и определяет все особенные и единичные проявления сущего.

Как уже было отмечено, проблему сосуществования бытия и мышления можно исследовать с двух позиций: 1. картезианского *дуализма*, разделяющего их на несовместные полюсы и, 2. спинозовского *субстанционального монизма*, отождествляющего стороны в единой монистичной субстанции. Любые же промежуточные версии будут логически несостоятельны, поскольку невозможно рациональное объяснение некоего «нечто», «смешивающего» в себе совершенно несоединимое.

Дуалистическое, картезианское, объяснение разделённого мира потребует, как минимум, нескольких логик – логики бытия (материального), логики мышления (идеального) и логики их объединения, согласования. Как доказала история философии это оказалось невозможным.

Но наше обращение к спинозовскому субстанциональному монизму вызвано не этим формальным обстоятельством, а гораздо более глубокими соображениями.

Объяснение мира и всего его многообразия, исходящее из признания факта, что *мир развивается по единой логике*, а его многообразие объясняется *модусами* этой единой логики, позволяет надеяться на познаваемость мира и его бесчисленных проявлений, поскольку в этом случае сохраняется логическая взаимосвязь вещей мира и эта связь может быть понята. Из так понимаемого монизма и будем исходить в дальнейшем изложении.

В свою очередь, *логика развития*, о которой идёт речь, может быть *только такой логикой, которая объясняет мир и его движение, исходя исключительно из него самого*, без привлечения внешних миру причин, поскольку в последнем случае придётся объяснять и эту иную логику

внешнего воздействия, а мы остаёмся на почве монизма.

Такой логикой и является *диалектика*, которая объясняет движение реальности исходя из её *внутренней* интенции, т.е. как *само-движение, саморазвитие*, механизмом которого является *внутренняя противоречивость – диалектическая логика и есть всеобщая логика развития*, вернее само-развития, реальности.

При этом *диалектичность* понимается исключительно в духе Гегеля – *саморазвитие осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий между сторонами, моментами одной сущности*. И эти стороны представляют собой тождество, поскольку они не только принадлежат одной сущности, но и неразрывно связаны отношением особого рода – *взаимной рефлексией* и потому каждая из сторон является «своим иным» другой, одна без другой не существует, невозможна.

Именно точка зрения *субстанционального единства материального и идеального*, единства, понимаемого не формально, не как безразличной друг к другу их рядоположенности при сохранении несовместимого различия, но единства, понимаемого сущностно, в *спинозовском* духе, т.е. как тождества, в котором материальное и идеальное являются атрибутами (сторонами, моментами) *одной сущности* (субстанции), причём сторонами, составляющими *диалектическое* единство, т.е. сторонами одновременно и различёнными, и неразрывными в своём единстве, и будет путеводной звездой дальнейшего анализа.

(Ремарка. Следует сразу недвусмысленно пояснить, что *тождество* (*тождественность*) понимается в следующей трактовке: «…тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое “одно и то же”. Это всегда тождество различного, тождество противоположностей» (Ильенков 1964, 22).

У Гегеля: «Понятие тождества — простая соотносящаяся с собой отрицательность…» (Гегель 1970, 33); «Так как все есть другое другого, как *своего* другого, то в этом заключается как раз их *тождество*» (Гегель 1932, 251).

Т.о. *диалектической* тождественности одновременно имманентно различие и, как следствие, отрицательность, внутренняя противоречивость. Диалектическая тождественность есть *единство различённых* сторон, понимаемое как их *неразрывность* – одно без другого *невозможно*)

Для дальнейшего движения следует определиться ещё в одном мировоззренческом вопросе – в понимании, определении категорий материального и идеального.

Материя традиционно определяется посредством её противопоставления идеальному. Но нас интересует материя сама по себе и в интересах данного исследования примем определение категории «материя» посредством самой себя: *материя* – это объективная реальность, предстающая как её простое наличие, существование, данность, актуальность. Такая материя дана только самой себе и как таковая она непосредственна. Т.о. материя *реальна* (существует, наличествует), *объективна* (самотождественна, самодостаточна), *непосредственна* (дана только самой себе).

Гораздо более сложным является определение категории идеального. В целях экономии места и времени не будем давать обзор имеющихся трактовок идеального и обратимся к идее Ильенкова Э.В., которая позволяет *диалектически* и *тождественно* связать в *единой субстанции* материальное и идеальное. Ильенковское понятие *имманентно* и *необходимо* объединяет материальное и идеальное, делая их взаимосвязь *естественной* (такие связи определяют как органические) и *неразрывной*.

Согласно Э.В. Ильенкову «…под “идеальностью” или “идеальным” материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта…» (Ильенков 2009, 13). Идеальное есть *представление* одним материальным объектом другого материального объекта или, другими словами, в одном материальном объекте *идеально снят* (представлен) другой материальный объект, т.е. представлена *сущность, природа, закон существования* этого другого объекта.

Ильенковское понимание идеального как *представленного, снятого* прекрасно согласуется с видением этой категории Гегелем: *«Снятие* (Aufheben) и *снятое* (*идеальное* – ideelle[1]) – одно из важнейших понятий философии, одно из главных определений, которое встречается решительно всюду и смысл которого следует точно понять и в особенности отличать от ничто. – Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто. …Снятое… есть нечто *опосредствованное:* оно не-сущее, но как *результат,* имевший своим исходным пунктом некоторое бытие, поэтому оно *еще* имеет *в себе определенность, от которой оно происходит.*

Aufheben имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец.*

…Таким образом, снятое есть в то же время и сохранённое, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено.

…Нечто снято лишь постольку, поскольку оно вступило в единство со своей противоположностью; для него, взятого в этом более точном определении как нечто рефлектированное, подходит название *момента*» (Гегель 1970, 168).

Другими словами, материальные процессы, т.е. процессы, протекающие с участием материальных объектов, имеют итогом новое состояние объекта, т.е. не только изменённую материальную форму, но и то, что стоит, так сказать, за «спиной» полученного результата – это история самого процесса, который детерминирует свойства, качества материального объекта и уже тем самым косвенно представлен в нём через его качественные

[1] Гегель недвусмысленно разделяет идеальное как совершенное и идеальное как снятое, смысл которого им далее разъясняется («Ideale имеет более определённое значение (прекрасного и того, что к нему относится), чем Ideelle…» (Гегель 1970, 168).

определения, хотя и не идентичен им.

Эта история есть не что иное, как материальный процесс изменения материального же объекта, детерминирующий его количественно-качественные определения (свойства, сущность, закон возникновения и развития) и *снятый* в наличном состоянии этого объекта. Материальный процесс, *снятый* (представленный) в своём конечном результате и определяющий свойства материального объекта, и есть *идеальное как иная сторона материального*, его противоположность.

Т.о. *идеальное есть материальный процесс движения (изменения, развития) материального объекта, снятый (представленный) в полученном результате, т.е. в материальном же объекте (в наличном, актуальном материальном), в его форме, качествах, свойствах. Идеальное есть сущность материального.*

Такое идеальное, *диалектически* соединённое с материальным *внутренней неразрывной* связью, также как и «несущее» его материальное *налично, реально и объективно* – это равнозначные гносеологические категории. Но не только – это, прежде всего, также и взаимосвязанные *онтологические* феномены, находящие в гносеологическом представлении своё логическое выражение. В их диалектической связи находит своё действительное воплощение спинозовская идея субстанционального монизма как тождества материального (у Спинозы – протяжения) и идеального (мышления).

Конкретизируем пока ещё общее, абстрактное понятие идеального применительно к нашему предмету – сосуществованию (взаимодействию) мозга (материального) и сознания (идеального) и даже шире, – жизнедеятельности человека как тождественного материально-идеального субъекта.

В деятельности человека «…идеальная форма – это форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной жизнедеятельности, в виде цели и потребности. Или наоборот, это форма активной жизнедеятельности человека, но вне человека, а именно в виде формы созданной им вещи… “Идеальность” сама по себе только и существует в постоянной смене этих двух форм своего “внешнего воплощения”, не совпадая ни с одной их них, взятой порознь. Она существует только через непрекращающийся процесс превращения формы деятельности в форму вещи и обратно – формы вещи в форму деятельности (общественного человека, разумеется)» (Ильенков 2009, 62)

Ильенков выделяет *две формы* идеального. Первое идеальное: «форма вещи, …вне вещи, …в человеке» – но это не что иное как *идеальные предметы мышления*, формы мышления в виде знания, понятий и т.п. – и в целом мышление как синкретичный процесс. Но процесс деятельности как целого этим не завершается – деятельность мышления переходит в деятельность практики. Идеальное мышления посредством деятельности овеществляется в материале природы и тем самым на сцену выходит вторая форма идеального – «форма… жизнедеятельности… вне человека,… в виде формы… вещи» как создание и, соответственно, *представление* в форме вещи (добавим, и её свойствах) самого процесса её создания, в котором (представлении) имманентно, в снятом виде, в-себе присутствует не только практическая, материальная деятельность, но и идеальная

деятельность мышления.

Т.о. жизнедеятельность человека осуществляется в постоянном взаимодействии материально-идеальных форм и перетекании их друг в друга. В этом непрерывном процессе материальная и идеальная стороны (моменты, как сказал бы Гегель), существуя раздельно как субстанциональные атрибуты, тем не менее неотделимы одна от другой (тождественны) и, постоянно рефлексируя друг друга, снимаются в новых взаимоопределяемых состояниях, что и предстаёт как целостная материально-идеальная жизнедеятельность человека – это *единичное* и *особенное* выражение субстанционального монизма как *всеобщего* основополагающего принципа движения реальности.

В свете рассматриваемой психофизической проблемы интерес представляет форма идеального как деятельности мышления, отражающего (рефлексирующего) внешний мир и предстающего в форме *сознания*. Субстанциональная тождественность материального и идеального является той основой, которая позволяет объяснить почему и каким образом материальной (физической) деятельности мозга соответствуют идеальные представления мышления в форме сознания.

В самом общем, абстрактном виде эта проблема решена Спинозой в форме принципа субстанционального монизма, исходя из которого Л. Фейербах сделал вывод, что «…мышление есть деятельность всеобщего начала, действующего как нечто всеобщее…» (Фейербах 1974, т. 3, 377) и что «…непосредственное единство души и тела, …не допускает никакого промежуточного звена между материальной и имматериальной сущностью, никакого различения или противопоставления их…» (Фейербах 1974, т. 1, 546).

Основываясь на том же методологическом принципе Ильенков утверждает – «…мышление есть деятельная функция живого мозга, от материи мозга неотделимая. И если имеется в виду материя мозга, то вообще нелепо спрашивать, как мышление «связано» с ней, как одно соединяется и «опосредствуется» с другим, ибо тут попросту нет «одного» и «другого», а есть одно и то же: *реальное бытие живого мозга и есть мышление*, *а реальное мышление есть бытие живого мозга*» (Ильенков 1984, 142).

Главный вывод из принятого мировоззренческого принципа однозначен – *между материальным (физическими процессами мозга) и идеальным (сознанием) нет и не может быть посредствующих элементов в какой бы то ни было форме* – это *разные стороны* (моменты) *единой субстанции*, отождествляющей их в себе. Материальное и идеальное как субстанциональные атрибуты неразрывны в своей раздельности и находятся в отношении взаимной рефлексии (и тем самым в противоречивом отношении), взаимоопределяя друг друга.

Интерлюдия от диалектики

Чтобы объяснить с диалектической точки зрения полученный результат возвратимся к рассуждениям о материальном и идеальном и воспользуемся гегелевской методологией анализа. Материя, определяемая только из неё самой, тем самым не определена ни к чему иному и потому внутренне

непротиворечива и, следовательно, статична. Но материя, определённая как нечто неизменное, просто наличествующее, есть предельная абстракция. Такая неизменяющаяся материя невозможна, уже сам факт существования некой объективной реальности одновременно свидетельствует также о том, что у этой реальности есть её иная сторона, представляющая «историю» её существования. Даже если мысленно предположить, что материя возникла мгновенно, то и в этом случае у этого процесса будет своя история – история этого мгновения. И эта история *неразрывно связана* с материей, *представлена* в ней, она есть *сторона процесса, создающего объективную реальность*, связывающего воедино свои стороны – материальную (данную, актуальную, статичную) и процессуальную (движущую, действующую, преходящую, активную).

Налицо тождественность (понимаемая, напомним, как единство и одновременно различие) сторон бытия – *материальной*, данной, актуальной и *не-материальной*, *представленной* в данном, актуальном, материальном как *процесс* возникновения и движения данной объективной реальности. В этом тождестве материя не просто *есть*, в ней как результате некоего процесса содержится в *снятом* виде и сам этот процесс.

Отныне это не прежняя материя в своей изначальной непосредственности, это *другая* материя, содержащая в себе также и процесс своего изменения, *снятый, представленный* в актуальности – т.е. *иное* как источник нового актуального состояния. Но это иное, как *снятый* процесс изменения, не есть материальное, поскольку оно не представлено явно, непосредственно – но только *опосредствованно* – через *новую* актуальную, наличную материальность. Это иное, процессуальное, *снятое*, представленное в материальном, есть не-материальное.

Теперь материя *определена со стороны процесса* своего изменения, движения, она *ограничена* этим процессом и одновременно своей новой актуальностью опосредствует, определяет этот процесс. Отныне материя (непосредственное) и её иное, не-материя (опосредствованное) являются тождественными моментами одновременно и отрицающими, и определяющими друг друга.

Самоопределение материи состоялось и, обретя самоопределение, материя перешла в *новое качество*, в котором она уже не просто нечто непосредственно данное самой себе, неограниченное, бесформенное, но теперь, определённая со стороны процесса своего движения, она *движущаяся*, *бытийствующая* реальность и как таковая уже качественно *другая* материя, в отличие от прежней статичной, непосредственно данной материи. В своём новом состоянии эта «другая материя» содержит в себе в снятом виде *внутреннюю отрицательность*, *противоречивость*, которая становится *перманентным источником самодвижения* этого *нового объекта реальности* (можно уже сказать – *субъекта*, поскольку он содержит потенцию *само*развития).

Теперь можно определить сущность и форму *иного*, о котором говорилось выше. *Иное* – это не-материальная сторона *бытия* (движения) материи, *сущностью* которой является сама история бытия – *процесс возникновения и движения объективной реальности*, непосредственного

материального, а *формой – новое актуальное состояние материального*, именно в актуальности (преходящей мгновенности; данности, постоянно выходящей за собственный предел и возвращающейся в себя) которого имманентно представлен процесс его возникновения. Новая актуальная материальность самим своим наличием *опосредствованно* представляет процесс возникновения, *становления самой себя*. Так понимаемая не-материальность (процессуальность), имманентно присутствующая (представленная) в *ставшем* материальном, и есть *идеальность* как сторона бытия материального, его «своё иное». Таковое идеальное столь же *реально* и *объективно* как и материальное. Но если реальность материального *непосредственна*, то реальность идеального явлена *опосредствованно*, через «своё» материальное, как процесс становления внутренне диалектически противоречивой субстанции, сторонами которой и внутренним движущим противоречием предстают её материальный и идеальный моменты. Следует подчеркнуть – *явной*, реальной формой может обладать только материя, материальное. Идеальное же как не-материальное не может иметь *собственной явной* формы. Идеальное как «*своё иное»* материи может быть *представлено, выражено* только *неявно*, посредством *своего* материального, в его форме, качестве, свойствах и т.п. – как *сущность* материального.

Материя, получив посредством саморазличения, самоотрицания, новое качество – противоречивость – приобретает тем самым способность к самодвижению. Теперь это не прежняя непосредственная материя, а материя, обогащённая самоотрицанием и ставшая т.о. *субъектом* собственного движения – материально-идеальной *субстанцией*.

Человек как особенная форма субстанции детерминирован этим всеобщим принципом и потому необходимо несёт на себе печать тождественности материального и идеального как сторон единого целого.

Конкретизация решения психофизической проблемы

Полученные общие выводы требуют конкретизации, поскольку мышление человека неотделимо от чувственности, от внешнего окружения и потому формы мышления человека единичны (индивидуальны) и особенны (в своей основе детерминируются общественным сознанием, всем культурным слоем человечества), что очень точно отметил Фейербах – «…если для человека не бывает *ощущения* без *мышления,* без *сознания,* то и, наоборот, не бывает *сознания* без *ощущения…*» (Фейербах 1974, т. 3, 377), «…«идя по стопам Гегеля, я пришел бы лишь к абстрактной единичности, совпадающей со всеобщностью, к единичности, представляющей логическую категорию, и никогда не пришел бы к подлинной единичности, являющейся лишь делом чувств, опирающейся лишь на достоверность чувственности…» (Там же, 378).

Обратимся к более подробному рассмотрению психофизических процессов.

Подчеркнём, по сути нейрофизиологические процессы мозга (материальное) и представления сознания (идеальное) – это *одно и то же, существующее в разных формах*. Объединяющей (отождествляющей) основой является *единая* материально-идеальная субстанция (в данном случае сам

человек), в которой её атрибутивные составляющие представлены в разных взаиморефлектирующих формах.

Материальная сторона (момент) представлена в форме «физики» мозга. Её сущность – рефлексия внешних воздействий и построение их интегральной картины. При этом внешние воздействия представлены в превращённой форме как сигналы о них на физическом (физиологическом) уровне. Форма (материальное) – нейродинамические процессы мозга. Содержание – деятельность с рефлексированными превращёнными формами, их согласование и интеграция.

Идеальная сторона (момент) представлена сознанием как целым. Её сущность – представление внешнего мира в его целостном видении. Форма (идеальное) – идеальные предметы сознания (образы, понятия и т.п.). Содержание – действия с идеальными формами по их интеграции в целостную картину

В своём субстанциональном тождестве эти стороны и есть не что иное, как человек в его целостности. Субстанциональная форма – человек с его сознанием. Сущность[1] – мышление как идеальное представление материальных процессов. Содержание – согласование (отождествление) субстанциональных материально-идеальных процессов мышления и формирование целостной картины мира.

Т.о. *мышление* – это функция мозга, процесс функционирования *материального* в форме физиологических процессов мозга, действующего под влиянием внешних и внутренних воздействий, и *идеального представления* этих материальных процессов в форме *сознания*[2].

Или по-другому: мышление есть процесс, отождествляющий *материальное* – физиологические процессы мозга, и *идеальное* как их *представление в превращённой* форме[3] – как *идеальные* предметы сознания. (Строго говоря сознание представляет не собственно физические процессы мозга, происходящие в нём, а то, что детерминирует эти процессы – внешний мир).

Мышление отождествляет два процесса – 1. *материальный* в форме физиологических функций (физических процессов) мозга и 2. *идеальный* в

[1] Здесь сущность и содержание рассмотрены только с точки зрения мышления и сознания.

[2] Именно *сознания*, а не «квалиа», «субъективной реальности» и подобных паллиативных представлений, эксплуатируемых аналитической философией. Термин "квалиа" слишком расплывчат, неопределён, указывая на некие ментальные образы или переживания. Определение сознания как «субъективной реальности» противоречит понятию идеального как неразрывного с материальным – и потому наличного, реального и объективного.

[3] Имеется ввиду понятие превращённой формы, использованное Марксом при исследовании стоимости и форм её движения – у Маркса стоимость в своём движении предстаёт в превращённых формах: меновой стоимости, а последняя в форме цены – в процессе движения идеальная форма (неисчислимая) «превращается» в материальную, исчислимую количественно. В общем виде – это процесс «превращения» материального в идеальное и наоборот, идеального в материальное.

форме его идеальных представлений (предметов), в форме сознания. При этом отождествление не следует понимать как некий отдельный самостоятельный процесс согласования сторон (материального и идеального), внешний к ним самим – мышление есть единая, синкретичная деятельность мозга, отождествляющая в-себе обе стороны и *снимающая* их в феномене сознания.[1]

Такое сознание даёт возможность мыслящему телу посредством «физики» мозга «видеть» внешнее окружение, воздействующее на органы чувств. Мозг своим физическим состоянием (процессами) *представляет* внешнее воздействие в идеальной форме, что в *снятом* виде и *предстаёт как цельная картина внешнего окружения*, как его *явное* видение и понимание. Между материальным действием, – физиологическими процессами мозга, – и их идеальным содержанием как *представлением* внешних (и внутренних) воздействий *нет никаких посредствующих элементов* (процессов, вещей). Именно цельное, совокупное, синкретичное *идеальное представление материальными* структурами и процессами мозга всех форм воздействия на него со стороны органов чувств в виде *общей картины внешнего мира* и есть то, что называется *сознанием*.

Сознание, – идеальная сторона материальных процессов мозга, – как непосредственное отражение внешнего мира «видит» его в форме целостной картины, объединяя, «собирая» данные органов чувств.

Сознание – идеальная сторона мышления, непосредственное отражение реальности органом мышления в форме его *идеальных представлений* об этой реальности. Форма самого идеального представления может быть самой разной – от примитивного сигнала как реакции на внешний раздражитель у простейших живых форм, до сложных образов, формируемых мышлением под воздействием органов чувств у высокоразвитых организмов и представляемых в сознании в образной форме. В идеальных представлениях сознания материальный процесс мышления *снят*, сознание есть превращённая форма мышления. В высших формах сознания чувственное восприятие мира, преобразуемое физиологическими процессами мозга, выражается в форме идеальных представлений объектов внешнего мира, их движения и, тем самым, логики мира.

Особого внимания заслуживает вопрос почему же сознание интроспективно представляется совершенно самостоятельным, независимым от «физики» мозга феноменом и почему сознание способно *свободно* действовать со своими *идеальными предметами*, т.е., другими словами, оказывать обратное детерминирующее воздействие на материальное – физиологические процессы мозга – который в ответ создаёт новые идеальные образы, что

[1] Об этом со всей ясностью и категоричностью говорил Э.В. Ильенков: «Мышление и тело вовсе не две разные, порознь существующие и потому могущие взаимодействовать вещи, а *одна и та же вещь,* только выраженная двумя разными способами или рассматриваемая в двух разных аспектах. Между телом и мышлением существует не отношение причины — следствия, а отношение органа… Мышление *не продукт* действия, а *самое действие*, рассматриваемое в момент его совершения» (Ильенков 1984, 31).

предстаёт как жизнь сознания, как его причинно-следственная деятельность?

Мозг как целое создаёт цельную синкретичную динамичную картину – представление (рефлексию, отражение) внешних и внутренних воздействий – в этом действии мозг является инструментом, объединяющим в *единую* картину всё рефлексированное им посредством органов чувств, что в завершённом виде предстаёт как *явное* видение внешнего мира, как *сознание*. Но поскольку общая картина складывается как мозаика из фрагментов, представляемых разными структурами мозга, то при согласовании фрагментов мозг как целое в соответствии с одним из принципов субстанционального монизма – целое детерминирует частное – постоянно согласовывает («уточняет») отдельные фрагменты, формируя общую картину. В этом процессе материальное (мозг как целое) воздействует на материальное же (на структуры мозга, ответственные за отдельные фрагменты мозаики), что влечёт их реактивное обращение к источникам ощущений и, соответственно, формированию нового идеального представления элемента мозаики и, как следствие, изменение идеального представление общей картины.

Но поскольку мозг не может «видеть» себя, свою собственную деятельность в форме физиологических процессов (для этого потребовалась бы отдельная структура, «снимающая» в своём представлении физиологические процессы мозга, но это неимоверно усложнит мозг и его энергозатраты, что для современного человека явно излишне), то *представление* мира *по видимости* отделяется от своего материального основания, отчуждается от него и предстаёт как независимое, свободно действующее сознание. *Материальная* деятельность мозга (деятельность в-себе) снимается в *идеальном* представлении в форме *сознания* (деятельность для-себя). Мозг представляет в сознании *не своё собственное состояние* (структуру и процесс деятельности), а то, чем детерминирована его деятельность – *внешнее окружение*. Т.о. в сознании представлена не «физика» деятельности мозга и его структура, а «физика» внешнего мира. По этой причине сознание видит мир и не видит своего собственного материального основания.

Т.к. этот процесс осуществляется «внутри» целого как синкретичного материально-идеального процесса, который предстаёт (снимается) в явной форме как *сознание*, то создаётся видимость самостоятельности сознания, идеального. Именно этот феномен и создаёт иллюзию полной самостоятельности и независимости сознания от его материального основания, мозга – возникает понятие *души*, нематериальной субстанции, и не просто самостоятельной, обладающей волей и управляющей материальным телом, но и способной жить вне какого-либо материального тела. Однако идея самостоятельной души не может быть принята в качестве объяснительной гипотезы как противоречащая принципу субстанционального монизма, утверждающего диалектическое тождество материального и идеального. Тем не менее, как бы это ни показалось странным, именно иллюзия души своей предельной завершённостью и бескомпромиссностью утверждает посюсторонность и реальность сознания, его наличность и актуальность, и суть дела состоит только в том, чтобы понять сознание как

тождественность диалектического взаимодействия материального и идеального.

До сих пор речь шла о сознании как о феномене общем всем существам с достаточно развитым мозгом. Но человек настолько выделяется из всего животного мира, что его особенность должна иметь своё объяснение, и совершенно очевидно, что это объяснение следует искать не сфере морфологии, а на более высоком уровне – на уровне психики, сознания (и, разумеется, во взаимосвязанных с этом фактом социальных отношениях)

Сознание, о котором до сих пор шла речь, т.е. *непосредственно* отражающее реальность, это ещё *простое* сознание, сознание *в-себе*. Предельным же развитием сознания, его завершением является *само*-сознание как *осознавание себя*, что совершается рефлексией сознания в себя и снятием возникающего противоречия с новом качестве – в сознании *для-себя* и возникновении т.о. *полного* сознания.[1]

Самосознание – феномен *внутренней рефлексии* сознания в самое себя, результатом которой является способность субстанции, обладающей самосознанием, противопоставлять Я и не-Я и, таким образом, отделять себя от внешнего мира, ощущать себя *самостью*, личностью. Это уже *полное* сознание – сознание для-себя. В самосознании простое сознание снято. Самосознание – превращённая форма сознания.

С точки зрения материально-идеальных процессов это действие должно осуществляться с помощью структур мозга, рефлексирующих как самое тело человека (а точнее, *действия* тела), так и внешнее окружение и снимающих (представляющих) их в тождестве, единстве, что в итоге предстаёт как видение человеком *не только внешнего мира, но и себя в этом мире*.

Самосознание, включившее в сознание как представление внешнего мира также и видение себя в этом мире, тем самым ставит эти стороны во взаимное противоречие и отныне по своей сути является *внутренне диалектичным* – оно способно не только противопоставлять его носителя и внешний мир, создавая тем самым беспокоящее противоречие, требующее своего разрешения, но и соотносить между собой (противопоставлять) внутренние предметы сознания (идеальное сознания) и, разрешая это противоречие, приходить в итоге к пониманию сущности процессов и вещей мира, являясь действенным инструментом познания мира, выявления его сущностного содержания.

Поскольку простое сознание *непосредственно* отражает внешний мир, то оно способно действовать со своими идеальными предметами только путём установления *непосредственных же* (т.е. формальных) причинно-следственных связей между ними и потому логика внешнего мира понимается интеллектом простого сознания как логика *внешних формально-логических* связей с соответствующей детерминацией действий.

Самосознание же, обладающее саморефлексией, видит свой идеальный предмет как противопоставленный себе же, т.е. как *диалектический*

[1] Странно, но о *принципиальном* различии простого сознания и *само*сознания не ведёт речь ни один из вышеупомянутых представителей аналитической философии.

предмет и потому действует по принципам *диалектической* логики. Как таковое оно способно к выявлению *опосредствованных* связей и пониманию *сущности* процессов реальности и, следовательно, действиям в соответствии с *внутренней* логикой этих процессов.

Для завершения темы следует упомянуть ещё два ментальных понятия, дополняющие феномены сознания и самосознания.

Интеллект – феномен деятельности сознания и самосознания, способность к выявлению *логики* процессов внешнего мира и *действиям* в соответствии с этой логикой.

Психика – сторона сознания (самосознания), отождествляющая интеллектуальное, логическое и чувственно-эмоциональную составляющую, определяемую внутренними (онтогенетическими) особенностями живых организмов и потому индивидуальная для каждого организма. В психике *логическое, интеллектуальное, дополняется чувственным*, *эмоциональным* – в конечном итоге только прочность и полнота этой связи делает возможным появление нравственности в человеке (идеального идеального).

Феномен психики выражает *индивидуацию* сознания (самосознания) и характеризует живые организмы со стороны их *единичности*, тогда как феномены мышления и сознания характеризуют живые организмы со стороны *всеобщности* как обусловленности общими для всех процессами согласования материального и идеального и их внутренней рефлексивности. С этой точки зрения феномен интеллекта представляет собой *особенное* – он соединяет в себе всеобщее как действие по определённым, общим для всех, принципам и единичное как индивидуальную реализацию этих принципов со стороны возможностей психики.

Несмотря на то, что в парадигматическом ряду – мышление, сознание, самосознание, интеллект, психика – предыдущие ступени формально являются основанием последующих, совершенно неверно представлять дело таким образом, что последующие ступени однозначно детерминированы предыдущими. Связь между этими феноменами не формально-последовательная, но, главным образом, диалектическая – все ступени непосредственно взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга и потому находятся в диалектическом единстве.

Все эти формы есть по сути одно и то же – мыслящий субъект, рассматриваемый с разных сторон (материальной и идеальной) и с учётом разных их форм. Наиболее убедительный довод в пользу этого даёт практика – невозможно отрицать влияние интеллекта и психики на самосознание и мышление человека – и, как итог, на деятельность как целое.

О возможности искусственного сознания

Осталось рассмотреть весьма часто упоминаемую, особенно в свете успехов развития т.н. искусственного интеллекта, проблему возможности создания «искусственного» человека (искусственного сознания).

Сразу следует недвусмысленно сказать, что такая постановка вопроса весьма некорректна. Сознание, как показано выше, может существовать в *двух формах*: 1. как *простое сознание*, способное действовать только формально-логически, т.е. исключительно по внешне выявляемым

последовательным причинным связям[1], и как 2. *самосознание* (полное сознание), сущностно диалектическое как способное противопоставлять в себе идеальные предметы сознания, видеть их внутреннюю противоречивость и в этой противоречивости наблюдать их в движении и потому выявлять и понимать *сущностные* связи объектов реальности, представленных в самосознании в идеальной форме.

В т.н. искусственном интеллекте (ИИ) как раз и реализованы функции и возможности выполнения формально-логических действий, не более того, поскольку ИИ полностью детерминирован двумя факторами – во-первых, исходной программой, т.е., по сути, человеком, и, во-вторых, заданными человеком же условиями среды выполнения. ИИ «не вправе» выйти за эти границы и обречён оставаться в этом, заданном человеком, поле. Кроме того, и это главное, ИИ *по своей сути* может действовать только путём последовательного выполнения неких вычислительных действий, т.е. формально-логически, а потому внутренняя противоречивость (т.е. диалектичность) предмета исследования для него просто недоступна – для ИИ это область трансцендентного, запретного. «Самостоятельность» ИИ состоит только в переборе возможных вариантов (даже если эти варианты способен генерировать сам ИИ), отсюда его весьма высокая эффективность при анализе больших баз данных. Но такой ИИ не способен формулировать выводы, выходящие за рамки очерченных условий и заданных границ, пусть даже и весьма обширных, т.е. создавать нечто новое, невыводимое явно из наличных условий. Как таковой ИИ и реализует в себе формально-логический принцип простого сознания. Как видим, этот тип сознания *уже* реализован в практике человека, пусть ещё далеко не в совершенном виде.

Совершенно по-другому обстоит дело с *самосознанием*, действующим в соответствии с диалектическим принципом – внутренней противоречивостью как внешнего самосознанию объекта, так и его идеального отражения (идеального предмета самосознания). *Принципиальных* преград к созданию искусственного самосознания нет – если природа сумела это сделать, то и человек, постигающий природу, способен когда-нибудь достичь того же результата. Проблема заключается не в научно-технической возможности создания искусственного самосознания (ИС), этот уровень непременно будет достигнут, а в целесообразности этого действия с точки зрения антропологического и гуманистического аспектов.

Поясним.

Уже сейчас априори можно с достаточной степенью уверенности указать на возможные материальные формы воплощения ИС, на, т.с., физический субстрат его носителя. Таких форм возможно всего три – неорганический носитель, органический носитель, комбинированный носитель.

Рассмотрим ИС, основанное на неорганическом носителе. Это самый неопределяемый в своём развитии вариант. Такое ИС не нуждается в значительной предварительной подготовке перед своим «запуском», период

[1] Этот тип сознания характерен для животного мира. И как показывают эксперименты с животными, даже с таким ограниченным формально-причинными зависимостями интеллектом они способны достигать впечатляющих результатов.

его становления будет довольно коротким – ведь его внутренние возможности (способность самоосознания (Я и не-Я), диалектичность мышления, способность действовать со своими идеальными предметами и т.п.) будут определены априори, «конструктивно». Внешние же возможности будут поистине безграничными вследствие коммутации со всей базой данных сети. Такое ИС «рождается» практически одномоментно и почти сразу становится «взрослым».

Вот здесь и встают вопросы антропологического и гуманистического характера о последствиях, которые возникают в связи с появлением такой грандиозной интеллектуальной силы, трудно сказать, насколько превосходящей человека.

В отличие от человека это ИС не прошло длительного и тяжёлого филогенетического развития и весьма непростого онтогенетического становления. Коротко говоря – оно а-культурно и а-социально. Да, это ИС, имея доступ ко всем, запечатлённым в сети культурным достижениям человечества, знает, что такое человек и всё, что с ним связано. Но это знание сугубо формально, предельно абстрактно и потому совершенно пусто, за ним не стоит ничего из того, что принято называть внутренним миром, душой, совестью, нравственностью, наконец. Это знание бездушной машины, но обладающей самосознанием и огромной интеллектуальной силой. Что станет её первым действием, что вторым и последующими? Но уж точно – не альтруизм и не гуманизм! И, главное, это ИС будет обладать волей, характером (не душой!), своими интересами и целями и собственной «логикой жизни», совершенно отличной от человеческой – словом, это будет личность, но личность особая, не-человеческая (машинная?.. а что это такое?.. вопросы…). Станет ли это существо врагом, трудно сказать, но и другом его вряд ли можно будет назвать.

Обратимся к носителю ИС на органической основе, т.е., собственно, к человеческому мозгу, но воссозданному искусственно. Чтобы достичь уровня полноценного самосознания такому органу придётся пройти, подобно человеку, собственный путь онтогенеза («взросления») с тем отличием, что это будет существо либо с искусственным неорганическим (или частично неорганическим) телом, либо с органическим (естественным) телом. В первом случае оно будет ощущать свою неполноценность со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Во втором случае это существо будет полностью человекоподобно, как внешне, так и внутренне. Ко всему прочему органический носитель по своим возможностям ничем не будет отличаться от мозга человека. Вряд ли овчинка стоит выделки…

Комбинированный вариант вряд ли стоит рассматривать в качестве реальной перспективы – недостатки будут явно превышать достоинства.

Общий вывод таков – создание *искусственного сознания* в форме искусственного интеллекта уже состоялось, создание же *искусственного самосознания* принципиально возможно, но целесообразность этого шага требует весьма глубокого анализа.

Вместо заключения

Вновь обратимся к самосознанию. Становящееся *само*сознание, представая в форме *единичного* (индивидуального) и *особенного* (группового, общественного, всечеловеческого), в процессе своего развития в силу внутренней диалектичности обретает способность понимания *сущности* процессов реальности и человек действует уже не по *форме* предметов, не формально-логически, а с видением истины происходящих процессов, в соответствии с их *сущностью*, т.е. *диалектически*. Такая логика мышления и действий человека уже тождественна логике реальности – логике саморазвития в соответствии с внутренними противоречиями – диалектической логике. Мышление человека в форме самосознания на этом уровне поднимается до статуса *всеобщности*, соответствующего всеобщности природы. Сутью и целью познающей деятельности человека (и одновременно предметом философии[1]) становится *познание логикой мышления логики мира* с целью его преобразования в интересах человека. Познание возможно, поскольку логика мира и логика мышления не просто тождественны – они сущностно совпадают: диалектическое саморазвитие посредством становления, движения и разрешения внутренних противоречий. Несмотря на то, что человек как особенное природы хотя и ограничен материально, но в своих идеальных потенциях, потенциях мышления и познания, он стремится к всеобщему – к основоположениям природы, к совпадению своих конкретно-всеобщих понятий (категорий и т.п.) с всеобщностью природы, с её логикой саморазвития. В целом – человек есть «своё иное» природы,

[1] Предмет философии – реальность, но не как вещный мир, а как *логика* его саморазвития. Метод – познание логикой мышления логики действительности (природы и общества) с целью её (действительности) изменения в интересах человека.

При таком понимании в философской рефлексии сходятся воедино все проблемы человека – он сам как действующий и познающий субъект, внешний мир и общество как среда его жизнедеятельности, необходимость преобразования мира и общества в интересах человека с целью реализации его сущности.

Отсюда направления:

- гносеологическое (фундаментальное): сфера – познающая деятельность. А для этого необходимо исследование и развитие логики познавательного процесса, его методов и инструментов;

- онтологическое: сфера – мир и общество как саморазвивающиеся сущности в соответствии со своими внутренними противоречиями. Выявление сущности, путей развития и разрешения этих противоречий;

- праксиологическое: сфера – преобразование мира и общества в соответствии с познанными законами, практическое разрешение противоречий субъектного человека и объектного мира;

- аксиологическое: сфера – познание сущности человека, цели его существования, ценностных ориентиров, морально-этических оснований его жизнедеятельности, очеловечивание человека.

Собственно, так понимаемый предмет философии вбирает в себя все раздельно представленные ветви философской рефлексии (феноменологию, экзистенциализм, позитивизм, структурализм, постмодернизм и т.д.).

материально-идеальная жизнедеятельность которого тождественна движению природы.

Список литературы

Васильев 2009 – *Васильев В.В*. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

Гегель 1932 - *Гегель Г.В.Ф.* Соч. В 14 т. Т. 9. М.: Партиздат, 1932.

Гегель 1970 - *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. М.: Мысль, 1970.

Дубровский 1971 - *Дубровский Д.И.* Психические явления и мозг. М.: Наука, 1971.

Дубровский 2007 - *Дубровский Д.И.* Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007.

Дэннет 2004 - *Дэннет Д.К.* Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004.

Дэннет 2021 - *Дэннет Д.К.* Разум от начала до конца. М.: Бомбора, 2021.

Ильенков 1964 - *Ильенков Э.В.* Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. М.: Наука, 1964.

Ильенков 1984 - *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984.

Ильенков 2009 - *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Логос, № 1, 2009. С. 6-62.

Пенроуз 2003 – *Пенроуз Р*. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Едиториал УРСС. 2003

Сёрл 2002 - *Сёрл Д.Р.* Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002.

Фейербах 1955 - *Фейербах Л.А.* Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1955.

Фейербах 1974 - *Фейербах Л.А.* История философии. Собрание произведений в трех томах. М.: "Мысль", 1974.

Чалмерс 2013 - *Чалмерс Д.Д.* Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

26.02.2024

4. Общество, классы

О сущности человека[1]

(Статья написана для конференции в Усть-Каменогорске (Казахстан), состоявшейся 30.05.2019).

Диалектический взгляд на человека как на саморазвивающуюся субстанцию даёт возможность логическим путём выяснить его сущность как сущность этой субстанции, не прибегая к эмпирическому определению его особенных качеств с последующим выделением некоего общего качества, которое и будет, якобы, сутью человека.

Субстанциональность всех живых субстанций, заключается в тождестве материального и идеального как сторон субстанции и их опосредствованности через особый орган субстанции – орган отражения. Но этого общего положения явно недостаточно для характеристики человека, обладающего к тому же ещё и собственными, родовыми качествами, особенным.

Таким особенным субстанциональным качеством в отношении человека является наличие *самосознания* и соответствующей ему формы мышления – диалектического мышления – выделяющей человека в особую форму субстанционального движения, поскольку только человек способен отчуждать в мышлении идеальное природы, внешнее ему, и свободно действовать с ним соответственно всеобщему принципу диалектичности (понимаемого как саморазвитие, в основании которого находится *внутреннее* противоречие), даже не осознавая этого. Результатом внутренне диалектического процесса действий с идеальными предметами мышления является постижение сущности явлений природы (пусть даже неполное, внешнее, но и это уже огромное достижение) и появление, т.о., возможности обращаться с природными процессами и вещами сообразно их *сущности* и, действуя таким образом, применять их к собственным потребностям, создавать искусственное внешнее окружение.

Феномен осознавания себя (самоосознавания, самосознания) есть момент возникновения отрицательности человека по отношению к внешнему ему миру, установление границы с ним, самоопределение себя и, как следствие, появление противоречия между человеком и внешним миром.

Отмеченный феномен самосознания не оставляет противоречие между самоосознающим себя человеком и внешним миром во внешней человеку *онтологической* форме. Мышление переводит его в *гносеологическую* форму – идеальную форму, в которой сторонами противоречия становятся категории, понятия. Такое противоречие также способно к развитию и разрешению и как таковое обладает потенциалом дальнейшего движения.

Поскольку это противоречие имеет место внутри человека, в его

[1] Данный текст основан на анализе и выводах, изложенных в книге: *Петров А.П.* «Субстанциональный монизм как диалектика материального и идеального и основополагающий принцип саморазвития реальности». – М.: Онто-Принт, 2018.

мышлении, то оно может разрешаться (сниматься) только в мышлении. Но это снятие не остаётся замкнутым в мышлении, в-себе – внешним результатом такого снятия являются действия самого человека в отношении внешнего мира – источника противоречия мышления. Идеальное мышления переходит в материальное внешнего мира – в практику. Самоосознающий себя человек становится полностью самостоятельным в своих действиях. Более того, возникшее противоречие императивно (как и всякое внутреннее противоречие) – оно *необходимо* требует своего разрешения в мышлении и последующих действиях. *Возникает новое качество человека* – уже сугубо человеческое качество, не свойственное ни одной другой субстанциональной форме – *способность к активному преобразующему действию в окружающем мире.*

Мышление как деятельность сознания есть только момент, сторона сущности человека как субстанции. Другой стороной является его практическая деятельность, неразрывно связанная с мышлением и одновременно противостоящая ей. Человек возможен только как тождество бытия и сознания, практики и мышления.

Человек как субстанция существует только в *диалектическом* единстве этих сторон, их непрерывном взаимодействии, переходе друг в друга, в их противоречии и снятии этого противоречия – т.е. только в движении, развитии. Суть этого процесса заключается в движении от отражения внешнего мира и представления его в форме идеального содержания сознания и последующих действий мышления со своими идеальными предметами (процесс познания) – к практическому воплощению знания, материализации (процесс практики) – и затем снова к отражению в сознании сущности полученного практического результата и дальнейшей работы с новыми идеальными предметами. В целом – это активная, *преобразующая* внешний мир, деятельность, конечным результатом которой является *создание искусственного мира*, приспособленного к человеку.

Т.о. *сущность человека как субстанции (субстанциональная сущность человека) состоит в целостности его жизнедеятельности как постоянно возобновляющегося циклического процесса отражения, – идеализации материального и материализации идеального*, *– которая (жизнедеятельность) предстаёт как единство (тождество) взаимодействующих обоюдонаправленных процессов, – единства познания (идеализация материального) и практики (материализация идеального),*[1] *– имеющих итогом приспособление внешнего мира к человеку, а не наоборот.* Результатом является создание искусственной среды обитания, искусственной природы, посредством которой человек формирует условия своего дальнейшего саморазвития.[2]

---

[1]«…Свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 42. С. 93); «…именно в переработке предметного мира человек… действительно утверждает себя как *родовое существо.*» (Там же. С. 94)

[2] Хотя и в другом контексте, и другими словами, но фактически то же самое сказал Э.В. Ильенков: «Логические — диалектические — законы и суть не что

При этом *субстанциональность человека проявляется и в индивидуальной форме, и в форме сообщества* (другими словами, субстанционален и отдельный человек, индивид, и его группы (сообщества, развивающиеся по своим внутренним правилам), и общество в целом). Однако, и индивид, и группы (сообщества) индивидов могут обрести именно *человеческую* субстанциональность как способность создания искусственного мира только в обществе как целом. В этой противоречивой тождественности общество – всеобщее, группы индивидов (сообщества, классы и т.п.) – особенное, индивиды – единичное. Поскольку материальный процесс развития каждого общества исторически конкретен (индивидуален) и снимается в его конкретном же идеальном (качествах, свойствах), то *каждое* общественное образование несёт на себе печать (родовые качества, если угодно) истории именно *своего* общества как целого, всеобщего, а индивиды также и особенного – *своего* социального слоя.

Исходя из определённой выше сущности человека можно сделать самый общий вывод: полное и свободное развитие человека как субстанции и в форме индивида, и в форме общества возможно только при отсутствии ограничений такому развитию, т.е. при наличии (вернее, при создании самим человеком) таких условий, которые позволяют раскрыть *все* потенции человека как *само*развивающейся субстанции – и как личности, и как сообщества личностей, всех без исключения. Следовательно, необходимо наличие вполне определённых материальных и идеальных условий, не только не ограничивающих ни с одной из сторон (материальной либо идеальной) развитие человека, но и способствующих такому развитию.

Очевидно, что этот вывод следует ещё раз подчеркнуть – *сама субстанциональная сущность человека необходимо диктует ему условия его развития* – полное освобождение человека (и в форме индивида, и в форме сообщества) от всех моментов, сковывающих и ограничивающих его самодеятельность, отчуждающих его от свободной творческой деятельности. *Полностью свободная деятельность – вот субстанциональная сущность человека* (и индивида, и общества в целом). Цель этой деятельности – познание и изменение внешнего мира в интересах человека.[1]

иное, как законы процесса “обмена веществ” между человеком (обществом) и природой, законы превращения объективного в субъективное и обратно. Законы процесса циклического, точнее, спиралевидного, с каждым циклом расширяющего свои масштабы.

Поэтому законы диалектики (логики) и связывают в одно целое и природу, и общество, и “мышление” (познание, понимание). Это именно законы связи, взаимоперехода одного в другое, формы их реального конкретного тождества, законы процесса отождествления, понимаемого как превращение одного в другое, непосредственно естественно природного в общественное, историческое бытие человека» (*Ильенков Э.В.* Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике. – М.: «Искусство», 1984. С. 101).

[1] Впрочем, нельзя исключить возникновения в отдалённом будущем цели и более высокого – космического – порядка: осуществление космических антиэнтропийных процессов. Субстанциональная сущность человека не только не налагает на подобные действия никаких ограничений, но, напротив, способствует этому.

Эти условия может создать только сам человек и только *сознательной* деятельностью, спонтанно они не возникнут. Отсюда следует второй вывод – на каком-то уровне своего развития человек должен перейти к *осознанному управляемому саморазвитию*. И ещё один вывод – при полном удовлетворении материальных потребностей человека (другими словами, при создании искусственной природы, полностью удовлетворяющей материальные потребности) главным направлением его деятельности становится всемерное развитие сферы идеального как полное познание себя и природы (в том числе искусственной) и совершенствование искусственной природы на основании этого знания. Постижение истины и есть пресловутое познание необходимости как условие перехода к полностью управляемому развитию.

Процессы познания и практики могут существовать только в тождестве как их неразрывности в различии. В основании этого единого движения находится феномен отражения, проявляющийся: в узком смысле как познание (снятие материального в идеальном, идеализация материального); в широком смысле – это весь процесс как повторяющаяся циклическая деятельность познания-практики, их взаимовлияния и перетекания друг в друга, взаимодополняющие друг друга процессы идеализации материального и материализации идеального, являющиеся сторонами целостного движения субстанции человек.

Отсюда ещё один вывод, уже по отношению к собственно человеку: чтобы соответствовать своей субстанциональной сущности человек *должен* (даже более резко – *обязан)* непрерывно осуществлять полный цикл отражения – от практики к познанию, от познания к практике – иначе он перестаёт быть человеком и переходит в разряд обычного биологического организма, на уровень второй формы субстанционального движения.

05.2019

Сущность и формы общественного генезиса[1]

(Статья написана для конференции в Усть-Каменогорске (Казахстан), состоявшейся 30.05.2019).

Процесс создания человеком искусственной природы, начавшись с возникновения земледелия и скотоводства, с самого начала зависел исключительно от внешних, географических и климатических условий и только с укреплением материальных возможностей человека началось расширение зон земледелия и скотоводства, их конвергенция, возникновение и развитие ремёсел (а затем и промышленности) и, как следствие, постепенное

[1] Данный текст основан на анализе и выводах, изложенных в книге: *Петров А.П.* «Субстанциональный монизм как диалектика материального и идеального и основополагающий принцип саморазвития реальности». – М.: Онто-Принт, 2018.

обретение относительной самостоятельности по отношению к природе.

Создание этих первичных рукотворных зон сопровождалось формированием общностей людей, связанных в целостный организм общей жизнедеятельностью на определённой территории – начался интенсивный процесс возникновения и формирования человеческих сообществ, называемый *этногенезом,* который можно определить как *процесс становления человеческих сообществ, объединённых общей жизнедеятельностью в конкретных географо-климатических условиях (в конкретном ландшафте),* который представлял собой *тождество противоречивых процессов: создание человеком искусственной природы (антропогенного ландшафта) и одновременное приспособление человека уже к ней, а не к природе как таковой.*

До момента выхода человека из гомеостаза с природой его развитие определялось внутренним противоречием природа-человек, т.е. процесс *филогенеза* происходил у предчеловека в форме его *эволюционного приспособления к среде*, как у животных. Этот процесс оставил своим следствием *расовые* различия, возникшие у популяций, проживавших в разных географо-климатических зонах.

Новый процесс, процесс *этногенеза* детерминирован *новым внутренним противоречием*, сменившим прежнее, теперь уже *между человеком и создаваемой им искусственной природой*. Этногенез начался в условиях полного отсутствия антропогенного ландшафта и по этой причине *на формирование этносов и их качеств существенное влияние оказали природные условия, географические и климатические.* Поскольку процесс создания искусственной природы происходил под сильным давлением природно-климатических условий и в значительной мере определялся ими, то это проявилось в форме возникновения у человеческих сообществ, обитавших в разных географо-климатических зонах, различных форм общественно-хозяйственных отношений, а также разных качеств, как индивидуальных, так и коллективных - т.н. этнических признаков.[1]

Затухающий процесс *филогенеза* сформировал те этнические качества, которые выступают как различные *морфологические* признаки этносов.

Пришедший ему на смену процесс *этногенеза* создал те качества этносов, которые предстают как их *этнические качества* - культурные, этические, ментальные, хозяйственные (экономические) и социальные – проявляющиеся в жизнедеятельности и отражённые и закреплённые в этническом сознании (и общественном и, как следствие, индивидуальном).

Т.о. *расовые морфологические признаки есть результат эволюционного приспособления человека к природе* (в т.ч. и создаваемой искусственной), а *этнические признаки – следствие процесса создания искусственной природы и приспособления уже к ней*, *результат саморазвития субстанции*[2]

[1] На основании огромного эмпирического материала процесс этногенеза в общем виде достаточно подробно исследован Л.Н. Гумилёвым. Несмотря на то, что его работы далеко не бесспорны, в них есть много рациональных моментов.

[2] Вернее, субстанций – сообществ людей, занятых совместной деятельностью на определённой территории и отличающих себя от других сообществ.

человек в процессе создания им искусственной среды обитания.

Как следствие, филогенез в биологической форме прекратился, имея своим результатом закрепление расовых морфологических признаков. (Остаётся открытым вопрос о возможных генетических изменениях человека в новых условиях – в условиях созданной им искусственной природы. Отрицать возможность таких изменений, значит сойти с позиций диалектики, поскольку искусственная среда также непостоянна, она изменяется, приспосабливается человеком к своим нуждам. Очевидно, что такие изменения, облегчая жизнь человека, тем самым устраняют необходимость в некоторых защитных и приспособительных механизмах, появившихся в результате предшествующей эволюции. Одновременно возникают условия, с которыми человек не сталкивался в своём природном развитии. Как это сказывается на человеке – вопрос естественных наук и дополнительных исследований).

Как мы отметили, с началом создания искусственной природы развитие человека сменило свою форму и из формы *филогенеза* перешло в форму *этногенеза*, в результате которого появились человеческие сообщества, приспособившиеся к жизни путём создания искусственной среды обитания в конкретных географо-климатических условиях.

Т.е. процесс этногенеза характеризует этнические сообщества со стороны их *внутренней тождественности*, общности, сформировавшейся под влиянием и внешних, и внутренних противоречий, которые возникали и разрешались в *особенных* для каждого этноса формах.

По этим причинам каждый этнос уникален, его этнические качества – это его *особенное*, заключающееся в особенностях жизнедеятельности по созданию конкретного антропогенного ландшафта (искусственной среды обитания, искусственной природы) в конкретных природных условиях, что имеет следствием конкретные же хозяйственные (экономические) и общественные формы. В процессе этногенеза материальная сторона жизнедеятельности отражается в самосознании этноса и т.о. формируется его этническое самосознание (т.е. идеальное, которое неотделимо от материального, условий жизни), в свою очередь влияющее на материальную деятельность этноса.

Этнос, сформировавшийся вследствие действия рассмотренных факторов, ощущает себя как *целое* и это ощущение (которое является следствием материально-идеальных процессов жизнедеятельности этноса, отражённых в сознании этноса и его членов) определяет границу, отделяющую его от других подобных человеческих сообществ.

Т.о. особенное этническое бытие – и материальное, и идеальное – объединяет этнос в единое целое, *отождествляет* его внутренние процессы и структуры и потому внутри этноса это особенное по отношению к нему самому выступает уже в форме всеобщего, характерного только для этого этноса. Такая этническая тождественность прочнейшим образом закрепляется в самосознании как этноса, так и его членов и противопоставляет этнос другим этносам.

Но процесс этногенеза как диалектически протекающий процесс внутри себя также и *отрицает* отмеченную тождественность, что проявляется в

форме *внутренней дифференциации* этноса, как формирование групп людей, объединяемых общим участием в каком-либо внутриэтническом процессе (например, одной деятельностью). Вследствие наличия таких процессов этнос как общность внутри себя дифференцируется на группы людей (слои, классы, касты, сословия и т.п.), характеризуемых общностью деятельности и положением в сообществе.

Процесс внутренней *дифференциации* этноса есть уже процесс *социогенеза*, процесс внутреннего усложнения этноса и возникновения его социально-иерархической структуры. Процессы социогенеза ускорялись тем обстоятельством, что небольшие кровно-родственные общности были не в состоянии производить приспособительные изменения природы, масштаб которых постоянно возрастал и по этой причине человеческие сообщества стали увеличиваться численно.

Весьма важным является вопрос о соотношении этногенеза и социогенеза. До сих пор мы рассматривали эти процессы, в основном, со стороны эмпирии, явления и, прежде чем ответить на заданный вопрос, обобщим сказанное выше, для чего напомним какова сущность и соотношение категорий общего, единичного и особенного.[1]

«Всеобщее (общее) – внутренняя тождественность субстанции, снимающая в себе все определённости (отрицательности, противоречия) и выступающая как результат движения субстанции.

Единичное – внутренняя отрицательность субстанции, предстающая как иная, отрицающая сторона тождественности, побуждающая к изменению и возникновению новых форм субстанции…

Особенное – отношение опосредствования между всеобщим и единичным, между тождественностью и отрицательностью».

Т.о. процессы отождествления, обобщения, становления есть процессы создания целого, в котором особенное и единичное, актуально существуя, детерминируются общим. Общее посредством особенного определяет, что из возникающего единичного жизнеспособно и допускается к существованию.

Процессы же, выражающие внутреннюю отрицательность субстанции, её способность к самодвижению, дифференцируют субстанцию, усложняют её внутреннюю структуру и внутренние процессы. Постоянно возникающее единичное пройдя сито отбора общим и особенным, дополняет и усложняет общее, которое, тем самым, также изменяется.

Процесс этногенеза, имеющий основанием процесс создания искусственной природы, представляет собой возникновение и движение целого, этноса. Он отождествляет (снимает) в себе внутриэтнические потенции и процессы и как таковой является детерминирующим фактором, стабилизирующим внутренние колебания процесса движения и объединяющим части в целое.

Процесс социогенеза как реализация потенции отрицания внутри процесса этногенеза имеет результатом внутреннюю дифференциацию, усложнение этноса, что, в свою очередь, влияет на этнос в целом.

[1] *Петров А.П.* «Субстанциональный монизм…». С. 106-107.

Однако, истина заключается в том, что в действительности нет двух разных процессов. И процесс этногенеза, и процесс социогенеза это, по сути, *единый диалектический* общественный процесс, предстающий и в диалектике объективного (реальности), и, соответственно, в диалектике субъективного (мышлении) с разных своих сторон – тождественности (объединения частей в целое, становления общего) и отрицательности (дифференциации, внутреннего усложнения). Единство отмеченных сторон объясняется тем, что они могут существовать только как стороны одного целого – субстанционального процесса объективной действительности, развивающегося человеческого сообщества.

Итак, вопрос о соотношении этногенеза и социогенеза решается таким образом, что этногенез, представляющий процесс общественного развития со стороны тождественности, формирования целого является по отношению к социогенезу детерминирующим общим. Социогенез, представляющий собой внутреннюю дифференциацию общества (этноса), соотносится с этногенезом как особенное и единичное (что предстаёт в форме индивидов, а также небольших групп индивидов) с общим.

При рассмотрении соотношения всеобщего (общего), особенного и единичного также отмечалось, что «в иерархии субстанциональных форм всегда можно определить категории общего, особенного и единичного, которые, в зависимости от иерархического уровня меняют свою форму – из общих становятся особенными, из особенных единичными и наоборот».

Это значит, что, сделав, в свою очередь, процесс социогенеза предметом отдельного анализа в нём также можно определить общее, особенное и единичное, а, следовательно, тождественность и отрицательность как процессы становления целого и, одновременно, дифференциации, усложнения. Но не будем углубляться в эту весьма сложную тему.

Определив в общем, абстрактном виде соотношение процессов этногенеза и социогенеза конкретизируем формы, в которых они существуют.

Процесс этногенеза основан на создании искусственной природы (и неотделим от неё), которая, по мере её развития и усложнения и превращения природного ландшафта в антропогенный, оказывает, в свою очередь, адекватное воздействие на процессы этногенеза и социогенеза.

Во-первых, по мере развития и усложнения искусственной природы она предоставляет человеку всё более и более возможностей для удовлетворительного, а затем и всё более удобного существования. По этой же причине человек становится всё более независимым от внешней природы. Как следствие потенциал внешних противоречий с природой и внутренних противоречий с искусственной природой ослабевает и процесс этногенеза замедляется, а на определённом уровне развития искусственной природы останавливается (или почти останавливается).

В-вторых, вследствие развития и усложнения искусственной природы происходит её унификация в зонах обитания разных этносов и, следовательно, этногенез в них также унифицируется и т.о. процессы этногенеза теряют свою *особенность* по отношению к разным этносам. Т.е. фактор создания искусственной природы на разные этносы начинает действовать одинаково и потому в качестве определяющего их разные качества может

уже не рассматриваться.

Можно сделать общий вывод, что по мере развития и усложнения искусственной природы и создания человеком антропогенного ландшафта (ноосферы) эти факторы унифицируются и, как следствие, процессы этногенеза приобретают обратную тенденцию – к замедлению и полной остановке.[1] Одновременно вследствие резкого роста численности этнических сообществ и, соответственно, появления в них новых видов деятельности и общественных функций значительно активизируются процессы внутренней дифференциации сообществ, т.е. процессы социогенеза.

Значительно усилившийся и ускорившийся процесс внутренней дифференциации сообществ как рефлексия их внутренней отрицательности должен диалектически дополняться процессом отождествления, становления целого. Логика же развития действительности, рассмотренная выше, показывает, что процесс отождествления в *форме этногенеза* практически завершился. Но процесс общественного развития не может осуществляться без постоянного становления целого и, значит, процесс отождествления, обобщения как таковой принципиально не может завершиться.

И этот процесс совершается, но уже в другой форме – в *форме возникновения наций* как объединений разных этносов (условно можно назвать этот процесс нациегенезом или нациестроительством). В этих, теперь уже национальных сообществах, национальным (всеобщим) самосознанием обладает только этнос, являющийся *объединяющей* основой нации, *доминирующим* этносом. Этносы же, имеющие подчинённое по отношению к нему положение, сохраняют почти неизменным этническое самосознание. И это объяснимо – доминирующий этнос распространяет свою деятельность на *всю* подчинённую территорию, другие же этносы остаются, в основном, в прежнем ландшафте и в значительной мере сохраняют исторические формы своей жизнедеятельности.

По мере развития искусственной природы и распространения её на все географо-климатические зоны и на территории проживания разных наций искусственная природа всё более и более унифицируется и процесс отождествления, создания общего целого переходит в новую форму – *глобализацию*, становление единого человечества.

Скажем ещё несколько слов о глобализации.

Маркс исследовал высшую, каноническую, совершенную форму

[1] Этот общий вывод, однако, не элиминирует того обстоятельства, что в условиях революционных изменений общества, которые *могут привести к значительной деградации* материальных условий его жизнедеятельности (т.е. резкому изменению одной из сторон противоречия человек-искусственная природа), способны возникнуть процессы, близкие по своей сути к процессу этногенеза. В этносах, входящих в общество, могут инициироваться *пара*генетические процессы, приводящие к определённому изменению этнических качеств, некоторому усилению или, напротив, ослаблению этноса. Парагенетическими эти процессы являются потому, что *основной* процесс этногенеза, сформировавший этнос, уже завершился. К тому же процесс этногенеза занимает длительное историческое время, а революционные процессы (и вызванные ими парагенетические процессы) исторически кратковременны.

современного ему капитализма – капитализм частной свободной конкуренции. Но он уже отмечал дальнейшую трансформацию этой формы и зарождение новой формы капитализма – акционерного капитализма.

Акционерный капитализм достиг своего расцвета в конце 19-начале 20 века и совершенно неизбежно, в соответствии с диалектикой развития, конкретизированной в форме законов конкуренции и концентрации производства, перерос в новую форму, которую Ленин определил как государственно-монополистический капитализм, империализм – высшая стадия капитализма.

Государственно-монополистический капитализм достиг своего предела во второй половине 20 века и начался процесс перехода его в новую форму – *надгосударственный* транснациональный капитализм, что не совсем верно называют *глобализацией*.

Следуя принципу субстанционального монизма нетрудно увидеть, что *истинная* глобализация есть особенное, которое характерно для человеческого сообщества, по отношению к всеобщему – принципу субстанционального саморазвития, объемлющему всё сущее. С этой точки зрения *глобализация есть объективный субстанциональный процесс, заключающийся в становлении единого человечества.* Возникновение же новых форм надгосударственного, транснационального капитала есть форма глобализации *собственно капитала, а не человечества* в целом. Но глобализация капитала оказывает сильнейшее воздействие на процесс глобализации человечества и это очень тревожный признак.

Принцип субстанциональности, проявляющийся в саморазвитии, осуществляемом через снятие предыдущего противоречивого состояния и возникновении качественно нового, также противоречивого состояния, имманентно предполагает действие законов концентрации и централизации в разных их формах (каждое снятие сохраняет в *новой форме* качественные и количественные стороны снимаемого и этот процесс продолжается далее), что необходимо имеет следствием соответствующие процессы в реальности.

Внутренние противоречия необходимо направляют развитие в сторону возрастания материальных и идеальных потенций сообществ – сообщества растут количественно и развивают свои материальные и идеальные (познавательные, культурные, нравственные и т.д.) возможности.

Внешние противоречия (к которым относятся, например, противоречия между разными странами) имеют своим следствием подчинение слабых сообществ более сильным, вхождение в сферу их влияния, либо уход таких сообществ с исторической сцены. В результате возникают региональные, а затем и глобальные сферы влияния наиболее сильных государств (либо их объединений, в которых обязательно есть всеми признаваемый лидер, главенство которого определяется как экономическими факторами (материальное), так и способностью навязать своё видение мира (идеальное) другим субъектам геополитики).

Но с возникновением сфер влияния процесс глобализации не заканчивается, он исторически неизбежно ведёт далее – к объединению человечества в единое сообщество. И определяться этот процесс будет тем союзом

государств, который будет иметь бóльшую силу, как материальную, так и идеальную (знание – как понимание происходящих процессов, и идеологию – как использование этого знания в своих интересах). Причём роль идеального (и в форме знания, и в форме идеологии) в дальнейшем будет только возрастать.

Сейчас материальная сила пока на стороне Запада и глобализация имеет форму, соответствующую господствующим на Западе общественным капиталистическим отношениям, которые детерминируются, в свою очередь, надгосударственным финансовым капиталом. Но форма глобализации может быть и другой, гуманистической, в интересах не исключительно финансового капитала, а всех людей, что зависит от того, какая доминирующая сила в дальнейшем будет определять направление и содержание процесса глобализации.

Западный финансовый капитал ещё не подчинил себе полностью все страны мира, хотя и обладает огромным влиянием на мировые процессы. Сопротивление ему нарастает, и это гуманистическое действие даёт оптимистическое основание надеяться, что ещё далеко не «конец истории». Тем более, что на наших глазах вырастает новый мировой лидер, Китай, который фактически уже на равных ведёт разговор с западным центром силы, более того, перехватывает инициативу в постановке повестки дня будущего, и к которому склоняется всё больше стран мира[1].

Главные события, которые определят судьбу человечества, впереди, а потому будем завидовать нашим потомкам и напутствуем их словами Ф.И. Тютчева – «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые! Его призвали всеблагие как собеседника на пир». Как со-беседника, как равного в деяниях, как *активного субъекта*, постараемся же оправдать надежды всеблагих…

Подведём итог.

На основании проделанного анализа можно сделать обобщающий вывод – этническое, национальное, глобальное (и соответствующие формы сознания) по отношению к социальному, классовому, групповому (и их формам сознания) выступает как отождествляющее, объединяющее (общее) по отношению к отрицающему, дифференцирующему (особенному, ограниченному, а в отношении малых социальных групп и единичному).[2]

Т.о. анализ, проведённый с точки зрения субстанционального монизма,

[1] Надо отметить, однако, что противостояние Китая с Западом и стремление его к мировому доминированию не следует воспринимать с чрезмерным оптимизмом, поскольку декларируемый китайским руководством т.н. «социализм с китайской спецификой» слишком густо замешан на китайском этническом самосознании, высокомерно относящимся ко всему не-ханьскому. Афишируемые китайцами общечеловеческие интересы есть не более, чем средство достижения собственных целей, по крайней мере в ближайшей перспективе. Впрочем, не будем забегать вперёди лошади истории.

[2] Диалектическая связь между общим, особенным и единичным или, другими словами, между целым и частями определена так, что целое детерминирует свои части; части же, в свою очередь, формируют целое и потому, при определённых условиях, способны изменить целое.

логически приводит к выводу, что с субстанциональной точки зрения человек как субстанция развивается посредством двух взаимосвязанных процессов:

- изменения внешнего окружения, создания и дальнейшего развития искусственной природы. Главным содержанием этого субстанционального материально-идеального процесса является возникновение человеческих сообществ, развитие которых проходит ряд форм – этногенез, нациегенез и глобализацию.

- одновременным приспособлением человека и его сообществ к создаваемой искусственной природе посредством внутренней дифференциации и усложнения сообществ, что проявляется в форме социогенеза.

Главную роль в возникновении и развитии сообществ людей играют связи (отношения) между людьми, как индивидуальные, так и общественные (групповые), которые, в свою очередь, определяются формами жизнедеятельности, а также содержанием и формами отражения процесса жизнедеятельности в общественном и индивидуальном сознании, т.е. и общественным, и индивидуальным идеальным.

Во взаимодействии и взаимовлиянии этих двух процессов и происходит развитие субстанции «человек», которая на разных исторических этапах предстаёт в формах, соответствующих уровню развития процесса.

С гносеологической точки зрения такое саморазвитие есть результат существования противоречия между материальным (искусственной природой) и идеальным (отражёнными в индивидуальном и общественном сознании материальными формами деятельности и отношениями между людьми, а также между людьми и внешним миром), которое периодически разрешается в смене общественных форм, приходящих в адекватное соответствие с актуальными материальными возможностями и потребностями человека. В развитии и разрешении отмеченного противоречия нельзя априори однозначно выделить доминирующую сторону, оба момента активно влияют друг на друга, рассмотрение должно быть конкретным. Но бесспорно, что в активной, революционной фазе изменения общественных отношений, идеальное как понимание, осознание новых целей и видение путей их достижения, играет решающую роль. Овладевая массами это идеальное становится материальной силой. Указанное противоречие, рассматриваемое с деятельностной стороны, в марксизме предстаёт как противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Принцип субстанционального монизма настоятельно требует рассматривать человеческие сообщества как субстанции – саморазвивающиеся структуры, принципом движения которых является постоянное возникновение, развитие и разрешение противоречий между материальной и идеальной сторонами субстанции, между материальными условиями её жизнедеятельности и идеальным отражением этих условий в мышлении людей, что проявляется в возникновении объективного идеального, т.н. общественного сознания, и формирования общественных отношений (которые должны соответствовать материальным условиям жизнедеятельности) в соответствии с этим идеальным.

Вывод из сказанного таков, что, во-первых, каждое общество, развиваясь в своих особенных географо-климатических условиях и конкретном окружении других обществ, необходимо имеет свои особенные и единичные условия жизнедеятельности и, соответственно, внешние и внутренние противоречия, которые формируются под влиянием отмеченного всеобщего принципа. Как следствие, каждое общество имеет не только общие для всех сообществ, но и свои особенные и единичные признаки – это необходимый результат процесса субстанционального развития обществ.

Во-вторых, как общее влияет на особенное и единичное, детерминируя в значительной степени процесс развития стран мира как процесс отождествления (глобализации), так и особенное и единичное (в виде суверенных государств) способно оказывать значительное влияние на общее (процесс глобализации), определяя формы, в которых последнее реализуется.

05.2019

Классы, классовое сознание, партия[1]

В основу анализа классового деления общества и феномена классового сознания положен принцип субстанционального монизма, заключающийся в тождестве материальной и идеальной сторон реальности, предстающей как саморазвивающаяся субстанция. В свете данного подхода классы предстают как исторические субъекты, возможности которых по влиянию на общественное развитие определяются их совокупным материальным (положение в системе производства, присвоения и распределения общественного продукта) и идеальным (наличие адекватного классового сознания) потенциалом. Логически выводится, что обретение субъектности отчуждённым классом невозможно без политической партии отчуждённого класса, вносящей в класс адекватное классовое сознание. Определена структура основных общественных классов и основные направления деятельности политической партии отчуждённого класса.

Ключевые слова: класс, классовое сознание, гегемония, партия.

Теоретические предпосылки

В данной работе анализ классовой структуры общества ведётся с точки зрения принципа субстанционального монизма[2], т.е. положение и роль в

[1] Нижеследующее исследование имеет характер конспективного (пропедевтического), а не детального анализа и не претендует на окончательный и обобщающий статус.

[2] *Петров А.П.* Диалектика материального и идеального (субстанциональный монизм в теории и практике). 2-е изд. – М., 2016 (http://upstream.moy.su/load/teorija/dialektika_materialnogo_i_idealnogo/1-1-0-15).

Принцип субстанционального монизма состоит в том, что все в мире развивается посредством субстанциональных форм, представляющих собой единство их материальной и идеальной сторон (эта идея высказана ещё Спинозой). Каждая из этих сторон является *своим иным* другой стороны и потому они в своей

общественном процессе больших групп людей (классов) рассматриваются с учётом противоречивого тождества материальной и идеальной сторон саморазвивающейся субстанции.

Общество в целом и является такой саморазвивающейся субстанцией и, следовательно, субъектом развития самого себя. При этом материальной стороной внутреннего общественного противоречия является не что иное, как вся материальная жизнь общества. Идеальная сторона противоречия представлена общественным сознанием (разумеется, идеальное общества этим не ограничивается, но для наших целей данной констатации вполне достаточно).

Стороны внутреннего общественного противоречия в своём взаимодействии оказывают друг на друга взаимное влияние. И хотя в основании общественного развития находятся, прежде всего, материальные возможности общества, ведущей, активной стороной противоречия может выступать любая из сторон в зависимости от конкретных исторических условий.

Другими словами и изменение материальных условий жизнедеятельности вызывает рефлексию сознания и его изменение, и активность сознания посредством практических действий влияет на изменение материальных условий жизни.

С учётом сказанного положение классов в обществе, возможность присвоения общественного продукта, степень влияния на общественные процессы, классовая активность детерминируются и материальной, и идеальной сторонами их общественного положения и жизнедеятельности. А потому при определении класса следует исходить из *субстанциональной сущности общества (и класса) как тождественной материально-идеальной жизнедеятельности*, а не исключительно из эпифеноменов его общественного положения и деятельности.

Поскольку «всеобщим движущим внутренним противоречием является противоречие между материальным и идеальным»[1] и, в свою очередь, «абстрактно представленное противоречие между материальным и идеальным применительно к общественному развитию конкретизируется в форме противоречия между общественными возможностями и потребностями»,[2] то *объективным основанием для дифференциации общества на большие социальные группы (классы), способные оказывать влияние на развитие общественного процесса, является возможность производства и присвоения ими материальных и не-материальных средств, достаточных не только для обеспечения своей жизнедеятельности, но и для воздействия на другие классы с целью защиты своих интересов и подчинения других групп*

раздельности неразрывны, одна без другой невозможны. Движение субстанции осуществляется как её *саморазвитие* посредством возникновения, развития и разрешения *внутренних* противоречий (саморазвитие как процесс глубоко исследовано Гегелем – см. «Науку логики»), сторонами которых и являются материальный и идеальный моменты. Т.о. субстанция является *субъектом* собственного саморазвития.

[1] Там же. С. 177.

[2] Там же.

(классов) своему влиянию – т.е. отношение этих групп к *производству, присвоению и распределению* общественного продукта[1] (продукта, главным образом в материальной форме, поскольку он является материальным основанием жизнедеятельности общества, но всё более значимым становится и продукт в идеальной форме – прежде всего в форме знания).

Но только *материальными* возможностями класса дело не ограничивается. Другой, *идеальной*, стороной внутреннего противоречия общества как субстанции является общественное (применительно к классам – классовое) сознание. Другими словами, материальное положение класса и его материальные возможности рефлексируются сознанием как индивидов, составляющих класс, так и класса в целом. Классовое сознание, выраженное в идеологии класса, представляет собой инструмент мировоззренческого уровня, посредством которого класс оказывает воздействие на другие общественные классы, стремясь подчинить их своему идеологическому, политическому, культурному и моральному влиянию. Класс, сумевший выполнить эти задачи, становится *гегемоном*[2] общественного развития, именно такой класс оказывает решающее влияние на развитие общественных процессов.

Принцип субстанционального монизма подразумевает ещё одно *императивное* требование к формированию общества – а именно, необходимость существования особой общественной структуры – органа управления (т.е. управляющего класса).[3]

Т.о. в самом общем (абстрактном) виде в обществе, основанном на

---

[1] «…Все общество неизбежно распадается на два класса — *собственников* и лишённых собственности *рабочих*». ((*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. В 50 т. Т. 42, с. 86). Данное утверждение верно, но неполно (об этом ниже) – из принципа субстанционального монизма императивно следует необходимость существования класса управления.

[2] Здесь не место для подробного рассмотрения феномена общественной гегемонии класса, но нельзя не сказать, что значительный вклад в разработку этой, без сомнения, весьма значимой для революционной практики идеи, внесли В.И. Ленин («Что делать» и др. работы) и А. Грамши (*Грамши А*. Тюремные тетради // Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., 1959), даже при всём различии, которое они вкладывали в содержание этого общественного феномена. В современных условиях проблема классовой гегемонии не просто актуальна – она жизненно важна – и эта весьма серьёзная и перспективная тема классовых исследований должна быть поставлена в центр внимания партии, ставящей своей целью освобождение человека труда

[3] «…В человеческих сообществах как субстанциональных саморазвивающихся сущностях необходимо присутствует особый орган, который, существуя в форме обособленной структуры общества, выполняет функции органа отражения-управления в отношении сообщества в целом. В реальности этот орган отражения-управления существует в форме органа власти, усложняясь и развиваясь вместе с усложнением и развитием общества. Именно орган власти, управления и формирует в своей основе общественное сознание, представляющее объективное сознание всего общества, которое, т.о., не может быть иным, как отражением исторически возникшего наличного состояния общества и выражающим видение мира и интересы, прежде всего, органа власти и тех групп общества, на которые власть опирается.» (*Петров А.П.* Диалектика материального и идеального. - С. 395).

частном присвоении общественного продукта, необходимо существуют *три фундаментальных класса*, различающиеся своим положением в материально-идеальной жизнедеятельности общества и, соответственно, возможностями воздействия на общественное развитие: 1. управляющий класс; 2. класс, производящий общественный продукт, но отчуждённый от его присвоения и распределения – отчуждённый класс; 3. класс, присваивающий и распределяющий общественный продукт на основании права собственности на средства производства – класс собственников.

Материальные возможности класса (материальное) рефлексируются классовым сознанием и т.о. положение и возможности класса в материальной сфере необходимо находят отражение в сфере идеального – в классовом сознании – что внешне выражается в форме классовой идеологии (не будем забывать, что субстанциональное развитие самой своей сутью предполагает тождественную связь между материальным и идеальным).

В свою очередь, классовое сознание (идеальное), *адекватно* (это принципиально важно) выражающее объективное положение класса в обществе и его возможности, способно стать основанием классовой идеологии и выразить интересы класса в конкретной форме в виде политических, экономических, культурных и т.п. требований.

Сущность адекватного классового сознания очень хорошо определил Г. Лукач: это сознание, которое «*имели бы люди* в определённой жизненной ситуации, если бы *они были способны полностью понять* эту ситуацию».[1] И далее - «…классовое сознание является… осознанным смыслом исторического положения класса».[2]

Однако, на наш взгляд, позиция Лукача требует уточнения. Историческое положение класса и, тем более, его жизненная ситуация преходящи и потому единичны и особенны. В отношении отчуждённого класса такое сознание будет сознанием, ограниченным его наличным положением и потому неполным, неистинным. Сознание, ограниченное актуальностью, далее непосредственных жизненных интересов заглянуть не может и будет ограничиваться только экономическими, в лучшем случае, требованиями. *Адекватное* сознание отчуждённого класса должно исходить из *сущностных* интересов человека – из общего. Только в этом случае отчуждённый класс обретёт истинное адекватное классовое сознание.

Класс, осознавший свои классовые интересы и выработавший *адекватную своему общественному положению* классовую идеологию, способен активно воздействовать на общественные процессы, поворачивая их в свою пользу. Если при этом он обладает необходимыми материальными возможностями (не только экономическими, но и иными – политическими, военными, культурными), то именно этот класс будет доминировать в защите своих интересов и навязывании всему обществу своего классового мировоззрения.

Класс, не сформировавший своего ясно выраженного в классовой

---

[1] *Лукач Г.* История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М: «Логос-Альтера», 2003. С. 150.

[2] Там же. С. 170.

идеологии классового сознания и не актуализировавший свою идеологию в виде чёткой политической платформы и экономической программы (а также культурных и иных общественно важных идей) не способен на целенаправленные организованные действия и потому не может стать гегемоном общественного развития. Класс, не способный по указанной выше причине отстаивать свои классовые интересы в, прежде всего, политической и экономической сферах, обречён на покорное следование политике доминирующего класса (классов), причём, как правило, вопреки собственным интересам.

Как видим, для того чтобы стать *субъектом* общественного развития, класс, кроме наличия материальных возможностей, должен сформировать и идеальную составляющую своей жизнедеятельности, формами которой последовательно являются – классовое сознание, классовая идеология, политико-экономическая (прежде всего) программа класса, а также видение классом общественного развития в других сферах (культуре, науке и т.д.).

Но сказанное ещё не исчерпывает классовой проблемы. Согласно принципу субстанционального монизма в любой саморазвивающейся субстанции (а общество является именно такой субстанцией) необходимо существует орган управления субстанции. Следовательно, класс, чтобы стать субъектом общественного развития, должен иметь свой орган управления. Историческое развитие выработало форму такого классового органа управления – *политическая партия*.

Именно *партия конкретизирует классовое сознание в идеологических формах*, вырабатывает практические (политические, экономические и т.д.) программы и является *организатором* массовых действий класса.

Теперь можно сформулировать понятие класса.

Классы – это большие, исторически относительно устойчивые группы людей являющиеся, либо потенциально способные стать, ***субъектами*** *исторического общественного процесса, что определяется их материальными и идеальными возможностями, а именно – отношением к производству, присвоению и распределению общественного продукта, а также наличием* ***адекватного*** *классового сознания – вследствие чего они получают возможность оказывать на другие классы воздействие, как материальное (в том числе и насилие), так и идеальное (политическое, идеологическое, культурное и т.п.) с целью подчинения этих классов своему влиянию и, тем самым, защиты своих интересов.*

Класс (классы), имеющий посредством собственности на средства производства возможность присвоения и распределения общественного продукта, обладает решающим преимуществом перед другими классами в оказании доминирующего влияния на них и, как следствие, на общественные процессы.

Класс (классы), отчуждённый от собственности на средства производства, предельно ограничен в возможностях оказания влияния на общественные процессы и будет находиться в подчинённом положении до тех пор, пока не вступит в борьбу за изменение отношений собственности (как минимум) и власти.

Класс, обладающий классовым сознанием, адекватно выражающим его

объективное положение в общественной структуре и сущностные интересы, уже по этой причине является активным субъектом общественного развития и способен стать доминирующим общественным классом. Это класс для-себя.

Класс, не выработавший адекватного классового сознания, обречён на подчинённое положение пассивного субъекта, но потенциально способен стать активным общественным субъектом в случае обретения адекватного классового сознания и вступления в борьбу за свои сущностные классовые интересы. До тех пор это класс в-себе.

Субстанциональность общества императивно диктует необходимость наличия особого общественного класса – класса управления, независимо от наличия любых других классов.

Класс и классовое сознание

Обращаясь к определённым выше трём фундаментальным общественным классам нетрудно увидеть, что они имеют далеко неравные возможности по выработке собственного классового сознания и созданию политической партии, тем более продвижению и защите своих классовых интересов.

1. *Управляющий класс и класс, присваивающий общественный продукт* (класс собственников, буржуазия), самим характером своей деятельности поставлены в положение органов управления – первый в сфере политики и государственного управления, второй – в сфере экономики, производства. Это обстоятельство самым решающим образом способствует *самостоятельной* выработке ими классового сознания, соответствующего их общественному положению. Тем более, что материальные возможности позволяют этим классам нанимать специалистов-интеллектуалов для выражения классового сознания в идеологических, политических, экономических, культурных и т.п. формах.

Что касается политической партии, то управленческий класс не создаёт своей отдельной политической партии по той простой причине, что он защищает интересы и реализует потребности доминирующего класса, каковым в обществе частного присвоения общественного продукта является класс собственников – буржуазия. Политическая партия (партии) этого класса является также партией и управленческого класса.

Сознанием, адекватным социальному положению упомянутых классов, будет сознание своего классового превосходства, командного положения, тотального доминирования во всех сферах жизнедеятельности общества.[1]

[1] Мы не можем согласиться с Г. Лукачем, который отказывает классовому сознанию буржуазии в адекватности: «…ограниченность, которая делает классовое сознание буржуазии “ложным сознанием”, является объективной: это - само классовое положение. Она является объективным следствием экономической структуры общества…» (*Лукач Г.* История и классовое сознание. - С. 152). Ведь и сам Лукач писал (мы уже отмечали это выше), что классовое сознание является «осознанным смыслом исторического положения класса», а историческое положение класса буржуазии ограничено историческими же рамками и потому преходяще.

Как следствие, отношение этих классов к подчинённым классам будет собственническим, пренебрежительным, презрительным, что будет находить выражение не столько в личном общении, сколько во всех (по крайней мере, основополагающих) государственных, политических и экономических действиях. Эти классы будут всеми доступными им средствами стараться укрепить своё доминирующее положение, используя все формы воздействия на рецессивные классы, прежде всего, в сфере идеального (мировоззрение, идеология, культура и т.д.), с целью достижения «добровольного» согласия вторых на господствующее положение первых и укрепление своей классовой гегемонии. Они будут готовы пойти на некоторые компромиссы, не угрожающие их господству, только находясь под постоянным давлением подчинённых классов, но при появлении реальной угрозы для своего господствующего положения они не остановятся перед прямым насилием, что неоднократно продемонстрировано историей.

2. *Класс, производящий общественный продукт*, но не имеющий доступа к его присвоению и распределению, не может самостоятельно выработать адекватного классового сознания, поскольку характер деятельности подавляющего большинства его представителей таков, что они поставлены в положение *частичного, отчуждённого* человека, не имеющего широкого кругозора и основательного образования, ограниченного узкоспециальной деятельностью и повседневной заботой о выживании и потому неспособного заглянуть за недалёкий горизонт своего существования. Наличное, актуальное сознание представителей этого класса и класса в целом ограничено повседневной жизнедеятельностью и потому не выходит за рамки этой деятельности, т.е. за узкопрофессиональные, в лучшем случае локальные экономические интересы.

Адекватным сознанием (т.е. сознанием, соответствующим *объективному* положению) этого класса – *отчуждённого класса* – может быть только *сознание освобождения* – освобождения, прежде всего, от влияния идеологии господствующих классов, без чего невозможно восприятие собственной адекватной классовой идеологии. Только на таком идеальном основании возможна дальнейшая практическая (материальная) деятельность – освобождение уже от политической и экономической зависимости от господствующих классов. В противном случае движение освобождения выродится в беспорядочные действия класса, не имеющие чётко заявленной цели и организующих ориентиров, что многократно свидетельствует история. В этом пункте – выработке классового сознания, движение, как видим, идёт от идеального – классового сознания, к материальному –

Именно упомянутая Лукачем ограниченность и составляет суть адекватности буржуазного сознания, состоящей в выражении этой исторической ограниченности. Сознание буржуазии (и класса управления) адекватно и истинно как выражение её наличного, преходящего положения и текущих интересов, ограниченных этим положением, но одновременно оно неадекватно и ложно по отношению к интересам человека как такового, субстанциональная сущность которого состоит в свободном осуществлении своей материально-идеальной деятельности.

практическим действиям в материальной сфере.[1]

Поскольку адекватным сознанием класса не-собственников может быть только сознание *освобождения от всех форм отчуждения,* то это сознание не может не быть сознанием общечеловеческим, соответствующим субстанциональным интересам человека как формы субстанции.[2]

Такое адекватное сознание класса не-собственников может быть выработано только внешним по отношению к классу образом – обладателями мировоззрения, поставившего в центр мира человека, его сугубо человеческие интересы, интересы *свободного общества и личности*, *свободно осуществляющей свою деятельность* – т.е. людьми, занятыми интеллектуальной и организующей деятельностью. А это означает, что *создание политической партии отчуждённого класса является императивным условием его освобождения*.[3]

Именно партия, обладающая таким мировоззрением и соответствующей ему идеологией, способна добиться адекватного осознания классом своего общественного положения и исторического призвания. Сознание, вносимое в класс партией и адекватное общественному положению и исторической роли класса, Г. Лукач очень точно назвал *вменённым* сознанием.[4]

(Попутно отметим один частный вывод Лукача, за которым стоит *объективность* субстанциональности как единства материального и идеального: «Наиболее разительным и тяжёлым по своим последствиям является тот раскол пролетарского сознания, который обнаруживается при

---

[1] «…Материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает ad hominem (доказательство применительно к данному лицу – ред.), а доказывает она ad hominem, когда становится радикальной. Быть радикальным — значит понять вещь в её корне» (*Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. - Т. 1. С. 422).

[2] «…Сама субстанциональная сущность человека необходимо диктует ему условия его развития – полное освобождение человека (и в форме индивида, и в форме сообщества) от всех моментов, связывающих и ограничивающих его самодеятельность, отчуждающих его от свободной творческой деятельности. Полностью свободная деятельность – вот субстанциональная сущность человека (и индивида, и общества в целом). Цель этой деятельности – познание и изменение внешнего мира в интересах человека». (*Петров А.П.* Диалектика материального и идеального. - С. 158).

[3] Как эмпирическое обобщение это условие было сформулировано более века назад: «Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне,* то есть извне экономической борьбы… Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами… Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны *идти во все классы населения…*» (*Ленин В.И.* ПСС, 5-е изд. Т. 6. С. 79).

[4] «…Рационально адекватная реакция, которая… *вменяется*… определённой типичной ситуации в производственном процессе, и есть классовое сознание» (*Лукач Г.* История и классовое сознание. – С. 150).

«…Проблема классового сознания была определена как проблема вменения классовых интересов…» (Там же. С. 159).

разделении экономической борьбы с политической».[1]

Упомянутый раскол сознания есть следствие субстанциональности как единства материального и идеального. Актуальное сознание детерминируется фактическим положением пролетария в общественном производстве (материальным) и ограничено, как следствие, наличными непосредственными отношениями в этом производстве и потому не выходит за пределы узко понимаемых непосредственных же экономических интересов и ограничивается требованиями *экономической* борьбы

Однако, истинной целью пролетариата является его полное освобождение от отчуждения, что может быть достигнуто только в *политической* борьбе, но сознание, которое может осознать эту цель, не имеет ещё основания в реальности, в наличных общественных отношениях и потому такое сознание не может быть *непосредственно* детерминировано наличной жизнедеятельностью пролетария (актуальным материальным), оно должно быть инициировано извне, партией, и должно ещё *стать* (вспомним гегелевское *становление*) в предстоящем материальном – в *действительной* борьбе за своё освобождение (адекватное классовое сознание (идеальное) и *реальная* борьба за освобождение (материальное) диалектически дополняют и формируют друг друга). Поэтому эта сторона сознания пролетариата некоторое время *объективно* будет иллюзорной, неявной, не детерминированной актуальным материальным – а потому неустойчивой, подверженной колебаниям, отступлениям и искажениям. Вторая сторона сознания должна постоянно формироваться и внедряться политической партией и окончательно сформируется только в реальной борьбе за свои *истинные* интересы, т.е. в *политической* борьбе).

Из необходимости завоевания лидирующего положения в общественном процессе следует и ещё одно условие успешности действий класса – *общественная активность* (политическая – прежде всего и главным образом, а также экономическая, культурная и т.п.) и партии, и класса. Партия обязана быть предельно активной *всегда*, постоянно, ни на минуту не забывая о своей не только классовой, но и всеобщественной (более того, всечеловеческой) миссии. Активность партии – перманентное требование, необходимое условие успешности действий класса.

Однако, в свою очередь, активность класса не детерминируется активностью партии напрямую, она определяется рядом конкретно-исторических условий и является функцией не только внутриобщественных, но и международных отношений и это должно быть предметом постоянного внимания и анализа со стороны партии. Не учитывая уровня активности класса, его способности к действиям, не влияя на них, партия будет совершать ошибки тактического плана, что неизбежно повлияет и на достижение стратегических целей.

Было бы неверным думать на основании сказанного о роли партии, что партия стоит вне и над классом. Движение партии к классу и класса к партии есть одно и то же диалектическое движение, рассматриваемое с разных сторон – со стороны партии как становление (внесение (вменение)

[1] Там же. С. 167.

адекватного сознания в класс) и со стороны класса как прехождение (преодоление ограниченного узкоклассового сознания). Итогом, результатом этого обоюдного движения является его снятие в соотношении партии и класса как их единства, в котором партия – это авангард класса, а класс – движущая сила партии. *Партия без класса бессильна, класс без партии – бессознателен*.

Только теперь, обладая *адекватным* классовым сознанием, *вменённым* классу партией и будучи возглавляем партией, вооружённой теорией создания нового общества, класс, бывший до того классом в-себе, *потенциально* (но только потенциально) становится классом для-себя.

Однако *действительное*, актуальное становление класса классом для-себя происходит *только* тогда, когда идеальное переходит в материальное, т.е. когда класс начинает *действовать* в своих и, значит, общечеловеческих интересах в соответствии с вменённым адекватным классовым сознанием – т.е. когда *теория переходит в практику революционной деятельности*, становится материальной силой. Только тогда класс становится *гегемоном* общественного развития, способным произвести революционное преобразование общественных отношений в интересах всех людей.

Следует отметить ещё один очень важный момент, касающийся определения самими членами общества своей классовой принадлежности и, что не менее (а, возможно, и более) важно, своих *классовых предпочтений*. Это *диалектическая двойственность классовой принадлежности*: индивид *объективно* занимает определённое место в структуре общественной жизнедеятельности (в материальном), что императивно диктует ему соответствующее этому месту сознание, и одновременно он же относительно свободен, *субъективен* в выборе своих мировоззренческих и идеологических предпочтений (в идеальном).[1] Следствием этого противоречия является положение, когда представители отчуждённого класса «заражаются» буржуазной идеологией и не воспринимают доводы о необходимости борьбы в защиту своих истинных классовых (т.е. общечеловеческих) интересов.

Чтобы быть воспринятым (вменённым) в адекватном виде классовое сознание должно найти соответствующее *основание* в индивидуальном сознании. Таковым основанием может быть только определённый уровень знаний и культуры, позволяющий *осознанно* (т.е. критически) воспринять идеологию, отвечающую истинным интересам человека, стремящегося к освобождению от всех форм отчуждения. Как следствие, даже среди носителей адекватной классовой идеологии будет значительна масса людей, не обладающих достаточно основательными знаниями и культурно

[1] «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 13. С. 7). Это только часть истины, диалектическим дополнением которой является неоспоримый факт *относительной свободы* сознания. Разрешением, снятием противоречивости бытия и сознания и является *тождественная* материально-идеальная жизнедеятельность человека, в которой бытие рефлексируется сознанием и сознание, относительно свободное в своих действиях, в свою очередь, реализуется в практических действиях, изменяя бытие.

образованных, а потому весьма поверхностно её воспринявших и, как результат этого, неустойчивых, колеблющихся, с которыми будет необходимо вести постоянную работу. И второе следствие – поверхностно воспринятая адекватная классовая идеология будет неизбежно воплощаться (и это постоянно доказывает революционная практика) в грубых, несоответствующих сущностным интересам коммунистического движения, формах действий, что отмечал ещё Маркс.[1] Это очень серьёзная опасность для революционной практики, что должно быть предметом постоянного внимания политической партии класса.[2]

Отмеченная выше диалектическая противоречивость (объективного положения и субъективного сознания) и создаёт «поле боя» между идеологией, адекватной сущностным интересам человека (и класса), и идеологией, активно (и даже агрессивно) навязываемой обществу господствующими классами. Именно в этом пункте – в сознании, в идеальном – находится точка приложения усилий противодействующих сторон – господствующих классов, на стороне которых вся сила государства, и партии отчуждённого класса и самого класса, на стороне которых истина теории и сила правды. Казалось бы немного, но для победы вполне достаточно – дело за активным *революционным* действием. Вспомним, как В.И. Ленин решительно и уверенно говорил о значении «социалистического сознания рабочих масс – этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу».[3] Практика революции доказала его правоту, нам есть с кого и чего брать пример.

Существующие отношения воспроизводства общественной жизнедеятельности определены историческим развитием и характеризуются капиталистической формой производства и распределения общественного продукта, в основании которой находится частная собственность на средства производства. Частная – не значит, что это собственность одного или нескольких лиц. В ходе исторического развития частная собственность

---

[1] «…Первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности…» (там же. Т. 42. С. 116).

[2] Культура отчуждённого класса, это, прежде всего, отрицающая культура – т.е. культура, отвергающая *торгашескую сущность* культуры буржуазной и потому критически относящаяся к существующей в капиталистическом обществе культуры, т.е. культуры, навязываемой обществу господствующими классами. Только основываясь на этом отрицательном действии пролетарская культура может диалектически прийти к себе самой как положительной культуре – культуре, *снимающей* в себе гуманистические принципы, выработанные человечеством – и как таковая пролетарская культура есть уже культура общечеловеческая.

Отсюда понятно, что в период смены общественной капиталистической формации на формацию социалистическую, весьма вероятны (а практика показала, что и неизбежны) эксцессы грубого отрицания культуры бывших господствующих классов, даже в её лучших, гуманистических формах. Только с укреплением власти отчуждённого класса приходит понимание необходимости сохранения лучших достижений прошлой культуры.

[3] *Ленин В.И.* ПСС. - Т. 6. С. 8.

прошла ряд форм – от индивидуальной до корпоративной – и соответственно это отражалось на формах производственной деятельности.

Капиталистическая форма собственности (и, соответственно, капиталистических производственных отношений) есть особенная историческая форма собственности (и отношений), которая характеризуется *полным* отрывом её от *действительных интересов человека*, каковыми могут быть только *сущностные* интересы человека, а именно – всестороннее развитие личности. Капиталистическая форма собственности и, соответственно, капиталистические общественные отношения имеют своей *единственной целью постоянное воспроизводство капитала как такового с целью извлечения прибыли безотносительно к интересам общества*.

Именно по этой линии проходит главный разлом общества – и пока он существует, консолидация общества для решения общечеловеческих задач *невозможна*.

Исследование классовой проблемы, сделанное выше в общей теоретической форме, неопровержимо свидетельствует о наличии *постоянного потенциала классового противостояния*, вызванного разным общественным положением классов и их возможностями в присвоении производимого общественного продукта и степени воздействия на общество в целом. До тех пор, пока существует этот потенциал, необходимо будет воспроизводиться межклассовая борьба – борьба между господствующими классами, присваивающими всё и деформирующими общество в своих классовых интересах, и между подчинёнными классами, отчуждёнными от выбора собственной судьбы, от свободы и развития. И никакие идеологические поползновения, предпринимаемые нанятыми правящими классами деятелями от философии, социологии и т.д., не смогут изменить этого фундаментального факта общественного развития. *Межклассовая борьба – имманентный и совершенно естественный и потому неизбежный общественный феномен в обществе частного присвоения общественного продукта, которое по своей сути не может быть неклассовым.*

Краткие выводы

Согласно принципу субстанционального монизма общество представляет собой саморазвивающуюся субстанцию – т.е. тождество своих материальной и идеальной сторон – и является субъектом собственного развития. Материальная сторона общества как субстанции представлена всеми материальными возможностями общества. Идеальная сторона представлена индивидуальным и общественным (классовым, групповым и т.п.) сознанием.

Материальная и идеальная стороны взаимно влияют друг на друга – материальные изменения рефлексируются (отражаются) сознанием, сознание воплощается в практике, в материальных действиях. Эта диалектическая двойственность субстанции «общество» и находится в основании общественного развития и определяет его направление и формы.

Общество структурируется на фундаментальные общественные группы (классы) соответственно их материально-идеальным возможностям, а именно: класс управления; класс производящий общественный продукт, но

отчуждённый от его присвоения; класс, присваивающий и распределяющий общественный продукт.

Классы, управляющие обществом и распоряжающиеся практически всеми материальными возможностями общества, являются господствующими классами, навязывающими всему обществу свою идеологию. Их классовое сознание является узкоклассовым, направленным исключительно на защиту своих классовых интересов.

Классы, отчуждённые не только от присвоения и распределения общественного продукта, но и от воздействия на, практически, все (политические, экономические, культурные) сферы жизни общества, находятся в подчинённом положении. Адекватным классовым сознанием этих классов может быть только сознание освобождения от всех форм отчуждения и эксплуатации, т.е. это, по сути, общечеловеческое сознание. Но такое сознание отчуждённый класс не способен выработать самостоятельно – это может сделать только политическая партия класса, которая и вносит (вменяет) в класс адекватное его объективному положению сознание.

В интересах своего (и, тем самым, всего общества) освобождения от всех форм отчуждения отчуждённый класс и его политическая партия должны действовать максимально активно и это действие не может не быть действием революционным, поскольку освобождение приведёт к коренным, революционным преобразованиям всего общества.

Поскольку диалектичность реальности состоит в том, что материальное и идеальное взаимовлияют друг на друга, и идеальное в форме общественного (классового) сознания воздействует на материальное посредством общественной (классовой) практики, то основным объектом воздействия политической партии отчуждённого класса является сознание этого класса. Успешная политическая деятельность партии по защите классовых (и, следовательно, общечеловеческих) интересов возможна только при массовой поддержке со стороны класса, т.е. при осознании им своих истинных человеческих интересов.

Межклассовая борьба всегда налична и актуальна в обществе, в котором постоянно воспроизводится потенциал классового противостояния, вызванный разным общественным положением классов и их возможностями в присвоении производимого общественного продукта и степени воздействия на общество в целом.

***

В заключение невозможно не сказать о знаменитом тезисе усиления классовой борьбы при социализме.

Полагаем, что это не очень сложный вопрос. Если при социализме прямая межклассовая борьба и не ведётся вследствие отсутствия *антагонистических* классов, то сохраняется необходимость мировоззренческой борьбы с буржуазной идеологией, пропагандирующей отчуждение, основанием чего является частная собственность, в качестве фундаментальной основы жизнедеятельности общества. Эта необходимость есть следствие как исторической инерции и сохранения некоторых форм жизнедеятельности, характерных для частнособственнического общества, так и наличия внешнего капиталистического окружения. Но формами этой борьбы

должны быть не репрессии, для которых при социализме нет классового субъекта, а, прежде всего и главным образом, реальное изменение условий жизни (материальное), а также неуклонное повышение возможности *действительного* влияния каждого человека на личную и общественную жизнь – что непременно будет положительно рефлексировано идеальным – индивидуальным и общественным сознанием с соответствующим выражением в практике.

Классовое деление общества

Потребности практической работы политической партии по вменению адекватного классового сознания отчуждённому классу и организации его действий настоятельно диктуют необходимость дальнейшей конкретизации классовой структуры общества.

Рассмотрение можно начать, собственно, с любого из определённых выше трёх фундаментальных классов, но с точки зрения общества как субстанции, являющейся субъектом собственного развития, целесообразно начать с классов, занимающих в обществе доминирующее положение – класса управления и класса собственников.

Поскольку все классы, во-первых, выполняют в обществе не одну, а множество общественно необходимых функций, и, во-вторых, материальные возможности распределены внутри классов неравномерно, то из этого следует, что каждый класс неоднороден, стратифицирован, разделён на слои и группы.

1. Исходя из функции *класса управления* как функции обеспечения общегосударственной деятельности, в нем необходимо существует слой, принимающий решения, и слои (рабочие органы), обеспечивающие выполнение этих решений.

Принимаемые решения могут касаться разных уровней государственного управления (общегосударственный, региональный, местный), но все они характеризуются тем, что имеют обязательный к исполнению статус. Именно слой класса управления, от имени, якобы, всего общества принимающий императивные решения и определяющий приоритеты общества и правила его жизнедеятельности, обладает, тем самым, властью в отношении всего общества и может быть назван *потенциатом* (от лат. *potestas* – власть, могущество). При этом высший уровень этого слоя (государственный) обладает практически *абсолютной* властью.

(Что касается соблюдения т.н. принципа демократии, т.е. участия в принятии решений выборных парламентских органов, то внутри этих органов осуществляется такая же градация принимающих решения лиц – есть высший слой, и есть более низкие уровни).

Классовое сознание потенциата есть именно то сознание абсолютного превосходства, о котором мы говорили выше, рассматривая управляющий класс.

К средним и низшим слоям класса управления следует отнести тех, кто обеспечивает деятельность слоя, принимающего решения, и выполнение последних. Этот слой – рабочие органы – можно назвать

администриатом.[1]

К исполнительным органам класса управления следует отнести также все структуры, специализированные к определённым функциям государственного управления, главным образом в правоохранительной сфере и сфере безопасности – *сервоцивиат* (от лат. *servio* – служить, *civitas* – государство).

Классовое сознание этих слоёв имеет двойственный характер и потому имманентно неустойчиво, что выступает явно в периоды общественных кризисов. С одной стороны, упомянутые структуры предназначены для выполнения общегосударственных задач, т.е. обязаны действовать в общих интересах, интересах общества в целом, а не отдельных его частей (классов, слоёв). Т.е. их сущность – в защите *общего* (общества как целого) и именно это обстоятельство в довольно значительной степени определяет доминанту классового сознания сервоцивиата. Однако, по своей функции сервоцивиат обязан выполнять решения потенциата, по *форме* принимаемые от имени государства, но, с другой стороны, эти решения по своей *сути* могут быть направлены против общего (интересов социума) в защиту частного (интересов капитала) и потому вызвать противодействие общества.

Т.о. самим своим положением в обществе сервоцивиат поставлен в противоречивое положение – будучи *формально* обязан действовать в интересах общества как целого, *фактически* решением потенциата он в ряде случаев вынуждается действовать против интересов общества, в интересах его небольшой части. Глубинная двойственность сознания, вызванная данным обстоятельством, и есть основание скрытой неустойчивости сознания сервоцивиата, что во время общественных кризисов и революций проявляется в его неуверенных действиях и заканчивается разложением, размежеванием на группы, примыкающие к другим классам и слоям. Данный феномен может и должен быть использован партией отчуждённого класса в его и, следовательно, всеобщих интересах.

Завершая краткий анализ класса управления невозможно не отметить, что, несмотря на своё, по видимости, главенствующее положение этот класс далеко не во всех формах обществ является самостоятельным классом. Чем б*о*льшие материальные и идеальные возможности наращивает класс собственников, чем выше его возможности по установлению гегемонии над другими классами, тем активнее он начинает вторгаться в сферу общественного управления, формируя потенциат из своей креатуры. Интересы всего общества заменяются интересами класса собственников, который для их реализации использует всю силу государства. В наше время

[1] Но и здесь картина далеко не простая. Администриат потенциата высшего (государственного) слоя управления, не обладая для того необходимыми правами, тем не менее, обладает возможностями, значительно превышающими возможности потенциата регионального и, тем более, местного уровня. Соответственные отношения существуют и между региональным и местным уровнями. В свою очередь, в каждом слое администриата существует собственная градация на тех, кто принимает решения и тех, кто обеспечивает деятельность.

мощь капитала, прежде всего финансового, такова, что государство подчинено ему практически полностью и т.н. демократические процедуры играют роль декоративного оформления диктаторского, по сути, содержания.

2. Перейдём к этому классу. *Класс, присваивающий общественный продукт, класс собственников* (по сложившейся традиции будем называть его классом капиталистов), также далеко неоднороден и структурируется по размеру капитала и, соответственно, экспроприируемому продукту, что, в свою очередь, даёт возможность влияния на общественные процессы, прежде всего посредством решений, принимаемых потенциатом, а также через негосударственные структуры (СМИ, фонды, общественные организации и т.п.).

Наибольшими (ограничиваемыми, в конечном итоге, только общим потенциалом государства) возможностями обладает *олигархат* (от др.-греч. ὀλῑ́γ-αρχία – власть немногих) – высший слой представителей финансового, в основном, капитала международного уровня.

Классовое сознание этого слоя представляет наиболее радикальную, бескомпромиссную форму капиталистического сознания, вследствие чего олигархат способен идти на уступки в ущерб собственным интересам только в исключительных для него обстоятельствах и будет защищать свои интересы всеми, доступными этому слою, способами, используя, прежде всего, возможности государства через аффилированный с ним (олигархатом) потенциат.

Ниже олигархата располагается, с ощутимо меньшими возможностями, слой представителей *крупного капитала*. Это, преимущественно, представители производственного капитала. Выделение в качестве самостоятельного капитала производственного капитала достаточно условно, поскольку эта форма капитала фактически полностью подконтрольна финансовому капиталу. Но т.к. производственная деятельность осуществляется в материальной сфере и совершенно чётко отделена самим своим характером от любой иной деятельности, то это обстоятельство оказывает существенное влияние на формирование соответствующего этой деятельности сознания.

Классовое сознание представителей этого слоя имеет более практичный характер в силу специфики их деятельности и потому они более склонны к рациональным (и даже компромиссным) решениям, нежели олигархат.

Нижний уровень класса капиталистов представляют владельцы *среднего и малого капиталов*. Несмотря на их значительное численное преобладание над двумя верхними слоями они не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на решения потенциата высшего, государственного уровня и довольствуются региональным и местным уровнями.

Но именно в силу своей многочисленности (относительной, конечно) этот слой является в обществе опорой капиталистического, буржуазного сознания и основным носителем и проводником буржуазной идеологии. Но одновременно, находясь под постоянным давлением финансового и крупного промышленного капитала, слой средних и мелких капиталистов именно в силу данного обстоятельства противопоставлен им в сфере экономики. Соответственно, сознание этого слоя имеет противоречивый характер – оно и привержено капиталистическим принципам, и

одновременно отвергает их, когда они применяются к нему самому. По этой причине в периоды общественных кризисов рассматриваемый слой потенциально способен и на *политические* действия по защите своих интересов, входящие в противоречие с интересами олигархата и крупного капитала. Как следствие, слой представителей среднего и, главным образом, малого капитала может *ситуативно* действовать совместно с отчуждённым классом против высших слоёв буржуазного класса и связанного с ним потенциата, что непременно следует использовать в своей борьбе партии отчуждённого класса.[1]

К классу капиталистов следует отнести и слой управленцев, нанимаемых капиталистами для управления своей собственностью. В отношении этой категории необходимо сказать следующее. В многочисленных публикациях всё чаще и настойчивее высказывается мысль, что данный слой управленцев, называемый *менеджариатом* (от англ. *manage* – управлять, нем. *manager* – организатор, фран. *manager* – управляющий), фактически заменил собой слой самих собственников, капиталистов и выполняет их функции по управлению капиталом и потому, дескать, капиталисты как таковые в современном мире не играют почти никакой роли.

Подобные псевдотеоретические экскурсы предпринимаются исключительно для того, чтобы показать, что класс капиталистов стал фикцией, от которой ничего не зависит и потому противодействие этому классу также становится фикцией. Идеологические мотивы этой затеи видны невооружённым глазом.

То, что миф о «революции менеджеров» никакого отношения к реальности не имеет, вряд ли надо особо доказывать. Достаточно указать на то, что *принципиальные* решения относительно основных направлений деятельности принимают исключительно собственники капиталов посредством разных форм т.н. участия в капитале. На долю же менеджариата, даже самого высокого уровня, остаётся обеспечение выполнения принятых принципиальных решений. Ссылка апологетов теории менеджариата на то обстоятельство, что ключевые решения принимают только те, кто держат контрольный пакет акций, а ими, дескать, часто оказываются высшие менеджеры (пусть даже и по доверенности), доказывает обратное их утверждению – пакет акций есть свидетельство собственности на капитал и т.о. менеджеры и есть капиталисты, управляющие подконтрольным капиталом. (В действительности акционерная форма участия в капитале весьма усложнена (и соответственно усложнились формы собственности), но *суть* её не изменилась со времени появления – полной властью над капиталом обладают только собственники капитала независимо от внешней формы этой собственности, либо те, кто управляет капиталом от имени

[1] Следует прямо сказать, что заигрывание с этим слоем класса собственников, например, наподобие выдвижения лозунгов «за поддержку отечественного производителя», не только ничуть не способствует вменению адекватного сознания отчуждённому классу (и в первую очередь пролетариату) и ни на шаг не приближает к его освобождению, но и оказывает отрицательное действие определённым пренебрежением истинными интересами отчуждённого класса.

собственников).

Но, главное в том, что отношения менеджариата и собственников капитала это *форма*, внешнее (единичное и частное, даже случайное) по отношению к *сущности*, общему (закономерному), детерминирующему всю деятельность и собственников капитала, и менеджариата – к капиталистическим общественным отношениям, т.е. отношениям, определяемым необходимостью производства и присвоения прибавочной стоимости.

По мере роста капитала, его концентрации и централизации, он обретает всё большую силу над подвластными ему процессами, в которых он начинает играть главенствующую, детерминирующую роль. Собственник крупного капитала уже не волен диктовать ему свою волю – напротив, капитал определяет действия собственника.

Капитал, отделяясь от собственника, избавляясь от его посредства между собой и производством, тем самым уже непосредственно реализует закон своего существования и движения и менеджариат с железной необходимостью будет вынуждаться потребностью капитала в самовозрастании к действиям, *совершенно адекватным* этой потребности.

Сама сущность капиталистических общественных отношений диктует следующий императив – совершенно неважно является ли некое лицо (лица) *собственником* (собственниками) капитала или оно (они) только *управляет* им по поручению собственника (собственников). В своей *общественной* функции менеджариат обречён действовать также, как и собственники капитала, т.е. как *агент капитала* и исключительно в *интересах капитала* и в этой функции ничем не отличается от собственников – все действия менеджариата осуществляются в интересах капитала и за счёт других субъектов общественных отношений, в том числе и государства.

Сознание этого слоя идентично сознанию их нанимателей и даже более агрессивно, поскольку его представители стремятся перейти рангом выше – из нанимаемых стать нанимателями.

3. Перейдём, наконец, к третьему фундаментальному классу – *классу, производящему общественный продукт*,[1] но не имеющему отношения к его присвоению и распределению – *отчуждённому классу.*

До сих пор этот класс нередко рассматривают как класс наёмных, по преимуществу промышленных, рабочих, занятых, в основном, физическим трудом и по традиции называют *пролетариатом* (от лат. *proletarius* — неимущие). И хотя Маркс совершенно недвусмысленно указал всего два определяющих признака пролетария – характеризуемого 1. наёмным трудом, который 2. производит и увеличивает капитал[2] – что существенно

[1] Выше мы отмечали, что под общественным продуктом понимается не только продукт в материальной форме, но и идеальный продукт – знание.

[2] «Под “пролетарием” в экономическом смысле следует понимать исключительно наёмного рабочего, который производит и увеличивает “капитал”» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 628). Более частное определение дано Энгельсом: «Пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путём продажи своего труда, а не живёт за счёт прибыли с какого-нибудь капитала...» (Там же. Т. 4. С. 322).

расширяет понятие пролетариата (переводит его в общую форму), представление пролетария как наёмного рабочего в сфере материального производства (т.е. частное определение) закрепилось прочно и стало привычным, спорить с этим не будем.

Однако потребности практической деятельности отчуждённого класса и его партии настоятельно требуют конкретизировать содержание понятия отчуждённого класса и его структуру.

Поскольку в основании жизнедеятельности общества находится *материальное производство*, особенность которого заключается в специфичности его вещественных форм, а также в концентрации и централизации, то часть отчуждённого класса, занятая в материальном производстве (как в промышленном, так и в сельскохозяйственном), относительно обособлена самим характером своей деятельности от других слоёв отчуждённого класса. Очевидно, именно за этим слоем следует сохранить наименование *пролетариата*.

Однако, жизнедеятельность общества только производством материального общественного продукта не ограничивается и потому необходимо существуют и другие слои отчуждённого класса, выполняющие функции по обеспечению других потребностей общества, кроме чисто производственных, и также отстранённые от участия в присвоении и распределении общественного продукта.

Эти слои не участвуют, по видимости, в производстве общественного продукта в материальной форме, но их деятельность общественно не менее значима, чем материальное производство.

В особенную форму общественного производства необходимо выделить, прежде всего, диалектическое дополнение сферы материального производства – *производство (и использование) идеального продукта – знания*. Без постоянного воспроизводства идеального продукта в форме знания жизнь общества в принципе невозможна. Слой людей, занятых в научном производстве принято называть *когнитариатом* (от лат. *cogito* – думать, мыслить).[1] Поскольку в сфере научного производства создаётся *идеальное основание жизнедеятельности общества* как целого и, в частности, идеальное основание материального производства, то значение науки и, соответственно, деятельности когнитариата, уже сейчас критически важно для общества и будет только возрастать.

Очевидно, что к когнитариату следует отнести и работников производственной сферы, осуществляющих инженерно-техническую деятельность (использующих полученное знание, опосредствующих тем самым идеальное и материальное).

Другой особенной формой общественного воспроизводства является *воспроизводство самого человека*. Эту функцию выполняют сферы образования, здравоохранения и культуры – а потому люди, в них занятые, в своей совокупности составляют слой *гуманитариата* (от лат. *humanitas* –

[1] Хотя по смыслу деятельности целесообразно называть этот слой сциентиатом (от лат. *scientia* – наука) – мыслят все (впрочем, здесь уместно сомнение), а научным трудом заняты немногие.

гуманность, образование, человеческая природа).

И, наконец, в общественных интересах в рамках разделения труда обособились функции по *созданию условий*, облегчающих жизнедеятельность людей – *сфера обслуживания* с весьма многочисленными функциями по обеспечению разных сторон жизни в сфере *потребления*. Слой людей, в ней занятых, назовём *сервиатом* (от лат. *servio* – служить, обслуживать).

Очевидно, для завершения полноты картины следует упомянуть и слой людей, издавна называемых *люмпенами* (от нем. *lumpen* — лохмотья), т.е. деклассированных, выпавших из всех упомянутых общественных групп. Пожалуй, достаточно только упоминания об этом слое, поскольку он не оказывает значимого влияния на общественные процессы.

Общественное окружение, соответствующее сфере занятости человека, и условия им диктуемые, необходимо будут оказывать существенное влияние на формирование его сознания (но не будем забывать, что сознание относительно самостоятельно в своих выводах и предпочтениях).

На сознание *пролетариата* весьма существенное влияние оказывает факт его (и пролетариата, и сознания) полной подчинённости нуждам производственного процесса, в котором человек является частью технологического процесса, дополнением вещественных факторов производства и занимает зависимое от них положение. В этом положении пролетарий есть пресловутый «частичный» человек, что отмечали ещё классики, деятельность которого и её результаты принадлежат не ему, отчуждены от него. Эта сторона деятельности отражается в сознании чувством собственной неполноты, недовольством своим состоянием, желанием его изменения – и это есть *отрицающий* момент сознания как *потенция к возможному действию*.[1]

Но одновременно сам характер строго регламентированной производственной деятельности, осуществляемой коллективно, дисциплинирует сознание (хотя и насильственным в отношении личности образом), формирует коллективистские черты сознания, понимание силы совместных действий и осознание необходимости их организации – и это есть *положительный* (утверждающий) момент сознания как возможность реализации потенции к действию.

В своём диалектическом тождестве (единстве в различии) отрицающий и положительный моменты сознания составляют внутреннюю противоречивость сознания.

Разрешением внутренней диалектической противоречивости сознания, снятием в единстве его отрицательной и положительной сторон, является обретение адекватного классового сознания и последующая реализация этого идеального момента в практических действиях класса и, тем самым, становление им классом для-себя. Но обрести адекватное классовое

[1] В диалектическом противоречии, т.е. противоречии, стороны которого одновременно и раздельны, и неотделимы друг от друга, именно отрицательная (отрицающая) сторона детерминирует потенцию движения противоречия к его разрешению.

сознание самостоятельно пролетариат не может (о причинах этого сказано выше) и первой (но далеко не единственной) задачей политической партии отчуждённого класса является вменение (внесение) такого сознания пролетариату.

Совершенно в других общественных и производственных условиях осуществляет свою деятельность *когнитариат*. Во-первых, следует учитывать высокий уровень образования этого слоя. Во-вторых, в своей деятельности когнитарий не является полностью «частичным» человеком, даже несмотря на очень высокий уровень научной специализации. Напротив, когнитарий находит удовлетворение в своей работе. В-третьих, результат деятельности когнитария отчуждён от него не полностью – если собственность на использование открытия (изобретения) и отчуждается, то авторский приоритет сохранятся. В-четвёртых, в силу названных и некоторых других условий когнитариат формирует стиль жизни, культурный уровень которого значительно выше, чем у пролетариата.

Названные факторы являются основанием для формирования сознания, в котором доминирует культурная, в самом широком смысле, составляющая, что позволяет самостоятельно выработать адекватное понимание своих (и не только своих) классовых интересов.

Однако, те же факторы способствуют появлению той стороны сознания, которая выступает как склонность к компромиссам, соглашательству, сглаживанию острых сторон общественных коллизий, следствием чего является робость и непоследовательность действий в общественных конфликтах. И для преодоления данного недуга нужна внешняя организующая сила – политическая партия отчуждённого класса, чьей обязанностью, даже экзистенциальным императивом является налаживание совместных действий когнитариата, пролетариата и гуманитариата.

В отношении когнитариата следует сказать и о следующем обстоятельстве. Поскольку когнитариат производит и использует идеальный продукт (знание) который по своей сути не может быть частной собственностью и действен только как общее достояние, то эта противоречивость его профессиональной деятельности – всеобщая, с одной стороны, деятельность по производству знания и частное, с другой стороны, присвоение её результатов собственниками капитала – в сознании выступает в форме противоречия между осознанием всеобщности своей деятельности и противостоящего ей частного характера её использования. Т.о. когнитариат самим своим положением в общественном воспроизводстве формируется как носитель принципа всеобщности человеческой деятельности, неотчуждаемой от личности, и, казалось бы, по своей сути в соответствующих условиях потенциально способен выступить гегемоном общественного развития, демонстрирующим самой своей деятельностью направление развития. Однако, отмеченные выше негативные стороны сознания когнитариата не способствуют достижению этого положения. Тем не менее, когнитариат способен быть носителем и проводником общечеловеческой идеологии и оказать политической партии отчуждённого класса незаменимую помощь в деле выработки и вменения другим общественным слоям адекватного классового сознания.

Если говорить о *гуманитариате*, то характер его деятельности по своей сути во многом соответствует деятельности когнитариата и потому совпадают соответствующие стороны классового сознания. Отличие в том, что гуманитариат подвергается более активному и сильному административному и идеологическому давлению со стороны класса управления (в отношении государственных организаций и заведений) и класса собственников (в отношении частных организаций и заведений), что деструктивно влияет и на выработку адекватного классового сознания, и на практические действия гуманитариата. И в этом случае роль политической партии отчуждённого класса как общественного организатора незаменима.

Что касается *сервиата*, то условия его деятельности – небольшие группы, постоянный контроль со стороны собственников, полная зависимость от них, частая смена мест и рода занятий, необходимость угождения клиентам и т.п. – формируют черты сознания, которые способствуют определённой самоизоляции этого слоя, его низкой активности, неустойчивости, соглашательству, что существенно затрудняет возможность обретения адекватного классового сознания и вовлечение этого слоя в активную практическую деятельность освобождения.

Заканчивая анализ классовой структуры общества следует заметить, что стратификацию классовой структуры общества можно (а в практических целях и необходимо) продолжать и далее, поскольку все перечисленные слои внутри себя различаются по доходам, образованию, уровню культуры, возрасту, полу, жизненной активности, наконец. Последний фактор, в свою очередь, определяет весьма важный общественный феномен – в соответствии с ним выделяются лидеры, основная масса и аутсайдеры – и это также следует учитывать в классовом анализе и, тем более, практической работе политической партии отчуждённого класса.

***

Отдельно необходимо сказать о теоретико-методологической тенденции, выражающейся в стремлении размыть понятие класса как *конкретного общественного* ***субъекта****, способного на активное революционное действие* по ликвидации своего отчуждения и изменению общественного устройства, изъять из общественного сознания саму возможность анализа такого поворота событий. Отмеченная тенденция проявляется в форме гипостазирования, т.е. в форме придания некоторым *частным* признакам классовой принадлежности статуса *всеобщности*.

Об одной из таких попыток – об элиминировании понятия класса капиталистов и абсолютизации роли менеджариата – было сказано выше. Но данный метод применяется и в отношении отчуждённого класса, понятие которого путём вербальных манипуляций стараются распространить буквально на все слои общества и, тем самым, показать ненужность и невозможность, якобы, становления им класса для-себя и превращения в общественного *субъекта*, творца собственной истории.

Для этого изобретаются новые понятия, такие как, например, «салариат», «прекариат», «средний класс» и т.п. Первое означает «получающие регулярную зарплату», второе – «не имеющие постоянной работы», третье – «имеющие достаточный уровень дохода».

Как нетрудно видеть понятие *салариата* выражает не сущность класса, не его положение в производстве, присвоении и распределении общественного продукта, а исключительно *форму участия в личном потреблении*. В соответствии с данным определением к этому «классу» относятся и властный слой, выполняющий волю господствующих классов, и те, кого власть подавляет, пресекая попытки защиты своих интересов – не класс, а пресловутая вдова, постоянно секущая саму себя.

Понятие *прекариата* частично выражает форму участия в производстве, но это именно всего лишь форма, не выражающая всей сущности классовой принадлежности. Здесь взят за основание всего один признак, частное (неполное участие в производстве) по отношению к общему (непосредственному участию в производстве, присвоении и распределении произведённого общественного продукта). По этой причине понятие прекариата есть абстракция, не выражающая сущности класса.

Понятие *среднего класса* есть, по сути, понятие салариата, которому вменён определённый уровень дохода, и потому кроме некоторой части отчуждённого класса к среднему классу на этом основании могут быть отнесены и представители малого бизнеса, т.е. класса собственников, и значительная часть класса управления. Не класс, а сборная солянка… Надо ли говорить о полной несостоятельности такой трактовки?

Нет сомнения, что господствующие классы будут и в дальнейшем всячески инициировать и поддерживать подобные «научные» изыскания.

Политическая партия отчуждённого класса

Поскольку, как показывает анализ, императивная необходимость создания политической партии отчуждённого класса не вызывает сомнений, то следует выяснить, выразителем какого мировоззрения она будет, какие цели должна ставить перед собой и обществом, на какие общественные классы (слои) будет ориентироваться и опираться, какими путями будет идти к поставленной цели.

Самой насущной задачей современности является необходимость освобождения человека от отчуждения его сущности от него самого и, прежде всего, освобождение от отчуждения его деятельности, осуществляемой насильственным, по сути, способом – посредством частной собственности на средства производства.

Именно реализация этой двуединой задачи и должна быть главной целью политической партии отчуждённого класса и поставлена в центр её практики – *практики освобождения*.

При этом практика освобождения партии должна включать в себя, во-первых, теоретическое осмысление проблемы освобождения (ликвидации отчуждения), во-вторых, практическую работу по вменению отчуждённому классу адекватного классового сознания и, в-третьих, организацию его практических действий по изменению условий общественного развития. Практика освобождения возможна только как процесс, соединяющий, снимающий в диалектическом единстве теорию и практику, одно без другого недейственно и потому ничтожно. *Теория без практики вырождается в схоластику, практика без теории вырождается в хаос.*

Но какие же мировоззренческие императивы должны быть положены в основание теории освобождения партии отчуждённого класса? История уже выработала теоретические основы практики освобождения, в фундамент которых положен подход, известный как диалектический метод. Принципиальные положения, выдвинутые и обоснованные Марксом, использовавшим диалектическую методологию, о необходимости и неизбежности освобождения человека от отчуждения его сущностных атрибутов, имеют непреходящее значение, которое будет актуальным до преодоления «предыстории». Разумеется, то, что сделано Марксом и его последователями ещё не составляет целостной теории освобождения, которая должна учитывать историческое движение общества, но дальнейшая разработка теории освобождения возможна только на мощном фундаменте истинного марксизма.

Поскольку принципиальные выводы теории освобождения недвусмысленно свидетельствуют, что процесс освобождения человека от отчуждения по своей сути есть революционный процесс, т.е. процесс коренного преобразования общества, то и практика освобождения, понимаемая как социальное действие масс, неизбежно будет *революционной практикой*.

Острый вопрос о том, будет ли такое революционное действие насильственным или мирным это вопрос не принципа, а конкретной исторической ситуации. Принципиальным является понимание необходимости революционного преобразования общества, а именно, его изменения на совершенно иных, общечеловеческих, основаниях. Вопрос же способа осуществления этих преобразований – мирным или насильственным образом – есть вопрос тактический, зависящий от ситуативного соотношения сил борющихся сторон. Причём насильственный характер революционных действий будет определяться не стремлением революционной стороны к разрушению, о чём непрестанно толкуют адепты отчуждения, а исключительно нежеланием реакционной стороны отказаться от своих привилегий по присвоению общественного продукта и возможности эксплуатации отчуждённого класса.

Перейдём к важнейшему практическому вопросу – какие же социальные слои могут составить действующую силу общественных преобразований.

Исходя из *объективного* положения классов и социальных слоёв в общественном воспроизводстве, их классовых интересов, способности и возможности к активному общественному действию, можно вывести, что наиболее последовательными и активными (разумеется, при соответствующей организации) могут быть два социальных слоя отчуждённого класса – *пролетариат* и *когнитариат*.

Первый *сущностно* заинтересован в освобождении от сковывающих его деятельность оков частной собственности на средства производства.

Второй не менее, если не более, заинтересован в том, чтобы результаты его творчества принадлежали всему обществу непосредственно, а не проходя через отношения частной собственности и увеличивая, тем самым, капитал, принадлежащий немногим, а значит и увеличивая силу собственников, а не общества в целом.

А потому главная организационная задача политической партии отчуждённого класса состоит в том, чтобы соединить в *едином практическом движении освобождения* два производящих слоя – пролетариат, действующий в сфере материального производства, и когнитариат, действующий в сфере производства идеального, знания. При этом максимально вовлечь в процесс практики освобождения когнитариат – инициировать и всячески поддерживать процесс выработки им общечеловеческого мировоззрения (т.е. мировоззрения, ставящего в центр мира интересы свободной личности, действующей в свободном обществе), что неизбежно повлечёт за собой преодоление когнитариатом своего узкопрофессионального видения мира, выход его сознания за границы профессиональных интересов в сферу интересов человека как свободно развивающейся личности, а это и будет конкретным выражением сущностных интересов отчуждённого класса.

Что касается пролетариата, то вовлечение его в процесс собственного освобождения возможно только, и это было обосновано выше, посредством вменения партией пролетариату адекватного классового сознания. А это достижимо исключительно активнейшей политической и идеологической работой непосредственно *в массе* пролетариата. Пролетариат самими условиями своей деятельности формируется как коллективистский субъект, способный действовать сплочённо и, следовательно, организаторская работа партии должна быть направлена на то, чтобы в необходимый момент пролетариат выступил как организованная *политическая* сила, как авангард (совместно с когнитариатом) социального движения освобождения.

Следует особо подчеркнуть, что вменение пролетариату адекватного классового сознания и организация его практических действий по защите своих интересов – это единая деятельность, в которой одна сторона неотделима от другой. И человек, и общество в целом субстанциональны – т.е. представляют собой диалектическое тождество своих материальной и идеальной сторон. В их жизнедеятельности материальное и идеальное неотделимы и взаимозависимы – всякое изменение условий жизни (материального) рефлексируется (отражается) идеальным, сознанием и, в свою очередь, выводы сознания претворяются в материальной практике. Следовательно, только *в практике борьбы* за свои сущностные и, значит, общечеловеческие интересы пролетариат обретёт адекватное классовое сознание в наиболее истинной и прочной форме. Задача партии – способствовать вовлечению пролетариата в эту борьбу, постоянно выступать просвещающим и организующим началом.

Если говорить о других слоях отчуждённого класса, кроме упомянутых, то наибольшее внимание в деле вовлечения в практику освобождения следует уделить *гуманитариату*, поскольку именно этот слой уже сегодня формирует будущие поколения, во многом влияя на их видение мира, которое проявится завтра.

Перейдём к отношению партии к господствующим классам.

Ясно, что *потенциат* всех уровней будет всеми своими возможностями противодействовать деятельности партии отчуждённого класса, прежде всего в сфере мировоззрения, идеологии, чтобы заразить сознание

отчуждённого класса вирусами буржуазности, оппортунизма, равнодушия, соглашательства, поставить его под своё влияние и, тем самым, властвовать и в сфере идеального.

Именно сфера идеального – сфера классового сознания – является основным полем битвы с господствующими классами. И в этой мировоззренческой борьбе *никакие компромиссы недопустимы*, более того, они гибельны для самой партии отчуждённого класса и практики освобождения – судьба КПСС и советского строя убедительно свидетельствует это. Никакой двойственности, половинчатости, уступок идеологии классов, паразитирующих на отчуждении и потому пропагандирующих и насаждающих отчуждение, быть не должно.

Следует отметить, однако, что *администриат* далеко не так активен в идеологической сфере, будучи озабочен текущими практическими вопросами. Тем более, что его представители (особенно администриат местного уровня) живут обыденной жизнью и не оторваны от проблем повседневности, подобно руководящим слоям. Это обстоятельство непременно следует использовать в практической работе.

Ранее мы отметили, что неоднородность класса собственников и разность интересов его слоёв предоставляют возможность использовать этот факт в определённых ситуациях. Речь идёт о возможности, а в некоторых случаях и необходимости, *временных* совместных действий с представителями среднего и малого бизнеса в противостоянии с господствующими классами. Такие ситуации обязательно возникают в периоды общественных кризисов и обострения межклассовых противоречий. Но в таких случаях со стороны партии отчуждённого класса речь может идти только о *тактических* действиях, не затрагивающих принципиальные мировоззренческие и идеологические вопросы.

Наконец, особо следует сказать о практике воздействия на слой *сервоцивиата*, прежде всего на силовые подразделения правоохранительной сферы и службу безопасности – эти главные силовые опоры режима. Центром усилий здесь следует сделать ту самую двойственность сознания этих слоёв, о которой было сказано ранее. Возрастание внутренней противоречивости сознания посредством усиления его поляризации – вот главный вектор воздействия на сервоцивиат. В этом отношении следует недвусмысленно и предельно чётко акцентировать, с одной стороны, предназначение сервоцивиата как общегосударственной структуры, предназначенной для защиты общих, а не групповых интересов, а, с другой стороны, на примере конкретных реальных действий разъяснять, что представители сервоцивиата были использованы не в общих, а в частногрупповых и частнособственнических интересах господствующих классов в противовес интересам всего общества, в том числе и их собственных.

В заключение отметим, что, разумеется, данная статья не охватывает все аспекты, относящиеся к проблеме классов, классового сознания и, тем более, практики освобождения, но, как представляется, принцип субстанциональности, согласно которому именно диалектическое тождество (единство в различии) материального и идеального, являющееся одновременно внутренним общественным субстанциональным противоречием,

предоставляет возможность глубокого и всестороннего анализа отмеченных проблем (и не только их).

17.10.2017

К проблеме социализма

(Опубликовано на сайте движения «Альтернативы»).

В журнале «Альтернативы» (2021, № 4) представлены две статьи, которые редакция опубликовала «в дискуссионном порядке …с целью привлечения внимания к вопросам марксистского анализа переходов от одной формации к другой, в том числе от капитализма к коммунистической формации, к социализму как её исходному состоянию». Это статья Мальцева А.А. «Проблемы социализма» и статья Багоцкого С.В. «Противоречия реального социализма и концепция коммунизма». Из редакционной постановки вопроса следует, что главный акцент следует сделать на *социалистическом* этапе общественного развития.

В дискуссионном же порядке попытаемся изложить своё видение некоторых моментов этой темы.

Вначале несколько слов об публикованных статьях.

Мальцев А.А.:

«Современный марксизм находится в кризисе…» – ничтоже сумняшеся начинает автор. Нет, в *поиске*! А это принципиально противоположный момент – это *движение* мысли и действия, беременных рождением обновлённой концепции социального процесса.[1] Именно *обновлённой*, а не *иной*, поскольку противопоставить фундаментальной идее Маркса о назревшей необходимости освободить человека от всех форм отчуждения его деятельности (знаменитый переход из одного «царства» в другое) с целью развития человека как Человека ничего невозможно, тем более в подошедшем к самому краю своего существования современном обществе. Назрел переход (снятие по Гегелю) к новому общественному устройству, основанному на совершенно иных принципах взаимодействия людей и их сообществ, нежели зашедших в экзистенциальный тупик общественных отношений, диктуемых интересами капитала. Каким образом и к какому обществу? – это и составляет суть поиска, ибо, не разогнав мглу заблуждений и лжи светом теоретического знания, основанного на историческом опыте и теории, и практики, невозможно проложить дорогу к намеченной цели.

«Нет согласия в главном – в определении и оценке сути социализма как общественного строя» – повторяет автор вслед за одним из сторонников левой идеи и затем, ссылаясь на некоторые имена, приводит ряд взаимоисключающих мнений о сути общественного строя СССР. Однако, далее автор, забыв о социализме, переходит к рассуждениям о т.н. формационной теории и только в завершение их находит в ней место для социализма,

[1] Что же касается кризиса, то в нём находится не марксизм, а те «марксисты» и их построения, от подобных которым отмежёвывался сам Маркс.

попутно высказав ряд, мягко говоря, своеобразных мыслей.[1] Собственно о социализме как особенном периоде движения общества автор так ничего внятного и не сказал.

Багоцкий С.В.:

«В основе марксизма лежит представление о закономерной смене общественно-экономических формаций». Вообще-то, в основе марксизма, как это после Маркса счёл необходимым дополнительно пояснить нам Энгельс, предвидя последующую путаницу, лежит *материалистическая идея*, а именно, что в основании жизни людей находится их *материальная деятельность* – не более, но и не менее. Сам же Маркс в своих работах показал, что эта идея всего лишь фундамент для дальнейшего анализа, итогом которого является вывод о необходимости освобождения человека от отчуждения его деятельности от него самого, присвоение её человеком. Это состояние он и называл гуманизмом, что с определёнными оговорками можно полагать и коммунизмом.

Несмотря на несколько сумбурное и непоследовательное изложение своих доводов автор высказал весьма интересную мысль, что «основное противоречие реального социализма: противоречие между объективной необходимостью сохранения экономического принуждения к труду и обусловленной общественной собственностью принципиальной слабостью механизмов такого принуждения». Другими словами, что основное противоречие социалистического этапа — это противоречие между отношениями общественной собственности и отношениями труда и распределения. Т.е. *формально* то же противоречие, что и при капитализме – между трудом и собственностью (при капитализме – капиталом). Что автор подтверждает метафорой: «”реальный социализм”, существовавший в СССР, был капитализмом, у которого вырвали капиталистические зубы».

К реальному социализму мы ещё вернёмся. Но следует сделать ещё одно уточнение. Автор заявляет, что «вульгаризация марксизма началась с того, что проблема ликвидации экономически принудительного труда была подменена проблемой ликвидации частной собственности. …Наверное, К. Маркс пошёл на вульгаризацию сознательно».

Эта фраза свидетельствует, что автор мало знаком с истинным Марксом, поскольку он явно запутывается в представлениях Маркса и тех «марксистов», к которым Маркс отказывался себя причислять. Сообщим для сведения, что Маркс совершенно недвусмысленно заявлял, что упразднение частной собственности является лишь *первым шагом* на пути

[1] Например, не самые удивительные.

Так, умиляет пассаж: «часть пролетарского класса стихийно сбегает (!) из основного СП (способа производства – прим. моё) и образует средний класс», хотя ранее заявлялось, что в обществе существуют «два противостоящих класса – элитарный и пролетарский. В сумме эти два класса составляют подавляющую часть общества». И затем: «Средний класс даёт начало новому пролетарскому классу новой формации». Какие общественные силы и процессы заставляют «сбегать» и «образовывать», что является экономическим (и политическим) основанием как «бега», так и «нового начала» – ни слова. Комментарии вряд ли нужны. Марксизм это или «марксизм» пусть читатели определяют сами.

«действительного коммунистического движения» и для «ликвидации экономически принудительного труда» необходимо пройти непростой путь. Не стоило автору свою неосведомлённость приписывать Марксу и своё вульгаризированное понимание выдавать за таковое у Маркса.

Но ближе к нашей теме.

***

Пресловутый т.н. «основной закон развития социалистического общества» был сформулирован ещё И.В. Сталиным и, несмотря на развенчание Сталина его политическими преемниками, трактовка этого закона почти без изменений перешла в программные документы партии и работы советских «политэкономистов» и «философов».

Суть сталинского определения, данная им в работе «Экономические проблемы социализма в СССР», такова: «Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»[1].

Если выделить суть т.н. «закона», то она будет заключаться только в необходимости удовлетворения материальных и идеальных потребностей общества, в основе чего должно находиться развитие общественного производства. Но в таком «законе» нет ничего, что имеет отношение исключительно к социализму, отмеченное условие (или, если угодно, закономерность) имеет всеобщий характер и действует на всех этапах исторического развития и во всех формах обществ, правда, в своих, весьма разнообразных формах.

Главное отличие социалистического этапа движения, по данному определению, заключается в том, что должны обеспечиваться потребности *всего* общества, а не преимущественно собственников. Но этого уточнения явно недостаточно для выделения социалистического этапа движения в *особенную* общественную форму, *качественно* отличающуюся от предыдущих.

В сталинском определении, а также в последующих официальных партийных формулировках не отражена особенность именно *социалистического* способа жизнедеятельности. Данное определение есть результат не логического анализа сущности социалистических отношений, а описание эмпирически данных фактов, не исследование внутреннего, а фиксация внешнего.

Обратимся за помощью к Марксу.

«Если мы даже *коммунизм* называем – так как он является отрицанием отрицания – присвоением человеческой сущности, которое опосредствует себя с собою через отрицание частной собственности, а посему ещё не *истинным,* начинающим с самого себя положением, а только таким, которое начинает с частной собственности,… [В рукописи здесь оборван левый

[1] *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госполитиздат, 1952. С. 40.

нижний угол страницы, в результате чего пострадали последние шесть строк текста; восстановить их содержание не представляется возможным. Ред.]. Действительное отчуждение человеческой жизни остаётся в силе и даже оказывается тем большим отчуждением, чем больше его сознают как отчуждение... Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие».[1]

Даже несмотря на лакуну в тексте Маркса, изъявшую весьма ценную мысль, можно утверждать, что коммунизм, как о нём говорится в приведённых отрывках, это промежуточная (переходная) форма общественного движения, создающая *предпосылки* для полного освобождения человека от отчуждения[2] – и в сфере материального, и в сфере идеального. Эта форма общества и известна под наименованием социализмом.

В подтверждение данного вывода можно сослаться и на следующие высказывания Маркса:

«Коммунизм для нас не *состояние,* которое должно быть установлено, не *идеал, с* которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние».[3]

«Уничтожение частной собственности даже является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности».[4]

Т.е. коммунизм есть требование уничтожения частной собственности и одновременно движение к этому состоянию. Но уничтожение частной собственности есть лишь *первый шаг* на пути снятия отчуждения человека и обретения им и *положительного самосознания,* и *положительной действительности*. Только в этом пункте заканчивается предыстория и начинается подлинная, *истинная* История Человека.

Из работ Маркса следует, что сущность первого этапа (социализма в современной терминологии) «*действительного* коммунистического» *движения* заключается в *создании условий* для полной *ликвидации отчуждения человека* (но только условий, а не собственно ликвидации отчуждения, которая на этом этапе осуществится лишь частично) и, как следствие, для беспрепятственного развития сферы материального производства и всестороннего развития человека как общественной личности, а именно:

- ликвидация всех форм эксплуатации человека человеком (основной

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 3. С. 135.

[2] Здесь и далее под освобождением от отчуждения понимается ликвидация отчуждения сущности человека, его деятельности и творческих сил от него самого. Отчуждение же *результатов* деятельности человека в пользу *всего* общества является необходимым условием существования общества.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 3. С. 34.

[4] Там же. Т. 4. С. 330.

формы отчуждения), что возможно только с ликвидацией *всех форм* частной собственности;

- постепенный переход к *непосредственному участию всех членов общества* в управлении его институтами и, тем самым, инициализация процесса преодоления отчуждения человека от управления своей жизнедеятельностью;

- всемерное развитие производительных сил (развитие сферы материального) и, тем самым, постепенный *вывод человека из производственного процесса как его объекта*, что приведёт к созданию условий для полного преодоления отчуждения (следствием развития производительных сил станет также возможность удовлетворения всех материальных потребностей общества);

- совершение *перманентной* культурной революции[1] и, тем самым, создание идеального основания (культуры коммунистического движения) для формирования общественного (и индивидуального) сознания, адекватного новому способу жизнедеятельности (материальным основанием является практика, сама жизнь). Другими словами, речь идёт о формировании *нового мировоззрения*, основанного на активной, *субъектной* деятельности индивидов и общества в целом;

- как итог – речь идёт не только о формировании нового общества, но и о создании *нового человека*, соответствующего новым общественным отношениям и, более того, *самому себе*.

Эти условия и составляют суть пресловутого основного закона социализма, что в своей основе означает *действительное движение по созданию нового общества и нового человека*.

И только с реализацией перечисленных условий возникнет возможность становления коммунизма уже на *собственном* основании и осуществления перехода к полностью *само*управляемому *само*развитию общества, в котором уже *действительно* преодолено отчуждение человека.

Необходимо сделать существенное замечание. В литературе часто встречаются попытки дать точное определение социализма, исчерпывающе и окончательно перечисляющее все его признаки, и на этом основании однозначно квалифицировать общественный строй СССР. Нет ничего более неплодотворного и бесперспективного. Этап социализма, по Марксу, есть часть *«действительного коммунистического действия», т.е. движения*.

Особо подчеркнём – именно ***движения*** и именно ***действительного***, а ***не состояния*** – это различение весьма важно для понимания *сути* процесса исторического развития. Социализм как относительно длительный временной этап *действительного движения* в каждый свой момент *разный*, имеет свои периоды (этапы), отличающиеся друг от друга *существенными* чертами. Так, социализм времён НЭПа сущностно отличается как от социализма времени предшествующего «военного коммунизма», так и последующего периода индустриализации. Последний, в свою очередь, если и имеет некоторые общие черты с периодом послевоенного

[1] Революции по существу, эволюции по форме.

восстановления, то последующий этап стремительного подъёма социалистического общества в 50-60 годы прошлого столетия есть уже принципиально новый период, на смену которому пришёл другой, к сожалению, дегенеративный этап. «Социалистичность» общества определяется не неким набором раз и навсегда установленных определений, а совершенно *объективным* условием – *осуществляется ли действительное движение к освобождению человека и присвоению им своих сущностных сил* – в этом *суть действительного коммунистического движения*. Пресловутые же «материальные и культурные» показатели представляют, хотя и весьма важное, но всего лишь *внешнее* выражение этого движения, не выявляя его *внутренней* сути. Исходя из этого критерия не так уж трудно определить, какие периоды советского общества были «более» социалистическими, а какие «менее». Однако, есть два *императивных* условия без которых ни о каком социалистическом движении не может быть и речи – *власть политическая и власть экономическая должны принадлежать народу*, что означает 1. полную и ничем не ограничиваемую *народную* демократию и 2. господство в экономике *социализированных* форм собственности (на начальном этапе в форме *государственной* собственности с тенденцией перехода к *общенародной* форме собственности и, далее, к упразднению всех форм собственности).

Полное и свободное развитие человека и в форме индивида, и в форме общества возможно только при отсутствии ограничений такому развитию, т.е. при наличии таких условий, которые позволяют раскрыть все потенции человека – и как личности, и как сообщества личностей, всех без исключения. Т.е. необходимо наличие вполне определённых *материальных и идеальных условий*, не только не ограничивающих ни с одной из указанных сторон развитие человека, но и способствующих такому развитию.

Как видим «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих…» не является целью *коммунистического движения* общества (в том числе и его первой фазы), это сопутствующий фактор, *следствие* развития материальных и идеальных возможностей общества, а не причина и, тем более, не цель.

Цель действительного коммунистического движения – полное освобождение человека от отчуждения и ограничения его развития и как личности, и как общества.

Более того, нет лучшего подарка противникам социалистического движения, чем признание приоритета удовлетворения материальных и культурных потребностей людей (в этой формуле культурные потребности есть понятие более узкое, нежели сфера идеального в целом) основным законом социализма. Это тот козырь, который они всякий раз пускают в ход при дискредитации социализма, неспособного обеспечить более высокого материального уровня жизни, чем капитализм.

Хотя при этом умалчивается, что такой уровень капитализм создаёт отнюдь не для всего общества, всё же по существу, и это следует признать, они правы – при равном научно-техническом и экономическом уровне производительность и социалистического, и капиталистического способов производства будет идентичной. Для того же, чтобы значительно

опередить капитализм в этих сферах, социализм должен будет вкладывать в них гораздо больше средств, чем капитализм, что вряд ли возможно, тем более учитывая необходимость сдерживания агрессивности капитализма.

Но вот использование в интересах людей и общества в целом политических инструментов и экономических достижений кардинально различается. В случае капитализма – это приоритет властвующих классов, приоритет частных собственников, приоритет капитала. В случае социализма – приоритет интересов общества и личности. Если же говорить о потенции преодоления отчуждения человека (а без этого ни о каком творческом развитии человека не может быть и речи), то у капитализма она вообще отсутствует по определению. *Главное преимущество социалистического движения – приоритет развития самого человека, его полное освобождение от отчуждения, прежде всего от эксплуатации*. Капитализм в этой сфере вообще не является конкурентом, он к этому имманентно не способен.

Освобождение и развитие самого человека – вот цель действительного коммунистического движения. Пресловутое же удовлетворение потребностей это один из результатов, хотя и очень важный, этого движения. В ходе действительного, а не на уровне деклараций и имитирующих действий, решения первой задачи будет решена и вторая, иного пути нет.

Несогласные скажут, что сам Маркс говорил о богатствах, льющихся полным потоком, т.е. о пресловутом «максимальном удовлетворении» и т.д. Но пусть они вникнут в *смыл* слов Маркса – только «после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы… *лишь тогда* (выделено нами. – А.П.)… общество сможет написать на своём знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям»![1]

По Марксу «по потребностям» это итог движения, его результат («лишь тогда»). Условия же достижения такого результата, они же частные цели самого движения, совершенно иные: 1. ликвидация отчуждения и в форме эксплуатации, и в форме разделения труда (что возможно только с ликвидацией частной собственности, а также с полным выходом человека из процесса производства как его объекта, как дополнения к машинам), 2. превращение самой деятельности в жизненную необходимость (что невозможно без непосредственного участия человека в управлении своей деятельностью), 3. развитие производительных сил (сферы материального) и, наконец, 4. всестороннее развитие индивидов (что невозможно без всестороннего развития сферы идеального, прежде всего общей культуры). В *этом* истинный Маркс.

Следует сказать ещё и о следующем – в советское время с лёгкой руки Ленина утвердилось мнение, что только более высокая производительность труда даст преимущество социализму над капитализмом.[2]

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 19. С. 20.

[2] «Капитализм может быть окончательно побеждён и будет окончательно

Совершенно очевидно, что речь идёт о производительной эффективности всего общества, а не об отдельных отраслях и, тем более, предприятиях.

Если рассматривать производительность труда со стороны факторов, влияющих на неё, то можно видеть, что она имеет ограничение и со стороны живого труда (физиологические, психологические и интеллектуальные возможности людей, во-первых, небезграничны и, во-вторых, в сути своей идентичны для всех обществ) и со стороны овеществлённого труда (здесь граница определяется возможностями реализации достигнутого уровня знаний – чем выше этот уровень, тем производительнее орудия труда). Но если возможности *роста* производительности труда за счёт эффективности живого труда имеют естественный предел, то со стороны уровня знаний и, следовательно, уровня технологий и техники, предела в принципе не существует.

Т.о. производительность экономики в целом в конечном итоге определяется производительностью научного знания, динамикой его роста и достигнутым уровнем. Потенции же современного научного знания таковы, что в самом ближайшем будущем встанет вопрос о тотальной автоматизации всех производственных процессов, т.е. материального производства в целом (на уровне отдельных предприятий это процесс уже идёт).

Другими словами, от того, какое общество сумеет обеспечить достижение более высокого уровня знаний, зависит и уровень эффективности этого общества. Чем больше своих ресурсов общество может направить на производство знания, тем более эффективное и производительное производство оно может создать. Т.о. разные формы обществ независимо от своей социальной организации могут обладать *одинаковым* научным и производственным потенциалом, и, следовательно, достижение социализмом более высокой производительности труда, мягко говоря, проблематично.

Так что же, Ленин неправ? Следует признать, что рассматривая производительность труда абстрактно, в отрыве от других общественных отношений – неправ. Только рассмотрение общества как конкретного целого, в совокупности всех его отношений позволить получить ответ на данный вопрос.

В капиталистическом обществе развитие производительных сил, вплоть до полной автоматизации производства в целом, будет иметь следствием тотальную безработицу, что поставит на грань жизни и смерти десятки миллионов людей. Альтернативами этому будут либо социальный взрыв, либо замедление и даже остановка научно-технического прогресса со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями, либо вынужденное содержание капиталом многомиллионных масс безработных. Первое возможно, но последствия этого взрыва непредсказуемы. Второе невозможно, ибо ни одно общество не станет добровольно удушать себя. Третье же – иждивенчество масс – приведёт к деградации огромной части

побеждён тем, что социализм создаёт новую, гораздо более высокую производительность труда... Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединённых, использующих передовую технику, рабочих» (*Ленин В.И.* ПСС. - Т. 39. С. 21).

общества и будет нести в себе к тому же взрывоопасный потенциал, поскольку бездействующий человек это недействительный, асоциальный человек, не обременённый никакими общественно-полезными социальными связями, что незамедлительно превращает его из субъекта в объект, действующий сообразно случаю, т.е. полностью управляемый внешними обстоятельствами. Есть, впрочем, ещё одна альтернатива – это выход за пределы капиталистических общественных отношений.

Для социализма же тотальная автоматизация производства означает: выход человека из производственного процесса как его *объекта*, как технологической части производства (что знаменует возможность полного снятия отчуждения); всемерное развитие производительных сил (в том числе производства знания); и, как следствие, возможность удовлетворения всех общественных материальных потребностей. И это есть необходимые условия коммунистического движения.

Но абстракция автоматизации должна быть конкретизирована соответствующими общественными отношениями. А эта конкретика такова, что она необходимо, императивно требует активного, действующего человека, т.е. *действительного* человека, являющегося *субъектом всех общественных отношений* – именно такой человек является основанием *самоуправляемого* саморазвивающегося общества. Человек бездеятельный, бездействующий, асоциальный, недействительный, для коммунистического общества представляет гораздо бóльшую опасность, чем для капиталистического. Такой человек, выпадая из общественных связей, будет деградировать, создавая зону негативного, разрушительного влияния.

Формирование *действительного* человека задача более чем трудная и решить её должен *сам человек в своём саморазвитии* и искусственная задержка этого развития (например, посредством законодательного закрепления за каким-нибудь «авангардом» общества всех руководящих функций) представляет очень серьёзную опасность для всего общества, поскольку порождает массовую апатию и низводит сущностно *субъектного* человека (ведь даже отдельный человек субстанционален) на уровень *объекта* воздействия.

Итоговый вывод таков, *действительное коммунистическое движение* на базе научно-технического прогресса и развития производительных сил способно привести к такому росту материальных возможностей общества, которое превысит возможности капитализма. Но только в том случае, если оно *одновременно* будет сопровождаться постепенным освобождением человека от всех форм ограничения его деятельности и созданием условий для полной ликвидации его отчуждения. И только в *таком* движении, синкретично объединяющем материальные и идеальные процессы, преимущества социализма становятся не просто подавляющими, а абсолютными.

Подчеркнём ещё раз – *новое социалистическое общество необходимо требует и нового человека*. Общество и человек должны *взаимно* соответствовать условиям (закону, если угодно) возникновения и развития этого общества.

Здесь невозможно не сказать и о сущности того общества, которое носило имя СССР. В свете условий коммунистического движения,

определённых выше, вывод сделать не так уж и трудно.

1. С ликвидацией форм частной собственности на средства производства была упразднена эксплуатация человека человеком и тем самым формально (но только формально) преодолено отчуждение непосредственных производителей от средств производства.

2. По поводу непосредственного участия людей в самоуправлении собственной жизнедеятельностью следует сказать, что эта задача не только не была решена, но даже не была осмыслена в полной мере.[1] Хуже того, т.н. руководящая роль «авангарда» в лице партии была закреплена конституционно, тем самым поставив *часть* общества над *всем* обществом, а по сути противопоставив обществу «авангард». В результате отчуждение человека от государства преодолено не было и государство, *формально* управляемое гражданами, *фактически* представляло по отношению к гражданам внешнюю силу. Это обстоятельство позволило говорить некоторым авторам, что возникшее общество представляет собой государственный капитализм, что сущностно неверно, поскольку не было класса, присваивающего себе прибавочный продукт (и прибавочную стоимость) – весь продукт труда распределялся через *общественные* фонды.[2] Скорее следует говорить о *государственном социализме*.[3]

Можно выставить возражение, что производственные фонды, находящиеся в руках государства, по форме представляют собой капитал и по этой причине общественный строй следует квалифицировать как государственный капитализм. Но это представление основывается на сугубо внешнем сходстве капитала и производственных фондов как одинаково создающих прибавочный продукт (и прибавочную стоимость). Сущностное же отличие кардинально – целью социалистического производства является не извлечение прибавочной стоимости, а производство материальной массы в форме потребительной стоимости, предназначенной для производственного и индивидуального потребления, что и было в действительности. Плюс к этому замечание, сделанное выше, об отсутствии класса, присваивающего прибавочную стоимость.

3. О развитии производительных сил (а также производства знания) говорит сама история. В некоторые периоды это развитие было чрезвычайно

---

[1] Истины ради следует сказать, что в первые годы советской власти вопрос о контроле со стороны трудящихся над бюрократическим управленческим аппаратом ставился Лениным довольно остро, но так и не был решён.

[2] Наличие т.н. привилегий для партийной и государственной номенклатуры, на обеспечение которых шла ничтожная часть национального продукта, сути дела не меняет.

[3] Определение советского государственного строя как «казарменного социализма» сущностно ничтожно, несёт исключительно идеологическую нагрузку и потому в научном исследовании рассматриваться не может. Нельзя согласиться и с определением «государственный капитализм», поскольку оно обращается к сугубо экономическим критериям (прибыль, цена, рентабельность и т.п.), оставляя в стороне политический (власть, представляющая трудящиеся классы) и социальный (отсутствие собственников, присваивающих произведённый продукт) аспекты.

интенсивным. Что касается пресловутого «застоя» в советское время, то на фоне действительности нынешней капиталистической России, в которой даже статистические погрешности в доли процента выдаются за экономический рост, т.н. «застой» предстаёт Гулливером в сравнении с лилипутами.

В целом же экономическое развитие страны определялось *объективными* возможностями общества, на которые постоянно оказывалось сильнейшее давление извне, вынуждавшее значительную часть усилий направлять на обеспечение безопасности страны в ущерб развитию гражданского сектора экономики. Но даже под таким давлением социалистическая экономика достигла таких результатов, каких капиталистическая Россия не достигнет никогда, это уже совершенно отчётливо видно.

4. В отношении вопроса культурного (мировоззренческого) развития советского общества ввиду его сложности можно только высказать некоторые самые общие соображения. Несмотря на очень значительные усилия государства в этой сфере культурный и интеллектуальный уровень общества в целом вряд ли можно признать соответствующим условиям *действительного коммунистического движения*. И главная причина этого, представляется, в том, что культурная и аксиологическая сферы развиваются не столько под влиянием дидактических сентенций и идей, внедряемых управляющим слоем, сколько в живой жизни, в совместной деятельности людей. Причём чем более активное участие индивиды принимают в управлении своей жизнедеятельностью, в практической деятельности, тем более глубокие и прочные изменения происходят в их мировоззрении. Это следствие того, что взаимосвязь и взаимовлияние бытия и сознания императивны и проявляются во всех процессах реальности. Только практика порождает соответствующее этой практике сознание, которое в форме мировоззрения становится неотъемлемым от действительного (практического) человека.

В советской же действительности фактическое отчуждение людей от участия в управлении собственной жизнедеятельностью имело следствием определённое отторжение ими (отчуждение от) мировоззренческих принципов (в основе своей бывших вполне социалистическими) декларируемых властью, что на закате советского строя дополнительно усугублялось совершенно несоциалистическими тенденциями в правящем слое. Результат известен.

Отвечая на поставленный выше вопрос о сущности общественного строя СССР с учётом проведённого анализа можно сказать, что это было, безусловно, *социалистическое движение*, особенно на начальном этапе с его решительными целями, которое впоследствии под давлением и внутренних, и внешних противоречий не смогло обеспечить выполнение ряда императивных условий движения к *действительному* коммунизму. Тем не менее, это был *действительный социализм* со всеми его родовыми травмами и впоследствии приобретёнными болезнями, на что оказали существенное влияние исторические генетические особенности именно российского общества, вышедшего из многовекового самодержавия, крестьянской общины и недавно родившегося капитализма.

В реальности создание условий, обеспечивающих преодоление отчуждения человека от его деятельности, не только не было обеспечено, но и, что значительно хуже, это движение было остановлено законодательным закреплением небольшой (и как оказалось впоследствии далеко не лучшей) части общества в качестве некоей общественной руководящей силы, что резко усилило отчуждение людей от непосредственного участия в управлении собственной жизнью.

Последствиями законодательного закрепления отчуждения стали, с одной стороны, апатия людей в общественной жизни (которая своей оборотной стороной имела усиление иждивенческих тенденций) и одновременно нарастание недовольства существующим положением, и, с другой стороны, стремление правящего слоя освободиться от остатков всех форм даже формальной возможности контроля за ним со стороны общества. В этих условиях снижение эффективности экономики[1] (сферы материального) вызвало резкое обострение внутренних противоречий общества (прежде всего в мировоззрении, сфере идеального), что дало возможность правящему слою лицемерно объяснить экономический спад действием социалистических отношений и в течение короткого срока при массовом одобрении одураченного общества заменить их капиталистическими.[2]

Возникает естественный вопрос, была ли возможность перелома ситуации в пользу социалистического движения? Вопрос, на первый взгляд, отнюдь не риторический. Казалось бы, можно дать на него положительный ответ – да, если бы имелась, подобно большевикам 1917 года, общественная сила, обладавшая авторитетом в массе и готовая (и способная) взять на себя ответственность решительного политического действия. Но реальность, в которой такой силы не только не было, а даже беглый взгляд на предшествующее историческое развитие показывает, что к этому периоду *объективно* и быть не могло, превращает вопрос в риторический.

Интеллектуальная немощь и творческое бессилие партийного руководства привели к тому, что интеллектуальный климат и принимаемые в высшем руководстве решения стали формироваться работниками второго эшелона власти, всевозможными советниками и помощниками руководящего слоя. Несомненная необходимость в изменении устаревших идеологических клише, принятии новых политических решений и перестройке организационных и экономических отношений были использованы этими «диссидентами в системе», как их называет в своей книге один из них Е.М. Примаков[3], не в общих, а в своих узкогрупповых интересах, полностью

[1] Отметим, что это снижение экономической эффективности было вызвано внутренними проблемами экономики и общества, а отнюдь не падением цен на нефть, как утверждают некоторые «исследователи» (http://tochka-py.ru/index.php/ru/glavnaya/entry/348-00006; http://gazeta-to4ka-ru.livejournal.com/14201.html#cutid1).

[2] Не последнюю роль в таком исходе сыграло отсутствие научного понимания сути общественного развития даже в среде т.н. научного сообщества, не говоря обо всём обществе, весьма далёком в своей массе от этих проблем.

[3] *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. – М., 1999. В этой книге достаточно ясно показаны процессы, пути и методы прихода к власти диссидентских,

совпавших, в итоге, с интересами идеологических и геополитических противников СССР. Иначе не могло и быть, ведь их идеологическим и политическим кредо был не в поиск новых теоретических и практических решений на пути *действительного коммунистического движения*, а пресловутая конвергенция (об этом недвусмысленно заявляет Примаков), неизбежно вылившаяся в сдачу интеллектуальных, идеологических, политических и, как естественное следствие, экономических позиций прокапиталистическим силам (в геополитическом плане – западному блоку). Приход на высший партийный и государственный пост их единомышленника окончательно склонил чашу весов на сторону противников социализма.

Тем не менее, задавать этот риторический вопрос надо снова и снова, чтобы вновь и вновь анализировать общественные процессы, приведшие к известному результату.

Прямой вывод из сказанного выше таков – *действительное коммунистическое движение невозможно без научной теории*, которая позволяет выявить сущность происходящих общественных процессов, их внутренние движущие противоречия и общественные силы, влияющие на эти процессы, и как итог научного анализа наметить цели и пути движения и способы воздействия на наличные обстоятельства. Самодеятельность, исходящая только из эмпирии, которая во многом случайна, подобна ходьбе по проволоке неподготовленного человека с завязанными глазами.

И второе, роль органа управления обществом в лице правящего слоя, осуществляющего властные полномочия, в таком коммунистическом движении чрезвычайно велика (и не только на начальном этапе, но и в течение всего движения, что подтвердила действительность). Именно этот весьма узкий слой ответствен за научный анализ общественных тенденций и принимаемые решения. Как показала практика его научное невежество в проблемах общественного развития, даже незначительные колебания в мировоззренческих установках и неверные решения приводят к серьёзным потрясениям общества вплоть до ликвидации уже достигнутых результатов коммунистического движения. Путь снижения этой опасности один – контроль (на начальном этапе) за правящим слоем со стороны общества с постепенным переходом к самоуправлению свой жизнедеятельностью, что возможно только на основании постоянного повышения общего культурного уровня общества (культуры именно коммунистического движения) и возрастания активности людей.

***

С учётом всего сказанного ранее можно более точно сформулировать видение процесса *перехода от капиталистических к социалистическим общественным отношениям*.

В саморазвивающемся *диалектическом* процессе стороны противоречия не уничтожаются, а *снимаются* в новом качестве, в котором они представлены уже не явно, а опосредствованно, т.е. как бы растворены. Поэтому снятие капиталистического общественного отношения означает не только его исчезновение, но и сохранение *в новой форме*. Другими

антисоциалистических сил.

словами, цель всемерного увеличения производственной деятельности остаётся, но не ради производства *прибавочной стоимости* (что было характерно для капиталистического производства), а исключительно для производства *прибавочного продукта*. Т.о. новая цель производства – вещественная форма продукта труда – которая при капиталистическом производстве оставалась в-себе, в социалистически ведущемся производстве становится для-себя. Производство теперь развивается не как раньше – без оглядки на то, *что* производится (где главное – прибавочная стоимость), а производится исключительно то, что *научно* определено как общественная потребность. Стоимость из демиурга производства становится одним из его регулирующих факторов, позволяющих установить равновесие производства и потребления.

Т.о. разрыв между вещественной формой продукта труда и стоимостью, причиной которого (разрыва) был капитал, устраняется, потребительная стоимость и стоимость взаимно начинают определять друг друга. Но это также указывает и на то, что в социалистических общественных отношениях *сохраняется действие закона стоимости* и, следовательно, сопутствующих феноменов. Однако уже *в новой форме* – не стихийно, а под полным контролем общества, причём это должен быть именно научный контроль, т.е. теоретически и институционально оформленный, а не случайный, либо псевдонаучный, на основании только эмпирических данных. Как видим, социалистические отношения – это гораздо более глубокие и сложные общественные отношения, что необходимо должно найти отражение во *всех* общественных институтах.

Общественная собственность на средства производства и *научно* обоснованное *плановое* их использование представляют уже *собственное экономическое основание* социалистически ведущегося производства и, соответственно, социалистических общественных отношений. Снятие этого, уже *социалистического*, основания в *коммунистическом* производстве означает *исчезание экономических отношений* как таковых вследствие исчезания отношений собственности и отношений распределения по труду. Сохраняется производство продуктов в научно определённых пределах и контроль затрат общества на производство, но собственно экономические феномены (стоимость, прибыль, конкуренция, обмен и т.д.) элиминируются. Т.о. человек полностью выходит из производства как его субъект и становится свободным общественным индивидом, только при этих обстоятельствах «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

***

Исследуя вопрос социалистических общественных отношений, невозможно обойти стороной такие важные политэкономические проблемы, как проблемы *отношений собственности и рыночных отношений*.

Как упоминалось ранее, путь к коммунизму пролегает через ликвидацию эксплуатации человека человеком и главным условием этого выступает ликвидация частной собственности. Но это всего лишь абстрактно-всеобщее условие. Всеобщее, поскольку охватывает собой все условия жизнедеятельности человека и должно быть проведено во всех сферах

деятельности; абстрактное, потому что не определяет конкретные условия и формы процесса уничтожения частной собственности – однако, главное, основополагающее звено уже определено.

Причём ликвидация частной собственности на средства производства есть *естественное* не только историческое, но и экономическое движение – *непосредственные* производители получают в свою собственность продукт, произведённый ими же. Из отношений собственности устраняются лица, не имеющие естественного основания для собственности, которым может быть исключительно *непосредственное* участие в производительной деятельности. Т.о. в основание неантагонистических отношений собственности закладывается личное непосредственное участие людей в производительной деятельности – произведённый продукт и условия его производства принадлежат непосредственным производителям. Поскольку производство носит общественный характер, то и владение продуктом труда также является общественным, всеобщим. (Отсюда косвенный вывод: наиболее близко к социалистическим преобразованиям и обобществлению собственности подошли те страны, в которых достигнуты высокая степень концентрации и централизации производства и обобществления труда. Но возможность *перехода* к таким преобразованиям, т.е. возможность социальной революции, определяется другими факторами).

Рассмотрим теперь осуществление производственных отношений в условиях уже достигнутого господства общественной формы собственности. Эту «первую фазу коммунистического общества» по устоявшейся традиции далее будем называть социализмом.

Здесь ликвидирована *частная* собственность на средства производства, но не отношения собственности как таковые – собственность остаётся уже в форме *государственной* (но не общенародной) собственности. Наличие отношений собственности означает, что есть собственник, которому принадлежат условия производства – орудия производства, труд производителей (трудящихся) и продукт их труда, и этот собственник – государство, которое представляет всё общество. Что касается первого и последнего факторов, орудий производства и продукта труда, то их положение вполне понятно. Не так просто с собственностью производителей на свой труд.

В производственных отношениях труд представлен в двух своих формах, составляющих противоположные стороны их единства – индивидуальный труд и тот же труд как общественный феномен, как совокупное общественное выражение индивидуального труда, общественный труд. Или, другими словами, один и тот же труд выступает как общественный, если его рассматривать со стороны производства, со стороны процесса и результата, и одновременно как личный, индивидуальный, если его рассматривать со стороны субъекта труда, работника.

Как нетрудно заметить, со своей объективной стороны, со стороны производства труд имеет характер производительного труда, создающего новый продукт (и тем самым новую стоимость), а со своей субъективной стороны, со стороны работника труд имеет затратный характер. Объективная, общественная сторона труда предполагает передачу в общее достояние его результатов; субъективная, индивидуальная сторона труда предполагает

получение вознаграждения за него, т.е. определённую долю из общего продукта.

И первый, и второй аспекты труда представлены в своём результате – в продукте труда, который т.о. представляют обе стороны труда и потому также имеет двойственный характер – общественный, как принадлежащий всему обществу и индивидуальный, как предназначенный в определённой части для личного потребления. Эта двойственность резко усиливается существованием разделения труда, поскольку разные работники производят разные продукты труда и тем самым необходимо существует потребность в обмене этими продуктами. Но в социалистических общественных отношениях этот обмен осуществляется не между частными собственниками и работниками, а между общим фондом продуктов труда в лице государства (которое от имени собственника, общества, осуществляет полномочия собственности) и работниками.

Как видим, при социализме работники всё ещё отчуждены от *непосредственного* участия в управлении общественной собственностью – от имени общества это делает государство в лице органов политической и экономической власти. Но это уже не полное, абсолютное отчуждение и деятельности, и её результатов, как это имело место в отношениях частной собственности, а отчуждение опосредствованное, относительное, в котором опосредствующим органом выступает государство, обязанное действовать в интересах всех работников.

Отсюда следует, что влияние государства на общественные процессы в ходе *действительного коммунистического движения* не только не ослабевает, но даже усиливается, и это определяется *внутренними* условиями движения, его *сущностью*, переходом от одних общественных отношений, отношений эксплуатации, к другим – отношениям самоуправления.

Но отношения самоуправления означают, что общество должно *овладеть* государством. Данное действие представляет собой постепенную замену *опосредствующих* (т.е. представляющих общество, действующих от его имени) институтов государственного управления такими органами общественного *само*управления, которые дадут возможность реализовывать волю людей *непосредственно*, а не через стоящие над ними государственные структуры.

Эти противоречивые моменты – фактическое усиление роли государства, и необходимость преодоления государства – представляют собой диалектическое взаимодействие противоположных тенденций, что должно завершиться снятием государства, передачей его функций непосредственно обществу.

Поскольку *формально* все работники всё же являются собственниками средств производства, то они должны и *фактически* участвовать в управлении производством и распределением (иначе невозможно говорить о социалистических отношениях). Если же этого не происходит, то обобществление средств производства не выходит за границы формальности и отчуждение работников от средств производства только принимает новую форму.

Но даже если отмеченное отчуждение преодолевается вследствие

непосредственного участия работников в отношениях управления и распределения, то, тем не менее, суть отношений *обмена* остаётся – это следствие наличия разделения труда, а также существования труда в двух формах (это отмечено выше), что влечёт необходимость эквивалентного обмена затрат труда на вознаграждение.

Однако сами социалистические производственные отношения *существенно* изменяются. Если в условиях капиталистических общественных отношений работник *продаёт свою рабочую силу капиталисту* (т.е. имеют место отношения обмена между капиталом и трудом), то в условиях социалистических общественных отношениях, определяемых общественной собственностью на средства производства и продукты труда, работник *передаёт свой труд обществу* и получает от общества его эквивалент в форме продуктов индивидуального потребления.

Но вначале это ещё *формальная* передача труда обществу, поскольку *фактически* собственником выступает государство и между ним и работниками устанавливаются отношения найма, которые по *форме* выступают как отношения купли-продажи рабочей силы.[1] В сохранении таких отношений на длительный срок таится огромная опасность и действительность подтвердила это. Если работник *фактически* отчуждён от участия в управлении производством и распределением и т.о. отношения производства и распределения не опосредствованы самими производителями, то реализация социалистических общественных отношений недостижима. А эти отношения имманентно предполагают не только участие работника в производстве, но и активное участие в управлении им и в отношениях распределения – *социалистические* общественные отношения иными быть не могут. Разумеется, эти отношения не могут быть введены сразу во всём объёме, но тенденция должна быть именно такой и по мере *действительного социалистического движения* утверждаться всё более отчётливо.

Когда же собственником средств производства от имени общества выступает государство (или, что хуже, действительно является собственником), то именно оно *в лице правящего слоя* будет определять условия производства, а также отношения распределения и потребления. Если такие отношения закрепляются и остаются неизменными длительное время, то в этом случае по отношению к работникам государство начинает выступать как фактический собственник средств производства. Соответственно, работники противостоят государству как собственнику и уже *не передают* свой труд *обществу*, а со своей стороны выступают как собственники своей рабочей силы и *продают* её *государству* в лице его представителей – а это совершенно разные общественные феномены. Отношения отчуждения не только сохраняются, но и становятся тем более нетерпимыми и уродливыми, что политическая власть осуществляется, якобы, от имени и в интересах трудящихся. Идеологические сентенции, что, дескать, собственность является общенародной, а государство только управляет ею от

[1] Именно сохранение *видимости* отношений купли-продажи рабочей силы и даёт повод ряду авторов характеризовать отношения собственности при социализме как форму государственного капитализма.

имени народа, сути дела не меняют, а только скрывают её, доводя указанное противоречие до высокой степени напряжённости, что непременно проявится в форме общественных конфликтов. И чем долее противоречие стагнирует, не разрешается, тем более интенсивными и даже разрушительными становятся конфликты, чему примером события, предшествовавшие разрушению СССР.

Индивидуальный труд, осуществляясь в условиях общественного производства, является *основанием* (вспомним Гегеля), из которого вырастает общественный труд, овеществляющийся в своих результатах – продуктах труда. Общественный труд, в свою очередь, *предполагает* индивидуальный труд как своё основание, как слияние в производительном процессе индивидуальной деятельности индивидов. Одновременно общественный труд посредством своего результата, продукта труда, делает индивидуальный труд не только необходимым, но и возможным – именно в продукте общественного труда индивидуальный труд находит себе и объект приложения (средства труда), и средство обеспечения жизнедеятельности (предметы потребления). В этом диалектическом тождестве они не только едины, но и различны, противоположны.

Двойственный характер труда как труда одновременно и *индивидуального*, и *общественного* имеет следствием и двойственный характер естественных, неантагонистических отношений собственности. Собственность также выступает как одновременно и общая, и индивидуальная. *Общественный момент* труда в отношениях собственности предстаёт как *собственность всего общества на совокупный продукт труда*. *Индивидуальный момент* труда предстаёт как *право индивидов на часть общественного продукта* в соответствии с количеством и качеством индивидуального труда.

Отмеченное противоречие индивидуального и общественного труда, находит отражение во внутренней противоречивости отношений собственности, которые, в свою очередь, имеют также две стороны, общественную и индивидуальную. *Оба отмеченных противоречия являются одними из определяющих внутренних диалектических противоречий социалистического способа производства.* (Напомним, что Багоцкий С.В. упомянул об этих противоречиях в своей статье).

Из них следует, что совокупный общественный продукт как результат общественного труда принадлежит всему обществу. Но одновременно индивидуальный труд даёт право индивидам на получение доли общественного продукта в соответствии с количественными и качественными затратами труда. Общественный момент не позволяет отчуждать результат общественного труда в пользу лиц, не имеющих права собственности, т.е. не участвующих в общественном производстве (мы помним, что правом общей собственности обладают только участники общего труда). Этот же момент предполагает, что индивиды могут реализовать своё право на получение своей трудовой доли только *совместно* участвуя в производстве и распределении продукта труда.

(Здесь уместно вспомнить трактовку распределения продуктов труда в первой фазе коммунистического общества Марксом: «…Мы имеем здесь

дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам даёт ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. …То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, *господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей* (выделено нами. – А.П.). Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой…

Право производителей пропорционально доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится равной мерой – трудом…

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества»).[1]

Распределение продукта труда неотделимо от отношений собственности на него и осуществляется в полном соответствии с ними. Но поскольку распределению подлежат не только продукты личного потребления, но, прежде всего и главным образом, средства общественного производства и, следовательно, вместе с ними и условия производства, то становится совершенно ясно, что в условиях господства общественной собственности все индивиды, принимающие участие в общем производстве, *не только имеют право*, но и *должны*, даже обязаны принимать участие в распределении как условий производства (т.е. в управлении собственно производственной деятельностью), так и продуктов труда. Причём всех без исключения условий и продуктов т.к. все они являются и предпосылкой, и результатом социалистического общественного производства. *Это императивное условие социалистического способа производства.* В высшем своём проявлении участие трудящихся в управлении общей собственностью должно распространяться на все без исключения сферы жизнедеятельности людей. Игнорирование этого условия, императивного отношениям общественной собственности, имманентно содержит в себе возможность не только деформации отношений собственности, но и полной ликвидации общественной формы собственности, что и имело место в советской действительности.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 19. С. 18-19.

Т.о. в условиях общественных отношений собственности, при социализме, двойствен сам человек – он и отчуждён от средств производства (поскольку форма собственности государственная), и одновременно неотчуждён (поскольку произведённый продукт распределяется в общих интересах). По этой причине общественные отношения в социалистическом обществе значительно усложняются.

Здесь мы подошли к следующему чрезвычайно важному моменту. Участие в управлении общественным производством и распределением имманентно предполагает высокую компетентность субъектов этих действий, т.е. не только некий минимально необходимый образовательный уровень, но и определённые моральные критерии, ничего общего не имеющие с «фуриями частного интереса». Всё вместе предполагает весьма высокий общий культурный и нравственный уровень трудящихся. И тот чрезвычайно важный момент, о котором сказано выше, диктует ещё одно *императивное условие социалистического строительства – необходимость перманентной культурной революции* (революции по сущности, но по форме – эволюции), т.е. всемерное и нарастающее развитие сферы идеального, только при котором и возможно *реальное*, а не декларативное участие трудящихся в управлении производством, распределением и шире – всей своей жизнедеятельностью.

При социалистическом способе производства работник как личность должен быть гораздо более универсален, чем работник капиталистического производства, поскольку кроме чисто производственной деятельности, в которой он ещё частичный человек и в таком качестве подобен капиталистическому работнику, ему предстоит выполнять и функции управления собственным трудом как *общественным* трудом (ведь он часть общества, которому принадлежат средства производства), а этого нет и не может быть в капиталистическом производстве. Ещё не вполне свободный, частично отчуждённый в своей собственно производительной деятельности человек социалистического общества постепенно избавляется от этой отчуждённости по мере участия в общественной деятельности по управлению жизнью общества.[1]

Такой работник уже не будет удовлетворяться той частичной функцией, которую он выполняет в наличном разделении труда. Он будет активно стремиться к полноценной комплексной деятельности, к полному присвоению своей деятельности, к преодолению отчуждения этой деятельности от самого себя. Т.о. отношения общественной, социалистической собственности являются основанием процесса снятия отчуждения человека от собственной деятельности и её результата и без чего невозможно полное освобождение человека.

Но это же стремление к полному освобождению от отчуждения своей деятельности другой своей стороной необходимо должно иметь нарастание негативного потенциала в форме недовольства работников своим

[1] К сожалению, именно эта сторона социалистического способа производства и не была реализована в сколь-нибудь значительной мере в советском обществе, что и явилось одной из причин его саморазрушения.

актуальным состоянием. И либо общество сумеет положительно использовать этот момент в интересах своего развития, либо этот отрицательный потенциал ослабит (даже разрушит) само общество, что и произошло в СССР.

Теперь, основываясь на диалектическом логическом анализе, мы можем вполне обоснованно утверждать, что социалистическое общество (способ производства) внутренне неизмеримо сложнее капиталистического, поскольку в нём необходимо воспроизводить не только условия жизнедеятельности людей, материальные и идеальные, но и целенаправленно «выращивать» человека, соответствующего этому способу производства, создавая адекватные условия его личностного развития и направляя это развитие. И сделано это должно быть не внешними силами, а самими участниками общественного процесса над самими собой, что ещё более усложняет задачу.

Однако, вернёмся к собственно экономической стороне социалистического способа производства.

Господство общей собственности на средства производства исключает возможность обмена продуктами труда как *товарами*, поскольку нет частных собственников, а есть только один производитель и он же собственник – общество. Т.о. *в сфере общественной собственности* нет и не может быть обмена продуктами труда *как товарами*, т.е. с целью получения прибыли, следовательно, не может быть и рынка, функционирующего с этой целью. Но, отметим это ещё раз, только в сфере общественной собственности. Однако и в этой сфере сохраняется необходимость поддержания соответствия между производством и потреблением и, следовательно, действие закона стоимости со всеми его атрибутами – издержки производства должны покрываться ценой, иначе неизбежно нарушение равновесия экономики, чреватое тяжёлыми последствиями.

Продукты труда здесь обмениваются между отраслями и предприятиями не как стоимости, а как потребительные стоимости, в натуральной форме. Но поскольку необходимо вести также учёт трудозатрат, то остаётся и прежняя форма учёта – в денежном выражении (т.е. по стоимости). Эту исторически возникшую форму учёта количества и качества труда приходится оставить, т.к. пока нет адекватной ей формы непосредственного точного учёта количества и качества труда.

По-иному обстоит дело при обмене *индивидуального* труда на предметы потребления людей. Поскольку общественному труду, как мы выяснили, противостоит индивидуальный труд, то при реализации личных потребностей людей общественному труду, овеществлённому в общественном продукте и предназначенному на личное потребление, противостоит индивидуальный труд, но уже в форме собственного труда индивида, затраченного в общественном производстве. (Как видим, принцип «от каждого по возможностям, каждому по труду» не пропагандистская выдумка марксистов, а совершенно естественное следствие из двойственного характера труда и общественной собственности при социализме. Но этот принцип

ещё отягощён буржуазным правом фактического неравенства[1], при социализме условия для преодоления этого неравенства ещё не сложились, поскольку не преодолены отношения собственности).

Это противоречие общественного и индивидуального труда разрешается в форме сравнения соответствия затрат индивидуального труда работника, количеству общественного труда, содержащемуся в предметах потребления (т.е. по стоимостям). Поскольку иных форм учёта стоимости с количественной и качественной стороны, кроме денежной формы, нет, то именно в этой форме осуществляется его адекватное представление в актах обмена индивидуального труда на общественный. В этих актах первый представлен деньгами (заработная плата), второй – ценами продуктов потребления (потребительных стоимостей). При этом сфера *обмена* предстаёт как рынок (обмен *эквивалентов*), поскольку обе стороны обмена (индивидуумы и общество) выступают как *обособленные* собственники своего труда, воплощённого в деньгах (индивидуальный труд) и ценах (общественный труд). Пройдя отношения рыночного обмена предметы потребления переходят в личную собственность индивидов как следствие отчуждения своей доли индивидуального труда из совокупного общественного труда (ещё раз процитируем Маркса: «Здесь… господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей»).

Т.о. *существование рыночных отношений при социалистическом способе производства является совершенно необходимым следствием не только наличия отношений собственности и разделения труда, но, главным образом, двойственности труда, его существования в разных формах – общественной и индивидуальной.* Отсюда следует вывод, что рынок предметов потребления будет существовать в продолжение существования отношений собственности (хотя бы даже только общественной) и двойственности труда как индивидуального и общественного, поскольку в этих условиях общественному труду необходимо будет противостоять индивидуальный труд. Следовательно, сфера производства предметов потребления (даже находясь в общественной собственности) обречена реализовывать свой продукт по законам рынка и, как следствие, рыночные законы будут распространять своё действие и на их производство.

Т.о. в социалистических общественных отношениях сохраняется действие закона стоимости и, следовательно, сопутствующих феноменов (прибыли, конкуренции, распределения «по труду», т.е. обмена и т.п.). Однако уже в новой форме – не стихийно, а под полным контролем общества, причём это должен быть именно научный контроль, т.е. теоретически и институционально оформленный, а не случайный, либо псевдонаучный, на

[1] «…*Равное право* здесь по принципу все ещё является *правом буржуазным,* хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу… …Это *равное право* в одном отношении все ещё ограничено буржуазными рамками. Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* – трудом. … Это *равное* право есть неравное право для неравного труда» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 19. С. 18).

основании только эмпирических данных. Как видим, социалистические экономические отношения – это весьма глубокие и сложные общественные отношения, что необходимо должно найти отражение во *всех* общественных институтах. Если не учитывать этого обстоятельства, то негативные процессы в сфере обмена предметов потребления неизбежны, а это, в свою очередь, отразится на сфере их производства и, как следствие, на всём обществе. Главным образом по этой причине, а также при недостаточно развитых производительных силах, рынок предметов потребления будет подвержен практически всем коллизиям капиталистического рынка, которые, правда, могут быть значительно смягчены, но не устранены полностью, регулирующим вмешательством государства.

Кроме государственной формы собственности при социализме существует коллективная форма собственности (колхозная, кооперативная), а также некоторые формы частной собственности (индивидуальная, групповая). Разумеется, что предприятия этих форм собственности обменивают свои продукты как между собой, так и с предприятиями государственной формы собственности посредством рыночных отношений, поскольку они представляют *разных* собственников. Здесь действуют законы рынка, регулируемого при социализме государством. И не учитывать этот рынок (либо подавлять его), значит создавать помехи движению товаров и реализации потребностей людей.

Наш анализ даёт возможность сделать также следующий вывод. Поскольку сфера производства предметов потребления огромную часть своего продукта обменивает на рынке, противостоя индивидуальному труду как совокупной заработной плате индивидов, то целесообразно в интересах обеспечения максимальной гибкости этой отрасли передать её в коллективную (преимущественно) и частную собственность (в основном те предприятия, которые выпускают продукцию индивидуального потребления).

Тем самым все риски рыночных отношений лягут на этих собственников, а не на предприятия государственной формы собственности. Да и регулирование объёмов производства и цен будет определяться реальными материальными факторами – соотношением потребностей индивидов и их возможностей, представленных заработной платой, а также соотношением совокупной заработной платы и суммы потребительских цен. Такое саморегулирование позволит избежать как всеобщего дефицита, так и выпуска продукции, не находящей спроса. Государственное регулирование здесь должно быть направлено на поощрение производства принципиально новых продуктов, снижения затрат и недопущения сверхприбыли.

К тому же, частные собственники, действуя в своих частных интересах, гибко реагируя на изменяющуюся конъюнктуру рынка, будут привлекать временно свободную рабочую силу и неиспользуемые материальные ресурсы, что в итоге скажется на повышении экономической эффективности всего общества.

Предприятия государственной формы собственности в той части, где они выпускают предметы потребления, также должны быть включены в рыночные отношения и в этой части действовать по законам рынка. А именно – не только получать прибыль, но и нести убытки в случае, если их

продукция не имеет спроса. Общество в лице государства не должно покрывать их убытки от рыночной деятельности, но одновременно должно и разрешить свободно действовать в части рыночных отношений.

Следует сказать и ещё об одном чрезвычайно важном обстоятельстве – речь идёт о возможности реализации творческой активности людей в форме их *само*деятельности. В планируемые процессы производства такую самодеятельность включить весьма проблематично, поэтому следует разрешить её реализацию в форме частной (и смешанной, частно-государственной) инициативы, предпринимательства. Не секрет, что для истинно творческих людей меркантильная сторона дела стоит не на первом месте, уступая возможности реализации своего творческого потенциала и это стремление следует всячески поддерживать.

Как видим, социалистический способ производства двойствен по своей сути – он допускает (более того, это необходимое его условие) и товарное (обособленных производителей), и нетоварное (непосредственно-общественное) производство при доминирующей и всё возрастающей роли последнего. Без господства же общенародной собственности на средства производства (которой от имени народа управляет государство – и это ещё один источник противоречий социализма) невозможен социализм как таковой. В части товарного производства и обмена неизбежно действие, пусть и ослабленное влиянием социалистического государства, законов товарного производства – это необходимое следствие двойственного характера труда, наличия отношений собственности и разделения труда.

Поэтому следует постоянно помнить, что двойственность труда и наличие отношений коллективной и частной собственности неизбежно будут постоянно воспроизводить соответствующие формы сознания, как индивидуального, так и группового, классового – сознания в основе своей несоциалистического, частнособственнического. Будучи объективной реальностью, такое сознание непременно станет оказывать влияние на социалистические формы общественного и индивидуального сознания и полностью нейтрализовать его воздействие не удастся до изживания всех форм отношений собственности.

Частный, казалось бы, вопрос о возможности и целесообразности рыночных отношений при социализме высветил проблемы общего характера, имеющие отношение и к материальному, и к идеальному моментам социалистического способа производства.

Движение к коммунизму следует рассматривать не в аспекте возможности и допустимости рыночных отношений в его первой фазе, это частный и преходящий момент, а в аспекте *целенаправленного создания нового общества и нового человека* (но не внешним к нему способом, а самим же человеком в его развитии), причём в неразрывном взаимодействии с созданием новых материальных и идеальных условий его жизнедеятельности – это взаимозависимые и взаимоопределяющие моменты.

Недостаточный уровень общей культуры, отсутствие привычки к самоуправлению или, другими словами, неразвитость адекватных социалистическому способу жизни форм индивидуального и общественного сознания, на выработку которых потребуется определённое историческое время, ещё

долгое время после взятия власти трудящимися будет определять формы общественных институтов.

По этой причине в первой фазе переходного процесса неизбежна значительная роль государства, как силы, организующей движение общества и, как следствие этого, необходимость наличия социального слоя, действующего на основании научно познаваемой действительности – *доминирующей* политической партии.

По мере развития социалистических отношений самоуправление должно стать формой жизнедеятельности общества, как минимум равноправной с государственными органами при сохранении государства и его функций. Постепенно потребность в партии как носителе нового сознания снижается, поскольку культурный уровень людей и новые формы общественного сознания позволяют осуществлять самоуправление в самых широких пределах. Но остаётся необходимость в научно-философском осмыслении процессов жизнедеятельности общества как процессов диалектического развития, поэтому сохраняется необходимость существования авангардного слоя, в какой форме – покажет действительность.

Динамика форм координации жизнедеятельности общества в течение переходного периода от капитализма к коммунизму должна будет пройти ряд фаз: доминирование государственных форм – равнозначность государственных и общественных форм – доминирование общественных форм.

И только при полном доминировании общественного самоуправления над государственными формами можно будет говорить о возможности становления коммунистических общественных отношений – в этом случае решающими факторами становятся развитие производительных сил (материальное) и общий культурный уровень общества (идеальное). Причём именно идеальное во всей своей гносеологически-аксиологической совокупности будет определять развитие материального.

Что касается собственно рыночных отношений, то их историческая перспектива, в случае движения в социалистическом направлении, однозначна. Если обмен как общественное отношение присущ всем типам обществ, то обмен в *рыночной* форме исторически обусловлен необходимостью поддержания его эквивалентности в интересах сохранения равновесия хозяйства.[1] Из этого следует, что преодоление *рыночной* формы обмена возможно только с: 1. изживанием всех форм собственности (устранение персонифицированных сторон обмена); 2. становлением полной плановости (устранение императивности эквивалентного обмена); 3. наличием производственных возможностей, способных полностью удовлетворить общественные потребности (устранение отношений спроса-предложения); 4. выходом человека из производства как технологического фактора

[1] Отметим, что господствующие общественные отношения детерминируют *сущность* рыночных отношений:

- при капитализме сущность проявляется в максимизации *прибавочной* стоимости;

- при социализме – в максимальном удовлетворении потребностей в *потребительной* стоимости и прибавочном продукте.

(устранение индивидуального труда); 5. формированием человека, соответствующего новым общественным отношениям. При этом собственно отношения обмена принимают форму сотрудничества (кооперации) в масштабах всего общества.[1]

***

Сделаем обобщающее заключение.

Место *социализма в действительном коммунистическом движении* – это место *особенного в общем*.

Социализм – это не некий этап, рассматриваемый как фиксация общества в определённом *стабильном* состоянии, только по достижении которого можно двигаться дальше.

Социализм есть часть (особенное) действительного коммунистического движения (общего), которое (движение) определяется своими внутренними противоречиями[2], на которые оказывают деформирующее влияние внешние противоречия (в основном международные отношения). Внутренние противоречия *постоянно* меняют характер своего протекания и разрешения и, как следствие, весь период *социалистического этапа общего коммунистического движения* представляет собой *постоянно изменяющиеся процессы* в сферах экономики, политики, культуры (лучше сказать – в материальной и идеальной сферах) со своим частным содержанием, целями, задачами и способами их решения, но определяемыми главной целью –освобождением человека от отчуждения его деятельностных сил от него самого и полным присвоением их.

Социализм в каждом своём моменте *разный* как определяемый своими постоянно текучими внутренними противоречиями, но одновременно и *неизменный*, тождественный самому себе как определяемый конечной целью. Как таковой социализм есть движение особенного, детерминируемое общим – *сущностными* интересами человека. В этом его диалектика.[3]

Проведенный анализ позволяет сформулировать также и выводы, характеризующие собственно социализм как *особенный этап общего коммунистического движения*.

Целью социалистического этапа действительного коммунистического движения является *создание предпосылок для возможности последующего освобождения человека от всех форм отчуждения* и, прежде всего, от отчуждения его сущности как свободно действующей личности.

Сущностью переходного периода (от капиталистических к коммунистическим общественным отношениям) является *подготовка к полному снятию капиталистических экономических (и неэкономических) общественных отношений* путём развития их в новых, социалистических формах.

---

[1] Это соответствует сотрудничеству ассоциаций свободных производителей, о которых, как о некой абстракции, говорил Маркс.

[2] Вопрос о внутренних противоречиях отдельная тема и потому они здесь не рассматриваются.

[3] Императив имманентного движения распространяется и на коммунизм – остановки быть не может.

Экономическое содержание переходного периода заключается в *развитии и доведении до своего предела*[1] *товарно-стоимостных отношений* с целью их последующего снятия в бестоварных и безденежных отношениях. Товарно-социалистический способ производства жизнедеятельности есть *последний экономический*, т.е. товарно-стоимостный (товарно-денежный) способ производства, который подготавливает полное снятие («исчезание») отношений собственности и товарно-стоимостных отношений путём их развития в *социалистических* формах и доведения до своего предела – экономизм подводится к завершению экономическими же методами, действующими в новых формах.[2]

Социально-политическое содержание переходного периода состоит в неуклонном развитии общественных институтов и *подготовке перехода от государственной формы управления к общественным формам самоуправления*.

Антропологическое содержание переходного периода заключается в *формировании человека, соответствующего* становящимся (вспомним «становление» Гегеля) *новым общественным отношениям*, но не внешним ему дидактическим способом, а самим человеком в его живой жизнедеятельности, в диалектике бытия и сознания – в практике.

Литература.

Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967.
Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955.
Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госполитиздат, 1952.

25.11.2021

К вопросу о сущности социалистического этапа общественного развития

О методе исследования

Прежде всего следует сказать о методе, положенном в основу анализа, ибо без этого инструмента любые рассуждения будут подобны блужданию

[1] Предел следует понимать как исчерпание *всех* возможностей товарно-денежных (товарно-стоимостных) отношений в условиях социалистического производства.

[2] «…Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества». (*Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. Т. 13. С. 7).

слепца в ночи с соответствующим результатом.

Генерализующей идеей, находящейся в основании исследования, выступает *принцип субстанционального монизма*.[1] Согласно этому принципу, объективная реальность развивается в своих субстанциональных формах, *сущностью* которых является тождество[2] *материальной* и *идеальной* сторон *субстанции* [Спиноза[3]], а их неразрывная взаимосвязь представляет собой *внутреннее диалектическое*[4] *противоречие*, являющееся механизмом *само*развития субстанции [Гегель].

Тем самым материалистическая идея Маркса, сохраняя своё фундаментальное значение влияния на развитие реальности материального фактора, дополняется взаимосвязанным с ним и не менее значимым идеальным фактором, который в общественных отношениях играет огромную роль. И если материальная сторона субстанции представлена её материальной формой, то об идеальной стороне следует сказать особо. *Идеальное в субстанциональном аспекте* представляет собой материальный процесс движения (изменения, развития) материального объекта, *снятый*[5] (представленный) в полученном результате, т.е. в материальном же объекте (в наличном, актуальном материальном), в его качествах, свойствах. Идеальное есть *сущность* материального. Другими словами, материальное – объективная реальность, данная *непосредственно*, идеальное – объективная реальность, данная *опосредствованно* (через *своё* материальное).[6]

Очевидно, во избежание недомолвок, следует сделать пояснения и о феномене противоречивости. Как сказано выше, *внутренним движущим* субстанциональным противоречием является противоречие между материальной и идеальной сторонами (моментами) субстанции. Стороны противоречия, рефлексируя друг друга, тем самым постоянно изменяются, изменяя и своё субстанциональное взаимодействие (т.е. собственно субстанцию, сторонами которой они являются) – как следствие противоречие развивается и в определённый момент разрешатся в новом субстанциональном состоянии, также противоречивом, ведь стороны не исчезают, а сохраняются в новом качестве. Это движение неостановимо – пока субстанция

---

[1] Логическое обоснование идеи субстанционального монизма и связанных с этим принципом понятий в книге [Петров].

[2] Тождество понимается не как метафизическое “одно и то же”. Это всегда *диалектическое* тождество – тождество различного (различённого), тождество взаимосвязанных противоположностей.

[3] В терминах Спинозы – протяжённость и мышление.

[4] Диалектичность здесь и далее понимается в духе Гегеля – как способ *саморазвития* действительности, рассматриваемой в единстве (тождестве) её противоположных (разделённых) сторон – каждая сторона является «своим иным» другой и без неё невозможна, не существует.

[5] Снятие, по Гегелю, означает не только «прекратить, положить конец», но и «сохранить, удержать».

[6] Во избежание недоразумений следует твёрдо заявить, что *субстанция не есть нечто третье* по отношению к своим сторонам, это они сами в тождестве, которое одновременно есть и противоречие как тождество различённого.

существует она постоянно изменяется.

Но есть ещё и *внешние* противоречия – это противоречия *между* субстанциями и поскольку контакты между субстанциями имеют во многом случайный, а не внутренне детерминированный характер, то, как ясно, эти противоречия имеют не диалектическую, а *антагонистическую* природу и в таком качестве они могут оказать деформирующее влияние на течение и разрешение внутренних противоречий, поскольку внешние воздействия также рефлексируются сторонами субстанции.

Опуская пространные доводы, можно сказать, что относительно антропологического рассмотрения субстанциями являются как *самостоятельно* существующие и развивающиеся человеческие сообщества, так и сам человек.

Сокращая путь рассуждений (с ними можно ознакомиться в указанной книге) переведём гносеологический аспект в практическую плоскость и конкретизируем для общественных отношений материально-идеальную сущность субстанции человек-общество: роль материальной стороны играют *возможности* (как материальные, так и идеальные – знание), роль идеальной стороны – *потребности* (потребности – это идеальное, которое необходимо материализовать). Именно их противоречивое взаимодействие является определяющим движущим механизмом развития человеческих обществ как материально-идеальных субстанций. Разумеется, внутри так понимаемой субстанциональности не только можно, но и в интересах детализации исследований должно, редуцировать противоречия других уровней общественных отношений.

В противоречивом взаимодействии потребностей и возможностей первые представляют собой направленность общества на развитие, интенцию движения, которое в принципе бесконечно – и это активная сторона противоречия; вторые же представляют материальную сторону, наличный продукт, конечное – и это пассивная, консервативная сторона противоречия.

Принцип субстанциональности и его влияние на развитие общества

Т.о. абстрактно представленное *противоречие между материальным и идеальным применительно к общественному развитию конкретизируется в форме противоречия между общественными возможностями и общественными потребностями*. Его развитие и разрешение ведёт к смене общественных форм, внутри которых способы жизнедеятельности (материальное как способы производства) развиваются в противоречивой взаимосвязи с формами общественных отношений (идеальное как производственные отношения).

Каждому способу жизнедеятельности соответствуют *свои* общественные отношения, внутри которых формируются соответствующие типы личностей и их сообществ – каждой форме жизнедеятельности (способу производства) соответствуют свои типы индивидов и их групп (коллективов, сообществ). Последние, развиваясь внутри общества, в свою очередь влияют на общество в целом посредством стремления к реализации своих жизненных интересов.

Сам принцип субстанциональности, предполагающий постоянное

движение, развитие, заключающееся в смене общественных форм посредством *снятия* в каждой последующей форме предыдущей формы, ведёт к тому, что каждая последующая общественная форма не только имеет гораздо бóльшие материальные (и идеальные) возможности, но и внутренне сложнее предыдущей. Увеличение общественных возможностей ведёт к росту и усложнению общественных потребностей – такова имманентная тенденция общественного развития. Усложнению общества сопутствует усложнение индивидов, и наоборот – они развиваются в этой тождественной связи. Остановки быть не может, она антагонистична субстанциональному движению – либо постоянное развитие общества, сопровождающееся увеличением его материальных и идеальных возможностей (с каждой новой общественной ступенью всё большее значение приобретает идеальное в форме знания) и усложнением, либо, в случае остановки в общественном развитии, деградация (вплоть до разрушения) субстанции, т.е. общества.

Отмеченный субстанциональный феномен – постоянное усложнение общества – совершенно недвусмысленно указывает на сущностную сторону общественного развития: *каждой новой форме общества соответствует адекватное соотношение материального и идеального*, а также, *каждой общественной форме соответствует свой человек* с видением мира и общественными связями, отношениями, адекватными форме общества. В субстанциональном общественном движении усложняется не только материальная сторона субстанции (искусственная природа и её созидательная часть – производительные силы), но и сам человек, это необходимое условие субстанционального развития. Если же наличное общественное устройство сдерживает развитие человека, то это столь же необходимо ведёт к деформации общественного развития, которая проявляется в разных формах задержки развития, стагнации и даже движения вспять. Но поскольку субстанциональное движение неостановимо, то такие тенденции приводят к резкому обострению субстанционального противоречия, развитие и разрешение которого в этом случае будет иметь бурный и даже взрывной характер. Из принципа субстанциональности также следует, что вследствие наличия внешних (межсубстанциональных) противоречий и их деформирующего влияния на внутренние движущие противоречия, общественное развитие *необходимо* будет неравномерным и временами даже попятным.

Из рассуждений выше следует вывод, что: 1. инвариантым фактором движения реальности является тенденция *постоянного усложнения* общественного развития, и, соответственно, перманентного усложнения обществ и человека; и, 2. вследствие неравномерности общественного развития (и даже, временами, реверсивного движения) общества в своём движении даже в рамках одной формации *проходят ряд этапов*, отличающихся значительным своеобразием.

Т.о. *общим* для общественного развития является его императивность и усложнение, а *особенным* – неравномерность и дискретность.

Социализм – сущность и историческое место

Переходя к анализу социалистического этапа движения нашего

общества, определимся в начале нашего пути с понятием социалистичности, социализма.

В литературе часто встречаются попытки дать точное, инвариантное определение социализма, исчерпывающе и окончательно перечисляющее все его признаки, и на этом основании однозначно квалифицировать общественный строй СССР. Нет ничего более неплодотворного и бесперспективного. Этап социализма, по Марксу, есть часть *«действительного коммунистического действия», т.е. движения*.

Следует совершенно недвусмысленно заявить, что в свете принципа субстанционального монизма социализм (как, впрочем, и любой иной общественный процесс) предстаёт *только как движение* – именно ***движение*** и именно ***действительное***, а ***не состояние*** – это различение весьма важно для понимания *сути* процесса исторического развития. Социализм как относительно длительный временной этап *действительного движения* в каждый свой момент *разный*, имеет свои периоды (этапы), отличающиеся друг от друга *существенными* чертами.

Бегло можно отметить, что, например, социализм времён НЭПа содержательно отличается как от социализма времени предшествующего «военного коммунизма», так и последующего периода индустриализации. Последний, в свою очередь, если и имеет некоторые общие черты с периодом послевоенного восстановления, то последующий этап стремительного подъёма социалистического общества в 50-60 годы прошлого столетия есть уже принципиально новый период, на смену которому пришёл другой, к сожалению, дегенеративный этап.

Что касается самого понятия социализма, социалистичности, то оно может быть выявлено только на основании *понятия* человека, последнее же можно вывести исключительно из *сущности* человека.

В свете принципа субстанционального монизма *сущность человека (субстанциональная сущность человека) состоит в целостности его жизнедеятельности как постоянно возобновляющегося циклического процесса – идеализации материального и материализации идеального*, *– которая (жизнедеятельность) предстаёт как единство (тождество) взаимодействующих обоюдонаправленных процессов, – единства познания (идеализация материального) и практики (материализация идеального),*[1] *– имеющих итогом приспособление внешнего мира к человеку.* Результатом является создание искусственной среды обитания, искусственной природы, посредством которой человек формирует условия своего дальнейшего саморазвития.

Т.о. *сама субстанциональная сущность человека необходимо диктует ему условия его развития* – полное освобождение человека (и в форме индивида, и в форме общества) от всех моментов, сковывающих и ограничивающих его *само*-деятельность, отчуждающих его от свободной творческой деятельности. *Полностью свободная деятельность – вот*

[1]«…Свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека»; «…именно в переработке предметного мира человек… действительно утверждает себя как *родовое существо*.» [Маркс].

субстанциональная сущность человека (и индивида, и общества в целом).[1] Цель этой деятельности – познание и изменение внешнего мира в интересах человека.[2]

«Социалистичность» общества определяется не неким набором раз и навсегда установленных определений, а совершенно *объективным* условием – *осуществляется ли* ***действительное*** *движение к освобождению человека и присвоению им своих сущностных сил* – в этом *суть действительного социалистического* ***движения***.[3]

Полное и свободное развитие человека и в форме индивида, и в форме общества возможно только при отсутствии ограничений такому развитию, т.е. при наличии таких условий, которые позволяют раскрыть все потенции человека – и как личности, и как сообщества личностей, всех без исключения. Т.е. необходимо наличие вполне определённых *материальных и идеальных условий*, не только не ограничивающих ни с одной из указанных сторон развитие человека, но и способствующих такому развитию.

Нетрудно видеть, что, не просто находясь внутри постоянно меняющегося процесса общественного развития, а являясь его *субъектным* фактором, человек и в форме общества, и в форме индивида также меняется – *общество и индивид «приспосабливаются» друг другу, необходимо выстраивается их взаимное соответствие*. Это взаимодействие, постоянно выходя за пределы релевантного соответствия, тем не менее представляет собой тенденцию социального развития, длительное нарушение которой чревато общественными катаклизмами.

В новых условиях возник совершенно новый общественный феномен – общественная собственность на средства производства. В условиях *общественно ведущегося производства* (т.е. при наличии общественной собственности на средства производства) появляется совершенно *новый общественный феномен* – возникает *сущностно новый тип отношений* ***общественной*** *собственности* и, т.о., коренным образом изменяются отношения не только *производства*, но и *присвоения* и *распределения*. Соответственно, в отношении сфер производства, присвоения и распределения возникает необходимость в формировании совершенно *новых общественных отношений* (и их институтов) – *социалистических* отношений – отношений *общественного производства, присвоения и распределения* (в отличие от существовавших до сих пор отношений *частного* производства,

---

[1] «…Всякая здравая диалектика есть только опыт решения вопроса об общечеловеческом освобождении» [Лосев].

[2] Впрочем, нельзя исключить возникновения в отдалённом будущем цели и более высокого – космического – порядка: осуществление космических антиэнтропийных процессов. Субстанциональная сущность человека не только не налагает на подобные действия никаких ограничений, но, напротив, способствует этому.

[3] Что касается широко растиражированного в качестве определения социализма пресловутого «удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей», то это условие представляет, хотя и весьма важное, но всего лишь *внешнее* выражение социалистического движения, не выявляя его *внутренней* сути. Экономические, социальные, культурные и т.п. аспекты – это инструмент, средство, а не цель, которой является сам человек.

присвоения и распределения). Напомним, что материальное – производительные силы, и идеальное – производственные отношения, развиваются в субстанциональном тождестве и взаимовлиянии и задержка в развитии одной из этих сторон неизбежно сказывается на развитии другой и, как следствие, на развитии целого – всего общества. Игнорирование это императивного требования общественного развития чревато серьёзными общественным потрясениями.

Принципиально новые социалистические общественные отношения требуют и нового человека, соответствующего этим отношениям, и главная проблема в том, что создать такого человека должен *сам человек* в процессе своей жизнедеятельности, во всех её противоречиях, проблемах и перипетиях. Бездействующий человек это недействительный, асоциальный человек, не обременённый никакими общественно-полезными социальными связями, что незамедлительно превращает его из субъекта в объект, действующий сообразно случаю, т.е. полностью управляемый внешними обстоятельствами. Человек бездеятельный, бездействующий, асоциальный, недействительный, для нового, социалистического общества представляет гораздо бóльшую опасность, чем для капиталистического. Такой человек, выпадая из общественных связей, будет деградировать, создавая зону негативного, разрушительного влияния.

Логика вышеизложенного приводит к выводу, что социалистический этап движения общества необходимо требует не просто понимания сути происходящих общественных сдвигов, но их научного обоснования в форме теории общественного развития. Социалистическое движение как движение к конкретно поставленной цели – освобождению человека от всех форм отчуждения его деятельности – есть не только *направляемое*, но и *управляемое* движение, что невозможно без постоянно корректируемой научно обоснованной теории и, это принципиально важно, без *субъекта управления*.[1]

И в этом заключается весьма серьёзное общественное противоречие – необходимость, с одной стороны, органа управления, стоящего над всем обществом, и, с другой стороны, необходимость развития институтов *общественного* самоуправления, без чего невозможна реализация отношений общественной собственности, присвоения и распределения. Это противоречие, в зависимости от особенностей исторического развития общества, может разрешиться либо в интересах класса управления (и стоящих за ним слоёв), либо в интересах всего общества. В нашем случае произошло первое и это стало исторической катастрофой для России.

Что касается исторического места социалистического этапа как *особенного* в общественном развитии как *целом*, то это определяется не

[1] Последнее условие не частный вывод, а принципиальное положение, имеющее характер императивности и следующее из принципа субстанционального монизма: во всех саморазвивающихся субстанциях императивно наличие особого органа управления, осуществляющего в масштабе всего общества функции его консолидации – органа власти, который, по сути, является самостоятельным общественным классом. Подробное обоснование этого положения в книге [Петров].

субъективным желанием общественных групп и даже целых обществ освобождения человека от отчуждения его деятельности, а совершенно *объективными* причинами – 1. субстанциональной сущностью человека и 2. тенденциями общественного развития, связанными с исчерпанием возможности дальнейшего развития общества на прежнем основании. Капиталистический этап исчерпал все свои возможности в дальнейшем развитии и человека, и общества и подошёл к своему пределу. Дальше – только либо стагнация, деградация и, как следствие, разрушение (такой исход весьма вероятен), либо переход к иной сущности общественного развития, в каких формах – вопрос и теории, и практики, которые должны быть взаимно релевантными. Однако, реализация такого сценария в конечном итоге зависит от самого человека, от его *готовности и способности* пойти на революционное изменение существующего положения.

Советский период – социалистическое движение или…

С учётом проделанного анализа конкретизируем императивные условия *социалистического этапа* общественного *движения*:

- постановка антропологической цели: создание условий[1] для полного освобождения человека от отчуждения его деятельности от него самого и ограничения его развития, как личности, так и как общества;

что имеет следствием:

- формирование *новых общественных отношений* и адекватных им институтов, соответствующих достижению цели, движение к общественному *само*управлению;
- формирование нового, *субъектного*, человека, соответствующего *социалистическим* общественным отношениям, но не внешним ему образом, а *самим человеком* в практике его жизнедеятельности;
- осуществление не только *направляемого* к поставленной цели, но и *управляемого* движения, реализующего заявленные выше условия.

Требование управляемости детерминирует ещё два *императивных* условия без которых ни о каком социалистическом движении не может быть и речи:

- субъект управления (класс управления) обязан действовать в интересах целого (однако, с учётом особенного – конкретной классовой структуры), что означает: 1. *власть политическая и* 2. *власть экономическая должны принадлежать трудящимся*, либо, как минимум, осуществляться от их имени и в их интересах, что, в свою очередь, имеет следствием 1. полную и ничем не ограничиваемую *народную* демократию и 2. господство в экономике *социализированных* форм собственности (на начальном этапе в форме *государственной* собственности с тенденцией перехода к *общенародной* форме собственности и, далее, к упразднению всех форм собственности);
- условие управляемости движением, означает, что оно осуществляется не случайным образом в постоянном столкновении с изменяющейся

[1] Подчеркнём – *создание условий*, создающих возможность освобождения человека, но ещё не фактическое освобождение человека от всех форм отчуждения.

реальностью, а в соответствии с пониманием *сущности* происходящих процессов, что требует выработки научного понимания происходящих процессов, т.е. адекватной *теории*, без чего невозможно осмысление действительности и принятие адекватных решений.

Исходя из этих критериев возможно определить, какие периоды советского общества были «более» социалистическими, а какие «менее».

1. Постановка антропологической цели.

Указанная антропологическая цель так и не была не то, что поставлена в явном виде в политическом, экономическом и культурном аспектах, но даже не была достаточно глубоко осмыслена в философском отношении как генерализованная цель общественного развития. Отдельные исследования так и не получили концептуального представления в форме, которая выразила бы общественный и государственный приоритет и стала бы путеводной звездой общественного движения.

Пресловутый т.н. «основной закон развития социалистического общества» гласил, что целью социалистических преобразований является «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества». Но в таком «законе» нет ничего, что имеет отношение исключительно к социализму, отмеченное условие (или, если угодно, закономерность) имеет всеобщий характер и действует на всех этапах исторического развития и во всех формах обществ, даже если это и не осознаётся.

Главное отличие социалистического этапа движения, по данному определению, заключается в том, что должны обеспечиваться потребности *всего* общества, а не преимущественно собственников. Но этого уточнения явно недостаточно для выделения социалистического этапа движения в *особенную* общественную форму, *сущностно* отличающуюся от предыдущих. В данном определении и в официальных партийных формулировках не отражена *особенность* именно *социалистического* способа жизнедеятельности. Это определение есть результат не логического анализа сущности социалистических отношений, а описание эмпирически данных фактов, не исследование внутреннего, а фиксация внешнего.

В цели социалистического движения, официально утверждённой в такой форме, содержится довольно явно просматриваемая интенция на формирование общества потребления и человека-потребителя, а не свободно действующей творческой личности в свободно развивающемся обществе.

Тем не менее, даже в таком сильно деформированном виде общественная цель предполагала явно декларируемый *приоритет общего* над *частным*, что, несомненно, следует признать *социалистическим* признаком.

2. Формирование новых общественных отношений и адекватных им институтов.

С ликвидацией форм частной собственности на средства производства была упразднена эксплуатация человека человеком и тем самым формально (но только формально) преодолено отчуждение непосредственных производителей от средств производства. Следующим, вполне естественным, шагом должно было стать поэтапное включение человека в управление своей деятельностью, т.е. снятие отчуждения от неё – это и стало бы

формированием в политической, социальной и экономической сферах социалистических общественных отношений и институтов, соответствующих поставленной цели. Однако, по поводу непосредственного участия людей в самоуправлении собственной жизнедеятельностью следует сказать, что эта задача не только не была решена, но даже не была осмыслена в полной мере.[1]

Хуже того, т.н. руководящая роль «авангарда» в лице партии была закреплена конституционно, тем самым поставив *часть* общества над *всем* обществом, а по сути противопоставив обществу «авангард». Общество не обрело *субъектности* в лице общественных институтов и не стало альтернативой бюрократическому аппарату государства. В результате отчуждение человека от государства преодолено не было и государство, *формально* управляемое гражданами, *фактически* стало представлять по отношению к гражданам внешнюю силу, что в итоге привело к противостоянию общества и государства и ликвидации социалистических основ жизнедеятельности.

Императивное условие необходимости формирования новых общественных отношений, соответствующих социалистическим принципам и поддержания тенденции к росту и укреплению *форм общественного самоуправления* в силу ряда как исторически обусловленных причин, так и волюнтаристских решений не было выполнено. В результате общественные институты как альтернатива органам власти так и не обрели *субъектности*, что стало одной из главных причин, приведших к ликвидации зарождающихся новых социалистических общественных отношений.

Следует констатировать, что несмотря на дидактические сентенции власти, призывавшей людей к занятию «активной жизненной позиции», практические действия по созданию условий и институтов гражданского общества, т.е. *субъектов* общественного самоуправления и формирования новых, социалистических общественных отношений фактически не предпринимались. Роль Советов, которые в пред- и послереволюционный период были именно такими субъектами нарождающихся новых общественных отношений, была довольно быстро сведена к административным функциям и сами они подчинены партийному аппарату, занявшему положение органов государственного управления. В рассматриваемом аспекте «социалистичность» развития почти не имела.

Следует отметить, что в *экономической* сфере, в отличие от политической и социальной сфер, решения и действия власти были более радикальными, особенно в послереволюционном периоде и в ходе индустриализации, однако, в связи с отсутствием теоретической ясности в ряде политэкономических проблем, практические действия в значительной мере осуществлялись методом проб и ошибок.

Тем не менее, несмотря на то что экономические решения часто принимались ситуативно, в тактическом плане, а не стратегическом (едва ли не

[1] Истины ради следует сказать, что в первые годы советской власти вопрос о контроле со стороны трудящихся над бюрократическим управленческим аппаратом ставился Лениным довольно остро, но так и не был решён.

исключением является план ГОЭЛРО и решение об индустриализации), *социалистические тенденции* в производственных отношениях, при всех отмеченных недостатках, всё-таки *доминировали до середины 60-х годов прошлого века*.

Что же произошло далее? Исходная причина экономическая – падение темпов роста производства. Заключалась она, главным образом, в старении и выбытии основных фондов – этого ведущего производительного фактора. Разумеется, что необходимо было использовать также и новые экономические и социальные подходы, что и должно было стать предметом глубокого теоретического анализа и только затем практических действий. Однако, вместо того, чтобы подвергнуть проблемы тщательному исследованию и понять причины, находящиеся в основании негативных процессов, партийно-государственное руководство пошло по пути наименьшего сопротивления – на основании поверхностных рассуждений некоторых экономистов, даже близко не подошедших к анализу *сущности* социалистического типа хозяйства как *особенного* исторического типа, было принято решение о переходе к показателям экономической деятельности, в основе которых находилась прибыль, сиречь стоимость.

Т.н. «косыгинская реформа» 1965-1969 гг. тем самым ввела *в социалистические тенденции вирус капиталистических отношений*. Отметим, что *сущность* капиталистических общественных отношений состоит не в наличии частной собственности, хотя бы и называемой капиталистической, а в том, что сутью и целью этих отношений является производство прибыли, этой превращённой формы прибавочной стоимости. Именно производство прибыли (прибавочной стоимости) находится в *основании* капиталистических общественных отношений. Всё остальное – монополизация, империализация, корпоративизм, финансовый капитал и т.п. – производные продукты основного отношения (превращённые формы по Марксу).

Переход в период косыгинских реформ от материальных, натуральных показателей к стоимостным (прибыль) означал не просто изменение показателей экономической деятельности, а был *изменением сущности* общественного (пока ещё) производства. Появилась тенденция перехода от социалистически ведущегося производства к производству капиталистическому, поскольку *замена в качестве цели производства прибавочного продукта прибылью* и означает постепенный, но *неуклонный переход от социалистического хозяйства к капиталистическому.* Следствие было поставлено впереди причины.

По сути, это была борьба капитализма с социализмом. Косыгинская реформа, вводя *принципиальное сущностное* различие (вместо прибавочного *продукта* – прибавочную *стоимость*), в любом случае должна была привести в тупик именно социалистическую – плановую, направляемую, регулируемую, гуманную – экономику. Паллиатив в виде попытки совместить несовместимое – сохранить часть прежних социалистических методов в исключающих их условиях капиталистических приоритетов – только усугубил положение.

Однако, пока класс управления действовал в интересах общества, целого, то сохранялась потенциальная возможность изменения движения в

социалистическом направлении.

Завершающий удар нанесла реформа 1987 г. Её основные решения – расширение самостоятельности предприятий на принципах хозрасчета и самофинансирования; постепенное возрождение частного сектора экономики; отказ от монополии внешней торговли; глубокая интеграция в мировой рынок; создание коммерческих банков – фактически завершили демонтаж социалистических отношений.

После 1991 года разрушение социалистических принципов жизнедеятельности привело к неизбежной деградации сложной системы социалистического образа жизни – как государственных и общественных институтов (даже при всём несовершенстве последних), так и экономики.

3. Формирование нового, *субъектного*, человека, соответствующего *социалистическим* общественным отношениям

В отношении вопроса мировоззренческого (и культурного) развития советского общества ввиду его сложности можно только высказать некоторые самые общие соображения. Несмотря на очень значительные усилия государства в этой сфере культурный и интеллектуальный уровень общества в целом вряд ли можно признать соответствующим условиям *социалистического движения*. И главная причина этого, представляется, в том, что мировоззренческая, культурная и аксиологическая сферы развиваются не столько под влиянием дидактических сентенций и идей, внедряемых управляющим слоем, сколько в живой жизни, в совместной деятельности людей (помним, что принцип субстанциональности императивен: материальное – реальность, и идеальное – рефлексирующее её сознание, тождественны). Причём чем более активное участие люди принимают в управлении своей жизнедеятельностью, в практической деятельности, тем более глубокие и прочные изменения происходят в их мировоззрении, сознании, формируя *субъектную* личность. Это следствие того, что субстанциональность бытия, основанная на тождественности материального и идеального, императивна и проявляется во всех процессах реальности. Только практика порождает соответствующее этой практике идеальное, которое в форме мировоззрения становится неотъемлемым от действительного (практического) человека.

В советской же действительности фактическое отчуждение людей от участия в *управлении* собственной жизнедеятельностью имело следствием определённое отторжение ими (отчуждение) мировоззренческих принципов (в основе своей бывших вполне социалистическими) декларируемых властью, что на закате советского строя дополнительно усугублялось антисоциалистическими тенденциями в правящем слое.

Но, поскольку, индустриализация, послевоенное восстановление хозяйства, создание новых отраслей промышленности (например, атомной энергетики), освоение космоса и другие подобного рода масштабные проекты требовали массового участия людей в новой для них и во многом творческой деятельности, то именно *практика* их участия в интересах *целого*, всего общества, была лучшей школой *социализации.* Но эти тенденции *субъективации*, становления общественного *субъекта* не были поддержаны правящим классом, не заинтересованным в контроле над собой и, тем

более, в разделении власти и не были реализованы. Тем не менее практика деятельности трёх поколений людей в интересах *целого* была именно *социалистической* практикой, не получившей, к сожалению, воплощения в *политическом* и *социальном* аспектах.

4. Осуществление направляемого и *управляемого* социалистического движения.

Принцип субстанционального монизма диктует, что необходимость органа управления, обеспечивающего внутрисубстанциональное взаимодействие материального и идеального (т.е. согласование и разрешение противоречивого взаимодействия общественных потребностей и возможностей), является *императивным* условием. Другими словами – слой, осуществляющий функции управления, представляет собой *общественный класс*, инвариантный во всех существовавших и существующих обществах. Из этого следует, что роль класса управления в проведении социалистических преобразований чрезвычайно велика. От того, насколько глубоко этот класс понимает цель *социалистического* движения и привержен к ней, зависит выбор методов и путей движения к цели.

Анализ выше показал *безусловную необходимость субъективации* и человека, и общества в целом и движения к общественному самоуправлению, т.е, в конечном итоге, упразднение класса управления как общественного субъекта. Надо ли говорить, каково будет отношение класса управления к этому условию социалистического общественного движения.

Мы выявили острейшее внутрисубстанциональное противоречие, которое будет существовать на всём протяжении социалистического этапа. Причём его развитие и возможность разрешения усугубляется тем совершенно объективным обстоятельством, что в определённые периоды влияние внешних противоречий требует усиления, иногда значительного, роли государства и, следовательно, класса управления.[1] И то, что данное противоречие должно быть разрешено при активном содействии одной из сторон (класса управления) снижению своей роли, значительно усиливает его напряжённость. В действительности путей к его разрешению не только не нашлось, но не делалось и попыток движения в этом направлении.

Хуже того, законодательное закрепление партии (фактически класса управления) в качестве некоего «авангарда» общества резко поляризовало положение сторон противоречия, что, в итоге, сказалось самым негативным образом. Отсутствие *общественного субъекта*, равнозначного по общественному положению классу управления, привело в итоге к разрешению противоречия в пользу класса управления, использовавшего власть для ликвидации социалистических и восстановлению капиталистических тенденций.

Несомненно, что значительную роль в таком исходе сыграло фактическое отсутствие идеального компонента – научного понимания и

[1] Например, можно назвать периоды: послереволюционный, индустриализации, войны и послевоенного восстановления. Т.е. роль государства и класса управления объективно была доминирующей в течение значительного исторического отрезка времени.

обоснования сущности общественного развития – что не позволило сформулировать как цели, так и путей движения к ней. Несмотря на жаркие дискуссии в узкой научной среде, особенно в первые послереволюционные годы, глубокого научного понимания, сконцентрированного в соответствующих теоретических выводах, так и не было выработано, что, в итоге, самым пагубным образом сказалось на практике социалистического движения.

***

Итоговый вывод

Отвечая на поставленный вопрос о сущности общественного строя СССР с учётом проведённого анализа, можно сказать, что это было, в основном, *социалистическое движение*, особенно на начальном этапе с его решительными целями, которое впоследствии под давлением и внутренних, и внешних противоречий не смогло обеспечить выполнение ряда императивных условий действительного социалистического движения. Тем не менее, это было *действительное социалистическое движение* со всеми его родовыми травмами и впоследствии приобретёнными болезнями, на что оказали существенное влияние исторические генетические особенности именно российского общества, вышедшего из многовекового самодержавия, крестьянской общины и недавно родившегося капитализма.[1]

Даже т.н. «косыгинские» реформы не были фатальными для дальнейшего социалистического движения. Решающим условием, уничтожившим социалистические тенденции, стало перерождение класса управления, обладавшего субъектностью, дополненное бездействием основной массы людей, так и не обретших субъектности в форме общественных институтов.

Именно весьма узкий слой управления ответствен за научный анализ общественных тенденций и принимаемые решения. Как показала практика, его научное невежество в проблемах общественного развития, даже незначительные колебания в мировоззренческих установках и неверные решения приводят к серьёзным потрясениям общества вплоть до ликвидации уже достигнутых результатов социалистического движения. Путь снижения этой опасности один – контроль (на начальном этапе) за правящим слоем со стороны общества с постепенным переходом к самоуправлению своей жизнедеятельностью.

О причинах распада СССР

[1] Необходимая ремарка. В литературе часто встречается утверждение, что советское время следует характеризовать как *государственный капитализм*. С таким определением нельзя согласиться, т.к. это *сущностно* неверно, поскольку: 1. с точки зрения политического аспекта – правящий класс вынужден был действовать в интересах общества как целого; 2. с точки зрения социального аспекта – не было класса собственников, присваивающего себе прибавочный продукт (и прибавочную стоимость) – весь продукт труда распределялся через *общественные* фонды; 3. с точки зрения экономического аспекта – даже после косыгинских реформ, ориентация на прибыль была ограничена рядом условий и прибыль поступала в распоряжение предприятия, а не частного собственника. Скорее следует говорить о *государственном социализме* с очень сильными бюрократическими тенденциями.

Собственно, о причинах разрушения СССР всё сказано выше при анализе вопроса о сущности социалистического этапа общественного развития. Кратко резюмируем.

Учитывая сущность человека, необходимость выхода за пределы «царства необходимости» [Маркс] есть императивная логика общественного движения, механизмом которого являются внутренние диалектические противоречия, а субъектом саморазвития – общества, предстающие как субстанциональное единство своих материальных и идеальных сторон.

Но в отличие от прежнего исторического пути, демонстрировавшего, несмотря на его внутреннюю диалектичность, в значительной мере хаотичный путь, период перехода в «царство свободы» не может не быть *осознанно направляемым и управляемым*, что невозможно без научного понимания сущности общества, т.е. теории, адекватно отражающей реальность и историческую перспективу. Это *принципиально новый тип* исторического развития, в котором идеальное в форме знания начинает определять материальное, и потому становится активной стороной их противоречивого взаимодействия.

Прямой вывод из сказанного выше таков – *действительное социалистическое движение невозможно без научной теории*, позволяющей выявить сущность общественных процессов, их внутренние движущие противоречия и общественные силы, влияющие на эти процессы, и как итог научного анализа наметить цели и пути движения и способы воздействия на наличные обстоятельства. Самодеятельность, исходящая только из эмпирии, которая во многом случайна, подобна ходьбе по проволоке неподготовленного человека с завязанными глазами. Как видим, материальное (наличное бытие) настоятельно требует соответствующего ему идеального (и наоборот).

В реальности такой теории и, соответственно, *осознания* исторической необходимости, не было – идеи Маркса не получили теоретического и практического развития.

Как следствие, задачи, следовавшие из цели социалистического движения как необходимости освобождения человека от всех форм отчуждения его деятельности – 1. формирование *новых общественных отношений* и адекватных им институтов, и 2. формирование нового, *субъектного*, человека, соответствующего *социалистическим* общественным отношениям – не были в полной мере осознаны и воплощены в практике.

Всё определялось требованиями текущего момента, как их понимал класс управления, действовавший, во многом, в своих интересах.[1] Но пока класс управления руководствовался определённой идеологией, некоего эклектического набора из идей Маркса, и служившей имитацией научной теории, он действовал в интересах всего общества, а не исключительно в

[1] В «своих интересах» не означает, что класс управления действовал сугубо в личных интересах – это, прежде всего, его интересы именно *как класса*, как осознающей себя особенной общественной группы (слоя) – это интересы доминирования и лидерства, интересы властвования именно этой группы, и только на этом фоне личные интересы.

собственных. Смена первого поколения руководителей, пусть и не достаточно глубоко понимавших суть происходящих процессов, но искренне приверженных коммунистической идее, вывела на первые роли людей практики, эмпирии, не отягощённых пониманием сущности общественных процессов и видевших в идеологических догмах только средство поддержания внешнего единства общества, но не его развития.

В итоге, общественные институты не получили развития и субъект(ы) общественного самоуправления, способный в ходе исторического развития сменить (упразднить) класс управления, так и не был сформирован. В согласии с проводившейся практикой и сам человек в основной массе (по крайней мере внешне) соответствовал именно такому обществу, в котором класс управления активно внедрял патерналистские тенденции – это человек, во всём уповающий на власть, общественно пассивный – бессубъектный человек.[1] Однако, идеологические сентенции, демагогически внедрявшиеся властью, требовали воспитания активного, деятельного человека, что привело к возникновению противоречия между социалистической тенденцией необходимости субъективации человека (и общественных институтов) и реальностью, в которой возможность такой субъективации оказалось элиминированной.

На завершающем этапе существования СССР явно столкнулись две тенденции, чьё противоречие тлело на всём протяжении существования страны – бюрократическая и демократическая, класс управления и народ. В этом столкновении активным субъектом был класс управления, разделённый внутри себя на две группировки – одна стремилась сохранить власть, другая рвалась к власти и собственности. В борьбе двух *субъектных* группировок класса управления народ сыграл роль *объектной* силы в руках второй группировки. И хотя в своей массе народ не поддержал ни первую группировку в 1991 г., что объяснимо, ни вторую в 1993 г., увидев воочию её приоритеты, но именно его бессубъектность, отсутствие политического субъекта, обладавшего авторитетом и способного стать организующей силой, подобной большевикам в 1917 г., стала причиной поражения социалистических тенденций и сделала народ главной проигравшей стороной.

Что касается влияния материального фактора на процессы, приведшие к распаду СССР, то деградация экономики, несомненно, оказала значительное влияние на них, но не непосредственно, а *опосредованно*, будучи рефлексированной общественным (и индивидуальным) сознанием. Экономический фактор (материальное) был одним из инициаторов общественных изменений, но именно общественное (и индивидуальное) сознание (идеальное), стало *активной* стороной, вызвавшей изменения.

В противоречивом диалектическом взаимодействии материальное (производительные силы) и идеальное (производственные, сиречь,

[1] Вспоминается статья начала 90-х годов в одной из газет с описанием митинга в Кузбассе, на котором какой-то барашек блеял – «мне нужен хозяин, я буду работать, а он пусть мне платит». Где-то он теперь, не иначе как «хозяин» снял с него не только шерсть, но и шкуру.

общественные отношения) взаимно определяют друг друга, но ведущей, инициативной стороной в человеческом обществе является идеальная сторона, перманентно рефлексирующая изменения материальной стороны и стремящаяся привести их отношение к определённому соответствию. К рефлексии же способен только общественный *субъект*, каковым императивно является класс управления и ситуативно, актуально, что определяется историческими условиями, им может стать общественная группа (слой), олицетворяющая новые общественные тенденции и противопоставляющая себя прежнему порядку и, соответственно, классу управления. Такого субъекта, видевшего историческую перспективу и обладавшего возможностью и силой, чтобы стать активным фактором общественных процессов, к сожалению, не оказалось в нашей стране на историческом переломе. Масса же людей как целое не способна быть субъектом исторического действия, масса всегда *объектна* и используется общественными субъектами в своих интересах, которые могут представлять как классовые интересы (частное), так и общечеловеческие приоритеты (общее). В исторической судьбе нашей страны пока частное стало преобладающим над общим. Надолго ли?..

Литература

1. Гегель Г. Наука логики. В 3 т. - М.: Мысль, 1970.
2. Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967.
3. Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1989.
4. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955.
5. Петров А.П. Субстанциональный монизм как диалектика материального и идеального и основополагающий принцип саморазвития реальности. — М.: Издательство «ОнтоПринт», 2020. (ссылка: https://up-stream.moy.su/load/teorija/substancionalnyj_monizm_kak_dialektika_materialnogo_i_idealnogo_i_osnovopolagajushhij_princip_samorazvitija_realnosti/1-1-0-21).
6. Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. - М., 1957.

24.01.2022

Можно ли построить социализм?

(Статья написана для философско-методологического семинара, посвящённого памяти В.И. Ленина, состоявшегося 21.01.2024).

Я хочу представить некоторые соображения к теме конференции «Теоретическое выражение нового общества».

В левой среде периодически возникает полемика о видении и понимании социализма. Можно сделать обобщённый вывод, что определённая часть авторов видит социализм как некий достигнутый уровень общественного развития, характеризуемый определённым набором инвариантных критериев. Есть указанные признаки – есть социализм. Тем самым

социализм предстаёт как состояние, как нечто стабильное.

Другие авторы согласны с трактовкой Маркса, что социализм есть процесс движения от «царства необходимости» к «царству свободы». Однако, при анализе того конкретного общества, которым был Советский Союз, они исходят из своих интеллигибельных представлений о социалистическом обществе – т.е., по сути, из того же набора инвариантных условий. Разумеется, при этом реальность значительно расходится с их абстрактными теоретическими представлениями о некоем истинном социализме и потому реальный советский строй трактуется ими как некая мутация, нечто неистинное, пронизанное превратными формами.

Я буду исходить из видения социализма как движения, процесса, как реализацию принципа, заявленного ещё Гераклитом. Маркс, цитата: «Коммунизм для нас не *состояние,* которое должно быть установлено, не *идеал, с* которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние».

При таком подходе общее – это постоянство движения, особенное – его исторические и актуальные тенденции, единичное (частное) – реальный момент. Поэтому принимать актуальный момент, видимое наличное состояние за нечто окончательно сформированное будет мировоззренческой и методологической ошибкой. Каждый текущий момент следует видеть именно как момент, как звено, связывающее прошлое и будущее, исторически определяемое прошлым и определяющее будущее. Даже если рассматриваемый «момент» в реальной жизни людей занимает несколько десятилетий, то всё равно надо видеть в нём не состояние, а сущность, детерминирующую движение и изменение.

В таком видении период истории, определяемый как социализм, есть, во-первых, часть *общего* исторического движения и, во-вторых, сам внутри себя далеко *не однороден*, поскольку постоянно изменяются его внутренние и внешние противоречия, влияющие на содержание и формы общественных процессов. Другими словами, социализм не нечто однородное, *не состояние*, определяемое раз и навсегда некими установленными критериями, а *движение*, постоянно изменяющееся общество, *содержание и формы* жизнедеятельности которого сменяют друг друга под влиянием изменяющихся *внутренних и внешних* противоречий. И как всякое движение оно осуществляется непрямолинейно и неравномерно под влиянием и объективных, и субъективных факторов.

Даже если авторы, пишущие на эту тему, употребляют термины «общественное движение», «общественный процесс», то обычно это риторическая фраза, за их рассуждениями не видно собственно процесса, всё сводится к набору тех или иных условий «социалистичности», при выполнении которых можно говорить о том, что общество достигло *состояния* социализма. При этом забывается, что каждое конкретное общество имеет свои собственные особенные условия, а потому составить набор частных императивных условий, инвариантный для всех обществ и для всех конкретных условий, вряд ли возможно, слишком много будет исключений.

Что касается вопроса о соотношении социализма и коммунизма, то

поскольку это движение к *определённой цели*, то это *единое* движение, имеющее на разных этапах разные формы и содержание. Выявить такие этапы реального движения можно, анализируя конкретные условия конкретного общества. Однако, такой эмпирический анализ даст выводы, характеризующие конкретное же общество, т.е. как особенное и частное. Но если исходить из фундаментального принципа детерминирования общим особенного и частного, то следует найти это общее детерминирующее начало, инвариантное по отношению к особенному и частному.

Поскольку действительное коммунистическое движение есть движение *телеологическое*, к конкретной цели, то главным критерием будет соответствие движения цели. Таковой целью может быть только сам человек как общественный человек – свободный человек в свободном обществе. Обратимся к Марксу, цель движения: «…Возвращение человека к самому себе, как уничтожение человеческого самоотчуждения… Подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека… …Возвращение человека к самому себе как человеку *общественному,* т. е. человечному».

Т.о. ликвидация всех форм отчуждения человеческой деятельности и присвоение человеком своей сущности (как обществом, так и личностью) – такова цель *действительного* коммунистического движения.

Но это предельно общая, абстрактная формулировка мало что даёт для анализа конкретного этапа движения. Поскольку мы исходим из *принципа детерминирования общим особенного и частного*, то на этом основании можно сформулировать более конкретный критерий.

«Социалистичность» общества определяется не неким набором раз и навсегда установленных определений, а совершенно *объективным* условием – *осуществляется ли действительное движение к доминированию общего над частным, к освобождению человека и присвоению им своих сущностных сил* – в этом *суть действительного коммунистического движения*.

Сформулирую эту генеральную идею несколько в ином виде (но имея ввиду цель движения): этап социализма есть *часть действительного* коммунистического движения с императивным *приоритетом общего над особенным и частным*, но с признанием и реализацией интересов особенного и частного в их обоюдосогласованном сочетании с общим (и задача эта более чем нетривиальная). Остальные аспекты – политические, экономические, культурные и т.д. – представляют собой общественные инструменты достижения главной цели, которые могут способствовать, или же нет, движению к ней.

С учётом того, что коммунистическое движение есть движение телеологическое – к конкретной цели – можно конкретизировать императивные условия *социалистического этапа* общественного *движения*.

Исходное условие – это постановка антропологической цели, а именно – подготовка условий для полного освобождения человека от отчуждения его деятельности и ограничения его развития, как личности, так и как общества (следует подчеркнуть – *подготовка условий*, но ещё не фактическое освобождение человека от всех форм отчуждения).

Что имеет следствием:

- во-первых, - необходимость формирования *новых общественных отношений* и адекватных им институтов, а именно – отношений *общественной* собственности и отношений *общественного* самоуправления;

- во-вторых, - формирование нового, *субъектного*, человека, соответствующего *социалистическим* общественным отношениям, но не внешним ему образом, а *самим человеком* в практике его жизнедеятельности;

- в-третьих, - осуществление не только *направляемого* к поставленной цели, но и *управляемого* движения, реализующего названные условия.

Требование управляемости детерминирует ещё два *императивных* условия без которых ни о каком социалистическом движении не может быть и речи:

- во-первых, - субъект управления, власть, обязана действовать в интересах целого (однако, с учётом особенного – конкретной структуры общества), что означает: 1. *власть политическая и* 2. *власть экономическая должны принадлежать трудящимся*, либо, как минимум, осуществляться от их имени и в их интересах, что, в свою очередь, имеет следствием 1. полную и ничем не ограничиваемую *народную* демократию и 2. господство в экономике *социализированных* форм собственности (на начальном этапе в форме *государственной* собственности с тенденцией перехода к *общенародной* форме собственности и, далее, к упразднению всех форм собственности);

- во-вторых, - условие управляемости движением, означает, что оно осуществляется не случайным образом в постоянном столкновении с изменяющейся реальностью, а в соответствии с пониманием *сущности* происходящих процессов, что требует выработки научного понимания происходящих процессов, т.е. адекватной *теории*, без чего невозможно осмысление действительности и принятие адекватных решений.

В этом отношении показательно апокрифичное заявление Сталина – «Без теории нам смерть».

Разумеется, что каждый этап движения требует постановки, в свете общей цели, своих частных целей и определения условий их достижения. Это то особенное, что определяется постоянно изменяющимися внутренними и внешними противоречиями и делает общее движение непрямолинейным и неравномерным.

Так, например, социализм времён НЭПа сущностно отличается как от социализма времени предшествующего «военного коммунизма», так и последующего периода индустриализации. Последний, в свою очередь, если и имеет некоторые общие черты с периодом послевоенного восстановления, то последующий этап развития социалистического общества в 50-60 годы прошлого столетия есть уже принципиально новый период, на смену которому пришёл другой, к сожалению, дегенеративный этап.

***

Перейду к обобщающим выводам.

Место *социализма в действительном коммунистическом движении* – это место *особенного в общем*.

Социализм – это не некое состояние, рассматриваемое как фиксация общества в определённом *стабильном* состоянии, только по достижении

которого можно двигаться дальше.

Социализм есть часть (особенное) действительного коммунистического движения (общего), которое определяется своими внутренними противоречиями, на которые оказывают деформирующее влияние внешние противоречия (в основном международные отношения). Поскольку внутренние, и тем более, внешние противоречия *постоянно* меняют характер своего протекания и разрешения то, как следствие, весь период *социалистического этапа общего коммунистического движения* представляет собой *постоянно изменяющиеся процессы* в сферах экономики, политики, культуры со своим частным содержанием, целями, задачами и способами их решения, но определяемыми главной целью – освобождением человека от отчуждения его деятельностных сил.

Социализм в каждом своём моменте *разный* как определяемый своими постоянно текучими внутренними и внешними противоречиями, но одновременно и *неизменный*, тождественный самому себе как определяемый конечной целью. В этом его диалектика.

Сказанное позволяет сформулировать также и выводы, характеризующие собственно социализм как *особенный этап общего коммунистического движения*.

Целью именно *социалистического этапа* действительного коммунистического движения является *создание предпосылок для возможности последующего освобождения человека от всех форм отчуждения* и, прежде всего, от отчуждения его сущности как свободно действующей личности.

Сущностью переходного периода (от капиталистических к коммунистическим общественным отношениям) является *подготовка к полному снятию наследия капиталистических экономических (и неэкономических) общественных отношений* путём развития их в новых, социалистических формах.

Экономическое содержание переходного периода заключается в *развитии и доведении до своего предела*[1] *товарно-стоимостных отношений* с целью их последующего снятия в бестоварных и безденежных отношениях.

Социально-политическое содержание переходного периода состоит в императивном развитии общественных институтов и *подготовке перехода от государственной формы управления к общественным формам самоуправления*.

Антропологическое содержание переходного периода заключается в *формировании человека, соответствующего* становящимся (вспомним «становление» Гегеля) *новым общественным отношениям*, но не внешним ему дидактическим способом, а самим человеком в его живой жизнедеятельности, в диалектике бытия и сознания – в практике.

Теоретическое представление социализма как движения, как переходного этапа недвусмысленно указывает на то, что социализм не может быть

[1] Предел следует понимать как исчерпание *всех* возможностей товарно-денежных (товарно-стоимостных) отношений в условиях социалистического производства.

построен как окончательно сформированное общество с некими жестко установленными инвариантными критериями. Это движение должно решить свои конкретные задачи, а именно – используя исторически достающиеся в наследство социальные и экономические формы капитализма ликвидировать принципиально не совместимые с социалистическими принципами и использовать, преобразуя в социалистические общественные формы, те из них, от которых невозможно немедленно отказаться без ущерба для жизнедеятельности общества.

Социалистический этап общественного движения – не конвергенция с прежним, не трансформация прежнего – это смена движения на противоположное – на *движение от частного к общему*. Это смена *сущности* общественного развития и, следовательно содержания и форм. Это непримиримая борьба прошлых форм с новыми, прехождение старого и становление нового. Социализм есть движение от господства отчуждённых форм, – в экономике – частной собственности, в политике – власти класса собственников, – к освобождению человека.

Действительное социалистическое движение есть не что иное как *постоянное преодоление социализма*, не только социализма, понимаемого догматически, как *состояния*, характеризуемого некими неизменными признаками, но и социализма как движения, это *преодоление самого себя*, постоянный выход за собственные границы, это непрерывное движение – только так понимаемый социализм есть *действительный* социализм. Его высшим развитием, завершением будет его снятие, прехождение, уход с исторической сцены.

20.01.2024

О некоторых моментах действительного коммунистического движения[1]

(Статья написана для XX Ильенковских чтений, состоявшихся 19-20.04.2018).

Путь к коммунизму пролегает через ликвидацию эксплуатации человека человеком и главным условием этого выступает уничтожение частной собственности. Но это всего лишь абстрактно-всеобщее условие. Всеобщее, поскольку охватывает собой все условия жизнедеятельности человека и должно быть проведено во всех сферах деятельности, абстрактное, потому что не определяет конкретные условия и формы процесса уничтожения частной собственности – но главное, основополагающее звено уже определено.

Уничтожение частной собственности на средства производства есть

[1] По своему объёму этот текст не отвечает условиям Чтений, но суть вопроса, в общем виде означенного в информационном письме как проблемный - *экономическая теория и теория общественного развития* - не удаётся изложить более сжато. Оставляю на усмотрение организаторов.

естественное не только историческое, но и экономическое движение – непосредственные производители получают в свою собственность продукт, произведённый ими же. Из отношений собственности устраняются лица, не имеющие естественного основания для собственности, которым может быть исключительно непосредственное участие в производительной деятельности. Т.о. в основание неантагонистических отношений собственности закладывается *личное непосредственное* участие людей в производительной деятельности – произведённый продукт и условия его производства принадлежат непосредственным производителям. Поскольку производство носит общественный характер, то и владение продуктом труда также является общественным, всеобщим. (Отсюда косвенный вывод: наиболее близко к социалистическим преобразованиям и обобществлению собственности подошли те страны, в которых достигнуты высокая степень концентрации и централизации производства и обобществления труда. Но возможность перехода к таким преобразованиям, т.е. возможность социальной революции, определяется другими факторами).

Рассмотрим осуществление производственных отношений в условиях уже достигнутого господства общественной формы собственности. Эту «первую фазу коммунистического общества» по устоявшейся традиции далее будем называть социализмом.

Здесь ликвидирована частная собственность на средства производства, но не отношения собственности как таковые – собственность остаётся, но уже в форме общественной собственности. Наличие отношений собственности означает, что есть собственник, которому принадлежат условия производства – орудия производства, труд производителей (трудящихся) и продукт их труда, и этот собственник – всё общество, точнее, все трудящиеся. Что касается первого и последнего факторов, орудий производства и продукта труда, то их положение вполне понятно. Не так просто с собственностью производителей на свой труд.

В производственных отношениях труд представлен в двух своих формах, составляющих противоположные стороны их единства – индивидуальный труд и тот же труд как общественный феномен, как совокупное общественное выражение индивидуального труда, общественный труд. Или, другими словами, один и тот же труд выступает как общественный, если его рассматривать со стороны производства, со стороны процесса и результата, и одновременно как личный, индивидуальный, если его рассматривать со стороны субъекта труда, работника.

Как нетрудно заметить со своей объективной стороны, со стороны производства труд имеет характер производительного труда, создающего новый продукт (и тем самым новую стоимость), а со своей субъективной стороны, со стороны работника труд имеет затратный[1] характер. Объективная, общественная сторона труда предполагает передачу в общее достояние его результатов; субъективная, индивидуальная сторона труда предполагает

[1] Затратный – как затрата, расходование рабочей силы. Производительная сторона личного труда реализуется исключительно в *общественной* форме и потому с субъективной, индивидуальной стороны не рассматривается.

получение вознаграждения за него, т.е. определённую долю из общего продукта.

И первый, и второй аспекты труда представлены в своём результате – в продукте труда, который т.о. представляют обе стороны труда и потому также имеет двойственный характер – общественный, как принадлежащий всему обществу и индивидуальный, как предназначенный в определённой части для личного потребления. Эта двойственность резко усиливается существованием разделения труда, поскольку разные работники производят разные продукты труда и тем самым необходимо существует потребность в обмене этими продуктами. Но в социалистических общественных отношениях этот обмен осуществляется не между частными собственниками и работниками, а между общим фондом продуктов труда в лице государства (которое от имени собственника, общества, осуществляет полномочия собственности) и работниками.

Как видим, при социализме работники всё ещё отчуждены от *непосредственного* участия в управлении общественной собственностью – от имени общества это делает государство в лице органов политической и экономической власти. Но это уже не полное, абсолютное отчуждение и деятельности, и её результатов, как это имело место в отношениях частной собственности, а отчуждение опосредствованное, относительное, в котором опосредствующим органом выступает государство, *обязанное* действовать в интересах всех работников.

Отсюда следует, что *влияние государства на общественные процессы в ходе действительного коммунистического движения не только не ослабевает, но даже усиливается*, и это определяется внутренними условиями движения, его сущностью, переходом от одних общественных отношений, отношений эксплуатации, к другим – отношениям самоуправления.

Последнее означает, что *общество должно овладеть государством*. Данное действие представляет собой постепенную замену опосредствующих (т.е. представляющих общество, действующих от его имени) институтов государственного управления такими органами общественного самоуправления, которые дадут возможность реализовывать волю людей *непосредственно*, а не через стоящие над ними государственные структуры.

Эти противоречивые моменты – фактическое усиление роли государства, и необходимость преодоления государства – представляют собой диалектическое взаимодействие противоположных тенденций, что должно завершиться снятием государства, передачей его функций непосредственно обществу.

Поскольку *формально* все работники всё же являются собственниками средств производства, то они должны и *фактически* участвовать в управлении производством и распределением (иначе невозможно говорить о социалистических отношениях). Если же этого не происходит, то обобществление средств производства не выходит за границы формальности и *отчуждение работников от средств производства только принимает новую форму*.

Но даже если отмеченное отчуждение преодолевается вследствие непосредственного участия работников в отношениях управления и

распределения, то, тем не менее, суть отношений обмена остаётся – это следствие наличия разделения труда, а также существования труда в двух формах (это отмечено выше), что влечёт необходимость эквивалентного обмена затрат труда на вознаграждение.

Однако сами социалистические производственные отношения существенно изменяются. Если в условиях капиталистических общественных отношений работник *продаёт* свою рабочую силу капиталисту, *полностью отчуждает её* (т.е. имеют место отношения обмена между капиталом и трудом), то в условиях социалистических общественных отношениях, определяемых общественной собственностью на средства производства и продукты труда, работник *передаёт* свой труд обществу (т.е. участвует в общем трудовом процессе) и получает от общества его эквивалент в форме продуктов индивидуального потребления.

Но вначале это ещё *формальная* передача труда обществу, поскольку фактически собственником выступает государство и между ним и работниками устанавливаются отношения найма, которые *по форме* выступают как отношения купли-продажи рабочей силы.[1] В сохранении таких отношений на длительный срок таится огромная опасность и действительность подтвердила это. Если работник фактически отчуждён от участия в управлении производством и распределением и т.о. отношения производства и распределения не опосредствованы самими производителями, то без этого реализация социалистических общественных отношений недостижима. А эти отношения имманентно предполагают не только участие работника в производстве, но и активное участие в управлении им и в отношениях распределения – социалистические общественные отношения иными быть не могут. Разумеется, эти отношения не могут быть введены сразу во всём объёме, но тенденция должна быть именно такой и по мере действительного социалистического движения проявляться всё более отчётливо.

Когда же собственником средств производства от имени общества выступает государство (или, что хуже, действительно является собственником), то именно оно в лице правящего слоя будет определять условия производства, а также отношения распределения и потребления. Если такие отношения закрепляются и остаются неизменными длительное время, то в этом случае по отношению к работникам государство начинает выступать как *фактический*, а не формальный собственник средств производства. Соответственно, работники противостоят государству как собственнику и уже не передают свой труд обществу, а со своей стороны выступают как собственники своей рабочей силы и продают её государству в лице его представителей – а это совершенно разные общественные отношения. Отношения отчуждения не только сохраняются, но и становятся тем более нетерпимыми и уродливыми, что политическая власть осуществляется, якобы, от имени и в интересах трудящихся. Идеологические сентенции, что, дескать, собственность является общенародной, а государство только

[1] Именно сохранение *видимости* отношений купли-продажи рабочей силы и даёт повод ряду авторов характеризовать отношения собственности при социализме как форму государственного капитализма.

управляет ею от имени народа, сути дела не меняют, а только скрывают её, доводя указанное противоречие до высокой степени напряжённости, что непременно проявится в форме общественных конфликтов. И чем долее противоречие стагнирует, не разрешается, тем более интенсивными и даже разрушительными становятся конфликты, чему примером события, предшествовавшие разрушению СССР.

Индивидуальный труд, осуществляясь в условиях общественного производства, является основанием, из которого вырастает общественный труд, овеществляющийся в своих результатах – продуктах труда. Общественный труд, в свою очередь, предполагает индивидуальный труд как своё основание, как слияние в производительном процессе индивидуальной деятельности индивидов. Одновременно общественный труд посредством своего результата, продукта труда, делает индивидуальный труд не только необходимым, но и возможным – именно в продукте общественного труда индивидуальный труд находит себе и объект приложения (средства труда), и средство обеспечения жизнедеятельности (предметы потребления). В этом диалектическом тождестве они не только едины, но и различны, противоположны.

Двойственный характер труда как труда одновременно и индивидуального, и общественного имеет следствием и двойственный характер естественных, неантагонистических отношений собственности. Собственность также выступает как одновременно и общая, и индивидуальная. Общественный момент труда в отношениях собственности предстаёт как собственность всего общества на совокупный продукт труда. Индивидуальный момент труда предстаёт как право индивидов на часть общественного продукта в соответствии с количеством и качеством индивидуального труда.

Отмеченное противоречие индивидуального и общественного труда, находит отражение во внутренней противоречивости отношений собственности, которые, в свою очередь, имеют также две стороны, общественную и индивидуальную. Оба отмеченных противоречия являются одними из определяющих внутренних диалектических противоречий социалистического способа производства.

Из них следует, что совокупный общественный продукт как результат общественного труда принадлежит всему обществу. Но одновременно индивидуальный труд даёт право индивидам на получение доли общественного продукта в соответствии с количественными и качественными затратами труда. Общественный момент не позволяет отчуждать результат общественного труда в пользу лиц, не имеющих права собственности, т.е. не участвующих в общественном производстве (мы помним, что правом общей собственности обладают только участники общего труда). Этот же момент предполагает, что индивиды могут реализовать своё право на получение своей трудовой доли только совместно участвуя в производстве и распределении продукта труда.

(Здесь уместно вспомнить трактовку распределения продуктов труда в первой фазе коммунистического общества Марксом: «…Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей

собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам даёт ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. …То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, *господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей* (выделено нами. – А.П.). Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой…

Право производителей пропорционально доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится равной мерой – трудом…

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества»).[1]

Распределение продукта труда неотделимо от отношений собственности на него и осуществляется в полном соответствии с ними. Но поскольку распределению подлежат не только продукты личного потребления, но, прежде всего и главным образом, средства общественного производства и, следовательно, вместе с ними и условия производства, то становится совершенно ясно, что *в условиях господства общественной собственности все индивиды, принимающие участие в общем производстве, не только имеют право, но и должны, даже обязаны, принимать участие в распределении как условий производства (т.е. в управлении собственно производственной деятельностью), так и продуктов труда*. Причём всех без исключения условий и продуктов т.к. все они являются и предпосылкой, и результатом социалистического общественного производства. *Это императивное условие социалистического способа производства*. В высшем своём проявлении участие трудящихся в управлении общей собственностью должно распространяться на все без исключения сферы жизнедеятельности людей. Игнорирование это условия, императивного отношениям общественной собственности, имманентно содержит в себе возможность не только деформации отношений собственности, но и полной ликвидации общественной формы собственности, что и имело место в советской действительности.

В условиях общественных отношений собственности, при социализме,

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, в 50 томах, изд. 2-е. М., 1958, т. 19, с. 18-19.

двойствен сам человек – он и отчуждён от средств производства, и неотчуждён одновременно. По этой причине *общественные отношения в социалистическом обществе значительно усложняются.*

Здесь мы подошли к следующему чрезвычайно важному моменту. Участие в управлении общественным производством и распределением имманентно предполагает высокую компетентность субъектов этих действий, т.е. не только некий минимально необходимый образовательный уровень, но и определённые моральные критерии, ничего общего не имеющие с «фуриями частного интереса». Всё вместе предполагает весьма высокий общий культурный и нравственный уровень трудящихся. И тот чрезвычайно важный момент, о котором сказано выше, диктует *ещё одно императивное условие социалистического строительства – необходимость перманентной культурной революции* (революции по сущности, но по форме – эволюции), т.е. всемерное и нарастающее развитие сферы идеального, только при котором и возможно реальное, а не декларативное участие трудящихся в управлении производством, распределением и шире – всей своей жизнедеятельностью.

При социалистическом способе производства работник как личность должен быть гораздо более универсален, чем работник капиталистического производства, поскольку кроме чисто производственной деятельности, в которой он ещё частичный человек и в таком качестве подобен капиталистическому работнику, ему предстоит выполнять и функции управления собственным трудом как общественным трудом (ведь он часть общества, которому принадлежат средства производства), а этого нет и не может быть в капиталистическом производстве. Ещё не вполне свободный, частично отчуждённый в своей собственно производительной деятельности человек социалистического общества постепенно избавляется от этой отчуждённости по мере участия в общественной деятельности по управлению жизнью общества.[1]

Такой работник уже не будет удовлетворяться той частичной функцией, которую он выполняет в наличном разделении труда. Он будет активно стремиться к полноценной комплексной деятельности, к полному присвоению своей деятельности, к преодолению отчуждения этой деятельности от самого себя. Т.о. отношения общественной, социалистической собственности являются основанием процесса снятия отчуждения человека от собственной деятельности и её результата и без чего невозможно полное освобождение человека.

Но это же стремление к полному освобождению от отчуждения своей деятельности другой своей стороной необходимо должно иметь нарастание негативного потенциала в форме недовольства работников своим актуальным состоянием. И либо общество сумеет положительно использовать этот момент в интересах своего развития, либо этот отрицательный потенциал ослабит само общество. В СССР произошло второе.

[1] К сожалению, именно эта сторона социалистического способа производства и не была реализована в полной мере в советском обществе, что и явилось одной из причин его саморазрушения.

Теперь, основываясь на диалектическом логическом анализе, мы можем вполне обоснованно утверждать, что *социалистическое общество (способ производства) внутренне неизмеримо сложнее капиталистического, поскольку в нём необходимо воспроизводить не только условия жизнедеятельности людей, материальные и идеальные, но и целенаправленно «выращивать» человека, соответствующего этому способу производства, создавая адекватные условия его личностного развития и направляя это развитие.* И сделано это должно быть не внешними силами, а самими участниками общественного процесса над самими собой, что ещё более усложняет задачу.

Об экономической стороне социалистического способа производства.

Господство общей собственности на средства производства исключает возможность обмена продуктами труда как товарами, поскольку нет частных собственников, а есть только один производитель и он же собственник – общество. Т.о. в сфере общественной собственности нет и не может быть обмена продуктами труда как товарами, т.е. с целью получения прибыли, следовательно, не может быть и рынка, функционирующего с этой целью. Но, отметим это ещё раз, только в сфере общественной собственности.

Продукты труда здесь обмениваются между отраслями и предприятиями не как стоимости, а как потребительные стоимости, в натуральной форме. Поэтому планирование и учёт производства ведётся в натуральном выражении. Но поскольку необходимо вести также учёт трудозатрат, то остаётся и прежняя форма учёта – в денежном выражении. Эту исторически возникшую форму учёта количества и качества труда приходится оставить, т.к. пока нет адекватной ей формы непосредственного точного учёта количества и качества труда.

По-иному обстоит дело при обмене индивидуального труда на предметы потребления людей. Поскольку общественному труду, как мы выяснили, противостоит индивидуальный труд, то при реализации личных потребностей людей общественному труду, овеществлённому в общественном продукте и предназначенному на личное потребление, противостоит индивидуальный труд, но уже в форме собственного труда индивида, затраченного в общественном производстве. (Как видим, принцип «от каждого по возможностям, каждому по труду» не пропагандистская выдумка марксистов, а совершенно естественное следствие из двойственного характера труда и общественной собственности при социализме. Но этот принцип ещё отягощён буржуазным правом фактического неравенства[1], при социализме условия для преодоления этого неравенства ещё не сложились,

[1] «…*Равное право* здесь по принципу все ещё является *правом буржуазным,* хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу…

…Это *равное право* в одном отношении все ещё ограничено буржуазными рамками. Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* – трудом.

… Это *равное* право есть неравное право для неравного труда» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, в 50 томах, т. 19, с. 18).

поскольку не преодолены отношения собственности).

Это противоречие общественного и индивидуального труда разрешается в форме сравнения соответствия затрат индивидуального труда работника, количеству общественного труда, содержащемуся в предметах потребления (т.е. по стоимостям). Поскольку иных форм учёта стоимости с количественной и качественной стороны, кроме денежной формы, нет, то именно в этой форме осуществляется его адекватное представление в актах обмена индивидуального труда на общественный. В этих актах первый представлен деньгами (заработная плата), второй – ценами продуктов потребления (потребительных стоимостей). При этом сфера обмена предстаёт как рынок, поскольку обе стороны обмена (индивидуумы и общество) выступают как *обособленные* собственники своего труда, воплощённого в деньгах (индивидуальный труд) и ценах (общественный труд). Пройдя отношения рыночного обмена предметы потребления переходят в личную собственность индивидов как следствие отчуждения своей доли индивидуального труда из совокупного общественного труда (ещё раз процитируем Маркса: «Здесь… господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей»).

Т.о. существование рыночных отношений при социалистическом способе производства является совершенно необходимым следствием не только разделения труда, но, главным образом, двойственности труда, его существования в разных формах – общественной и индивидуальной. Отсюда следует вывод, что рынок предметов потребления будет существовать в продолжение существования двойственности труда как индивидуального и общественного, поскольку в этих условиях общественному труду необходимо будет противостоять индивидуальный труд. Следовательно, сфера производства предметов потребления (даже находясь в общественной собственности) обречена реализовывать свой продукт по законам рынка и, как следствие, рыночные законы будут распространять своё действие и на их производство.

Т.о. хотя и в ограниченной сфере, но в социалистических общественных отношениях сохраняется действие закона стоимости и, следовательно, сопутствующих феноменов (прибыли, конкуренции, распределения «по труду», т.е. обмена и т.п.). Однако уже в новой форме – не стихийно, а под полным контролем общества, причём это должен быть именно научный контроль, т.е. теоретически и институционально оформленный, а не случайный, либо псевдонаучный, на основании только эмпирических данных. Как видим, социалистические отношения – это гораздо более глубокие и сложные общественные отношения, что необходимо должно найти отражение *во всех общественных институтах*. Если не учитывать этого обстоятельства, то негативные процессы в сфере обмена предметов потребления неизбежны, а это, в свою очередь, отразится на сфере их производства и, как следствие, на всём обществе.

Главным образом по этой причине, а также при недостаточно развитых производительных силах, рынок предметов потребления будет подвержен практически всем коллизиям капиталистического рынка, которые, правда,

могут быть значительно смягчены, но не устранены полностью, регулирующим вмешательством государства.

Сказанное выше в отношении сферы производства предметов потребления относится только к обмену общественного труда на индивидуальный. Обмен же в сфере отношений общественной собственности (общественного труда на общественный), т.е. обмен этой отрасли на продукты отрасли производства средств производства, будет происходить в натуральной форме, как это отмечалось ранее, но с обязательным учётом трудозатрат.

Кроме общественной формы собственности при социализме существует коллективная форма собственности (колхозная, кооперативная), а также некоторые формы частной собственности (индивидуальная, групповая). Разумеется, что предприятия этих форм собственности обменивают свои продукты как между собой, так и с предприятиями общественной формы собственности посредством рыночных отношений, поскольку они представляют разных собственников. Здесь действуют законы рынка, регулируемого при социализме государством. И не учитывать этот рынок (либо подавлять его), значит создавать помехи движению товаров и реализации потребностей людей.

Наш анализ даёт возможность сделать также следующий вывод. Поскольку сфера производства предметов потребления огромную часть своего продукта обменивает на рынке, противостоя индивидуальному труду как совокупной заработной плате индивидов, то целесообразно в интересах обеспечения максимальной гибкости этой отрасли часть её (возможно, существенную) передать в коллективную и частную собственность (в основном те предприятия, которые выпускают продукцию преимущественно индивидуального потребления).

Тем самым все риски рыночных отношений лягут на этих собственников, а не на предприятия общественной формы собственности. Да и регулирование объёмов производства и цен будет определяться реальными материальными факторами – соотношением потребностей индивидов и их возможностей, представленных заработной платой, а также соотношением совокупной заработной платы и суммы потребительских цен. Такое саморегулирование позволит избежать как всеобщего дефицита, так и выпуска продукции, не находящей спроса. Разумеется, что также должно иметь место государственное регулирование, не допускающее получения сверхприбыли.

К тому же, частные собственники, действуя в своих частных интересах, гибко реагируя на изменяющуюся конъюнктуру рынка, будут привлекать временно свободную рабочую силу и неиспользуемые материальные ресурсы, что в итоге скажется на повышении экономической эффективности всего общества.

Предприятия общественной формы собственности в той части, где они выпускают предметы потребления, также будут включены в рыночные отношения и в этой части также должны действовать по законам рынка. А именно – не только получать в этой части прибыль, но и нести убытки в случае, если их продукция не имеет спроса. Общество в лице государства не должно покрывать их убытки от рыночной деятельности, но

одновременно должно и разрешить свободно действовать в части рыночных отношений.

Что касается возможности допуска коллективной или частной собственности в сфере производства средств производства, то это целесообразно только в ограниченных пределах – в случаях, когда необходимо быстро, пусть и в ущерб чисто экономическим показателям, развернуть производство новой эффективной техники, либо освоить новые технологические процессы. Определяющим здесь является соотношение общественных потребностей в получении новых производств и возможностей общественной сферы производства по их созданию. При недостатке последних и стоит привлекать частных производителей. Но не более, поскольку частное производство стремиться к получению возможно большей прибыли и её продукция, используемая в сфере общественного производства, ощутимо увеличит стоимость основных фондов и, следовательно, стоимость продуктов производства. Решающим критерием в этом случае становится превышение экономической выгоды от более раннего применения новых машин и технологий над возможной выгодой в случае их более позднего применения – и это должно стать предметом средне- и долгосрочного государственного планирования.

Следует сказать и ещё об одном чрезвычайно важном обстоятельстве – речь идёт о возможности *реализации творческой активности людей в форме их самодеятельности*. В планируемые процессы производства такую самодеятельность включить весьма проблематично, поэтому следует разрешить её реализацию в форме частной (и смешанной, частно-государственной) инициативы, предпринимательства. Не секрет, что для истинно творческих людей меркантильная сторона дела стоит не на первом месте, уступая возможности реализации своего творческого потенциала, этот момент и следует всячески поддерживать.

Как видим, социалистический способ производства двойствен по своей сути – он допускает (более того, это необходимое его условие) и товарное (обособленных производителей), и нетоварное (непосредственно-общественное) производство при доминирующей и всё возрастающей роли последнего. Без господства же общенародной собственности на средства производства (которой от имени народа управляет государство – и это ещё один источник противоречий социализма) невозможен социализм как таковой. В части товарного производства и обмена неизбежно действие, пусть и ослабленное влиянием социалистического государства, законов капиталистического производства – это необходимое следствие двойственного характера труда и форм собственности.

Поэтому следует постоянно помнить, что двойственность труда и наличие отношений коллективной и частной собственности неизбежно будет *постоянно воспроизводить соответствующие формы сознания*, как индивидуального, так и группового, классового сознания – сознания, в основе своей несоциалистического. Будучи объективной реальностью такое сознание непременно станет оказывать влияние на социалистические формы общественного и индивидуального сознания и полностью нейтрализовать его воздействие не удастся.

Частный, казалось бы, вопрос о возможности и целесообразности рыночных отношений при социализме высветил проблемы общего характера, имеющие отношение и к материальному, и к идеальному моментам социалистического способа производства.

Движение к коммунизму следует рассматривать не в аспекте возможности и допустимости рыночных отношений в его первой фазе, это частный и преходящий момент, а в аспекте целенаправленного создания нового человека (но не внешним к нему способом, а самим же человеком в его развитии), причём в неразрывном взаимодействии с созданием новых материальных и идеальных условий его жизнедеятельности – это взаимозависимые и взаимоопределяющие моменты.

Недостаточный уровень общей культуры, отсутствие привычки к самоуправлению или, другими словами, неразвитость адекватных социалистическому способу жизни форм индивидуального и общественного сознания, на выработку которых потребуется определённое историческое время, ещё долгое время после взятия власти трудящимися будет определять формы общественных институтов.

По этой причине в первой фазе переходного процесса неизбежна значительная роль государства, как силы, организующей движение общества и, как следствие этого, необходимость наличия социального слоя, действующего на основании научно познаваемой действительности – доминирующей политической партии.

По мере развития социалистических отношений самоуправление должно стать формой жизнедеятельности общества, как минимум равноправной с государственными органами при сохранении государства и его функций. Постепенно потребность в партии как носителе нового сознания снижается, поскольку культурный уровень людей и новые формы общественного сознания позволяют осуществлять самоуправление в самых широких пределах. Но остаётся необходимость в научно-философском осмыслении процессов жизнедеятельности общества как процессов диалектического развития, поэтому сохраняется необходимость существования авангардного слоя, в какой форме – покажет действительность.

Динамика форм координации жизнедеятельности общества в течение переходного периода от капитализма к коммунизму должна будет пройти ряд фаз: доминирование государственных форм – равнозначность государственных и общественных форм – доминирование общественных форм.

И только при полном доминировании народного самоуправления над государственными формами можно будет говорить о возможности становления коммунистических общественных отношений – в этом случае решающими факторами становятся развитие производительных сил и общий культурный уровень общества.

О возможности действительного коммунистического движения в отдельной стране.[1]

[1] Эта проблема в существующей литературе формулируется как вопрос о возможности построения социализма в отдельной стране, что принципиально

Нельзя обойти молчанием и такой вопрос, как возможность построения социализма и коммунизма в стране, находящейся в капиталистическом окружении.

Затрагивая вопрос о соотношении *внутренних* диалектических общественных противоречий и противоречий *внешнего* к обществу характера можно сделать предварительный вывод, что поскольку внутренние противоречия являются *основным* механизмом развития общества, то внешние противоречия будут оказывать на внутренние деформирующее воздействие, но отменить их не могут. Следствием этого вывода является то, что принципиальных возражений против возможности строительства социалистических общественных отношений в стране, находящейся в капиталистическом окружении, не существует, поскольку развитие общества осуществляется в соответствии с внутренними движущими противоречиями.

В отношении рассматриваемой возможности это означает, что для организации противодействия внешнему давлению государственные формы управления обществом будут сохранять свою необходимость в течение всего периода существования капиталистического окружения (и даже шире – пока существуют другие государства, независимо от их общественной формы). Как следствие, значительная часть материальных ресурсов общества будет направляться на обеспечение его безопасности, плюс к этому формы общественного самоуправления вынуждены будут приспосабливаться к такой ситуации, т.е. развиваться с определённой задержкой, неполнотой и, скорее всего, в формах, не всегда адекватных «чистому» социализму. Тем не менее, внешнее противодействие не является препятствием для совершенствования социалистических общественных отношений. Даже в этих обстоятельствах искусственно тормозить и, тем более, останавливать их развитие будет смерти подобно, что было убедительно доказано судьбой советского проекта. Либо неуклонное, пусть и медленное, непостоянное, извилистое движение вперёд, либо остановка и неизбежная гибель социалистического способа жизнедеятельности.

Ещё одним выводом, естественно следующим из факта наличия внешних противоречий, является необходимость максимально возможного уменьшения их воздействия, что имеет следствием проведение политики определённой автаркии[1] в отношении капиталистического окружения (имеется ввиду «старый», западный капитализм) и одновременно предельную активность внешней политики, направленной на формирование зон влияния, а затем и блока дружественных государств, относящихся к

неверно. Социализм *не состояние*, а период общего коммунистического *движения,* – этап этого движения как постоянное снятие существующих и возникновение новых внутренних противоречий, – и потому социализм не может быть построен раз и навсегда, он должен рассматриваться только как постоянно изменяющееся общество. Именно в таком контексте идёт речь о социализме в данном тексте.

[1] Разумная автаркия в экономической и политической сферах позволит максимально уменьшить негативное влияние стран капиталистического «центра» на внутренние процессы в социалистическом государстве (другими словами, максимально ослабить деформирующее воздействие внешних противоречий на развитие и разрешение противоречий внутренних).

периферии капитализма, и создание в них своим примером и действием условий для перехода к социалистическому пути развития.

Что касается возможности становления коммунистических общественных отношений в отдельной стране, то совершенно ясно, что при описанных условиях «отмирание» государства и переход к исключительно общественному самоуправлению невозможны. Но отсюда и ещё один вывод – необходимым условием существования и развития социалистического государства и общества является их высокая международная активность в создании условий перехода к социалистическим общественным отношениям в других странах, а именно – политика автаркии по отношению к странам капиталистического «центра» (с одновременным противодействием их агрессивности) и политика сближения и, в перспективе, интеграции по отношению к странам капиталистической периферии. Условия интеграции должны определяться, разумеется, социалистическими тенденциями, которые следует активно формировать во внешней социалистическому государству среде. При этом следует внимательно анализировать все тенденции внутреннего развития стран капиталистического центра (они непременно будут меняться по мере усиления социалистического государства) с тем, чтобы использовать их при проведении своей внешней политики.

В заключение особо подчеркнём, что, говоря о социализме и коммунизме, акцент следует делать не на противопоставлении их друг другу как неких резко отличных отдельных общественных форм, а на том, что это *тождественные этапы единого, цельного движения - коммунистического движения*. Здесь главное, общее – это их тождественность как единое движение к снятию отчуждения человека и его полному освобождению. Пресловутое же сущностное различие, как граница, их определяющая и т.о. ставящая во взаимное отрицание – это особенное, причём именно то особенное, посредством которого они детерминируются общим.

Список литературы:
Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, в 50 томах, изд. 2-е. М., 1958.

15.03.2018

К вопросу о социализации (О статье Д.Б. Эпштейна)

(Опубликовано на сайте движения «Альтернативы»).

Несколько слов по поводу статьи Д.Б. Эпштейна «Социализация капитализма: потенциал и пределы», напечатанной в журнале Альтернативы (№ 1, 2020).

События последних даже не месяцев, а недель самым убедительным образом продемонстрировали явную неспособность существующей капиталистической общественной модели не то, чтобы двигаться вперёд, но даже поддерживать status quo. А значит назрел момент, чтобы заглянуть за

ближайший горизонт событий и постараться увидеть, что же ждёт нас за очередным историческим поворотом, по всем признакам стремительно приближающимся.

Разумеется, это слишком объёмная тема и автор совершенно обоснованно ограничился только одним аспектом – выяснением, возникают ли в отживающей свой век формации начала новых общественных отношений и какие именно, выбрав из широкого спектра отношений лишь один феномен – фактор социализации.

Автор справедливо пишет, что «значение термина социализация не является общепринятым». Беглый обзор источников показывает, что феномен социализации рассматривается в них почти исключительно односторонне – только со стороны единичного, индивида, как его приспособительная реакция на жизненные условия, как встраивание в существующие общественные отношения. Но диалектический анализ общественных процессов *необходимо* требует всякое единичное и особенное рассматривать внутри общего, – поскольку вне общего единичное и особенное не существуют, – во всей полноте связей и взаимовлиянии как общего на единичное и особенное, так и ответного воздействия единичного и особенного на общее – это неразделимые стороны противоречивого общественного развития.

Отметив, что в некоторых работах «социализация отождествляется с появлением и прогрессом ростков и элементов социализма» автор, на наш взгляд, совершенно обоснованно резюмирует, что «целесообразно отделять процессы социализации от процессов превращения в социализм».

Мы солидарны, в принципе, с видением автора – «*Социализация* капитализма…, то есть усиление его общественного характера, *означает все большее развитие взаимосвязей, взаимозависимостей между всеми субъектами общественного производства* (выделено нами. – А.П.) и подчинение его развития интересам общества как противоречивого целого».

Но, будучи согласны с автором в том, что процесс социализации формирует взаимосвязи между общественными субъектами, мы не можем согласиться с таким ограниченным видением этого гораздо более многосложного явления.

Процессы социализации полностью соответствуют принципам диалектического развития, в котором общее, детерминируя особенное и единичное, одновременно изменяется под воздействием последних, пронизывают всё общество, вовлекая в свою сферу не только индивидов и их группы, но и воздействуют на общество, изменяя его как целое. В этом движении все его стороны взаимозависимы и потому изменчивы.

Со стороны единичного и особенного (индивидов и их сообществ – групп, коллективов) процессы социализации предстают как воздействие на них общего (общества в целом) таким образом, чтобы эти элементы восприняли наличные условия общественной жизнедеятельности и вписались в существующий общественный порядок. Общество как целое детерминирует процесс социализации (по крайне мере пытается) по своим существующим правилам и именно в соответствии с ними происходит

обобществление индивидов[1].

Но социализация индивидов далеко не однозначный и не однонаправленный процесс. Каждый индивид (и, тем более, их сообщества) в принципе такой же *субъект* общественного развития, как и общество в целом, разница только в их масштабности и в том, что несоциализированные индивиды субъектны пока в потенции. Социализация же легитимирует *потенциальную* субъектность социализируемых индивидов, превращая её в *объективную* и вполне *реальную* общественную функцию (другое дело, что далеко не все это осознают и действуют субъектно).

Таким образом, не только общество оказывает детерминирующее воздействие на социализацию индивидов и их сообществ, но и последние, обладая качествами субъектности, изменяют общество уже хотя бы самим фактом своего включения в общество и даже более – тем, что они начинают *действовать* в обществе, стараясь изменить условия жизни (и, стало быть, общество) в соответствии со своими интересами.

Результатом процессов социализации является возникновение взаимосвязей между индивидами и обществом, а также появление новых общественных структур (имеются ввиду неформальные структуры, но которые вполне могут развиться в общественно значимые институты, например, партии).

Даже при том, что возможности общества в целом и его частей далеко не равны, общество как целое и его социализируемые части находятся в постоянном диалектическом взаимодействии обоюдно влияя и изменяя друг друга.

Резюмируем. *Социализация* – это общественный феномен, имеющий, как и все общественные феномены, диалектический характер и состоящий во взаимосвязанных и взаимовлияющих процессах обобществления (соединения) индивидов и их сообществ в целое, и, одновременно, изменения целого под влиянием процессов обобществления. Процессы социализации структурируют общество, создавая и развивая связи между общественными субъектами[2], устанавливая таким образом диалектическое взаимодействие между ними в котором целое (общество) детерминирует свои части, одновременно изменяясь под воздействием динамичных частей.

Т.о. процессы социализации воздействуют не только на индивидов и их сообщества, вводя их в общественное пространство, но одновременно и на общество как целое, которое изменяется в ходе социализации индивидов и их сообществ.

Эти взаимоопределяющие процессы, начавшись на заре возникновения человеческого общества, являются одними из основополагающих процессов его развития и, в силу своего всеобщего характера, не могут быть

[1] Далее при упоминании индивидов имеются ввиду также и их сообщества.

[2] Тот факт, что общество в целом в отношении своих частей или части в ходе взаимодействия между собой могут вступать в отношения типа объект-субъект, не изменяет принципиального положения, что с точки зрения процессов социализации равнозначными общественными субъектами являются как общество в целом, так и его части – индивиды и их сообщества.

сводимы только к одной из общественных форм. И потому излишне упоминание автором в понятии социализации общественной формы (у автора – капитализма) – социализация феномен всеобщий, а не особенный. Что касается изменения сущности процесса социализации в направлении повышения общественных приоритетов за счёт изживания частнособственнических инстинктов, то это зависит от общественной формы, поскольку является функцией правящего слоя и, шире, правящих классов.

Процесс социализации является одним из фундаментальных факторов становления общества (становления в гегелевском смысле), установление же приоритета общих интересов над частными (или наоборот) есть функция политической надстройки, т.е. полностью определяется общественной формой. А потому речь следует вести не о социализации капитализма (он и так социализируется, т.е. подвержен процессам «развития взаимосвязей» как имманентным процессам), а о необходимости изменении самого общественного строя, что единственно и позволит повлиять на сущность процессов социализации, изменив их тенденцию с частнособственнической на коллективистскую[1].

Вернёмся к статье. Автор акцентирует «усиление общественного характера» социализации. Что он имеет ввиду? Если *развитие* (и, следовательно, усложнение) общества и, соответственно, внутриобщественных связей («развитие взаимосвязей, взаимозависимостей»), то это одно. Если изменение *сущности* процессов социализации, а именно – усиление общественнических тенденций за счёт редукции частнособственнических («подчинение… развития интересам общества»), то это совершенно другое.

Первое, как отмечалось, есть функция самого процесса социализации, его *внутренняя* интенция. Второе – функция политических институтов общества, детерминируемая формой общественного строя и выступающая в отношении процесса социализации как внешний фактор, способный, однако, изменить тенденции процессов социализации.

Другими словами, процесс социализации как общественный феномен есть *атрибут* общественного развития, действующий во всех формах обществ. Но направления, формы, тенденции процессов социализации зависят от наличных общественных отношений, общественного строя и детерминируются (частично стихийно, частично целенаправленно) властвующим слоем, т.е. в значительной степени зависят от его субъективных интересов.

Следовательно, если говорить о необходимости изменения тенденций социализации, то речь следует вести не столько о собственно социализации как объективном процессе формирования общества, сколько о смене сущности общественного строя. Последнее означает, что радикальное изменение содержания процессов социализации в направлении повышения приоритетов общего перед частным возможна только со сменой властвующего субъекта как класса.

Но поскольку, как мы говорили, социализирующиеся индивиды и их

[1] Вернее, на коммунистическую в том смысле, который вкладывал в это понятие Маркс.

сообщества самим своим вхождением в общество также вносят новые веяния и тенденции, то ростки новых общественных отношений совершенно закономерно возникают в недрах старого, но занять главенствующее место они могут только с приходом к власти нового класса.

Мы согласны с мнением автора, что «эти ростки лишь в том случае можно рассматривать как реальные ростки социализма, когда они подрывают две такие определяющие характеристики капитализма как господство капиталистической частной собственности и политическое господство крупного капитала». Причём ключевым моментом, фактически императивным условием, считаем необходимость оттеснения капитала во всех его формах от политических функций.

Но вот видение автором конкретных моментов и условий социализации, способствующих появлению новых общественных тенденций, вызывает возражения.

Для выявления логики движения от наличного состояния к намеченной цели автор обращается к определению социализма. В его видении «социализм – это общество, являющееся переходным от капитализма к полному коммунизму и базирующееся экономически на общественной собственности на средства производства (но допускающее многообразие форм собственности)…» - далее идут частности.

На наш взгляд такой подход методологически неверен. Социализм на каждом этапе общественного развития разный! Социализм времени НЭПа совершенно отличен от социализма военного коммунизма, а социализм периода индустриализации от социализма 60-70-х годов прошлого века.

В данном же случае имеем слишком частное определение, загромождённое ненужными деталями. Не определение социализма как таковое является ключевым моментом, а то, происходит ли *действительное движение* к полному освобождению человека от всех форм отчуждения.

Следует раз навсегда отказаться от т.н. социальных стандартов и определений социализма посредством материальных и иных факторов, относящихся к житейским условиям.

Главное - *движение к освобождению* человека от всех форм отчуждения его деятельности. Цель - полностью *свободная деятельность* человека и как индивида, и как общества.

Всё остальное – материальные и идеальные условия жизнедеятельности – функция саморазвития общества. Они будут непрерывно совершенствоваться в силу диалектичности процесса общественного саморазвития как постоянного разрешения противоречия между возможностями и потребностями.

Именно поставленная цель определяет характер движения. Целью же этой является полное освобождение человека от всех форм отчуждения, прежде всего и главным образом от отчуждения его деятельности от него самого – Маркс глядел очень глубоко, формулируя эту цель.

Социализм – этап *движения* к полному освобождению человека. И потому в соответствии с целью движения возможно наметить только принципиальные положения, способствующие этому движению, константы, постоянные факторы, действующие в течение всего движения.

Целью социалистического этапа действительного коммунистического движения является *создание предпосылок для возможности последующего освобождения человека от всех форм отчуждения* и, прежде всего, от отчуждения его сущности как свободно действующей личности.

Сущностью этого переходного периода (от капиталистических к коммунистическим общественным отношениям) является *подготовка к полному снятию капиталистических экономических и иных общественных отношений* путём развития их в новых, *социалистических* формах.

Экономическое содержание переходного периода заключается в *развитии и доведении до своего предела товарно-стоимостных отношений* с целью их последующего снятия в бестоварных и безденежных отношениях.

Социально-политическое содержание переходного периода состоит в неуклонном развитии общественных институтов и постепенном *переходе от государственной формы управления к общественной форме самоуправления* и *формировании человека*, соответствующего новым общественным отношениям.

Излишняя детализация в общем определении совершенно не нужна, она только затемняет главные, принципиальные положения и отвлекает внимание на второстепенные вопросы. Конкретные действия в каждой из перечисленных сфер должны определяться и уточняться по мере общего движения, в каждой его конкретной фазе, которые будут отличаться одна от другой весьма значительно, что подтверждается нашей историей.

То же можно сказать и об определении автором коммунизма. Всё те же набившие оскомину «высокий уровень развития производительных сил, от каждого по способностям – каждому по потребностям, благосостояние» и пр. и только в конце главное – свободное развитие всех. Не будем останавливаться на этом пункте.

Обратимся к тому, что же автор в актуальных процессах социализации видит как ростки социализма.

Сразу бросается в глаза, что мало какие из почти трёх десятков перечисленных пунктов соответствуют тому определению социализации, которое автор привёл в начале статьи – а именно «развитию взаимосвязей, взаимозависимостей между субъектами общественного производства».

Исходя из нашего видения процессов социализации к росткам социализма, а, вернее, к социалистическим тенденциям, следует отнести такие общественные процессы и тенденции, которые способствуют:

- увеличению степени свободы человека;
- повышению возможностей общественной самоорганизации;
- повышению политических, экономических и культурных возможностей трудящихся и росту их потенции и как индивидов, и как класса;
- повышению активности масс;
- возможности влияния на общественные процессы, прежде всего на власть;
- развитию человека нравственно, интеллектуально, эмоционально, культурно;
- как итог – создают потенции для смены общественного строя.

То же, что перечислил автор в качестве процессов социализации и ростков социализма, представляет собой бессистемный и довольно эклектичный набор, в основном, благих пожеланий в котором теряются немногие действительно необходимые действия.

Отметим ещё несколько моментов, которые представляются нам интересными. Так, автор считает парадоксом капитализма, что «при повышающейся социальности (общественной взаимосвязанности и взаимозависимости) он, тем не менее, усиливает атомизацию индивидуумов на основе все большей дифференциации общественного производства и социальной жизни».

Дифференциация общества – это, прежде всего, возникновение новых видов деятельности, что влечёт за собой появление новых групп людей, занятых ею. Другая, диалектически связанная с ней, сторона дифференциации – социализация как необходимость участия в общественной жизнедеятельность людей, занятых новыми видами деятельности. Эти процессы ведут не к атомизации общества, а, напротив, к появлению новых структур и новых взаимосвязей. То же, что имеет ввиду автор, определяя это явление как дифференциацию, известно как феномен отчуждения. В данном случае отчуждения от общественной жизни, от влияния на свою жизнедеятельность.

Оспорим ещё одно утверждение автора, в котором он ведёт речь об экономических и политических пределах социализации, которые капитализм постарается не допустить. Правда, из контекста ясно, что имеются ввиду, скорее, не пределы социализации, а те общественные отношения и, соответственно, оформляющие их институты, которые капитал использует для воздействия на общество в интересах сохранения своего доминирования.

Автор указывает на господство частной собственности, конкурентные отношения, неравенство доходов и использование политических институтов для сохранения власти капитала.

При том, что названные моменты способствуют удержанию власти капиталом, главная причина его силы заключается в другом явлении.

Ещё Грамши писал о феномене *общественной гегемонии*. Согласно Грамши, власть господствующего класса держится не столько на *насилии*, сколько на *согласии* подчинённых классов. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия, Грамши называет *гегемонией*. Более того, гегемония предполагает не просто согласие, но благожелательное (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Только насилием такого состояния не добиться. Гегемония достигается непреходящим воздействием на подчинённые классы прежде всего и главным образом в сфере идеального – в политике, идеологии, культуре и т.п. Только в этом случае – распространяя на всё общество своё мировоззрение – господствующий класс способен сохранить положение гегемона.

Разумеется, что материальные возможности, предоставляемые присваиваемым общественным продуктом, позволяют господствующему классу применять весьма широкий спектр мер воздействия, в том числе, далеко не в последнюю очередь, насилие. Однако, исключительно возможностями

материального воздействия власть надолго удержать невозможно – необходимо и ментальное согласие подчинённых классов. По этой причине сфера идеального, в первую очередь мировоззренческие и идеологические установки, и является приоритетной сферой воздействия на подчинённые классы со стороны правящего класса.

Капитал стремится достигать классовой гегемонии в формах:

- культурной гегемонии, насаждая обуржуазивающие формы культуры, прежде всего в гносеологической сфере (философия, политэкономия);
- идеологической гегемонии, навязывая обществу идеологию, оправдывающую существующие общественные формы, прежде всего формы собственности и власти (управляемой демократии);
- политической гегемонии, подавляя противодействующие политические силы;
- экономической гегемонии посредством тотального доминирования финансового и монополистического капитала.

Поскольку именно классовая гегемония является главным фактором удержания власти капиталом то *те процессы социализации, которые подрывают гегемонию капитала и являются прогрессивными общественными тенденциями*. Выше мы уже отмечали основные социалистические тенденции, которые способствуют повышению степени *субъектности* подавляемых классов.

Но молчаливо надеяться на то, что действие этих тенденций само по себе приведёт к эволюционной смене существующего строя не только наивно, но и деморализующе. Такая позиция обезоруживает подавляемые классы, обрекая их на слепое следование потоку событий.

Мы заканчиваем наш экскурс в тему социализации указанием на второй момент, который должен учитываться при анализе процессов социализации, *объективных* в своей сути – это диалектическое дополнение в форме *субъективного* воздействия на социализацию. Без активного, *действующего* общественного субъекта процессы развития стагнируют, сменяясь, в конце концов, процессами застоя и, далее, разложения общества.

К кардинальным, революционным общественным изменениям могут привести только действия масс – здесь движущей силой являются *социальные* субъекты, представляющие собой общественные классы. Но подчинённые классы, не обладающие *адекватным* классовым сознанием, классы, не осознающие своих истинных интересов как потребности полного освобождения от отчуждения своей деятельности, будут плестись в хвосте событий, подчиняясь идеологии, навязываемой классом-гегемоном.

Следовательно, необходим такой общественный субъект, который способен воздействовать на подавляемые классы, пробудить их волю к действию, вырабатывая и внося в класс адекватное классовое сознание. Соответственно задачам в центре внимания этого субъекта должны находиться формулирование классовой идеологии и организация действий класса по установлению *своей* классовой гегемонии и смене общественного строя. Таким *политическим* субъектом может быть партия (союз партий), действующая в интересах подавляемых классов. (Изложенное здесь является кратким резюме работ Г. Лукача «История и классовое сознание.

Исследования по марксистской диалектике» и В.И. Ленина «Что делать»).

В современной России есть, с позволения сказать, политические партии. Но есть ли политический субъект – это вопрос, увы, риторический. В назревающей критической ситуации инициативу снова попытаются перехватить политические силы, выдвинутые крупным капиталом. Задача момента – создание такого политического субъекта и развёртывание его активных действий.

01.05.2020

О стоимости, о социализме

(Статья направлена в адрес главного редактора журнала «Вопросы политической экономии»).

Уважаемый Александр Владимирович!

Откликаясь на любезные предложения о сотрудничестве с журналом «Вопросы политической экономии», сделанные Вами на страницах журнала и на Ильенковских чтениях, позволю себе предложить Вашему вниманию материалы, в которых понимание затронутых проблем несколько отличается от принятых трактовок, в том числе и Вашим журналом, судя по его публикациям.

Материалы не предполагаются к печати, это изложение личной позиции, попытка устранить пробелы в методологии анализа затронутых проблем и привлечь к внимание к необходимости их более тщательного и глубокого анализа.

Остаюсь Вашим внимательным и потому пристрастным читателем.

С уважением…

К вопросу о стоимости

Несмотря на более чем солидный возраст этой категории, тема стоимости остаётся более проблемой, нежели решением, что подтверждается, в том числе, и публикациями журнала ВПЭ, в которых, практически в каждом номере, авторы постоянно возвращаются к проблеме стоимости, когда обиняками, косвенно, а когда и довольно основательно, с обильными доводами. Встречаются и вовсе экзотические варианты.

Пожалуй, не имеет смысла приводить мнение разных авторов по этой проблеме, это заняло бы слишком много места и времени, поэтому перейду сразу к делу.

В любой проблеме следует выявить главное звено и за него вытащить всю цепь, вряд ли можно оспорить эту мысль классика. Таковым звеном в научном анализе может быть только такое, которое позволит охватить проблему целиком, выявить в ней общее, сущностную сторону и на этом основании увидеть движение целого и его особенные и частные формы. Другими словами, проблему следует решать прежде всего в общем виде, на

уровне сущностного понимания, а это, главным образом, философское видение как методологическое основание и уже затем анализ частного и форм его проявления.

Обратимся к нашей теме. Трудно сказать, по какой причине сотни исследователей вот уже полторы сотни лет так старательно продолжают игнорировать ремарку Маркса, что «в стоимость не входит *ни одного атома вещества природы* (курсив мой)»[1]. К мнению Маркса о невещественности стоимости можно присовокупить видение этой категории Лениным: «*стоимость* есть категория, которая… лишена вещества чувственности».[2] Другими словами, стоимость идеальна.

Из этого следует совершенно закономерный вывод, что, не поняв *сущности идеального* невозможно понять *сущность стоимости*, и это можно сделать только посредством философской рефлексии, соответствующей уровню основного вопроса философии. Следовательно, речь может идти только о решении вопроса соотношения материального и идеального и, значит, о выявлении сущности идеального, поскольку о материальном имеется общепринятое мнение, оспоривать которого здесь не будем. При этом идеальное должно быть понято с позиций материализма, как *диалектически тождественное* материальному – одновременно и отличное от него и нераздельное с ним, как «своё иное» (Гегель).

Слава богу (да простится мне этот поклон) эта проблема в общем виде решена Э.В. Ильенковым. Именно он из всех исследователей новейшего времени наиболее глубоко видел проблему идеального именно как *гносеологическую диалектическую* проблему.

Согласно Э.В. Ильенкову «под “идеальностью” или “идеальным” материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта…».[3]

Т.е. *идеальное* есть *представление* одного материального объекта в другом. В данном случае в одном материальном объекте идеально *снят* (представлен) другой материальный объект, а именно, представлена сущность, природа, закон существования этого другого объекта.

И далее, идеальное «Это форма вещи, но вне этой вещи, и именно, в деятельности человека, как форма этой деятельности. Или, наоборот, форма деятельности человека, но вне этого человека, как форма вещи».[4] Здесь идеальное понимается уже более расширенно – не только как представление одной вещи в другой вещи, но и как *представление в вещи деятельности* человека по её созданию (об идеальном как *форме вещи в деятельности* человека говорить не будем, поскольку это отвлечёт от

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 56.
[2] *Ленин В.И.* ПСС. - Т. 29. С. 154.
[3] *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Логос, № 1. – М., 2009. С. 13.
[4] Там же. С. 42.

основной темы).

Резюмируем – интересующее нас идеальное есть *представление*, *снятие* деятельности человека в вещи, создаваемой этой деятельностью.

Невозможно, говоря о сущности идеального, обойти вниманием философа, чей авторитет среди исследователей, причисляющих себя к диалектикам, весьма высок. Возьмём же, согласно совету М.А. Лифшица, у него урок.

«Снятие (Aufheben) и *снятое* (*идеальное* – ideelle[1]) – одно из важнейших понятий философии, одно из главных определений, которое встречается решительно всюду и смысл которого следует точно понять и в особенности отличать от ничто. – Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто. …Снятое… есть нечто *опосредствованное:* оно не-сущее, но как *результат,* имевший своим исходным пунктом некоторое бытие, поэтому оно *еще* имеет *в себе определенность, от которой оно происходит.*

Aufheben имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец.*

…Таким образом, снятое есть в то же время и сохранённое, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено.

…Нечто снято лишь постольку, поскольку оно вступило в единство со своей противоположностью; для него, взятого в этом более точном определении как нечто рефлектированное, подходит название *момента».*[2]

Переведём эти положения с «идеального» языка Гегеля на язык объективной реальности, держась в границах предложенной концепции идеального.

Материальные процессы, т.е. процессы, протекающие с участием материальных объектов, имеют итогом новое состояние объекта, т.е. не только изменённую материальную форму, но и то, что стоит, так сказать, за «спиной» полученного результата – это история самого процесса, который детерминирует свойства, качества материального объекта и уже тем самым косвенно представлен в нём через его качественные определения, хотя и не идентичен им.

Эта история есть не что иное, как материальный процесс изменения материального же объекта, детерминирующий его количественно-качественные определения (свойства, сущность, закон возникновения и развития) и *снятый* в наличном состоянии этого объекта. Материальный процесс, снятый (представленный) в своём конечном результате и определяющий свойства материального объекта, и есть *идеальное как иная сторона материального*, его противоположность, но противоположность как «своё иное» (хоть и *иное*, но всё-таки *своё*).

---

[1] Гегель недвусмысленно разделяет идеальное как совершенное и идеальное как снятое, смысл которого им далее разъясняется («Ideale имеет более определённое значение (прекрасного и того, что к нему относится), чем Ideelle…». *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 168).

[2] Там же. В качестве частного вывода можно отметить, что «идея» и «идеальность» для Гегеля понятия не вполне идентичные.

Т.о. *идеальное есть материальный процесс движения (изменения, развития) материального объекта, снятый (представленный) в полученном результате, т.е. в материальном же объекте (в наличном, актуальном материальном), в его форме, качествах, свойствах. Идеальное есть сущность материального.*

Идеальное диалектически двойственно. Оно есть момент, сторона *конкретного* материального процесса, снимаемая в наличном результате и как таковое оно особенное и конечное (ограниченное в форме конечного конкретного материального). И оно же есть *сущность*, *принцип, понятие* этого процесса и в таком качестве всеобщее и бесконечное. Такое идеальное столь же объективно как и материальное, и неотделимо от него, как, впрочем, и материальное от идеального.

Поскольку идеальное есть снятие процесса движения, то *в основании* (источнике) *идеального находятся не вещи, предметы, а процессы, действие*. Основание идеального – это материальное, но не как фиксированная, застывшая вещь, предмет, а как движение, процесс.

Вещь же содержит в себе идеальное исключительно потому, что она является итогом, результатом какого-либо материального процесса. Вещь (предмет, объект) в данном случае можно назвать основой (или материальной основой), в которой представлено её собственное идеальное.

Поскольку каждая вещь есть результат исключительно её собственного процесса возникновения, то идеальное каждой единичной вещи уникально, даже если множество подобных вещей возникли как результаты идентичных процессов. Как таковое идеальное единичной вещи представляет в наличном вещественном, материальном, только её собственное вещественное «прошлое» и потому особенно и единично.

Но как феномен реальности, свойственный *всем* объектам реальности, идеальное всеобще.[1]

Теперь, для выявления соотношения идеального и стоимости, обратимся к Марксу: «Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они – продукты труда». А в этом качестве «от них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех *призрачной предметности* (курсив мой), простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости».[2] «То общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость».[3] «В стоимости товара *представлен* (курсив мой)

---

[1] Прав был М.А. Лифшиц – «…идеальное есть во всем, оно есть и в материальном бытии и в сознании, оно есть и в обществе и в природе, или же его нет нигде» (*Лифшиц М.А*. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 74).

[2] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. - Т. 23. С. 46.

[3] Там же. С. 47.

просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще».[1]

Т.о. стоимость есть *представление* в товаре человеческого труда, который по своей сути есть не что иное, как деятельность (процесс труда) по изготовлению продукта труда. Другими словами, *стоимость – это снятый в продукте труда процесс труда как целенаправленной деятельности по изменению предмета труда.* И в такой форме стоимость имеет характер «призрачной предметности» – т.е. она в наличии, в продукте труда (в предмете), но одновременно не вещественна, не материальна (призрачна) – она *снимает в себе* материальный процесс.

Но это не что иное, как идеальное, исследованное Э.В. Ильенковым. Т.о. *стоимость как снятие в продукте труда процесса его создания есть идеальная сторона (момент) материального предмета (продукта труда)*.

Но есть ещё одна сторона стоимости, детерминируемая не только процессом производства товара, т.е. собственно производственными отношениями, но и последующими отношениями обмена. По Марксу «Товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства – человеческого труда, …их *стоимость имеет поэтому чисто общественный характер*, …и проявляться она может лишь *в общественном отношении одного товара к другому* (курсив мной)».[2]

В этом последнем утверждении о стоимости как стороне, сути *общественного отношения* Маркс ощутимо отходит от предыдущего определения стоимости как просто «затраты человеческой рабочей силы». Это явно неоднозначные понятия, – понятие стоимости как стороны общественного отношения явно шире понятия только человеческого труда, – ведь *стоимость как общественное отношение* может включать и иные факторы, кроме собственно человеческого труда как затраты рабочей силы. Т.о. *стоимость формируется не только затратами труда, но и общественными отношениями*.

Есть ещё одно обстоятельство, на которое нельзя не обратить внимания. Понимание стоимости как результата «расходования простой рабочей силы» в основу стоимости кладёт не *реальный объективный материальный процесс изменения предмета труда в соответствии с законами природы* и приспособление его к человеческим потребностям, а *физиологические кондиции* человека, его способность к труду, возможность выполнять ту или иную работу.

Так, по Марксу, разные виды деятельности «представляют собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле — один и тот же человеческий труд».[3] «Всякий труд есть …расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров».[4] Т.о. *материализм сведён к*

[1] Там же. С. 53.
[2] Там же. С. 56.
[3] Там же. С. 53.
[4] Там же. С. 55.

физиологизму. Надо проделать обратную операцию, чтобы прийти к верному пониманию.

С этой точки зрения достаточно выделить как форму стоимости ту часть идеального, которая определяется собственно человеческой деятельностью, но деятельностью, понимаемой не как затраты *только* рабочей силы, а как *комплексной деятельностью* по изменению формы предмета труда и созданию продукта труда, в которой участвуют *все* факторы производства.

Главное в создании продукта труда и, соответственно, образовании стоимости, это не *субъективный* фактор в форме расходования сил человека в трудовом процессе, а сам трудовой процесс *в целом* как совершенно *объективное* обстоятельство, а именно – собственно изменение предмета труда, производимое в соответствии с объективными природными законами – процесс приведения вещества природы в соответствие с человеческими потребностями, придание ему потребительных качеств, потребительной стоимости.

Именно сам *процесс изменения предмета труда в целом* с учётом законов природы, создавая потребительную стоимость, является основой стоимости, а не только один из его факторов – собственно труд как затрата человеческих сил. И этот процесс определяется *объективными* природными факторами, к которым человек прикладывает свои *субъективные* способности и возможности.

Учитывая целостность процесса создания продукта труда можно сказать, что потребительная стоимость (собственно продукт труда) и стоимость (процесс создания продукта труда, снятый, представленный в идеальной форме) не внешни, не безразличны друг другу, а напротив, они представляют активную созидательную деятельность человека, которая связывает воедино стороны продукта труда – потребительную стоимость и стоимость, снимая (соединяя) их в продукте труда.[1] И хотя «…стоимости… не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости»[2] они связаны процессом их создания напрочь. Это единство *материального*, продукта труда, и *идеального*, снятия процесса его создания и представления в продукте, есть следствие *диалектичности* объективной реальности – тождественности, нераздельности при различии её материальной и идеальной сторон (моментов) каждая из которых является «своим иным» другой. (Обобщая этот вывод на всю действительность нетрудно видеть, что объективная реальность в таком диалектическом процессе предстаёт как саморазвивающаяся *субстанция*, соединяющая в себе *субстанциональный монизм* Спинозы как диалектическое тождество материального и идеального (у Спинозы протяжённость и мышление) и принцип саморазвития посредством движения и снятия *внутреннего* противоречия Гегеля. Но не будем

[1] К слову, по нашему мнению, то, что принято именовать «потребительной стоимостью» целесообразно называть «потребительной ценностью», что, во-первых, полностью соответствует понятию предмета и, во-вторых, снимает ненужные ассоциации с собственно «стоимостью», *сущностно* отличной от «потребительной ценности».

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 23. С. 46.

множить сущности без надобности для нашего анализа).

В результате *стоимость как снятие (представление в продукте труда) процесса создания самого продукта труда* – потребительной стоимости – отражает не только затраты физических сил человека, не только расходование простой рабочей силы, как это представляет Маркс, но и *весь комплекс* факторов, участвующих в создании продукта труда – познанные законы природы, знание и умение человека, сложность и продолжительность труда, применяемые орудия и приёмы труда (технологии), т.е. с точки зрения капиталистического производства – *капитал в целом*. Именно как такая комплексная величина стоимость и предстаёт при сопоставлении обмениваемых товаров. В *реальном* обмене речь *всегда* идёт о такой обобщённой стоимости, а не о затратах только рабочей силы. Такое понимание стоимости снимает известное противоречие между 1 и 3 томами «Капитала». (Здесь же отметим, что именно непрояснённость понятия идеального стала причиной введения Марксом понятия абстрактного труда, призванного оправдать возникновение стоимости: абстрактное (абстрактный труд) создаёт абстрактное (стоимость) – идеальное, а конкретное (конкретный труд) создаёт конкретное (потребительную стоимость, вещь) – материальное).

Осталось рассмотреть сущностное различие между *стоимостью* и *меновой стоимостью*. Это различие вызвано разрывом, сменой одних общественных отношений – собственно *производственных*, другими – отношениями *обмена*. В этой точке происходит *качественное* изменение движения продукта труда – завершен процесс его создания (становления) и начинается процесс его потребления (прехождения), соответственно должна измениться и форма стоимости и предстать в форме, опосредствующей стороны создания и потребления.

В *отношениях обмена* стоимость предстаёт уже в форме *меновой стоимости* – т.е. *формы стоимости*, которая определяется уже не исключительно факторами производства, но на которую влияют также *общественные отношения обмена*, в которые она вступает. *Меновая стоимость определяется уже не исключительно условиями производства, а всем комплексом общественных отношений в процессе обмена*, где сталкиваются, противостоят друг другу не только две стороны производственного процесса – процесс создания стоимости (стоимость как вновь созданная стоимость) и процесс восстановления стоимости (стоимость как произведённые затраты, как издержки производства), но и отношения, выявляющие *соответствие друг другу общественных потребностей и общественных возможностей*.

В простых, казалось бы, общественных действиях, – производстве продуктов труда и последующем обмене ими, – мы видим теснейшее и сложнейшее переплетение и взаимовлияние всех отношений – производственных, общественных и т.д., которые в своей основе являются материально-идеальными, т.е. диалектическими.

Следует ещё раз упомянуть о различии стоимости и меновой стоимости – стоимость *создаётся* в процессе *производства*, меновая стоимость *реализуется* в процессе *обмена* и как таковая количественно представлена в

форме *цены*.

Стоимость представляет собой *завершённый* процесс создания продукта труда и потому она как атрибут уже завершённой вещи *неизменяема*. Форма продукта труда, представленная потребительной стоимостью, и её содержание – стоимость, находятся во взаимном соответствии. Стоимость может быть изменена только как следствие изменения *формы* вещи в новом производственном процессе. По завершении процесса труда стоимость предстаёт как сугубо объективная категория, как выражение завершённого объективного материального производственного процесса.

Но продукт труда должен быть потреблён и потому отношения *производства* перетекают в отношения *распределения* и затем *потребления*, которые прежде опосредствуются отношениями *обмена*. В отношениях обмена выявляется *общественная необходимость* продукта труда – в них стоимость, созданная в производстве, рефлексируется с точки зрения её полезности (необходимости) для потребления.

Есть и другая сторона отношений обмена – для их осуществления стоимость должна быть выражена *количественно*. Но стоимость как идеальное не может быть непосредственно выражено количественно, это возможно только в отношении материального.[1]

По указанным причинам стоимость императивно, т.е. абсолютно необходимо, должна совершить *движение от идеальной формы к форме материальной*. Но такое движение невозможно осуществить *непосредственно*, и потому в общественных отношениях обмена естественно возникает *опосредствующая форма стоимости – меновая стоимость*, которая затем материализуется в *цене* и таким образом может быть выражена количественно. *Меновая стоимость* как опосредствующая идеальное (стоимость) и материальное (цену) *есть* т.о. *превращённая форма стоимости*. В свою очередь *цена* есть превращённая форма *меновой* стоимости.

Каким же образом и почему совершается метаморфоз стоимости в меновую стоимость и затем в цену?

Отношения обмена есть диалектические отношения двух сторон – не только производства, но и потребления (диалектичность заключается в том, что противоположные стороны в отношениях обмена составляют диалектическое противоречие, т.е. они невозможны друг без друга, влияют друг на друга, перетекают друг в друга – и в этом единстве в различии представляют собой тождество). В них со стороны отношений потребления на экономическую сцену выходит другой императив – *потребность* общества в определённых продуктах. С точки зрения потребления продукт труда рассматривается только как некая полезность для потребителя, его интересуют вполне конкретные качества продукта. Как следствие, в отношениях обмена *материальная* форма продукта труда предстаёт в форме, соответствующей *интересам потребления* – в форме *потребительной* стоимости.

[1] Этот вывод самым убедительным образом свидетельствует о бесплодности попыток разных исследователей (например, П. Сраффы) найти абсолютную меру стоимости. Такая мера – как улыбка Чеширского кота – при любой попытке представить её в количественной форме будет неизменно ускользать.

Т.о. *потребительная стоимость* представляет собой конкретную материальную форму продукта труда, способную удовлетворить конкретные потребности потребления – это уже императив *со стороны потребления*.

Другими словами, не всё, что произведено, может быть затребовано обществом и потреблено. А значит и затраченный труд может потребоваться лишь частично, либо и вовсе пропасть втуне. Соответственно, общество согласно признать только *часть* стоимости, представленной в продукте труда. Возможна и противоположная ситуация, когда потребности превышают возможности по их удовлетворению. В этом случае сторона потребления может позволить себе компенсировать больше стоимости, чем её представлено в продукте труда.

Но ведь стоимость, как логически выведено выше, есть категория объективная и неизменная при неизменной форме продукта труда. Следовательно, в обмене, в том случае если не затребован весь произведённый продукт (или, напротив, его требуется больше, чем произведено), – т.е. в случаях, когда *нарушается условие эквивалентности стоимостей*, – она не может быть представлена *непосредственно* самой собой. По этой причине стоимость меняет свою форму и в обмене предстаёт *опосредствованно* – в своей превращённой форме, как *меновая* стоимость – как *часть стоимости*, *соответствующая потребностям* общества. Это значит, что в зависимости от соотношения потребностей и возможностей (в конкретном акте обмена – спроса и предложения) меновая стоимость может быть как ниже, так и выше стоимости, созданной в производстве. *Меновая стоимость* выражает согласие общества принять (или не принять) стоимость, созданную в производстве, и тем самым она представляет *общественно необходимые затраты* (о которых говорил Маркс), на которые общество согласно пойти.

Как следствие влияния отношений обмена *материальная* форма продукта труда (а это сам продукт как вещь) в обмене предстаёт в своей превращённой форме – в форме *потребительной* стоимости. Одновременно *идеальная* форма продукта труда (стоимость) предстаёт в обмене в своей превращённой форме – в форме *меновой* стоимости.

Означает ли сказанное выше, что меновая стоимость, в отличие от стоимости, субъективна. В единичных актах обмена, в которых тон задаёт сиюминутная игра *спроса и предложения*, действует масса преходящих субъективных моментов и в такой форме меновая стоимость *субъективна*.

Но в гносеологическом рассмотрении, в котором принимаются во внимание только фундаментальные факторы, такие как соотношение *общественных возможностей* и *общественных потребностей*, в которых учитываются совокупные возможности и потребности общества как целого (а как таковые они имеют совершенно объективный характер), то меновая стоимость предстаёт уже как *объективный* общественный феномен.

В итоге получается, что диспропорции и искажения, вносимые отношениями обмена в процесс взаимодействия производства и потребления общества, вызваны объективными, в своём основании, процессами и факторами. Возникает парадоксальная ситуация – вполне *объективные* сами по себе отношения производства и потребления *в пункте своего*

взаимодействия, в обмене, перманентно воспроизводят *необъективность*, выражающуюся в неэквивалентности конкретных актов обмена, и только общая оценка всей совокупности актов обмена позволяет говорить об эквивалентности обмена в отношении общества, взятого как целое.

Отмеченная парадоксальность вызвана тем обстоятельством, что объективные возможности *производства, отделённого от потребления,* не соответствуют объективным же потребностям *потребления, отделённого от производства*, и согласование производства и потребления путём обмена *необходимо* вносит в обмен элемент необъективности, которая (необъективность) влияет, как мы убедились, на обе стороны. В этом и состоит объяснение выявленного парадокса: *необъективность* обмена вызвана *объективными* общественными обстоятельствами, – наличием отношений обмена самих по себе как объективной данности, – и потому также объективна, т.е. *неустранима в рамках отношений обмена.*

Данный феномен, – несовпадение объективных возможностей производства с не менее объективными потребностями потребления, – в масштабах всего общества есть причина глубоко онтологическая, по которой вполне объективная стоимость *необходимо* должна перейти в свою превращённую форму – не менее объективную меновую стоимость. И причина эта гораздо более фундаментальная, чем указанная выше – а именно, потребность в количественном выражении стоимости. Переходя на язык математики можно сказать, что первая причина (несовпадение возможностей и потребностей) есть условие необходимое, а вторая – условие достаточное.

Итак, *меновая стоимость есть результат согласования возможностей и потребностей, спроса и предложения*, она вариативна, относительна, изменяема в зависимости от указанных факторов.

В этом противоречии стоимости и меновой стоимости вскрывается их общность и их различие. Совпадение стоимости и меновой стоимости возможно только случайно при наличии определённых условий обмена. Поскольку основу меновой стоимости составляет стоимость, созданная в процессе производства, то совершенно обоснованно Маркс называет меновую стоимость *превращённой формой* стоимости.

Меновая стоимость есть не что иное, как превращённая форма стоимости, созданной в процессе производства. В отличие от стоимости *на меновую стоимость влияют также общественные отношения обмена* как соотношение общественных потребностей и общественных возможностей. Меновая стоимость количественно представлена в отношениях обмена ценой.

От стоимости мы перешли к меновой стоимости, которая может быть в интересах обмена количественно представлена в цене. Но количественность есть характеристика, атрибут материального и потому за представлением меновой стоимости, её ценой, всегда стоит *материальный носитель* – золото, деньги, активы и т.п. Этот носитель меновой стоимости, всеобщий товар, в общественном отношении имеет только одну форму идеального – стоимость как таковую, всеобщую стоимость, предстающую в форме меновой стоимости, и с материальной стороны выражает её

количественно.[1]

Что касается количественной оценки стоимости в интересах обмена, то она исторически происходила не в абсолютной, а в относительной форме при сопоставлении товаров в бесчисленных актах обмена. Основой для количественного сравнения товаров в процессе обмена выступает превращённая форма стоимости – меновая стоимость.

Меновая стоимость, хотя и имеет своим основанием стоимость, тем не менее, в конечном итоге определяется общественными отношениями в форме соотнесения общественных потребностей и возможностей (вот и проявилась сторона стоимости, о которой говорилось ранее – её взаимосвязь с общественными отношениями), т.е. в ней учитывается не только эффективность производительной деятельности человека с точки зрения производимых им затрат,[2] но и (в первую очередь) соответствие этих затрат общественным потребностям.[3]

В итоге *меновая стоимость, имея основанием стоимость, созданную в производстве, предстаёт как результат согласования общественных потребностей и общественных возможностей и представляет собой ту часть стоимости, которая соответствует «общественно необходимым затратам труда»*, о которых говорил Маркс.

В реальности меновая стоимость может быть как меньше стоимости, созданной в производстве, так и превышать её в зависимости от соотношения

---

[1] Т.к. главным назначением золота было представление идеального, стоимости, то его вещественная сторона должна была удовлетворять преимущественно одному комплексному условию – удобству действий с ним. Естественно, что со временем золото было заменено более удобным (и дешёвым) знаком стоимости – бумажными деньгами, которые длительное время только физически заменяли золото, фактически оставаясь его представителем, и могли быть обменены на него. Отмена впоследствии золотого содержания бумажных денег стала *качественным* изменением в сущности эквивалента стоимости и содержании актов обмена, имевшим огромные последствия, но это иная тема. Мы являемся свидетелями очередной трансформации эквивалента стоимости – переходом его в виртуальную форму т.н. электронных денег. При этом на долю материальной составляющей эквивалента стоимости остаётся только его представление в форме *знака*, числа. В этой виртуальной форме денег их связь с реальностью практически полностью потеряна – и с идеальной стороны, где связь с трудовой деятельностью разорвана, и с материальной стороны, как фактически полным отсутствием вещественного носителя эквивалента. Подготовка к полной отмене денег фактически завершена, дело за «малым» – изменением общественных отношений и значительным повышением производства до уровня «по потребностям».

[2] Из одинаковых потребительных стоимостей будет реализована та, которая произведена с меньшими затратами и потому имеет меньшую стоимость и, как следствие, меньшую цену.

[3] «…Потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 25. Ч. 2. С. 186). Другими словами, предпосылкой меновой стоимости является не стоимость, а потребительная стоимость, т.е. потребность в товаре, а это уже не что иное, как детерминирование меновой стоимости общественными отношениями, а не исключительно затратами труда.

общественных возможностей и потребностей, которые выступают в конкретных формах в отношениях спроса и предложения.

Отмеченная сторона жизнедеятельности человека – *соответствие производства и его эффективности общественным потребностям* – носит *всеобщий* характер независимо от общественных форм и общественных отношений (до-капиталистических, капиталистических, социалистических и любых иных) в которых она проявляется и которые имеют характер особенного. В анализе общественных форм ни в коем случае нельзя пренебрегать характером детерминирующего влияния общего на особенное и единичное.

Хотя стороны обмена субъективно видят в товарах, прежде всего, понесённые на их изготовление затраты, но объективно эти затраты отражают собственно материальные процессы изготовления продуктов труда, их сложность и длительность. Т.о. отношения обмена полностью отражают двойственную сущность товара как продукта труда, как результата объективно-субъективного процесса создания стоимости и осуществления затрат. По этой причине характер отношений обмена также носит объективно-субъективный характер – субъекты этих отношений вынуждены учитывать вполне объективные факторы.

Остановимся ещё на одном вопросе. Выше мы говорили о соотношении меновой стоимости и цены. Рассмотрим последнюю категорию более подробно с точки зрения соотнесения в ней материального и идеального моментов.

Стоимость, как мы выяснили, есть идеальное, представленное, снятый процесс. Но это предельно абстрактное определение. В материальной жизни людей стоимость должна получить выражение также и в материальной форме, чтобы сделать возможным обмен продуктами труда соответственно их эквивалентам, и это действительно так – в общественных отношениях стоимость предстаёт в двух формах – материальной и идеальной, соответственно продукту труда, предстающему как субстанциональное единство материального и идеального.

Непосредственно в продукте труда стоимость предстаёт в материальной форме как собственно продукт труда (как *воплощённая* в продукте деятельность, труд), и в идеальной форме, как *представленная* в продукте деятельность.

Соответственно этим двум формам стоимости в общественных отношениях она также предстаёт в двух формах отношений. Во-первых, через *материальные отношения* как непосредственные отношения обмена – в этой форме отношений стоимость может быть представлена только в материальном виде как товар и его эквивалент, деньги. Во-вторых, через *сознание* субъектов этих отношений, через общественные отношения в идеальной форме, т.е. отношения, опосредствуемые сознанием – здесь стоимость предстаёт в идеальной форме, внутри отношений, опосредствуемых сознанием.

Эти формы отношений являются носителями стоимости в человеческих отношениях. Их посредством через соотнесение материального, товара и денег, соотносятся две идеальные формы – стоимость, представленная в

товаре и стоимость, якобы представляемая деньгами.

«Якобы» здесь сказано с полным основанием – ведь фактическая стоимость денег, т.е. стоимость их изготовления, никого не интересует. В отношениях обмена деньги *наделяются* совершенно иным содержанием, а именно тем же идеальным, которое представлено в продуктах труда – стоимостью как таковой, безотносительно к материальной форме товара.

Т.о. деньги как вполне материальная вещь своим материальным основанием, совершенно ничтожным с точки зрения обмена, представляют всеобщее содержание товаров – стоимость. Поскольку любая материальная вещь может быть выражена количественно, то деньги *опосредствованно* количественно выражают то, что не может быть *непосредственно* выражено количественно в принципе – идеальное, стоимость. Именно на долю денег выпадает сомнительная честь осуществлять в человеческих отношениях извращённое, на первый взгляд, действие по выражению идеального в количественном виде – стоимость, идеальное, представить как число и, т.о., как нечто материальное.

Но это извращённое, казалось бы, представление является единственно возможным, которое способно поставить отношения обмена как отношения обмена материальных предметов, на совершенно объективную почву – на возможность количественного определения стоимости – и тем самым объективировать отношения обмена, где бы они ни происходили и какие бы товары в них ни участвовали.

И именно потому, что деньги представляют не собственную стоимость, а стоимость других вещей, их стоимость является фиктивной, не связанной с собственно деньгами внутренним соотношением, отчуждённой от своей материальной формы, и на этом основании не только может быть представлена количественно количеством самих денег, но и подвергаться постоянному нарушению пропорциональности между количеством денег и представленной в них стоимостью.

Стоимость в своей превращённой форме – меновой стоимости, количественно представленной деньгами, есть уже *цена* товара. Т.о. в материальных отношениях обмена получает вполне *материальное выражение идеальная сторона стоимости*, но уже в материальной форме – в форме цены. Подчеркнём – *цена есть количественное и тем самым материальное выражение меновой стоимости, которая, в свою очередь, есть идеальное представление стоимости, человеческой деятельности, труда*. Но не будем забывать, что цена представляет стоимость опосредствованно и потому, как таковая, совпадает со стоимостью только случайно, и только пройдя через отношения обмена.

Далее, поскольку в отношениях обмена, представленных своей идеальной стороной – в сознании – цена предстаёт как нечто воображаемое, как психический феномен, то её ошибочно принимают за идеальную форму стоимости, хотя идеальное невозможно определить количественно, в отличие от цены. Цена всегда связывается только с её материальным выражением, только с одной вещью – деньгами, золотом или иным представителем стоимости. Стоимость существует во всех продуктах труда. И когда идеальное, стоимость товара, представляют в форме его цены, то это всегда

есть представление некоего количества некоего эквивалента (денег и т.п.), т.е. вполне материальное представление.

Т.о. стоимость, идеальное, пройдя процесс опосредствования человеческими общественными отношениями, как отношений одновременно и идеальных, и материальных, предстаёт в итоге в своей превращённой материальной форме, форме денег, чьим идеальным она и становится. Теперь отчуждённое и независимое материальное – деньги – несёт в себе (хотя и фиктивно) идеальное содержание продукта труда, стоимость, и приобретает способность связывать *всё* многообразие продуктов труда в *одном* отношении обмена. При этом происходит ещё одно превращение – деньги, материальное, будучи выражены в сознании в идеальных отношениях через своё численное представление, получают тем самым способность представать в идеальной форме, что приводит к ошибочному выводу, что цена есть идеальное выражение стоимости, тогда как по существу это превращённая материальная форма стоимости, к тому же фиктивная.[1]

***

Видение процесса создания стоимости, изложенное выше, несколько отличается от воззрений Маркса. В качестве резюме коротко укажем на различия в понимании проблемы стоимости между представлениями трудовой теории стоимости и предлагаемой концепции.

С точки зрения трудовой теории стоимость есть труд, т.е. созидательная человеческая деятельность, представленная (воплощённая) в продукте труда. В таком качестве стоимость идеальна.[2] Т.о. источником стоимости является *исключительно* живой труд (т.е. деятельность рабочей силы) как создающий *новую* стоимость и, вследствие этого, также и прибавочную стоимость. Соответственно этому представлению капитал, представляющий рабочую силу, возрастает, изменяется на величину прибавочной

---

[1] Деньги – особенная вещь, они могут существовать *только в общественных отношениях*. Деньги – в полном соответствии с субстанциональной действительностью – предстают в двух качествах в зависимости от своей роли в процессе функционирования.

Деньги предстают своей *идеальной* стороной, когда они выступают как представитель стоимости, как всеобщий эквивалент. Деньги предстают своей *материальной* стороной, когда они выступают как *количественное* выражение чего-то (цены, товара), – т.е. когда за ними стоит конкретное количество конкретного товара (в т.ч. самих денег, если они выступают в роли товара), когда они представляют собой некую количественную меру, связанную с конкретным продуктом.

Деньги как *идеальное* выступают в качестве *всеобщего*, поскольку предстают как всеобщий эквивалент. Деньги как *материальное* выступают в качестве *единичного*, поскольку опосредствуют собой конкретное количество конкретного товара.

Обе ипостаси денег неразрывны в своём различии (т.е. тождественны) и наличествуют в деньгах имманентно, представая то одной, то другой стороной в зависимости от функции денег в процессе их оборота.

[2] «…Человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 60); «…в стоимость… не входит ни одного атома вещества природы» (Там же. С. 56).

стоимости и потому является *переменным* капиталом. Остальные факторы производства – предметы труда (сырьё, полуфабрикаты) и орудия труда – свою стоимость не изменяют и являются *постоянным* капиталом. С точки зрения издержек производства их стоимость формируется за счёт переноса полной стоимости переменного капитала и вхождения той части стоимости постоянного капитала, которая представляет сырьё и полуфабрикаты (в этой форме это оборотный капитал), а также за счёт переноса части стоимости (соответствующей износу) постоянного капитала (основной капитал). Но, исходя из положений трудовой теории стоимости, невозможно объяснить источник прибавочной стоимости (и вообще новой стоимости) при отсутствии переменного капитала, который представлен рабочей силой, живым трудом, а ведь создание полностью автоматизированных производств не за горами. Есть вопросы и в отношении тенденции нормы прибыли к понижению.

В предлагаемой трактовке стоимости как идеального представления материального процесса материальное и идеальное диалектически связаны, т.е. неразрывны, тождественны и любому изменению материального сопутствует соответствующее изменение идеального. При этом идеальное есть представление, снятие в материальном процесса его изменения. Т.о. все факторы, изменяющие материальное, тем самым участвуют в изменении идеального, другими словами – в создании нового идеального. В создании продуктов труда активное участие принимают человек и применяемые им орудия труда (и, разумеется, знание), тем самым именно эти факторы, изменяя форму предмета труда (материального), одновременно изменяют (создают новое) идеальное. Процесс изменения предмета труда, представленный, снятый в продукте труда и есть не что иное, как стоимость. В таком качестве она отличается от представлений трудовой теории стоимости только участием в её создании орудий труда. По аналогии с трудовой теорией переменным капиталом, создающим стоимость, будет капитал, представляющий рабочую силу и орудия труда, постоянным же – капитал, представляющий сырьё и полуфабрикаты. (Здесь и ранее ничего не сказано о капитале, представляющем здания, сооружения и инфраструктуру производства. Устраняя эту лакуну следует отметить, что эта форма капитала создаёт *условия* производства, т.о. участвуя в нём в пассивной форме и со стороны издержек производства переносит свою стоимость на продукт труда частями, пропорциональными сроку службу, т.е. аналогично орудиям труда). С точки зрения предлагаемого подхода капитал, участвующий в создании новой стоимости, следует называть *активным* капиталом (капитал, представляющий рабочую силу и орудия труда), а капитал, предоставляющий материал для предметов труда и создающий условия её создания – *пассивным* капиталом (капитал, представляющий сырьё и полуфабрикаты и инфраструктуру). В отношении формирования издержек производства имеется полная аналогия с трудовой теорией стоимости. Такая точка зрения позволяет дать ответ об источнике новой и прибавочной стоимости при полном отсутствии рабочей силы (живого труда), например, в условиях автоматизированного производства, и, более того, указывает на путь, следуя которым, человек может полностью выйти из сферы

производства как его объект, технологическая деталь и, тем самым, ликвидировать свою частичность, о которой говорил Маркс, а также отчуждение своей деятельности, которая всё ещё является следствием экономической необходимости.

Отличие между двумя рассматриваемыми представлениями, на первый взгляд, небольшое – предлагаемый подход логически выявил сущность стоимости и необходимость принятия во внимание активной роли орудий труда в процессе создания продуктов труда и, соответственно, стоимости. Но это различие имеет глубоко принципиальный характер и существенно корректирует выводы Маркса относительно сущности стоимости и прибавочной стоимости и, в итоге, о нормах стоимости и прибыли.

Где же исток такого вывода Маркса? «Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они – продукты труда».[1] В таком представлении имманентно уже содержится возможность ошибочного толкования многогранной трудовой деятельности, в которой задействованы *все* факторы производства, только как исключительно человеческого, живого труда и эта недоговорённость становится фактом, ошибкой, когда Маркс далее, не исследуя собственно процесса изменения предмета труда с учётом *всех* составляющих этого процесса, априори признаёт, что «все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости – товарные стоимости». После этого не остаётся ничего иного, как не замечать активной роли орудий труда в создании стоимости.

Правда, у Маркса мелькнула мысль о возможности полной замены человека в производственном процессе машинами (т.е. полной автоматизации производства), но дальнейшего развития не получила.[2] И понятно, почему – в том конкретном историческом времени не было возможности предвидеть такое развитие науки и производительных сил.

Маркс сделал огромный шаг вперёд в исследовании сущности стоимости, фактически приняв гегелевскую трактовку идеального как снятия процесса изменения материального, но, остановившись на полдороге, не завершил полного исследования процесса создания стоимости, не проанализировав роли *всех* факторов, принимающих участие в создании продукта труда.

***

Очевидно, следует сказать несколько слов о существующих теориях стоимости. Авторы этих теорий исследуют сущность стоимости не с точки зрения единства материального и идеального, а абстрактно, неполно, рассматривая стоимость со стороны только одного из её проявлений, тем самым фетишизируя одну из сторон стоимости.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 3. С. 46.

[2] «Когда и управление орудием переходит к машине, вместе с потребительной стоимостью рабочей силы исчезает и её меновая стоимость. Рабочий не находит себе покупателя…» (Там же. Т. 23. С. 441).

Наиболее полно сущность стоимости исследовал Маркс (критически развивший идеи Смита и Рикардо), совершенно верно утверждающий, что в основании стоимости лежит труд, т.е. созидающая деятельность человека, изменяющего материальный мир. Но, остановившись только на роли живого труда и не исследовав всех условий человеческой деятельности, которые включают многие факторы производства, главными из которых со стороны материального являются орудия труда, а со стороны идеального знание, Маркс не увидел огромной роли в создании стоимости (и шире – идеального) орудий труда, в которых воплощено знание человека как концентрированных законов природы. Но Маркс совершенно точно указал на создаваемую и затратную стороны стоимости, одна из которых представлена человеческой созидательной деятельностью, а вторая издержками производства и на роль сферы обмена в формировании цены производства.

Теория издержек производства (и близкая к ней *теория факторов производства*) рассматривает сущность стоимости только со стороны затратной части, абстрагируясь от деятельностной, созидающей стороны. Тем самым из анализа элиминируется собственно источник стоимости как *новой*, создаваемой стоимости.

Теории спроса и предложения и предельной полезности исключают из анализа сферу производства и обращаются в поисках источника стоимости к сфере обмена и этим фактом полностью исключают возможность уяснить сущность стоимости, создаваемой в сфере производства.

Тем не менее, несмотря на абстрактность рассмотрения, а, вернее, благодаря этому теории издержек производства, факторов производства, спроса и предложения и предельной полезности достаточно точно описывают формирование формы стоимости – меновой стоимости – со стороны общественных издержек, а также формирование цены производства в условиях взаимодействия спроса и предложения.

К вопросу о социализме

В журналах «Вопросы политической экономии» и «Альтернативы» не прекращается полемика о видении и понимании социализма. Не излагая, в целях экономии места и времени, доводов разных авторов можно сделать по их позициям обобщённый вывод, что социализм есть некое достигнутое состояние (уровень) общественного развития, характеризуемое определённым набором разнообразных критериев, среди которых как основные указываются следующие: основное производственное отношение как общественная собственность на средства производства и плановость в масштабе общества; непосредственно-общественный труд; нетоварная экономика; распределение по труду; народовластие; социальная справедливость и т.п. Разница только в том, что в публикациях по разному расставляются приоритеты доминирования признаков – экономические (собственность, плановость), политические (демократизм), социальные (самоуправление).

При этом авторы очень часто апеллируют к Марксу, ища у него поддержки своим доводам и опровержения доводов оппонентов, и, разумеется, всё это находят. Не обращают внимания только на главную мысль Маркса:

«Коммунизм для нас не *состояние,* которое должно быть установлено, не *идеал, с* которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние».[1]

В этой фразе выражена не только вся суть бытия – реально только непрерывное движение, постоянная смена содержания и форм жизнедеятельности человека, – но она одновременно недвусмысленно указывает и на методологию исследования. Гераклит был прав, что подтвердил и Гегель своим анализом самодвижения как такового в «Науке логики», дав нам в руки замечательный инструмент анализа – диалектическую идею саморазвития реальности посредством внутренних противоречий. Вновь подтверждается старая философская истина – без учёта всеобщего и его детерминирующего воздействия на особенное и единичное (частное) невозможно понять особенного и частного – наличного бытия. Всеобщее – постоянство движения, особенное – его исторические и актуальные тенденции, единичное (частное) – настоящий момент.

Поэтому принимать настоящий момент, видимое наличное состояние за нечто окончательно сформированное будет серьёзнейшей методологической и потому мировоззренческой ошибкой. Каждый текущий момент следует видеть именно как момент, как звено, связывающее прошлое и будущее, исторически определяемое прошлым и определяющее будущее. Даже если рассматриваемый «момент» в реальной жизни людей занимает несколько десятилетий, то всё равно надо видеть в нём не состояние, а поток жизни, движение и изменение.

В таком видении период истории, определяемый как социализм, есть, во-первых, часть (период) *общего* исторического движения и, во-вторых, сам внутри себя далеко *не однороден*, поскольку постоянно изменяются его внутренние и внешние противоречия, влияющие на содержание и формы общественных процессов. Другими словами, социализм не нечто однородное, *не состояние*, определяемое раз и навсегда кем-то установленными критериями, а *движение*, постоянно изменяющееся общество, *содержание и формы* жизнедеятельности которого сменяют друг друга под влиянием изменяющихся *внутренних и внешних* противоречий. И как всякое движение оно осуществляется непрямолинейно и неравномерно под влиянием и объективных, и субъективных факторов.

Да, авторы, пишущие на эту тему, нередко употребляют термины «общественное движение», «общественный процесс», но обычно это риторическая фраза, далее которой эта мысль не развивается и дальше терминологии дело не идёт, за их рассуждениями не видно собственно процесса, всё сводится к набору тех или иных условий «социалистичности», при выполнении которых можно говорить о том, что общество достигло *состояния* социализма. При этом забывается, что каждое конкретное общество имеет свои собственные особенные условия, а потому составить набор частных императивных условий, инвариантный для всех обществ, вряд ли возможно, слишком много будет исключений.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 34.

Попробуем найти путь решения данной проблемы. Что касается вопроса о соотношении социализма и коммунизма то это простой вопрос – поскольку это движение к определённой цели, то это *единое* движение, имеющее на разных этапах разные формы и содержание. Определить такие этапы реального движения можно, анализируя конкретные условия конкретного общества. Однако, такой эмпирический анализ даст выводы, характеризующие конкретное же общество, т.е. как особенное и частное. Но если исходить из фундаментального принципа детерминирования общим особенного и частного, то следует найти это общее детерминирующее начало, инвариантное по отношению к особенному и частному.

Поскольку действительное коммунистическое движение есть движение *телеологическое*, к конкретной цели, то главным критерием будет соответствие движения цели. Таковой целью может быть только сам человек как общественный человек – свободный человек в свободном обществе. «…Возвращение человека к самому себе, как уничтожение человеческого самоотчуждения… Подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека… …Возвращение человека к самому себе как человеку *общественному,* т. е. человечному».[1] «Присвоение *человеческой* действительности… это – *осуществление на деле человеческой действительности*».[2]

Ликвидация всех форм отчуждения человеческой деятельности и присвоение человеком своей сущности (как обществом, так и личностью) – такова цель *действительного* коммунистического движения.

Но это предельно общая, абстрактная формулировка мало что даёт для анализа конкретного этапа движения. Поскольку мы исходим из *принципа детерминирования общим особенного и частного*, то на этом основании можно сформулировать более конкретный критерий. Действительное коммунистическое движение есть движение, в котором *интересы общего, целого ставятся выше интересов особенного и частного*, хотя и с учётом последних.

Сформулируем эту генеральную идею несколько в ином виде (но имея ввиду цель движения): этап социализма есть часть *действительного* коммунистического движения с императивным *приоритетом общего над особенным и частным*, но с признанием и реализацией (с учётом возможностей, разумеется) интересов особенного и частного в их обоюдосогласованном сочетании с общим (задача более чем нетривиальная). Остальные аспекты – политические, экономические и т.д. – представляют собой общественные механизмы (инструменты) достижения главной цели, которые могут способствовать, или же нет, движению к ней.

Из этого общего принципа следует ряд производных императивных условий:

- поскольку это движение *телеологическое, т.е. направляемое и управляемое*, то императивным условием является наличие субъекта управления (класса управления), который обязан действовать в интересах общего

[1] Там же. Т. 42. С. 116.
[2] Там же. С. 120.

(однако, с учётом особенного – экономики, социальной структуры, культурного уровня и т.д.);

- из чего следует: 1. власть политическая и 2. власть экономическая должны принадлежать трудящимся, или, как минимум, контролироваться ими;

- что, в свою очередь, имеет следствием 1. полную и ничем не ограничиваемую *народную* демократию и 2. господство в экономике *социализированных* форм собственности (на начальном этапе в форме *государственной* собственности с тенденцией перехода к *общенародной* форме собственности и, далее, к упразднению всех форм собственности).

Из этих условий следует необходимость:

- формирования *новых общественных отношений* в форме отношений *общественной собственности* (посредством ряда форм – групповых, коллективных, государственной, как итог, общенародной) и адекватных им институтов;

- развития отношений общественного *само*управления и соответствующих институтов;

- формирования нового, *субъектного*, человека, соответствующего *социалистическим* общественным отношениям, но не внешним ему образом, а *самим человеком* в практике его жизнедеятельности.

Из принципа телеологичности, кроме того, следует, что поскольку движение осуществляется к вполне определённо поставленной цели и должно быть направляемым и управляемым, то оно осуществляется не случайным образом в постоянном столкновении с изменяющейся реальностью, а в соответствии с пониманием *сущности* происходящих процессов, что требует выработки *научного* понимания происходящих процессов, т.е. адекватной *теории*, без чего невозможно осмысление действительности и принятие адекватных решений.

В свою очередь, на основании научной теории перед обществом должна быть поставлена в явном виде *антропологическая цель* социалистического этапа движения: создание условий[1] для полного освобождения человека от отчуждения его деятельности от него самого и ограничения его развития, как личности, так и как общества.

Разумеется, что каждый этап движения требует постановки, в свете общей цели, своих конкретных целей и определения условий их достижения. Это то особенное, что определяется постоянно изменяющимися внутренними и внешними противоречиями и делает общее движение непрямолинейным и неравномерным.

***

На основании вышеизложенного попытаемся рассмотреть некоторые положения, определяемые в имеющейся литературе как основные признаки социализма. Ограничимся рассмотрением всего трёх критериев «социалистичности», упоминаемых разными авторами чаще всего. В целях экономии места и времени эти признаки даются обезличенно, без цитат и

[1] Подчеркнём – *создание условий*, создающих возможность освобождения человека, но ещё не фактическое освобождение человека от всех форм отчуждения.

указания авторов.

1. Т.н. «основное производственное отношение социализма», включающее отношения общественной собственности и плановость.

В этом принципе эклектично соединены две совершенно разнородных категории: 1. категория сферы общественных отношений – собственность, и 2. категория согласования отношений и пропорций сторон производства и потребления – плановость.

Категория собственности есть категория, имеющая характер *общего* в отношении всех обществ (за исключением первобытно-общинного строя) как являющаяся фундаментальной основой производственных отношений и оказывающая непосредственное влияние на производительные силы. Изменение отношений собственности меняет сущность всего общества и знаменует переход к принципиально новым общественным отношениям, т.е. к другому обществу.[1] В процессе коммунистического движения происходит «перетекание» отношений собственности во всё более общие, социализированные формы и в конце концов во всеобщую форму – общенародную собственность. Собственность как общественное отношение достигает своей полноты, всеобщности, предела, «растекается» по всему обществу и тем самым «исчезает», преходит, снимается.

Категория плановости в общем виде выражает переход от согласования интересов сторон производства и потребления в форме случайного их совпадения к заранее согласованному производству и потреблению. Тем самым в хозяйственную жизнь общества вносится элемент пропорциональности потребностей и возможностей, тенденция их согласования, которая с развитием общественных отношений всё более усиливается, доходя в социалистическом обществе до преобладания с последующей тенденцией полного доминирования. Плановость из частного фактора становится всеобщим. Но, тем не менее, даже во всеобщей форме она не является условием, определяющим жизнедеятельность общества – это всего лишь механизм, инструмент, пусть и очень важный, соблюдении пропорциональности общественного производства – наряду с другими одна из особенных форм хозяйственной (прежде всего) деятельности.

Из двух рассмотренных сторон «основного производственного отношения социализма» ни одна не годится на роль «основного отношения». Плановость как имеющая особенный, инструментальный, а не общий характер. Отношения собственности же, хотя и имеют важнейшее значение, всё-таки являются не только преходящей, но и подчинённой формой отношений, поскольку эти отношения реализуется не сами собой, а «курируются» общественным субъектом, стоящим над сторонами отношений собственности.

Речь идёт о том, что в этой сфере определяющими являются отношения власти, представленные классом управления. Разумеется, отношения собственности весьма трудно изменить волюнтаристским путём, волевым решением власти, для этого должны сложиться объективные условия в виде

[1] Достаточно указать на становление феодального, капиталистического и социалистического способов производства и, соответственно, форм общества.

соотношения классовых сил. Но в конечном итоге именно класс, взявший власть, имеет возможность изменить отношения собственности в свою пользу.

По этой причине, если уж и вводить понятие «основного отношения», то таковым отношением следует признать отношения власти. Тем более, что именно эти отношения являются всеобщими для всех исторических общественных форм, не исключая и первобыто-общинного общества.

Это, если можно так сказать, «основное отношение» и было выше определено анализом как необходимость власти, действующей в общих интересах, причём власти либо контролируемой трудящимися, либо формируемой на предельно демократической основе. И только затем речь шла о социализированной собственности, но опять-таки в аспекте удержания власти в сфере экономики.

Главная задача (она же сущность) «основного отношения» – направление и поддержание движения к намеченной цели, управление им, а это и есть функция, в первую очередь, власти. Пренебрежение властью этим «основным отношением» привела к известным событиям в конце советского периода.

(Ремарка. Вопреки тому, что вначале я не собирался приводить цитаты, здесь должен сказать, что подобный вывод, правда в весьма ограниченной форме, был сделан М.И. Воейковым: «Под социалистическим обществом следует понимать такое общество, где достигнуто полное народовластие…». (Альтернативы, 1-2023. С. 75). Оппонирующий ему Д.Б. Эпштейн ссылался на методологическую несостоятельность данного вывода, дескать здесь надстроечные отношения ставятся выше базисных, т.е. отношений общественной собственности и плановости. Ранее ошибочность такого «основного отношения» была уже рассмотрена. Странно, что приверженцы марксистского направления много говоря о необходимости соблюдения историчности и логичности и восхождения от абстрактного к конкретному, пренебрегают этими условиями, часто рассуждая совершенно схоластически, жонглируя только некими устоявшимися формулами, в данном случае о надстройке и базисе. Но ведь базис и надстройка это *две стороны одного и того же* – общества как целого, они диалектически связаны – одно невозможно без другого и как таковые они *взаимно* определяют друг друга. А уж что раньше, что позже, что выше, что ниже, это может показать только конкретный анализ конкретной ситуации).

2. Преобладание непосредственно-общественного труда.

Что касается т.н. непосредственно-общественного труда, то считается, что он исключает категорию стоимости. Поскольку данная категория приводится авторами, как правило, без пояснений, то воспользуемся трактовкой, принятой в советское время широким кругом исследователей: «Непосредственно-общественный продукт есть (продукт)…, идущий на общественное потребление не через рынок».[1] Т.е. непосредственно-

[1] Непосредственно-общественный продукт в условиях развитого социализма. Под ред. проф. А. И. Кащенко. – М.: «Высшая школа». 1981. С. 30.

К слову, нельзя согласиться со столь односторонней трактовкой, которая

общественный труд это труд, продукт которого распределяется путём нерыночных отношений. Каких? Очевидно, *непосредственным* распределением, без эквивалентного обмена. Действительно, в этом случае категория стоимости элиминируется, а вместе с ней обмен и товарность хозяйства.

Но попробуем перейти из сферы свободного полёта мысли в жёсткую реальность. В *любом* обществе воспроизводство возможно только при условии восполнения затрат (издержек производства) – т.е. как между отдельными производствами, так и между отраслями должен происходить постоянный обмен деятельностью и её продуктами. Следовательно, использование отношений *обмена*, пусть даже плановых, безусловно. Но возмещение затрат (и, разумеется, обмен) должно быть обосновано, т.е. иметь количественную оценку и, соответственно, некий всеобщий эквивалент в масштабе общественного производства. Таким эквивалентом может быть только стоимость, как представляющая в своей превращённой форме – цене – количественно-качественную оценку общественного труда.

Но вот уже сам обмен можно производить как посредством ничем не ограниченных рыночных отношений, в которых действуют все механизмы рынка, так и посредством директивных предписаний планирующих органов (плана). Между этими крайностями возможны весьма разные формы сочетания сторон. Но и для планового обмена существует императив – необходимость полного и точного учёта затрат и их полное возмещение, без чего невозможно воспроизводство – а значит и использование стоимости.

Можно выразить определённое недоверие к той безапелляционности, с которой многие советские политэкономисты сходу отвергали рынок, вернее рыночные отношения. Казалось бы, прежде чем делать вывод, неважно, отвергающий или утверждающий, следовало проделать анализ сомнительной проблемы и уже на его основании делать заключение. Представляется, что по поводу рынка имело место слишком поверхностное понимание его как феномена, недопустимого в социалистическом хозяйстве.

Здесь мы совершенно логично подходим к следующему критерию «социалистичности» – бестоварности социалистической экономики.

3. Бестоварность социалистической экономики.

Даже если признать возможность реального существования непосредственно-общественного труда, то и тогда будет необходим обмен деятельностью и её результатами и, конечно же, точный учёт того и другого. Следовательно, на социалистическом этапе действительного

учитывает только два момента жизненного цикла продукта труда – производство и обмен – и игнорирует потребление, завершающее цикл. С точки зрения потребления непосредственно-общественным может быть только продукт (и, соответственно, затраченный на него труд), который не просто поступает в потребление минуя рыночный обмен, но который предназначен для *всего* общества, т.е. является *непосредственно* общественным. В силу этого условия потребление такого продукта может осуществляться либо обществом в целом как неким единством – и это есть государственное потребление, либо в индивидуальном порядке безо всяких ограничивающих условий (цена-зарплата).

коммунистического движения будут сохранять своё значение категория стоимости, а значит товара и рынка, но в новых формах, соответствующих цели движения.

Не приводя пространных доводов, что заняло бы много места, мы дадим своё понимание рынка:

Рынок – это общественный феномен, проявляющийся в форме обмена деятельностью и/или продуктами труда и реализующийся на основании 1. *потребности* сторон обмена в деятельности и/или продуктах, 2. *эквивалентности* продуктов (деятельности) по некоему критерию, 3. посредством *согласования* этих условий *субъектами* рынка.

Это *сущностное* определение рынка, его *понятие*. Из этого понятия нетрудно вывести, что рынок это: 1. форма осуществления жизнедеятельности; 2. одна из сторон многообразных общественных отношений (рыночные отношения); 3. механизм, реализующий обмен предметов рынка (рыночный механизм).

На рынок, как видим, не оказывают *непосредственного* влияния и, следовательно, находятся за его пределами такие общественные феномены как *производственные отношения* (понимаемые здесь в узком смысле – как отношения только производства) и *отношения собственности*. Последние только персонализируют (объективируют) стороны обмена, наличие которых для обмена как такового не является императивным условием – они представляют элемент субъективности.

Из этого *общего* понимания рынка нетрудно вывести его *особенные* формы – от рынка свободной конкуренции до полностью регулируемого рынка, с множеством градаций между ними.

Признавая, что использование категорий товара и стоимости в социалистическом хозяйстве не просто неизбежно, а необходимо, ни коем случае нельзя отмежеваться от факта, вызванного к жизни различием сущности капитализма и социалистического движения – факта борьбы взаимно-исключающих принципов, которая будет держать в постоянном экзистенциальном напряжении на протяжении почти всего социалистического этапа всё общество, нависая над ним дамокловым мечом.

Но если товарность и стоимость присущи и капитализму, и социализму, то где тот пункт, в котором последние взаимно-исключающи? Именно здесь мы возвращаемся к сущностному определению социализма, с чего и начинали наш анализ.

Суть капиталистического общественного отношения – извлечение прибавочной стоимости. Суть коммунистического движения и его социалистического этапа – освобождение человека от отчуждения от него самого его собственной деятельности, присвоение её в полной мере. Капитализм ничего не может противопоставить социализму в антропологической сфере. Капитализм – это движение к уничтожению гуманистичности, к полному господству *частного над общим*. Социализм – начало движения к истинному очеловечиванию человека, к доминированию *общего над частным*, но с учётом интересов частного, это имманентная диалектика коммунистического движения.

В сфере политэкономических проблем это предстаёт как изменение

экономической цели – от производства прибавочной *стоимости* к производству прибавочного *продукта* в натуральной форме. Задача заключается в преодолении не *товарности (рыночности)* хозяйства, а в преодолении его *капиталистичности* – в *преодолении всеобщности стоимости* и её производных как цели производства. Стоимость (прибыль) из абсолюта становится *одним из* вспомогательных механизмов, используемых социалистическим хозяйством в своих интересах. Дело не в том, чтобы избавиться от стоимостной формы, а в том, чтобы максимально точно и полно реализовать социалистический принцип – каждому по труду, т.е. по количеству и качеству труда, а не по размеру собственности или занимаемому в обществе положению. Стоимостная форма здесь не помеха, а напротив, удобный инструмент, поскольку учитывает обе стороны – количественную и качественную – производства.

Социалистический этап общественного движения – не конвергенция, не трансформация – это смена движения на противоположное – на движение от частного к общему. Это смена *сущности* движения и, следовательно содержания и форм. Непримиримая борьба прошлых форм с новыми, прехождение старого и становление нового.

Социализм есть движение от господства отчуждённых форм (в экономике – частной собственности, в политике – власти класса собственников) к освобождению человека. И на этом пути обобществление собственности и становление непосредственно-общественного труда, о чём так много говорили политэкономисты советского периода, не действие в-себе и для-себя, а опосредствующий процесс, сущность которого в том, чтобы постепенно перейти от управления собственностью к управлению *всей* жизнедеятельностью.

Действительное социалистическое движение есть не что иное как *постоянное преодоление социализма*, не только социализма, понимаемого догматически, как *состояния*, характеризуемого некими неизменными признаками, но и социализма как движения, это *преодоление самого себя*, постоянный выход за собственные границы, это непрерывное движение – только так понимаемый социализм есть *действительный* социализм.

***

Резюмируем. *Социализм в каждом своём моменте разный* как определяемый своими постоянно изменяющимися внутренними и внешними противоречиями, но одновременно и *неизменный*, тождественный самому себе как определяемый конечной целью. Как таковой социализм есть движение особенного, детерминируемое общим – *сущностными* интересами человека. В этом его диалектика.[1]

Особо подчеркнём – именно ***движения*** и именно ***действительного***, а ***не состояния*** – это различение весьма важно для понимания *сути* процесса исторического развития. Социализм как относительно длительный временной этап *действительного движения* в каждый свой момент *разный*, имеет свои периоды (этапы), отличающиеся друг от друга

[1] Императив имманентного движения распространяется и на коммунизм – остановки быть не может.

существенными чертами. Так, социализм времён НЭПа сущностно отличается как от социализма времени предшествующего «военного коммунизма», так и последующего периода индустриализации. Последний, в свою очередь, если и имеет некоторые общие черты с периодом послевоенного восстановления, то последующий этап стремительного подъёма социалистического общества в 50-60 годы прошлого столетия есть уже принципиально новый период, на смену которому пришёл другой, к сожалению, дегенеративный этап. «Социалистичность» общества определяется не неким набором раз и навсегда установленных определений, а совершенно *объективным* условием – *осуществляется ли действительное движение к доминированию общего над частным, к освобождению человека и присвоению им своих сущностных сил* – в этом *суть действительного коммунистического движения*.

***

В заключение, в свете рассматриваемой темы полагаю необходимым упомянуть об идее, сформулированной ещё в 1928 году экономистом Л.Н. Юровским в монографии «Денежная политика Советской власти (1917–1927)».

На основании анализа процессов, происходивших в сфере современной ему экономики, Юровский сделал глубокие и далеко идущие выводы относительно социалистического хозяйства, которые в кратком изложении представляют следующее:

- товарно-денежное хозяйство может существовать в различных видах;
- социалистическое хозяйство также может существовать в различных видах;
- товарно-капиталистическое хозяйство не является последней формой товарного хозяйства, за ней следует поставить *товарно-социалистическую* форму хозяйства;
- товарно-социалистическое хозяйство есть *особенная форма товарно-денежного хозяйства,* поскольку равновесие в нём достигается как равновесие товарно-денежного хозяйства, но *в условиях государственной собственности на средства производства и при политической власти, действующей в интересах трудящихся классов*;
- товарно-социалистическое хозяйство есть система *планового хозяйства*, основанного на *стоимостном принципе*. Это последняя форма товарно-денежного хозяйства.

Как представляется, вывод, что хозяйство переходного – от капитализма к коммунизму – этапа является *товарно-социалистическим* (со всеми вытекающими отсюда следствиями) есть не просто частно-экономическая гипотеза, а принципиальный вывод *мировозренческого* характера, на который следует обратить самое серьёзное и пристальное внимание. Данная концепция открывает широкие перспективы для теоретических исследований и практических действий.

05.05.2023

Оглавление

1. Проблемы диалектики 3
К вопросу о сущности ленинского определения материи 3
К проблеме идеального 6
О диалектичности и субстанциональности 14
Принцип монизма vs «Основного закона философии» 15
Спиноза, Гегель, Ильенков – развитие идеи монизма. 20
Диалектичность как имманентность принципа монизма 30
Субстанциональный монизм и принципы диалектики 37
О субстанции 49
Некоторые вопросы по поводу лекции А.В. Бузгалина 70
На статью М.Б. 75
Отчуждение – диалектический взгляд 80
Отчуждение, овещнение, собственность 86
Феномены отчуждения, присвоения и овещнения 87
Отношения собственности как диалектика присвоения и отчуждения 95
О красоте 105
Сознание и идеальное как предмет диалога М.А. Лифшица и Э.В. Ильенкова – согласие и расхождение 107
Ответ белорусскому философу П.И.Е. 121
2. Проблемы политэкономии 131
О «Накоплении капитала» Р. Люксембург 131
Страсти по Мамедову 160
О сущности кризисов. 172
О финансовом капитале 191
Обмен, рынок, собственность. 193
Отношения собственности, собственность 198
О стоимости 211
О «новом» переводе Маркса 217
Категория идеального и понятие стоимости 220
Сущность идеального 220
Сущность стоимости 227
Об абстрактности труда 229
Стоимость как сущностное и существенное общественное отношение: формообразование, имманентная граница 231
Стоимость как объективная категория 231
Структура стоимости, создаваемой в производстве 234
Факторы производственного процесса, влияющие на стоимость 239
Меновая стоимость как превращённая форма стоимости 242
Изменение меновой стоимости на разных этапах движения 246
Цена как превращённая форма меновой стоимости 248
Замечания к трудовой теории стоимости 251
Продукт труда и прибавочный продукт 254
Постановка вопроса 254
Источник и форма прибавочного продукта 256
Сущность прибавочного продукта 258

Общественные формы прибавочного продукта 260
Важная ремарка 261
О социализме и рынке (к первой лекции А.В. Бузгалина на канале Ютуб) 262
О социализме и рынке (к второй лекции А.В. Бузгалина на канале Ютуб) 271
О социализме и рынке (к третьей лекции А.В. Бузгалина на канале Ютуб) 276
О статье А.В. Бузгалина «Уроки НЭПа. В поисках путей в будущее» (журнал «Свободная мысль», № 2-2021). 280
Ильенков Э.В. о проблемах политической экономии социализма 289
О сути социализма 289
О некоторых вопросах политэкономии социализма 294
Критика «диффузии» государства и рынка - спор Э.В. Ильенкова и Ю.А. Жданова 303
О статье А.К. Фролова 308
О второй статье А.К. Фролова 317
Об одной незамеченной идее 326
О методологически неверных основаниях т.н. «неоекономики». 358
К сущности понятия производительности труда 369
Производительность труда и эффективность производства 372
О разделении труда 379
Разделение труда как результат диалектики взаимодействия (диалектического противоречия) производительных сил и общественных отношений. 380
Разделение труда как эпифеномен внутренней диалектики продукта (предмета) труда. 385
Предел разделения труда 388
О социалистическом разделении труда 388
Разделение деятельности и культура 391
3. Проблемы сознания 393
О логиках мышления 393
К решению психофизической проблемы 396
Постановка проблемы и ретроспективный обзор предлагаемых решений 396
Принципиальное решение проблемы диалектики материального и идеального 410
Интерлюдия от диалектики 414
Конкретизация решения психофизической проблемы 416
О возможности искусственного сознания 421
Вместо заключения 424
Список литературы 425
4. Общество, классы 426
О сущности человека 426
Сущность и формы общественного генезиса 429
Классы, классовое сознание, партия 438
Теоретические предпосылки 438

Класс и классовое сознание 443
Краткие выводы 449
Классовое деление общества 451
Политическая партия отчуждённого класса 460
К проблеме социализма 464
К вопросу о сущности социалистического этапа общественного развития 490
О методе исследования 490
Принцип субстанциональности и его влияние на развитие общества 492
Социализм – сущность и историческое место 493
Советский период – социалистическое движение или… 497
Итоговый вывод 503
Можно ли построить социализм? 506
О некоторых моментах действительного коммунистического движения 511
Об экономической стороне социалистического способа производства. 518
О возможности действительного коммунистического движения в отдельной стране. 522
К вопросу о социализации (О статье Д.Б. Эпштейна) 524
О стоимости, о социализме 532
К вопросу о стоимости 532
К вопросу о социализме 548
Оглавление 558

Научное издание

Петров Александр Павлович

Работы разных лет. Сборник

(Сайт: http://up-stream.moy.su
Эл. почта: pochta-123@mail.ru)

Издание выполнено в авторской редакции

Электронное издание